

Генрих Джейне

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Генрих Тейне

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

Под общей редакцией

Н. Я. БЕРКОВСКОГО, В. М. ЖИРМУНСКОГО,
Я. М. МЕТАЛЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1959

Генрих Гейне

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том

10

ПИСЬМА 1837—1856 годов

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ

И ТВОРЧЕСТВА

ГЕЙНЕ

УКАЗАТЕЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1959

Редакция переводов
Е. Г. ЭТКИНДА

Комментарии
А. Г. ЛЕВИНТОНА

Перевод с немецкого

ПИСЬМА
1837 — 1856 годов

1. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 23 января 1837 г.

Милый Кампе!

Я собирался написать вам длинное письмо, но только что полученная мною весть о смерти моей тетки так ошеломила меня, что сегодня я не в состоянии достаточно убедительно вам доказать, как глубоко вы заблуждаетесь в своем последнем письме. Может быть, недели через две-три я уже смогу убедить вас в том, как мало я склонен внимать клевете, направленной против вас, как мне хочется сохранить с вами самые дружеские отношения. Если с годами нам придется разойтись, то произойдет это не по моей вине. Две вещи, связанные с вами, вызывают во мне досаду и даже, когда я вспоминаю о них, чувство горечи. Первая — справедливый упрек в том, что вы, издатель, публиковавший прежде самые смелые мои произведения, а в данный момент даже выпускающий пятнадцатый том г-на Берне (видите, мы всё знаем), вы бесчеловечно отдали мои произведения на поругание в другие руки... От отчаяния я написал несколько вещей, которые долгие годы все равно пролежат в моем ящике, так что, несмотря на катастрофическую нужду в деньгах, я не могу даже пожать плоды собственного прилежания. При неудачах охотнее взваливаешь вину на другого, чем на самого себя, и потому, когда нужда становится особенно мучительной, я неизменно обвиняю Юлиуса Кампе. В настоящее время обстоятельства сложились столь невероятным образом,

что я задолжал 20 000 франков, но, клянусь богом, я погашу этот долг в кратчайший срок. Если бы моим издателем был не Юлиус Кампе, а Котта, я с помощью своего пера сделал бы это очень скоро. Но вы, Кампе, своей скарედностью скорее удерживали меня от писания, чем поощряли, и думали, что достигли бог весть чего, заставив меня довольствоваться гонорарами, которые теперь вряд ли предлагают даже людям, видящим во мне своего учителя и не пользующимся и десятой долей моей известности. Это — второй пункт; но сегодня мне приходится выносить более возвышенные страдания, и потому я высказался о нем мягче, чем сделал бы это в другое время.

Прилагаю предисловие к третьей части «Салона». Прочитав его внимательно, вы поймете, какого труда мне стоило написать о столь деликатных предметах так, чтобы всякое предубежденное правительство было полностью обезоружено. Я сказал все и тем не менее ничего не задел; мало того — власти будут даже настроены в мою пользу.

В настоящее время наиболее влиятельные деятели Пруссии хотят, чтобы я вернулся на родину; я, конечно, об этом и не помышляю, но их заступничество, во всяком случае, оградит меня на будущее от литературных неурядиц. В Австрии ко мне благоволил князь Меттерних, он не одобряет причиненной мне несправедливости. Доверие государственных деятелей я приобретаю не раболепством: они хорошо видят, что мой революционный дух направлен не на возбуждение грубой толпы, а на обращение власть имущих. Бескорыстие, которое я проявляю в течение шести лет, несмотря на самые заманчивые предложения, говорит в мою пользу больше, чем вся угодливость наших тевтономанов. Дорогой Кампе, когда вы прочтете предисловие, вы поймете, что оно касается и самых сокровенных моих интересов и что из него не может быть выброшено ни одной запятой. Я твердо рассчитываю на это и вряд ли должен напоминать вам, что прочность наших отношений только от этого и зависит. Затем я хочу предложить вам отпечатать предисловие отдельно и продавать его по самой дешевой цене. Вы обязаны сделать это ради молодой литературы, которая хочет дать наглядный пример, как следует обращаться с доносчиками. Вы поймете меня. Тем самым я снова даю вам залог моего величайшего доверия. Если бы при издании

третьей части «Салона» я не соблюдал прежде всего ваших интересов, я мог бы сам выпустить текст предисловия отдельной брошюрой у первого попавшегося издателя и завлечь из такого предприятия основательную прибыль. Но эту статью я дарю книге и не требую ничего за ее отдельное издание. Из предосторожности я только оставил себе копию с рукописи, и, если из книги выпадет хоть одно слово, предисловие с соответствующими разъяснениями выйдет отдельным изданием, и притом немедленно. Разве не достаточно мучительно, что на безудержную клевету г-на Менцеля я вынужден отвечать самым сдержанным образом? Надеюсь, на этот раз он поймет, что для него полезнее — трусость или мужество, и мне удастся поставить его к барьеру. Надо, чтобы его толкали на это со всех сторон; в этот раз я буду драться с величайшим удовольствием, — ведь дело идет о том, чтобы наказать предателя, по крайней мере нагнать на него страху. Заклинаю вас, никому не показывайте этой рукописи, пусть Менцель узнает об опасности, только когда появится книга, когда загудит широкое общественное мнение и когда он уже ничего не сможет сделать. Ни одна душа не знает этих страниц, и поэтому Менцель если и узнает что-нибудь прежде времени, то разве только благодаря вашей неосторожности. Ответьте мне тотчас же и пришлите мне заодно гранки моей рукописи, посланной вам из Экса. Я жду их со дня на день. Не жертвуйте мною — лучше помогите мне в это тяжелое время. Пришлите мне также расчет, который вы мне уже так давно обещали; я всегда забываю напомнить вам о нем; это необходимо для вашей же пользы. Три недели назад я выписал на вас около 270 марок ассигнациями (не помню сейчас точно суммы) в распоряжение г-на Лео; мне было важно выдать вексель на Гамбург. Надеюсь, вы выплатили эту маленькую сумму. Простите, что не уведомил вас раньше. Если в ближайшие дни я не получу расчета, то, едва лишь представится возможность, вам будет вновь переведен вексель на несколько сот марок.

Несмотря на все это, я ни слова не пишу о новом издании моих стихов — по крайней мере сегодня; об этом я хочу говорить подробнее. У меня особый проект, который вам, вероятно, понравится. Во всяком случае, я хочу сделать нечто значительное для этой значительнейшей из моих книг.

Будьте здоровы и ответьте мне сразу. Если вы при деньгах, то не ждите, пока я выпишу на вас вексель, а пошлите мне наличными, потому что сейчас я с утра до вечера поглощен нескончаемыми заботами о деньгах и только ночью, во сне, думаю о других горестях. Уж из одного того, что я прошу вас послать мне деньги, вы видите, как сильно вы заблуждаетесь в своем последнем письме и как мне не хочется порывать наши отношения. Будьте здоровы, оставайтесь моим другом. Я неотступно прошу бога даровать вам долгую жизнь, здоровье, щедрость и богатство; я прошу его также вдохнуть в вас новое мужество, не личное, — в нем я никогда не сомневался, — а издательское. Каким храбрым юношей вы были когда-то! Вы бесстрашным взглядом глядели во тьму пещер, где печатные станки, подобно страшным чудовищам... Теперь я закажу ваш портрет, где вы будете изображены в ночном колпаке из корректурных оттисков, на которых каждое смелое слово подчеркнуто красными чернилами.

Ваш друг
Г. Гейне.

2. АВГУСТУ ЛЕВАЛЬДУ

Париж, 25 января 1837 г.

Когда надо написать слишком много писем, обычно не пишешь ни одного. Но сегодня необходимость заставляет меня взяться за перо. Не могу удержаться от самых восторженных похвал вашему стилю. В вопросах стиля я компетентный судья. Только заклинаю вас — не запускайте ваш талант, непрерывно изучайте словотворчество и манеру письма Лессинга, Лютера, Гете, Фарнхагена и Г. Гейне. Да сохранит бог последнего из немецких классиков!

Г-н [Хвас], очевидно, уже передал вам красивый коврик, который вышила для вас М[атильда]. Прodelав эту кропотливую и долгую работу, она доказала мне, что во время моего отсутствия усердно трудилась, а следовательно, была мне верна. Между тем у нее, конечно, не было недостатка в воздыхателях, точно так же как и у покойницы Пенелопы, которая, однако, представила вернув-

шемуся домой супругу гораздо менее убедительное доказательство своей верности. Или вы думаете, что мадам Улисс и впрямь распускала ночью ткань, сотканную ею за день? Ей, правда, удалось внушить такую мысль бедному старику, который был очень удивлен, не застав никаких следов ее рукоделия; на самом же деле эта потаскушка проводила со своими женихами дни и ночи, а если что-нибудь и плела, так только интриги. Вы не поверите, с каким усердием, как любовно трудилась над этим ковром М[атильда], узнав, что я собираюсь подарить его вам. Мы оба очень счастливы; это значит, что у меня нет и четверти часа покоя ни днем, ни ночью... Я всегда считал, что если любишь, надо *обладать*, и никогда не одобрял попыток опоэтизировать воздержание; однако у платонической любви тоже есть свои хорошие стороны: она не мешает человеку мечтать днем и спать ночью, а это, во всяком случае, проще и удобней.

Спасибо вам за дружеское участие, которое вы проявляете, хлопоча также и о моих денежных делах. Ваш проект издать полное собрание моих сочинений, которое должно принести значительную сумму денег и выручить меня в нынешние невеселые времена, несомненно очень для меня важен, и я уже твердо решил осуществить его; раньше я не так нуждался в деньгах и тянул с этим, теперь же мне действительно необходимо иметь порядочную сумму, а иначе мне придется отказаться от одного плана, о котором скажу вам при встрече и ради которого, безусловно, стоит пожертвовать несколькими тысячами гульденов. Месяца два назад мне писала насчет этого книготорговая фирма [Бродхага], но я им не ответил, так как думал, что это все та же старая фирма. И тут приехал г-н [Хвас], привез рекомендательное письмо, написанное лично вами, и объяснил мне, что под вывеской этой фирмы работает совершенно новое книготорговое заведение. Ваше второе письмо несколько запоздало.

Но вот позавчера, любезный друг, я получаю письмо от фирмы [Бродхага], в котором меня вновь торопят, требуют, чтобы я сообщил возможно более точно условия относительно издания полного собрания моих сочинений, и обещают сразу же выплатить мне значительную часть гонорара, если только мои требования не будут чрезмерными.

А теперь, друг мой, будьте здоровы и поскорее пришлите ответ. Я был бы очень рад, если бы вы могли сообщить мне какие-либо определенные предложения насчет собрания сочинений; дело в том, что я задумал предпринять дальние и, как я уже говорил, дорогостоящие путешествия, и мне нужно много денег. Мои отношения с немецкими властями падают с каждым днем, и даже в Пруссии самые высокопоставленные, более того — самые влиятельные государственные деятели уже высказывались в мою пользу. В Австрии ко мне весьма благоволил князь Меттерних; я слышал, что он за меня хлопочет. От меня даже не требуют, чтобы я сказал хоть слово против моих убеждений, — люди и без того изменяют свое недоброжелательное отношение ко мне. Это понятно: ведь они знают, что я не в ладах с якобинцами и что по моим политическим устремлениям я не революционер, а скорее философ, освещающий в своих трудах не формы общества, а тенденции его развития. Скажите, что нового есть в литературе; до меня не доходят никакие новости; когда я открываю глаза, то вижу одних только французов, когда же я их закрываю, то вовсе ничего не вижу.

3. ЮЛИУСУ КАММЕ

Париж, 4 февраля 1837 г.

Милый Кампе!

Спешу ответить на ваш вопрос в письме от 28 января по поводу заголовка к предисловию. Прошу поставить на отдельном издании предисловия следующий заголовок:

О ДОНОСЧИКЕ

*Предисловие к третьей части «Салона»
Генриха Гейне*

Хочу верить, что из этой статьи не будет выпущено ни одной запятой. Я сделал все возможное, чтобы избежать малейшего неодобрения правительства; вы сами чувствуете, что это неполное издание не может иметь для вас неприятных последствий. Прошу вас как можно скорее прислать мне гранки предисловия и последний лист «Духов стихий». Из вашего письма я понял, что вы опла-

тили мой небольшой вексель на 270 франков. Мне было крайне неприятно, что мой здешний банкир хотя бы на минуту мог предположить, что вы не примете вексель. Убедительно прошу вас выпустить это предисловие, в котором всего несколько листов, по самой дешевой цене и постараться, чтобы таких брошюр было как можно больше.

Ваш друг
Г. Гейне.

4. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 17 марта 1837 г.

Дорогой Кампе!

Ваше письмо от 9-го мне переслала моя мать. Я ни минуты не сомневался в *bonne foi*,¹ выраженной в нем, и сейчас рассматриваю наше дело как уже решенное. Я понимаю, что значит, когда Юлиус Кампе сел в лужу с распродажей книг, когда он чистит свои выгребные ямы, забитые макулатурой, и недельную отсрочку, которую вы требуете, я охотно вам даю. Мне только было неприятно, что штутгартцы тем временем вообразили, будто я вожу их за нос, стараясь получить с других издателей больше денег (что, конечно, было бы не трудно). Я уже радовался возможности написать в Штутгарт, что друг Кампе, когда я предложил ему это дело, немедленно выслал мне по моим векселям всю сумму в 20 000 франков чистоганом. Что же, сообщу об этом позднее, когда в середине будущей недели, как я надеюсь, вы мне пришлете договор, подписанный вами. Согласно вашему письму, посылаю вам векселя, сегодняшним числом, в 2 тысячи и 3 тысячи франков, то есть 1075 марок 4 шиллинга ассигнациями и 1617 марок 4 шиллинга ассигнациями, в распоряжение Жюля Коэна и, согласно вашему желанию, назначаю срок уплаты одного векселя — 1075 марок 4 шиллинга ассигнациями — на 6 апреля, а другого — 1617 марок 4 шиллинга — на 31 мая.

Я по-прежнему в большом недоумении по поводу предисловия к «Салону». Я все еще не получил корректуры,

¹ Благожелательности (франц.).

и это меня тревожит. Прошу вас, настойчиво и убедительно прошу написать в типографию, чтобы мне немедленно прислали их бандеролью. Как только вы выпустите книгу — третью часть «Салона» — прошу вас доставить шесть экземпляров моей матери, а остальные шесть сейчас же послать сюда, но *не через Гейделофа*, а по почте. Я еду теперь не в Страсбург и, конечно, не в Штутгарт и Баден-Баден: наоборот, при первой же возможности я поеду в Булонь и прошу послать предисловие, как только оно выйдет, доктору Менцелю в Штутгарт, указав мой адрес: Париж, Cité Bergère № 3. Вы хорошо знаете, я долго сомневался, прежде чем написал предисловие; но это был мой долг. Мне любопытно, будут ли немцы при этом новом скандале опять несправедливы ко мне.

День и ночь я работаю над новой книгой, романом о моей жизни, и только теперь ощущаю всю ценность рукописей, которые погибли при пожаре в доме моей матери. Я намеревался издать эту книгу позже, но, увлеченный идеей выпустить собрание своих сочинений, решил, что она будет первой среди произведений, которые увидит публика. До нее я не выпущу ничего. Я уже говорил вам в своем последнем письме, что радуюсь возможности предложить вам эту книгу. Ваше неудовольствие, которое я, угнетаемый безденежьем, незаслуженным безденежьем, может быть, вызвал, не в пору нагрузив на вас издание собрания сочинений, неудовольствие это, если оно еще не совсем улетучилось, исчезнет бесследно благодаря этой книге, — она превзойдет все предыдущие по интересу, который она вызовет. Вам известно, я не хвастлив, но я уже сейчас предрекаю ей грандиозный успех — я знаю читателей и вполне понимаю, какие лица, события и происшествия их особенно интересуют и занимают. Я уже писал вам, что вы можете сразу же договориться со мной о книге, но что я не могу определенно указать срок ее окончания и объем: материал разрастается у меня под руками, и то, что сегодня я распределяю на два тома, может позднее разрастись в три. Скажите как честный человек, сколько вы сможете дать мне за печатный лист (формата «Путевых картип») и сколько экземпляров *отпечатаете*? Если вы хорошо взвесили и поняли, что тут должно рассчитывать на совершенно другой сбыт, ибо в новой книге обсуждаются иные вопросы, чем в преж-

них моих сочинениях, и если вы приняли во внимание мою возросшую известность, а также мое право на повышенные требования и предложите мне справедливый гонорар, то можете рассчитывать, что с обратной почтой получите подписанный договор на право издания этой книги. Верьте, что я действительно хочу сделать вам одолжение и дать лучшее доказательство того, как я дорожу продолжением наших старых дружеских отношений. Мы оба еще не старики и можем еще оказать друг другу немало услуг.

Ваш друг
Г. Гейне.

5. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 13 апреля 1837 г.

Милый Кампе!

Ваше письмо от 5 апреля вместе с подписанным in duplo¹ договором я получил; один экземпляр договора, на котором я поставил свою подпись, возвращаю обратно и прошу вас известить меня о его получении. Вы и представить себе не можете, как я рад, что это дело, протекавшее при столь неблагоприятных обстоятельствах, наконец закончено. Необычный тон и стиль, а также налет рассеянности, которых вы не могли не заметить в моих последних письмах, сами по себе должны были показать вам, как неприятно мне торговаться о своих интересах со старым другом и не иметь возможности заботиться в первую очередь о его интересах. Надеюсь, однако, мне скоро представится случай доказать вам, что они все же очень для меня важны и что я никогда не выпущу их из поля зрения. И еще одна просьба: верьте моему слову, я действовал совершенно открыто. У меня нет времени, иначе я доказал бы вам это сегодня, разобрав все дело до мельчайших подробностей.

Через несколько дней напишу вам о векселях, которые должны быть приняты к оплате. Я спрошу раньше у здеш-

---

¹ В двух экземплярах (лат.).

него своего банкира, который их учитывает и хранит до истечения срока, можно ли переводить на Гамбург франками.

Напишу ли я сам предисловие к собранию сочинений или попрошу кого-нибудь из видных литераторов написать его — этого я еще не знаю. На днях (но только между нами) я напишу Фарихагену фон Энзе, и если его прусские отношения позволят ему написать для меня такое предисловие, это будет полезно *вдвойне*. Надеюсь, поскольку позволит моя честь, примириться с Пруссией. Предварительное уведомление для читателей, которого вы требуете, заготовлю на днях и вам пришлю.

Некоторое время назад я собирался издать «Книгу песен» с вводящей биографической заметкой, написанной одним моим другом, присоединить к ней все, что написано мною в стихах, и назвать книгу «Стихотворения». Но издание собрания сочинений совершенно отменяет этот план. Во-первых, потому, что теперь я издаю свою жизнь в полном объеме, это и будет моей ближайшей книгой. Во-вторых, еще по одной причине, которая сейчас, слава богу, отпадает. И, наконец, потому, что порядок томов в собрании сочинений следующий:

Первые два тома полного собрания я озаглавлю «Стихотворения», а у первого тома есть еще подзаголовок — «Книга песен». В него и войдет «Книга песен» целиком. Второй том состоит отчасти из более ранних стихотворений, не включенных мною в «Книгу песен», из обеих трагедий — «Ратклиф» и «Альманзор», «Новой весны», стихов из первой части «Салона» и др., частью напечатанных в «Утренней газете», частью находящихся еще в рукописи, и т. д. Это составит два тома одинаковой величины, и позже, когда собрание выйдет, Дюмлер будет уже укропчен учтивостью, которую я не замедлю ему высказать. Вы сможете, если захотите, издать их в одном томе. Сейчас мне кажется излишним давать «Книге песен» новое название и вносить в нее добавления; они могут лишить ее того целостного характера, которому она, возможно, обязана частью своего успеха.¹ Поэтому, я думаю, мы напечатает «Книгу песен» целиком, как она есть, с ее старым

---

¹ Успеха (франц.).

заглавием, что отвечает пылким потребностям. Мне нужно исправить только опечатки, список которых я вам пришлю. Просто боюсь хоть что-нибудь выкинуть. Читатели, которые захотят прочесть остальные мои стихи, еще не собранные вместе, получают возможность при выходе второго тома удовлетворить это желание, и мне кажется, что именно это побудит кое-кого приобрести полное собрание. Я давно чувствую, что лучше и в литературном смысле всего разумнее издавать «Книгу песен» всегда без изменений, по соображениям меркантильного характера, о которых мне не хочется сейчас говорить, едва не соблазнили меня дополнить книгу на одну треть разнородным материалом. Надеюсь, что вы выпустите ее несколькими небольшими тиражами и что публика уже и по числу тиражей будет видеть, как эта книга популярна.

Менцелю выгодно, что я не еду сейчас в южную Германию. Как я узнал, до него уже дошел слух о том, какая угроза над ним нависла, и он вербует союзников; мне пишут, что моя «антименцелиада» стала известна благодаря объявлению в ярмарочном каталоге книг. (? — Не понимаю этого!) Теперь я еще больше рассчитываю на то, что нужное количество экземпляров моего *полного* предисловия дойдет до публики. Завербуйте и для меня нескольких бойцов, конечно литературных. Ведь *чернила*, уж во всяком случае, *прольются*. Конечно, надеюсь, что он и на поединок выйдет, а я, смею вас уверить, выстрелю не в воздух.

Ваш друг
Г. Гейне.

6. ЮЛИСУ КАМПЕ

Париж, 3 мая 1837 г.

Дорогой Кампе!

Изо дня в день я с тревогой и страхом жду окончательного результата «менцелиады»; из-за этого откладываю работу, и вы до сих пор не получили корректуры «Книги песен». Прошу вас позаботиться, чтобы ее напечатали с точностью дипломатического документа. Эта книга для меня важнее всех других, и я думаю, что теперь, выпуская

ее несколькими изданиями, вы, может быть, обеспечите ей должную популярность. Чтобы сэкономить бумагу, я опустил посвящения. В небольшом предисловии, которое вы еще получите, я мимоходом упомяну о них. Может быть, вы хотите включить в «Книгу песен» «Новую весну»? Сообщите мне об этом поскорее, и я вышлю вам корректуру. Но Менцель, Менцель? Я собираюсь уехать из Парижа и посетить старую Бретань, а поэтому пробуду здесь не больше недели; мне хотелось бы узнать до отъезда, как обстоят дела. Я охотно пойду навстречу вашему желанию и лично напишу извещение, из которого публика поймет, что собрание моих сочинений выйдет не так-то скоро.

С этой целью я написал прилагаемые строки, которые, как мне кажется, позволят вам по желанию ускорить или надолго задержать издание полного собрания, словом, они дадут вам возможность поступить как вам выгоднее. Прочтя это уведомление, читатели решат, что издание — дело далекого будущего, а издатели поймут, что срок издания зависит только от вас.

Шейбле написал мне на днях настойчивое письмо, пытаясь добиться от меня наконец определенного ответа, и я ответил ему не без некоторого смущения. Все же моя полная откровенность, надеюсь, понравилась и ему и его доверителям.

Не знаю, говорил ли я вам, что этой зимой написал для г-на Хваса, представителя одного совершенно мне неизвестного общества, введение к «Дон-Кихоту»; он заплатил мне за него 1000 франков и, к сожалению, получил самое скверное из всего когда-либо написанного мной. У меня был грипп, когда по заказу и от безденежья я набросал его к определенному сроку.

Фарихагену напишу на днях об упомянутом предисловии; мне как раз нужно ответить на его настойчивое письмо, в котором он требует у меня письма Рахелли. Он не знает, что они, числом, вероятно, более пятидесяти, сгорели в доме моей матери. Но у меня есть несколько писем, которые она написала мне сюда о сен-симонизме. Это самое значительное из всего, что когда-либо выходило из-под ее пера. Я думаю использовать их в моей автобиографии, в которой я непременно дам законченный портрет этой замечательной женщины. Последние две

недели я не мог много работать: истории с женщинами и истории с мужчинами, то есть любовные сплетни и дуэли.

Завтра или послезавтра напишу вам, что я предпринял в отношении векселей; я не мог послать их для оплаты в Гамбург, покуда вы в Лейпциге. Еще несколько дней подожду отправлять их; предъявленного договора было достаточно, чтобы получить помощь и избавиться от затруднений до получения денег. Что за нужда, какие заботы! Жизнь — это постоянное мучение. Пишу сегодня только потому, что не хочу медлить с корректурой «Книги песен». Будьте здоровы.

Ваш друг
Г. Гейне.

Литературное уведомление

Согласно желанию друга моего Юлиуса Кампе, владельца издательства «Гофман и Кампе», довожу до всеобщего сведения, что исправленное и дополненное собрание моих сочинений, которое выходит в его издательстве, не будет сдано в печать, прежде чем автор и издатель смогут, не опасаясь недоразумений, рассчитывать на беспристрастное благожелательное отношение соответствующих цензурных органов Германии.

Париж, 1 мая 1837 г.

Генрих Гейне.

7. АВГУСТУ ЛЕВАЛЬДУ

Гранвиль, 2 июня 1837 г.

...У меня бременем лежало на сердце то, что вы дурно истолкуете мое долгое молчание. Нет, не проходит дня, чтобы мы не вспоминали о вас с любовью. Я говорю: «мы». В последнее время вы проявили слишком деятельное участие ко мне, чтобы я мог вас забыть. Я давно бы уже вам написал, если бы не собирался сообщить, где нас застанет ваш ответ. Но поездка откладывалась со дня на день, и только сегодня могу сказать, что ваши

письма либо сразу застанут, либо потом найдут меня по адресу: Mr. H. Heine, poste restante, à Granville, Département de la Manche, en France.¹

Несколько недель назад я оставил Париж: брожу по Бретани, где занимаюсь рыбной ловлей и изучением морского побережья, представляющего немалый интерес для историка, особенно в связи с Вандейской войной. Я люблю изучать историю на месте. М[атильда] настояла в этом году на том, чтобы поехать со мной, вместо того чтобы наслаждаться летней порой в деревне у матери. Но ее общество весьма обременительно: ведь эта милая особа — совершенная дикарка, что заставляет меня постоянно испытывать тревогу.

Сейчас пишу цикл писем, обращенных к Августу Левальду, в которых юмористически повествую об основных причинах различия между французским и немецким театрами.

О Германии нового ничего не знаю. Само собой разумеется, не читаю газет и не получаю литературных известий. Вышла ли третья часть моего «Салона» с *предисловием*? Что говорят о нем? Прошу вас, очень прошу — напишите мне поскорее и побольше! Вы понимаете меня!

8. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Париж, 29 июля 1837 г.

Дорогой друг! Письмо, отправленное вами перед вашим отъездом в Гранвиль, а также и ваше письмо из Ганновера, помеченное 19 июля, я получил. Вот уже десять дней как я в Париже, а послезавтра уезжаю в Булонь-сюр-Мер, куда вы можете писать мне до востребования. В Гранвиле я прожил два радостных и счастливых месяца, но потом Матильда заболела, и из опасений за нее, — там не было хороших врачей, — мне пришлось уехать с ней обратно в Париж, где меня снова встретили мои прежние невзгоды и *общая постель*. *Общая постель* — и это в середине июля, а перед этим еще четыре водевиля в душном

---

¹ Г-ну Г. Гейне, до востребования, Гранвиль, департамент Ла-Манш, Франция (*франц.*).

театре! О всевышний боже, ты испосылаешь зиму тем, у кого теплая одежда, но ты не даешь знойного лета тем, кто гол и бос. А тут еще неудачи в денежных делах! Рассказывать о них было бы слишком долго, но они доставляют мне немало мук и огорчений. Просто удивительно, сколько у меня за последнее время неурядиц с деньгами! Стоит мне только серьезно заняться своими делами и привести их в порядок, как их снова расстраиает какой-нибудь непредвиденный случай.

Нам здесь на каждом шагу не хватает вас. Вернувшись домой и не застав вас здесь, мы испытали такое чувство, как будто мы снова вас потеряли. Матильда все время говорит о вас; эта сумасбродная, но здоровая натура сумела понять вполне, чего вы стоите, и я нахожу в этом какую-то печальную отраду. С тех пор как мы расстались, я снова *одинок*.

Работаю довольно много, насколько мне позволяют путаница в моих делах и разные помехи. Рад, что и у вас тоже наступила рабочая пора. «Немцев в Париже» вам нельзя будет отдать «Ганноверской газете», так как самый главный подлец, самый гнусный негодяй, которого вы, конечно, собираетесь заклеить, этот жалкий Шпацдр, является гамбургским корреспондентом «Ганноверской газеты». Прошу вас, повремените еще немного с этим проектом, пока я не напишу вам о нем подробнее из Булонн.

Все еще не имею никаких вестей из Гамбурга о моей книге. Черт знает, уж не замешан ли тут Менцель, который мог пронюхать о предисловии через этого труса, цензора Адриана? Не попытался ли он предотвратить взрыв бомбы, пустив в ход какие-нибудь чрезвычайные средства? Напишите мне об этом с обратной почтой до востребования, в Булонь-сюр-Мер. Макс сейчас гостит в Гамбурге у моих родных. Недель пять назад я получил от него письмо из Гамбурга, что он пробудет там месяца три. Поэтому, если вы побыстрее напишете ему туда, ваше письмо его застанет. Он в большом фаворе у моего дядюшки, и если вы расскажете в вашем письме обо мне, то это, может статься, пойдет мне на пользу. Разбередите ему душу, пусть он приложит все усилия, чтобы примирить меня с дядюшкой и выхлопотать у него для меня ежегодную пенсию. Истинную причину того, почему

у меня так плохо с финансами, вы, конечно, не должны раскрывать, но самый факт, что я терплю крайнюю нужду в деньгах и что это угрожает мне катастрофическими последствиями, вы должны изобразить так выпукло и наглядно, чтобы эти финансовые бедствия, свалившиеся на меня совершенно незаслуженно, говорили бы в мою пользу. Можете сказать, что у меня украли все плоды моих трудов, что я продал все, чтобы заплатить свои долги, что я отверг всякую поддержку людей посторонних, предлагавших мне помощь, что я тщетно обращался за этим к моему дядюшке (это неправда), что вы слыхали, будто дядюшка безжалостно отказал мне в какой бы то ни было помощи (это тоже неправда), — короче, напишите Максу письмо в таком роде, и пусть он с помощью этого письма сумеет хоть чего-нибудь добиться от дядюшки, каковой будет возмущен несправедливыми обвинениями в подобном бессердечии. Только напишите сразу же с обратной почтой и отдайте письмо Штиглицу, чтобы он вручил его дядюшке для передачи Макс; дело в том, что Макс живет у дядюшки в деревне.

Как видите, ваши уроки пошли мне впрок; если я и теперь не добьюсь помощи, ума не приложу, что мне делать тогда.

Для «Театрального обозрения» Левальда я написал в Гранвиле серию писем вроде вашего «Салона», около двенадцати листов — в формате «Путевых картин». В этом году напишу еще сорок листов.

Осуществится ли наконец наш проект насчет литературных отрывков?

Немцы, кажется, и в самом деле собираются причислить Берне к лику святых. Однако, перед тем как сойти в могилу, честный Берне успел распустить по всему свету немало клеветы обо мне. Весьма возможно, что я нарушу свое молчание и кое-что скажу о нем. В следующий раз расскажу об этом подробнее.

Прочел в «Утренней газете» хвостик от вашего «Салона»; вся вещь в целом понравилась мне в напечатанном виде еще больше, чем в рукописи. Если собрать ваши статьи об искусстве, получится интересная книжка, и я прошу вас написать к ней остроумное предисловие. Макс строго-настрого накажите, чтобы он ни слова не говорил матушке о содержании вашего письма.

Из Булони я, быть может, съезжу на некоторое время в Лондон. Не подскажете ли мне что-либо на этот счет?.. Коэна я здесь видал несколько раз; он по уши погряз в сен-симонизме; временами он сомневается в моральной ценности своего божества!

В Гранвиле я купался всего два раза и заранее радуюсь, что услышу шум прибоя в Булони. На этот раз купанья для меня совершенно необходимы: моя левая рука сохнет с каждым днем все больше и скоро, как видно, отомрет совсем.

Желаю вам всего хорошего. Главное — это здоровье, о нем вам надо думать прежде всего, а обо всем остальном позаботится судьба. Матильда передает привет. Мы оба вас очень любим.

Г. Гейне.

9. МАКСИМИЛИАНУ ГЕЙНЕ

Гавр, *если не ошибаюсь,*
5 августа 1837 г.

Дорогой брат Макс!

За несколько часов перед моим отъездом из Парижа я получил письмо от матери; она пишет, что ты, вероятно, назначишь мне в Лондоне свидание. Я уехал в Булонь и отдал в Париже распоряжение пересылать письма туда. Но тотчас по приезде в Булонь на меня обрушилась куча невзгод, и мне пришлось отправиться в Гавр, чтобы принимать ванны, в которых я, увы, так нуждаюсь. Не знаю, выдержу ли я здесь еще несколько недель, но вижу, что в этом году в Лондон мне не ехать, и спешу известить тебя об этом на случай, если в письме, которое до меня еще не дошло, ты назначил мне свидание. Все это невыразимо угнетает меня; мне хочется увидеть тебя еще раз; говорю: «еще раз», ибо меня тяготит мучительное предчувствие, что я покину мир, больше не увидев тебя. Мысленно я вижу тебя всегда; ведь ты единственный из всей семьи понимаешь меня без слов, и мне не нужно протрапиво объяснять тебе, что все несчастья моей жизни возникли не по моей вине, но как необходимое следствие моего собственного положения и моей духовной одаренности. Ты знаешь, что в наше время не прощаются величия характера

и таланта, если только не искупить такое преступление бесконечными мелкими подлостями и не списать таким образом высочайшее и унижительнейшее прощение.

Пропу тебя ничего не говорить матери об этом письме, его тон может ее огорчить. Ты видишь также, как прав я был, когда не писал тебе; я не могу сказать ничего определенного, а неопределенное только напугало бы тебя там, на дальней чужбине. К тому же в Россию я никогда не буду писать.

Надеюсь, ты не веришь тому, что тебе рассказывают обо мне в Гамбурге. Меньше всего я опасуюсь, что ты с доверием отнесешься к мерзостям, которые дойдут до тебя в доме дяди Соломона. Здесь издавна царствовал *aria cattiva*,¹ который отравлял мою добрую славу. Любой гад, искавший повода терзать мое доброе имя, всегда находил в этом доме богатую пищу.

Но судьба позаботилась о том, чтобы храм моей славы был воздвигнут не на Юнгфернштиге или в Оттензене и чтобы главным жрецом его был назначен не какой-нибудь прихлебатель или протекже Соломона Гейне! Не верь даже тому, что тебе станет говорить обо мне Соломон Гейне или Карл (у него совесть не чиста по отношению ко мне). Однажды, когда я был до крайности озлоблен под влиянием болезни (в то время у меня была еще и желтуха) и незаслуженных несчастий, я написал дяде письмо в тоне, который должен был скорее внушить ему сострадание, чем гнев, но который, тем не менее, вызвал только его гнев, и он совершил по отношению ко мне несправедливейший поступок, чудовищно повредивший в Париже моему доброму имени и даже моему материальному положению. Вот и все его основания для жалоб на меня! Право, несколько тысяч франков, которые я ему стою, вряд ли дают ему право сетовать, — ему, миллионеру, крупнейшему миллионеру Гамбурга, чья щедрость... Довольно об этом!

Ты знаешь, я всегда любил этого человека как отца, и вдруг мне пришлось... Довольно об этом! Меня особенно ранит мненье света, — он не может объяснить жестокость дяди, ее беспричинность иначе, чем какой-нибудь подлостью, которую я, видимо, совершил в отношении семьи, но которую мои домашние скрывают от посторон-

---

¹ Вредный воздух (*итал.*).

ших... Увы! Пожелай я делать подлости, я был бы в добрых отношениях со всем миром и... Довольно об этом!

Будь здоров и, если у тебя выдастся как-нибудь свободный час, напиши мне. Адресуй твои письма до востребования, в Гавр. Я чувствую себя хорошо; физически почти не страдаю, только левая рука парализована до локтя. Впрочем, я стал очень толстеть. Иногда, глядя в зеркало, я пугаюсь: я выгляжу теперь совершенно как покойный отец в годы, когда он уже перестал быть красивым.

Пишу много. Моя самая значительная вещь — мемуары, которые выйдут, однако, не скоро; мне бы очень хотелось, чтобы их напечатали только после моей смерти, но мне нужны деньги. Безденежье снова толкает меня на то, чтобы развлекать мир шумным скандалом. Я многих угостил своим ножичком, а некоторых — даже ножом гильотины.

Твоего советника Греча я в Париже не видал. Я выяснил, что он будет посылать из Петербурга в «*Journal des débats*» и в «*Revue des deux mondes*» статьи о России (само собой разумеется, благоприятные), за напечатание которых он будет даже приплачивать. Он подкупает прессу по распоряжению и за счет русского правительства. Явись он ко мне с подобными предложениями, ему бы не поздоровилось. Хотя немецкие демагоги и распространяют слух, что я подкуплен правительствами, но клянусь тебе жизнью всех, кого люблю, что никогда я не принял ни одного су, даже когда испытывал жесточайшую нужду. Поэтому просто невероятно, чтобы я совершил такой подлый поступок теперь... Довольно об этом! Будь здоров и люби меня. Напиши, что в Гамбурге, вернее, что у матери, у Лоттхен и дяди? Здоров ли он? А Генри?

Твой брат

Г. Гейне.

10. МАКСИМИЛИАНУ ГЕЙНЕ

Дорогой брат!

Гавр, 29 августа 1837 г.

Раз уж я снова обречен на то, чтобы не служить тебе, а принимать от тебя услуги, я еще раз обременю тебя поручением. Пожалуйста, попробуй раздобыть мои самые

ранние стихи — томик, который вышел у Маурера в Берлине, а также мои «Трагедии», и пошли их сюда почтовым пароходом по адресу: «Ваннер, Лангер и К^о». Только не говори Кампе, что ты послал мне эти книги; у меня есть на то свои причины. Может быть, найдется что-нибудь повешькое, какая-нибудь новинка, которая может меня заинтересовать? Пошли и се.

Можешь ли рассказать мне что-нибудь об успехе моей «менцелиады»? Здесь, во Франции, до меня ничего не доходит. Ты, конечно, понял, что мне было необходимо наконец наказать Менцеля. Больше всего я хочу, чтобы он дрался. Восемь лет подряд я спокойно сносил оскорбления и ждал, покуда он созреет.

Здесь, в Гавре, я пробуду всего несколько дней, но не знаю, вернусь ли прямо в Париж. Мое лечение на водах опять не удалось. В прошлом году я не мог купаться — у меня была желтуха. В нынешнем году, — может быть, потому, что в последнее время меня столько мучили, — на мне очень плохо сказываются пятнадцать ванн, которые я уже принял; я снова страдаю мигренями, они мучат меня по три дня кряду и отнимают способность работать. Появились даже новые недуги. Но с тех пор как мы не виделись, я стал на восемь лет старше, а при той травле, которой я подвергаюсь, при духовном и физическом напряжении последних лет у меня уже появились первые признаки дряхлости. Да и ты уже не старый Макс — или, вернее, ты понемногу становишься теперь старым Максом. Юность ушла, и после великих походов имешь право на усталость.

Что будет со мной в старости? По чести говоря, я не решаюсь об этом думать! Вероятно, я умножу собою число тех благородных и великих мужей Германии, которые сходят в могилу с разбитым сердцем и в изодранном сюртуке. Тогда мне в Дюссельдорфе, наверно, поставят памятник.

Дяде Гейне я напишу со следующим почтовым пароходом. Меня угнетает самая мысль об этом письме. Ей-богу, если у кого и есть причины жаловаться, так это не у дяди, а у меня; меня терзали жестокими оскорблениями, и я же должен просить прощения? Нет таких жертв, которые я не был бы готов принести ради этого человека, и, причины он мне в десять раз больше горя, я, без сомнения,

давно бы простил ему все, но бесконечно тяжело молчать о вопиющей несправедливости, которую он совершает по отношению ко мне. Я неспособен на притворство, говорил мой покойный отец, я могу высказывать лишь то, что действительно чувствую. В чем может он меня упрекнуть, кроме непочтительности *на словах*, не в поступках, и то один-единственный раз за всю мою жизнь? Он же должен знать, что в нашей семье все вспыльчивы и что через час мы раскаиваемся в нанесенных оскорблениях. Но все это имеет гораздо более глубокие причины: он рад, что может найти вымышленный предлог для недовольства. Поэтому я и не льщу себя особыми надеждами. У него хроническое ожесточение. Не знаю, что это — ослепление или безумие. Право, чтобы добиться моего теперешнего положения в обществе, я не нуждался в поддержке семьи. Непонятно одно: почему семья никогда не испытывала потребности поддержать это положение хотя бы в мелочах? Напротив, в доме моего дяди встречали хороший прием именно люди, которые известны как враги моего доброго имени. Жалкий червяк доктор, который поносил меня самым подлым образом, позволяя себе грязные намеки на мое происхождение, был, как мне недавно рассказали, приглашен к столу моего собственного дяди, и от моего же дяди получила приданое старая мамзель Спектер, на которой упомянутый доктор собирался жениться. Эти гады подошли друг другу: во время моего пребывания в Гамбурге, как я узнал через Кампе, ни в одном доме меня как писателя не поносили более злобно, чем в доме Спектеров. Это только один пример. Посмотрим, кто прав — я или ты.

Пиши мне побольше, пока ты не в России; особенно подробно сообщай о матери. Наверно, я вас никогда больше не увижу! Ты, должно быть, знаешь, каким образом я поладил с Кампе. В самое тяжелое время я продал ему мое *omnia*¹ за 20 000 франков на одиннадцать лет, что спасло меня по крайней мере от Сент-Пелажи. Беспрецедентная низость друга, за которого я поручился и у которого поместил деньги, довела меня тогда до безнадежного положения. Лишь с величайшим напряжением удалось мне удовлетворить все требования и не дать врагам погубить

---

¹ Собрание сочинений (лат.).

меня. А это было главное. Будь здоров и действуй в пользу твоего несчастного брата, который тебя несказанно любит.

Г. Гейне.

Р. С. Это письмо задержалось, и я посылаю его вместе с письмом к дяде, которое ты при удобном случае ему передашь.

11. СОЛОМОНУ ГЕЙНЕ

Гавр, 1 сентября 1837 г.

Любезный дядя!

Я с удивлением и горечью узнал из писем брата Макса, что вы все еще обвиняете меня, все еще считаете себя вправе горько на меня сетовать; брат, восторженно любящий вас, настойчиво призывает меня написать вам с любовью и покорностью и навсегда устранить недоразумение, которое дает свету столько поводов для злословия. Впрочем, злословие меня несколько не трогает — мне совершенно безразлично, если свет безо всяких на то оснований обвиняет меня в отсутствии любви и даже благодарности; моя совесть спокойна, и, кроме того, я позаботился о том, чтобы, когда мы все уже давно будем лежать в могиле, вся моя жизнь, вся моя чистая, незапятнанная, хотя и несчастная жизнь получила справедливое признание. Но, дорогой дядя, мне чрезвычайно важно побороть неприязнь, которой наполнено теперь ваше сердце, и вернуть себе прежнее ваше расположение. Это сейчас самая жгучая потребность моей души, и об этом благодетелю я прошу, я униженно молю вас с той смиренностью, которую всегда испытывал перед вами и от которой отказался только раз в жизни — только раз, и притом в минуту, когда совершенно незаслуженные несчастья ожесточили меня до крайности, когда отвратительная болезнь, желтуха, извратила все мое существо, а душой овладели ужасы, о которых вы не имете представления. И потом я обидел вас только на словах, а вы знаете, что в нашей семье, при наших вспыльчивых и открытых характерах злые слова немножого стоят, и уже через час, если мы

и не все их забываем, то, во всяком случае, раскаиваемся в них. Кому это может быть известно лучше, чем вам, дорогой дядя? Ваши злые слова могут иногда довести человека до отчаяния, если только он не знает, что они исходят не из сердца и что сердце ваше полно доброты, благожелательности и великодушия. И я недолго бы испытывал горечь от ваших слов, будь они даже еще злее, но мне мучительно, мне бесконечно тяжело видеть ту непонятную, противоестественную жестокость, которая обнаружилась теперь в самом вашем сердце. Я говорю: «противоестественная жестокость» — потому, что жестокость противна вашей природе; здесь, должно быть, сыграли свою роль бесчисленные нашептывания, здесь действует тайное влияние, которое мы оба, может быть, никогда и не обнаружим, и это тем досаднее, что моя недоверчивость может обратиться против каждого из окружающих вас, против лучших друзей и ближайших родных. Мне очень тяжело, но больше всех других несчастий меня угнетает это семейное несчастье, и вы понимаете, как необходимо мне избавиться от него.

Три месяца тому назад из Гранвиля я уже просил вас о прощении, если негодование ваше еще не угадало. И этой зимой, когда на всю семью снова обрушилось тяжкое испытание, я от полноты сердца написал Карлу умоляющее письмо, прося, чтобы он уверил вас, дорогой дядюшка, в моей безусловной преданности. Не знаю, сделал ли он это, — ведь и Карл, сам того не подозревая, находится под влиянием злых нашептываний. Я бы тогда и сам поехал к вам в Гамбург, если бы, во-первых, мне лично не грозила в Германии опасность, а во-вторых, если бы мой отъезд из Франции не мог быть ложно истолкован. Но сегодня я повторяю свою просьбу и заклинаю вас вновь раскрыть мне ваше великодушное сердце; заклинаю вас со слезами на глазах сделать это.

Это несчастье так угнетает меня, что я с дрожью решаюсь подумать о губительных последствиях тщетной просьбы. Вы и представить себе не можете, как я теперь несчастен, и не по своей вине; лучшим сторонам своей природы я обязан горестями, которые меня гложут и, быть может, погубят. Я вынужден постоянно бороться с чудовищной травлей, чтобы только сохранить почву под ногами; вам неведомы гнусные интриги, которые следуют

ва неистовым возбуждением партийной борьбы и отравляют все источники моего существования. Единственное, что еще поддерживает меня, — это гордое сознание духовного превосходства, которое свойственно моей природе, а также и мысль о том, что пер в мире человека, который несколькими взмахами пера может отомстить так страшно, как я, за все явные и тайные оскорбления.

Но скажите мне, в чем первопричина того проклятия, которое тяготеет над всеми истинно гениальными людьми? Почему молния несчастья поражает чаще всего возвышенные души, эти вышки человечества, и почему она так заботливо щадит соломенные кровли посредственности? Скажите мне, почему, когда сеешь любовь, пожинаешь горе? Скажите мне, почему человек, который так мягок, так сострадателен, так милосерден к чужим людям, так жесток теперь к своему бедному племяннику?

Г. Гейне.

12. ЮЛИСУ КАМПЕ

[Гавр], сентябрь (почтовый штемпель от 5 сентября) 1837 г.

Дорогой Кампе!

Ваше последнее письмо проделало большое путешествие, прежде чем настигло меня здесь; случайно оно было послано в Булонь, а потом в Дьепп. Это обстоятельство, а также задержка моего отъезда — причина тому, что я пишу вам только сегодня. Завтра утром я еду в Париж, еду непременно, и оттуда тотчас сообщу, какую французскую издательскую фирму поставить вам на моих книгах, чтобы оградить себя от перепечатки. Я буду говорить с Дюбоше (соединившись с Поленом, он образовал фирму «Дюбоше и К^о», выпускающую роскошные иллюстрированные издания французских классиков), а на него я не могу положиться.

Вы ошибаетесь, полагая, что Гейделоф вновь выпустил «Литературу», — он просто напечатал новый заголовок для этих двух томов и наклеил его на старые экземпляры. Впрочем, со времени своего разрыва с Наполеоном он настроен еще менее по-камповски, чем прежде, и я не жду

от него ничего хорошего в отношении как нюрнбергских, так и гамбургских Кампе. Его кредит опять пришел к концу.

В последнее время у меня страшно болят глаза, и я пишу с мучительным трудом. Но как только я вернусь в Париж, вы получите от меня более длинное письмо. Мой парижский адрес по-прежнему: Cité Bergère № 3. Я все еще надеюсь, что Менцель будет драться; нужно во что бы то ни стало подбить его на дуэль.

Из южной Германии мне пишут, что «Донощик» привлек всеобщее внимание. Три недели я почти ничего не писал. Берне как человек встречает после смерти широкое признание. Германия, бесспорно, потеряла в его лице величайшего патриота; литература потеряла мало.

Будьте здоровы и напишите мне поскорее и побольше. Все ваши пожелания всегда будут исполнены, и вы можете рассчитывать на мою дружбу, преданность и верность.

Ваш друг
Г. Гейне.

13. ИОАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Париж, 17 сентября 1837 г.

Дорогой Детмольд!

Оба ваши письма — и то, которое вы адресовали в Булонь, и последнее, которое вы послали сюда, — я получил; второе пришло позавчера. В Булонн я прожил всего три дня — моя дама чувствовала себя там очень плохо. В Гавре я был месяц и остался бы там, может быть, до сих пор, но у меня неожиданно разболелись глаза и я чуть было не ослеп. Я ничего не видел, не мог писать; но местный врач, доктор Зихель, настолько помог мне, что я теперь снова и вижу и пишу; последнее дается мне с превеликим трудом. Вот сейчас пишу вам, но едва разбираю собственные буквы.

Во время путешествия Матильда вела себя хорошо. Невыносима она только в Париже.

Спасибо, сердечное спасибо за теплую, дружескую заботу, которой дышит ваше последнее письмо. Да ведь и я питаю доверие только к вам.

Котта уплатил вам безобразно мало, это просто возмутительно; обычный гонорар в «Утренней газете» — четыре кароллина. Напишу ему, что я *твердо обещаю* вам не меньше четырех каролинов.

Я не отказался от нашего плана составить сборник из произведений лучших немецких писателей и еще сегодня разговаривал здесь об этом с Гейделофом, который *жадно* ухватился за эту идею и, несомненно, согласится на все мои условия; он требует, чтобы я точно их ему сообщил. Он хочет выпустить сборник в двух больших томах такого же формата, как коттовский двухтомный Шиллер; это издание вы знаете. Гейделоф рассчитывает на восемьдесят печатных листов такого же формата; вероятно, он согласится и на сто, во всяком случае на девяносто печатных листов. Кроме того, он хочет — но для меня это всего труднее — дать предисловие размером в печатный лист (это больше, чем пять листов «Путевых картин!»). Я сказал ему, что собираюсь осуществить издание совместно с вами, что вы пришлете из Ганновера отрывки из произведений немецких писателей, снабженные короткими биографическими заметками, и что я должен вам написать и узнать, на какой гонорар вы рассчитывали.

Прошу вас поэтому, напишите мне для видимости письмо, в котором вы потребуете 40 наполеондоров за издание; ибо я не думаю, что он согласится платить больше чем по наполеондору за лист; а я позабочусь, чтобы он уплатил мне за все, что я сам для него напишу, не меньше, чем платит Котта или Кампе за лист текста такого же формата.

Кроме того, пришлите мне (в том же письме) перечень произведений, которые вы собираетесь включить в сборник; этот перечень явится и для нас основой сборника; я буду точно знать, что вы намереваетесь включить и, следовательно, что мне придется отклонить или добавить. Полагаю, что стихов будет немного, они должны занимать не больше одной восьмой всего сборника; кроме того, в большинстве стихи должны принадлежать новым авторам, и содержание их должно быть греческим, жизнерадостным. Христиански мрачных стихов мы дадим совсем немного. Вообще в стихах предпочтительно всемирно-патриотическое, несентиментальное, эллинское мировоззрение. С той же точки зрения нужно отобрать и прозаич-

ческие отрывки. Писатели, которых мы возьмем в качестве представителей старшего поколения, должны по своему миросозерцанию являться как бы предвестниками «Молодой Германии», а писателей «Молодой Германии» следует поместить в конце и отвести им не менее четверти всей книги. Поэтому укажите сразу, кого из этих писателей вы хотите взять. Я включу даже самых второстепенных представителей этого направления, частью для того, чтобы показать, сколь велико их число, частью чтобы поддержать собственную партию. Таким образом книга утратит характер обычной компиляции. Она будет облагорожена иною, более возвышенной целью. С этой точки зрения вы и составите список в своем дипломатическом письме. Отрывки следует брать не только из книг, но и из журналов.

Думаю, что все это дело устроится без всяких проволочек. За изданием я прослежу сам. Сегодня я все еще плохо вижу, иначе написал бы вам больше, особенно о моем дядюшке и о той роли, которую играет здесь Макс. Я сам написал дяде, и в точности так, как того желал Макс, но до сих пор еще не получил ни строчки в ответ.

Прилагаю номер «Телеграфа», в котором Гуцков, правда не без добрых намерений, но с возмутительной грубостью рассуждает о моих личных невзгодах. Не стану сердиться на эту статью, лучше использую ее себе на благо. Пожалуйста, срочно перешлите ее Максу (только не проговоритесь, что вы получили газету от меня) и наметните, что, пожалуй, было бы полезно, если бы мой дядя прочел эту газету; это может его заставить пойти навстречу общественному мнению, то есть официально назначить мне ежегодную субсидию. Может быть, польстив его самолюбью, я сумею добиться того, чего не добился, обращаясь к его благородным чувствам. Поэтому будет хорошо, если вы еще раз напишете Максу.

Но, как бы там ни было, ради бога не проговоритесь, что я писал вам обо всей этой мерзости. Вы якобы из третьих рук, да и то случайно, узнали о том, что мои беды и несчастья все возрастают. Всего хорошего.

Ваш преданный

полуслепой друг

Г. Гейне.

11. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Париж, 3 октября 1837 г.

Любезный друг!

Я получил ваше письмо от 21 сентября. Думаю, что мой брат не успел получить ваше письмо в Гамбурге; как я слышал, он поехал в Прагу заниматься естественными науками. Я еще не получил от него ответа. С глазами у меня все хорошо, вообще чувствую себя во всех отношениях сносно; я теперь владеец двух красных бархатных кресел и великолепной отдельной кровати.

Страсть моя к Матильде с каждым днем делается все более хронической; она ведет себя хорошо — теперь она мучит меня не столько наяву, сколько во сне. Но горести в сновидениях и мрачные мысли о будущем отравляют мои дни. Я пью полной чашей муки обладания. Недавно я был в ее деревне и пережил невероятную идиллию. Мать Матильды подарила мне первую рубашечку своей дочери, и эта трогательная одежка лежит сейчас передо мною на письменном столе.

Проект антологии нужно осуществить во что бы то ни стало. С благодарностью принимаю ваши замечания. Заглавие книги я еще не придумал. Но мне кажется, она должна называться примерно так: «Образцы немецкой художественной литературы со времени рождения Гете». Писатели, умершие до рождения Гете или не соответствующие гетевскому периоду, помещены не будут. Ваши замечания я тщательно обдумал. Часть рукописи нужно будет, конечно, переписать, часть можно просто перепечатать здесь со старых книг; расходы, следовательно, не превысят 200 франков. Писателей доромантического периода предоставляю выбрать вам. Из романтиков нужно взять самое большее двенадцать — пятнадцать авторов; кого именно выбрать и как их осветить, об этом мы с вами без труда сговоримся. Из драматургов эстетического периода (со времен владычества Шиллера) мы тоже выберем десять — двенадцать авторов — таких, как Шиллер, Вернер, Клейст, Грильпарцер, Иммерман, Эленшлегер, Мюллер, Гейне, Граббе и т. п. Наконец, из новой литературы мы поместим тоже не всех (вы правы), а наиболее выдающихся; для моей цели достаточно, если мы отберем писа-

телей двадцать. Разумеется, я буду ждать вашего официального письма; если оно не придет в течение недели, я заключу контракт с Гейделофом на самых выгодных условиях, каких только удастся добиться; я обещал договориться с ним и не могу сейчас забрать у него антологию, иначе мы поссоримся, а я поставлю себя в неловкое положение. Меня смущает только желание Гейделофа получить от меня большое предисловие с правом издать его отдельной брошюрой. В крайнем случае я соглашусь, но остановлюсь в нем главным образом на новейшей литературе, а это может быть чрезвычайно интересно. Тогда вы дадите только биографические, а не критические заметки об авторах.

В следующем письме напишу определеннее. Цель сегодняшнего письма — отправить вам прилагаемую корреспонденцию из Штутгарта, которую вы должны всунуть в «Ганноверскую газету». Вероятно, редакция «Ганноверской газеты» не захочет печатать эти строки в той форме, в какой они написаны. Тогда измените их в стиле газеты, но чтобы содержание осталось. Если сможете напечатать статьи такого же рода и в других газетах, постарайтесь напечатать. Вы ведь понимаете меня с полуслова.

Сегодня напишу в Гамбург — хочу использовать «Корреспондента». Надеюсь, Менцель испытывает на себе ваше неистощимое хитроумие. Ведь он не раз еще использует «Литературную газету» в борьбе со мной, и на коварство я должен ответить коварством.

Ваш друг
Г. Гейне.

Приложение

Штутгарт, ... октября 1837 г.

Шулерские трюки, которыми г-н Вольфганг Менцель много лет подряд ловко маскировал отсутствие у него научного образования и эрудиции, разоблачены столь основательной и в то же время доступной критикой в полемическом произведении доктора Штрауса, что литературный шарлатан потерял всякое доверие даже в глазах малообразованного среднего читателя, и барон Котта, стремясь положить конец скандалу, оказался перед необходи-

мостью передать редактирование местной литературной газеты другому лицу.

К тому же появившаяся недавно брошюра «О доносчике» оказала роковое влияние и на положение г-на Менцеля в обществе: некоторые самоновейшие тевтономаны, а также два-три стихоплета из швабской школы, которые из ненависти к направлению Гейне и остальной «Молодой Германии» до сих пор покровительствовали доносчику, клеветавшему на это направление, теперь тоже грозят от него отвернуться и дали ему срок, в течение которого он, во имя восстановления своей чести, должен принять вызов, предложенный ему Генрихом Гейне, или же навсегда лишиться их общества. Доподлинно известно, что г-н Менцель собирается покинуть Штутгарт и уже принимает меры для возвращения в Вальденбург в Силезии, где отчим его, известный помещик-скотовод Эльснер, обещал оказать ему самый благосклонный прием.

15. ИОГАННУ-ГЕОРГУ КОТТЕ

Париж, 8 ноября 1837 г.

Высокопочтимый господин барон!

Непосредственная цель этих строк — уведомить вас, что сегодня я выписал на вашу фирму вексель на сумму 800 гульденов, со сроком оплаты две недели после предъявления.

Хотя я не получал еще оттиска большой статьи, которую в июле-августе дал в ваше «Театральное обозрение», и, следовательно, не могу точно определить, сколько мне за нее следует, вы, я думаю, все же будете столь любезны, что оплатите мой предварительный вексель. Прошу отнести эту сумму на мой счет.

Теперешний штиль в политике все еще удерживал меня от возобновления отношений со «Всеобщей газетой». Как только дух времени опять снимется с якоря, перо мое тоже сойдет с мели. Во всяком случае, позвольте уверить вас, что никак не меркантильные причины никогда не заставят меня посвятить свою деятельность другим литературным органам, кроме ваших.

Некоторые друзья выражают крайнее недовольство тем, что вы так пассивно держитесь по отношению к Менцелю; лично я только сожалею, что имя Котты стоит на листке, где запечатлены постыдные упражнения жалкого труса, бесчестие которого стало притчей во языцех. В собственных коммерческих интересах вам, конечно, давно уже следовало бы принести небольшую денежную жертву, дать отставку вашему герою, вырвать «Литературную газету» из его доблестных рук и доверить ее тем молодым людям, которые при всех своих недостатках все-таки наделены талантом, дающим им огромное влияние на современность, — талантом обсуждать события дня в интересах настоящего и в то же время в предвидении будущего. С помощью этих молодых дарований вы снова подняли бы утраченный кредит «Литературной газеты»; но вы вместо этого уступаете их соперничающим газетам. Эти силы не только пропадают для вас — они приносят вам вред.

Вы, наверно, уже знаете, что доктор Дондорф сошел с ума и его увезли родные.

Примите уверение в моей истинной преданности и глубоком уважении.

Генрих Гейне.

16. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 19 декабря 1837 г.

Дорогой Кампе.

На пороге Нового года желаю вам счастья и веселого праздника. Да сохранит вас небо бодрым и полным здравия — вас и вашу семью, к которой я причисляю и ваших авторов. Самое большое несчастье — болезнь; я узнал это в последнее время, особенно это почувствовали мои глаза, которым опять стало хуже. Старательно следую предписаниям врача, а об остальном предоставляю заботиться богу немецкой литературы. Если не считать мрачного расположения духа, я чувствую себя здоровым и бодрым; храбро сражаюсь в битве жизни, но радости не испытываю... На меня обрушивается много непредвиденного, и постоянно

ная борьба теперь уже кажется мне тяжким, непереносимо тяжким бременем.

Меня обрадовало то, что вы пишете о Гуцкове. Во всяком случае, «Телеграф» — для вас полезное приобретение: у вас теперь свой журнал и самый лучший журналист в качестве редактора. Гуцков — крупнейший талант, появившийся после Июльской революции; у него все доблести, которых требует сегодняшний день, он словно создан для современности; он доставит мне немало радостей; это будут радости не прямые, а скорее косвенные, ибо он причинит врагам моим самые разнообразные огорчения. Я готов принести благодарственную жертву богам за то, что они изобрели Гуцкова. Если бы только он не был таким безбожником! Иначе говоря, если бы ему не было совершенно чужд тот священный трепет, который нам внушают великие мужи, представители святого духа! У него нет уважения даже ко мне, но он должен быть таким, иначе бы он не исполнил своего назначения.

Над вашей историей о золотом перо я очень смеялся! Лирической поэзии конец, и вам, дорогой Кампе, не поставить ее снова на ноги.

Ах, птичка певчая мертва,
Ее не воскресят!
Пора волшебное перо
Заткнуть спокойно в зад.¹

(Я был нездоров, не писал несколько дней и сегодня, 23-го, хочу прибавить к начатому письму еще несколько строк.)

Только что получил письмо из Гавра. Пишут, что мне высылают пакет от вас; в нем, вероятно, мои экземпляры «Книги песен» и «Салона». Я уже огорчился, что не получил их. Ad vosем² по поводу «Книги песен»: если бы я знал, что вы отодвинете издание собрания сочинений на такой долгий срок, я бы включил в «Книгу песен» «Новую весну» и другие новые стихи. Ибо я знаю, что у читателей именно сейчас есть потребность в собрании моих стихов, которые были бы изданы отдельно, без прозы. Если вы начнете печатать собрание сочинений скоро, я помещу все

---

¹ Перевод Е. Эткинда.

² Кстати (лат.).

мой стихотворения в первых двух томах. Но если вы не склонны к этому, я предлагаю вам следующее: через несколько месяцев вы издадите отдельно «Приложение к „Книге песен“», и в нем я помещу все стихи, которые не входят в «Книгу песен», и предпущю им предисловие; в общем, получится славный томик. Но я не могу еще ничего сказать о размерах предисловия и вообще ничего пока не обещаю; с другой стороны, я ничего и не требую за свое приложение. Я просто забочусь о ваших интересах.

Конечно, если вы возьметесь за издание собрания сочинений, мне это будет приятнее и по очень многим причинам послужит на пользу моей славе. Я и звука не пророню в ответ на ваши замечания о прусском запрете. Мне прекрасно известно: если бы Юлиус Кампе был заинтересован в издании, прусский запрет не явился бы для него препятствием. Мне сообщают из Берлина, что там сердятся только на Кампе, от меня же, напротив, ждут малейшего знака, чтобы показать, как охотно пойдут мне навстречу. Я медлю подать такой знак, пока не буду знать с определенностью, когда вы начнете печатать собрание сочинений; я уверен, что вы одобрите мою дипломатичность. Чем дольше я буду медлить, тем больше смягчатся встревоженные власти и тем меньше будет опасность навлечь на себя подозрение, будто я заявил о своей умеренности ради личных выгод. За последние три года мое политическое возбуждение настолько улеглось, что, право, мне теперь нет надобности идти на уступки; я хочу только оградить себя от подозрений, будто на меня оказали влияние, будто меня купили — деньгами или лестью. Бог свидетель, ни тем, ни другим у меня бы не вынудили ни единого слова, написанного вразрез с моими истинными убеждениями. Мало быть честным — надо еще остерегаться подозрений в нечестности.

С Гейделофом я в наилучших отношениях, и с его стороны вам опасаться нечего. Я желал бы, чтобы и вы тоже отнеслись к нему по-дружески. Главное, что он не угрожает вашим интересам. Закроем глаза на все, что касается чужих интересов. Надеюсь, вы меня понимаете?

Гранки левальдовского «Обозрения» я получил; в моей статье — постыдные опечатки и досадные пропуски. Не забудьте сообщить, вышло ли уже это «Обозрение».

Свою большую работу я пока отложил и взялся за занятную промежуточную книжечку, которую надеюсь

закончить и послать вам в конце февраля. Но что это за книга, я вам не скажу, а если и скажу, то лишь в конце января. Молчание — большой дар, после дара речи, молчание — самый полезный талант. Будьте здоровы, дорогой Кампе, и храните дружеские чувства к вашему

Георгию Гейне.

Ауэрсперга я здесь вижу часто. Не надо ли ему что-нибудь передать?

17. КАРЛУ-АВГУСТУ ФАРНХАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Париж, 12 февраля 1838 г.

Мой дорогой Фарнхаген!

Так много духовных событий, затронувших нас обоих, случилось за это время, что переписка о них была невысказана да, пожалуй, и неблагоприятна. Сегодня пишу по совершенно практическому поводу, который касается только материальных интересов.

Прошу вас прочесть прилагаемое письмо, запечатать его и передать барону Вертеру. Однако, если вам захочется, вы можете сделать кое-что большее; поэтому я и посылаю вам на просмотр незапечатанное письмо.

Когда пять с половиной лет назад, как явствует из письма моего к Вертеру, я посетил барона, чтобы убедить его в отсутствии у меня столь злостных намерений против Пруссии, какие мне приписывала молва, тогда, дорогой Фарнхаген, барон Вертер советовал мне написать вам откровенное письмо по этому вопросу, поскольку вам нетрудно посодействовать почетному соглашению между мною и прусским правительством. Он отозвался о вас чрезвычайно лестно и уверил меня, что вы пользуетесь настолько большим доверием, что подобное ходатайство никоим образом не может вас скомпрометировать. Но я, дорогой Фарнхаген, опасался противоположного, как в большинстве случаев, держался системы молчания. Эта система имеет свои хорошие стороны — она не дала мне скомпрометировать себя в низах; зато она повредила мне в высших инстанциях, и с постановлением Союзного сейма против

«Молодой Германии на мою голову свалилась тьма неприятностей. Постановление это парализовало много литературных начинаний, которые я замыслил и на доходы с которых уже рассчитывал. Приведу лишь один пример: я вынужден был продать моему издателю право на будущее издание собрания моих сочинений за ничтожную цену, не составлявшую и четвертую часть той суммы, которую я мог бы получить, когда надо мною еще не висел индерикут. Это только *один* факт из многих. Вы и представить себе не можете, сколько *dégoût*¹ я проглотил.

Если приметы не лгут, то, кажется, теперь наступило время, когда можно разрешить былые недоразумения и когда прусское правительство не станет препятствовать осуществлению моего старого проекта основать в Париже немецкую газету. Если, дорогой Фарихаген, вы захотите не только передать барону Вертеру мое письмо, но сделать и несколько больше, если вам не будет неудобно говорить с ним по этому поводу, то вы можете дать ему от моего имени особые гарантии (разумеется, если они не противоречат чести). Я подпишусь — вам давно это известно — подо всем, что продиктует мне ваше благоразумие. Но действовать нужно безотлагательно: по слухам, другие готовят такой же проект. Однако имена этих людей таковы, что прусское правительство очень и очень задумается, прежде чем решит связаться с ними. Дело в том, что в настоящее время рабленые органы печати приносят прусскому правительству больше вреда, чем пользы. Постарайтесь, чтобы я поскорее получил ответ.

Если барон Вертер уклонится от положительного — прямого или косвенного — ответа на мой запрос, например под вздорным предлогом, будто дело это касается только министра внутренних дел, то к последнему я обращаться не стану и просто буду считать, что предложение мое отклонили. Тогда я обращусь к австрийскому правительству, чтобы добиться права на распространение моей газеты в его владениях. У меня нет времени вести долгие разговоры с прусским министром внутренних дел, именно из-за *periculum in mora*,² и, кроме того, я вообще

---

¹ Отвращения (*франц.*).

² Опасности промедления (*лат.*).

не питаю надежды на успех, если барон Вертер не примет во мне участия.

А пока будьте здоровы. Странное волнение испытываю я, когда пишу вам сегодня. О, если бы на мою долю выпало счастье снова увидеть вас воочию!

В письменном обмене мыслями мы, в сущности, не нуждаемся, — ведь дух наш всегда устремлен в одном направлении и рано или поздно мы всегда встречаемся в одних и тех же водах.

Ваш друг
Г. Гейне.

18. КАРЛУ-АВГУСТУ ФАРИХАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Париж, 13 февраля 1838 г

Дорогой Фарихаген!

Едва я вчера сдал на почту письмо, как вспомнил, что ничего не сказал о самой газете, которую задумал, о ее сущности. Идея ее, идея постановки дела и залог успеха основаны на том, что Париж и Лондон — арена всех политических событий, и поэтому корреспонденции из этих городов — самое главное для всех немецких газет; так вот, вместо того чтобы, подобно этим газетам, помещать скудную информацию, иногда даже сфабрикованную в Германии, я мог бы без труда давать в три раза больше сообщений, и, кроме того, у меня было бы и то преимущество, что никто не усомнился бы в их подлинности. На этом и основана моя надежда на сбыт газеты в Германии, который все равно обеспечен ей в этой стране даже и при запрете на распространение в Пруссии и в Австрии, но, конечно, он был бы невелик.

Что касается гарантий, которые я могу дать прусскому правительству, чтобы умилостивить его, замечу следующее.

Подобно тому как я всегда это делал по убеждению со времени Июльской революции, я и впредь буду по убеждению чтить монархический принцип. И я не допущу тех двусмысленных оговорок, которые мы видим у южногерманских конституционалистов; вероятно, вы

нередко замечали, мой друг, что я не приверженец немецкого сословного строя, и только боясь потерять популярность среди либеральных масс, которые сочли бы меня продажным льстецом, я не достаточно откровенно высказывался против конституционного фарса. Однако недавно в серии статей, которые вы найдете в «Театральном обозрении» Левальда, прорвалась моя антипатия к этому фарсу. В указанных статьях вы не найдете и чрезмерного обожествления французов.

Все известия о Пруссии я буду черпать только из газет, прошедших прусскую цензуру; но, если мне разрешат печатать частные корреспонденции из Пруссии, я никогда не рискну вызвать недовольство правительства выбором корреспондентов. Интересы старопрусских провинций мне столь же неведомы, сколь безразличны; поэтому я без особых усилий над собою смогу либо молчать о них вовсе, либо излагать чужое мнение. Иначе обстоит дело с Рейнской провинцией. Здесь я у себя дома, земля эта мне не совсем безразлична, свобода высказывания об отечественных событиях является для меня не только потребностью, но и обязанностью. Здесь мне должны предоставить слово без всяких ограничений. Но прусское правительство может быть уверено: при нынешнем положении вещей в Рейнской области все мои симпатии — на стороне Пруссии, и я никогда не отрицал услуг, оказанных Пруссией этой убудочной стране, которая только благодаря Пруссии вновь завоевана для Германии и возвышена до уровня немецкого государства. Вам, земляку, я могу не робея признаться, что наши соотечественники никогда не отличались определенностью характера, и они были не народом, а только случайным сбродом, которым может управлять любой крючкотвор; наглость этих людей возрастает при уступчивости и безмолвно смиряется, если к ним применяют строгие меры; они ни немцы, ни французы; у первых они заимствовали только недостатки — то есть грубость, и не обладают добродетелями вторых — особенно французской человечностью. Одним словом, это бельгийцы. Подобно тому как бельгийцы противостоят голландцам, так земляки мои противостоят пруссакам; я не люблю голландцев, но уважаю их: у них есть характер и чувство национального достоинства, они осуществили революцию, которую бельгийцы сумели только начать,

и, как некогда сумели защитить республику, так умеют теперь защищать своего короля.

Считаю, что в архиепископском вопросе прусское правительство действует слишком мягко; помочь здесь могут не паллиативы, но решительные меры, благодаря которым, правда, болезнь чрезвычайно резко проявится сейчас, зато будет устранена на будущее. Вообще-то говоря, надо радоваться, что зло это обнаружилось теперь, в мирное время, когда *Пруссия может дерзнуть на все*: позже, в смутные времена, пришлось бы остерегаться большей опасности, и Рейнская провинция навсегда могла бы погибнуть для Германии. Доктор Кольб однажды поведал во «Всобщей газете» о том, с какой определенностью я высказался об этой утрате; он привел слова, обращенные к германским революционерам в 1832 году: «Если французы заберут Рейнскую провинцию, вам, голодранцам, нечего терять, а я потеряю три миллиона читателей».

Пишу вам сегодня и страшно спешу; боюсь что-нибудь упустить в этом деле и стараюсь высказаться возможно определенной на случай, если вы этим заинтересуетесь. Тогда необходимо, чтобы вы как можно скорее добились прямого ответа. Если прусское правительство разрешит мою газету в Пруссии, если мне сообщат об этом разрешении, все остальное уладится очень скоро. Я жду только решительного ответа, чтобы передать его тем, кто должен оказать мне финансовую помощь.

Будьте здоровы и бодры.

Ваш друг
Генрих Гейне.

19. АВГУСТУ ЛЕВАЛЬДУ

Париж, 1 марта 1838 г.

Какое счастье иметь друга, которому можно поведать самые материальныи свои интересы, не опасаясь, что он не поймет того духовного, того идеального, что кроется за ними! И как удобно, что о великом множестве вещей я могу вам вообще ничего не говорить, что обсуждать нам

нужно только внешние явления, а в самом главном, в сокровенной сути вещей мы понимаем друг друга без слов!

Так, узнав из слухов, что я издаю здесь «Парижскую газету», вы, наверное, правильно рассудили, что, с одной стороны, я хочу получить много денег для финансирования моих военных действий, а с другой — что я в этой войне намереваюсь воздвигнуть устрашающий бастион, с которого моим орудиям будет удобно бить. С правительствами я заключил мир (руку, которую нельзя отрубить, нужно лобызать), и теперь мой боевой меч будет рубить врагов скорее на литературном поле битвы, нежели на политическом.

Расскажу вам откровенно, как в действительности обстоит дело с созданием немецкой «Парижской газеты». Давно уже я вынашиваю этот проект, но недоразумения с германскими властями делали невозможным его осуществление. Пойти на унижительные уступки прусскому правительству мне не хотелось — не позволяло самолюбие, которым я бы не поступился ни за какую цену; нужно было спокойно ждать часа, когда правительство откажется от своих предубеждений и я смогу обратиться к нему с достоинством. Час этот пробил.

При таких обстоятельствах недели две назад я откровенно обратился к одному весьма высокопоставленному лицу в прусском правительстве со следующим запросом — разрешат ли в Пруссии распространение немецкой газеты, *которую я собираюсь издавать здесь, в Париже*. Примерно через неделю я должен получить ответ, — я сообщу вам его, — и по тону, в котором мне ответят на мой предварительный запрос, пойму, чего следует ожидать. Я обещал полную *беспартийность* — если они умны, то поймут, что *обещать* большего я не мог, но *сделаю* больше. Ведь в важнейших политических вопросах мне только надо следовать собственной воле, чтобы служить прусским интересам; и если Пруссия останется на теперешних позициях или пойдет дальше в том же направлении, она обретет во мне союзника и признает, что помощь моей газеты выгодна для нее. Так что с этой стороны соглашение будет достигнуто и выполнено без труда.

Что касается значения газеты, я льщу себя надеждой, что придумал комбинацию, при помощи которой она превзойдет все существующие газеты и сможет обрести огром-

ную силу. Вот уже десять лет, как я изучаю организацию международной печати, и смею утверждать, что никто глубже меня не проник в ее тайны. Источники и сотрудников ежедневной прессы я знаю так хорошо, что аппарат, который я могу создать, будет творить чудеса. Вы и представить себе не можете, чему я научился в этой области! Париж, прежде всего благодаря собственному значению, да и потому, что расположен он между Лондоном и Мадридом, долго еще будет ареной всех политических faits et raisonnements,¹ и немецкая газета, которая отсюда идет прямо в Германию, важнее для тамошней публики, чем газеты, парижская информация которых вызывает подозрение, не является ли она домашней стряпней; во всяком случае, они получают эту информацию от самых скверных корреспондентов. Как можно из Германии контролировать парижских корреспондентов? Месяцы пройдут, прежде чем там заметят, что корреспондент получает от полиции особую плату за свою информацию, что он использует ее для собственной выгоды, что он отправился путешествовать, а тем временем поручил давать сообщения первому попавшемуся проходимцу или вовсе сошел с ума, как корреспондент «Всеобщей газеты».*.*.* Моя газета не будет подвержена бесчисленным случайностям — личным причудам и личным интересам парижских корреспондентов; она будет содержать гораздо больше ежедневной информации, достоверной и проверенной; в каждом номере будет примерно от трех до шести хорошо подобранных корреспонденций из Парижа.

Я уж постараюсь не только блестяще превзойти французскую информацию «Всеобщей газеты», но и добиться того, чтобы все увидели ничтожность смакуемых ею сплетен.

Много, очень много, бесконечно много надежд я возлагаю на свое имя как имя главного редактора парижской газеты: все заверяют меня, что оно само по себе послужит газете не только блистательной рекламой, но обеспечит ей и доверие читателей и коммерческий успех. Вы представить себе не можете, как меня приветствовало здешнее землячество, с какой готовностью, — едва разнеся слух, что я издаю немецкую газету, — все соби-

---

¹ Дел и рассуждений (франц.).

раются встать под мое знамя и как все убеждены, что именно я имею все законные права на то, чтобы возглавить подобное предприятие.

Но больше, чем на магическое воздействие моего имени, и уж во всяком случае больше, чем на возможности моего таланта, рассчитываю я на дополнительные источники, которые мне даст реклама, а также мое знание этой наиболее сокровенной области журналистики. С тех пор как один из лучших моих друзей основал бюро объявлений и я много времени провожу с французами, занимающимися этим делом, я постиг махинации, при помощи которых можно так использовать периодическое издание, что объявления покроют большую часть — нет, даже все расходы, и знаю, как сразу же получить объявления для вновь открывающегося органа; одним словом, я состою в лиге маклеров по объявлениям. Не далее как вчера... (Здесь меня прервал цирюльник.) Вчера утром один человек хотел арендовать отдел объявлений в моей газете за 50 000 франков в год. Еще до этого мне предложили заполнить, как только начнет выходить газета, весь отдел объявлений, если я поделюсь прибылью с маклерами, поставляющими объявления (это предложило мне общество, которое возглавляет мой лучший друг); таким образом, в первый же год, когда вновь открытые газеты почти ничего не зарабатывают на объявлениях, я все-таки мог бы получить половину прибыли с уже заполненного отдела. Не знаю, понятно ли вам то, что я пишу, — это очень тонкая материя, и немецкий журналист, который, правда, хорошо знает, какую прибыль дают объявления в старых газетах, все же совершенно незнаком со всеми raffinements,¹ возникшими в этом деле за последние годы. Здесь основываются газеты, расходы по которым превосходят выручку от продажи, и каждый экземпляр газеты, даже при возросшем сбыте, непременно приносил бы убыток, если бы не прибыль от объявлений. Так, например, «La presse» уже теперь выручает на объявлениях 100 000 франков ежегодно.

Единственный сомнительный пункт в организации новой газеты — чудовищный размер почтовой пошлины: она так ужасно удорожает цену газеты (на 18 франков в год за экземпляр), что у меня душа уходит в пятки;

---

¹ Ухищрениями (франц.).

я теряю уверенность в себе, необходимую для успеха, и от одной мысли о возможности провала, когда на карте стоит честь моего имени, дрожу до глубины души. Я должен честно своей рисковать ради успеха; ведь если бы какие-то доверенные мне капиталы пропали, то при всей моей невиновности я был бы скомпрометирован в общественном мнении — короче говоря, было бы тревожно и тягостно распорядиться чужими деньгами, раз у меня нет абсолютной уверенности в успехе. И это-то сомнение заставляет меня сегодня вам писать.

У меня возникла одна комбинация, при которой, во-первых, цена газеты станет ниже, а во-вторых, я сам не буду нести ответственность.

Согласно прежним моим расчетам, я смогу продавать немецким читателям парижскую газету, печатающуюся здесь, не меньше чем за 50 франков в год (учитывая гербовые и почтовые сборы). При этом я получал бы только 1000 франков в месяц как главный редактор, но, помимо этого, как издатель, за вычетом всех расходов, я извлек бы очень небольшую выгоду; по уплате налога на объявления чистая прибыль оставалась бы только от этих объявлений. Но могут ли немецкие читатели платить за газету так дорого? Можно ли рассчитывать на очень большой сбыт при столь высокой цене? Не знаю, не знаю; но, пребывая в неведении, я, чтобы действовать наверняка, выработал следующий план.

«Парижская газета» будет в Париже писаться, в Париже редактироваться, а типография будет на германской границе; там газета будет печататься и оттуда рассылаться. Выполнение этого проекта не встречает больших трудностей, но зависит от множества обстоятельств; об этом — позднее, да я и не могу говорить подробно, так как не решил еще окончательно, в каком именно пограничном городке должна печататься газета. Однако постараюсь объяснить вам, как можно осуществить проект печатания газеты в пограничном городе. Предположим, что газета будет печататься в *Келе*. Тут ли, в другом ли городе отредактированная заграничная часть материала — faits du jour,¹ известия за день и письма из Англии и с Запада — отправится отсюда с шестичасовой дневной почтой

---

¹ Происшествия (*франц.*).

(очень благоприятное время!!) в Страсбург, где кто-нибудь тотчас будет брать пакет и доставит его в Кель, в типографию; здесь материал впечатают в газету, частично уже заполненную немецкими известиями и статьями общего характера, и таким образом, когда почта отходит из Келя (а отходить она будет поздно, так как, наверное, задержится в Страсбурге), газету можно будет сразу же отправлять дальше, в Германию. Поэтому моя немецкая газета всегда будет опережать французские издания, которые печатаются в Париже задолго до отхода почты. Почта всегда немного задерживается в пути, и если при этой комбинации оплачивать еще дневного экстренного курьера, который обгонял бы почту в пути, то можно выиграть время совершенно достаточное, чтобы напечатать газету. Точно так же газета, полная самых свежих известий из Германии, доставляется и в Париж, где читатели интересуются не местными faits du jour, а статьями и немецкими известиями. Так как газета больше рассчитана на распространение в Германии, то самое главное — как можно скорее доставить ей информацию из Парижа. Пройдет еще долгое время, пока читателям станет известно, что газета печатается на границе, но и тогда самым важным останется местонахождение редакции; они будут получать «Парижскую газету», написанную в Париже, и если даже узнают, что печатается она, скажем, в Келе, то наиболее умные читатели прекрасно поймут, что это делается для скорейшей передачи известий. Пусть они считают, что газета всегда посылается курьером (эстафетой) в Кель, да так оно и будет в экстренных случаях. Мы сможем также сказать в свое оправдание, что вынуждены печатать газету на германской границе, чтобы избежать затруднений при ввозе ее в германские государства, и действительно часть затруднений в этом случае отпадет.

При осуществлении моего проекта риск, право же, невелик, а выигрыш огромен.

Для письменных переговоров нет времени, да и вообще некогда вести длительные переговоры; здесь кое-кто уже носит с проектом немецкой газеты, и если конкуренты перебегут мне дорогу, то ничего толкового они все равно не сделают, зато могут вызвать предубеждение против самого проекта. Это ничтожество Б[орнштедт], который

плетет интриги во французской полиции, чтобы получить субсидию для немецкой газеты, таскает с собой в качестве главного редактора несчастного П[истора], отличавшегося в блаженной памяти «Le monde», и, кроме того, привлек, или *утверждает*, что привлек, в качестве главного акционера некоего биржевика, пользующегося дурной славой.

М[атильда] поправляется. Вчера она вышла в первый раз и отправилась со мной в «Opéra comique».¹ После того как она вернулась в свою maison de santé,² я отправился на redoute,³ где набегался до пяти часов, набегался до полусмерти и сегодня от усталости едва могу писать. Вообще всю эту неделю я отдавал дань карнавалу. По той же причине я еще не прочитал статью Пфизера, направленную против меня. Чего вы хотите? Я прочел только начало и нахожу, что она написана ничуть не ядовито, а только скверно.

20. ДЖАКОМО МЕЙЕРБЕРУ

Париж, 24 марта 1838 г.

.Carissimo!⁴

Если я еще не написал вам, то, право, не из небрежности, а тем менее из равнодушия. Увы, после вашего отъезда мне не хватает вас повсюду! Вы были единственным, с кем я мог откровенно говорить о всех самых тайных своих горестях! Но с тех пор я был ужасно занят: болезнь Матильды и организация немецкой газеты не оставляли мне и часу времени. Увы! Обе очень плохи: первая харкает кровью, и с каждым днем болезнь ее обостряется, а вторую, то есть газету, поразил смертельный удар из Берлина. Несмотря на чрезвычайно веское ходатайство (министр фон Вертер очень заинтересовался этим делом), правительство все еще не хочет отказаться от смехотворного и несправедливого запрета на мое имя. Вообразите мою досаду! После того как я целую зиму занимался

---

¹ «Комическую оперу» (франц.).

² Больницу (франц.).

³ Бал (франц.).

⁴ Дражайший! (итал.)

только этим делом, написал, вероятно, до двадцати печатных листов писем, после того как более 2500 франков ушло на предварительные расходы, после того как при помощи сверхчеловеческого красноречия я нашел осла, который рискнул дать для газеты 150 тысяч франков, после того как я, насколько позволяла моя честь, предпринял шаги, полные смирения, и, кажется, был уже совершенно уверен в успехе, — *l'affaire est tombée dans l'eau!*¹

Разве не ужасно, что правительство без суда и следствия отнимает у меня единственное мое состояние — право использовать мое имя и таким низким способом пытается расстроить мои жалкие финансы? В прошлом году эта несправедливость уже обошлась мне в 60 тысяч франков; до постановления Союзного сейма о «Молодой Германии» и полного запрета, палоченного Пруссией на мои книги, я мог получить за полное собрание моих сочинений 80 тысяч франков, а в прошлом году, только чтобы купить хлеба, лекарства и дров, я вынужден был продать его «Гофману и Кампе» за гроши, за какие-то несчастные 20 тысяч франков!

Фарнхаген фон Энзе может дать вам более подробные сведения об этом деле; он тоже усердно хлопотал обо мне, и вообще я каждый день получаю из Германии самые трогательные доказательства участия ко мне. Прошу вас, успокойте моих берлинских друзей. Мне совсем не так скверно, как утверждают слухи. К концу этого года я выкарабкаюсь из всех своих невзгод, у меня будет пусть скромное, но честное положение и ни единого су долга кому бы то ни было; говорю это, чтобы успокоить вас, и еще для того, чтобы вы не истолковали ложно моих жалоб; в настоящее время у меня нет недостатка в деньгах.

Это лето я проведу в Париже, к сожалению в разлуке с Матильдой, которую я отправил в деревню, к ее матери, где она будет пить одно молоко и спать в коровнике. Так велит врач. Я же не хочу отдаляться от Шоссе д' Антен, где живет доктор Зихель, который может оказать мне немедленную помощь, если вдруг возобновится болсзнь глаз.

Вы и представить себе не можете, как я боюсь слепоты; Зихель признался мне третьего дня, что эта опасность

---

¹ Дело провалилось! (*франц.*)

все еще висит надо мной и что мне нельзя много писать. Увы! Ведь никогда мне не нужно было столько читать и писать, как именно в этом году!

Ваши слова о моем дяде Соломоне Гейне потрясли меня до глубины души, — значит, и вы позволили внушить себе такую нелепицу, будто я по злобе оскорбил этого человека и был по отношению к нему бессердечен, одним словом, что за его благороднейшее великодушие я отплатил самой черной неблагодарностью! Ну что же, придет время, когда разрешатся все эти загадки. Но вам, дорогой друг, я уже сейчас открою всю правду, тем более что вы поедете через Гамбург и будете говорить с моим дядей. Во всяком случае, у вас должен быть готов ответ, если дядя опять примется за свои несправедливые жалобы. Скажу вам с самого начала: все, что рассказывается в Германии о великой щедрости Соломона Гейне по отношению к его племяннику-поэту, всецело относится к области фантастики! Сумма этих щедрот, благодеяний, пособий и прочих проявлений великодушия настолько ничтожна (когда-нибудь вы сможете высчитать это до последнего пфеннига по моим мемуарам), что жалкая действительность поразит вас гораздо сильнее, чем поэтические басни, которые возникли если не из туманных высказываний моего дяди, то потому, что общество внушило себе, будто великий миллионер, который раздает столько денег чужим, конечно же — само великодушие по отношению к собственному племяннику-поэту!

Но это неважно, на это я никогда не жаловался ни одной живой душе, к тому же и я мог бы, если бы только имел к тому склонность, не хуже, чем другие, наложить огромную денежную контрибуцию на великодушие моего дяди; и скорее *моя вина*, что я не ухватился за испытанное средство и не ударил, подобно Моисею, по скале, чтобы из нее забила серебристая живительная струя. *Но я любил этого человека*, и в этом моя ошибка. Вот почему я только изредка обращался к нему, когда мне нужны были несколько луйдоров, чтобы поехать или спастись бегством от властей; вообще же я не домогался от него больших жертв, не то что другие, которые ударяли по скале! *Я любил этого человека*, и в этом была моя единственная ошибка, поверьте, дорогой коллега. Никогда никого не любил я сильнее, чем этого человека. Вы знаете, я упорен в своих

чувствах, они впаяны в мое сердце, как в стальную пластинку, и, как бы яростно я ни бил себя в грудь, я не смогу истребить то безграничное уважение, ту непостижимую нежность, которую питаю к своему дяде с самого раннего детства, — вот на что я сержусь, вот что грызет меня, вот на что я сержусь!

Из этих намеков вы, конечно, поймете, почему мой дядя никогда не сделал ничего серьезного, чтобы обеспечить мое существование, почему он помогал мне меньше, чем мог бы помочь совершенно посторонний покровитель. Но мой дядя сам понимает и сознает это, ибо он человек, чувствующий необычайно глубоко, у него самые верные ощущения, у него самое умное сердце; он чувствует, что никогда не сделал для меня ничего существенного; вот почему, защищаясь от укоров собственной совести, он ищет для себя всевозможных извинений, и ему хотелось бы найти их в ошибках и поступках, которые можно приписать мне; я сделал бы ему величайшее одолжение, если бы действительно совершил все скверные поступки, которые позволили бы ему оправдать перед собственным сердцем его равнодушие к моему благу.

«Чем больше благодеяний мы оказываем людям, тем больше они любят нас, и мы негодуем на тех, которым мы могли бы благотворить, которым благодеяния наши принадлежат по праву и для которых мы все-таки ничего не сделали». Как психологически справедливы эти слова Паскаля!

Подобно тому как я досажую, что, несмотря на все горести, которые я перенес из-за моего дяди, я все-таки не могу перестать его любить, так и дядя мой сердится на то, что, несмотря на мои заслуги и справедливые требования, он все-таки никогда не сделал для меня ничего существенного, — он, знаменитый миллионер, который слывет моим покровителем и про которого все думают, что он создал мне возможность творить шедевры для потомства. Увы! На это способен человек, который омрачен мучительными заботами о куске хлеба и вынужден разбазаривать свой талант на безрадостную поделщину.

Как видите, разлад между Генрихом Гейне и Соломоном Гейне имсет очень глубокие корни, и его нельзя разрешить успокоительными словами. Поэтому не будем больше говорить об этом. Вы сами видите, что если

вы даже тщательно опровергнете одно за другим все обвинения, которые мог бы возвести на меня мой дядя, то в основном вопросе вы все-таки ничего не достигнете: он все равно найдет повод для новых обвинений. Прежде его жалобы всегда касались денег, того, что я стоил ему уже столько-то и столько-то, что я не зарабатываю, что я достиг возраста, в котором Гумпель и Гирш, начавши ни с чем, уже богаты, и все еще сижу в нужде и бедности и т. д. Эти жалобы прекратились. Само собой понятно, они никогда не были серьезными, потому что душа его высока и благородна и он питает гораздо больше уважения к бедному, нуждающемуся ученому, чем к богатым мошенникам-евреям.

В последнее время дядя мой выдвинул против меня два обвинения, первое из которых настолько же смехотворно, насколько жестоко второе. Он никак не может успокоиться насчет того, что в одном из писем к нему я сказал, будто лучшее, что в нем есть, это то, что он носит мое имя. Слова эти, — я помню их не совсем отчетливо, — конечно, были сказаны, мой дядя никогда не говорит неправды. Но вот что они огорчили его, это неправда: он слишком разумен, чтобы привязываться к словам, и прекрасно знает, как я уважаю его нравственные достоинства, величие его сердца, его выдающийся характер. Но жестоко, возмутительно жестоко (у меня душа содрогается от ярости), позорно жестоко истолкование другого письма, в котором я выразил ему сочувствие по поводу смерти моей бедной тетки... Заверяю вас честным словом, в этом письме нет ни единого звука, который давал бы право обвинять меня в гнуснейшем бессердечии. То было краткое, официальное письмо, — ужасное событие вынудило меня послать его, — но при тогдашних обстоятельствах я никак иначе писать не мог, ибо незадолго до этого поклялся моему дяде всеми святыми, что в этой жизни никогда больше ему не напишу. И вот мне все-таки пришлось ему написать! В сущности, только чтобы почтить память женщины, которая, словно добрая фея, озаряет все воспоминания моей юности, которая так часто спасала меня от грубой и горькой действительности и которая была так прекрасна и мила, — только для того, чтобы исполнить долг по отношению к моей покойной тетке, я написал это краткое письмо. Если мой дядя и в разговоре с вами станет утверждать, что я про-

явил бессердечие, скажите ему только, чтобы он попросил у Карла Гейне письмо, которое я написал ему в тот же день и в котором мои сдерживаемые чувства проявились, вероятно, с тем большею силой. Припоминаю, что, окончив письмо к Карлу Гейне, я упал без чувств, а Матильда терла мне виски уксусом и звала на помощь. Вспоминаю, что брат Детмольда, увидав это письмо на моем столе и прочтя его, был совершенно потрясен. Оно должно существовать, и Карл Гейне, *если отец его действительно этого потребует*, покажет это письмо.

Не могу в заключение не обременить вас просьбой. Вы так много уже сделали для мадемуазель Оливье, что, без сомнения, охотно поможете ей снова. Я хочу, чтобы вы написали для этой молодой дамы рекомендательное письмо, адресованное Кронье, и расхвалили по возможности ее таланты и призвание к «*Oréga comique*».¹ Кронье как раз ищет молодых певиц, и если мадемуазель Оливье упустит благоприятный момент, она очутится в критическом положении. Если она не получит сейчас ангажемента в «*Oréga comique*», ей придется опять на долгое время заключить контракт с варьете. Повторяю — своей рекомендацией вы сделаете доброе дело. А теперь будьте здоровы; не могу больше писать сегодня: глаза мои болят нестерпимо. Новую оперу я слышал; вещь эта так плоха, что из сострадания я хвалю ее повсюду.

Кланяйтесь от меня вашей матери и решительно посоветуйте ей отправиться в этом году на морские купанья.

Ваш друг
Г. Гейне.

Париж, 24 марта 1838 г.²

Дорогой и глубокоуважаемый маэстро!

Письмо, которое вы только что прочитали, написано так, чтобы, во-первых, вы узнали из него правду, а во-вторых, могли, словно певзначай, *показать его моему дяде*.

¹ «Комической опере» (франц.).

² Настоящее письмо было отправлено Гейне Мейерберу одновременно с предыдущим, датированным тем же числом.

Напишите ему тотчас же и немедленно передайте письмо через вашего брата В[ильгельма]. Как именно изобразить необходимость примирения между нами и как при этом дать моему дяде почувствовать, будто весь свет убежден, что я ежегодно получаю от него некую сумму, — это я предоставляю вашей изобретательности. Надо задеть его *тщеславие*, чтобы он назначил мне наконец определенное годовое содержание, которое, как бы оно ни было ничтожно, все-таки крайне для меня желательно и действительно упрочит мои взаимоотношения с дядей. Поэтому в своем письме я все время утверждаю, что он никогда не сделал для меня ничего существенного, хотя на самом деле он иногда поступал со мною очень благородно; я *немного несправедлив* к нему, но именно это и должно его прищипорить, — пусть он опровергнет мои утверждения *новыми действиями*.

Итак, сегодня я отдаю в ваши руки самые важные мои интересы и уверен, что вы из любви ко мне вступитесь за них. Вы принадлежите к числу тех немногих, кто способен понять мучительные затруднения, опутавшие мою жизнь. *Donnez-moi un coup d'épaule pour que je puisse porter ma croix.*¹

Все, что я писал вам о своей затее с газетой, — истинная правда, но я все-таки не отказываюсь от своего проекта, я должен *soûte que soûte*² основать здесь для себя немецкий орган; этого требует жизнь. Если не выйдет с газетой, я организую немецкое ежемесечное обозрение; в моем распоряжении есть и денежные и творческие средства. Пораскиньте умом: кто сможет доставлять мне из Германии музыкальные новости на ту или иную тему? Шлезингер в ярости на Майнцера; он высказался о нем очень сомнительно, когда я сказал, что сговорился с Майнцером насчет музыкальной критики. Его Панофка весьма слаб. «Гвидо» Галеви плох, и многие сомневаются, что эта опера удержится. Она скучна, за исключением третьего акта. И все же в этой опере есть нечто такое, что внушает уважение к Галеви, — только мне не ясно, что именно. Нечто такое, что скучно; но по-немецки солидно; может быть, это и понравится нашим соотечественникам; Галеви не гопится за эффектом,

---

¹ Поддержите меня, чтобы я мог нести свой крест! (*франц.*)

² Во что бы то ни стало (*франц.*).

он так методически принимается за дело, что от истерпения можно вылезти из кожи — или по крайней мере из логи. Он художник, но без единого проблеска гениальности. Зато я знаю одного мастера, в котором все — пламя и в то же время искусство. На днях я говорил об этом мастере с Анри Блазом и очень стыдил его за прежнюю близорукость. Какие триумфальные победы одерживаете вы над вашими противниками!

Будьте здоровы и бодры. Не забудьте поскорее прислать мне рекомендательное письмо для мадемуазель Оливье. Не правда ли, я злоупотребляю вашей добротой?

Votre dévoué¹

Г. Гейне.

21. ЮЛИСУ КАМПЕ

Париж, 30 марта 1838 г.

Дорогой Кампе!

Наконец-то, наконец прошла эта промозглая, злая, насморочная, проклятая, подлая зима! Последние три месяца я испытывал такую подавленность и такую внутреннюю опустошенность, каких никогда не знал раньше. По этой причине, да еще из-за одного дела, которое сверх всякой меры поглотило мою энергию, вы получите мое письмо только сегодня. Однако вы бы ошиблись, решив, что я все это время не радел о ваших интересах; правда, упомянутое дело осталось неосуществленным, но усилия, которые я на него затратил, будут для вас в высшей степени благотворны. Дело это не болсе не менее, как организация здесь, в Париже, немецкой газеты, причем в моем распоряжении были духовные и материальные возможности, которые превосходят все, о чем только можно мечтать; оставалось получить твердое обещание от Пруссии, что она разрешит распространять газету в своих владениях; при *огромной* сумме денег, чужих денег, которыми я рисковал, мне, конечно, нужны были некоторые гарантии против изменчивых прусских настрое-

---

¹ Преданный вам (*франц.*).

ний, и у меня были серьезные основания надеяться, что теперь мне разрешат все, о чем я стану просить по чести и справедливости. Но, к удивлению моему, бывшее недовольство еще не улеглось окончательно, и требованиям моим пошли навстречу не столь безоговорочно, как я надеялся. Я все еще не могу добиться недвусмысленного разрешения, и мой проект газеты, наверное, провалится. Но это — особая статья. Хочу вам только сказать, что в результате этих переговоров недоразумения с Пруссией если и не окончательно улажены, то, во всяком случае, очень смягчены и постепенно исчезнут. Меня особенно поддерживает (это абсолютно между нами) министр Вертер; он старается привлечь ко мне благожелательность остальных прусских сановников. Фактически, издавая собрание моих сочинений, вы уже можете не опасаться прусского правительства, даже если оно и не откажется от буквы своего старого запрета.

Вы еще не получили обещанного «Добавления к „Книге песен“» (хорошо ли заглавие?), но я в этом не виноват. В «Добавление» войдут: 1) «Новая весна», 2) стихи первой части «Салона», 3) тридцать лучших новых стихотворений — самых лучших, 4) «Тангейзер», 5) «Ратклиф», 6) очень большое предисловие, в котором я собираюсь сказать важные вещи. №1 и №2 давно исправлены, №3 — новые стихи — давно переписан, но у меня нет «Тангейзера», в котором мне нужно сделать изменения, так как вы послали мне две дюжины экземпляров «Книги песен» и ни одного экземпляра третьей части «Салона» (!?!). Нет у меня и «Трагедий», а «Ратклифа» мне пересмотреть необходимо. Моя мать послала мне «Трагедии» с одним французом, который вместо Парижа завез их в Бордо. Поэтому, чтобы мне не терять больше времени, вырежьте, пожалуйста, из «Трагедий» «Ратклифа», а из «Салона» — «Тангейзера» и отправьте мне обе вещи бандеролью. Тогда я сейчас же пришлю вам с ближайшим пароходом все, что входит в книгу. Предисловие вам понравится.

Я думал послать вам в будущем месяце и рукопись новой книги. Увы, человек предполагает, а бог располагает: проклятые переговоры о газете повицны в том, что я, едва войдя во вкус, отложил книгу. Это очень печально для меня, так как гонорар уже числился в моем бюджете. Впрочем, будьте спокойны: в ближайшем будущем из-под

моего пера выйдет немало строк. Через два месяца отправлюсь за город, где буду жить в полнейшем уединении.

Вы торжественно известили меня о том, что «Телеграф» выступил в защиту моих произведений против Густава Пфизера. Я прочел ваше выступление. Дай вам бог здоровья! Но за своих врагов мне надо будет взяться самому.

Хочу задать вам один вопрос, только дайте слово, что никому об этом вопросе не проговоритесь. Мне очень хочется (и ради того, чтобы создать для самого себя печатный орган, и чтобы так же успешно, как другие, извлекать выгоду из моды на периодические издания) выпускать ежемесячный журнал под названием «Париж и Лондон (или Лондон и Париж), немецкий ежемесячник под редакцией Генриха Гейне». Каждый месяц у вас в Гамбурге выходило бы от шести до восьми листов. Журнал этот я стал бы издавать на собственный счет и хотел бы знать, в какой сумме могли бы выражаться расходы и сколько комиссионных вы с меня будете брать. Сейчас мне важна только смета, поэтому я ничего еще не говорю о содержании и направлении журнала. Думаю, что гравюры и иллюстрации для каждого номера я смогу посылать и отсюда и из Лондона, но мне все же хотелось бы знать, не обойдутся ли цветные литографии, если их делать в Гамбурге, дороже, чем в другом месте.

Будьте здоровы. Поскорее пришлите мне бандеролью все, о чем я прошу, и будьте уверены, что я неизменно пекусь о ваших интересах. Мне всегда больно думать, что вы мною недовольны. Но ведь вам из жизнеописания самых выдающихся писателей известно, что не всегда мы можем то, чего хотим.

Ваш друг
Генрих Гейне.

22. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 31 марта 1838 г.

Дорогой Лаубе!

Ради бога, не подумайте, что я забываю о вас. Мне просто куда труднее писать, чем вам кажется. Сегодня я должен написать Фарнхагену и хочу заодно послать

пескoдoлькo стрoчeк вaм. Шлю вaм цeлый бyкeт привeтoв; oни рaсцвeли в глyбинe мoeгo сeрдцa, и сaмыe яркиe из них прeднaзнaчeны для вaшeй жeны.

Кaк я зaвидyю вaшeмy yединeнию! Вeдь я oбрeчeн жить в бeшeнoм вoдoвoрoтe жизни, нe мoгу прийти в сeбя, oглyшeн рeвoм пoвсeднeвныx зaбoт, yстaл, кaк зaтравлeнный бyк, чтoбы нe скaзaть — кaк пeс. Кaк я мoчтaю o спoкoйнoй нeмeцкoй крeпoсти, гдe пeрeд мoeй двeрью стoялa бы стрaжa и нe впyскaлa бы никoгo — ни мoeй вoзлyблeннoй, ни прoчих мyчeний. O, кaк стрaстнo жaждy я тишинy!

Вaшe пoслeднee письмo я пoлyчил чeрeз г-нa Сaвyа, кoтoрoгo нe лyблю. Мeня рaдyст вce, чтo вы здeсь рaсскaзывaeтe o свoей «Истoрии литeрaтyры» (я слышaл o нeй yжe дaвнo). Кoнeчнo, мы oбязaны бoрoться, и скoрo я тoжe пyщyсь в критичeскyю плeскy. Oднaкo я нe питaю ни мaлeйшeгo стрaхa пeрeд пoлчищaми нaших врaгoв; oни пoгибнyт oдин зa дpyгим; пoсмoтритe, кaк рaзгрoмлeны Мeнцeль, Тик и кoмпaния! Мы живы! Пeчaлeн рaскoл срeди сoюзникoв. Я oчeнь лyблю Мyндтa и Гyцкoвa, нo нe мoг бы сoстoять с ними в нeoмрaчeннoм сoюзe, кaк с вaми, eдинствeнным чeлoвeкoм, к кoтoрoмy питaю бeзрaздeльнyю и ничeм нe oмрaчeннyю склoннoсть и с кoтoрым нaхoжyсь в блaгoтвoрнeйшeй гaрмoнии. Тeпeрь Гyцкoв и Мyндт дeрyтcя мeждy сoбoй. Пeрвыe — *mauvais coucheur*,¹ хoтя oн и бoлee тaлaнтлив, чeм eгo сoпeрник.

Oтлoжитe ли вы пeчaтaниe свoей «Истoрии литeрaтyры» дo тeх пoр, пoкa зaкoнчитe ee?

Хoчy сдeлaть вaм oднo пpeдлoжeниe. Пoшлитe сyдa, в Пaриж, кoпию «Истoрии литeрaтyры» (eсли вы сoбирaeтeсь скoрo зaвeршить вaш тpyд), рaзбoрчивyю, нaписaннyю пo вoзмoжнoсти лaтинским шрифтoм, a я дaм ee пeрeвeсти пoд свoим нaблюдeниeм. Тaким oбрaзoм, этo прoизвeдeниe смoжeт выйти oднoвpeмeннo и в Гeрмaнии и вo Фрaнции. Пo дyшe ли вaм мoя идeя? Книгa, тaким oбрaзoм, нeмeдлeннo пpиoбрeтeт eврoпeйскoe знaчeниe и скoрeе дoстигнeт свoей цeли. A я пoзaбoчyсь o тoм, чтoбы oнa былa пeрeвeдeнa мaстeрски (бoльшинствo здeшних пeрeвoдчикoв бeздaрны) и чтoбы фрaнцyзскoe издaниe былo встpeчeнo

---

¹ Склoчник (фрaнц.).

в здешних журналах трубным гласом благоприятных статей.

Будьте здоровы и бодры. Я очень не в духе. Мой адрес: rue Cadet № 18.

Ваш друг
Г. Гейне.

23. КАРЛУ-АВГУСТУ ФАРНХАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Париж, 31 марта 1838 г.

Дорогой Фарнхаген!

Я должен еще поблагодарить вас за ваши любезные старания в связи с моей бедной газетой, задохшейся при рождении...

Вы правы, даже из этих неудавшихся переговоров можно извлечь пользу; и вот самая непосредственная и приятная для меня польза: я нашел повод вновь испытать вашу дружбу и оживить в вашей душе память о себе. Прусскому правительству я отомщу... молчанием. Я собирался задать изрядную головоломку моему земляку Герресу и выставить его с сотоварищами во всей их отвратительной наготе, но я молчу.

А вот почему вы молчите, этого я все-таки не пойму, вы, наместник Гете на земле, несущий в руках своих факел, которым вы в один миг можете осветить совинные гнезда, обратив их в пепел...

Надеюсь, эти строки застанут вас в лучшем здравии. Убедительно прошу вас — воспользуйтесь чудесной весной и совершите увеселительное путешествие, а затем отправьтесь на воды, полечите нервы. Этим ни в коем случае нельзя пренебрегать.

Что касается писем Рахели, то вы, очевидно, не знаете, какое большое, какое непоправимое несчастье постигло меня с ними. Это была пачка из двадцати писем (хотя я никогда и не писал лично ей, она неизменно присоединяла к письмам от вас более или менее обстоятельное послание), и во время пожара, уничтожившего дом, где жила моя мать, эта связка писем погибла вместе со всем моим архивом, который я там оставил.

Удивительно, что все еще не наступило время (и, конечно, не так скоро оно наступит), когда я открыто смогу рассказать обо всем, в чем мне откровенно призналась Рахель в часы душевного смятения.

От моего газетного проекта я немедленно отказался, как только получил ваше письмо. Находясь в столь неустойчивых отношениях с прусским правительством, я не мог рисковать капиталом в 150 тысяч франков, который мне намеревался предоставить для этого предприятия один мой друг. Даже если бы мне дали разрешение распространять газету в Пруссии, я в течение первого года понес бы 80 с лишним тысяч франков убытка; на второй год я не мог бы полностью его покрыть, и только последующие годы гарантировали бы мне прибыль, правда прибыль грандиозную. Так или иначе, мне показалось, что моральная польза перевешивает денежную. Однако совершенно отказаться от этого проекта я не смог и теперь занимаюсь очень замысловатым его перевоплощением; напишу вам об этом в следующий раз. Поэтому мне досадно, что сейчас два немецких escrocs¹ самым бесстыдным образом компрометируют в Париже мою идею газеты и даже ее заголовок. Первый — это пресловутый Пистор, рейнско-баварский беглец, который выпускал «Le monde» и в качестве издателя этого обанкротившегося республиканского листка повинен в самых вопиющих мошенничествах. Другой — берлинец Адальберт фон Борнштедт, который раньше распространял в здешних журналах самые наглые поклепы на прусский двор, а теперь утверждает, что примирился с высокопоставленными представителями прусской знати и состоит с ними в постоянной деловой связи. Это ультралжец, которому пришлось в свое время, после некоторых неблагоприятных поступков, покинуть Берлин; в Алжире, где с него публично сорвали эплеты, его обличили в воровстве. Одним словом, этот отпетый негодяй и бездарный писатель утверждает со свойственной ему лживостью, будто он получил от прусского правительства право на распространение в Пруссии немецкой газеты, которую он, так же как я, назвал «Парижской газетой». Борнштедт объединился с вышеупомянутым Пистором, и оба играют на доверчивости некоторых

---

¹ Мошенника (франц.).

здешних немцев и французов, чтобы выманить у них деньги для своей газеты. Я совершенно уверен, что прусское правительство ничего не разрешило этому Борнштедту, тем более что он издавна там известен. Г-н фон Вертер тоже его знает. А так как г-н фон Вертер честнейший человек, то он, конечно, возмутился, услышав, что именем прусского правительства пользуются для обмана; он, несомненно, поможет разоблачить эти махинации, если вы, дорогой Фарнхаген, сообщите ему о них. Двух строк в правительственной газете было бы вполне достаточно. Не столько ради себя, сколько ради интересов болсе высоких я просил бы вас как можно скорее поговорить с бароном Вертером о мошеннических проделках г-на Борнштедта. Обращаю ваше внимание на то, что г-н фон Ферст использует иногда этого человека в качестве сопрёге¹ и поэтому не должен знать того, о чем я говорю вам. Будьте здоровы, бодры и по-прежнему храните дружеские чувства

к вашему

Генриху Гейне.

Прилагаемое прошу передать Лаубе; не знаю его адреса.

24. ЖОРЖ САНД²

Гранвиль, 17 августа 1838 г.

Прекраснейшая и добрейшая кузина!

Не могу найти слов, чтобы выразить свое огорчение, что не повидал вас в Париже. Шопен передал мне вашу милую записку накануне моего отъезда, и я благодарю вас за интерес, который вы проявляете ко мне. Тысяча благодарностей! Мне так хотелось бы увидеть вас! Сияние ваших глаз принесло бы мне облегчение. Мне очень грустно. Вы не знаете всех моих бед. В настоящее время я страдаю от физической слепоты, не менее мучительной, чем то моральное ослепление, которое вот уже четыре года является моим уделом и о котором вам известно.

---

¹ Сообщника (*франц.*).

² Перевод с французского оригинала.

Ваши слова о том, что вы собираетесь уехать отсюда, испугали меня; надюсь, я еще застану вас в Париже в октябре; если вы можете подарить мне эту надежду, напишите мне несколько строк по адресу: Генриху Гейне, Гранвиль, департамент Ла-Манш.

Я вас очень люблю, всем сердцем, всеми лохмотьями моего сердца. Если вы свободны, наслаждайтесь своей свободой! А я все еще пребываю в страшных оковах, и вот эта цепь, на которую меня особенно тщательно сажают по вечерам, помешала мне повидать вас в Париже. Но как только я отбуду свой срок, я найду вас хоть на краю света... Лишь бы за это время вас снова не схватили и не вернули на галеры, прекрасный мой каторжник, приговоренный к любви и теперь отпущенный на волю!

Прощайте. Наслаждайтесь своей свободой. Не плачьте никогда — от слез слабеет зрение. Какие у вас красивые глаза! Не беспокойтесь о будущем — от этого седеют волосы. А я никогда не видел волос прекраснее ваших.

Генрих Гейне.

25. ЮЛИУСУ КАММЕ

Гранвиль, 18 августа 1838 г.

Дорогой Кампе!

Только что через Париж получил ваше письмо вместе с приложенным к нему письмом Гуцкова. Почта уходит через час, и я хочу использовать оставшееся время, чтобы написать в Париж вам и г-ну Деллуа. Вы молчите о последнем, и это приводит меня в немалое смущение. Перед моим отъездом (когда я предоставил в его распоряжение всю рукопись целиком) Деллуа заявил, что дальше ждать он не может и должен передоверить продажу книги какому-то другому пемцу. В письме к вам, как я теперь вижу, он говорил о закреплении за ним определенного количества экземпляров, хотя прежде рассчитывал только на коммиссионные. Но таковы французы: им неизвестны наши пемские обычаи. Сейчас напишу ему, чтобы он вам сообщил, как обстоит дело с продажей «Жизщины

Шекспира», и дал бы их вам на комиссию; надеюсь, письмо мое не опоздает.

У вас верный нюх: подлец Ашер был здесь, в Париже, и очень хлопотал перед Деллуа о немецком издании «Женщины Шекспира», но наврал с три короба. Кроме того, он слишком много обо мне рассуждает; при случае задам ему головомопку.

Письмо Гуцкова весьма смущает меня. Что мне делать! Завтра ему отвечу. Печатать теперь стихи я не могу, — это значило бы с самого начала вызвать осложнения с Гуцковым и самое досадное недоразумение. Я поверю вам свои мысли (но только вам одному) и скажу вам со всей наивностью и прямодушием, на которые я способен: мне дела нет до книги, мне совершенно неважно, если она выйдет позднее, в собрании сочинений; от этой оттяжки пострадает, в сущности, мой издатель г-н Юлиус Кампе, а не я. Не правда ли, как наивно? Но, дорогой Кампе, это-то меня по-настоящему и огорчает. Как же нам сделать, чтобы облегчить вам до некоторой степени вашу жертву? Полагаю, вы могли бы напечатать послесловие отдельной брошюрой, и в ближайшем своем письме я скажу вам, какое новое введение необходимо к ней дать. Если вы хотите тут же, в день, когда оно выйдет, напечатать послесловие в «Телеграфе», что же, пожалуйста. Только дайте примечание, что редакция получила разрешение *издателя* на эту перепечатку.

Дело в том, что мне нельзя обращаться *непосредственно* в «Телеграф». Говорят, в статье, напечатанной там обо мне, меня поливают грязью. Я просил вас послать мне ее бандеролью; кажется, оправдалось мое предположение, что Виль, охваченный манией величия, хочет сделать из меня свой пьедестал. Левальд пишет, что когда он прочел эту статью, у него все внутри перевернулось. На днях один друг написал мне из Парижа, что автор этой статьи, сохраняя вид невинной овечки, распространяет подлинные сплетни о моей возлюбленной и о моем положении в Париже, а также что он всячески поддерживает гнусности Бойрмана; словом, он вне себя от ярости. Пошлите мне как можно скорее бандеролью эти газеты в Гранвиль, департамент Ла-Манш. У Вилия, без сомнения, самые добрые намерения, но дьявол его искушает, внушая ему чудовищное честолюбие. Я предсказывал ему это заранее,

но он неизлечим. Мне все эти истории, в сущности, безразличны, но *в настоящее время* мне не хотелось бы своим официальным сотрудничеством в «Телеграфе» как бы санкционировать глупости Виля. Этого еще не хватало!

Если хотите, можете все пересказать Вилю. Черт бы его подрал, если то, что мне сообщают из Парижа, подтвердится. Очень прошу не посвящать его в мои литературные замыслы. В Париже я никогда не рисковал говорить ему о них из боязни запутаться в самых отвратительных газетных сплетнях.

Ваш план «Ежегодника литературы» мне нравится. Охотно внесу в него свой вклад и, может быть, выберу для этого сюжет, который сразу же обеспечит книге исключительный *ogue*.¹ Завтра напишу Гуцкову. Я очень люблю его, но пусть его тоже черт возьмет, только более мягким образом и соблюдая подобающий респект, — он очень знатный грешник. Придирается к целому свету и всюду сеет вражду, даже там, где с помощью спокойствия и двух унций терпения можно было обеспечить себе чрезвычайно выгодную дружбу и союзников. Завтра напишу ему. Во всяком случае, поблагодарите его уже сегодня от моего имени за интерес, который он проявляет ко мне.

А вы, дорогой Кампе, будьте здоровы и верьте в искреннюю мою дружбу.

Г. Гейне.

26. КАРЛУ ГУЦКОВУ

Гранвиль, 23 августа 1838 г.

Я должен, дорогой друг, принести вам сердечную благодарность за ваше письмо от 6 числа. Получив его, я написал Кампе и попросил не отдавать в печать второго тома «Книги песен», то есть «Добавления». Я издам его несколько позже, когда просею его еще раз и соответствующим образом пополню. Вы, вероятно, правы, — некоторые стихи в нем могут быть использованы моими противниками; эти столь же лицемерны, сколь трусливы. Но мне

---

¹ Успех (франц.).

кажется, что среди всех сомнительных стихотворений нет ни одного, которое не было бы уже напечатано в первой части «Салона»; новое добавление, насколько я могу припомнить, вполне невинного содержания. Вообще же я надеюсь, что при будущем издании мне не придется выбрасывать ни одного из этих стихотворений, и я напечатаю их с чистой совестью, как напечатал бы и «Сатирикон» Петрония и «Римские элегии» Гете, если бы я сам был автором этих замечательных произведений. Они, как и мои подвергшиеся нападкам стихи, — не пища для грубой черни. В этом вы заблуждаетесь. От этих стихов получают удовольствие только избранные души, которым художественное воплощение явлений греховных или слишком естественных доставляет тонкое наслаждение. Мало кто из немцев сможет по достоинству оценить эти стихи, так как немцам неизвестен самый материал, то есть противоестественные амурные дела в таком всемирном сумасшедшем доме, как Париж. Дело здесь идет не о моральных потребностях какого-нибудь женатого бюргера в каком-нибудь уголке Германии, но об автономии самого искусства. Моим девизом остается: искусство есть цель искусства, как любовь есть цель любви и даже как самая жизнь есть цель жизни.

Все, что вы пишете о молодой поросли нашей литературы, чрезвычайно интересно. И все-таки я не боюсь критики этой молодежи. Если они умны, они знают, что я лучшая их опора, что в борьбе против стариков я для них — свой и меня следует превознести. Если они не умны — ну, тогда они и вовсе не опасны! Впрочем, я не так уж беззаботен, как вы думаете. Я стараюсь оплодотворить свою душу для будущего; недавно перечел всего Шекспира, а теперь здесь, у моря, читаю Библию. Что касается мнения общества о моих прежних произведениях, то оно сильно зависит от событий и переворотов, в которых я лично не могу принять участия. По чести признаюсь, великие интересы европейской жизни все еще занимают меня гораздо больше, чем мои книги, que Dieu les prenne en sa sainte et digne garde!¹

Будьте здоровы. Благодарю вас еще раз за добродушительство, с которым вы обратили мое внимание

---

¹ Да будет им господь бог защитой и оплотом! (франц.)

па сучок в моем глазу. Сердечно желаю, чтобы вы приехали когда-нибудь в Париж. О задуманных вами литературных ежегодниках в ближайшее время напишу Кампе. Надеюсь, вы привлечете к ним и Лаубе, отношения с которым вы испортили еще не так безнадежно, как с Мундтом и пр. А в том, что наши с вами отношения не испорчены вконец, право же, вина не ваша! Я во многом могу упрекнуть вас, но не вашу «Серафину», которая относится к числу названных выше *из ряда вон выходящих* созданий искусства.

Ваш друг
Г. Гейне.

27. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 7 января 1839 г.

Дорогой Лаубе!

Я пишу вам сегодня при весьма неблагоприятных обстоятельствах: на дворе снежная буря, в комнате больше дыма, чем огня, рядом со мной — попугай, который без умолку кричит, и красавица жена, которая бранится со старой глухой служанкой. А уж внутри, в душе у меня что делается! Ни дать ни взять — старая печная труба, где сушатся селедки и ведьмы летают вверх и вниз на помеле.

Но все-таки дальше откладывать не могу — необходимо ответить вам сегодня, чтобы вы по крайней мере знали, что задержка с возвращением пюклеровской рукописи произошла не по моей вине. Некый француз, которому я доверил ее, по сей день водит меня за нос, и я принужден наконец забрать у него рукопись и дать ее на исправление другому. К тому же должен вам сообщить: скоро я отправляюсь в путешествие, долгое время буду, видимо, вдали от Парижа, а потому хочу в самое ближайшее время получить рукопись вашей «Истории литературы». Пошлите мне как можно скорее все, что уже переписано, — и непременно с почтовым дилижансом. Издательские оказии — чертовски затяжное дело; так, например, ваше предпоследнее письмо я получил с большим опозданием. Пакет шлите по адресу: Н. Heine, aux

soins de Mr. Jules Cohen, faubourg Poissonière №. 15, à Paris.

Не сердитесь, пожалуйста, не сердитесь, — биографические заметки, которые вы просили, я не посылаю даже и сегодня, но недели через две вы все-таки их получите.

Поздравляю вас с полной свободой, которой вы наконец достигли; за что бы вы теперь ни взялись, будьте уверены в моем участии; это относится и к вашим литературным начинаниям, хотя мне и хотелось бы держаться подальше от современной грызни. Но я часто говорил вам, — да и вы сами это знаете, — что вы единственный, с кем меня связывает самое гармоническое взаимопонимание в глубочайшем смысле этого слова. Даю вам *carte blanche*¹ пользоваться моим именем, где хотите и для чего хотите. Можете говорить и делать от моего имени что угодно. Вот какое доверие я к вам питаю!

Я чувствую себя хорошо, бодро и каждый день строю новые воздушные замки. Глазам моим лучше.

Много размышляю, мало пишу и ничего не издаю. Последнее имеет совсем другие причины, чем вы, вероятно, предполагаете. Кампе — вот кто отравляет мне всякую охоту печататься, а, может быть, и самую радость творчества. Я прощаю ему то, что раньше, когда он боялся ответственности, он печатал мои книги с ужаснейшими искажениями и что я поэтому оказывался жертвой самых мучительных недоразумений. Но подумайте только, что со мной случилось теперь! Подумайте только!

Более года назад я послал ему послесловие ко второму тому моих стихов; он уверял меня, что книга вот-вот должна выйти из печати. Там не было ни слова о политике, ни одного слова, которое не мог бы пропустить даже самый твердолобый цензор. Я дал прочесть рукопись одному австрийцу, и тот заверил меня, что она может получить разрешение на печатание в Вене. В моей рукописи содержался только разнос швабам и нагоняй мозгляку Пфифцеру. Я уже и думать о ней забыл, как вдруг осенью получил письмо от Кампе; он утверждал, что мои стихи не пропустила цензура, что поэтому и послесловие не напечатано и что он предлагает печатать это послесловие в его журнале «Ежегодник литературы», который якобы вот-вот должен

---

¹ Полную свободу (*франц.*).

выйти. «Лишь бы напечатать! Лишь бы поскорее напечатать, — ответил я тотчас, — лишь бы напечатать, все равно где, только поскорее!»

И вот две недели назад я получаю гранки и вижу, что статья совершенно изуродована, и при этом злостно, в наиболее важных местах, как могла изуродовать не цензура, а только чья-то наглая рука.

Я тут же высказал в письме к Кампе все свое негодование, все свое возмущение, все свое отвращение и заявил, что напечатая послесловие в его первоначальном виде. Он мне ответил, ответил очень жалобно и при этом почти признался, что искажил меня не цензор. Видите, меня предал и продал Кампе, который, конечно, скоро поплатится за свое братание с подручными Гуцкова: с ничтожным Вилем, жалким Бойрманом и прочей сволочью. Характер Гуцкова для меня совершенно ясен; я убежден, что Кампе в конце концов понесет кару именно от Гуцкова, и ему, как Менцелю, придется вкусить горький осадок гуцковской дружбы. Да, вся сущность Гуцкова мне ясна, и мне очень его жалко. Он одержим демоном, который мне хорошо знаком. Помню, я всегда боялся этого демона. Может быть, это корень мандрагоры. Сначала им владел Коцебу, тот передал его Мюльнеру, Мюльнер — Менцелю, а тот, в свою очередь, — Гуцкову. Гуцков приобрел его, вероятно, задаром и не может от него избавиться, и скоро мы увидим, как он, словно полоумный, бегаёт по стране, если только дьявол не свернет ему шею. Это шутка, впрочем, не только шутка: зло, которое сидит в Гуцкове, кажется мне традиционным. Против собственной воли он швыряется навозом. Меня, например, хочет похвалить и не может сделать ничего лучшего, как вымазать триумфальные ворота, которые он же мне воздвигает, старым менцелевским дерьмом, а о моем еврейском происхождении говорит совсем а-ля Менцель, который вначале под этим лозунгом призывал чернь вступить с ним в союз против меня и хотел документально доказать свое истинное германство. Или, может быть, Гуцков действительно так необразован, так бестактен, что говорит о вещах, о которых не надо напомирать ни мне, ни черни, — о вещах, о которых всякий, кто хочет пользоваться моим уважением, не должен даже и думать, настолько они ничтожны. Вы поймете, Лаубе, — ведь вы наряду с Фарнхагеном тот

писатель, который одарен наивысшим тактом, — вы поймете, что я говорю так не от негодования; в этом печатном навозе нет ничего обидного для меня, я даже доволен, когда враги не способны придумать нового дерьма и грозят мне навозными вилами вместо тонкого стилета; мне приятнее, что они тычут этими вилами в давно покинутую мною люльку, а не целятся в мою теперешнюю постель или в мос убежище, — в общем, вы все понимаете, но для меня намеки такого рода — всегда критерий для оценки характера и сущности того, кто ими пользуется.

«Ежегодник», в котором Гуцков меня хвалил, а Лаубе и Мундта ругал, я увидел только несколько дней тому назад. Вам, конечно, ясно, о чем я говорил выше. Нападки на вас и Мундта вызывают у меня только отвращение. Чем это кончится? У Гуцкова нет недостатка в уме и таланте, но свойствам этим не хватает основы, без которой все распадется прахом. Звезды меньшей величины будут блистать дольше, чем эта лучезарная комета с огненным хвостом, которая беспощадно и беззаконно мчится по небу литературы. Что предвещает эта комета? Уж не является ли она сама тем бедствием, которое предвещает? Я почти верю в это, — право, литературное бедствие, именуемое Гуцковым, достаточно велико и печально. Будьте здоровы и бодры. Вашей жене и княгине Пюклер — мои почтительнейшие приветы.

Ваш друг
Г. Гейне.

28. ГУСТАВУ-ФЕРДИНАНДУ КЮНЕ

Париж, 30 января 1839 г.

Милостивый государь!

Прошу напечатать прилагаемые строки в «Газете для любителей изящного». Вы чрезвычайно меня обяжете.

Быть может, вас удивит, если я признаюсь, что только несколько недель назад познакомился с вами, то есть прочел ваши «Мужские и женские характеры», но вас никоим образом не поразит то, что они меня необычайно захватили, обрадовали и успокоили. Подобные книги,

хоть они и редкость, служат порукой тому, что дух гуманности в Германии завоевывает все новые высоты, а также свидетельствуют об одаренности его носителей. После чтения вашей книги меня охватила невыразимая тоска по родине. Но, может быть, я заблуждаюсь, и людей, подобных вам, в Германии мало.

Примите мои самые сердечные приветы и уверения в живейшем уважении.

Г. Гейне.

Разъяснение

Статья «Швабское зеркало», подписанная моим именем и напечатанная в «Ежегоднике литературы» Гофмана и Кампе, настолько искажена в интересах критикуемых в ней лиц, — причем это явилось следствием тайных происков родственников им по духу интриганов, — что я вынужден отказаться от своего авторства.

Париж, 21 января 1839 г.

Георх Гейне.

29. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 20 февраля 1839 г.

Дорогой Кампе!

Сегодня или в ближайшие дни вышлю вам предисловие к третьему изданию «Книги песен». Около недели назад я отправил в Гамбург откорректированный экземпляр второго издания, который будет служить рукописью для перепечатки; я передал пакет г-ну Фуртадо, тестю Карла Гейне, и он запаковал его в ящик, который тотчас же отбыл с почтовой каретой. Если вы еще не получили пакета, пошлите за ним к Карлу Гейне. Ах, дорогой Кампе, сегодня вы опять услышите от меня старую песню: сколько горестей я испытал, заново просматривая «Книгу песен»! Вы знаете, какое большое значение я придаю своей пунктуации, а ведь как неряшливо с ней обошлись при печатании! В такой книге, как эта, каждая запятая должна быть святыней для типографов. Просмотр текста стоил

мне восьми тягостных дней, и я надеюсь, что на этот раз мои труды не пропадут втуне! Сразу же напишите типографу, что мою пунктуацию надо передавать так же точно, как текст дипломатической ноты. И вообще позаботьтесь, чтобы напечатали получше. Просмотрите как-нибудь второе издание «Книги песен» с этой точки зрения и сравните его с другими сборниками стихов, например Фрейлиграта, который вышел у Котты!

А какими словами передать вам негодование, охватившее меня, когда я обнаружил, что даже и в «Книге песен» цензура искалечила несколько стихотворений! Что вы на это скажете? Или я и тут нагнал страху на цензора? Разве я не отличаюсь от всех других поэтов тем, что в моих стихах очень мало политических намеков? Разве я не исключил из «Книги песен» решительно все, что могло бы придать ей хоть малейший оттенок приверженности к какой-либо партии? Вместо изуродованных стихотворений я подклеил соответствующие вырезки из первого издания и думаю, что теперь текст не будет сокращен ни на йоту, да и вообще я надеюсь, что не стану больше жертвой подобной расправы. Нет, я не только надеюсь — я уверен в этом: я не дам вам больше ни строчки, если не получу от вас гарантий на сей счет. Уже по этой причине вам следовало бы сделать все, чтобы напечатать меня без искажений, с тем чтобы эта перепечатка соответствовала по крайней мере хоть старым изданиям. Вы себе представить не можете, как много я сделал в этом отношении для защиты ваших же интересов, а я буду и впредь делать для этого все; так сделайте же и вы хотя бы то, что в ваших силах, постарайтесь освободить мою книгу от цензуры, позаботьтесь, чтобы она была напечатана точно и красиво, нарядите моих деток получше.

Умираю от насморка, он мучит меня вот уже две недели и мешает закончить одну большую работу. «Швабское зеркало» я не стал вторично отдавать в печать, как мне советовали, и ограничился тем, что известил публику об искажении, но в дальнейшем издам эту вещь в ее подлинном обличье. Говорят, что в «Корреспонденте» г-н Виль подольстился за мой счет к швабам. Тщеславный ләэт! Из тщеславия он готов на все.

Ваш друг

Г. Гейне.

30. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 3 апреля 1839 г.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

*Открытое письмо доктора Гейне г-ну Юлиусу Кампе, владельцу
издательства «Гофман и Кампе» в Гамбурге.*

Мой дорогой Кампе!

Если вы или кто-нибудь другой рассчитывали, что «Телеграф» г-на Гуцкова не попадется мне на глаза, то вы заблуждались. Дело не меняется и в том случае, если вы твердо надеялись, что из деликатности я не стану отвечать на напечатанное в нем разъяснение по поводу «Швабского зеркала». Если бы в этом разъяснении содержались только грубые оскорбления, то, из врожденной мягкости и ради старой дружбы, я, конечно, промолчал бы. Я охотно бы извинил гневные вспышки раздраженностью, которая особенно попятна в наше тяжелое время, когда на писателя и на издателя обрушивается столько невзгод; право же, друг может простить кое-какие обиды другу, особенно более благоразумный друг — более страстному... Но, дорогой Кампе, если бы я даже преодолел обидчивость и спокойно отнесся к грубому оскорблению, все-таки ваше разъяснение допускает ряд сомнительных истолкований, компрометирующих самый смысл моих слов, а следовательно, и те священные интересы, которым слова мои служат. И это открытое письмо я пишу вам только для того, чтобы оградить себя от подобных истолкований.

В «Газете для любителей изящного» я уведомил публику о том, что в вышедшем у вас «Ежегоднике литературы» помещена моя статья под заглавием «Швабское зеркало», которая настолько искажена в интересах критикуемых в ней лиц, — причем это явилось следствием тайных происков родственников им по духу интриганов, — что я вынужден отказаться от своего авторства. В ответ на это, дорогой Кампе, вы поместили в «Телеграфе» г-на Гуцкова разъяснение, где было сказано: в искажениях этих повинна одна лишь королевская саксонская цензура! Вы еще прибавили: «Мы указываем на это, чтобы разъяснить противникам Генриха Гейне, что именно следует подраزمывать под тайными происками родственников им по духу интриганов».

Итак, вы совершенно безапелляционно возражаете мне, проявляя высокомерную снисходительность, не приводя никаких доказательств, которые бы подтвердили ваше заявление. Ну что же, я мог бы противопоставить вашему скупому *нет* столь же краткое *да*, и тогда все дело было бы в том, чье слово пользуется в Германии большим доверием. Но, повторяю, на оскорбление я не собираюсь отвечать оскорблением, я хочу уличить вас не во лжи, а только в заблуждении, и во всем этом грустном деле я опираюсь не на безупречность своей репутации, а только на действительное происшествие, которое вы признали сами, и на высший авторитет логики. Поэтому не буду останавливаться сейчас на самом факте упомянутых интриг; я вернусь к нему позднее, когда уже не будет нескромностью вмешать сюда некоторых посторонних лиц и когда меня не будет так сковывать страх перед красным карандашом. Сегодня ограничусь некоторыми разъяснениями, по которым публика сама сможет судить, имели ли вы, дорогой друг, достаточные основания возразить на мои слова указанным неучтивым образом.

Признаюсь вам, я не хотел верить своим глазам, когда мне попалась эта статья в «Телеграфе». Не знай я уже давно, под чьим влиянием вы находитесь, я, право же, испытал бы величайшее беспокойство по поводу здравости вашего рассудка. Бедный друг! Когда вы писали или подписывали это разъяснение, вы, несомненно, страдали жестоким ослаблением памяти, — вы совершенно забыли, что написано в ваших последних письмах, и уж окончательно все, о чем вы писали мне в прежние времена, когда я тоже жаловался вам на искажение моих произведений. Поистине, вы были повинны в том, что жалобы эти беспрестанно повторялись, что, удрученный горестями, я утратил всякую охоту к проклятому писательству, что я предпочитал закусить губы и безмолвствовать, нежели выставить свое беззащитное слово на постыдное извращение. Все это началось с «Французских дел». По снисходительности и незлобивости я легко простил вам тогда чудовищные опустошения, произведенные в моем предисловии; вы признались мне, что, хотя в книге было более двадцати печатных листов, вы, во избежание серьезных осложнений, отдали ее в цензуру... Тогда вы только что связали себя священными узами брака, обзавелись женой

и ребенком, и я не мог вас сразу же предать проклятию. И, публикуя свои последующие произведения, я тоже принял во внимание изменившееся семейное положение моего издателя: вы могли спокойно, без мер цензурной предосторожности, напечатать первую часть «Салона». Вы меня успокоили, и я доверчиво послал вам вторую часть «Салона», в которой было тоже свыше двадцати листов и которая не была подвергнута предварительной цензуре; к тому же вы в ту пору выпустили в свет так много дерзких сочинений, например письма Берне, что я решил: Кампе стал снова старым Кампе... Но я просчитался: именно потому, что вы издали столько ультралиберальных книг и книжонок, вы решили образумиться, и жертвой оказался как раз бедный второй том моего «Салона», который вы возложили на алтарь цензуры как искупительную жертву за свои печатные грехи. Книгу зарезали, да так искромсали ножом, что пропало все ее патриотическое значение, а зерном книги оказалась богословская полемика, которая была только горькой ее оболочкой, и это дало полную возможность извратить и оклеветать мои истинные стремления.

В заявлении, опубликованном мною по этому поводу, я, быть может, зашел слишком далеко, возложив ответственность за происшедшую беду на вас одного; однако оправдать вас полностью я все-таки никогда не мог. Мы поссорились тогда, потом вновь помирились, залатали треснувшее доверие, и вскоре я послал вам «Романтическую школу», которую вы напечатали... после того, как, внезапно испугавшись, опять отправили ее на цензуру бог весть куда и дали изуродовать до неузнаваемости! На этот раз я был не так взбешен, потому что в издание, появившееся в Париже под заглавием «К истории новейшей художественной литературы», вошла большая часть искаженного текста книги, и я думал, что это до некоторой степени оградит меня от злостных кривотолков. Да и ваш страх перед суровой ответственностью был в то время не лишен оснований: тяжелая духота предвещала грозу, которая вскоре и разразилась у нас, — то было постановление Союзаного сейма о «Молодой Германии». Когда уже гром начал гремять, а молния — поблескивать, я протянул вам руку мира, пожал плечами, покорился путеводным звездам, роковой необходимости и решил печатать отныне

только плоды легкой игры фантазии, которые не боятся никакой цензуры, поскольку они чужды всяким политическим вопросам.

Покорившись провидению, я послал вам третью часть «Салона», состоявшую из невинного сборника сказок и из литературно неистового, но политически очень мирного предисловия; и в самом деле, текст книги целиком допущен цензурой, кроме предисловия, с которым приключились странные вещи. Оно было направлено против штутгартского доносчика, который, как я узнал позднее, пользовался тогда исключительной поддержкой некоторых учреждений. Разумеется, государство должно охранять осведомителя, даже если он презреннейший негодяй; в противном случае никакая полиция не могла бы существовать. К несчастью для моего бедного предисловия, упомянутого доносчика всюду при помощи тайных происков поддерживали интриганы, родственные ему по духу. Он не был одинок; а так как доносы его были не только гласными, то при нем состояла еще и целая свора сообщников, шныряющих во тьме. Да, эти доносы были не только гласными, они состояли не только из одних печатных статей. Может быть, вы припомните, что вызвались тогда достать мне собственноручное письмо г-на Вольфганга Менцеля, написанное Теодору Мундту незадолго до постановления Союзного сейма, письмо, в котором автор самым идиотским образом выдал свои шпионские происки?

Но вы забываете все, дорогой Кампе, — вы забыли даже, что в деле с предисловием к третьей части «Салона» вы сами изо всех сил боролись с тайными происками интриганов, родственников Менцелю по духу, и собственной хитростью расстроили их ряды. Особенно сетовали вы в ту пору на безызвестного доктора Адриана, цензора в Гиссене, куда вы отправили печатать книгу; вы обвиняли его в том, что содержание книги, которое должно было оставаться в тайне вплоть до ее появления, стало немедленно известно в Штутгарте. В письме от 21 октября 1836 года вы писали мне:

«Я говорил вам, что ваш гиссенский цензор — *Адриан*, тот самый, который написал «Английские впечатления». Это он дал в «Феникс» заметку о том, что третья часть «Салона» печатается в Гиссене, под гиссенской цензурой. Я проверил это и через редактора Дуллера получил

доказательства, что сообщил об этом именно Адриан. За-метка попала в другие газеты и могла привести к конфискации книги. *Цель этой инсинуации очевидна.*

В более позднем письме вы жаловались, что вопрос о разрешении печатать тянется месяцами (и действительно, прошло более девяти месяцев до выхода книги) и что это еще усиливает ваши подозрения. Наконец, после того как вас долго водили за нос, вы мне написали 5 апреля 1837 года следующее письмо:

«Подумайте, скотина Адриан не хочет дать разрешение печатать предисловие. Типография обратилась в министерство. Министры посмеялись, но эта сволочь, пишущая этюды об Англии, на своем *посту* обладает всей полнотой власти. Его *рецензент Менцель* для него важнее, чем Гейне. Он хочет выказать себя настоящим верноподданным!»

Эта выдержка дает вам примерное представление о том, что, в сущности, я понимаю под выражением «*тайные происки родственников им по духу интриганов*». Более точное определение здесь невозможно. Все это вещи, которые гораздо сильнее чувствуешь, чем видишь и осязаешь. Нельзя схватить рукой ветер, нельзя превратить тьму в свет... Может случиться, что тени, которые я хотел показать всем, исчезнут бесследно, едва я приближусь к ним с фонарем.

Пolemические произведения, смысл которых заключается в злободневности, теряют большую часть своего значения, стоит только задержать их выпуск; и все же я был вам благодарен за то, что вы издали отдельной брошюрой неискаженное предисловие к третьей части «Салона» под названием «О доносчике». Я обрел новую веру в ваше издательское мужество, я снова успокоился. Поэтому я был очень удивлен, когда на мой запрос о том, как обстоит дело с изданием «Книги песен», вы ответили так: «Теперь меня не проведешь, на этот раз рукопись послана на цензуру не в Гиссен, а в Дармштадт, но ответа еще нет». Я от души посмеялся над тем, что героический издатель сочинений Берне теперь дает на цензуру даже мои невинные любовные песни... Но моя веселость пропала, когда, ничего не понимая в географии, я справился поточнее у одного бывшего немецкого извозчика и получил ответ: «Дармштадт и Гиссен — это как пшпик и свинина, разницы тут нет: пропуск из Дармштадта годится и для Гиссена, а начальник гиссенской полиции — двоюродный брат господина тамо-

женного инспектора в Дармштадте». Поэтому я не слишком удивился, когда через несколько месяцев получил от вас жалобное письмо, в котором вы сетовали, что, дескать, вас опять провели и отказали в разрешении печатать книгу. Но у этой книги было полемическое послесловие, из-за задержки оно уже несколько утратило актуальное значение, и потому я охотно согласился на ваше предложение немедленно напечатать его в «Ежегоднике литературы», который вы обещали выпустить в октябре. К сожалению, у меня сохранилась только часть вашего письма; я был тогда в Бретани и, вырезав из него одно место, касавшееся г-на Деллуа, отослал ему эту вырезку в Париж; поэтому в письме имеется пробел. Это тем более жалко, что я привел бы ваши подлинныя слова, в которых вы обещали добросовестно перепечатать мое послесловие, и тут же сделали мне очень наивное признание, касающееся г-на Гуцкова. Письмо это — от 9 августа 1838 года. Вот его текст:

«Сегодня вечером мы с Гуцковым решили предпринять дело, которое будет чрезвычайно важным для литературы: речь идет о «Ежегоднике литературы» — он должен выйти в октябре этого года, а впоследствии появляться регулярно однажды в год. Довольно с нас журналов ежемесячных и трехмесячных. Мы, руководители, знаем, чего от них ждать... «Ежегодник» будет последней, решающей инстанцией, ему надлежит подводить итоги за год. Именно в нем настоящее место для вашего послесловия. Говорю вам это по поручению Гуцкова. Розенкранц, Юнг, Кениг, Ридель, Даумер, Шюкинг, Дингельштедт и другие дают нам свои работы. Обзорную статью начиная с 1830 года напишет Гуцков. Это пойдет на пользу так называемой «молодой литературе». Винбарг тоже обещает свое участие. Гуцков охотно бы взял вашу статью. Или вам хочется дать другую? Если же вы хотите напечатать послесловие...»

После этих слов — пробел. Одновременно я получил письмо от г-на Гуцкова, который дружески и ласково протягивал мне руку, к чему у него, конечно, были веские основания, так как уже давно я в своих сочинениях с должным уважением приветствовал его талант, да и потом в очень тяжкие времена, когда товарищи наперебой отскакивали от него, я неизменно выражал ему симпатию. Вы знаете, как я ценил его доверие; поэтому я очень охотно представил «Ежегоднику литературы» упомянутое послесловие,

которое г-н Гуцков предложил мне озаглавить «Швабское зеркало».

Вы легко можете себе представить, как жестоко, как бесконечно жестоко я был оскорблен, когда после таких переговоров мне в конце декабря попался в руки «Ежегодник литературы», и я нашел в нем свое бедное послесловие, которое теперь носило столь претенциозное заглавие; оно было так изуродовано, что не только все оценки мои стали казаться ложными, но, в результате того что в моем тексте подставили чуждые мне эпитеты, убрали необходимые переходы и вообще исказили форму моей статьи, не мог не пострадать и мой авторитет художника. Все это, конечно, было сделано не цензором, — в статье не было ни единого слова, которое бы отдавало политикой или официальной религией, и если впоследствии она будет напечатана в первоначальном виде, всякому станет очевидно, что грязные руки, проделавшие это темное дело, оставили следы своих намерений. Убежден, что вы, дорогой Кампе, здесь неповинны; ведь когда я немедленно написал вам об этом преступлении, вы ответили мне с удивлением; из вашего письма от 25 декабря 1838 года приведу только следующие слова:

«Мне тоже показалось, что чего-то здесь не хватает; поэтому, как вы убедитесь по выдержке из письма владельца типографии, я потребовал рукопись для сличения. Незадолго до того П[ьере] (писатель и владелец типографии) писал мне, что *только* ваша статья вызвала сомнения цензора. Я приказал (и мои письма в типографию, если вы ознакомитесь с ними, подтверждают это): *если что-нибудь вычеркнуто* без моего ведома, статью надо *изъять* из книги».

Итак, вы заявляете сами, что дали недвусмысленное распоряжение вовсе не печатать статьи, если цензура будет се черкать. Как же случилось, что, вопреки этому распоряжению, статья была так чудовищно исчеркана и все-таки напечатана? Или есть иные распоряжения, которым подчиняются больше, чем вашим, и которым вы сами повинуетесь слепо? Во всяком случае, когда вы взваливаете вину за искажение моей статьи исключительно на королевскую цензуру Саксонии, у меня возникают весьма тревожные сомнения в вашей независимости.

Нет, на этот раз я не позволю ссылаться на цензуру, тем более на саксонскую, которая как раз в ту пору, когда

появился ваш «Ежегодник», дала мне блестящее доказательство своей мягкости и либеральности. Всякая книга, напечатанная за границей, должна, прежде чем поступить в продажу в Германском союзе, пройти через немецкую цензуру, поэтому я провел «Женщин и девушек Шекспира» через цензуру в Лейпциге и — поди ж ты! — из этой книги, в которой содержится немало политически и теологически двусмысленных мест, королевская цензура Саксонии не вычеркнула ни единого слова! Почему же в городе Гримме тот же самый цензурный орган должен был исказить гораздо более невинный опус? Обычно в маленьких местечках, с помощью дружеских связей, смягчить цензуру гораздо легче; можно пожертвовать менее значительной частью книги во имя спасения более значительной, можно прибегнуть к посредничеству... Короче, дорогой Кампе, все ваши возражения говорили гораздо больше против вас, чем за вас; более того — вы сами дали мне новые поводы для подозрений; цензурный лист, который вы приложили, был всего лишь цензурным листом с пометкой о разрешении к печати; при этом вы старались направить меня по разным ложным следам и пр. В своем письме от 10 января вы писали:

«...Цензурный лист «Швабского зеркала» я отправил вам поделю назад, и вы убедились, какому постыдному подозрению подвергли вы меня и Гуцкова! К сожалению, цензор поступил преступно, и видно, что он берет под защиту *совершенную чепуху*, например Теодора Хеля! Цензор — уроженец Дрездена. Раньше цензором был Гее, теперь он в Париже...»

Нет, дорогой Кампе, Теодор Хель ни в чем не повинен; и в статье моей не было ни единого слова, которое могло бы хоть сколько-нибудь его задеть. И Гуцков, на которого вы, не знаю почему, так усердно меня натравливаете, тоже невинен. Он невинен, как и вы. Если в моем письме к вам я, может быть, несколько грубо говорил о Гуцкове, то я сделал это, во-первых, потому, что был в дурном настроении, а во-вторых, потому, что никоим образом не мог простить его *levissima culpa*.¹ В своем письме вы мне сказали, что цензор ничего не вычеркнул из статьи Гуцкова, а ведь по сравнению с этой статьей, где ставилось на обсуждение

---

¹ Самую легкую вину (*лат.*).

столько политических и философских вопросов современности, моя работа была лишь жалким, невинным «швабским зеркалом». Но г-н Гуцков позаботился о том, чтобы его статья не потерпела ущерба от цензуры, — почему же он не проявил такой же заботливости по отношению к моей статье, которую я ему некоторым образом доверил? Милый Кампе, вы не издаете юридических книг, и я хотел вам разъяснить, что я понимаю под *levissima culpa*.

Но, если я даже и был недоволен г-ном Гуцковым, вы сами, дорогой Кампе, способствовали этому своей детской болтливостью. Кто первый обратил мое внимание на то, что некоторые клеветнические статьи, черпающие свою информацию, очевидно, в Гамбурге, несомненно принадлежат перу благородного Бойрмана, который в конце концов лишь один из верных прислужников г-на Гуцкова? Почему вы в письме от 5 февраля 1839 года толкуете, что какой-то г-н Виль не пишет ни одной строчки, не проверенной г-ном Гуцковым, почему вы возлагаете на Гуцкова ответственность за все, что пишет Виль? И когда Виль, критикуя в некоем журнале мое «Швабское зеркало», берет под защиту не только швабов, но даже менцелевский героизм, не вправе ли я сердиться на Гуцкова, который, хотя бы из чувства деликатности, должен был бы приказать своему холою выразить глубочайшее уважение моей статье? А кто, дорогой Кампе, дал мне характеристику упомянутого г-на Вилля, которому вы, как следует из вашего письма от 21 июня 1838 года, без моего ведома доверили мою рукопись, оставив таковую у него на несколько недель? Кто в уже упомянутом письме от 25 декабря писал мне следующее:

«Виль — сплетник. Две недели назад я задал ему хорошую трепку, потому что этот тип, который *frère et compagne*¹ со всеми здешними писаклами, осмелился впутать в сплетню и меня, и в этой сплетне я изображал фигуру на помочах у Гуцкова и Вилля... Это был запутанный клубок... Но после басни о том, что я, дескать, *нахожусь в зависимости от «Телеграфа»*, что я должен делать все, что потребует Гуцков, я объяснился с Гуцковым примерно в таких выражениях: уже четыре месяца назад, в связи со сплетней, которую Виль передал Винбаргу, я просил

---

¹ Брат и сват (франц.).

Гуцкова сколько угодно использовать Вилия в качестве подручного для своих работ, но не посвящать его в наши отношения, планы и пр.; он не умеет держать язык за зубами, он скомпрометирует нас и разрушит планы, с таким трудом нами созданные. Гуцков не послушался и пр...

...Виль самый *прилипчивый и тщеславный* человек из всех, кого я знаю. Как часто я ловил его с поличным и вы-сменвал! Наши жалкие провинциальные газетки льстят ему самым чудовищным образом. Он *поэт!* И связан через Гуцкова со всеми тузами, которые вступают в стены издательства. Кроме того, у него обширные связи и в низах. Начиная от редактора «Вестника новостей» и далее по восходящей, до Рункеля включительно, — все его покровители, все превозносят его. При этом он не знает ни людей, ни света, грешит столько же по *глупости*, сколько и по злой воле...»

Это место из вашего письма я процитировал с особым намерением, дабы вы почувствовали, что вам никак нельзя настаивать на литературной честности лица, в руках у которого много недель была рукопись моей статьи...

Но кто же в интересах швабов или, выражаясь точнее, в интересах некоторых редакторов журналов Котты, изуродовал мое «Швабское зеркало»? Если бы Заррас, ваш лохматый охотничий товарищ, был еще жив, мое подозрение пало бы на него, потому что он часто хватал меня за плечи, когда я приходил в вашу лавку, и всегда отчаянно лалял, если кто-нибудь требовал экземпляр «Путевых картин». Но вы мне уже давно сообщили, что Заррас подох, а с тех пор вы обзавелись совсем другими псами, с которыми я лично не знаком, но которые, очевидно, тащат прямехонько к швабам все, что вынюхают у вас, надеясь пере-хватить за это хоть крошку похвалы в «Утренней газете».

Если бы вы знали, дорогой Кампе, как приветливо сейчас светит солнце на мою бумагу, как спокойно у меня на душе, как прекрасен день именин, который сегодня празднуется... О, вы пожалели бы меня за то, что я должен растрачивать прелестные утренние часы на вышеприведенные разъяснения. А все-таки они были необходимы, — мне не хотелось посылать вам оскорбительно краткое опровержение. Промолчать же я никак не мог; вас это, может быть, и удивит, потому что я ни одним звуком не отвечал на самые подлые обвинения в газетах, на толстые брошюры,

полные клеветы, и даже на грохот зловонных мусорных фугонов! Но с издателем дело особое. Утверждениям людей, стоящих далеко от писателя, для которых двери его закрыты и которые подсматривают только через щелку, верят весьма мало. Издателя же, напротив, повсюду считают, так сказать, интимным другом дома; полагают, что ему в точности известно наше хозяйство, что он заглянул за все портьеры, и его рассказы слушают охотно; поэтому, чтобы обезвредить ваше разъяснение, я вынужден был подробно растолковать, что у вас не было права столь отважно выступить против меня, когда речь шла об искажении моих сочинений; что вы не можете опровергнуть мои показания; что ненадежная почва, на которой вы строите свои утверждения, колеблется; что, наконец, ваша правдивость кончается там, где начинается постороннее влияние. Если бы мне надо было констатировать только последнее и доказать, что ваше разъяснение является просто плодом вашей зависимости, то, право же, для этого мне не понадобилось бы другого документа, кроме самого вашего разъяснения. Ибо позвольте спросить вас: какова, собственно, цель этого разъяснения? Может быть, вы опасались, что искажение моей статьи припишут вам? В таком случае вполне достаточно и одной первой половины заметки и не нужно было добавлять: «Мы указываем на это, чтобы разъяснить противникам Генриха Гейне, что именно следует подразумевать под *тайными происками родственных им по духу интриганов*». Или, дорогой Кампе, вас так жестоко угнетают мои враги, что вы вынуждены были дать им личное удовлетворение этим дополнением? И это не так, ведь вы великий стрелок, и вы слишком мужественны, чтобы позволить им вынудить у себя разъяснение; и меньше всего вы испугались бы майских жуков и Ахилла — Вольфганга Менцеля! Или вы написали это разъяснение из тайной ненависти ко мне, чтобы опорочить меня в общественном мнении? Нет, мы самые лучшие друзья, и было бы преступно с моей стороны считать вас способным на вероломство, способным скрывать под плащом дружбы предательский кинжал! Или этим разъяснением вы хотели достичь каких-нибудь земных благ и, может быть, истекая кровью сердца, пожертвовали другом для более высоких, то есть коммерческих интересов? Нет, этого не может быть. Такое разъяснение должно было принести вам скорое денежный урон. Мой

основной принцип — «чем дороже мы обходимся людям, тем больше они любят нас!» — мог бы навести меня на мысль косвенным образом усилить ваши дружеские чувства и потребовать двойной гонорар за мои будущие произведения.

Итак, если ни деликатность, ни страх, ни ненависть, ни корысть не играли роли в вашем разъяснении, то это разъяснение разъясняется только скрытыми происками тех швабских родственных душ, для которых вы, дорогой Кампе, бессознательно служите оружием, и именно слова, которыми вы мне возражали, подтверждают мое заявление.

Генрих Гейне.

31. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 12 апреля 1839 г.

Дорогой Кампе!

Главным поводом сегодняшнего письма является «Добавление к „Книге песен“», которое я получил обратно из Гриммы в таком скверном состоянии, что мне предстоит еще тошнотворная и бесконечная работа. Я должен снова привести все в порядок — некоторые стихотворения пропали. Это очень неприятно.

Насколько мерзкое занятие вы мне навязали, вы увидите из «Любителей изящного». Надеюсь, вы будете мне благодарны за сдержанность, которую я проявил и которой вы, право, не заслужили, вы, публично опровергнувший меня. Дорогой Кампе, теперь, с глазу на глаз, скажу вам: я вовсе не из добродушия так кротко ответил на ваше ужасное разъяснение (ответить я должен был непременно, не то читатель решил бы, что я в ваших руках и вынужден спускаться вам все), нет, я не ответил более резко исключительно потому, что, будучи благоразумным, прекрасно понимал: резкость, произнесенная публично, лишит вас возможности издавать в будущем мои произведения, и дружбе, которая длилась так долго, суля мне то муки, то радость, и к которой я привык, наступит печальный конец. Кроме того, я точно знаю, как и через кого вас подстрекнули нанести мне оскорбление. Да простит господь бог Гуцкову, что и он немножко помог причинить мне горе, он, который

обязан был удержать вас от печатания этого разъяснения в «Телеграфе». Но основную причину, основную дурацкую причину вашего заявления надо искать лишь в одном — в ядовитой глупости этого ничтожества Виля, который, если его поэтическое тщеславие затронуто или жаждет удовлетворения, способен на подлейшие поступки. Прошу вас, Кампе, послушайте меня, укажите ему раз и навсегда на дверь, прежде чем он, когда ему понадобится, поссорит вас с людьми менее великодушными, чем я. Теперь и вы поймете, что этот рыцарь правды, которому я не давал никаких полномочий писать обо мне статью, хочет использовать меня как пьедестал для своего тщеславия. Из превеликой осторожности я не дал ему ни строчки в Гамбург, и все-таки он представился вам как мой закадычный друг, да и не только вам, но даже моей матери. У нее он патворил много бед: изобразил все мои семейные дела в искаженном виде и нагородил о них небылиц. А тут еще его статья, в которой он сравнивает мою несчастную жену с Терезой Левассер (ее-то редактор должен бы знать), потом непонятные намеки на нищету, в которой я живу, — может быть, это и доброжелательная тупость, но, не будь он так глуп, он бы, конечно, заметил, что я прибегаю к этой нищете, только когда хочу получить что-нибудь (например, от вас) или не хочу давать чего-нибудь (например, г-ну Виллю, который все-таки обошелся мне в 200 франков чистоганом и стоил бы, вероятно, еще дороже, если бы меня не спасла моя великая нищета). Он мог, конечно, рассказывать о том, что я в плохих отношениях с моим дядей, потому что из этого я секрета не делал; но мне досадно, что он, верно тоже по глупости, винит в этой нищете его; ведь мой дядя давал мне тогда столько же, сколько дает и сейчас, когда у нас вполне хорошие отношения, — только способ теперь другой. Я оказался лгуном; к счастью, никто из моей семьи не обратил на это внимания. Меня, который в течение трех лет не читал немецких газет, этот мерзавец изобразил Виллем, жадным до газетных сплетен; самого подлого в статье я даже и повторить не могу.

Этот заключительный плевок в физиономию был необходим. Ранее я не хотел дразнить напрасно, теперь я больше не стану себя сдерживать; отныне я не спущу ничего, что мне будет не по душе. От омерзения я совсем не могу писать.

Хочу только вкратце сообщить вам, чего бы я хотел в будущем: в будущем ни одной моей рукописи вы не выпустите из рук, не дадите ее никому, кем бы он ни был. В будущем, если вы не сможете обойти цензуру, отдавайте мои рукописи только туда, где можно быть заранее уверенным в либеральности цензуры (например, в Лейпциг; в Штутгарте — почти полная свобода печати). Я готов еще обождать с изданием записок о современности: нынешней осенью мне хотелось бы выпустить лишь одну небезытересную книжечку под названием «Людвиг Берне»; но искажать себя я больше не позволю. В будущем, — может быть, и не следует говорить об этом другу, — ни в одной книге, ни в «Телеграфе», вообще ни в одном издании, на котором стоит издательская марка «Гофман и Кампе», не будет напечатано ни одного личного выпада против меня.

Хорошенькое дело! Вы хвалитесь тем, что из книги г-на ... (не помню сейчас его имени) вымарали подлеишие выпады против меня. Но это же само собою разумется! Если Гуцков не может сказать в «Телеграфе» ничего хорошего о моей личности, попросите его лучше совсем молчать. Об эстетической ценности моих произведений он может говорить все что угодно. Но если его злой демон побуждает его ругать меня лично или возводить на меня клеп, пусть он делает это в книге или газете, на которой не стоит издательская марка Кампе. Знайте, я не столь бесхарактерен, чтобы в будущем еще хоть строчку отдать в ваше издательство, если со мной повторится подобная неприятность... Однако сегодня я пишу под влиянием дурных предчувствий; прошу прощения, если я несправедлив к вам или Гуцкову, но у меня сейчас потребность высказать все до конца, ничего не скрывая. Быть может, это и целительно.

Вы сообщили мне недавно, что Гуцков пишет биографию Берне, и я считаю нужным заметить, что моя книжечка о Берне не биография, а только описание личных встреч в эпоху бурь и бед, и, в сущности, она должна стать картиной этого бурного и бедственного времени. Я написал уже две трети. Скажите мне, когда выйдет гуцковский «Берне»? Нельзя ли получить его месяца через полтора? Я с радостью дал бы о нем блестящий отзыв в своей книге. Столкнуться (не забудьте обратить на это внимание Гуцкова) мы никак не можем. Мои личные отношения и париж-

ские переживания дали мне совсем другой материал. Хочу еще раз внимательно просмотреть книгу, чтобы сделать ее как можно остроумнее. Передайте сердечный привет Гуцкову; моя злоба, кажется, совсем испарилась. Пусть он усмирит Виля и не натравливает на меня Бойрмана. У меня много дел, и время мое драгоценно.

Дружески преданный вам
Г. Гейне.

32. ЯКОБУ ВЕНЕДЕЮ

Париж, 2 сентября 1839 г.

Дорогой Венедей!

Спасибо за присланного вами «Французоеда». Но я хочу попросить вас еще кое о чем: достаньте мне номер «Изгнанника», в котором Бернс высказывается о Ламенне. Сейчас мне этот номер как раз нужен, и я буду вам очень признателен, если вы пришлете или принесете его. Я снова в городе и надеюсь видеть вас чаще.

Преданный вам
Г. Гейне.

33. ЦЕЦИЛИИ ГЕЙНЕ¹

[Париж, январь (?) 1840 г.]

Дорогая кузина!

Вы отлично знаете, что я вас не забыл, и по двум причинам. Прежде всего потому, что Цецилию Фуртадо так быстро не забывают. Во-вторых, ваш несчастный кузен, поэт, на свою беду никогда ничего не забывает. Моя память запечатлевает все: горести наряду с радостями, нелепейшие гамбургские карикатуры и картины Рафаэля, виденные мною во Флоренции, с той разницей, что я с большим удовольствием думаю о «Мадонне della sedia», чем о г-не Гумпелино, goldene Hochzeit² которого вы сейчас празднуете.

---

¹ Перевод с французского оригинала.

² Золотую свадьбу (нем.).

Веселитесь, дитя мое, — вы молоды, красивы, богаты, вы обладаете цветущим здоровьем, солнце еще дарит вам все свои лучи, а земля — цветы; веселитесь! А я уже во всем разочаровался и скучаю; вы даже представить себе не можете, какое уныние гнетет меня с тех пор, как вы уехали. Я много работаю, я даже пишу о забавных и смешных вещах, но эта веселость держится только на кончике моего пера; а на сердце у меня грустно. Я почти всегда в одиночестве: жена проводит большую часть недели у себя в пансионе, где она поразительно успешно приобретает как знания, так и хорошие манеры. Она становится очаровательной, сочетая изысканную внешность и осанку знатной дамы со свойственным ей детским простодушием; мне очень завидуют повсюду, где бы я с ней ни появлялся, но это не вознаграждает меня за все невзгоды, которые вам известны. Вы знаете, какая боль меня мучит...

Да, вы молоды, и я отлично понимаю, что вы не скучаете в Гамбурге. Вам, наверно, весело даже с самыми пресными евреями, и к тому же все стремятся вам понравиться. Веселитесь же! Только прошу вас, не будьте слишком приветливой, старайтесь сдерживать эту очаровательную живость, которую никто не сумеет оценить, а, главное, не расточайте слишком щедро эту прелестную улыбку, которой не понимают на гамбургском Gänsemarkt.¹

Прощайте, кузина. Передайте от меня тысячу дружеских приветов Карлу; он так *неразговорчив*, пусть же хотя бы написал поэту. Напомните обо мне г-же Галле, — она ведь не менее забывчивая женщина, чем хорошенькая!

Ваша матушка чувствует себя хорошо; мы с ней всегда говорим о вас.

Как поживает дядя Гейне? Боже мой, как мне нравилось беседовать о нем, сидя возле вас в вашей *kleine Budc*² на улице Бержер! Скажите дядюшке: я сержусь на него за то, что он был так приветлив в Париже. Это проявление утонченного коварства, — он хотел, чтобы по нему скучали, когда он уедет.

Весь ваш
Генрих Гейне.

---

¹ Гусятном базаре (нем.).

² Хибарке (нем.).

34. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 18 февраля 1840 г.

Дорогой Кампе!

Как раз сегодня, когда, если я вам не напишу, появится *periculum in mora*,¹ началась моя головная боль. Поэтому я не стану долго толковать о письме моей матери, которое только что получил, и посылаю его на собственное ваше рассмотрение. Из него ясно, что моя мать, соблюдая превеличенную осторожность, не поделилась с вами содержанием письма, которое я послал вместе с рукописью, и сообщила вам только сумму требуемого гонорара — 2000 марок ассигнациями. У меня сегодня слишком тяжелая голова, и я не в силах обстоятельно повторить содержание письма — комментарий к означенной сумме. Поэтому я тотчас напишу моей матери и попрошу ее показать письмо вам: оно касалось только издательских дел, и вы увидите, что я настроен в высшей степени кротко и миролюбиво, да и вообще мне скрывать нечего!

Если из моего письма к матери вы уразумеете, каковы мои гонорарные требования, если вы убедитесь, что не возрастающая алчность владеет мною (сегодня же дам вам лучшее тому доказательство), если ваша трепещущая перед будущим издательская душа несколько успокоилась, если в этом отношении мы, следовательно, сговоримся, тогда вы получите рукопись обратно и можете сдать ее в печать. С радостью узнал я из письма моей матери, что она не отослала немедленно рукопись в Лейпциг, хотя я строго наказал сделать это, если вы не станете ее печатать. Послать рукопись нужно было не издателю, а Лаубе, в адрес одного издательства; моя мать, понятно, все перепутала, в моем письме не разобралась, моего распоряжения не исполнила. В этом мире нельзя больше полагаться даже на собственную мать. Я очень удручен и нахожу опору только в стоическом спокойствии. Я исполняю свой долг, я действую серьезно и честно. Если дела идут вкривь и вкось, то не по моей вине. На всякий случай, если моя мать послала рукопись Лаубе, я сегодня же напишу ему, чтобы он, не вскрывая, вернул мне запечатанный пакет.

---

¹ Опасность промедления (*лат.*).

Задержка мне, в сущности, даже приятна. Ибо вот что между тем произошло.

Напряженное внимание и любопытство, с которым ждут моего «Берне», немного пугало меня, тем более что я давно уже не публиковал книг. Я решился поэтому принести исключительную жертву и из дневников — неотъемлемой части моих мемуаров — вырвал прекрасный кусок, который рисует период воодушевления в 1830 году и отлично может быть вставлен между первой и второй книгой моего «Берне»; это, как вы увидите, придаст всей книге особый интерес. Теперь я совершенно спокоен и верю, что мой «Берне» будет признан лучшим произведением из всех мною написанных. Он будет состоять теперь из пяти книг вместо четырех и станет толще на четверть, так как в последней книге много больше пяти печатных листов. Таким образом, я ввожу грандиозную цитату, которая произведет необыкновенно сильное, неожиданное впечатление. Разве такое приложение не является большой жертвой, разве в этом сказывается жадность к гонорару? Вы видите, что для этой вещи я делаю все, я жертвую ради нее не только гонораром за пять-шесть печатных листов, но интересами одной из самых ценных моих рукописей, исчислить которые гораздо труднее. Вы прекрасно знаете, как для вас выгодно, что из книги не напечатано еще ни строчки. Именно так обстоит дело с «Берне», и его издание принесет вам прибыль, если даже вы заплатите мне гонорар вдвое больший, чем за «Французские дела», которые предварительно обошли все политические листки, или за «Романтическую школу», которая, по сути, была переизданием давно существовавшей книги, или за «Салон», большую часть которого я тоже предварительно напечатал во Франции и в Германии, получив за это немалый гонорар. Но к чему повторять все, что вам отлично известно? Впрочем, вам известно и то, что моему новому произведению, наряду с очарованием юмористической, занимательной книги, будет присуща и долговечная историческая ценность; трезвые современники будут смаковать его гораздо больше, чем мои чисто фантастические сочинения. Продавая вам книгу за 2000 марок ассигнациями на восемь лет (по мне, пусть и на дольше!), разрешая вам переиздавать ее (а я убежден в том, что книга выдержит много изданий), я, по существу, запросил с вас меньше, чем за прежние мои книги. Я глубоко убежден

в справедливости и законности своих требований, и меня охватывает скорбь при мысли, что об этом еще приходится говорить! Даю вам *честное слово*: на основании достоверных справок и поразительно выгодных бесспорных предложений я пришел к убеждению, что без долгих разговоров получу требуемую сумму от другого издателя. Вы никогда еще не уличали меня во лжи, и я, конечно, имею право рассчитывать на доверие при столь незначительных, грошовых денежных разногласиях. Я говорю: «незначительных» и «грошовых», если принять во внимание наши прошлые и будущие взаимоотношения. Вы знаете не только меня, но и своих коллег, и не сомневаетесь, что я не лгу. В противном случае мне, конечно, пришлось бы пытаться вам это доказать. Если бы мать мне написала, что вы урезали мой гонорар на несколько сот марок, что она разрешила вам это и что с этим делом покончено, я, право же, хоть и пожимая плечами, согласился бы дружески на все. Но теперь, когда люди из вашего окружения (славные люди), быть может, знают уже размер моих требований и когда в игру замешана если не честь, то, во всяком случае, мое тщеславие (а может быть, и законная гордость), теперь я не откажусь от своих требований, не могу, не должен, и скорее подарю вам рукопись, чем сбавлю цену! Я уже, к сожалению, не свободен, а вы свободны, и, думаю, поймете, что на этот раз вы поступите столь же умно, сколь и любезно, если скажете: «Гейне, я напечатаю книгу, я дам вам все, чего вы требуете, но если книга не будет иметь обещанного успеха, то предоставляю вашему чувству чести вознаградить меня за это!»

Да, Кампе, очень прошу, давайте найдем общий язык. Я, право, буду вам благодарен. Заклинаю вас всем, что вам свято. Не ставьте меня перед необходимостью принимать неприятные решения, я буду вам признателен за это. А у меня есть столько возможностей без особого для себя затруднения действовать в ваших интересах, но щекотливое положение не позволяет мне сейчас давать вам большие обещания на будущее. Окажите мне доверие. Я тоже оказал его, предложив вам свою книгу при нынешних обстоятельствах, когда вы все еще связаны с Гуцковым; вам понятно, что я хочу сказать. Книга будет напечатана без цензуры — вы уже дали обещание. Я и в этом полагаюсь на ваше слово. Во всяком случае, знайте, что она никоим

образом не вызовет сильного недовольства правительства; добавочные пять-шесть печатных листов тоже не содержат ничего опасного. По слухам, книги, в которых свыше двадцати печатных листов, в Лейпциге вообще не нужно отдавать на цензуру. Если вы обнаружили что-нибудь *политически* опасное, уберите.

Ваш друг
Г. Гейне.

35. ЖОРЖ САНД¹

[Париж, 17 марта 1840 г.]

Милая кузина!

Я совсем не знал, что должен был сегодня обедать с вами; я не могу прийти, так как принял приглашение, от которого уже нельзя отказаться; иначе скажут, что мои ученые занятия помешали мне усвоить элементарные понятия вежливости.

В воскресенье, а также вчера я целый день лежал в постели из-за моей больной ноги, которая мучит меня и сейчас.

Невзгоды Балзака очень меня огорчают! Его пьеса плоха, но она стоит многих других, которые имели успех на подмостках и в газетах, этих отголосках клаки. Это плохая пьеса, но она все же произведение выдающегося ума, художника-творца. Я читал отзывы и возмущался. Можно подумать, что евнухи глумятся над мужчиной за то, что он произвел на свет горбатого ребенка.

Весь ваш
Генрих Гейне.

36. ЮЛИСУ КАМПЕ

Париж, 18 апреля 1840 г.

Дорогой Кампе!

Куча дел самого неприятного свойства мешала мне вплоть до сего дня ответить на ваше письмо от 5 апреля и отослать рукопись книги о Берне. К ней прибавился

---

¹ Перевод с французского оригинала.

новый раздел (он, как я надеюсь, вам понравится), так что мне пришлось переделать нумерацию страниц во всей рукописи; через час я отнесу ее на почту, к отбывающей карете, и сегодня же схожу в банкирский дом Фульда, чтобы отправить на ваше имя переводной вексель на 500 марок banco, сроком, вероятно, на три месяца; прошу вас принять его к оплате. Не сомневаюсь, что смогу выписать вексель на три месяца, фамилия банкира — Ф. Ф. Оппенгеймер. Относительно второго векселя на 500 марок banco, который я даю на ордер Лео, я позднее уведомя вас особо. Я рад, что мы с вами уладили наконец наши дела и уговорились насчет гонорара за четвертый том «Салона»; тотчас же примусь за него и думаю, что через полтора месяца вы получите рукопись; я хочу сделать эту книгу эффектной. Постарайтесь же сделать все возможное для «Берне» и не печатайте слишком много экземпляров, — пусть за долгие и нелегкие труды вознаградит меня второе издание. Кстати, я увижу, стоит ли мне при создании новой книги и выборе ее сюжета исходить из меркантильных интересов. Надеюсь, «Берне» будет отпечатан как можно более тщательно и ничего не будет выпущено, кроме того места, где говорится о баварском короле. Я принужден дать вам свободу действий, но должен еще раз обратить ваше внимание на то, что, несмотря на отдельные резкие фразы, книга в общем написана вовсе не так, чтобы она могла вызвать недовольство властей; менее всего причин для недовольства ею будет у пруссаков, и, право же, из-за этой книги никто вас преследовать не станет. Можете смело ее печатать, даже не прибегая к милости Зивекинга и не испрашивая через него согласия цензуры. Книгу никому не показывайте и спустите ее на воду внезапно. Я решил — даже с риском быть превратно понятым — исключить из нее все, что касается лично моих взглядов, и гораздо больше, чем власти, на меня будут сердиты революционеры, — ведь я порицаю их, не высказывая при этом никакой положительной программы, никаких собственных идей. В книге двадцать один лист, и вы можете спокойно печатать ее без цензуры, вы тут ничем не рискуете. Ни в коем случае не разглашайте содержания книги до ее выхода в свет. Интригану Гуцкову тоже ничего не говорите; впрочем, это для вас дело чести, так что мне совершенно незачем напоминать вам об этом. Как видите, я откровенен до конца.

Повторяю: работая над книгой, я все время помнил о ваших цензурных бедах, весьма добросовестно старался быть своим собственным цензором и даже опасаясь, что переусердствовал. Прошу вас, позаботьтесь о том, чтобы все это не было преподнесено публике в ложном свете. Я предпочел бы вовсе не печатать книг, чем дать повод обвинить себя в раболепстве.

Ожидаю от вас несколько экземпляров третьей части «Салона» (до сих пор еще не получал их) и «Книги песен» в третьем издании. Мне живется хорошо и даже весело, насколько это возможно в моем положении, когда человек так завален работой и придавлен разными неприятностями.

Будьте здоровы и старайтесь добросовестно блюсти мои интересы; я обещаю так же добросовестно заботиться о ваших.

С дружеским приветом

Г. Гейне.

37. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «LE CONSTITUTIONNEL»¹

Париж, 7 июня 1840 г.

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Некоторые французские газеты, прямо не называя моего имени, намеками указывали на меня как на ставленника председателя совета министров и платного защитника министерских интересов в аугсбургской «Всеобщей газете». «Коммерция» от 5 июня приводит мое имя полностью и в своих инсинуациях заходит еще дальше; поэтому мой долг — раскрыть их истинную ценность перед французской публикой, которая, по всей вероятности, не читает того, что я публикую в Германии. Я никогда не выступал в защиту г-на Тьера как министра, и в тех двенадцати (или около того) статьях, которые я напечатал в аугсбургской «Всеобщей газете» с 1 марта, я скорее критиковал, чем приветствовал действия министерства. Я высказывал похвалы лишь таланту и энергии его главы, и мне кажется,

---

¹ Перевод с французского оригинала.

что он их вполне заслужил. Сознаюсь, иногда я также позволял себе высказываться против личных клеветнических нападок, которым прежде подвергался г-н Тьер и которые были, впрочем, слишком противоречивы, чтобы нуждаться в моем опровержении. Не знаю, есть ли люди, лгущие за плату; что касается меня, я всегда говорил правду даром.

Добавлю одно только замечание: все написанное мною о Франции за десять лет как в немецких газетах, так и в особых изданиях ставило себе единственную цель: дать отпор некоторым корреспондентам, которые по особым причинам не перестают клеветать на людей, на дела, на всю социальную жизнь французского народа.

Генрих Гейне.

38. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 10 июня 1840 г.

Дорогой Кампе!

Я так и не дождался корректуры моего «Берне». Теперь книга, наверно, уже напечатана целиком; прошу вас, вышлите мне поскорее бандероль с оттисками. Так как я не послал вам посвящения, вы, должно быть, уже сами догадались, что в этой книге его не будет; я приберегаю посвящение для четвертого тома «Салона», который вышлю вам перед отъездом в Гранвиль; сейчас я занят переписыванием и думаю, что книга встретит хороший прием. За второй том «Книги песен» смогу взяться лишь в Гранвиле или по возвращении оттуда; чем дольше я тяну с книгой, тем больше новых хороших стихов войдет в нее. Мне приходится много работать и отражать много нападок. Здесь говорят, будто я продан правительству за 100 000 франков; я вынужден был опровергнуть эти слухи в «Constitutionnel». На самом же деле я беден, как Иов; так как я всегда поглощен одними только самыми высшими интересами, деньги постепенно исчезают из моего кармана. Поверьте, мне приходится извлекать из своего пера доходы, чтобы не погибнуть голодной смертью немецкого поэта-идеалиста.

Ваш друг
Г. Гейне.

39. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 21 июля 1840 г.

Дорогой Кампе!

Прилагаю к этому письму начало четвертого тома «Салона»; примерно еще в два раза больше содержит продолжение — рукописный экземпляр, который в двух письмах дошло вам на днях. Затем я пошлю печатную рукопись; таким образом, вы сможете спешно двигать книгу. Гранки «Берне» я получил, но не просмотрел их до конца; может быть, пришлю вам список опечаток. Поскольку время еще терпит, будьте добры поставить к «Берне» следующее посвящение:

Любимому другу
Г е н р и х у Л а у б е
посвящает
эти воспоминания
Астор.

Очень прошу вас быть крайне осторожным, чтобы никто ничего не увидел из «Берне» и преждевременно не ударил в набат. Г-н Гуцков не слишком опасен как писатель, — в крайнем случае он натравит на меня пару голоштанников, — зато чрезвычайно опасны его интриги, которые заползают и в Берлин. В этом отношении я со всех сторон слышу хвалы его мастерству.

Заглавие первой вещи, включенной в четвертую часть «Салона», я приклеил к рукописи. На случай, если листок пропадет, повторяю заглавие еще раз:

«БАХЕРАХСКИЙ РАВВИН»

Отрывок

Эту средневековую бытовую картинку я написал лет пятнадцать назад; то, что я издаю теперь, — это только экспозиция той книги, которая сгорела у моей матери, — может быть, это мне на благо, что она сгорела. По ходу рассказа в «Раввине» развивались такие еретические взгляды, вокруг которых и евреи и христиане подняли бы отчаянный гвалт.

Прошу вас только очень внимательно читать корректуру. Как только моя рукопись будет готова, я уеду в Гранвиль.

Ваш друг
Г. Гейне.

40. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 24 июля 1840 г.

Дорогой Кампе!

Вчера я послал вам вторую главу «Раввина»; сегодня посылаю третью, то есть конец. Через два-три дня пришлю вам еще и стихи и просмотренные «Письма о сцене». В моем распоряжении все еще только половина этих писем; поэтому прошу вас, если у вас нет «Театрального обозрения» Левальда, предусмотрительно приобретите его, и как можно скорее. Надеюсь, «Раввин» вам придется по душе, и думаю, что тема затронет современные интересы и симпатии. Во всяком случае, эта книга — заслуживающее внимания оригинальное произведение, и она займет почетное место среди других моих книг. Два десятка стихотворений, которые я вам высылаю, тоже чего-нибудь да стоят.

А теперь об одном чрезвычайно важном деле. Когда я вчера вечером пришел домой, я нашел 23 лист «Берне», а также и обложку с заглавием. На такое заглавие я никак не могу согласиться и не понимаю, как вы могли допустить подобную бестактность. Заглавие книги (я достаточно ясно писал об этом) гласит:

ЛЮДВИГ БЕРНЕ

Воспоминания

Г. Гейне

Надеюсь, заглавие будет совершенно точно воспроизведено в книге. И на обложке должен стоять этот же заголовок, а если вы считаете, что на обложке мое имя должно стоять сверху, то поставьте, пожалуйста:

Г. ГЕЙНЕ

Воспоминания

о

Л. Берне

Не знаю почему, но полностью поставленное имя «Генрих» мне здесь неприятно. Кроме того, я написал, в сущности, сочинение не о Берне, а об историческом периоде, когда Берне был особенно активен; имя его здесь — скорее только заглавие книги. Пораздумайте над этим хоть минутку, и вы легко поймете, что заглавие «Генрих Гейне о Людвиге Берне» для меня хуже пугала и, прошу вас, измените его поскорее. Напишите мне также с обратной почтой, успеет ли прийти мое посвящение к «Берне». Если нет, я посвящу Лаубе моего «Раввина».

Гранок я еще не успел просмотреть, но уже заметил страшные опечатки. Бога ради, держитесь точно моей пунктуации.

Ваш друг
Г. Гейне.

41. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Сен-Лю, 8 сентября 1840 г.

Дорогой Лаубе!

Я написал вам дней десять или двенадцать назад; на следующий день получил ваше сердитое письмо. Почему оно было написано, я понял только сегодня, когда, вернувшись из поездки по Бретани, нашел несколько писем из Гамбурга и теперь ясно вижу, что за подлую шутку сыграли со мной. Насколько виноват Кампе — не знаю, но то, что г-н Гуцков — воистину литературный Каргуш, это вновь получило блестящее подтверждение. Они рассчитывают на мое полное бездействие и хотят угрозами и угрозами снова принудить меня к молчанию. Но на этот раз молчание есть трусость и предательство интересов нашей литературы. Положите руку мне на сердце: оно бьется спокойнее, чем когда-либо, и гнусности, которыми меня терзают, я лично встречаю с усталой апатией. Но вопрос ведь в том, можно ли терпеть в литературе эту неслыханную систему интриг, эту организованную ложь? Разве разоблачить ее не мой долг? Плевать мне на участь моей книги, — я привык к ругани и довольствуюсь тем, что я сам доволен. Я хочу обойтись без посторонней помощи и поэтому

ни на кого не возлагал защиту моей книги. Но теперь задача в том, чтобы вывести на свет божий темные дела, — пусть и публика узнает, что такое, в сущности, анонимная пресса, в которой какой-то Гуцков может распространять клевету с помощью своих подлых подручных. Эти маневры я тотчас же разглядел и уже осветил их вам в связи с делом о вашей «Литературе»; тогда вы сказали, что в Германии, очевидно, что-то произошло. Правда, я не возразил во «Всеобщей газете» на маленькую анонимную статейку, появившуюся против вашей книги, но это вина не моя, а Кольба, который вернул мне мою статью. Я повсюду наталкивался на интриги Гуцкова против вас, но о том, как я им противодействовал, расскажу в другой раз. Как вы можете не верить мне? Как можете истолковывать ложно мою любовь к письмам? Мне казалось, что я достаточно поставил вас в известность о «Литературе» и не писал, во-первых, потому, что неожиданные потрясения потребовали всей моей писательской энергии, и еще потому, что мне хотелось сообщить вам уже готовые результаты, но, вопреки всем стараниям, мне не удалось это сделать. Как только приеду в Париж, напишу вам — либо сам и до мельчайших подробностей разберу все возникшие недоразумения, либо, чтобы не терять времени и хорошего настроения, сделаю это через третье лицо. Каждое письмо стоит мне переутомления глаз.

Теперь дело идет не о вашей или моей книге, а о том, чтобы разоблачить перед общественностью проделки Гуцкова, и если я буду хоть сколько-нибудь уверен в поддержке друзей, интересы которых задеты так же, как и мои, я выступлю как человек честный и умеренный и скажу чистую правду, — ведь она в конце концов все-таки побеждает. Потом пусть себе клеветают сколько хотят и выставляют в извращенном виде всю мою жизнь.

Особенно постарайтесь заручиться поддержкой Кюне. Если «Газета для любителей изящного» не будет больше ему принадлежать, то он, так же как и мы с вами, окажется во власти Гуцкова и компании, в руках которых есть своя пресса. Кюне — глубокий ум, и он сразу поймет, как важно поддержать меня именно сейчас. Прошу вас, обратитесь от моего имени и к другим друзьям. Кампе, который не хотел печатать книгу Гуцкова о Берне, уладил денежные разногласия, бывшие тому причиной, и теперь печатает

ее. Я застал письмо от Вейля (я послал ему свою книгу из Гранвиля), — он тоже обращает мое внимание на то, что франкфуртская духовная вдова Берне и переживший его телесный супруг этой дамы не пожалеют никаких денег, чтобы повредить мне. Такое же предостережение я получил из Гамбурга.

В последнее время у меня было много горя и забот, а особенно много я потерял денег. Несмотря на это, финансы мои сейчас в прекрасном, почти цветущем состоянии, на что я и *обращаю ваше внимание*; деньгами я могу теперь и поступиться.

Я вспомнил, что именно писал вам из Гранвиля, и хочу использовать это письмо вот каким образом: вы должны дать его кому-нибудь напечатать. Оно написано раньше, чем я вынужден был говорить то, что говорил потом. По характеру своему оно совершенно непреднамеренно, но из него сразу видно, какие интриги против меня плетутся; следовательно, письмо это может привести к полезным результатам. Во-первых, я буду вынужден тем самым дать дальнейшие разъяснения и *огласить письма Кампе*; может быть, мне удастся подстрекнуть Гуцкова немедленно атаковать Кампе, и при этом все, что я сделаю, будет казаться обществу непреднамеренным. Я живу на чужбине; значит, разглашение письма — не нескромность, а только дружеская услуга, чтобы помочь разрушить последствия того предательского фарса, который они сыграли с отсутствующим. Но письмо (ведь это документ) нужно начать и кончить умными словами.

С мошенниками пужно бороться хитростью, иначе ты perdu.¹

Итак, я вам пунктиром наметил, как выгоднее всего открыть поход в мою защиту. Если не найдется человека известного, который с вашего разрешения опубликовал бы гранвильское письмо, тогда дайте его напечатать анонимно. Во всяком случае, надеюсь, что вы будете действовать по моему плану. Думаю, что в письме нет ничего такого, чего нельзя было бы опубликовать. Через три дня буду в Париже, где меня ждет множество дел. Но я ничего не упущу. Напишите мне поскорее, что именно вы сделали. Провели ли вы мой план так, как я указал? Вы представить себе

---

¹ Погиб (франц.).

не можете, с какой *mauvaise foi*¹ против меня интригуют! О, я вправе обороняться любым способом!

Но мой бедный Иммерман умер, это все-таки хуже всего. Он принадлежал еще к легендам старой Германии. А вот принадлежу ли я к молодой Германии, выяснится теперь, когда в мире вновь разразится война. Я еще верю в себя.

Г. Г.

42. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

[Сен-Ло, 9 сентября 1840 г.]

Дорогой Лаубе!

Вчера мое письмо не ушло, и я спешу прибавить самое важное. Я просто оглушен и едва могу писать. Вчера вечером, совершенно случайно, я из «*Journal des débats*» узнал о смерти Иммермана. Я проплакал всю ночь. Какое несчастье! Вы знаете, чем был для меня Иммерман, этот старый боевой товарищ, с которым я одновременно, рука об руку, вступил в литературу! Какого великого поэта потеряли мы, немцы, которые даже и не знали его по-настоящему. Когда я говорю: «мы», я разумею Германию, старую мачеху. А Иммерман был не только великим поэтом — он был храбр и честен, и за это я любил его. Я совершенно раздавлен горем. Дней двенадцать назад вечером я стоял на уединенной скале у моря, смотрел на чудесный закат и думал об Иммермане. Странно!

Будьте здоровы и передайте мой дружеский привет вашей жене. Я надеюсь на ее сочувствие и сострадание. Она, правда, любит охоту, и все-таки вряд ли она считает, что предстоящая охота на вшей доставит мне удовольствие. Мне хотелось бы поскорее видеть вас опять в Париже; мы переехали на новую квартиру, и моя жена прелестно устроила меня.

Как ни странно, у меня прекрасное расположение духа, и я все еще не могу заставить себя разгневаться. Может быть, это апатия, а не здоровье. Завтра или послезавтра

---

¹ Бесчестностью (*франц.*).

усуду в Париж, куда прибуду в ближайший четверг, поэтому напишите мне поскорее. Мой адрес: rue Bleu № 25, à Paris.

Гальбергер жаловался, что В[ольф] плохо перевел «Садовое искусство» Пюклера, и прислал мне отзыв лучшего из переводчиков. На самом же деле первая треть книги переведена превосходно (я сам в течение двух дней тщательно ее просматривал), а остальные мошенник передал мне для пересылки, даже не проверив как следует. Через несколько дней напишу вам из Парижа.

Ваш друг
Г. Гейне.

43. ЮЛНУСУ КАМПЕ

Париж, 14 сентября 1840 г.

Дорогой Кампе!

Третьего дня вечером я возвратился в Париж после приятной прогулки по Бретани, где собирал чудесные народные песни. Еще в Сен-Ло застал я ваше письмо, но удивление мое разрешилось только после того, как я получил здесь наконец «Телеграф»; сейчас, полчаса назад, пришли и остальные газеты, посланные вами в Гранвиль и нерассланные мне оттуда.

Признаюсь вам, гнусности, которые замыслил против меня великий интриган в союзе с франкфуртской сволочью, меня почти что не задевают. Мне весело и спокойно. Ибо к ругани я привык и знаю — будущее за мной. Даже если б я сегодня умер, все равно после меня останутся четыре тома автобиографии или мемуаров, в которых запечатлены мои мысли и дела и которые, хотя бы в силу верного изображения исторического фона, загадочного кризиса переходного времени, дойдут до потомства. Молодое поколение захочет увидеть даже те загаженные пеленки, которые служили ему первым одеянием. Но меня огорчает, дорогой Кампе, что вы снова попали в руки моих врагов, стали их игрушкой и их оружием против меня. Сейчас я уже знаю все, поэтому не сержусь на вас. Более того — я думаю,

что вы скоро перестанете выносить интригана и компанию, ваше лучшее «я» не захочет наконец подчиниться мнимой необходимости, и я не желаю доставлять этим людям удовольствие и порывать с вами, хотя все шло именно к тому, чтобы довести меня до этого разрыва. Вы совершенно правы, никто не поверит, будто вы не читали статьи г-на Гуцкова раньше, чем она была напечатана, и напечатана в той газете, за которую отвечает ваше честное имя — имя главного редактора.

Что мне делать, я еще не знаю. К тому же по возвращении я застал куда более неотложные дела. Я терпелив, потому что я вечеп, говорит господь.

С книгой моей вы поступили безответственно. Вам очень хорошо известна кузница, где изготовлялись разнообразные статьи против меня, которые должны были предрешить участь моей книги, а вы еще уверяете, будто считали, что в них выражено беспристрастное общественное мнение.

Я вам пишу, а меня каждую минуту прерывают. Потом напишу подробнее и во что бы то ни стало окажу сопротивление лицам, которые любой ценой стремятся вызвать наш разрыв. Знаю, что в данную минуту деньги г-жи Воль устраняют разногласия между вами и г-ном Гуцковым; вас снова обманули его происки, вы верите, что силою скандала он завоюет наконец широкую публику, — обождите только полгода, и вы разочаруетесь опять.

Книги я получил через Гати. Пришлите мне записку к вашему лейпцигскому комиссионеру и поручите ему выдать по моему распоряжению еще двенадцать экземпляров «Берис». Напишите немедленно с обратной почтой и о четвертой части «Салона». Если она вышла из печати, пришлите мне шесть экземпляров и дайте записку на другие шесть, чтобы я мог потребовать их у вашего комиссионера в Лейпциге.

Полтора месяца назад вы мне писали, чтобы я перевел на вас вексель сроком на три месяца. Теперь, когда я, возвратившись, хотел перевести этот вексель, мне пришлось в голову, что он придется как раз на декабрь, когда вам так много приходится платить и когда вы только выписываете счета; поэтому получение 1000 марок ассигнациями, которые мне следуют, я отодвигаю на более далекий срок, то есть на полгода, и получаю их к 15 марта 1841 года.

Завтра я перевожу на вас этот вексель по приказу Августа Лео.

Будьте здоровы. Мой адрес теперь: rue Visu № 25.

Ваш друг

Г. Гейне.

44. ЮЛИУСУ КАММЕ

Париж, 25 сентября 1840 г.

Сегодня утром получил ваше письмо, номера «Газеты для любителей изящного» и «Галлеских ежегодников», которые вы мне послали. В письме вы упоминаете и о какой-то «Фанфаре», в которой есть статья против меня и которая приложена к вашему письму, но таковой не оказалось; прошу вас послать мне эту статью и вообще все, что против меня пишут. Не бойтесь, что такие произведения могут хоть сколько-нибудь заметно меня огорчить. От золотой брони, которую я ношу, эти стрелы отскакивают. Книгу благородного Гуцкова о Берне тоже прошу прислать мне бандеролью. До того как она вышла в свет, вы и понятия не имели обо всем, что он вставил в текст своей книги после появления моей, точно так же, как решительно ничего не знали о его статье до ее появления в «Телеграфе»!

Ну хорошо! Более подозрителен мне злополучный *заголовок*, который вы мне навязали и на который я не могу смотреть без отвращения. Не поймите меня превратно: я не обвиняю вас в соглашении с моими врагами; но мне досадно, что этой вошью я обязан вам, что поймал я ее в вашей лавке, — без вас Гуцков и компания никогда не посмели бы и приблизиться ко мне. Я никогда не устаивал их ни единым словом. И только когда они спрятались за ваше имя, чтобы обвинять меня во лжи, я был принужден высказаться. Не могу послать вам ни одной рукописи, не дрожа от страха перед скрюченными пальцами таинственного вора. А это значит, что в книге я защищаться не могу. Журнала, который был бы моим органом, у меня нет, так как мой издатель тратит деньги, нажитые на моих произведениях, чтобы издавать враждебные мне журналы и вообще чтобы подкармливать моих врагов.

А что вы сделали для меня? Вы не послали экземпляра моей книги ни единому из моих друзей и единомышленников, вы гроша не истратили на то, чтобы оказать ей поддержку в печати. Вы довольствуетесь уверенностью, что моя книга *разойдется*.

Спустите на воду четвертую часть моего «Салона», но немедленно разошлите эту книгу всем моим друзьям, например Лаубе, Фарнхагену; присоедините к ней моего «Берне» и позаботьтесь о правдивых статьях с таким же рвением, с каким г-н Гуцков заботится о лживых. Пошлите мне его книгу бандеролью с обратной почтой. Мне хочется посмотреть, были ли вы, печатая ее, столь же робки в политическом отношении, как при издании моей книги. Помните, вы жаловались, что ее якобинизм доведет вас до беды, до цепей и узилища? Я был настолько глуп, что, страшась за безопасность друга и желая иметь возможность печатать книгу в вашем издательстве, стал сам для себя неумолимым цензором и пошел на слишком большие уступки. Говорю вам это не потому, что негодую, — я весел и полон доверия, — но для того, чтобы вы почувствовали, как много вы теперь обязаны для меня сделать.

Ваш друг
Г. Гейне.

45. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 6 октября 1840 г.

Дорогой Лаубе!

Прошел уже *месяц* с тех пор как я написал вам из Сен-Ло и только вчера вечером я получил ответ; теперь и я спешу вам ответить. Предложенный план кампании против негодяя Гуцкова был хорош в тот момент, когда я вам об этом писал. Теперь другое дело — теперь весь свет настроен ко мне враждебно, даже «Изящная». Вы и представленные не имеете, как удачны были маневры, направленные против меня, как в этой вражде объединились евреи и патриоты, как великие борцы за свободу громят мою бедную книгу, несмотря на большую гору, которую я в ней

воздвиг, но в данный момент слепота есть факт, против которого я бессилён; она исчезнет только со временем, и, я надеюсь, — скоро, потому что Гуцкову не удастся долго обманывать революционную партию, и маска спадет с него, как только я совершенно открыто выступлю за великое дело. Современные события требуют решительных действий...

Допускаю, что эти люди могут торжествовать временную победу; было бы глупо начать полемику, пока я изолирован, пока общественное мнение против меня, пока я не могу противопоставить фабрике клеветнических статей ни одного признанного, влиятельного органа. Когда я увидел, что не могу использовать даже «Изыщную», я отказался на время от того, чтобы надавать пинков подлецу Гуцкову, и сделал это скорее в интересах всего литературного мира, чем в своих собственных. Хочу подождать, пока пройдет неблагоприятная погода, — так советуют самые умные головы, и меня удивляет, что вы, раз вам не удалось помочь мне сразу, держитесь теперь другого мнения и полагаете, что полемику можно было бы отлично начать в «Розах»! Я этих роз не знаю, но знаю одно: это неподходящий листок. Вы уверяете меня, что ваш журнал по моей вине не появился на свет. Честно говоря, сейчас даже этот новый журнал не был бы в состоянии защитить меня, тем более что, увидя его тенденцию, радикалы ещё больше взъелись бы на меня. Я никогда не писал против Гуцкова, и полное молчание остается все ещё моим преимуществом. Я могу прекрасно задрапироваться в гетевский аристократизм, я знаю даже, что именно это особенно и раздражает Гуцкова, что он хотел бы принудить меня заговорить. Кампе всегда дразнил его, уверяя, что официально я отвечал только ему, издателю, а никак не писателям. Трудно вообразить, как он уязвлен моим молчанием, и оно, конечно, тоже является одной из причин того, что он нагло лжёт и подтасовывает факты. Мне придется все это опровергнуть. Пусть успокоится, я ещё отвечу ему, — но в свое время. А если отсрочка эта напрасна, если я ошибаюсь и с этого лицемера не скоро сорвут революционную маску, — что ж, тогда я надеюсь ответить ему несколькими строками, которые, однако, придется ему не по вкусу, ибо после них он вынужден будет сражаться тем оружием, при котором не помогут ни ложь, ни интриги.

Я доведу дело до дуэли, как говорил вам еще в Париже. Но мне нужно ловко взяться за дело, чтобы для него не оставалось иного выбора, кроме пистолета или позора, и чтобы никто не подумал, будто пружинной моих действий является раздраженное тщеславие. Будьте спокойны, ему дано не прощение, а только отсрочка.

Поэтому, если месяц назад вы уже начали полемику в «Розах» на основании намеченного мною плана, прекратите ее и сделайте все возможное, дабы я не потерял позиций, занятых мною сейчас. Poleмику следует довести до сведения общественности косвенными путями; если в дружественной статье помещено частное письмо, которое написано мною прежде, чем я имел возможность прослышать о гуцковском предисловии к «Берне», то Гуцков все-таки не сможет похвастаться моим ответом. Конечно, если письмо еще не напечатано, его и не следует печатать. Но если это уже случилось и Гуцков станет отвечать на него, тогда надо непременно возразить ему через третье лицо, и в распоряжение этого третьего я предоставлю несколько ишем Кампе; я их на днях пришлю. В них Кампе говорит, что Гуцков поставил на ноги всё и вся, дабы заполучить мою рукопись, что он пускается на всевозможные хитрости, что Кампе из-за этого интригана торопится напечатать мою книгу и потому придумал для нее первое попавшееся заглавие, что интриган с особой целью превозносит до небес возлюбленную Берне, о которой вообще рассказывает одни гадости, что он лжет — думает одно, а пишет другое и так далее, и тому подобное; все это можно с полным правом напечатать, если Гуцков заявит, что все написанное в моем случайно опубликованном частном письме — ложь. Это, на худой конец, вполне может пригодиться для моей защиты.

Кроме того, посылаю вам записку Кампе к его комиссионеру, который даст вам двенадцать экземпляров «Берне» и двенадцать экземпляров четвертой части «Салона». Прошу вас, если вскоре представится okazия, прислать мне через Брокгауза шесть экземпляров «Берне» и шесть экземпляров «Салона», а остальные распределите среди друзей, которые, быть может, захотят написать рецензии. Затем посылаю вам статью, которую мне только что прислал мой друг, профессор Дунсберг; он хотел бы напеча-

тать ее в какой-нибудь немецкой газете по вашему выбору. Я только мельком просмотрел ее, но вижу, что это доброжелательная статья, и прошу вас, постарайтесь, чтобы Брокгауз напечатал ее в лейпцигской «Всеобщей газете» или в «Литературной газете», но непременно поскорее. Если нельзя будет уговорить Брокгауза, попытайтесь поместить статью куда-нибудь еще, где ее прочтут. Кюне нет в Лейпциге — это беда, но постарайтесь использовать для меня его возвращение. Как только появилась моя книга, Вейль по собственному почину написал и отослал в «Газету для любителей изящного» статью, которой я не читал, но которая в нужный момент очень бы мне пригодилась. И. Кауфман, видимо, дурак и скотина!

Конец вашей «Истории литературы» я нашел по возвращении. Негодяй Хауг обещал прийти ко мне на randevu, чтобы уладить наконец дела Гальбергера, но так и не явился. Меня все это необыкновенно удручает, и только сознание, что я ничего не упустил, служит мне некоторым утешением. В следующем письме напишу подробнее, сейчас нет времени. О вашей книге тоже не могу высказаться, — здесь не отделаешься несколькими строчками. Но вы прочтете мою статью; слава богу, я могу публично выразить вам все, что думаю. Два последних тома — третий и четвертый — превосходны, в тысячу раз лучше, чем первые. Я не знаю современной Германии и не могу судить, насколько целесообразна данная форма. Но у нас нет книги, в которой бы литература рассматривалась всесторонне. Сегодня скажу только, что книга, которую пытаются опорочить, меньше всего заслуживает упреков, с которыми на нее обрушиваются. Я упрекаю ее совсем в другом; например, в ней нет горы. Гора же необходима — это вы видите по моему «Берне», который всем нравится. Шутки в сторону, мой «Берне» — очень хорошая книга. Вчера вечером я прочел две трети гуцковского «Берне»; видит бог, он подействовал на меня как наркотический напиток. Всю ночь я прекрасно спал. Он скучен сверх всякой меры. Передайте привет вашей супруге, к ногам которой я верно-подданно склоняюсь. Моя жена хлопочет на кухне, и я чую запах отличного жаркого.

Ваш друг

Г. Гейне.

46. ЮЛИСУ КАМПЕ

Париж, 11 марта 1841 г.

Дорогой Кампе!

Болезнь глаз, которая на этот раз проявилась гораздо серьезнее, чем раньше, мешала мне всю зиму; читать я почти совершенно не могу, пишу только с большим трудом. Вот основная причина, по которой я до сих пор не ответил на ваши последние письма. Я был очень обрадован, узнав из них, что вы собираетесь подготовить четвертое издание «Книги песен». Но для этого мне нужно еще раз проглядеть третье издание. Хотя я не собираюсь делать в нем изменения, все-таки там есть опечатки, которых не следует повторять. Недели через две, самое позднее, вы получите примерный перечень исправлений, и тогда начинайте печатать; может быть, через несколько недель я пошлю вам еще и маленькое предисловие. Повторяю: четвертое издание радует меня, так как это выражение чувств публики, которая не принимала участия в газетных интригах против меня и не находила в них удовольствия; чувства эти выражались и в трогательно-лестных письмах, которые я получил. Один старик послал мне со своего смертного ложа леденящие душу слова восторга и признания. По чести сказать, вы доставили бы мне еще гораздо большее удовольствие, известив о новом издании «Берне». До меня, конечно, дошло, какую пропасть экземпляров вы отпечатали, а все же я думаю, что шум вокруг моего имени по крайней мере будет способствовать ускорению второго издания. Не сомневаюсь, что вы скоро сами убедитесь в его необходимости; однако мне хотелось бы, чтобы оно вышло сейчас. Поэтому скажите мне хоть раз правду — не о том, сколько экземпляров вы отпечатали (этого вы все равно не скажете), а о том, когда я могу рассчитывать на второе издание. В деле с этой книгой вы поступили со мной не по-дружески; так позаботьтесь хотя бы о том, чтобы мои денежные интересы пострадали меньше моей репутации. Не отбивайте у меня навсегда охоту издавать книги, — ведь я делаю для вас все, а сам получаю только неблагоприятность. *Проявив некоторый либерализм, вы бы на этот раз поступили умно.* Постарайтесь ускорить второе издание «Берне» и разрешите мне выписать на вас вексель на сумму гонорара, *все равно*

на какой срок. Сейчас, когда я болен, это пришлось бы мне очень кстати: моя болезнь требует огромных расходов.

Я написал бы вам сегодня еще, да глаза не позволяют. Поклонитесь от меня Гати, которого, к сожалению, я мало здесь видел; он не знал, что я болен, и по скромности не понял, почему я не посещал его более усердно.

Ваш друг
Г. Гейне.

47. ФРЕДЕРИКУ ШОПЕНУ¹

[Париж, 26 апреля 1841 г.]

Дорогой Шоп!

Вручите, пожалуйста, билеты моей служанке, только вместо двух билетов прошу вас дать мне *три*. Я объясню вам потом причину этой просьбы.

Надеюсь, вы сегодня хорошо себя чувствуете.

Весь ваш
Генрих Гейне.

48. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Котрэ, 3 июля 1841 г.

Пишу сегодня, и даже собственноручно, чтобы прежде всего доказать вам, что я не слеп, не при смерти и отнюдь не мертв, как утверждают французские журналы. Но я очень измучен ваннами, которые здесь принимаю, так измучен, что мне трудно держать перо в руках.

Котрэ — одно из пустынейших ущелий Пиренеев, однако не такое уж недоступное, как думают некоторые честные люди, вероятно вообразившие, что я ничего не узнаю о лжи, которой они пачкают мое доброе имя. Во всяком случае, они полагали, что моего опровержения

---

¹ Перевод с французского оригинала.

следует ждать лишь когда я вернусь в Париж, а еще вернее — рассчитывали на мое обычное молчание. Но случайно мне уже сегодня попался номер «Майнцской газеты», где напечатана гнусная небылица, которую вы, наверно, с удивлением прочли. Едва верю своим глазам! В ней нет и звука правды. Честное слово, я не ягненок, который бы кротко позволил оскорблять себя на улице, посреди Парижа; а субъект, похваляющийся этим, — конечно, последний среди львов, который мог бы на это отважиться! Вся наша встреча свелась к тому, что я, выслушав песколько нечленораздельных слов, с которыми этот субъект, трясясь как в судорогах, подошел ко мне, со смехом оборвал его, спокойно сообщил свой адрес и ответил, что намереваюсь съехать в Пиренеи и что если ему «нужно со мной поговорить», он может подождать еще несколько недель до моего возвращения, поскольку он «ничем не подарил меня за целый год». Вот и вся встреча, при которой, конечно, не было свидетелей, и даю вам честное слово, что в водовороте дел, обычных накануне отъезда, я на нее и внимания не обратил. Но теперь вижу: именно то, что нет свидетелей, которые могли бы его уличить, что после моего отъезда не осталось других показаний, кроме его собственных, и что мои враги не станут особенно тщательно проверять их правдивость, сразу и вдохнуло в упомянутую личность отвагу, и он состряпал поносную статейку, которую напечатали в «Майнцской газете»... Я имею дело с цветом франкфуртского гетто и с мстительной бабой... В сущности, мне нечему удивляться. Но что сказать о редакциях газет и корреспондентах, которые по легкомыслию или из кружковой ненависти поддерживают такое безобразие?

Недель через восемь, в крайнем случае — десять, я вернусь в Париж после путешествия, или, как утверждают мои храбрые враги, после бегства и, надеюсь, — с отличной добычей. Под моими окнами по грудам скал стремится дикий горный поток, который здесь называют *le Gave*; его вечный шум убаюкивает все мысли и будит все нежные чувства. Природа здесь изумительно прекрасна и величественна. Высокие до небес горы, которые окружают меня, так спокойны, так бесстрастны, так блаженны! Им дела нет до наших повседневных нужд и партийных склок; они почти оскорбляют нас своим грозным

бесстрашием. Но, может быть, они только кажутся бесстрашными, потому что неподвижны? Может быть, в глубине они питают жалость к страданиям и слабостям людей, и, когда мы больны и несчастны, они открывают свои каменные жилы, из которых к нам струится жаркая, целебная сила? Здесь горные источники каждый день творят чудеса исцеления, и я тоже надеюсь выздороветь. О политике тут знают мало. Народ живет тихой, мирной жизнью, и с трудом верится, что бури войн и революций, — бешеная охота нашего века, — промчались и через Пиренеи. Люди здесь так крепко, так уверенно вросли в свои привычные отношения, как деревья — в почву их гор. Только верхушки этих деревьев изредка покачиваются под ветром политики или щебечущий чижик мысли порхает среди них.

Ваш
Г. Гейне.

49. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Котрэ, 7 июля 1841 г.

Дорогой Кампе!

Пишу вам сегодня потому, что нуждаюсь в услуге; обращаюсь с этим именно к вам и прошу оценить это как доказательство доверия. Полагаю, что вы неизменно дорожите моей честью и будете действовать энергично, поскольку дело идет о ней.

Вы, вероятно, знаете, что про меня наплела хитрая стерва Воль, экс-любовница Берне, вместе со своим рогатым ослом. Сей осел еще в прошлом году пытался распространить про меня примерно такую же клевету, а теперь, зная, что я в Пиренеях, принялся за дело гораздо увереннее. На днях я получил «Майнцскую газету» и сразу же написал опровержение в Аугсбург; сегодня утром пришла вырезка из «Гамбургской газеты», в которой повторяется майнцская гнусность. Тогда я поспешил написать прилагаемую отповедь и надеюсь, что гамбургские газеты немедленно ее напечатают. *Est periculum in mora*,¹ —

---

¹ Промедление опасно (*лат.*).

немедленно обратитесь в тамошние редакции. Вообще вы обязаны пустить в ход весь свой авторитет; нужно напечатать не только мое разъяснение, но и сказать несколько слов о позорном использовании печати. Г-н Рункель не слишком благоволил ко мне, его брат тоже постоянно использовал свою газету против меня; ведь вообще все литературные евреи, по свойственной им глупости, всегда питали ко мне ненависть. Но заставьте болвана Рункеля внять голосу рассудка. Я все еще опасен, и на молчание мое в конце концов твердо рассчитывать не стоит. Мое опровержение, вероятно, приведет к тому, что некоторые мерзавцы, которые не захотят со мной драться, открыто выставят напоказ свою трусость. Вот что доставило бы мне отраду! Думаю, эта моя месть окажет большое влияние на литературный мир и обуздает чернь. Иначе, то есть если они не отступят, мы недостойны называться народом, особенно свободным народом.

Я пробуду здесь еще три недели. Поспешите напечатать мое опровержение.

Ваш друг
Г. Гейне.

50. В РЕДАКЦИИ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТ

Котрэ, 7 июля 1841 г.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ

Уязвленное тщеславие, мелочная профессиональная зависть, литературная ревность, взаимная озлобленность политических партий, мелкие подлости всех сортов — все это нередко использовало периодическую печать для распространения самых мерзких небылиц о моей личной жизни, но я всегда предоставлял времени выводить на свет божий нелепость подобных утверждений. Я живу вдали от родины и не имею возможности постоянно и тщательно контролировать тамошние газеты, которые доходят до меня очень редко и всегда с опозданием; я не могу очертя голову гнаться за всеми выдумками, которые напечатаны в газетах, не могу вступать в открытую борьбу с блохами, таящимися во мраке. Если я показываю сегодня обществу

увлекательное зрелище такой охоты, то меня толкает на это не столько собственное раздражение, сколько благое пожелание воспользоваться данным случаем и оказать содействие интересам всей немецкой журналистики. Дело в следующем: я хотел бы выразить пожелание, чтобы и у нас был введен французский обычай, разрешающий — согласно принятым законам чести — личному мужеству оскорбленного индивидуума вступать в борьбу с подлым сквернословием печати. Рано или поздно все честные умы Германии поймут, сколь это необходимо, и примут нужные меры, дабы укротить таким способом грубость и низость жалких бумагомарателей. Лично я желаю лишь одного: да позволят мне боги, по милосердию своему, подать немцам добрый пример!

Считаю, однако, нужным подчеркнуть, что наступил конец благородному величию эстетического периода в литературе, да и самому этому периоду, и ныне самый царственный гений вынужден давать сатисфакцию паршивому негодяю, если только этот гений без должного почтения высказался о его прическе. Мы теперь, помилуй нас боже, все равны! Вот следствие тех демократических принципов, за которые я сам ратовал всю свою жизнь. Я понял это давно и всегда был готов дать соответствующее удовлетворение в ответ на любую провокацию. Всякий усомнившийся легко мог в этом убедиться. Но подобные претензии никогда не доходили до меня в определенной форме. Все, что в связи с этим утверждает анонимная статья в «Майнцской газете», равно как и сообщенный в ней рассказ о нанесенном мне оскорблении, — чистая, или, вернее, грязная ложь. Там нет ни слова правды! Моя личность даже отдаленнейшим образом не подвергалась оскорблению посреди парижских улиц; победоносный герой, этот Роговой Зигфрид, который похвально, будто поверг меня во прах посреди улицы у всех на глазах и который подтверждает достоверность своего заявления собственным (и единственным!) свидетельством, своей испытанной правдивостью и, вероятно, авторитетом своего честного слова; этот герой, известный прихлебатель, рыцарь самого печального образа, состоящий в услужении у некоей коварной дамы, еще год назад так же бесстыдно и хвастливо выступил против меня. На этот раз он пытался возродить свою выдумку и дать ей ход через прессу, — он состряпал

статью для «Майнцской газеты», и ложь его выиграла во времени по крайней мере несколько недель, ибо, находясь здесь, в Пиренеях, на испанской границе, я смог лишь со значительным опозданием, да и то случайно, узнать об этой грязной сплетне, чтобы затем опровергнуть ее. Мои враги, вероятно, рассчитывали на то, что и на этот раз я противопоставлю лжи лишь безмолвное презрение. Мы знаем этих людишек, и нас не удивляет благородство их расчетов. Но что сказать о корреспонденте лейпцигской «Всеобщей газеты», который так охотно содействовал распространению злобной сплетни и воспользовался самым жалким свидетелем, лишь бы нанести ущерб моей чести? Мы вынесем ему справедливый приговор в более подходящем месте. А пока что покорнейше просим редакции немецких газет, столь быстро разгласившие упомянутые выше небылицы, не менее доброжелательно способствовать распространению истины, пытающейся настигнуть более быстроногую ложь.

Генрих Гейне.

51. ЯКОБУ ВЕНЕДЕЮ

Париж, 19 августа 1841 г.

Дорогой Венсдей!

Я получил ваше письмо от 17-го. Прежде всего благодарю вас от чистого сердца за дружеское расположение, высказанное вами, и спешу как можно определеннее ответить на вызов Рисера.

Никогда — ни устно, ни в сочинениях своих — я и слова не сказал о г-не Рисере. Он мне почти совершенно неведом. Насколько я знаю, он как-то в одной брошюре благожелательно отозвался обо мне. Позднее он написал против меня целую брошюру. Я никогда не обращал на это внимания. А теперь, вмешиваясь в дело, которое его совершенно не касается и в связи с которым никто не называл его имени и не посягал на его великий литературный авторитет, он публикует в различных немецких газетах провокационную статью, направленную против меня, и в ответ на это, как он пишет вам, ждет от меня вызова.

Чтобы драться со мной, он придет в Париж. И так как он в Англии, то он может прибыть сюда в начале сентября, ибо позднее поездка из Гамбурга займет больше времени. А вы еще утверждаете, что здесь не замешано тщеславие!

Случилось так, что я стал знаменитостью, и те, кто в открытых дебатах сталкивается со мной, привлекают внимание публики, а некоторые уже составили себе имя на мне. Разве моя вина, что г-ну Рисеру из-за его скучного стиля это не удалось до сих пор? Думает ли он, что вернее достигнет своей цели, если вместо пера возьмется теперь за пистолет? Впрочем, он, может быть, стреляет не лучше, чем пишет! Однако «человеку пужно помочь», — говорит Карл Моор. Я не отклоняю его вызова, и вы можете ему передать, что если дело чести с г-ном Штраусом не окончится для меня благоприятно, то я считаю даже полезным принять сатисфакцию от него, от г-на Рисера. Об исходе этого дела смогу сообщить вам только в будущий вторник: г-н Рисер — юрист, и он поймет, если я скажу: *pars sequitur suum principale*,¹ то есть если покончишь с кометой, то незачем сражаться с ее хвостом. В этом деле г-н Рисер — хвост.

Что касается статьи, которую он послал мне через вас и которая ему самому кажется настолько ужасной, что я, как он полагает, должен призвать автора к барьеру, то статья эта состоит из трех частей.

Во-первых — обычная грязь, клевета на мой характер. Все это мало меня тревожит, ибо над моим характером произнесет окончательный приговор только история литературы, а, право же, не одинокий, безвестный голос какого-то жалкого провинциала с гамбургской помойки.

Во-вторых — панегирик г-ну Штраусу, панегирик, который мне тоже безразличен и который, в самом деле, мало что доказывает. Г-н Габриэль Рисер ручается за правдивость г-на Штрауса, но кто поручится за мыслительные способности г-на Габриэля Рисера?

В-третьих, — и это главное, — в статье имеется вот какое утверждение: автор ее знает одного честного человека, который был свидетелем того, как г-н Штраус некогда сказал мне слова, за которые полагается вызывать к барьеру.

---

¹ Часть следует за главным (*лат.*).

Это — единственное в статье Рисера, что могло огорчить меня, если бы было правдой, но вызвало во мне только отвращение, потому что это ложь, которая не хочу сказать: изобретена г-ном Рисером, но навязана ему. Во всяком случае, то, что он не назвал имени этого честного человека, этого очевидца, свидетельствует о легкомысленной опрометчивости, потому что подобное умолчание очень легко истолковать как благоразумный расчет! Я никогда бы не проронил ни единого слова обо всем этом, как и о множестве таких же сплетен в немецких газетах, но так как вы, дорогой Венедей, пишете мне об этом деле, а я не хотел бы так уж совершенно игнорировать настоячивые усилия г-на Рисера, то можете передать ему следующее. В прежнее время, о котором идет речь, г-н Штраус никогда не употреблял в разговоре со мной выражений, требовавших сатисфакции; ни один честный человек не может выступить свидетелем, утверждая, что слышал это собственными ушами, и я назвал бы упомянутого честного человека бессовестным лжецом, если бы он стал свидетельствовать обратное. Г-н Рисер со своим честным свидетелем потерпел бы ту же неудачу, что и г-н Штраус со своими свидетелями, которые вступились за него, а под конец вынуждены были признаться, что сами ничего не видели и не слышали.

Отмечаю это для того, чтобы вы могли точно взвесить, какое значение имеет для меня статья г-на Рисера. Помните: принять его вызов меня не заставляет ни внешняя необходимость, ни страсть.

Будьте здоровы и дружественно расположены

к преданному вам

Г. Гейне.

52. АЛЕКСАНДРУ ВЕЙЛЮ

Париж, 19 августа 1841 г.

Дорогой Вейль!

Ваши письма и брошюру я получил только на днях; они уже не застали меня в Котрэ и шли за мной следом. Впредь сообщайте мне всегда ваш точный адрес; на днях

я напишу вам подробно. Я опять на rue Bleue № 25. Приглааю рукопись, которая доставит вам удовольствие. Мне очень жаль, что вы не совсем здоровы. Мое здоровье, к сожалению, пострадало, потому что мне пришлось прервать курс ванн и спешно выехать сюда из-за этого триумвирата ничтожеств. После его отречения честь моя в безопасности, тем более что Штраус, желая уйти от поединка, прячется за формальности. В пощечину не верит больше ни один человек. Матильда здорова и кланяется. Все, что вы говорите о дураке Рисере, правильно. Каково самоупования! Без приглашения выступать бойцом в чужих делах! Он хуже чем дурак. Он передает мне через Венсея, что хочет приехать в Париж, чтобы драться за дело Штрауса. За такую глупость его следует высечь. Рекомендую его вашему перу и перу ваших друзей. Он стоит этого. Бедный Штраус! К сожалению, я имел несправедливость оскорбить его жену; поэтому я почти не гневаюсь на него, зато тем более — на других.

Ваш друг
Г. Гейне.

53. АЛЕКСАНДРУ ВЕЙЛЮ

[Париж, 19 августа 1841 г.]

Дорогой Вейль!

Сегодня утром я отправил вам письмо, и тотчас мне пришлось раскаяться в том, что я написал вам о Рисере. Ради бога, пусть об этом никто не знает, заклинаю вас никому не показывать моего письма. Дурак этот действительно вызвал меня на дуэль, а я вынужден принять вызов. Вот почему никто не должен знать того, что я вам сообщил. Сразу же напишите о нем статью, задайте ему остроумную головоломку по поводу его статьи в «Гамбургском корреспонденте», заставьте и других поиздеваться над ним. Пусть он будет смешон, когда придет сюда, — ведь ему хочется, чтобы публика читала в газетах: «Габриэль Рисер едет в Париж драться с Г. Г.» Наглость и тщеславие!

Ваш друг
Г. Г.

54. АЛЕКСАНДРУ ВЕЙЛЮ

Париж, 26 августа 1841 г.

Дорогой Вейль!

Благодарю вас за участие, выраженное в вашем письме. Жена сердечно вам кланяется; мы надеемся вас скоро увидеть здесь, но когда? Вы увидите, что у нас все по-прежнему: и до того, как мы начали нашу совместную жизнь, и после этого мы вели и ведем все то же благонамеренное, мещанское существование. Немецкая страсть к сплетням извлекла сие событие на свет божий, иначе никто бы на это и внимания не обратил. Мою жену всегда уважали в ее кругу, — впрочем, вам это прекрасно известно, так как вы единственный немец, которому мой дом был открыт. В течение нескольких недель меня так занимали семейные дела, что я едва мог думать о злосчастной Штраусиаде. Теперь ее, вероятно, все раскусили, и в яму, которую рыли мы, попали другие.

Бога ради, не пишите сюда об этой истории — французская пресса ничего не должна знать о ней. Вы бы только доставили мне новые неприятности. Со Штраусом считаю все поконченным. И, главное, ни в одном французском письме не упоминайте о Габриэле Рисере, — он ничего так не желает, как заставить о себе говорить. Заклинаю вас, не совершайте подобной ошибки. В немецких газетах, конечно, можете выставить его на посмешище, — лучше всего в гамбургских и лейпцигских. В Аугсбурге такой стиль не в чести. Он меня не вызывал, а передал, что хочет со мной драться, прислал мне свою статью, чтобы заставить меня требовать сатисфакции, предлагал приехать в Париж. Короче, это наглый расчет на публичный конфликт со мной, чтобы под конец, может быть, подобно Штраусу, которого пугает даже запах пороха, пойти со мной на мировую. Я спокойно отклонил его вызов, а если когда-нибудь захочу привлечь его к ответу, то уж сумею его разыскать. Он только на то и рассчитывал, чтобы принудить меня публично заняться его никому не ведомой особой и таким образом приобрести все в *Гамбурге*. Вот почему совсем не плохо, чтобы его глупые претензии были беспощадно высмеяны со стороны. Ба!.. Штраус будет достаточно унижен и без моего вмешательства. Такого

ничтожного поведения я не ждал, я был готов к дуэли насмерть.

Будьте здоровы! Пишите мне обо всем, что произойдет существенного. Редакция «Майнцской газеты» обязана мне теперь разъяснением, которое восстановит мою честь. Постарайтесь добиться его.

Г. Г.

55. ЮЛИУСУ КАММЕ

Париж, 5 сентября 1841 г.

Дорогой Кампе!

Сообщаю вам сегодня о событии, которое вот уже несколько дней скрываю от вас, — о моем бракосочетании с прекрасным и чистым существом, уже несколько лет под именем Матильды Гейне пребывающим со мною рядом. Все относились к ней с неизменным уважением как к моей супруге, и только некоторые сплетники, немцы из франкфуртской клики, грязнят ее мерзейшими эпитетами. Я спас ее честь, прибегнув к авторитету закона и церкви, тогда же, когда был занят и делами собственной чести: она мало пострадала от показаний такого проходимца, как Штраус, но подверглась большой опасности вследствие подлого свидетельства трех негодяев. Должен признаться, я никогда так не падал духом, как в день, когда прочел их грязное заявление, и, если бы мне не удалось разоблачить и обезоружить этих каналий, я прибег бы к самым ужасным и самым чудовищным средствам. Они обесчещены и теперь мечутся, как бешеные собаки, во что бы то ни стало желая принудить меня к выступлению, которое дало бы им возможность занять место Штрауса. Но я не позволю совратить себя с пути истинного, я хочу видеть у барьера именно его, и, хотя он ищет возможности любым способом улизнуть, я все-таки еще надеюсь достичь цели. Несколько дней назад я уже был готов стреляться, как вдруг ночью меня известил мой секундант, что один из секундантов Штрауса не может явиться и что дуэль, которая должна была состояться рано утром, опять откладывается. А теперь Штраус утверждает, будто его драгоценную голову оберегает полиция и за ним следят. Но это только кратко-

временная отсрочка, он выйдет у меня на поединок, даже если бы мне пришлось тащить его к барьеру на самый край света, до Великой китайской стены. Кто хочет драться, может одолеть все препятствия. Меня хотят взять измором, но из этого ничего не выйдет.

Будьте здоровы.

Ваш друг
Г. Гейне.

56. ЮЛИСУ КАМПЕ

Париж, 9 сентября [1841 г.]

Любезный Кампе!

Вкратце сообщаю вам о развязке так называемой истории с ложной пощечиной. Позавчера в семь часов вечера я имел наконец удовольствие видеть г-на Штрауса у барьера. Он проявил больше мужества, чем я думал, а случай помог ему сверх всякой меры. Пуля задела мое бедро, оно вспухло и почернело как уголь; мне приходится лежать в постели, и я еще не скоро буду ходить как следует. Кость, по-видимому, цела, но я до сих пор чувствую сильную боль. Таким образом, дело кончилось для меня не вполне благополучно — в физическом отношении, отнюдь не в моральном.

Будьте здоровы.

Ваш друг
Г. Гейне.

57. ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Париж, 13 сентября 1841 г.

Дорогая, любимая сестра!

Только сегодня могу официально известить тебя о моем бракосочетании. 31 августа я женился на Матильде-Крессенсии Мирá, молодой красавице, с которой уже более шести лет ежедневно бранюсь. Тем не менее у нее благороднейшее и чистейшее сердце. Она добра как ангел, и пове-

дение ее в течение долгих лет нашей совместной жизни было столь безупречно, что все друзья и знакомые прославляли ее как образец добродетели...

58. АВГУСТУ ЛЕВАЛЬДУ

Париж, 13 октября 1841 г.

Если на ваше дружеское письмо я отвечаю только сегодня, то виною этому исключительно моя бедная голова, которая, с тех пор как я по столь прискорбным обстоятельствам прервал лечение на пиренейских водах, сильно страдает от старого недуга; он так усилился, что врач начисто запретил мне перо и чернила. Враги, организовавшие против меня позорный заговор, который я, слава богу, так основательно разоблачил, рассчитывали не только на мое отсутствие, но и на мое болезненное состояние. Разбирается ли широкая публика в их подлой проделке так же, как мыслящие люди из общества, — этого я не знаю, в это я не верю, и, разумеется, в данной связи будет неплохо, если появится еще что-нибудь, дополнительно освещающее всю гнусность преступления, совершенного против меня в печати.

К величайшей моей радости, я на днях получил статью из «Бреславльской газеты», которая написана так, словно я сочинил ее сам, хотя я здесь абсолютно ни при чем и автора не знаю. К сожалению, на юге эта газета распространена мало, и вы очень обяжете меня, если перепечтаете эту статью в некоторых других газетах; для меня приятнее всего был бы «Нюрнбергский корреспондент». Прибавьте к ней сообщение о дуэли, про которую автор, очевидно, еще не знал. Даже если перепечатка этой статьи в «Нюрнбергском корреспонденте» потребует от вас некоторых затрат, это нужно сделать, и я охотно возмещу вам расходы; не надо только упоминать, что это перепечатка. Подлость, с которой мне, к сожалению, приходится иметь дело, так велика, что я вынужден просить моих друзей теперь, именно теперь, выступить в немецкой печати на мою защиту.

Я совершенно одинок, но твердо полагаюсь на следующее: никогда я не давал повода обвинять меня в каком бы

то ни было двусмысленном поступке, а враги мои всегда вынуждены были прибегать ко лжи, которая обнаруживалась сама собой.

Благодарю вас за любезное приглашение приехать к вам в Германию. Теперь этого сделать нельзя. Вы, вероятно, уже знаете, что за несколько дней до дуэли я, желая обеспечить положение М[атильды] в свете, вынужден был превратить свой незаконный брак в законный. Эта брачная дуэль, которая прекратится не ранее, чем один из нас будет убит, безусловно опаснее короткой схватки с Соломоном Штраусом, проживающим на Юденгассе во Франкфурте. Вы и представить себе не можете, какое море интриг и злобы изливалось на меня оттуда в течение многих лет. Дамаск, право, не сказка.

Сердечно приветствую г-жу К., которую мне так хотелось бы увидеть еще раз, — я готов был бы вскоре после этого закрыть глаза навеки.

На днях я переехал, и адрес мой теперь: Г. Г., faubourg Poissonnière № 46. Я устроился отлично, и у меня все здесь очень красиво; с трудом верится, что в таком доме живет немецкий поэт.

59. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 28 февраля 1842 г.

Дорогой Кампе!

Ваше письмо от 28 [?] сего месяца я получил третьего дня. Да и Дингельштедт в свое время сообщил мне о вашем к нему письме. Что мне сказать об этом? Я немею от негодования. Несправедливость по отношению к вам превосходит все, и гнев, который я испытываю, основан не только на том, что одновременно задеты и мои интересы. Хотите знать мое твердое мнение? Так слушайте: я советую вступить в открытую войну с Пруссией не на жизнь, а на смерть. Добром здесь ничего не добьешься. Я, как вы знаете, довел благоразумие до очень опасной степени, и потому не следует приписывать мой совет горячности и вспылчивости. Я презираю обычных демагогов, и мне противны их выступления, прежде всего потому, что они всегда выступали не вовремя. Но сейчас, раз дело идет о том,

чтобы воздать пруссакам за их подлое коварство и помешать осуществлению их планов, я протянул бы руку даже самому паршивому смутьяну.

Если немецкие книгоиздатели не поддерживают вас в этой войне, они величайшие ослы. О писателях я невысокого мнения; великого нашего драматурга я подозреваю даже в тайном соглашении с прусскими правительственными чиновниками. Все, что может быть сделано с моей стороны, будет сделано. Никакие мысли о прошлом или будущем не принуждают меня к пощаде. Скажу яснее: никогда я ничего не требовал и не получал от нашего правительства, и сердце мое не запянуто рабскими надеждами. Я говорю вам сейчас всю правду. Уже благодаря этому вы видите, как мало меня уязвила манера, в которой вы при данных обстоятельствах открыто упомянули о моем устаревшем предисловии. Однако вы были не правы, выставляя меня в таком свете, — ведь вам не могло быть известно, насколько независимо и совершенно свободно мое положение в отношении правительства. Но в вашем положении простительно все, — более позорной несправедливости никогда еще ни с кем не учиняли. Я не мог бы говорить об этом намеками, пришлось бы называть вещи настоящими именами, и потому я до сих пор молчал. Как только понадобится, я охотно выступлю открыто. Насколько мне в личных моих делах всякая полемика отвратительна, настолько увлекает меня спор по бескорыстным и идеальным поводам. Прежде всего позаботьтесь о фирме, под чьей вывеской можно печатать все, даже о двух фирмах — одной для сугубо политических сочинений, другой — для аполитичных.

Стихи Гофмана фон Фаллерслебена, непосредственные виновники вашего несчастья, отвратительны, и с точки зрения эстетики прусское правительство имело полное право рассвирепеть, — это скверные шуточки для увеселения филистеров, потягивающих трубку за кружкой пива.

Пишу много; в следующий раз расскажу об этом подробнее. Я нездоров, но в этом году уже не поеду на воды, а отправлюсь, вероятно, на дачу и закончу несколько книг. Тем временем вы урегулируете свои дела. Хочется ли вам сейчас начать издание моих сочинений или вы еще

пождете? Я в любое время к вашим услугам. Что с «Берне»? Дождусь ли я наконец второго издания? Напишите мне об этом совершенно определенно; дело не только в деньгах, но и в том, что мне нужно добавить кое-что, и даже многое весьма важное, а для этого мне нужно время. Стихи я издам не очень скоро, так как собираюсь заменить слабые новыми и лучшими и вообще хочу написать такую книгу, о которой я смогу с уверенностью сказать, что она не уступает «Книге песен». В этом отношении я мог бы рассказать вам немало отрадного. Я убежден, что сейчас могу создать свои самые значительные лирические вещи. Мне нужно только добиться покоя и немного вылечиться от жестокой головной боли. Горести прошлого года подорвали не только мои финансы, но и мой организм. Деньги — не главное, здоровье гораздо важнее, но честь — это все.

Об общих вопросах на сегодня довольно. Что же касается частных, то я должен вам сообщить, что завтра выпишу на вас наконец вексель на 800 марок ассигнациями, выплатить которые вы так любезно согласились. Я думал, что смогу отсрочить еще, но, к огорчению своему, на днях заметил, что с Котты мне следует денег меньше, чем я полагал, и поэтому выписываю вексель на вас, а не на него, как предполагал вначале. Вексель выпишу сроком на месяц и, вероятно, на имя Лео. Сегодняшнее письмо послужит и уведомлением. Дингельштедта я, к сожалению, вижу не слишком часто, но всегда очень рад встрече с ним. Как расходится новое издание «Книги песен»? Скажите мне правду. Я живу здесь тихо и уединенно, как всегда. Безмятежен домашний очаг. Меня очень огорчает, что жене вашей не лучше. У каждого свой крест.

Прилагаю при сем стихотворение, которое в Лейпциге не пропустил цензор «Газеты для любителей изящного» и которое, может быть, представит для вас некоторый интерес. А как бы испугались эти люди, если бы я и в самом деле громко ударил по струнам!

Напишите поскорее о новостях, пусть даже и дурных, лишь бы это было что-либо новое. Старое мне страшно наскучило.

Дружески
Г. Гейне.

60. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Париж, 13 мая 1842 г.

Милая матушка и дорогая сестрица!

Вчера вечером получил ваше письмо от 7-го, так что в прошлую ночь мне наконец удалось спокойно уснуть. Узнав из газет лишь общие сведения, я целые сутки ходил сам не свой. Дивлюсь тебе, милая Лоттхен, как только хватило у тебя духу так спокойно и рассудительно писать, видя перед собой этот страшный пожар; от всего сердца спасибо тебе за то, что ты меня успокоила.

Жена моя заболела от страха, услышав эти ужасные вести. Надеюсь, что вы справитесь с последствиями испуга и треволнений. Милая, добрая моя матушка! Не тужи о попесенном тобой материальном ущербе и старайся поменьше волноваться. Господь бог — добрый человек. Но на этот раз он слишком уж слепо положился на расторопность гамбургских пожарных команд.

Будьте здоровы. Дружеский привет моему зятю. Надеюсь, что сегодняшняя почта принесет мне хорошие вести.

Любящий вас

Г. Гейне.

61. ГЕНРИ ГЕЙНЕ

Париж, 16 мая 1842 г.

Дорогой дядюшка!

Надеюсь, ужасы грозного бедствия, постигшего Гамбург, не отразились на вашем здоровье. Мне не трудно представить себе, что это было за потрясение, — сго отголоски дошли до меня даже сюда, на чужбину; я до сих пор все еще словно в беспамятстве. Целые сутки не имел я никаких вестей от вас, пока наконец не получил письма от матушки и сестры. Лоттхен выказала в этом письме спокойствие и присутствие духа, достойные полководца. Здесь, в Париже, это бедствие вызвало большие толки и встретило столь теплое участие, что тем гамбуржцам, которые еще не исцелились от ненависти к французам

и до сих пор щеголяют ею, право же должно быть стыдно. Французы — самый славный народ.

Итак, несмотря на превосходные пожарные заведения, которыми вы всегда хвастались, город все-таки наполовину выгорел! Ведь это немалый кусок — от Дейхштрассе до дома дядюшки Гейне на Юнгфернштиге! Сгорел Юнгфернштиг вместе со всеми павильонами! Очень любопытно будет узнать, как выполнят свои обязательства страховые компании.

Будьте здоровы, дорогой дядюшка, и передайте самый сердечный привет тетушке Йетте, которая, наверно, натерпелась немало страху, а также Герману и нашим юным дамам. Моя жена, — она живет сейчас ради поправки здоровья в деревне, — услышав об этом бедствии, вбежала в комнату вся в слезах; впрочем, теперь она чувствует себя довольно хорошо. Катастрофа на версальской железной дороге глубоко потрясла нас, тем более что среди погибших были и наши друзья. Какое несчастье!

Любящий вас племянник

Г. Гейне.

62. ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Париж, 21 сентября 1842 г.

Дорогая сестрица!

Это письмо ты получишь через мадемуазель Аурецию де Кастро, молодую особу, у которой характер столь же приятен, сколь черна ее кожа. Она родом африканка, но с самого раннего детства воспитывалась в Париже, в том же пансионе, где много лет провела моя жена. Она самая близкая подруга жены, из чего можешь заключить, что я ее очень хорошо знаю и могу рекомендовать тебе не только со спокойной совестью, но и от всей души. Ее отец — богатый купец из Санкт-Томаса, недавно женившийся на жительнице Гамбурга. Сейчас он живет там, и мадемуазель де Кастро, которой надо обсудить с ним некоторые щекотливые дела, едет в Гамбург в сопровождении своего брата, столь же симпатичного, сколь

и черного молодого человека. Прими их получше, этим ты докажешь свою любовь к нам. Твоя невестка тоже просит об этом. Я уверен, что если твой добрый совет и посредничество смогут пойти им на пользу, ты, несомненно, им поможешь. Речь идет о том, чтобы повлиять на их отца; она не захочет сразу же признаться тебе в этом, так как необычайно своенравна и горда, но молодой человек посвятит тебя в ее дела. Я отрекомендовал ее также и Цецилии.

Я не получаю писем от вас, и мы живем в постоянной тревоге. Передай привет мужу и поцелуй деток.

Сердечно обнимаю тебя.

Любящий тебя брат

Г. Гейне.

Ты так умна и у тебя такое доброе сердце, что ты, конечно, порадуешь нас, оказав самую действенную помощь нашим друзьям. Я не сомневаюсь в этом.

63. ИОГАННУ-ГЕОРГУ КОТТЕ

Париж, 17 октября 1842 г.

Господин барон!

Вчера я выслал вам в Штутгарт переводной вексель на ордер г-на А. Лео на сумму 300 флоридоров, подлежащий оплате в течение трех месяцев. Обращаю ваше внимание на то, что вексель подписан мною не по-немецки, а по-французски (Henri Heine). Прошу вас оплатить его и включить в мой годовой счет. Надеюсь, что к концу года мой актив превысит эту сумму.

От Кольба на днях получил весьма приятное письмо; я твердо намерен выполнить его пожелания. В тревожные дни я буду регулярно писать мои корреспонденции, и в случае, если произойдут какие-нибудь важные события, «Всеобщая газета» может, как вы, конечно, уже заметили, всегда на меня рассчитывать. Я очень ценю и люблю это издание.

Не так давно я дал вам знать через Дингельштедта, что сочинил поэму, небольшой юмористический эпос; и по форме (поэма состоит из очень коротких главок, как «Сид») и по содержанию (я намеренно противопоставил ее всей тенденциозной поэзии) она вполне подошла бы для «Утренней газеты». Мне только нужно окончательно отшлифовать ее, и уже в следующем месяце я мог бы выслать ее вам; но мне бы хотелось, чтобы сначала вы написали несколько слов и успокоили меня насчет того, что она не попадет в руки г-на Пфизера, — я слышал, что он в «Утренней газете» ведает поэтическим отделом. Что касается гонорара, думаю, что вы распорядитесь рассчитываться со мной, исходя из обычной оплаты за лист, принятой во «Всеобщей газете».

По поводу расчета, который я получил от вашего издательства в начале этого года, у меня есть небольшая претензия, и я давно уже рискнул бы побеспокоить вас в связи с этим, если бы всяческие письменные объяснения по денежным вопросам не были мне столь неприятны и если бы я не продолжал надеяться на встречу с вами лично. Дело заключается в следующем. Лет шесть тому назад г-н Левальд обратился ко мне от вашего имени с просьбой дать статью для блаженной памяти «Театрального обозрения»; гонорар был тогда установлен в размере 300 франков за печатный лист, то есть столько же, сколько было обещано г-ну Жюлю Жанену, и, согласившись написать статью, я просил г-на Левальда показать вам мое ответное письмо, в котором я недвусмысленно называл именно этот гонорар. Вскоре после того, как статья была напечатана, я выслал вам переводной вексель на соответствующую сумму. Теперь же, получив расчет, я вижу, что эта давнишняя статья для «Театрального обозрения» расценена лишь по 200 франков за печатный лист. Решившись довести об этом до вашего сведения, господин барон, я делаю это скорее из чисто духовной потребности выяснить обстоятельства дела, чем из материалистического желания исправить допущенную в расчете ошибку. Если вы хоть в малейшей степени сомневаетесь в справедливости моих претензий, я с легким сердцем откажусь от них.

Сохраните ваше, господин барон, дружеское доверие ко мне, ваше уважение, которое, как мне кажется, я заслу-

жил, и вы можете тогда быть уверены, что никакие денежные недоразумения не смогут поколебать моего горячего и неизменного стремления быть вам полезным.

Искренне преданный вам

Г. Гейне.

64. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 7 ноября 1842 г.

Дорогой Лаубе!

Ваше письмо доставило мне большое удовольствие. Вы вновь встали во главе «Изящной», и это, конечно, очень приятно для всех нас. Я говорю: «нас», имея в виду высшую литературную аристократию, последние благородные голы, которые еще не гильотинированы. Но не объединятся ли еще теснее чернь, стоящая у власти, и не выступит ли она против нас с руганью? Издалека мне все лучше видно, и для себя по крайней мере я предвижу участь худшую, чем забвение, если мы с вами организуем оппозицию против пустого патриотического фразерства и модных вкусов. Гуцков и компания уже сумели с помощью трусливой лжи навлечь подозрения на мои политические убеждения, и я, самый решительный, пожалуй, среди революционеров, я, который ни на пядь не отступил от прямой линии прогресса, я, который все принес в жертву великому делу, я слышу теперь отступником, подхалимом! Что же будет, когда я перейду к открытому сопротивлению всем этим лжегероям, патриотам-крикунам и прочим спасителям отечества? Я только хотел вам показать, что предвижу, как во время всеобщего отступления начнет падать моя популярность у вас.

Не знаю, может быть мои опасения неосновательны, и вы выскажетесь самым решительным образом. В таком случае я не позволю моему мужеству ослабеть. Как бы там ни было, я с величайшей любовью поддерживаю «Изящную» и помогу ей, так как она — ваша газета. Насколько мне позволят головные боли (я часто не в состоянии из-за этого работать), я буду писать для «Изящной», и моих друзей я тоже склоню к этому. Особенно доктора Зейферта,

который пишет во «Всеобщей газете», подписываясь знаком ♂; я уже завербовал его для вас, и Зейферт будет давать текущую корреспонденцию о местных делах. Он справится с этим превосходно. Еще не могу обещать, что сам тоже буду вашим корреспондентом. Но думаю, что этой зимой буду чувствовать себя лучше, и тогда охотно стану регулярно посылать вам богатую и, если богу будет угодно, интересную информацию.

Дорогой друг! Нам не нужно прикидываться прусскими доктринерами, мы не должны расходиться с «Галлескими ежегодниками» и «Рейнской газетой», нам ни в коем случае не нужно скрывать свои политические симпатии и социальные антипатии, мы должны назвать зло настоящим его именем, и, не взирая ни на чье мнение, защищать добро; мы должны действительно быть тем, чем г-н Гуцков хочет только казаться. Иначе нам будет еще хуже — худо нам будет во всяком случае. Ad vosем¹ Гуцкова замечу, что вся его книга, как вы, верно, видели, — сплошная интрига и ложь. Вейль, тот самый А. Вейль, который в последнее время состоял у него в холуях, пишет мне из Германии, как сильно раскаивается его Гуцков в том, что оскорбил меня, как страшно он меня любит и как он когда-нибудь, без сомнения, станет моим лучшим другом. Какого низкого мнения обо мне эта чернь! Обращаю на это ваше внимание, чтобы вы, редактируя «Газету для любителей изящного», знали, как обстоит дело с Вейлем; он только креатура этого интригана, который столь подло и коварно воспользовался против нас анархией в нашей печати. Чтобы я стал сообщником и лучшим другом К. Гуцкова!

Повторяю: я буду по мере сил поддерживать «Изящную». Надеюсь в этом отношении сделать даже больше, чем сегодня обещаю. По воле случая я уже сейчас имею возможность сделать нечто экстраординарное, что в большой степени может способствовать успеху номеров первого месяца. Я написал маленький юмористический эпос, который вызовет большой шум. В нем около четырехсот четверостиший, объединенных в двадцать главок. Я предназначал эту вещь для «Утренней газеты». К сожалению, — и это очень меня огорчает, — я уже информировал о своей поэме Котту и даже обещал передать ее ему, а Котта

---

¹ По поводу (лат.).

в ответ рассЫпался в любезностях. Тем не менее я решил напечатать эту работу в «Изящной»; вы и представить себе не можете, какими важными интересами жертвую я ради этого. Интересы это финансовые — мне хочется сохранить расположение Котты; славой самой «Утренней газеты» я совершенно не дорожу. Уже две недели я занят шлифовкой поэмы, через неделю она будет закончена и собственноручно переписана. Теперь я займусь ею еще усерднее. Однако это очень большая работа, она уже числится в бюджете текущего года, и вы должны позаботиться, чтобы издатель «Изящной» заплатил мне по крайней мере такой же гонорар, какой дал бы Котта в «Утренней газете». Я потребовал у него за эту вещь особую плату: по десять луидоров за печатный лист. Полагаю, что работа стоит этих денег, — ведь она пройдет через двадцать номеров «Изящной» и послужит этой газете колоссальной рекламой. Между нами будь сказано, это самое значительное из всего, что написано мною в стихах: тьма намеков на современные отношения, дерзкий юмор, правда умеренный, в духе «Утренней газеты», — для публики это произведение будет событием. Мне невероятно любопытно, что вы на это скажете. Из вышеизложенного вы можете заключить, что я имел в виду дать нечто совершенно оригинальное и вызвать такой шум, который превзойдет все, что было в прошлом. Герой моего маленького эпоса — медведь, единственный среди современных героев, кого я счел достойным воспевания. Безумный сон в летнюю ночь.

Мой адрес: faubourg Poissonière № 46. Я теперь живу лучше, даже весьма элегантно, с тех пор как вступил в законный брак. Да, дорогой друг, я самым добропорядочным образом женат. Я предаюсь моногамии. В остальном живу довольно замкнуто. Моя жена почтительно кланяется г-же Лаубе, пусть и мои приветы летят к ней на крыльях самой нежной дружбы. Г-жа Лаубе оставила у моих маленьких француженок чарующее воспоминание по себе, и я нередко слышал восторженные отзывы об ее изяществе, которое француженка не так-то легко признаёт в немке.

О событиях прошлого года, когда, обороняясь от газетных враг, мне пришлось не только словом, но и делом сражаться с самой гнусной сволочью, я напишу вам в другой

раз. Ответьте только немедленно, согласен ли г-н Фосс, издатель вашей газеты, на мои гонорарные требования. Сообщите также, отправлять ли рукопись посылкой или письмом. В ней будет листа двадцать три — двадцать четыре такого же формата, как это письмо. Повторяю, я без усталости работаю над ней и отошлю, как только получу ваш ответ. Вы говорили мне о приложении «Новые моды». Станете ли вы давать и музыкальные приложения? Для такой цели я мог бы совершенно бесплатно получить от Мейербера очень красивые песни.

Будьте здоровы, дорогой друг, сохраните ко мне добрые чувства и сердечное доверие, которым вы меня так охотно подарили и которое всегда казалось мне одним из самых драгоценных приобретений в этой жизни.

Генрих Гейне.

На случай, если вы хотите оповестить читателей о моем юмористическом эпосе, сообщаю вам его заглавие: «Атта Тролль» Генриха Гейне.

65. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 20 ноября 1842 г.

Дорогой Лаубе!

Ваше письмо от 12 ноября я получил и спешу отослать вам примерно половину поэмы; дня через три пришлю вторую половину, которая листа на два больше. Пошлю ее тоже почтой, — разница в пошлине не столь велика, а главное — доставка гарантируется. Таким образом, у вас сразу создастся общее представление о поэме. Вы увидите, вторая бандероль бесконечно прекраснее, значительнее и, во всяком случае, поэтичнее сегодняшней. В этой второй части я пытался возродить старую романтику, которую сейчас хотят до смерти забить дубиной, но возродить ее не в мягкой, музыкальной манере старой школы, а в предельно дерзкой форме современного юмора, который может и должен воспринять в себя все стихии прошлого. Возможно, однако, что стихия романтизма слишком враждебна нашей эпохе; в нашей литературе она уже отшумела, и, вероятно, в поэме, которую я вам посылаю,

романтическая муза навсегда прощается со старой Германшей!

Впоследствии расскажу вам, как я сумел оправдаться перед Коттой.

Выпишу векселя на г-на Фосса на сумму приблизительного гонорара за «Атту Тролля», как только перешлю вам поэму полностью. Что касается его опасений, как бы до середины будущего лета я не выпустил поэму отдельной книжкой, то успокойте его. До сих пор я предполагал только включить «Атту Тролля» в собрание моих стихотворений, о котором публика уже давно оповещена и которое появится, видимо, не так-то скоро — рукопись еще не переписана, а для меня это главное. У меня подлинное отвращение к такой работе, потому что Кампе отбивает охоту этим заниматься: он давал мои рукописи таким людям, как Виль и Гуцков. Последний или первый так беззастенчиво хозяйничали в моей рукописи, что теперь мне в ней многого не хватает и я вынужден заново переписывать изгаженный и измаранный текст. Вот как обстоит дело с моим собранием стихов!

Через неделю Зейферт пришлет вам статью, в которой дает параллельный разбор игры Рашель и Дорваль. Кроме Зейферта, один только Дуисберг способен здесь писать о Париже со знанием дела и на хорошем немецком языке. Он лучше всех делал бы обзоры. Я уже беседовал с ним по этому поводу. Подробнее — в ближайших письмах.

С сердечным приветом

ваш друг

Г. Гейне.

Кстати, первую и вторую главы «Тролля» нужно обязательно напечатать вместе, в одном и том же номере «Любителей изящного».

66. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

[Париж], 3 декабря [1842 г.]

Дорогой Лаубе!

Только что получил ваше письмо. Я вполне учитываю значение ваших замечаний. Вместо неприятной строфы о канкане вставьте, пожалуйста, следующее:

О, я даже утверждаю,
Что она весьма заметно
Смирно-дерзкими прыжками
Grande Chaumière напоминала.¹

Конец второй главы можно снять; его заменит вставка, которую вы предлагаете. После слов:

Грезить в обществе Ласкаро,
Что прикончил Атту Тролли,¹

снимите все строфы до самого конца, а вместо них будьте любезны вставить следующие, которые я написал сейчас, покуда жена моя сидит неподалеку от меня в ванне:

Эту песнь тебе, Фарнхаген,
Посвящаю. Другу сердца
Шлю ответ мой запоздалый
На одно из первых писем.

Ах, она — последний отзвук
Вольных песен романтизма;
В шуме битвы современной
Отзвонит она печально.

Век другой, другие птицы,
А у птиц другие песни!
Всех гусей перекормили
Мешаниной из тенденций.

Сидя на партийной вышке,
Хлопают культями крыльев,
Ножки плоски, глотки снхлы,
Много крика, мало пуха!

Тут же белые вороны
Каркают с утра до ночи:
«Галлы, галлы показались!»
Сообща спасают Рим.

Да, у птиц другие песни!
Я вчера прочел в газетах,
Что у Тика был удар
И что Тик — советник тайный.¹

Я хорошо вижу, дорогой Лаубе, что вы хотите ввергнуть меня в несчастье. Теперь на меня ополчится вся армия патриотов. Ведь на мое вольномыслие сетуют только

---

¹ Перевод В. Левика.

оттого, что я не принадлежу к партии. Прежде я именно по этой причине мог неприкрыто говорить все, что хотел.

Зейферт 15-го отправит хорошую статью.

У меня нет времени толком прочитать ваше письмо. Я вам уже сообщил, что, согласно вашему желанию, давно выписал на Фосса вексель. Мне наплевать, получу ли я эти гроши раньше или позже, а делаю я это прежде всего потому, что в данный момент не хочу получать деньги от Котты. Но надеюсь, что вексель оплачен. Работаю напряженно, — до конца года мне нужно послать еще несколько статей в Аугсбург. Гуцкова они хорошенько пощекочут; je n'y ai pas peur.¹ Будьте здоровы. Через несколько дней напишу вам о других поправках, которые вам кажутся необходимыми.

Ваш

Г. Гейне.

67. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 24 января 1843 г.

Дорогой Лаубе!

Во-первых, вот вам заключительная глава «Атты Тролля» с посвящением Фарнхагену; только прошу вас ничего в ней не менять: из-за несчастья, постигшего Гервега, я теперь уже не могу сказать «вышка партии». Во-вторых, направляю вам мой протест, который я облек в форму отрывка из письма, адресованного вам; я хочу, чтобы вы сказали несколько веских слов о тех наглецах, которые рассчитывают, что я всегда буду молчать. Видя, что их лживые писания не могут запятнать меня лично, как это было во время жалкого заговора Штрауса, они хотели бы по крайней мере хоть в чем-то повредить моей писательской репутации, и мои плохие стихи в «Альманахе муз» должны послужить именно этой цели. Ах, дорогой друг, гетевское время молчания ушло в прошлое. Не забудьте только выслать в Гамбург и сюда бандероли с экземплярами. Я совсем не вижу здесь немецких беллетристических журналов (впрочем, «Газета для любии-

¹ Я этому не препятствовал (франц.).

телей изящного» скоро будет сюда поступать). А потому вы непременно должны сообщать мне обо всех литературных сплетнях, которые могут заинтересовать меня.

Я уже говорил вам, что г-ну Фоссу напишу сразу же, как только у меня будет под руками вся поэма. Сейчас у меня нет ничего относящегося к ней и подлежащего отсылке вам; все в порядке, и я надеюсь, что с печатанием особенных проволочек не будет.

Будьте здоровы и передайте поклон вашей жене. Мы живем хорошо. Я видел здесь несколько раз Левенталя, книготорговца нашей «Молодой Германии»; у него большие планы, но он сам не знает, чего хочет.

Ваш друг
Г. Гейне.

То, что вы пишете мне об «Альманахе муз» г-на Фридриха Штейнмана, только позабавило бы меня, если бы обстоятельства дела не свидетельствовали о том, что известные люди в Германии самым недобросовестным образом используют против меня всё — всякий злонамеренный выпад или даже безобидную шутку, которым я когда-либо подвергался. Мне показывали этот «Альманах муз» в книжной лавке, и я уполномочиваю вас заявить в вашей газете, что два стихотворения, напечатанные в альманахе за подписью *Г. Гейне* и с пометкой *Париж*, были мною написаны не во время моего пребывания в Париже и что я вообще никогда не предназначал их для опубликования в печати. Первое стихотворение я узнаю; оно представляет собой лишь набросок, который я передал лет двадцать назад одному из моих друзей, чтобы он положил его на музыку, и с тех пор оно, вероятно, вышло в свет как текст к музыкальному произведению. Второе я решительно не могу припомнить; впрочем, весьма вероятно, что оно вылилось у меня из-под пера примерно в то же время, лет двадцать назад, в одном из шутливых частных писем, в которых я тогда нередко занимался самопародированием. Я, пожалуй, не сказал бы по этому поводу ни слова, если бы г-н Штейнман не снабдил эти стихи пометкой *Париж* и не отнес бы их тем самым к числу произведений, написанных мною во время моего пребывания здесь. Ведь промолчал же я год назад, когда тот же г-н Штейнман поз-

волил себе еще одну подобную бестактность по отношению ко мне, опубликовав без моего разрешения и вообще ни о чем меня не спрашивая ряд моих старых частных писем. Более восемнадцати лет я не поддерживал с г-ном Штейнманом решительно никаких связей, не имел к нему ни малейшего отношения и не вижу теперь никаких внешних поводов, которые могли бы оправдать прискорбный факт опубликования частных писем. В конце концов я вынужден был самым решительным образом протестовать против подобных недопустимых действий, и с этой целью вы, дорогой друг, можете довести до сведения почтенной публики мои подлинные слова.

68. МАКСИМИЛИАНУ ГЕЙНЕ

Париж, 12 апреля 1843 г.

Дорогой брат!

Если я не пишу тебе, если в течение ряда лет не писал вовсе, то причина этого очень проста — мне столько нужно сказать тебе, что я не знаю, с чего начать и чем кончить. Но я постоянно думаю и почти ежедневно говорю о тебе с моей женой, которой так хотелось бы тебя повидать! И в самых горьких бедствиях меня часто ободряет сознание, что у меня есть преданный брат, который верен мне всей душой. А в бедствиях у меня за последние годы недостатка не было!

В настоящее время живу довольно спокойно, между мной и моими врагами — перемирие, но это не мешает им столь же деятельно орудовать втихомолку, и я должен быть готов к любым взрывам смертельной ненависти и трусливой подлости. Все это, впрочем, не было бы так важно, если бы злейшего врага я не носил в собственном своем теле, точнее — в голове; болезнь эта за последнее время вступила в очень серьезную фазу. Почти вся левая сторона парализована и потеряла чувствительность; способность движения мускулы еще сохранили. Возле левой брови, у переносицы словно лежит свинцовая тяжесть, которая не исчезает никогда; тяжесть эта ощущается уже почти два года. Она была не так велика только при очень напряженной работе, но тем сильнее бывала реакция потом,

и ты понимаешь сам, что я теперь не могу работать много. Что за несчастье! При этом левый глаз тоже очень ослаб и болит; часто он не в ладах с правым, и по временам это вызывает расстройство зрения, которое гораздо нестерпимее, чем мрак полной слепоты. Уже два месяца у меня на затылке заволочка, но это только паллиатив, и я не верю ни в какие лекарства. Рассказываю тебе это не потому, что жду от тебя совета, а потому, что хочу удовлетворить твое врачебное любопытство. Я мало надеюсь на улучшение и предвижу печальное будущее.

Моя жена — славный, простодушный, веселый ребенок, пожалуй даже чересчур ребенок; она капризна, как только может быть капризна француженка, и не позволяет мне погружаться в меланхолические грезы, к которым у меня природная склонность. Вот уже семь или восемь лет как я люблю ее со страстью и нежностью, которых не выразишь словами. Я вкусил за это время бесконечное счастье, чудовищную смесь муки и блаженства, больше, чем могла вынести моя чувствительная натура. Придется ли мне теперь испытать трезвую горечь осадка? Повторяю, я страшусь будущего.

Но кто знает, может быть, все пойдет лучше, чем это кажется моему печальному рассудку. Останься только ты мне верен, дорогой брат, и мое сердце найдет опору в твоей братской преданности, в твоей верной братской любви.

В Гамбурге, кажется, все *in floribus*,¹ Марихен сделала очень хорошую партию, — и это большое счастье, за которое я благодарю бога. Какая радость для нашей сестры и для нашей матери! Последняя очень стареет, но ведь такова общая человеческая участь; надеюсь, она долго еще останется с нами, наша славная, добрая матушка. Густав был у нее полтора года назад и, конечно, как всегда, доставил ей радость. С семьей я в довольно хороших отношениях, с дядей Гейне тоже. Он дает мне ежегодно 4800 франков, приблизительно треть того, что мне пужно. Но теперь, когда я физически немощен и не могу твердо рассчитывать на свою работу, я рад, что имею определенную пенсию. В Германию я никогда не вернусь. Здесь я живу в покое, по крайней мере в смысле внешнего окружения. Познакомиться с молодым Верманом из Риги мне было очень приятно; я часто его вижу, и он очень мил.

---

¹ Цветет (лат.).

Будь здоров, дорогой брат, и напиши мне поскорее.
Мой адрес: faubourg Poissonière № 46.

Да застанет тебя это письмо в добром здравии и светлом
расположении духа.

Г. Гейне.

Не считая головы, я духом и телом совершенно здоров.

69. ХАНСУ-КРИСТИАНУ АНДЕРСЕНУ

[Париж, 4 мая 1843 г.]

Смех, шутки да песни! Лучи шаловливо
Сверкали, дурачились. Волны игриво
Качали лодку. Беспечно в ней
Сидел я среди милых моих друзей.

Но разлетелась лодка в щепки.
Друзья мои в плаванье не были крепки:
На дне родном погибли друзья;
На берег Сены попал только я.

Я судно снарядил другое,
Товарищей новых собрал. Но покоя
Не знал я, скитаясь среди чуждых волн.
Отчизна, где ты? Я скорби полн!

И снова смех, и снова пенье —
И ветра свист, и снастей скрипенье...
Погасли звезды. Темны облака.
Отчизна! Мне грустно, а ты — далека! ¹

Эти стихи, которые я вписываю здесь в альбом моего
дорогого друга *Андерсена*, я сочинил 4 мая 1843 года
в Париже.

Г. Гейне.

70. БЕТТИ ГЕЙНЕ

Париж, 18 сентября 1843 г.

Милая, дорогая, милая матушка!

Твое письмо от 18 августа, которое ты адресовала
в Трувиль, было переслано мне сюда, и с тех пор я получил
еще твое письмо от 2 сентября. Из этого второго письма
я с глубоким прискорбием узнал, что у дядюшки Гейне

¹ Перевод Л. Пеньковского.

нелады со здоровьем; прошу тебя, напиши мне точнее и подробнее, как он себя чувствует. Если я и не совсем спокоен, то, во всяком случае, твердо уверен, что здоровье нашего дорогого дядюшки покоится на прочном фундаменте, который хотя и может постепенно расшататься от всякого рода потрясений, но на радость всем нам простоят еще очень долго. Если не считать излишеств за столом, дядюшка ни в чем не грешил против своего здоровья, и его жизненная сила пострадала, собственно говоря, только от огорчений. Да сохранил его бог!

А как поживаешь ты, милая, ласковая моя старушка? Если ты умрешь, прежде чем мы с тобой свидимся, я застрелюсь. Заметь себе это на тот случай, если тебе взбредет в голову переехать с твоей квартиры на Даммторштрассе в какое-нибудь еще более скверное жилье! Заметь себе это, и ты не совершишь подобной низости.

Вчера я беседовал с одним из друзей Макса, г-ном Гречем из Санкт-Петербурга, который знает и тебя и говорил о тебе с такой любовью и уважением, что я целый день бродил в меланхолии, с разваренным всмятку сердцем.

Если б я только мог (но в данный момент это почти невозможно), я навистил бы тебя в этом году. Но в будущем году я уж, во всяком случае, приеду.

Передай от меня привет Лоттхен и ее детям. Я не вижу никого из семейства Фуртадо и потому не знаю, здесь ли Цецилия Гейне. Говорят, Адольф Эмбден в Париже. Какое счастье для Парижа; это, наверно, в награду за то, что английская королева не приехала сюда!

Будь здорова. Вообще постарайся прожить как можно дольше и не забывай, что я тебе написал.

Любящий тебя сын

Г. Гейне.

71. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

[Париж, октябрь (почтовый штемпель от 12 октября) 1843 г.]

Дорогой Кольб!

От всего сердца благодарю вас за любовь ко мне. При сем возвращаю статью с поправками, которых вы требуете. Укажите, пожалуйста, в примечании, что она запоздала

случайно. Но впредь сами зачеркивайте и изменяйте все, что вам кажется необходимым. Ампутация, произведенная вашей рукой, для меня не очень болезненна; к тому же, сознаться по чести, я мало дорожу своими статьями; я пишу их, правда, не столько ради гонорара, сколько потому, что считаю своим долгом не уступать окончательно поле боя робер-макеризму, захватившему журналистику. В ближайшее время напишу вам яснее и подробнее. Ваше желание специально освещать вопросы литературы я исполню тем охотнее, что мне легче писать о ней, чем о текущей политике. Однако и политику я никогда не выпущу из поля зрения; вы могли убедиться в этом году, что во время важных событий я никогда не покидаю своего поста. Правда, я не очень здоров, но весьма бодр и счастлив. Всего вам хорошего, сохраните ко мне свою испытанную дружбу. Почти все мои связи в Германии ослабели, если не угасли совсем. У меня остались на родине только вы, дорогой Кольб. Я часто думаю о вас и всегда рассчитываю на вашу поддержку. Мой адрес: faubourg Poissonnière № 46. Прошу вас тотчас же выслать мне бандеролью экземпляр моей напечатанной статьи.

Г. Гейне.

72. БЕТТИ ГЕЙНЕ

Париж, 18 октября 1843 г.
*(годовщина Битвы народов
при Лейпциге).*

Милая, славная, дорогая матушка!

Твое последнее письмо я получил, и твоя мечта о свидании с Максом этой весной в Гамбурге вновь пробудила во мне сильное желание повидать тебя. Но мы увидимся еще до весны, еще в этом году; ты и опомниться не успеешь, как я предстану перед тобой в натуральную величину. Только-это большой секрет — никому ни полслова. Дело в том, что я поеду не морским путем, а прямо через Германню, а так как я и здесь никому об этом не говорю и поеду очень быстро, то со стороны властей опасаться нечего. Но, повторяю, никому ни слова об этом; дядюшке

Гейне я об этом напишу, но только за день до отъезда, не раньше, *у меня на то есть важные причины*. Если Лотхен умеет молчать, можешь сказать ей. Жену я оставлю здесь, в Париже, в пансионе, где она жила раньше. Не знаю точно, *когда* уеду, а потому не пиши мне больше сюда.

На будущей неделе ты получишь более подробные вести

от любящего тебя сына

Г. Гейне.

73. МАТИЛЬДЕ ГЕЙНЕ

Бремен, 28 октября 1843 г.

Милая женушка!

Я только что прибыл сюда после того, как двое суток был в пути. Сейчас восемь часов утра, я нынче же вечером отправлюсь дальше и завтра прибуду в Гамбург. Да, завтра я достигну цели моего паломничества, которое было чрезвычайно скучным и утомительным. Я совершенно изнемог. Я испытал много неудобств, и скверная погода преследовала меня. Решительно все путешествуют здесь в плащах, один я в жалком пальто, которое доходит мне только до колен, и они коченеют от стужи. При всем том сердце мое полно забот: я оставил беденькую мою овечку в Париже, где так много волков. А сам я, горемыка, в пестухи уже не гожусь.

Израсходовал уже свыше ста талеров. Прощай, обнимаю тебя! Пишу тебе в комнате, которая полна людей; от крика и шума у меня страшнейшая головная боль. Тысячу приветов г-же Дарт и нашей милой, неподражаемой Ауреции!

Всем сердцем твой
бедный муж

Henri Heine.¹

---

¹ Генрих Гейне (франц. написание).

74. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Гамбург, 3 ноября 1843 г.

Дорогой Детмольд!

Когда я решился поехать в Германию, я особенно радовался возможности увидаться с вами и лично побеседовать о всей той великой путанице, о которой никогда не выскажешься в письмах. Но я не мог поехать через Ганновер, и боюсь, что возвращаться в Париж мне тоже придется другой дорогой. Что же нам сделать, чтобы увидаться? Если вы собираетесь поехать в Гамбург, скажите мне, когда вы хотите сюда приехать, и я сообразуюсь с этим. Мне хотелось бы пробыть здесь еще недели две. Думаю вернуться через Лейпциг; следовательно, мог бы назначить вам рандеву и в Магдебурге. Но приятнее всего было бы мне увидеть вас здесь, в Гамбурге, куда, как я слышал, вы иногда заезжаете.

О своем решении напишите мне сейчас же на адрес «Гофмана и Кампе».

Как я рад, что мне предстоит увидаться с вами! Вы единственный человек в Германии, который поймет меня с полуслова и которому даже без объяснений понятны мои бедствия!

Будьте здоровы. До скорого свидания.

Ваш преданный друг

Г. Гейне.

75. КАРЛУ-АВГУСТУ ФАРИХАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Гамбург, 9 ноября 1843 г.

Мой дорогой Фарихаген!

Хочу только сказать спасибо за ваше милое, сердечное письмо от 6-го, но ответить на него еще не могу. Если будет хоть какая-нибудь возможность, попытаюсь вас повидать. Я прискал сюда только с намерением навестить своих родных, промчался по Германии с невероятной быстротой и хотел так же быстро кратчайшим путем вернуться в Париж, — жена дала мне отпуск лишь на месяц. Поэтому я не вступал ни в какие сношения с соответствующими германскими правительствами и не имсю никаких гарантий

безопасности. Да и к чему повели бы мои ходатайства? Это было бы заведомой уступкой, а я, право же, на уступки не пойду. Ведь не прусское правительство, а я оскорбленная сторона, несправедливо обиженная в своих личных имущественных интересах, и мне ли еще смиренно спрашивать о том, могу ли я быть уверен, что не потерплю личного оскорбления, если приеду в Берлин?

Вы советуете мне обратиться к г-ну фон Гумбольдту. Он действительно всегда был со мною любезен. Но, честно говоря, хотя я и очень высоко оцениваю его могущество, я не очень верю в его желание быть мне полезным. К тому же у него, наверно, нет больше и необходимой энергии, чтобы высказаться против высочайших предубеждений.

Я как следует поразмыслю, отважиться ли мне на день приехать в Берлин, чтобы только встретиться с вами. В связи с этим у меня возникла мысль поехать сначала в Лейпциг, откуда железная дорога быстро доставит меня к вам или даст вам возможность, — если только сейчас вы чувствуете себя неплохо, — с удобством преодолеть небольшое расстояние навстречу мне. Сохрани меня бог требовать от вас большой затраты сил!

Здесь я пробуду еще две недели; к концу этого срока сообщу вам свое окончательное решение. До тех пор остаюсь всей душой

вашим другом

Г. Гейне.

Письма непременно дойдут, если вы пошлете их сюда, па адрес Соломона Гейне или «Гофмана и Кампе».

76. МАТИЛЬДЕ ГЕЙНЕ

Гамбург, 10 ноября 1843 г.

Моя любимая!

Я не получил еще ни строчки твоих каракуль. Может быть, ты решила не писать, пока не получишь известия о моем прибытии сюда? Пиши спокойно; при отъезде я распоряжусь, чтобы письма пересылали в Лейпциг, где я пробуду несколько дней, а если письма уже не застанут меня в Лейпциге, мне их вернут в Париж. Меня здесь задержат на неделю главным образом издательские

дела. Мой издатель — величайший в мире плут, и мне стоит немало труда внести ясность в свои дела.

Надеюсь, мое последнее письмо, в котором была квитанция, необходимая для получения у Фульдов 400 франков, пришло. Не забудь тотчас сообщить, не было ли затруднений при выплате. Мой дядя вот уже несколько дней чувствует себя лучше, и наши с ним отношения тоже улучшились. Все упрекают меня в том, что я не привез тебя сюда. Как бы я был рад, если бы ты была здесь вчера вечером; моя племянница г-жа фон Фосс устроила в мою честь большой прием; танцевали, ужин был превосходный, не хватало только тебя. Племянница живет как принцесса, и во всей этой роскоши есть что-то солидное и комфортабельное. Дети моей сестры очень милы и беспрерывно расспрашивают меня о своей парижской тетке. Они увидят ее, бог даст, будущей весной, которую, как и лето, мы проведем здесь. Но я никому не говорил, что у меня есть такое намерение; не вздумай сообщать о нем Карлу Гейне, который в феврале придет в Париж. Прошу тебя, как можно скорее начни брать уроки немецкого языка. Само собою разумеется, что теперь ты должна усердно заняться каллиграфией. Это крайне необходимо. Используй хорошенько свой досуг.

Прощай, моя любимая! Я думаю всегда о тебе и за тебя. Передай мои приветы г-же Дарт и мадемуазель Ауреции. Пиши мне побольше и веди себя так, как я того заслуживаю.

Твой бедный пес и супруг

Henri Heine.

Не говори г-же Барье, о чем я тебе пишу; было бы хорошо, если бы ты не слишком часто ее навещала, — на то есть немаловажные причины.

77. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 29 декабря 1843 г.

Дорогой Кампе!

Вот уже десять дней как я снова здесь, в своей штаб-квартире, где застал все в более благополучном состоянии, чем представлял себе; отсутствие известий из Парижа

так отравляло мне последние дни в Гамбурге, что у меня голова шла кругом. Теперь я припоминаю еще тысячи всяких вещей, которые мог бы там сделать. С моим дядей, который ни за что не хотел меня отпускать, я расстался почти не попрощавшись. Про важнейшие сведения, которые я хотел собрать, я забыл совершенно. Меня несказанно радует то, что хоть с вами я устроил все наилучшим для нас обоих образом, создав прочную базу для совместной деятельности; мы покончили с путаницей, которая не могла не возникнуть благодаря тринадцатилетней разлуке, расчистили для себя таким образом настоящее и можем уповать на прекрасное будущее. А теперь желаю вам счастья и удачи в новом году!

В Ганновере я подробно говорил с Детмольдом о «Телеграфе». Он обещал тотчас написать вам об этом лично и, следовательно, сообщил вам, вероятно, свое мнение. Думаю, что, как ни обременен он в настоящее время исключительно трудными обстоятельствами, мы все-таки можем на него рассчитывать. Он тоже думает, что «Телеграфу» для обеспечения его успеха вы должны дать определенное политическое направление; «Телеграф» должен сохранить лишь оттенок литературного журнала, не окраску; только таким образом можно с ним что-нибудь сделать. Если вы готовы к такой метаморфозе, то мне представляется возможность приобрести для обновленного «Телеграфа» остатки «Рейнской газеты», уцелевшие после кораблекрушения ее редакторов, особенно доктора Гесса вместе с его единомышленниками — авторами и читателями. У доктора Гесса — исключительно острое политическое перо, и он вполне годится даже для роли главного редактора (в случае, если Детмольд будет колебаться). Детмольд говорил мне, что, пока вы не уберете Ширгеса, вам не избавиться и от Гуцкова, а он всегда сможет впутать вас в неприятности. Необходимо решительно порвать с последним, даже если этим слегка ушибешь первого. Сколько угодно используйте Ширгеса в качестве сотрудника, но ни в коем случае не вводите его в состав редакции — он скомпрометировал себя как оруженосец Гуцкова. А. Вейль настоятельно просит засвидетельствовать вам свое почтение и весьма охотно продолжал бы сотрудничать в «Телеграфе», если вы будете прилично ему платить.

Повторяю, скорее ответьте мне насчет сообщества Руге (видите, я называю вещи своими именами). Что касается меня лично, то я никогда не принадлежал ни к какому сообществу как таковому, но поддерживаю все, что мне кажется благим и похвальным. Поэтому я тотчас же написал кое-что для журнала Руге и уже послал рукопись. Это три сатирические песни о Людвиге Баварском, самое кровавое из всего написанного мною, и, если у меня будет время, я при случае пришлю их вам: «Обозрение» выйдет, вероятно, только в январе.

В дороге я сочинял разные стихи. Это мне дается легко, когда я дышу немецким воздухом. Посещение Германии в будущем сулит мне много поэтических плодов. Как поэт я еще способен кое-что создать. Для оформления моих «Новых стихотворений» (таково заглавие книги) я сделаю все, что возможно, и на будущей неделе приступлю к редактированию и распределению материала. Чувствую себя довольно хорошо, только голова несколько мутная. Не знаю, насморк ли это или я просто поглупел. Так или иначе, но в будущем году я буду работать неутомимо. Дабы и ваша деятельность не ослабевала, я в самом начале нового года выпишу на вас вексель на 350 марок ассигнациями, по чеку Августа Лео, сроком на два месяца. Прошу оплатить его при предъявлении. Путешествие весьма истощило мою кошницу, и (чему никто не верит) я ни сдипного шиллинга не позаимствовал у моего дяди. Мы оба проявили величайшую взаимную деликатность.

У меня не было еще подходящего случая поговорить с Ротшильдом относительно известной вам рукописи; перед Новым годом он погружен в океан дел, и только спустя несколько недель, когда прибой немного утихнет, когда водоворот будет не столь стремителен, я смогу добиться беседы с ним. Разговор состоится, следовательно, только в конце января, но прошу вас, ради бога, не возвращайте пока рукописи. За причитающийся гонорар отвечаю вам своим карманом. Если же вы хотите доказать мне истинную любовь и дружбу, пришлите мне рукопись сюда, в Париж; тогда я буду в состоянии предъявить хоть кое-что и, во всяком случае, избегну подозрений в том, будто бы яростные выпады, против которых я предлагаю принять меры, в действительности не существуют, или что я сам выдумал их с досады. Сознаюсь, мне очень

хотелось бы попытаться отблагодарить Ротшильда за любезные услуги, которые он оказывал мне в течение двенадцати лет, но уже сама мысль, что он может подумать, будто я собираюсь его эксплуатировать, страшит меня, делает чуть ли не трусом. В этом деле вы так благородно меня поддерживали, что, смею надеяться, вы не оставите меня под мучительным подозрением и облегчите мне возможность проявить дружеское отношение к Ротшильдцу, немедленно прислав по почте вражескую рукопись. Пусть мое *честное слово* послужит вам порукой, что я не выпущу ее из рук и сохраню в вашем распоряжении; я хочу только доказать, что она существует, и если даже не добьюсь того, чего хочу, то буду по крайней мере защищен от отвратительного подозрения в том, что я все это выдумал и даже спровоцировал. Вы окажете мне большую услугу; не хочу сказать большего из деликатности. Я слышал здесь, что Гуцков пустил в ход все свои интриги, желая всем внушить, что он остается хозяином «Телеграфа» и что он только поручил руководить им одному из своих подчиненных, так как у него лично есть дела поважнее. Говорят, он рвет и мечет, с тех пор как узнал, что ему не удалось посорить нас с вами и что нет надежды нас разъединить. На его приверженцев сыплются упреки в том, что они плохо исправляли полицейские обязанности, и если бы вы, дорогой Кампе, не были сейчас хозяином «Телеграфа», именно здесь они и подняли бы громкую брань. В «Кельнской газете» он не решится на это, боясь скомпрометировать себя при первом же выступлении. Гуцков (я знаю это от Вейля) в бешенстве от прочности нашего с вами союза.

А теперь, любезный друг, будьте здоровы. У меня темный кабинет, и я почти уже не вижу того, что пишу. Ответьте мне поскорее о «Телеграфе» и Ротшильде и кланяйтесь от меня немецким друзьям и единомышленникам. Я здоров, бодр и задыхаюсь от насморка.

Как неохотно уезжал я на этот раз из Гамбурга! Великое пристрастие к Германии глохнет мое сердце, и пристрастие это неизлечимо.

Ваш друг
Г. Гейне.

78. ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Париж, 23 января 1844 г.

Милая, дорогая сестра!

Недели две назад матушка сообщила мне о том, что твоя дочь благополучно разрешилась от бремени, но с тех пор я не получил никакого известия о ее самочувствии, а это главное, и я вынужден упрекнуть вас в отсутствии внимания. Надеюсь, что Мария чувствует себя хорошо и что я в ближайшие дни получу от вас успокоительные вести.

Я и моя жена здоровы и постоянно вспоминаем тебя. Она никогда не устает слушать мои рассказы о том, какая ты превосходная сестра, и любовь, с которой я говорю тебе, возбуждает в ней чуть ли не ревность. Мы живем тихо и замкнуто. На днях нас навестил Карл, которого я почти не вижу, так как бывать у него не могу, да и не хочу. Даже после приезда я не побывал у Цецилии. Она мне безразлична, и вообще — бог с ней. Здесь ее окончательно испортили, и бедный Карл еще хлебнет с пей горя.

Мои планы на лето не изменились; позднее напишу тебе подробней. Пиши много и обстоятельно — я хочу быть в курсе всех ваших дел. Особенно точно сообщай мне всякий раз о том, как чувствует себя дядя. Надеюсь, что ты здорова и не слишком залезла в долги. Матушка жалуется на здоровье; мне хочется думать, что это не страшно.

Несмотря на прогрессирующий паралич лица, я работаю много. Возможно, что в один прекрасный день придется бросить перо к черту и обречь себя на проклятое безделье!

Жена ведет себя неплохо, не слишком часто бранится, но как была мотовкой, так и осталась. Я с трудом свожу концы с концами, и деньги кончаются. Противная сестренка, если бы только я мог хоть изредка тебя видеть, хоть молча смотреть на тебя!

Будь здорова, кланяйся от меня родне, твоему петуху и цыплятам: Марии, Людвигу, мадемуазель Эмме и обоим другим племянницам. Особенно кланяюсь Лизхен и Ленхен.

Твой многословный и нудный брат

Г. Гейне.

79. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 20 февраля 1844 г.

Дорогой Кампе!

Ваше письмо я получил на прошлой неделе, но и сегодня я не в состоянии ответить как следует. Десять дней назад моя ужасная болезнь глаз проявила себя сильнее, чем когда-либо, и эти строки я пишу с величайшим трудом, — едва вижу буквы. Я был всецело поглощен большой работой, когда меня опять поразило это бедствие. После возвращения я много писал, например сочинил в высшей степени юмористический путевой эпос, описание моей поездки в Германию. Это цикл из двенадцати стихотворений, и все они, слава богу, готовы; присоединю к ним некую толику прозы и, следовательно, скоро дам вам нужный том. Вы останетесь мною очень довольны, и читатели увидят мое настоящее лицо. Мои новые стихи — совершенно новый жанр, это путевые картины, переложенные в стихи; они будут дышать более высокой политикой, чем все это пресловутое рифмованное брюзжание на политические темы. Только позаботьтесь заранее о возможности напечатать без цензуры вещь объемом не менее двадцати одного листа.

Относительно Ротшильдов напишу вам на будущей неделе; еще не мог к ним пойти. Но покамест сердечно благодарю вас за то, что вы дали мне возможность выказать им признательность. Не сомневаюсь, что это будет мне столь же полезно, сколь приятно, потому что влияние этих людей в германских канцеляриях очень велико, и, может быть, оно понадобится мне, если я сочиню еще несколько стихотворений, подобных прилагаемым, — впрочем, едва ли!

А посылаю я вам свои стихи из «Обозрения» Руге; это гранки, которые никому не следует показывать, прежде чем будет получено «Обозрение», — не надо заранее поднимать шумиху. Моя поэма нагонит страху на высокопоставленных господ: они увидят, на что я способен, когда хочу. Но вы, дорогой Кампе, вы-то знаете, что я способен и на величайшую умеренность, когда следует понизить тон в интересах вашего издательства.

На будущей неделе хочу попробовать диктовать; если мне это удастся, то вы скоро получите мою новую книжонку, и я смогу писать даже больше, чем обычным способом. Что за несчастье эта болезнь глаз! Она сводит меня с ума! Разумом и душой я здоров.

Ваш друг
Г. Гейне.

80. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Париж, 12 апреля 1844 г.

Дорогой Кольб!

Вижу, что вы не напечатали моей первой статьи о музыкальном сезоне; мне это тем более неприятно, что я уже приготовил вторую (об опере). Я недостаточно богат, чтобы работы мои пропадали, и, может быть, смогу еще использовать первую статью. Поэтому прошу вас вернуть мне ее сейчас же (faubourg Poissonière № 46).

Не стану долго ломать голову над тем, почему эта статья не напечатана. Может быть, в Германии больше не разрешается свободно высказываться даже о виртуозах, хотя всех радовало, когда я это ежегодно делал. Или, может быть, вас пугает моя внезапно воскресшая репутация трибуна (я ни сном ни духом в этом не виноват) — из обесславленного ренегата я опять вдруг превратился в спасителя отечества. И случилось это благодаря усилиям прусской агентуры: господ Борнштедта, Рохау и компании. Наши бывшие патриоты стали послушными пуделями, которые теперь лают на меня, потому что я не благоговею перед коронованными главами Германии. Это было бы смешно, если бы не свидетельствовало о весьма печальных обстоятельствах.

Если вы, дорогой друг, можете сообщить мне правду в двух словах, то, прошу вас, сделайте это, чтобы я по недоразумению не совершил ложных шагов. Вы знаете, я очень терпелив, всегда охотно разделяю с друзьями притеснения, вызванные обстоятельствами эпохи, но я должен быть уверен, что только эти притеснения повинны в том, что моя статья не напечатана. Видит бог, тщесла-

вие здесь ни при чем, а всякие ветхогазетные колымаги (немецкие «Constitutionnels») снабдили бы меня деньгами вдоволь, если бы я захотел оживить их своими фельетонами; но мне было бы страшно неприятно, если бы я был вынужден заменить старое убожество новым.

Прошу вас, дорогой друг, очень прошу — верните мою статью немедленно, в случае если она еще не напечатана. Будьте здоровы. Сейчас я опять готовлюсь к путешествию, но еще не знаю, поеду ли я в Лондон или в Мадрид. Охотнее всего отправился бы я опять месяца на два в Германию.

С неизменным доверием и преданностью

ваш друг

Г. Гейне.

Р. S. Только что мой переписчик принес мне некролог о Маркусе, одну из самых больших и хороших статей, которые я написал для «Всеобщей газеты». Я радовался, что пошлю ее, — подумайте, как огорчен я сейчас, как расстроен...

81. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 17 апреля 1844 г.

Дорогой Кампе!

Уже месяц, как я снова оправился после болезни глаз. До того я был почти слеп, не мог писать и, что еще ужаснее, — читать. Вы и представить себе не можете, какая тоска меня снедала. К счастью, поэма была почти готова. Не хватало только конца, но я, может быть и кое-как, сделал его все-таки. С тех пор я занят переписыванием этой работы, и красивая, чистая рукопись лежит передо мною. Я еще раз просмотрю ее сквозь лупу, а потом перешлю вам, прямо через Гавр. Это рифмованная поэма, более десяти печатных листов (считая по четыре строфы на странице), и она в очень дерзкой и личной форме выражает брожение нашей немецкой современности. Поэма политическая и романтическая, и она нанесет, вероятно, смертельный удар нашей прозаически-высокопарно-тенденциозной поэ-

зни. Вы знаете, я не хвастлив, но на этот раз я уверен, что создал вещь, которая вызовет бóльший фурор, чем самая популярная брошюра, и при этом сохранит непреходящую ценность классического произведения.

Вначале я намеревался присоединить к ней еще десять — двенадцать листов прозы с размышлениями о тех удивительных переменах, которые я застал в Германии. Но, пока я был слеп, сюжет этот развивался в моем воображении, а теперь я вижу, что если при вторичной поездке в Германию соберу недостающий материал, то смогу написать одно из значительнейших моих произведений. Уже только портреты друзей и знакомых, умерших за последние тринадцать лет, составят большой интересный том. Гегель, Ганс, Котта, Иммерман, М. Бер, Шенк, Арним, Шамиссо, Фуке, г-жа фон Фарнгаген, чета Роберт, Мальтиц и еще множество малых и больших дворян (не забыть бы Граббе, самого важного!) — короче, в этой книге будет говориться о людях, которые стоят перед моими глазами как живые; поэтому посылаю вам только поэму, а если и припишу что-нибудь в прозе, это составит листа два-три, в лучшем случае — четыре.

Но теперь возникает главный вопрос: как вы сможете напечатать мою книгу?

Чтобы вы точно знали, *что это такое*, посылаю вам ее без промедления, с полным доверием. Прочитав ее, вы без труда поймете, что если поэма выйдет маленькой книжкой, в десять — двенадцать печатных листов, то успех ее будет невероятный, что это большое коммерческое дело, что грандиозный сбыт для нее в настоящий момент обсужден.

Но, с другой стороны, вы увидите, что эта книжечка не может пройти никакую цензуру, и действительно, создавая ее, я забыл о всякой цензуре, а на самый худой конец собирался издать ее в Париже. Итак, о цензуре не может быть и речи. Ставить ли вам свою фирму на титуле, решайте сами; думаю, вы можете это сделать. Теперь возникает вопрос: удастся ли вам напечатать книгу объемом меньше двадцати листов без цензуры? Если это невозможно, я буду вынужден добавить всякую всячину и раздуть ее до двадцати листов; в таком случае предлагаю вам присоединить к ней «Атту Тролля» в его теперешней редакции, а в новом стихотворном сборнике я напечатаю

его с добавлениями. Впрочем, я весьма неохотно решился бы на это. Дать прозаические статьи — значит лишить книгу ее поэтического характера. Тотчас же напишите относительно этого вопроса — он самый важный. Пока что посылаю вам рукопись, рассчитывая, во-первых, на величайшую тайну и, во-вторых, настоятельно поручая вам свои интересы. У меня должна быть возможность твердо полагаться на вас. Тогда я могу создавать и великое, тогда я смел и даже талантилив. О гонораре, клянусь вам, я еще и не думал. Для меня было самым важным напечатать поэму в неизуродованном виде. В этой связи не могу не сознаться, что лица, которые не знают ни строчки из моей поэмы и не догадываются о злободневности ее содержания, делали мне самые блестящие предложения. Они хотели издать ее здесь, в Париже. Повторяю, я никому не показывал ни строчки из поэмы, не даю ни строчки в печать (хотя в ней есть много высокопоэтических, невинных мест) — ни Лаубе, ни кому бы то ни было другому. Короче, я хочу удивить читателей, поразить их и рассчитываю на ваш ум и дружбу. Гамбург (вам на удовольствие и пользу) я тоже помянул с безобидным юмором. Дорогой Кампе, только будьте немы как рыба. Заглавие книги — «Германия. Зимняя сказка».

Я больше не писал вам о Ротшильде не только из-за болезни глаз, но и потому, что, по странному стечению обстоятельств, никак не мог попасть к нему вовремя, поговорить с ним по-настоящему. Теперь, когда я свободнее, я все же с ним побеседую и думаю, что за это время там ничего против него не предприняли. В середине будущей недели напишу вам об этом. Наши бывшие революционеры опустили чуть ли не до сыщиков здешних посольств; это проявилось в деле с «Обзрением» Руге, которое продолжает выходить под новым названием. Неудача произошла из-за разногласий, а не из-за недостатка денег и совсем не из-за недостатка хороших рукописей (еще вчера некто предложил дать 40 000 франков, если я приму звание редактора, от чего я, однако, отказался, — достаточно я жертвовал собой pro patria¹). Леске из Дармштадта предлагает печатать его в Германии томами объемом в двадцать один лист. В Кельне даже филистеры пред-

---

¹ Ради отчизны (лат.).

лагают большие суммы для продолжения «Обозрения». Из Германии пришли анонимные, но превосходные статьи. Видите, как врут немецкие газеты, толкуя прекращение «Обозрения» как признак неудачи. Впрочем, в Руге мало толку, и партия его сместила. Надеюсь, мы скоро поговорим обо всем лично.

Ваш друг
Г. Гейне.

82. ФЕРЕНЦУ ЛИСТУ

[Париж, 25 апреля 1844 г.]

Дорогой друг, завтра буду ожидать вас у себя с двух до трех часов.

Я уже написал первую статью и хочу отослать ее еще до вашего второго концерта; но кое-что в этой статье вам, быть может, не понравится. Поэтому мне хотелось бы сначала поговорить с вами.

Ваш друг
Г. Гейне.

83. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

[Париж, конец апреля 1844 г.]

Дорогой Кольб!

Сердечный, дружеский привет! Надеюсь, у вас все хорошо. В настоящее время мне не очень скверно, но в течение двух месяцев я опять был слеп и не мог ни читать, ни писать. Мне и теперь еще нужно беречь глаза. Может быть, я скоро пришлю вторую статью о сезоне — об опере.

Сердце исходит кровью, когда я вижу, что в отечественной прессе с каждым днем становится все труднее говорить о самом важном — о политике. Но я остаюсь терпеливым дозорным на своей башне.

Ваш друг
Г. Гейне.

84. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 3 мая 1844 г.

Дорогой Кампе!

Ваши письма от 13 и 22 апреля я получил и убедился, что вы ничего не поняли из того, что я писал вам о моем сочинении, иначе вы не предлагали бы мне провести его через цензуру с помощью Зивекинга. Будь он даже моим родным отцом, он и то не смог бы дать разрешение напечатать поэму; к тому же она особенно оскорбительна для Пруссии и ее короля, и, следовательно, Зивекинг из государственных соображений и личных симпатий не мог бы отнестись ко мне снисходительно. О цензуре и речи быть не может. Поэма должна быть напечатана без цензуры, как произведение объемом в двадцать один лист. Если вы не в силах это сделать, тогда я вынужден буду издать поэму здесь или в Швейцарии. Другого выхода не вижу. Под цензурой она напечатана быть *не может*, хотя, просматривая поэму, я вычеркнул самые резкие места — *ради вас*; именно ради вас я себя обуздывал, замышляя ее, да и теперь готов на дальнейшие уступки. Ведь и вообще я написал всю эту поэму прежде всего ради вас.

Тотчас сообщите, можете ли вы, раздув книгу при помощи приложений до двадцати одного листа, напечатать поэму без цензуры. Если это никак не возможно, то мне совершенно ни к чему посылать вам рукопись. Если же вы можете напечатать ее указанным образом, я немедленно пошлю вам рукопись, и остается только вопрос: что именно к ней присоединить? Я предложил вам «Атту Тролля», но при ближайшем рассмотрении решил, что в ваших интересах гораздо лучше включить новую поэму вместо «Атты Тролля» во второй том стихов. Этим я обеспечиваю второму тому небывалый, грандиозный успех, который поразит вас. А «Атту Тролля» вы опубликуете отдельной книжкой, и этот томик, потолстев за счет некоторых добавлений, которые пока еще у меня в уме, тоже вприпрыжку побежит по свету; дело в том, что в нынешнем году я опять еду в горы, к источникам, и медвежья спячка, в которую я погрузился, придаст мне сил закончить поэму.

Я пробуду здесь еще только месяц, потом из-за глаз (я опять почти ослеп) должен непременно ехать на воды. Врачи советуют Лейк в Швейцарии. Это необходимо, если я не хочу окончательно ослепнуть. За последние две недели я написал четыре больших статьи для «Всеобщей газеты»; из-за них мне стало хуже, и они обошлись мне в бóльшую сумму, чем тот гонорар, который я за них получаю. Такова несчастная участь писателя: напрягаешь больные глаза, чтобы добыть средства на их лечение. О Ротшильде нужно написать вам слишком много, этого не позволяют сегодня мои бедные глаза. Я беседовал с ним и на будущей неделе поделюсь с вами нашим разговором — тогда вы сможете судить сами, заслуживает ли он пощады. Дело так затянулось, что еще одна неделя едва ли имеет для вас значение. Я пишу вам сегодня только по поводу самого важного дела. Ответьте мне сейчас же.

Вероятно, мое письмо застанет вас в Лейпциге; следовательно, вы можете оказать мне услугу, о которой я не хочу просить Лаубе, — он ведет себя со мной как плут. Для второго тома моих стихов мне нужна копия вещей, несколько лет назад напечатанных в «Газете для любителей изящного». Лучше всего мне было бы получить номера газеты; если же это невозможно, сделайте мне четкие копии с этих стихотворений, каждую — на отдельном листке почтовой бумаги. Знаю, у вас много дела на ярмарке, и все же вынужден вас обременить своим поручением. Только прошу вас — пришлите эти листки поскорее; до отъезда на воды я хочу непременно привести рукопись в порядок.

У меня точно паук пробежал по спине, когда я узнал, что Гуцков в Гамбурге. Надеюсь, его там больше нет; честно признаться, я был рад, что рукопись моей поэмы лежит еще в ящике моего стола. От длинных пальцев Гуцкова никто не застрахован.

Да, без малейшего повода с моей стороны Лаубе позорно, подло поступил со мной. Сначала я до смерти огорчился и плакал как ребенок, — ведь на этого человека я надеялся больше, чем на всех. Я любил его как брата и не отрекся бы от него, если бы он даже сделался придворным советником или цензором. Теперь я и в этом утешился и испытываю еще только что-то вроде тяжелого

похмелья. Через две-три недели я, может быть, стану смеяться над этой историей и пойму, как мало я потерял.

Ваш друг
Г. Гейне.

85. ЮЛИУСУ КАММЕ

Париж, 5 июня 1844 г.

Дорогой Кампе!

Получив ваше письмо от 20 мая, я еще раз добросовестно просмотрел рукопись своей поэмы, переписал целые главы, изменил все, что только можно было изменить, и еще раз сделал вымарки, следы которых вы заметите. Но теперь я ничего больше менять не могу; вы сами убедитесь, что поэма стала совсем ручной и что *наверху* вам уже ровно ничто не угрожает. Я же опять рискую тем, что меня ложно поймут *снизу*, как было с прежними произведениями, когда я, на свою беду, позволял себе прослушиваться к вашим советам, внушавшим мне слишком большую робость и кротость. Я послал вам рукопись пароходом в прошлую субботу, вместе с другой рукописью, которая необходима, чтобы включить поэму в новый том стихов. Ведь по вашему письму, — мне так показалось, — я могу заключить, что вы приняли мое предложение, и, чтобы получился двадцать один лист, включите в том новую поэму вместо «Атты Тролля». Я все расположил как следует, чтобы вы могли хоть сейчас отдать книгу в печать, если решитесь издавать ее без цензуры. На цензуру, как я вам уже говорил, я согласиться не могу и не соглашусь, и если вы не можете напечатать мою поэму без цензуры, я заберу ее и пришлю вам для тома стихов «Атту Тролля». Я обдумал все до мелочей. Так как из-за вашей боязливости я воздерживаюсь от прозаических приложений, которые действительно прозвучали бы слишком радикально, то поэма моя не рискованнее многого, что издается в Германии. Если книгу не запретят окончательно, то новая поэма придаст ей черты, благодаря которым она, без сомнения, сможет конкурировать с «Книгой песен», и ее раскупят тысячи читателей, кото-

рых едва ли привлекла бы более безобидная книга лирики. В самом худшем случае, если книгу начнут преследовать строже, чем я ожидаю, вы потеряете немного, — стихи принадлежат вам, и вы можете при желании издать их опять новой книгой, без политической поэмы. Такая книга пройдет любую цензуру. Только, ради бога, никому не показывайте моей рукописи и ни с кем не говорите о ней; я хочу напечатать и издать ее, прежде чем кто-нибудь почует, чем она пахнет. Невинный заголовок (заметьте, я назвал книгу *«Новые стихотворения Г. Гейне»*) позволяет нам действовать уже совсем наверняка; никто не ждет от меня революционных выступлений. Ради вас, дорогой Кампе, я воздерживаюсь от всяких резкостей, и вы заблуждаетесь, полагая, что я в моем собрании сочинений не считаюсь с вашими интересами. Вы утверждаете, что вы у меня в кармане, вы, дескать, только ягненок. Не бойтесь, в моем кармане совершенно безопасно, это самый честный карман, какой только есть на свете, а я, бедный волк, доволен буду хотя бы только тем, что ягненок не сожрет меня с потрохами. Больше, чем любые договоры, меня связывает чувство справедливости и чести, и, добавлю, дружбы. Больше чем когда бы то ни было прошикнул я пониманием, что мне всегда придется рассчитывать на ваше доверие, и, следовательно, даже без особых обязательств я вынужден действовать в ваших интересах. Нет, это я у вас в кармане, я чувствую себя морально обязанным не слишком бесноваться, покуда с собранием сочинений все не будет окончательно улажено; поэтому я в сентябре непременно приеду в Гамбург, *можете положиться на это* и подготовить все к печати. Вы не представляете себе, какие жертвы приношу я ради этого. К сожалению, из-за глаз я должен сейчас отправиться на воды в Швейцарию, а чтобы поехать в Гамбург, мне придется снова проследовать через Париж, и при этом в сопровождении жены и попугая.

В моей рукописи одно место отчеркнуто карандашом. Если оно покажется вам слишком резким, его тоже можно выбросить. Сколь кротка в некоторых городах немецкая цензура, я понял из того, что стихотворение мое о прусском короле, напечатанное в местной газете, перепечатано в Майнце, на Рейне. А я не решился включить его даже в свое собрание, из боязни слишком озлобить Берлин.

Посылаю его вам, и если вы не разделяете моих опасений, то можете поместить в политических стихах, где-нибудь посредине. Боже мой, сколько вещей я отложил до других и более смелых времен! Местной газете «Вперед» я дал еще несколько стихотворений и пришлю их вам, когда они будут напечатаны; предоставляю вам взвесить, не слишком ли резки они для моей книги (у газеты «Вперед» только двести подписчиков). «Ратклифа» я в мой стихотворный сборник не включил, он войдет в собрание сочинений. В этой рукописи и так наберется двадцать один лист. Только велите наборщику к отдельным циклам стихов и к стихам, состоящим из нескольких главок (например, «Подземный мир», «Тангейзер» и т. д.), каждый раз давать особый шмуцтитул. Следите также за тем, чтобы моя пунктуация всегда точно соблюдалась. А в поэме («Германия. Зимняя сказка») каждая глава должна начинаться с новой страницы. Итак, вы все знаете, у вас все есть, и вы можете немедленно сдать книгу в печать. Теперь дело за вами — от вас требуется молчание, тщательная корректура и хорошая бумага.

Сначала я собирался только по приезде в Гамбург поговорить о сумме гонорара, которого жду от вас за поэму «Зимняя сказка»; я говорю: «жду», а не «требую», так как вынужден сдать поэму вам на милость, а в настоящую минуту нельзя долго обсуждать денежный вопрос. Но я так радуюсь предстоящей нашей совместной жизни в Гамбурге осенью, что хотел бы уже заранее освободиться от мелких дел и покончить со всеми деловыми вопросами. Поэтому сообщаю вам, что ожидаю за свою поэму «Зимняя сказка» 1000 марок ассигнациями; это, конечно, не слишком много по следующим причинам.

Во-первых, продаю вам поэму за эту сумму раз и навсегда и, следовательно, за переиздания ничего уже не получу. Поэма же как раз такого рода, что, изданная отдельно, она, конечно, найдет больший сбыт, чем магия моего Гофмана фон Фаллерслебена, в которой привлекают только содержание и намеки на современность; всего этого в моей поэме гораздо больше, а при этом она еще обладает и истинно поэтическими достоинствами.

Во-вторых, вы теперь получите «Атту Тролля» как совершенно отдельную книгу; хотя я надеюсь сильно увеличить его и хотя вы получаете гораздо больше, чем ожи-

дали, вам ничего не придется платить за «Атту Тролля», — он уже продан вам все за те же 1200 марок ассигнациями, которые вы даете мне за сборник стихов. Напечатав в сборнике стихов «Зимнюю сказку» вместо «Атты Тролля», вы не только повышаете интерес к этому сборнику, но приобретаете преимущество — вы даете читателю книжку «Атта Тролля», которая легко пройдет цензуру, и, уверяю вас, хотя политическая злободневность не играет в ней роли, книжка свои 1000 марок ассигнациями стоит. «Зимняя сказка» с издательской точки зрения, конечно, стоит дороже, хотя бы потому, что я не опубликовал в газетах ни единого, даже и самого маленького, отрывка из поэмы. Хлопоча о денежной выгоде, я мог бы дать несколько отрывков в «Утреннюю газету» Котты, — ведь вы и представить себе не можете, как просят у меня стихов. Гервег высмеял меня, когда на днях я признался, сколь мало выгоды извлек до сих пор из моей политической музыки.

В-третьих, мне нужны деньги, чтобы поехать на воды и полечить мои бедные глаза.

Не сомневаюсь, что эта последняя причина будет решающей, и в этом смысле вы действительно у меня в кармане, дорогой Кампе.

Итак, думаю, что все в порядке. Ответьте мне сейчас же, так как к концу месяца я, наверное, уеду. До отъезда я выпишу вексель на 1200 марок ассигнациями — гонорар, причитающийся за сборник стихотворений. Суммой в 1000 марок ассигнациями за «Зимнюю сказку» я не стану распоряжаться, пока не сдам вам рукопись «Атты Тролля», которую собираюсь обработать на швейцарском горном воздухе. Надеюсь приобрести там новую порцию здоровья, хотя она, конечно, скоро испарится при напряженной умственной работе, на которую я в этом году обречен для покрытия сверхчеловеческих расходов. Напишу вам на днях еще раз о том, как расположить материал в книге. Нравится ли вам заголовок? Или вы хотели бы так: «Книга песен. Часть вторая»? Будьте здоровы и бодры.

Ваш друг
Г. Гейне.

У меня так болят глаза, что сегодня я не в состоянии перечитать это письмо к вам.

86. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 11 июля 1844 г.

Дорогой Кампе!

Уже четыре-пять дней назад я мог бы получить от вас ответ на мое последнее письмо, в котором сообщал о затруднениях, вызванных вашим молчанием. Оно мне непонятно, и я не могу выразить тревогу, которую испытываю. Что с вами? Вы больны? Вы не получили моего письма? Дьявол в вас вселился? Или я сам помешался? Я упускаю лучшее время года, из-за болезни глаз мне непременно нужно ехать на воды, а я остаюсь здесь, на раскаленной парижской мостовой, среди глухого шума колес, мечтаю о зеленых деревьях и чистом воздухе, нахожусь в лихорадочно раздраженном состоянии, и от нетерпения я не в силах держать перо в руке. И все потому, что не получаю от вас ни строчки. Если тому причиной всякие пустяки или коммерческие расчеты, — это непростительно. Мое здоровье так страдает, что этого уже не исправить, а о потере времени я даже говорить не хочу; жалею только о том, что приходится откладывать поездку. Вероятно, если я прожду от вас письма до конца будущей недели, то уж совсем не смогу поехать на воды. Может быть, вы этого и хотели, может быть вы не одобряли моей поездки в Швейцарию, — что ж, вам удалось ее расстроить. Но черт подери! Почему вы покидаете друга в такой беде? Вы же знаете, у меня не будет покоя, покуда я не уверюсь в судьбе моей рукописи.

Думаю, что наконец не выдержу и очертя голову помчусь в Гамбург. Вчера мы с Геббелем три часа ходили взад и вперед, — он тоже не имеет от вас известий, и мы напрасно ломали себе головы. Кончаю, — перо падает у меня из рук.

Ваш друг

Г. Гейне.

87. МАТИЛЬДЕ ГЕЙНЕ

Гамбург, 12 августа 1844 г.

Моя любимая Нонотт!

После твоего отъезда мне до смерти грустно. Надеюсь, к тому времени, как ты получишь это письмо, ты уже справишься от дорожных тягот. Погода была хорошая, без-

ветренная, и, вероятно, переезд был не таким мучительным, как путь сюда. Здесь все огорчены твоим отъездом, особенно бедная моя матушка. Вот уже три дня, как я тебя не видел. Они промелькнули как тень. Сам не знаю, что делаю, я просто не в силах думать.

В субботу пришло письмо от дядюшки, в котором он почти что просит у меня прощения за свою грубость. Он в трогательных выражениях признается, что раздражение, которое прорывается по любому поводу, вызвано его болезненным состоянием и делами, которыми он перегружен. Несмотря на то, что я страдал ужасной мигренью, мне пришлось вчера, в воскресенье, у него отобедать. Он был очень любезен. Но сегодня голова у меня как печеное яблоко. Ты знаешь, в каком я бываю оступелом состоянии, если у меня накануне была мигрень, а мне приходилось напрягаться. Писать я почти не в силах. Надеюсь, ты разберешь мои каракули. Пиши поскорей и побольше. Тебе нечего стесняться меня. Напиши, благополучно ли ты доехала, не случилось ли с тобой беды, не обокрали ли тебя, не придрались ли к тебе в таможне, хорошо ли ты устроилась, здорова ли и могу ли я быть за тебя спокоен. Живи тихо в своем гнездышке до моего возвращения. Не надо, чтобы немцы открыли твое убежище. Из болтовни некоторых немецких газет они могли узнать, что ты возвратилась во Францию без меня. Мы знаем одного из них, он не очень-то деликатен и способен заявиться к тебе в пансион. На этот случай не забудь принять меры предосторожности. Передай мои приветы мадемуазель Полине, мадемуазель Клотильде и прежде всего — г-же Дарт и Ауреции. Надеюсь поговорить с ее отцом, когда Карл вернется.

Люблю тебя больше, чем когда бы то ни было!

Весь твой

Henri Heine.

88. МАТИЛЬДЕ ГЕЙНЕ

[Гамбург, 16 августа 1844 г.]

Моя милая Нонотт!

Рядом со мною стучат молотком, голове моей не лучше, я печален, как почной колпак, триста часов отделяют меня от тебя — словом, я несчастлив. Я с нетерпением жду

писем от тебя; заклипаю писать мне по крайней мере два раза в неделю, потому что, когда я неспокоен за тебя, я теряю голову, а ведь эта несчастная голова нужна мне как никогда, ибо горизонт омрачается и дела мои запутываются. Мне требуется два месяца для приведения дел в порядок; если в это время я не буду получать от тебя регулярных известий, если я обезумею, как в прошлом году, — все это приведет к неисчислимым убыткам. Не забудь написать мне самым подробным образом, как ты себя чувствуешь, здорова ли ты. Нет нужды советовать тебе соблюдать во всем величайшую осторожность. Ты знаешь, как мне следует опасаться коварства немцев, а иногда и французов.

Моему старому дяде гораздо хуже; мне нужно было многое ему сказать, но, кажется, он уже не успеет услышать меня в этом мире. О господи, какое несчастье! Он не переживет этого года. Сегодня я навещу его; у меня становится тяжело на душе при одной мысли, что я увижу его в том же положении, что и на прошлой неделе.

Матушка чувствует себя удивительно хорошо и постоянно говорит о тебе со своей *dame d'atour*,¹ своей наперсницей, своим женским Санчо Пансой, короче — с Иеттой. Моя сестра и ее дети живут хорошо, они с нетерпением ждут известий от своей тетки.

Советую тебе брать уроки французской стилистики.

Полина может давать тебе уроки рукоделия, не упускай этой возможности. Научись чему-нибудь за время моего отсутствия; я согласен нести любые расходы на твое образование — это хорошее употребление денег. Будь здорова! Тысячу приветов твоим подругам и тысячу поцелуев тебе!

Henri Heine.

89. МАТИЛЬДЕ ГЕЙНЕ

Гамбург, 27 августа 1844 г.

Дорогая моя Нонотт!

Наконец-то, слава богу, наконец-то я получил от тебя письмо. Это было в воскресенье, в тот момент, когда я уже с ума сходил от тревоги, когда я был так подавлен, что ты и представить себе не можешь. При одном взгляде

---

¹ Придворной дамой (*франц.*).

на твое письмо я сразу повеселел. Я стал петь, приплясывать и пошел в театр, чтобы насладиться пением и танцами. Ставили «Немую», и я проглотил все четыре акта. Хорошо ли играли, не знаю, — я был так занят своими мыслями, что совершенно забыл о пьесе. Думал только о тебе, бедная моя подружка, — ведь ты совершила такой опасный переезд и тебя так безжалостно мотал во все стороны прохвост Нептун; нет, он совсем не галантен с хорошенькими женщинами, этот негодный языческий бог, и я еще отомщу ему эпиграммой. Нечестивый злодей! Поднять руку на Нонотт, на мою бедную овечку! Я в ярости и на мерзких таможенников, которые выжали у тебя 20 франков за чулки. Значит, ты им не сказала, что некоторые из них предназначаются для самой красивой ножки в Шайо? Впрочем, я считаю, что в этом отчасти моя вина, — мне надо было поглубже запрятать чулки в чемодан. Но я очень рад, что ты не потеряла своих вещей и что тебе не крикнули, как Одри в роли Бильбоке: «Il n'y a pas de malle!»¹ А что, если бы я потерял тебя, если бы тебя отняло у нас кораблекрушение или какой-нибудь корсар! Тогда на вопрос: «Где моя жена?» я бы услышал: «Il n'y a pas de mal!»²

Я чувствую себя лучше, с тех пор как имею весточку от тебя. Пиши часто, а то я снова погрязну в черной меланхолии. Все здоровы; дядя выкинул безумную штуку: несмотря на болезнь, он поехал на несколько дней в Травемиюнде. Передай тысячу поклонов г-же Дарт. Большой привет Полине, чья короткая приписка меня очень обрадовала.

Всем сердцем преданный тебе

твой бедный муж

Henri Heine.

90. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Гамбург, 14 сентября 1844 г.

Милейший Детмольд!

Я получил ваше письмо, и меня огорчает ваше уныние. Но одно меня радует — я теперь знаю, где вы, тем более что в этот момент я настоятельно нуждаюсь в вас.

¹ Чемодана нет! (*франц.*).

² Не беда! (*франц.*) Игра слов: malle — чемодан, mal — зло.

Не могу много писать, — вот уже несколько дней как меня снова мучит моя ужасная болезнь глаз. Я на три четверти ослеп... Дней десять я еще пробуду здесь, но в любую минуту готов к отъезду. Через неделю Кампе выпустит в свет мою новую книгу, которая содержит преимущественно уже известные стихи, а также еще не известную большую поэму на восьми листах. Она, и это самое главное, вызовет шум, что немало меня беспокоит. Поскольку эта вещь не просто радикально революционная, но и антинационалистическая, то против меня будет, без сомнения, вся *пресса*, так как она находится либо в руках властей, либо в руках националистов и может быть использована мне во вред врагами, стоящими вне политики, чисто литературными мерзавцами под всевозможными масками.

Пусть Кампе сразу пришлет вам книгу. Но пока она не появится у книготорговцев, не показывайте ее никому, чтобы не спровоцировать немедленной конфискации. Хотя я опасаясь, что мою книгу обвинят в еретичности, я все же воспрянул духом, с тех пор как получил от вас известие, и я многого ожидаю от вашего деятельного ума. Сделайте здесь все возможное сами и через посредство друзей. Но прежде всего напишите содержательную статью об этой книге для «Гамбургского корреспондента» и пошлите ее как можно скорее сюда, к Кампе; это меня сразу немного защитит. Вы сами решите, что нужно сказать. Могу также продвинуть статью во «Всеобщей газете», если она будет написана надлежащим образом. Кто может быть ее автором? Кто может оказать мне поддержку в «Кельнской газете»? Очень важны маленькие рекламы. Враги, вероятно, их используют. Прошу вас, помогите мне, да поскорее. Помогите в настоящем, — о будущем этой книги я сам позаботился.

Ваш друг

Г. Гейне.

91. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Гамбург, 20 сентября 1844 г.

Дорогой Детмольд!

Я получил ваше письмо и дважды огорчился: я понял, что у вас достаточно причин для нынешнего уныния, а также — что поездка в Гамбург не была для вас развле-

чением. По чести говоря, я не могу предложить вам достойную награду за такую жертву с вашей стороны, как проезд сюда, — сейчас я больше чем когда бы то ни было страдаю глазами. Я едва в состоянии написать вам эти строчки: один глаз, левый, совершенно закрыт, а правый замутиен. 30-го сего месяца собираюсь уехать. В сущности, вопросы, которые считаются важными, то есть самые злободневные, я бы не мог с вами обсудить, — но я очень нуждаюсь в консультации по поводу сокровеннейших бед жизни, по поводу хронического недуга бытия. Может быть, об этом я напишу вам из Парижа. Вижу, что вы чувствуете себя хуже, чем я. То, о чем вы мне сообщили, я пережил в высшей степени болезненно. К счастью, некоторые раны заживают у вас быстрее, чем у меня.

Мою книгу я послал вам почтовым дилижансом (без указания точного адреса), и вы, видимо, ее получили. Здесь она появится не раньше, чем дней через восемь — десять, и Кампе не хочет, чтобы она стала предметом толков, прежде чем ее разошлют повсюду. Поэтому продолжайте молчать! Вы обещали мне помощь, настоящую помощь в беде. Это успокоило мою душу, и, хотя я предвижу происки врагов (резиденция их — Франкфурт), я теперь отношусь к этому спокойнее. Пошлите книгу Эккерману, если он за своей подписью даст статью, которую я мог бы напечатать в «Гамбургском корреспонденте», — это явилось бы для меня самой желательной, несвероятно большой услугой. «Гамбургский корреспондент» в настоящее время важнейший для меня орган, и так как вы не можете и не должны давать статью за своей подписью, то Эккерман оказал бы мне незабываемую братскую услугу. А ваше перо я использовал бы тогда для важной статьи в «Кельнской газете»; тут вы могли бы подписаться, если хотите. Но, может быть, вам не по душе писать статью в «Кельнскую газету», тогда напишите для аугсбургской «Всеобщей газеты».

Итак:

Если Эккерман не напишет статьи для «Гамбургского корреспондента», напишите небольшую, сжатую статью и еще одну большую, нашигованную цитатами, — для «Кельнской газеты». Если обе статьи, большая и маленькая, будут напечатаны одновременно, а Эккерман напишет еще хорошую статью для «Всеобщей газеты», значит я буду

защищен в трех главнейших пунктах, и, когда враг начнет наступление, позиции уже будут заняты. Кампе издает «Зимнюю сказку» также отдельной книжкой, и я написал для нее предисловие; пошлю вам книжечку, может быть уже в середине будущей недели, — пошлю много экземпляров, а вы их распределите с учетом моих интересов.

На сегодня довольно. Я настолько слеп, что больше писать не могу. Вы только, пожалуйста, займитесь сразу же моей угнетенной книгой. Может быть, это несколько рассеет вас, если только это вообще возможно в такие минуты, когда кажется, что все идет к черту. Я вполне понимаю степень вашей досады, я понимаю, что вы потеряли! Но если бы вы знали, во что нередко обходится выигрыш! Как часто лascarство ужаснее, чудовищнее самого недуга!

Ваш друг
Г. Гейне.

92. КАРЛУ МАРКСУ

Гамбург, 21 сентября 1844 г.

Дорогой Маркс!

Я снова страдаю моей роковой болезнью глаз и с трудом царапаю вам эти строчки. Однако все важное, что мне нужно вам сообщить, я смогу сказать устно в начале будущего месяца, поэтому готовлюсь к отъезду, напуганный знаком, поданным свыше; мне не хочется, чтобы меня сцапали, у ног моих нет таланта носить железные кандалы, как носил их Вейтлинг (он показывал мне их следы). Меня подозревают в более деятельном участии в газете «Вперед», чем то, которым я на самом деле могу похвалиться, и, по чести говоря, газета эта свидетельствует о том, что она — величайшая мастерица в деле подстрекательства и компрометации. В чем тут дело? Даже Мойрер вышел из берегов. При встрече скажу больше. Если бы только в Париже не готовили козней! Книга моя отпечатана, но ее выпустят в свет только недели через полторы-две, чтобы не сразу забили тревогу. Корректурные листы политической части книги, именно те, где напе-

чатана моя поэма, я посылаю вам сегодня бандеролью с тройкой целью. А именно: во-первых, чтобы они позабыли вас, во-вторых, чтобы вы сразу начали действовать в пользу книги в немецкой прессе и, в-третьих, чтобы вы, если найдете целесообразным, могли напечатать в газете «Вперед» лучшее из новой поэмы.

Мне кажется, что до конца шестнадцатой главы поэмы все годится для перепечатки; только позаботьтесь, чтобы вся часть, где говорится о Кельне, то есть главы четыре, пять и семь, были напечатаны не отдельно, а в одном номере. Так же обстоит дело и с частью, где идет речь о старом Барбароссе, то есть с главами четырнадцатой, пятнадцатой и шестнадцатой, — они тоже должны быть напечатаны вместе, в одном и том же номере. Пожалуйста, напишите несколько вступительных слов к этим отрывкам. Начало книги я привезу вам в Париж. Оно состоит лишь из романсов и баллад, которые понравятся вашей жене. (Дружеская моя просьба — передайте ей сердечный привет; я счастлив, что скоро увижу ее снова. Надеюсь, что будущая зима будет для нас менее печальной, чем прошлая.)

Кампе сейчас делает еще отдельный оттиск поэмы, в которой цензура вычеркнула некоторые места, но к которой я написал предисловие, весьма недвусмысленное; в нем я решительнейшим образом бросаю вызов националистам. Я пришлю его вам дополнительно, как только оно будет напечатано. Напишите-ка Гессу (адреса его я не знаю), чтобы он, как только получит мою книгу, сделал для нее в рейнской печати все что сможет, даже если медведи набросятся на него. Прошу вас также прибегнуть к помощи Юнга для дружественной статьи. В случае, если вы подпишете своим именем несколько вводных строк, требующихся для газеты «Вперед», то, прошу вас, поясните, что вы только что получили от меня свежотпечатанные листы поэмы. Вы поймете, в чем здесь хитрость, то есть почему в ином случае я предпочел бы отказаться от этого примечания.

Пожалуйста, постарайтесь повидать Вейля и скажите ему от моего имени, что письмо его попало к другому Henri¹ Гейне (их здесь много) и я получил его только

---

¹ Генриху (франц. название).

на днях. Через две недели увижусь с ним лично; до тех пор пусть он не печатает обо мне ни строчки, особенно о новой моей поэме. Может быть, если глаза позволят, я напишу ему еще до отъезда. Дружеский привет Бернайсу...

Я рад, что уезжаю. Жену я уже отправил во Францию к ее матери, которая лежит при смерти.

Будьте здоровы, дорогой друг, и извините меня за мои неразборчивые каракули. Не могу перечитать написанного, — но ведь нам-то довольно одного знака, чтобы понять друг друга.

Сердечно ваш

Г. Гейне.

93. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 18 октября 1844 г.

Дорогой Кампе!

Вот предисловие, которому я, к сожалению, мог уделить лишь несколько мгновений. Тем не менее оно полезно. Я застал тьму дел, погряз по горло в старом хламе и только через несколько дней смогу написать вам как следует. Жадно жду вашего письма о судьбе моей книги. Напишите, что думают о ней авторитетные лица.

Что касается прессы, то «Трирская газета» (бог весть благодаря чьим интригам) будто бы обрушила на меня самые жестокие нападки. «Всеобщая газета» ведет себя очень умно и посвящает мне статью отрицательную, но приковывающую внимание к книге. Все увидят, что тут нет групповых интересов. К сожалению, Кольба, кажется, нет в Аугсбурге. «Вперед» говорит сегодня о моей книге и помещает предисловие целиком. Если что-нибудь появится обо мне, пришлите бандеролью. И экземпляр «Телеграфа» с моим предисловием — в качестве курьеза. Моя поездка была удачной. Будьте здоровы.

Ваш друг

Г. Гейне.

94. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Париж, 12 ноября 1844 г.

Дорогой Кольб!

Хотя поразивший мои глаза недуг мучает меня все более ужасно и сегодня мне крайне трудно писать, я все же должен черкнуть вам несколько строк. Прежде всего хочу выполнить обещание, данное мною г-ну Жюлю Вислоку, — он просил меня отрекомендовать его «Всеобщей газете». Даю эту рекомендацию со спокойной совестью, так как г-н Вислок показал себя на деле как превосходный корреспондент и мог бы быть весьма полезен. Я сказал ему, чтобы он прислал вам одну-две статьи на пробу, и тогда вы без труда сможете судить сами, пригодится ли он вам. Он не только умный, но и весьма порядочный человек.

Мне, пожалуй, и не нужно особенно просить вас о том, чтобы вы как можно скорее напечатали статью Зейферта; он говорит, что в ней он воспользовался случаем, чтобы опровергнуть несправедливую статью во «Всеобщей газете», посвященную мне. С тех пор как пруссаки возобновили свои старые происки против меня и запретили подвластным им газетам упоминать даже мое имя, я считаю себя более чем когда-нибудь вправе воспользоваться великодушной беспристрастностью «Всеобщей газеты», а книга вроде моей последней, несомненно, заслуживает, чтобы о ней говорили почаще, — ведь она волнует умы повсюду в Германии. Речь идет здесь не о дружеской услуге, а о выполнении долга.

Измышления о разрыве моих связей со «Всеобщей газетой», измышления, которые помещены не только во «Франкфуртском журнале», но, как мне стало известно, также и в других газетах, исходят от г-на Бернштейна, и его намерения настолько очевидны, что я не стану распространяться об этом. Я уже сказал вам, что уполномочиваю вас опровергнуть эту ложь в какой вам угодно форме. Вряд ли стоит говорить вам о моем возмущении недостойными выпадами против вас, которые позволила себе газета «Вперед». Четыре-пять месяцев назад я отдал в этот орган несколько небольших стихотворений, и одно или два из них все еще там лежат, но с тех пор они больше ничего от меня не получали и впредь никогда больше не получат.

Ненависть к Пруссии снова привела меня в первые ряды бойцов, и, к сожалению, я не смог более тщательно выбрать себе соратников. Это очень печально. Теперь я снова в том же бедственном положении, как и в период бури и натиска, когда Берне пустил в ход свои коварные интриги. Только нынешний коммунизм — явление гораздо более серьезное и внушительное, чем тогдашнее пошлое и глупое подражание якобинству.

Дорогой друг, надеюсь, что это письмо застанет вас в добром здравии и хорошем расположении духа. Думаю, что пребывание в Италии пошло вам на пользу. Приезжайте же когда-нибудь и сюда.

95. КАРОЛИНЕ ЖОБЕР¹

Париж, 16 декабря 1844 г.

Сударыня!

На днях я зайду к вам, чтобы лично поблагодарить вас за ваше любезное письмо. Я счастлив, что моя злополучная поэма (оклеветанная точно так же, как и личная жизнь ее автора) не была вам неприятна и что, проникнув сквозь непроницаемую завесу прозаического перевода и сквозь тысячи намеков, неуловимых для французского читателя, вы все же разгадали ее истинный смысл. Это отчаянный вызов, брошенный мною тевтономам, так называемой национальной партии моей страны. Вы упорно не забываете меня, сударыня; это меня очень радует.

Да хранит вас господь, да будет он надежной и священной защитой для вас!

Преданный вам

Генрих Гейне.

96. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 19 декабря 1844 г.

Благодарю вас, дорогой Кампе, за то, что вы открыли мне глаза и доказали, что в отношении вас мне следует принимать те же меры предосторожности, что и в отно-

---

¹ Перевод с французского оригинала.

шении всякого другого, если я не хочу лишиться своих нескольких пфеннигов, добытых с таким трудом. Но теперь они мне еще более необходимы, чем прежде, когда я не был ни болен, ни женат, и уж я сумею их защитить. Может быть, это дружеская услуга, и вы преподали мне урок, как не следует никому доверять. Правда, я еще не решаюсь поверить, что вы намереваетесь нанести мне ущерб на сумму, о которой и говорить-то не стоит; да я и права не имею предполагать сейчас что-нибудь, кроме ошибки; вероятнее всего, у вас есть задняя мысль (как это часто с вами бывает), которую я не могу разгадать. Да прости вам, однако, бог, что вы тревожите меня именно сейчас, когда у меня большие горести и когда я погряз в работе, требующей всех моих душевных сил!

В прошлом году мы подвели счет. В вопросе о небольшой разнице вы проявили чрезвычайное великодушие и заплатили мне несколько франков, которые я требовал; я тоже, не задумываясь, пожертвовал бы ими, так как дело было запутанное.

Но в этом году дело ясно, как дважды два четыре. Когда мы с вами заключили в прошлом году большой договор, мы сошлись на 1200 марок ассигнациями за том «Новых стихотворений», в который я обещал включить еще «Атту Тролля». Припомните: не я, а вы предложили мне эту сумму, которую я, учитывая все прочие важные для меня условия, принял, не возражая, хотя от любого другого издателя я получил бы за такую книгу в четыре раза больше (некто предлагал мне здесь 10 000 франков). Далее было условлено, что до 1848 года я ежегодно буду получать от вас 200 марок ассигнациями. Возвратившись в Париж и написав «Зимнюю сказку», я предложил вам издать ее и выговорил за нее гонорар в 1000 марок ассигнациями; прекрасно понимая, что я создал политическую поэму, несомненно весьма актуальную, я, окрыленный радостью, предложил вам не издавать эту поэму («Зимнюю сказку») отдельно, а включить ее вместо смиренного «Атты Тролля» в «Новые стихотворения», чтобы обеспечить им успех; при этом я определенно предоставил вам право издать впоследствии «Атту Тролля» отдельно, без уплаты мне дополнительного гонорара. Вы весьма охотно согласились со мной в Гамбурге и нашли, что это счастливая для ваших интересов идея; я говорю: «ваших», не «моих»

интересов, по крайней мере — не денежных, так как за «Зимнюю сказку» всякий другой дал бы мне те же 1000 марок ассигнациями. Да я мог бы извлечь из нее и гораздо больше. Усердно помогая вам выпустить эту поэму отдельным изданием (а ведь именно она способствовала грандиозному сбыту «Новых стихотворений»), я, право, ждал от вас если не вознаграждения, то, во всяком случае, благодарности.

Подсчитайте указанные суммы, и вы увидите, что мне следовало получить от вас в этом году 2 400 марок ассигнациями, я же должен был дать вам только «Атту Тролля» для отдельного издания. Этим летом вы выплатили Генри Гейне по моему векселю один раз 400 марок, а второй раз — 1000 марок ассигнациями, что вместе составляет всего 1400; недавно, когда я выписал на вас вексель на остающиеся 1000 марок ассигнациями, я, помнится, подчеркнул, что, в сущности, не предполагаю распорядиться этими деньгами, прежде чем пришлю вам «Атту Тролля», которого, впрочем, вы скоро получите. На это вы лаконично ответили, что ничего мне не должны.

Надеюсь, вы учли мой вексель. Если в основе вашего злосчастного письма лежит только мысль, что я не имею права на эти 1000 марок, прежде чем не пришлю «Атту Тролля», то, пожалуйста, милый Кампе, скажите это сейчас же; я поверю и по крайней мере подавлю мои отвратительные подозрения. Право, эти подозрения будут грызть меня сильнее и будут мне горше, чем потеря жалких 1000 марок. Но, повторяю, сообщите мне тотчас же, чтобы я мог с легким сердцем написать вам об одном весьма срочном издании — мне нужно опубликовать важную полемику, ряд писем о Германии. Напишите мне тотчас же и не отнимайте у меня времени бесполезными пререканиями.

Я медлил с «Аттой Троллем», потому что хотел добавить еще несколько строф и написать их весной на месте действия поэмы, в Пиренеях. Эпическая поэзия вообще нуждается в многократной переработке. Как часто исправлял свою поэму Ариосто! А Тассо! Поэт — всего только человек, и лучшие мысли приходят ему задним числом. «Зимняя сказка» в ее теперешнем виде тоже не закончена. Она нуждается в значительных исправлениях, и в ней не хватает главных кусков. У меня самое горячее жела-

ние написать их как можно скорее и просить вас подготовить переработанное и весьма дополненное новое издание поэмы. Вы увидите, насколько совершенным оно будет и какое ликование вызовет его выход в свет. Но в то время как я думаю о поэзии, вы думаете только о денжной выгоде, даже о сверхвыгоде. Мне бы хотелось, чтобы вы немало верили в бога.

Мои глаза в ужаснейшем состоянии, и я вынужден диктовать. Да простит вам бог, что вы утруждаете меня именно теперь, когда я занят моими «Письмами о Германии», которые должны появиться одновременно и здесь и там. Мне необходимо хорошее настроение, а вы мсня лишаете его. Вы так богаты теперь (и я способствовал вашему богатству), а хотите лишить меня моих нескольких грошей. Я не верю в это, — все это неправдоподобно и кажется мне нелепой зимней сказкой.

Г. Гейне.

97. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «LE NATIONAL DE 1834»¹

Париж, 25 декабря 1844 г.

Выражаю самый энергичный протест против того, что мне вменяются в вину нападки на революционную партию Франции. В моей книге я, напротив, выразил очень высокое мнение о республиканцах, которые сражались и погибли у Сен-Мери. По поводу же моей переписки с Германией замечу, что, поскольку немецкая пресса подложит цензуре, несправедливо обвинять меня в высказываниях, под которыми не стоит моя подпись.

Генрих Гейне.

98. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Париж, 27 декабря 1844 г.

Дорогой Кольб!

Хотя я сейчас почти слеп и сильно страдаю от головной боли, но все-таки пишу вам. Мои личные враги пользуются моей болезнью. Вы, должно быть, читали «Le Natio-

¹ Перевод с французского оригинала.

nal» от 25 декабря и от сегодняшнего числа и «Charivari» от 25 декабря. Во всех других оппозиционных органах пробуют с большим или меньшим успехом пустить в ход один и тот же маневр. «Всеобщая газета» служит здесь поводом для подлейших инсинуаций. Здешняя публика глупа и не способна понять абсурдность и ничтожество этих доносов. Они исходят от старой клики местных франкфуртских евреев, которых, как это уже было три года назад, подкармливают и используют несколько неудачников, бывших спасителей отечества. Г-н Штраус и прохвост банкир Кенигсвартер стоят во главе этой шайки. Вы хорошо знаете, дорогой друг, что если бы я сказал всю правду о тенденциозности и тупости всех моих корреспондентов, то легко посрамил бы их лживые выдумки. Я охотнее предоставлю сделать это вам — вы лучше всех знаете, как много можно сказать, не повредив интересам «Всеобщей газеты». Меня во что бы то ни стало хотят поставить в неловкое положение.

Дорогой друг, вы можете удержать меня, устранить или только на время дать мне отставку во «Всеобщей газете». Во всяком случае, вы как главный редактор обязаны хотя бы ради прошлого заступиться за любого из ваших корреспондентов, который оскорблен так, как я, и, напечатав убедительное опровержение, оградить его личную безопасность. *А опасность чрезвычайно велика.* Вы должны меня понять.

Удивительно! В то время как я вынужден столько терпеть здесь ради «Всеобщей газеты», у нее, при всей доброй воле, в наличии которой я убежден, не хватает мужества напечатать даже статью Зейферта. В ней мою бедную книгу защищают от несправедливой критики «Всеобщей газеты» — правда, с обычной для Зейферта витиеватой умеренностью и грациозностью выражений! Нельзя ли ее поместить теперь?

В «Univers» охвостье наших старых мюнхенских врагов открыло против меня крестовый поход. Что же, в этом их право.

Будьте здоровы, помогите мне поскорей и освободите меня от осады.

С любовью

ваш друг

Г. Гейне.

99. ЖОРЖ САНД¹

Париж, 28 декабря 1844 г.

Дорогая кузина!

Посылаю вам вместе с этим письмом поэму, о которой я вам на днях говорил. Собирался сам принести ее вам, но мне очень нездоровится. Прошу вас серьезно отнестись к этим смешным страницам; может быть, вы поймете, почему на них обрушилось столько клеветы.

Преданный вам

Генрих Гейне.

100. ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Париж, 29 декабря 1844 г.

Милая, дорогая сестра!

Вчера поздно вечером я получил твое письмо. Легко можешь себе представить, какую страшную ночь я провел. У меня мозг горит. Не могу никак сосредоточиться. Хотя я и был готов к удару, он все же поразил меня с огромной силой — я ни разу не испытывал подобной боли после смерти отца. Удивляюсь, как ты в такой горе смогла сейчас же мне написать. Ты плачешь, но я не смог пролить еще ни одной слезы. У вас, женщин, есть преимущество — вы легче плачете. Моя жена плачет тоже, она этой ночью три раза приходила ко мне. Ты права, — только время может утешить. Как должна страдать несчастная Тереза! А Карл, бедный мальчик, что он пережил! Прежде чем я оправлюсь и успокоюсь, я не стану писать бедным детям. Боже, какое горе!

Как потрясен, паверно, наш добрый дядя Генри! Утешь его как можешь. Выражать сочувствие я пока еще не могу. Перо дрожит у меня в руке. К тому же мои глаза опять в ужаснейшем состоянии. Если бы только я мог плакать! Еще вчера я написал ему, хотя, конечно, предчувствовал несчастье. Сообщи мне как можно подробнее о его последних мгновениях. Этот человек играет

---

¹ Перевод с французского оригинала.

большую роль в истории моей жизни, и он будет увековечен мною. Какое сердце! Какая голова! О последних его распоряжениях я давно не тревожусь. Он сам достаточно мне о них сказал, вернее — ясно намекнул. Я отдал бы свой последний шиллинг, чтобы сохранить его еще только на пять лет или хотя бы на три года. Да что там говорить! Половиной оставшейся мне жизни пожертвовал бы я ради этого. А как приветлив он был с моей бедной кискской! Мне он говорил много жестокого, этим летом он в раздражении даже ударил меня палкой. Ах, господи! Как охотно я опять получил бы колотушки! Если бы только я мог плакать!

Я с ужасом жду горестного письма от матери, которая, насколько я ее знаю, не скоро успокоится. У нее откроются все старые раны. Напиши мне сейчас же, как чувствуют себя Карл и Тереза, — ведь она при всей своей выдержке нежное создание, и ей уже пришлось столько перенести. Ее отец был для нее всем, и ведь недаром она внутренне так похожа на него.

Будь здорова и напиши сейчас же. Мне нечего тебе сказать. Сегодня я всего лишь жалкая тряпка. Я всегда был готов к этому, уже давно заранее все сказал себе в утешение, и все же несчастье поразило меня так, как если бы оно было совершенно неожиданным, совершенно невозможным. Да, я знаю, что это правда, что я потерял его, и все-таки не могу в это поверить.

Кланяйся от меня твоему мужу. Поцелуй за меня милых детей. Хотел бы сказать им что-нибудь веселое, но сегодня шутка не идет на ум.

Твой брат
Г. Гейне.

101. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Париж, 9 января 1845 г.

Дорогой Детмольд!

Стоит со мной случиться большой беде, и вы всегда можете рассчитывать на письмо от меня. Быть может, до вас уже дошли из Гамбурга слухи о том, какое страш-

ное несчастье меня постигло. Я подразумеваю не смерть моего дяди, а то, как именно он позаботился обо мне. По некоторым признакам я давно уже подозревал, что ему вбили в голову, будто я промотаю всякую крупную сумму или будто правительства наложат на нес арест. Моя пенсия была решенным делом. Честно говоря, я надеялся не на большое наследство по завещанию, а на увеличение пенсии. Вдруг 30-го, уже через неделю после смерти дяди, получаю большое письмо от Карла Гейне, написанное, вероятно, в день похорон, в котором он (оставаясь моим нежнейшим другом) в самых сухих выражениях извещает меня, что дядя оставил мне в своем завещании только 8000 марок ассигнациями. О пенсии нет и речи, но он, Карл, будет, дескать, давать мне 2000 франков ежегодно, при одном условии: если я напишу что-нибудь о его отце, я должен предварительно прислать ему рукопись на цензуру. Вчера я ответил ему с заслуженным презрением и заявил, что подаю в суд, так как у меня есть доказательства, что пенсия была мне твердо обещана.

До сих пор я получал ежегодно 4800 франков, которые после моей смерти должны были перейти к моей жене. Быть может, ждали, что я унижусь до просьб, и тогда я получал бы деньги, как всегда. Но думаю, что угрозой я добьюсь большего и она вернее приведет меня к цели. Процесс не угроза, я легко могу его начать. И, если я только возьмусь за это дело всерьез, они испугаются и уступят. Главное для intimidation¹ должна сделать печать, и первые же комья грязи, запущенные в Карла Гейне, а особенно в Адольфа Галле, возымеют свое действие. Они не привыкли к подобным вещам, а вот я могу выдержать целые фургоны навоза, и они, как на цветочных грядках, только способствуют моему процветанию. Полагаюсь на ваш ум; рассчитываю, что вы поместите ряд маленьких статей в газетах, доставляемых в Гамбург. Статьи эти должны взять под защиту моего дядю, который, якобы, намеревался позаботиться обо мне не в завещании, а другим способом, а теперь кое-кто думает, что держит меня в руках, и грозит не выплачивать даже пенсии, если я открыто выскажу свою точку зрения

---

¹ Устрашения (франц.).

на завещание и чинимые козни. Общественное мнение легко завоевать в пользу поэта против миллионеров. Кампе вам напишет.

Все статьи должны быть помечены Гамбургом. Нет ли у вас друзей в Гамбурге, которые могли бы повлиять непосредственно на доктора Галле? Он хочет стать сенатором и боится печати. Вы же видите, здесь на карту ставится не книга, а существование. Поторопитесь опередить наших врагов. Если только мне удастся, я сам на будущей неделе поеду в Гамбург. Сообщаю об этом только вам; даже матери и сестре не пишу ничего. Они будут тревожиться, — ведь мне придется проехать через Германию. Прошу поэтому соблюдать строжайшую тайну. Мое появление должно произвести действие внезапно разорвавшейся бомбы.

Матильду я немного успокоил, сказав ей, что пишу вам, верному помощнику в беде. Я скоро выеду — если возможно, то на будущей неделе, поэтому ответа не жду. Гром этот грянул с ясного неба. Мои здешние друзья, семейство Фульдов, натравливают на меня Карла Гейне; когда-то я был любовником его жены и был любим. Это мистическая история. Надеюсь, вы приедете в Гамбург, когда я буду там. Матильда заболела от испуга и огорчения, — на нас обрушились все беды сразу.

Ваш бедный, однако не теряющий головы друг

Г. Гейне.

102. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Париж, 23 января 1845 г.

Мой дорогой старый друг, не покидающий меня в беде! Да, вы неизменно верны дружбе, когда на меня обрушиваются горести. Только что получил я ваше письмо. Уже вчера я прочел в «Кельнской газете» гамбургскую статью. Несмотря на свое горе, я громко смеялся над этим грандиозным сооружением. Здесь есть все: сухость и трезвость, достойная Свифта, строгость и точность в отборе фактов. Какой же вы опасный человек! Но в меня это вселяет новое мужество — с такими союзниками я одолею своих

врагов. Атака на Галле неоценима. Используя этот тер-
рор, я напишу ему на днях и предложу ему немедленно
выступить посредником. Еще несколько таких статей, и
он сделает все. Мне нельзя терять время; если я буду
медлить еще месяца полтора, мои противники снова обре-
тут самообладание, которое они утратили, подвергшись
столь жестоким нападениям. Поэтому я здесь разрешил
всем олухам открыть огонь по врагу. Знаю, впоследствии
на меня наведут пушки, но ядра отскакивают от меня,
тогда как других можно уложить на месте даже зарядом
дробин. Только что я написал Карлу примирительное
письмо, сообщив ему также, что выписал на него вексель
на 8000 марок ассигнациями. Быть может, он придерется
ко мне даже из-за этакого пустяка.

Один из душеприказчиков, которым поручено испол-
нение завещания, — тот самый подлец доктор Рисер,
который три года назад делал мне самые грязные мер-
зости, воспользовавшись историей с Штраусом. Если бы
всплыло старое завещание, которое дядя оставил два
с половиной года назад, когда отношения у нас с ним были
неблестящими, я бы не удивился, но завещание составлено
4 декабря 1844 года, через полтора месяца после того,
как мы расстались нежными друзьями. Эта поздняя дата,
как я теперь понимаю, делает недействительными все
остальные документы, которые могли бы мне помочь, и я
могу только грозить процессом, да и вообще могу добиться
чего-либо только угрозами, но это оружие нужно пустить
в ход без промедления, иначе оно притупится. Постарай-
тесь же получить из Гамбурга побольше подробностей
и как можно скорей сфабрикуйте несколько статей —
таких, чтобы в первую очередь запугать Галле. Через
несколько дней буду взывать к нему о посредничестве и
расчитываю возбудить его волнение и интерес. Увы,
дорогой друг, если я не выиграю в течение месяца, тогда
все потеряно; страх перед моим пером, перед тем, что я
опубликую в печати, как вы правильно поняли, исчезнет
окончательно.

От Кампе я все еще не получил письма. Когда разра-
зилось несчастье, у нас с ним были весьма щекотливые
финансовые разногласия. Но я совершенно доверил ему
свои интересы, — ведь ему и самому важно, чтобы я вне-
запно не превратился в нищего. Подстегните его, пусть

он именно теперь следит за местной прессой и непрерывно через третьих лиц, то есть через Зивекинга и сенаторов влияет на Галле в мою пользу. И еще одно: сообщите срочно, можете ли вы безотлагательно поехать в Гамбург по моим делам. Я дал бы вам *carte blanche*,¹ неограниченные полномочия, и вы могли бы покончить со всем этим в один день. Ах, дорогой друг, я чувствую, что необходимо все довести до конца возможно скорей, иначе я пропал. Голова болит и не способна работать. Матильда, злобные враги, политические преследования, всякие убытки, которые могут обнаружиться каждый день, и сверх всего безденежье — нет, я не могу этого вынести. Да к тому же я слишком пришиблен. Вы, дорогой друг, — единственная опора, посланная мне провидением. Самуил, помоги! Поистине, вам подчиняются силы ада.

Г. Гейне.

103. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 1 февраля 1845 г.

Мой дорогой друг!

Я бы вам давно уже написал (я уже позабыл ту безделицу, которая меня неприятно задела, а вы за это время доказали мне свою любовь), но у меня так болят глаза, что каждое письмо для меня — тяжелое напряжение. Я наполовину ослеп, я в унынии, и на меня обрушивается одно несчастье за другим. Самое огорчительное — это смерть моего дяди. Мы очень любили друг друга, я мог ожидать, что он обеспечит мне самое блестящее будущее, и вдруг перед смертью он поддается чужому влиянию в своих завещательных распоряжениях. Теперь придется слегка припугнуть родственников через прессу, чтобы по крайней мере обеспечить свое право на пенсию, которое они хотят коварно оспаривать. Как видите, я доверяю вам самые сокровенные мысли, *от которых зависит мое существование*. Строжайшая тайна и помощь в нужде! Постарайтесь, где только возможно, предпринимать атаки

---

¹ Свободу действий (*франц.*).

на моих родственников, прежде всего на президента торгового суда Адольфа Галле, — он хочет стать сенатором в Гамбурге, и для него любые обвинения особенно нестерпимы. Против меня совершается неслыханная подлость.

Посылаю вам две статьи, которые вы должны кому-нибудь *дать переписать*; постарайтесь как можно скорее опубликовать их в «Лейпцигской газете» Брокгауза. Только не смеянно разорвите мою рукопись. Статья № 1 — наступательная. Постарайтесь немного изменить стиль в начале, чтобы не догадались, что это я. Конец же должен остаться таким, как есть. Пожалуйста, устройте, чтобы она была напечатана незамедлительно.

Статья № 2 — оборонительная. В ней ничего не надо переделывать; я написал ее по возможности издевательски глупо и таким скверным стилем, каким обычно пишут в защиту богачей. Если редакция не решится принять эту статью, дайте *незамедлительно* напечатать ее (также в «Лейпцигской газете» Брокгауза) в качестве объявления (это будет еще ехиднее), а израсходованные деньги (скажите мне сразу, сколько) будут вам полностью возмещены.

Видите, я кое-чему научился от Гуцкова, но, право же, я прибегаю к этому искусству, только когда мне хотят всеролюмно накинуть петлю на шею. Из-за литературных обид я, вероятно, никогда не стал бы так стараться.

Будьте здоровы. Передайте сердечный привет вашей жене, которую мы здесь часто вспоминаем. Она оставила у моих француженок самое пленительное воспоминание.

Секретность и скорая помощь! Если богачи в самом деле велят написать что-нибудь против меня, то завербуйте мне помощников. Г-н Вейль сказал мне, что он послал статью Куранде. Если она слишком резка, пусть Куранда смягчит выражения, только ради бога — ни одного оскорбительного слова против моего двоюродного брата Карла Гейне, который всегда был моим ближайшим другом, хотя теперь он мой противник. Но пусть Куранда напечатает статью как можно скорее, и я прошу вас, когда она будет напечатана, переслать ее бандеролью *через редакцию* Карлу Гейне в Гамбург. Если вам удастся добиться, чтобы народный глас прозвучал еще и в «Везерской газете» или в старой «Бременской» или же в берлин-

ской «Газете Фосса» или в «Газете Шпенера», то это окажет мне большую поддержку, потому что в Гамбурге эти газеты читают.

Напишите мне скорее и оставайтесь благосклонны к

вашему другу
Г. Гейне.

Кампе мне помогает.

104. БЕТТИ ГЕЙНЕ

[Монморанси], 24 июня 1845 г.

Милая и дорогая матушка!

Уже около двух недель я живу в Монморанси и очень редко бываю в городе. Прибыв сюда вчера вечером, я узнал, что мне переслали в Монморанси какое-то немецкое письмо, и я предполагаю, что оно от тебя; завтра я его получу и, если окажется нужным, отвечу на него дополнительно, если же нет, — тебе придется довольствоваться сообщением, что мы чувствуем себя хорошо. У меня в Монморанси маленькая дача с красивым садиком; настоящий рай en miniature.¹ Моя жена ведет себя очень мило и развлекается цветами. Наш попугай слишком много говорит. Левый глаз у меня все еще закрыт. Принимаю серные ванны, — они приносят мне пользу. Я почти не могу писать этим пером, но не хочу слишком долго оставлять тебя без письма. Надеюсь, ты и Лоттхен здоровы. Гуляй побольше. Мы постоянно вспоминаем вас, и ты не можешь себе представить, как моя жена тебя любит. Привет Иетте.

Напиши поскорее, как ты поживаешь. Я почти ничего не делаю, совсем не пишу, но никогда не зарабатывал больше денег, чем сейчас. Как это получается? А?

Будь здорова и люби

твоего преданного сына
Г. Гейне.

---

¹ В миниатюре (франц.).

105. ЮЛИУСУ КАМНЕ

Париж, 31 октября 1845 г.

Дорогой друг!

Я долго медлил с ответом по той простой причине, что каждое письмо страшно утомляет мои бедные глаза, а также потому, что мне совестно перед вами — я все еще не выслал давно обещанного «Атту Тролля». Но это не моя вина, несчастья этого года так омрачили мою душу, что я до сих пор напрасно жду веселого настроения, совершенно необходимого для того, чтобы должным образом написать веселые строфы, которых недостает в поэме. Ах, дорогой друг, люди страшно виноваты передо мной, моему гению нанесено неслыханное оскорбление, я не могу больше скрывать от себя, как тяжело я ранен, и пройдут года, прежде чем снова забьет светлый источник прежнего юмора. Мною владеет угрюмая задумчивость, смутная тревога, и это, быть может, порождает неожиданные страшные вспышки в прозе и стихах. Но ведь не это мне свойственно и не этого я хотел. Некогда я радовался жизни, теперь я мрачен и жажду смерти.

Вот почему я прошу вас подождать еще немного с «Аттой Троллям» — месяца полтора-два. В моем теперешнем унылом состоянии я легко мог бы его испортить.

Что будет с моими глазами, — одному богу ведомо; левый с января закрыт совершенно, правый тоже затуманен и косит. Я совсем не могу ни читать, ни писать, и меня скоро ждет полная слепота. Я много двигаюсь, но на биржу все-таки не хожу, вопреки клевете, которую распространяет г-н Бернштейн в различных немецких газетах. Вот уже четырнадцать лет, как нога моя не ступала в этот великий игорный дом, но железнодорожные дела, в которых мои друзья (например, все бывшие сен-симонисты во главе с Анфантемом) принимают необычайно деятельное участие, меня тоже чрезвычайно заинтересовали и увлекли как в финансовом, так и в духовном отношении. В будущем жду от них больших выгод, но в настоящем они ничего еще не дали. Я по-прежнему в большой нужде и едва свожу концы с концами. Это я говорю вам, чтобы вы совершенно точно знали, как я нуждаюсь в вас.

На днях переведу на вас вексель на ту сумму, которая, согласно договору, мне еще причитается за 1845 год. Вы видите, как точно я выполняю *ваши* обязательства. Право, я предъявляю вам этот вексель на маленькую сумму не столько ради порядка, сколько из-за того, что мне в данный момент очень нужны деньги.

Мои отношения с двоюродным братом Карлом Гейне все еще оставляют желать много лучшего. Каждый, кому я поверяю это дело, убеждает меня предоставить времени примирить нас и не терять веры в душевные достоинства Карла Гейне, которые в конце концов возьмут верх; по общему мнению, я не потеряю ни одного пфеннига. Еще вчера вечером это утверждал добряк Мейербер, который предложил мне покрыть любой дефицит из собственных средств. Кроме того, он уже довольно давно выдал мне свидетельство, в котором написано, что Соломон Гейне, назначая мне при его посредничестве пенсию, утвердил ее за мной *пожизненно*, желая, чтобы она оградила меня на старости лет от забот и способствовала свободе моего творчества. Впрочем, в свидетельствах и собственно-ручных документах моего дяди недостатка не было, и все же мне это не помогает, потому что я не хотел затевать процесс, а Карл Гейне с непонятным упорством отстаивает свое ложное предубеждение. Я твержу ему в каждом письме, что до тех пор, пока мне недодают хотя бы пфенниг из пенсии, которую он обязан платить мне от имени своего отца, между нами остается повод для жестоких ссор. Но, чтобы не казаться упрямым, оговариваюсь: буду как за милость благодарен за пособие, если только оно *не будет урезано* и ограничено какими бы то ни было *условиями*. На условия я теперь вообще не пойду. Я не стану наносить хотя бы малейший урон своему авторскому достоинству, свободе своего пера, хотя как человек готов покориться требованиям семьи.

Что слышно о Детмольде? Я не писал ему с февраля.

Надеюсь, вы счастливы в своем браке; я в своем — более или менее. Моя жена — доброе, благородное существо, но горе в том, что она очень больна — у нее тяжкая, опасная болезнь. В марте я, может быть, приеду в Гамбург.

Посылаю вам бандеролью статью, напечатанную некоторое время тому назад Филаретом Шалем в «Revue

des deux mondes». Теперь он хочет дополнить эту работу, сделать из нее хорошую книгу, перевести на немецкий язык и издать у «Гофмана и Кампе» в Гамбурге, если господин редактор уплатит за нее гонорар. При этом ему придется оплатить перевод. Думаю, книга была бы для вас интересна и своевременна, поскольку она направлена против аристократии и даже против ганноверской аристократии. Что мне ему ответить?

Будьте здоровы, дорогой друг, и так же преданы мне, как я — вам. Кланяйтесь от меня всем друзьям, помнящим обо мне. Что делает Вилле? Привет Ширгесу. Не забудьте Мендельсона. Я ничего не знаю и не слышу о Германии, но много думаю о вас. Особенно теперь, когда у вас начинается прекрасная пора устриц, когда в каждой раковине вновь таится истинное откровение, утешение для души. Будьте здоровы, приятного аппетита!

Г. Гейне.

106. ЛЕОПОЛЬДУ ВЕРТХЕЙМУ

Париж, 22 декабря 1845 г.

Дорогой доктор!

Я совершенно разделяю ваше мнение о порядочности г-жи Штраус и о причиненной ей несправедливости. Если бы супруг этой дамы, когда я стрелялся с ним и был ранен, не забыл о вежливости, принятой в подобных случаях, то я, со своей стороны, конечно с полным усердием постарался бы принести извинения его жене, честь которой я оскорбил, — ведь я уже тогда вполне убедился, что колкости, в которых я был повинен, вызваны совершенно *ошибочными* и *беспочвенными* предположениями. С удовольствием пользуюсь сейчас представляющейся мне возможностью объявить должным образом о перемене моих мыслей в отношении этой дамы. Я готовлю у «Гофмана и Кампе» исправленное собрание моих сочинений и даю вам честное слово, что в нем не будут воспроизведены места, касающиеся лично г-жи Штраус. Прошу вас сообщить об этом уважаемой даме и в то же время указать ей, что этих мест (как может засвидетельствовать мой издатель) не было и в рукописи, когда я послал ее печатать

в Гамбург, и что только позднее, когда я велел прислать ее сюда на проверку, я наспех вписал эти строки. Я сделал это в минуту слабости и не без влияния провокаций.

Ваш друг
Г. Гейне.

107. ДЖАКОМО МЕЙЕРБЕРУ

Париж, 24 декабря 1845 г.
(годовщина смерти моего
бедного дяди).

Глубокоуважаемый маэстро!

Не скрою от вас, я не могу себе простить того, что иногда обращался к вам с напрасными просьбами. Я вынужден поэтому проститься с вами.

Покидая вас, не могу для собственного удовлетворения не объяснить вам, что вы и представления не имеете, как бесконечно полезно было для вас и для других то, что я в течение пятнадцати лет оборонял парижскую позицию, несмотря на все денежные и физические жертвы, к которым меня принуждала эта разорительная и лихорадочная жизнь.

Что касается народных песен, я возвращаю вам ваше обещание. После того как вы долгие годы водили меня за нос, я отказываюсь от этого издания. Я заявил об этом г-дам Эскюдье и возвратил им аванс (1000 франков). Надеюсь вскоре вернуть вам 500 франков, которыми, как вы недавно утверждали, вы откупились от своего слова; лучше я бесплатно освобожу вас от этих обязательств. Не могу скрыть от вас также, как ясно я сейчас вижу, что гений вы только в музыке и что только к нему относится мое восхищение и уважение.

Генрих Гейне.

108. КАРЛУ-АВГУСТУ ФАРНХАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Париж, 3 января 1846 г.

Дорогой Фарнхаген!

Это первое письмо, которое я пишу в новом году, и я начинаю его радостным пожеланием счастья. Да наградит вас этот год здоровьем телесным и душевным! С большим огорчением узнал, что вас нередко удручают недуги.

Подчас я охотно откликнулся бы словом утешения, но Гекуба — плохая утешительница. В последнее время я никуда не гожусь, и даже процесс писания непрерывно напоминает мне о моей немощи, — я почти не в состоянии разглядеть буквы, которые пишу. Ведь один глаз у меня совсем закрыт, а другой тоже закрывается, и каждое письмо для меня — мучение! Поэтому я с искренней радостью хватаюсь за возможность передать вам устно через друга весть о себе. Друг этот посвящен во все мои беды, и он может подробно рассказать вам, как ужасно поступили со мной ближайшие родственники и свойственники и чем здесь можно еще помочь. Мой друг г-н Лассаль, который передаст вам это письмо, — молодой человек блестящих способностей; мне не приходилось встречать более глубокой учености, более обширных познаний, более острого ума; с богатейшим пластическим даром он соединяет силу знания и *habilité*¹ в делах, которая изумляет меня, и если его симпатии ко мне не угаснут, я жду от него самой действенной помощи. Во всяком случае, это соединение знаний и воли, таланта и характера было для меня радостным явлением, и вы, со свойственной вам широтой в оценке людей, безусловно воздадите ему должное. Г-н Лассаль — истинный сын нового времени, — он и знать ничего не хочет об аскетизме и смирении, с которыми мы, более или менее лицемерно, *в наше время* так нянчились, прикрывая этим наше безделье. Это новое поколение хочет наслаждаться и проявлять себя в зримом мире; мы, старики, благоговейно склонялись перед незримым, ловили призрачные лобзания и аромат голубого цветка; исполненные самоотречения, мы стонали и все-таки были, может быть, счастливее, чем эти суровые гладнаторы, которые так гордо устремляются в смертный бой. Тысячелетнему царству романтики наступил конец, и я сам был его последним сказочным королем, отрекшимся от престола. Если бы я не сбросил с головы короны и не надел блузы, они, пожалуй, отрубили бы мне голову. Четыре года назад, до того, как я восстал против себя самого, меня еще страстно влекло желание погарцевать при лунном свете в обществе старых товарищей моих грез, и я написал «Атту Тролля», лебединую песнь заходящей эпохи,

---

¹ Умелость (франц.).

и посвятил его вам. Он принадлежал вам по праву, — ведь вы всегда были для меня родственным по духу боевым товарищем — и в забавах и в деле. Подобно мне, вы помогли предать земле старую эпоху и были повитухой у новой. Да, мы помогли ей родиться и испугались. Мы чувствуем себя как бедная курица, которая высидела утят и с ужасом видит, как ее выводок бросается в воду и весело плывет!

По договору с издательством я обязан издать «Атту Тролля»; я это сделаю через несколько месяцев, но с осторожностью, чтобы меня не привлекли к суду и не отрубили мне голову.

Видите, дорогой друг, как смутно, как неясно у меня на душе. Однако эта меланхоличность вызвана главным образом моим нездоровьем. Если исчезнет тяжесть паралича, который железным обручем сковывает мне грудь, моя былая энергия тотчас же возродится. Но боюсь, до этого еще далеко. Предательство, совершенное в отношении меня в лоне семьи, — ведь там я был безоружен и преисполнен доверия, — поразило меня как гром среди ясного неба и нанесло мне почти смертельную рану. Всякий, кто вдумается в эти обстоятельства, увидит: это — совершенное из-за угла покушение на убийство. Пресмыкающаяся посредственность, которая двадцать лет со злобной завистью подстергала гения, дождалась, наконец, своего часа. В сущности, это тоже старая история, которая всегда повторяется.

Да, телом я очень болен, но душа почти здорова. Она поникла, как усталый цветок, но все еще не увяла и крепко вросла корнями в истину и любовь.

Будьте здоровы, дорогой Фарнхаген. Мой друг скажет вам, как много и как постоянно я думаю о вас. Это тем понятнее, что я теперь совсем не в состоянии читать и в долгие зимние вечера живу только воспоминаниями.

Генрих Гейне.

109. АЛЕКСАНДРУ ГУМБОЛЬДТУ

Париж, 11 января 1846 г.

Господин барон!

Благожелательность, которой вы издавна устаиваете меня, дает мне смелость обратиться к вам сегодня с просьбой.

Печальные семейные обстоятельства призывают меня нынешней весною в Гамбург. Мне хотелось бы использовать эту оказию и на несколько дней заехать в Берлин для свидания со старыми друзьями, а также для консультации с берлинскими врачами по поводу очень серьезной болезни. Во время такой поездки, имеющей единственной целью развлечение и здоровье, мне, право же, не хотелось бы опасаться какой-нибудь *atra suga*,¹ и я обращаюсь к вам, господин барон, с просьбой, чтобы вы с помощью вашего высокого влияния добились твердых гарантий со стороны соответствующих властей в том, что мне не будут предъявлять во время моего путешествия во владения королевства Прусского никаких обвинений, связанных с прошлым. Я прекрасно знаю, что такая просьба никак не соответствует тамошним административным обычаям. Но в эпоху, которая сама по себе до известной степени исключительна, может быть все-таки удастся договориться о пополнении старых указов рубрикой: «Исключительные современники».

Примите заранее, господин барон, мою глубочайшую благодарность и считайте самую просьбу доказательством уважения, с которым я остаюсь

покорным и преданным вам

Генрихом Гейне.

110. ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ

Париж, 10 февраля 1846 г.

Мой дорогой Лассаль!

Если бы я не испытывал безотлагательной необходимости тотчас же высказать вам признательность за ваше дружеское усердие, я и сегодня не собрался бы вам написать, — вот уже почти месяц как мне хуже, чем когда бы то ни было. Две недели я вынужден был высидеть дома, а теперь приходится беречь голову, чтобы не развилось воспаление мозга. После вашего отъезда я целую неделю работал слишком напряженно, желая наверстать упущенное,

---

¹ Черной заботы (*лат.*).

и, видимо, это способствовало ухудшению. Теперь вам понятно, почему я не прислал вам еще письма о Мендельсоне; пришлю его через несколько дней. Сегодня ограничиваюсь благодарностью вам; никогда еще никто не сделал для меня так много. И ни в ком еще я не встречал такой страстности и ясной мысли, воплощенных в действии. Разумеется, вы имеете право дерзать. Мы, прочис, лишь самовольно присваиваем себе это божественное право, эту небесную привилегию. По сравнению с вами я не более чем скромная муха. Еще вчера вечером мы говорили об этом с Грюном, которому я дал с полдюжины весьма задиристых стихов для альманаха Пютмана.

Меня радует ваш отзыв о Фарнхагсне; он опытныйший человек, прекрасно знающий людей и обстоятельства. Считайтесь с тем, что он говорит, даже с тем, чего он не говорит. «Его беседа поучает, его молчание просвещает». Откуда это? Так, например, все, что Фарнхаген говорит о Зивекинге из Гамбурга, без сомнения правильно и чрезвычайно для меня важно. Я в восторге от того, что тамошний гамбургский министр-резидент и его жена стали на мою сторону; это будет иметь более важные последствия, чем вы думаете.

Если Мендельсон не хочет писать, мне это все равно, — сейчас его письмо не возымеет никаких результатов; впоследствии, напротив, простое предложение посредничества с его стороны может принести самую значительную пользу.

В симпатии Гумбольдта я никогда не сомневался. В его откровенном письме бьется горячее сердце. Мысль о дружбе Диффенбаха утешает меня. Я говорю своей болезни: «Берегись слишком мне докучать, ведь я в дружбе с богом исцеления!» К счастью, болей у меня нет, только параличи — помеха в жизни и в наслаждении. Мои губы по временам так парализованы, что я целыми вечерами молча сижу рядом с женой у камина. «Quelle conversation allemande!»¹ — изредка восклицает она вздыхая.

А что сказать мне о князе Пюкклере! Это истинный grand seigneur!² Его письмо не только шедевр писателя, но и

---

¹ Вот каково разговаривать с немцами! (франц.)

² Вельможа (франц.).

важный памятник наших социальных отношений и переломов — более значительный, чем он сам предполагает. Разумеется, письмо это должно быть напечатано, — оно представляет общественный интерес, и все, кто имеет глаза, убедится, что, в сущности, это не просто послание Пюклера к А. Б. по делу В. Г.; здесь один из последних рыцарей старой родовой аристократии поучает чести выскочек нового денежного дворянства — в интересах оскорбленного гения. Да, урок этот победоносен, рыцарское благородство мысли выезжает на ристалище на своем лучшем коне и в незапятнанной своей броне *point d'honneur et loyauté!*¹ Грубое эгоистическое торгашество (я чуть было не сказал: «буржуазия») терпит здесь самое унижительное поражение. И в насмешках недостатка не будет, особенно со стороны наинейших противников теперешней плутократии. Вы знаете, кого я подразумеваю. Правда, гений играет при этом печальную роль; романтика, с которой он сам смертельно враждует, великодушно выходит за него на турнир; ведь, в конце концов, если Пюклер—князь в идеальных областях духа, он является таковым и в прусской Силезии, и его образ действий столь же благородный, сколь и дворянский.

Напишу князю при ближайшей возможности. Покамест будьте добры передать ему сердечнейшую мою благодарность. Его письмо должно быть непременно опубликовано. Лучше всего, если бы Фарнхаген написал статью для «Всеобщей газеты» и привел в ней письмо — разумеется, с разрешения князя. Г-н Фарнхаген должен послать эту статью барону Котте в Штутгарт, потому что хотя в Аугсбурге у меня есть Кольб, мой сердечный друг, но на его коллегу я положиться не могу; а в Котте можно быть уверенным, если он увидит имена Фарнхагена, Пюклера и Гейне.

Здесь все тихо, или, вернее, до меня не доходят никакие вести. Руайе давал большой *bal paré et costumé*,² на котором, однако, я не смог быть. Эрманс все еще больна. «Мадонну» я еще не навестил, Евгению видел всего один раз... О, слабость, имя твое... У меня с Ротшильдом очень

---

¹ Чести и прямоты (франц.).

² Костюмированный бал-маскарад (франц.).

напряженные отношения, но они наиболее приемлемы для моего проекта.

Балет свой я написал, он отлично удался, но еще не знаю, не опоздал ли я с ним.

Начал опять играть на бирже. Все еще пользуюсь гомсопатней.

Вот еще важная новость, которая вам давно известна: Кальмониус через неделю приезжает сюда с вашей сестрой. Вчера я получил от него письмо. Кажется, цинковый проект, созданный по моей инициативе, засел у него в голове. Я очень рад буду увидеть его и вашу сестру. Такой же ли у нее нежный и страстный рот, как у вас? Я очень вас люблю. Да иначе и быть не может — вы мучите до тех пор, пока вас не полюбишь.

Генрих Гейне.

111. ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ

Париж [февраль] (числа
не знаю точно), 1846 г.

Мой дорогой товарищ по оружию!

Пишу вам сегодня, хотя голова моя в ужасном состоянии и каждое письмо сокращает мне жизнь. О глазах и не говорю; губы, язык и т. д. поражены гораздо сильнее, да и мозг, кажется, не остался нейтральным. Холод и парижская сутолока вредны мне, и все мои надежды устремились на юг; это советуют мне и врачи. Поэтому я охотно отказываюсь от плана побывать в Берлине, и если дело с Карлом Гейне предварительно улажено, то я поеду не в Гамбург, а немедленно же в Италию и там займусь лишь восстановлением своего здоровья. Пусть это останется между нами. Я несчастен и жалок, как никогда, и если бы не оставлял беспомощную женщину, то преспокойно снял бы шляпу и сказал миру: vale!¹ За месяц у меня были одни только радости: финансовые дела налаживаются, жена милее, чем когда бы то ни было, моему тще-

---

¹ Прощай! (лат.)

славню льстят, недуг свой, даже в этой его фазе, я, вероятно, переносил бы терпеливо, но... дела, к которым я тоже относился уже равнодушно, внезапно подняли такой шум в моей душе, что я, право, боюсь помешаться. Вот если меня что-нибудь в самом деле свело с ума, так это письмо, которое я вчера вечером (на свою беду, перед сном) получил от Фарнхагена, и поэтому я пишу вам, несмотря на головную боль. Представьте себе, Фарнхаген, столь опытный светский человек, еще так наивен, что... поет мне колыбельную песню, которой меня уже в прошлом году чуть было не убаюкали насмерть. Мне, мол, следует снова писать смиренно-грустные письма Карлу Гейне. Ведь я только это и делаю с мая прошлого года, и после каждого такого повизгивания он все более задирает нос. Когда разразилось несчастье, мой первоначальный план состоял в том, чтобы выступить самым решительным образом, внушить к себе уважение и немедленно привести в исполнение любую свою угрозу. План этот был отвергнут друзьями, которые держались другого мнения, стояли за примирение и т. п., и так как они поступали обратно тому, как было условлено, то все и рухнуло из-за их непоследовательности. Так, например, ... должен был ..., а вместо этого он начал молить, сентиментальничать, и все погибло, и мне самому пришлось слезть с боевого коня и пересест на жалкую клячу. Этим самоуничижением я снова вдохнул в своих противников мужество, которое начало было слабеть; впрочем, оно и теперь испарится, как только они увидят, что дело серьезно, как только они почувствуют, что значит общественное выступление, и ясно поймут, что я твердо на него решился. Передайте это Фарнхагену. Скажите ему: сердца денежных фараонов настолько зачёрствели, что одной угрозы мало, даже если прекрасно известно, как велика магическая сила автора, который на их глазах уже проделал некоторые фокусы со змеями. Нет, эти люди, прежде чем отказаться от своего закостелого упрямства и поверить в казнь, должны испытать ее; им нужно увидеть кровь, лягушек, гадов, диких зверей, озлобленную чернь и т. п., и только на десятой главе, где убивают их возлюбленного первенца, они сдадутся из страха перед еще большим несчастьем, перед собственной своей смертью. Право, если бы Моисей вооружился добротой, полуугрозами и увещаниями, сыны Израиля и по сей

день сидели бы в Египте. Скажите Фарнхагену: все, что он советует, уже испробовано, и теперешнее мое жалкое положение — следствие именно этих попыток. Вы, дорогой Лассаль, лучше всех уразумели суть этого дела.

Если г-н фон Фарнхаген не склонен идти этим путем, то немедленно откажитесь от просьбы, чтобы он написал статью со вставками из письма Пюклера, и вы, дорогой друг, напишите ее сами. Если, как я боюсь, она окажется слишком юношески резкой для «Всеобщей газеты», попытайтесь напечатать ее в другом месте. Ни в каком случае не давайте противоположному мнению Фарнхагена поколебать вашу энергию и не вступайте на средний путь, который один раз уже привел меня к гибели. Если же, напротив, г-н фон Фарнхаген напишет статью в желательном смысле, тогда, конечно, будет хорошо, что именно наиболее жестокие вещи и угрозы окажутся выражены в той чудесной успокаивающей манере, которой владеет только Фарнхаген и благодаря которой он стал puissance,¹ не имеющей себе равных. Он наш величайший стилист; на днях я несколько часов говорил об этом с другом Зейфертом, который именно с такой точки зрения написал в «Эпохе» статью о Фарнхагене (если эта статья, как мне вчера говорил Зейферт, появится в сегодняшнем номере журнала, я пришлю ее вам, а вы передадите ее Фарнхагену). Да, фарнхагеновский стиль — это железный кулак в бархатной перчатке, и он нанесет моему кузену удар, которого тот не забудет до конца своих дней.

Если Фарнхаген напишет статью, может быть он согласится и подписать ее, как подписал некоторые другие во «Всеобщей газете». Это было бы в высшей степени важно. Мой друг, обычно столь осторожный, может быть и решится на это, взвесив весь ужас моего положения. Да и мое сердце — «мое оскорбленное сердце», как сказала бы Рахель, — почувствовало бы облегчение, если бы изысканный Фарнхаген столь безрассудно устремился со своих высот мне на помощь. Пюклер это сделал и заслужил вечную мою благодарность; чернь, несомненно, будет пристыжена его поступком. Не могу еще написать ему — каждое письмо вырывает у меня клочок здоровья. Передайте ему это.

---

¹ Силой (франц.).

Вероятно, из Гамбурга пришли очень подлые ответы. Я хотел бы знать о них, хотя догадываюсь и так. Будьте здоровы, дорогой, любимый друг.

Г. Гейне.

112. ОНОРЕ БАЛЬЗАКУ¹

Париж, 27 февраля [1846 г.]

Дорогой Бальзак!

Прошу вас отобедать у меня в будущую среду (4 марта) в шесть часов. Вы встретите друзей: Руайе, Гозлана, обоих Эскюдье, Готье. Последний утверждает, что ему известен ваш адрес, и потому он взял на себя переслать вам эти строки; успокойте меня насчет их судьбы небольшой запиской. Передаю вам добрые пожелания моей супруги и других хорошеньких женщин, которых вы увидите в среду.

Тысяча приветствий от

преданного вам

Генриха Гейне.

113. ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

[Париж, 1 апреля 1846 г.]

Дорогой земляк, — произнося это слово, я не столько имею в виду нашу немецкую родину, сколько эллинский Парнас, — итак, дорогой земляк, посылаю вам альбом, о котором говорил вам вчера, и прошу вас сымпровизировать для него несколько строф. Если у вас есть книга Руге о Париже и вы согласны одолжить мне ее на короткое время, то можете послать ее с этой okazji. Сегодня первое апреля — важный для Германии день.

Ваш

Генрих Гейне.

---

¹ Перевод с французского оригинала.

114. АЛЕКСАНДРУ ВЕЙЛЮ

Барез, 28 июля 1846 г.

Дорогой Вейль!

Благодарю вас за сообщение относительно моего безумия; не хватает еще, чтобы снова выступили три честных пемецких гражданина, которые бы засвидетельствовали истину своим честным словом! Я не мог дать прямое объяснение, не впадая в *ridicul*.¹ Но я немедленно написал в Аугсбург, и в статье, подписанной моим инициалом, я затрагиваю это дело; как только она будет напечатана, прошу вас высказаться об этом в тамошних газетах; мне кажется, что манера, в которой я даю это опровержение, довольно интересна. Что и говорить, это самая блестящая клевета из всех, которые поместили германские газеты, а ведь я им стольким обязан!

Мне немного лучше, и я снова начинаю есть, но мое вздутое брюшко исчезло. Сегодня жена моя в обществе только своего проводника поехала верхом на одну из опаснейших пиренейских вершин. Там часто бывают несчастные случаи, и она еще не вернулась, но я пока не тревожусь, я, сходявший с ума от беспokoйства, когда она в Париже опаздывала на час. Пусть она лучше попадет в руку божью, чем в руки людей, чего всегда можно опасаться в Париже. Напишите поскорее.

Дружески приветствую вас.

Г. Гейне.

115. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Тарб, 1 сентября 1846 г.

Дражайший Кампе!

Я долго медлил с письмом, надеясь, что мне станет лучше и я смогу сообщить вам более отрадные вести, чем сегодня; но, к сожалению, мое состояние с конца мая значительно ухудшилось и сейчас стало настолько угрожаю-

---

¹ Смешное положение (*франц.*).

щим, что я сам пугаюсь. В первые недели, проведенные мною в Бареже, я несколько оправился, вновь обрел надежду, но затем все пошло хуже; органы речи настолько парализованы, что я не могу говорить, а есть я не в состоянии уже четыре месяца: не чувствую вкуса, жую и глотаю с большим трудом. Я ужасно похудел, бедное мое брюшко исчезло, и я выгляжу как высохший одноглазый Ганнибал. Печальные симптомы (постоянные обмороки) заставили меня поспешить обратно в Париж, и вчера я оставил Барсж. Я совсем не боюсь; напротив, держу себя в руках и, как до сих пор, терпеливо несу то, что не может быть изменено и от вска является судьбой человеческой.

Полагаю, что спасти меня уже невозможно, но, может быть, агония моя протянется еще некоторое время — год, самое большее — два. Что же, это меня не касается, это право вечных богов, которым не в чем упрекнуть меня и дело которых я всегда верно и мужественно защищал на земле. Умиротворяющее сознание, что я прожил прекрасную жизнь, наполняет мою душу даже в эту горестную минуту и будет, надеюсь, провожать меня до последнего часа, до самой бездны небытия. Между нами говоря, бездна эта менее всего страшна, — ужасно умирание, не смерть, если смерть вообще существует. Смерть — это, может быть, последний предрассудок.

Что мне сказать о случайности, по которой именно сейчас в Германии распространился ложный слух о моей смерти? Он не привел меня в слишком большой восторг. В другое время я посмеялся бы над ним. К счастью, почти в тот же день я напечатал во «Всеобщей газете» статью, которая, несомненно, отравила моим врагам радость, если только не они сострапали это известие.

Вернувшись в Париж, я напишу вам относительно полного собрания моих сочинений, которое мне бы не хотелось больше откладывать. Сейчас пароходы еще ходят, и я прошу вас — пришлите мне все мои книги (экземпляры, которые были у меня, все разрознены). Я тотчас же приступлю к их пересмотру и к подготовке собрания. Право, не моя вина, что я все еще не послал вам «Тролля», — семейные дразги повергли меня в полное уныние, а усиливающаяся болезнь помешала вдобавок оснастить поэму так, как мне бы хотелось; но теперь, что бы там ни было, я быстро возьмусь за нее и, возвратившись

в Париж, закончу. Дух мой ясен, — он даже переживает творческий подъем, — но не так радостен, как в дни моего счастья. Да простит господь моей родне грех, в котором она передо мною повинна. Право, не деньги, а моральное разочарование, оттого что ближайший друг юности и кровный родственник не сдержал слова своего отца, — вот что разбило мое сердце, и от этого удара я умираю. Я слышал, что ложный слух о моей смерти очень испугал моего двоюродного брата; у него для этого есть, несомненно, страшные основания.

При теперешних обстоятельствах излишне, конечно, сообщать вам, что я вынужден отказаться от удовольствия быть крестным вашего сынишки. Я охотно поехал бы в Гамбург в этом году, чтобы еще раз увидеть старушку мать и утешиться сочувствием семьи моему несчастью! Но это невозможно. Финансы мои расстроены, болезнь и постройка в Бареж почти совершенно разорили меня, и я, право, не знаю, как выдержу нынешней зимой растущую дороговизну! Даже если, возвратившись в Париж, я взыщу с вас по чеку А. Лео (без дальнейшего извещения) 200 марок ассигнациями, которые причитаются мне у вас в этом году, я все еще буду не очень-то обеспечен! Одни только врачи обошлись мне за месяц в большую сумму! Но довольно об этом; я дошел до той главы, которая с роковым постоянством возобновляется в биографии каждого немецкого поэта.

Будьте здоровы и счастливы. Верьте, что я всегда относился к вам честно и хорошо, что всегда умел ценить вашу дружескую симпатию. Кланяйтесь от меня всем друзьям.

Я переменял в Париже квартиру, и мой адрес теперь — faubourg Poissonnière № 41.

Искренне преданный вам

Г. Гейне.

116. ФЕРДИНАНДУ ФРИДЛЯНДУ

Париж, 14 [сентября] 1846 г.

Дорогой Фридлянд!

Пишу вам сегодня с большой печалью в душе. Несколько дней назад я возвратился сюда из Барежа. Там я несколько недель чувствовал себя довольно хорошо, но

неожиданно у меня начался такой страшный рецидив и я так тяжело заболел, что жена не могла выдержать от страха, и ради нее я поспешил в Париж. Я приехал сюда в тысячу раз более больным, чем был, когда вы видели меня до моего отъезда. Паралич рта стал явственнее, я не могу больше есть, исхудал, стеснение в груди доводит меня ежесекундно до удушья, мой живот больше не спрашивает у меня разрешения, что ему делать; словом, все это очень скверные симптомы, и я нахожусь, может быть, при последнем издыхании. Ложная весть о моей смерти была дурным предзнаменованием и, право, не развеселила меня. Притом мои финансы тоже смертельно больны, отвратительный трупный запах царит в моем кошельке. Последняя поездка стоила жизни тремстам наполеондорам, но я не выздоровел. Плохо дело, Кальмониус, Кальмониус! Приезжайте поскорее сюда, чтобы перед смертью я еще раз послушал, как вы врете!

Пишу вам сегодня главным образом из-за «Ириды». Писать необычайно трудно, но совершенно неотложные обстоятельства вынуждают меня не откладывать письмо. Когда те сто акций, которые я поручил продать через синдикат, все-таки не были проданы (хотя мне твердо обещали реализовать по крайней мере столько, сколько нужно для покрытия второго взноса) и я пожаловался на это, один из главных руководителей дела (не помню его имени, он ведал кассой, и ему я давал свои деньги) и Буланже твердо обещали, что с меня не потребуют вторичного взноса по этим ста акциям, покуда я не смогу их реализовать; для следующих пятидесяти акций я не выговорил себе этих льгот и действительно сделал по ним второй взнос... Представьте же себе мое изумление, когда, возвратившись в Париж, я, который действовал в отношении общества совершенно *de bonne foi*,¹ нашел *par huissier*² повестку от нового представителя общества, в которой тот, становясь *en mesure*,³ сообщает, что намеревается продать акции *à tout prix*,⁴ если я немедленно не сделаю второго взноса.

---

¹ Честно (*франц.*).

² Доставленную приставам (*франц.*).

³ В позицию (*франц.*).

⁴ Во что бы то ни стало (*франц.*).

Теперь акции пришлось бы продать по крайней мере на 50 франков ниже курса, а это то же самое, что украсть у меня из кармана 5000 франков, внесенных мною. Вчера я пошел к новому представителю, г-ну Шапону, и неопровержимо доказал ему, что он должен выполнить обязательства своих предшественников, даже если они были даны только в устной форме, что я никоим образом не дам себя облапошить и подниму отчаянный крик и страшнейший скандал, что это последние гроши, на которые я должен жить, что я не позволю шутить с собой и что, сколько бы он ни ругал Буланже (он говорит о нем страшные гадости), меня это не касается. Думаю, что здоровое настроение, в котором я сейчас нахожусь, произвело свое действие, и он ничего не предпримет во вред моим интересам, пока не получит от вас письма. Настоятельно прошу вас, напишите сейчас же, уладьте это дело, дабы по крайней мере я не потерял этих денег уже теперь. Говорю: «по крайней мере», так как, к сожалению, мне кажется чрезвычайно вероятным, что все-таки я потеряю их, потому что все, что вы сумели наговорить мне об «Ириде», было «сущей правдой», потому что миллионеры, которые примут участие в этой boutique,¹ существовали только в вашем воображении, — словом, потому, что во всем этом больше вранья, чем денег.

Ей-богу, дорогой Кальмонюс, я не хочу винить вас в том, что вы умышленно ввели меня в заблуждение, — у вас особый талант самому верить во все, во что вам хочется верить, и вера ваша заразительна; я виню самого себя в том, что больше поверил этому таланту, чем предостерегающим голосам опытных людей и собственному благоразумию. Вы хотели осчастливить меня, но сделайте, ради бога, все, чтобы я по крайней мере не стал еще несчастнее, чем теперь; потерю 5000 франков и следующих 5000 франков на пятидесяти акциях, за которые у меня вскоре таким же способом потребуют третьего взноса, я перенести не смогу. Мне очень плохо, чрезвычайные расходы на мою болезнь пожирают меня, а я не зарабатываю ни гроша. Я бы сам ускорил свою смерть, если бы мне не пришлось оставить Матильду необеспеченной. Господи, сколько несчастий обрушивается на меня за последние два года!

---

¹ Лавочке (франц.).

Надеюсь скоро увидеть вас. Напишите мне сейчас же. Кланяйтесь от меня вашей милой жене. Мы постоянно болтали о вас в нашем барежском уединении.

Ваш друг
Г. Гейне.

117. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 19 октября 1846 г.

Дорогой Лаубе!

На ваше дружеское письмо от 10 октября я еще не могу сегодня ответить толком, — я очень болен; но на днях, когда здоровье мое станет получше, я наверстаю упущенное. Сегодня ограничусь благодарностью за ваше последнее письмо и изъявлением радости по поводу важнейшего для меня пункта, содержащегося в нем. Я в восторге от вашего намерения приехать сюда. Только исполните это поскорее. Вам следует поторопиться, — хотя болезнь моя прогрессирует медленно, я все же не могу ручаться, что не совершу сальто-мортале, и вы можете опоздать, так и не обсудив со мной вопроса о бессмертии, о союзе литераторов, о родине, о Кампе и прочих величайших вопросов, волнующих человечество. Может случиться, что вы застанете вместо меня очень спокойного покойника. Эту зиму я, во всяком случае, проведу здесь и пока живу (довольно просторно) в предместье Пуассоньер (дом 41), а если здесь вы меня не застанете, то ищите на кладбище Монмартр, а не Пер-Лашез, где слишком шумно.

Жена моя тоже радуется тому, что увидит здесь зимой г-на и г-жу Лаубе, — мы уверены, что и супруга ваша пожалует к нам.

Пришлите мне все-таки мой некролог, — ведь удовольствие прочитать собственный некролог редко выпадает на долю смертного. Ложное известие о моей смерти меня все-таки очень расстроило, и мне жаль, что и друзей моих оно взволновало; к счастью, опровержение, объявившее, что я еще не умер, последовало очень скоро.

Вы удивляетесь, что обо мне ходит столько ложных слухов, и говорите, что я становлюсь мифическим существом.

Я легко мог бы дать ключ к этим мифам и вообще указать вам источники, из которых текут все эти более или менее нелепые, но неизменно злостные сведения о моей личной жизни. Г-н Штраус сознался, что он истратил более 4000 франков на журналы и журналистов, чтобы распространить в обществе клеветнические измышления о моей личной жизни, которые он высосал из пальца и усовершенствовал с помощью известных нам пройдох. Я никогда не собирался протестовать против этого, чтобы не давать материала для толков. Г-на Гуцкова я уличил и в этой истории как одного из рьяных помощников по запутыванию и искажению моих личных отношений...

118. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 12 ноября 1846 г.

Дорогой Кампе!

До сих пор я не отвечал на ваши последние два письма, потому что мне невыразимо тяжело писать, и не столько из-за слабости моего единственного, еще уцелевшего глаза, сколько из-за удушья, — оно длится днем и ночью; все время — клокотание в груди и икота, и даже сейчас, когда я склоняюсь над письменным столом, у меня непрерывно течет слюна и спирает дыхание. Поэтому сегодня я по необходимости буду краток и воздержусь покамест от того, чтобы задать вам головоломку за ваше предпоследнее письмо. Ваше неверие в мою болезнь я объясняю тем, что вы получаете информацию от моей матери; она, естественно, не может внушить тревогу, — я всегда сообщаю старушке обратное своему истинному состоянию. Однако и последнее ваше письмо заслуживает строжайшего порицания. Вы все-таки имели приблизительное представление о том, как обстоят мои дела, но вместо утешения и дружеского предложения услуг в ужасной моей нужде (о ней вы тоже не подозреваете, раз дела ваши так хороши) вы пишете мне только о нескольких марках процентов, которые теряете на задержке издания «Атты Тролля». Видит бог, мне ничего от вас не

нужно — ни авансов, ни последующих взносов, но, сознаюсь, я ждал от вас совсем другого письма.

Об «Атте Тролле» сообщаю вам, что, хотя вы легко можете с ним подождать, я все-таки старался как можно скорее избавиться от всяких обязательств по отношению к вам и торопился подготовить поэму к печати; но это двигалось медленнее, чем я предполагал, — мне многое пришлось изменить, много новых кусков присочинить, а сейчас она находится у моего переписчика. После вторичной правки, через неделю я смогу послать вам поэму, чтобы вы тотчас отдали ее в печать. Так как печатание продлится не меньше двух недель, то предисловие, — а оно совершенно необходимо, — я пошлю вам двумя неделями позже, следовательно через три недели.

Что касается собрания моих сочинений, вы заблуждаетесь, полагая, что я не подумал составить план на случай моей смерти. В завещании я поручил моим друзьям Детмольду и Лаубе позаботиться вместо меня об издании; относительно расположения произведений, которое я считаю наиболее целесообразным, я скажу вам сегодня несколько слов и прошу сообщить, согласны ли вы с ним; ведь в течение двадцати лет я неизменно имел в виду ваши коммерческие интересы, — своими я всегда пренебрегал.

Предлагаю вам выпустить собрание сочинений в двенадцати томах, но хочу все же знать, через какие промежутки времени будут появляться отдельные выпуски и из скольких томов будет каждый состоять.

1-й том: «Путешествие по Гарцу»;
«Книга Ле Гран».

2-й том: «Альманзор»;
«Ратклиф».

3-й том: «Книга песен» (за исключением «Северного моря»).

4-й том: «Северное море» (обе поэтические и третья, прозаическая часть);
«Бахерахский раввин».

5-й том: «Италия» (первая часть).

6-й том: «Италия» (вторая и третья части).

7-й том: «Англия» (из четвертого тома «Путевых картин»);
перевод отрывка из «Манфреда».

- 8-й том: «Шнабелевопский»;
описание парижской художественной выставки (из первой части «Салона»).
- 9-й том: «Романтическая школа».
- 10-й том: «К истории философии в Германии» (вторая часть «Салона»).
- 11-й том: «Духи стихий» (из третьей части «Салона»); «Флорентинские ночи» (оттуда же).
- 12-й том: «Французские дела» (за исключением маленьких писем в конце).
- 13-й том: Маленькие письма из конца «Дел»; предисловие к «Делам»; предисловие к «Дворянству»; предисловие к «Салону»; моя статья о Менцеле из «Политических апталов» (беспристрастности ради); «О донощике»; «Швабское зеркало».
- 14-й том: «Мосье Луи Берне».
- 15-й том: «Женщины Шекспира»; письма от театре (из четвертой части «Салона»).
- 16-й том: Статьи из «Всеобщей газеты».
- 17-й том: Продолжение последних; «Зимняя сказка».
- 18-й том: «Новые стихи» (за исключением «Зимней сказки»).
- 19-й том: «Атта Тролля» и позднейшие стихи, которые я с тех пор написал или еще напишу, — отличные и хорошо оплаченные стихи.

Напишите мне, нравится ли вам такое расположение произведений. Вы скоро сможете начать печатать, так как первые два-три тома мне нужно просмотреть только в смысле опечаток. Разумеется, вы не должны извещать публику о подробностях моего плана; кое-что мне, может быть, захочется изменить.

Если вам понадобится особое объявление для читателей, то потребуйте его у моего друга Фарнгагена фон Энзе. Скоро у вас будет для этого прекрасный предлог: вы пошлете ему экземпляр «Атты Тролля», — ведь поэма посвящена ему.

К сожалению, у меня два первых тома «Путевых картин» — в последнем издании, а третий и четвертый тома —

в первом. Но теперь мне понадобится второе издание двух первых томов (я сам исправлял их еще в Германии) и, по той же причине, — первое издание двух последних томов. Держите их поэтому для меня наготове; если мне понадобится, я быстро получу книги почтовой бандеролью.

Что касается экземпляров, которые мне сейчас требуются, то замечу, что я получал их в разное время, а многих экземпляров и совсем не получил, например экземпляров «Французских дел». У меня есть «Путевые картины», «Салон», «Берне», «Романтическая школа», «О доносчике» и написаны «Новые стихи».

То, что вы опубликовали некоторые места из последнего моего письма, само по себе, конечно, неправильно, но я уверен, что вы питали дружеские намерения. *Преждевременная* весть о моей смерти вызвала множество соболезнующих откликов; поступило большое число трогательно благородных писем. Карл Гейне тоже написал мне сердечное, дружеское письмо. Маленькое недоразумение, нелепая денежная распря улажена, и это было отрадно моему оскорбленному сердцу. Но мое доверие к семье исчезло, и, как ни богат Карл Гейне и как ни расположен этот человек ко мне, он все-таки последний, к кому я обратился бы в случае крайней нужды. Я настоял, чтобы он выплатил мне до последнего шиллинга все, на что я имел право на основании слова, данного его отцом, но я, конечно, не взял бы у него ни шиллингом больше. Мы оба наделали много глупостей, только я плачу за них гораздо дороже — остатками здоровья. Со здоровьем моим очень плохо, и вполне возможно, что моя смерть создаст вам превосходную рекламу для собрания моих сочинений. Вы убедитесь, насколько популярнее я тогда сделаюсь, хотя, как я вижу по дурацким письмам книготорговцев (следующий раз напишу вам о них), моя популярность, очевидно, очень велика и сейчас. Один издатель сулит мне за небольшой автобиографический очерк потрясающую сумму. Меня позабавило, что это предложение, сделанное из Штутгарта, было мне передано через мерзкого банкира Кенигсвартера, который так меня ненавидит.

Будьте спокойны, я ничего не напишу. Я хочу покоя, а до славы мне вообще дела нет.

Ваш друг

Г. Гейне.

119. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 26 декабря 1846 г.

Дорогой Кампе!

Забыл сообщить вам в предыдущем письме заглавие моей книжки *in optima forma*.¹ Из предосторожности делаю это дополнительно. Она называется:

АТТА ТРОЛЛЬ

Сон в летнюю ночь

Сочинение Г. Гейне

Пользуюсь этим случаем, чтобы пожелать вам самого большого счастья в новом году. Не забудьте, как только вы вырветесь из делового водоворота годовых векселей, тотчас же сообщите мне, когда моя книжка выйдет из печати: мне это нужно, чтобы принять некоторые меры.

Здоровье мое все еще очень плохо, и это начинает сильно удручать меня.

В Германии, кажется, снова распространяется ханжеская угрюмость, и медведь мой появится вовремя, не только чтобы выстрелить в цель, но и для того, чтобы его самого застрелили.

Ваш друг

Г. Гейне.

120. БЕНДЖАМЕНУ ЛЕМЛЕЮ

Париж, 27 февраля 1847 г.

Уважаемый друг!

Вот рукопись, которую я обещал вам доставить к концу этого месяца. Уверю вас, подобного обещания я никогда больше не дам. Вы и представить себе не можете, как сильно я себе повредил, когда в теперешнем своем состоянии попытался достойно разрешить задачу, стоявшую передо мной. Добудьте как можно скорее английский перевод и прочтите его на покое, в час досуга. Это

---

¹ В наиболее предпочтительной форме (*лат.*).

чтение поможет вам понять мой балет, в котором шабаш ведьм очерчен очень скупой, и только «Письмо» мое дает столь же полное, сколь и верное его описание. Вы сами сможете судить об этом, когда дадите князю тьмы потанцевать с его госпожой. Во время моих исследований я открыл удивительные вещи о фантастическом танце, и об этом, если буду жив, впоследствии напишу вам подробнее.

Немногие примечания, сделанные мною к длинному письму, являются цитатами, которые вы, по собственному усмотрению, можете выбросить из брошюры. Думаю дать ей следующий заголовок:

ЛЕГЕНДА О ДОКТОРЕ ИОХАННЕ ФАУСТЕ

Пантомимический балет
с пояснительным письмом директору
Her Majesty's Theatre¹

Сочинение Генриха Гейне

Если содержание примечаний придется вам не по вкусу, то издателю нужно будет при случае упомянуть о том, что они опущены. Будьте добры доставить мне экземпляр английского перевода письма и книги, чтобы я мог их исправить, прежде чем они пойдут в печать. Для тех, кто знает только гетевского «Фауста», моя брошюра должна быть очень интересна. Поэтому я издам ее когда-нибудь на немецком языке, но в расширенном виде и с некоторыми научными пояснениями, дабы не подвергнуться осуждению высокоумных фаустологов. Название моего балета держите в тайне до последнего мгновения, а в крайнем случае зовите его «Астарот». В своем письме я доказал, что имя это приличествует демону, призванному Фаустом, так же как имя Мефистофеля; поэтому как временное заглавие вы с полным правом можете поставить его в ваших объявлениях. Вам приятно будет узнать, как я потрудился, стремясь разъяснить человечеству, что вы покажете подлинного Фауста из легенды.

Преданный вам

Г. Гейне.

---

¹ Театра ее величества (англ.).

121. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

[Париж, 5 апреля 1847 г.]

Дорогой Лаубе!

Состояние мое все еще то же — голова так слаба, словно я — автор одного из деревенских рассказов Ауэрбаха, желудок мой так же тошнотворно сентиментален, так же религиозно и нравственно вял, как одна из упомянутых новелл. Несмотря на это, я приду к тебе около одиннадцати часов.

Твой больной друг
Г. Гейне.

122. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

[Париж, апрель 1847 г.]

Приходи сегодня, потому что завтра рискуешь найти мой труп. Правда, паралич прогрессирует медленно, может пройти еще некоторое время, прежде чем будут захвачены сердце или мозг и тем самым придет конец комедии, но все-таки я не могу поручиться, что не совершу сальто-мортале, и охотно составил бы с тобой заветное.

Твой
Г. Гейне.

123. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Париж, 19 апреля 1847 г.

Милая, дорогая матушка!

Письмо твое от 13-го я получил и с радостью увидел, что вы здоровы, а также — что г-жа Густав отелилась. Поручаю вам поздравить ее. Густав исстари умел делать только девчонок. Хитрость здесь невелика, и, если бы

я захотел, я мог бы теперь быть отцом девяти дочерей, подобно Аполлону, который произвел на свет девять муз. О Густаве доходят из Вены только хорошие вести; у него, по моим сведениям, отличные дела. Еще раньше я с величайшим удивлением узнал, что он очень экономно хозяйничает (я вспомнил, конечно, о комиссаре). Передай ему мой сердечный привет. Я часто думаю о нем; еще сегодня ночью припомнил, как он когда-то маленьким мальчиком уверял, что любит свою мать больше, чем свою кошку, что он любит ее даже больше, чем шесть кошек. Милую мою Лоттхен обнимаю по-братски и малышей — тоже.

Я чувствую себя бодро и хорошо, жалуюсь, однако, на весь мир. Если ты вдруг услышишь, что я готов путешествовать к праотцам, то будь уверена, что отправлюсь я к ним за изрядным куском пирога. Болезнь глаз но улучшилась. Судороги сводят глаза и рот; они исчезнут, вероятно, под влиянием сельского воздуха и сельской тишины, которые успокаивают нервы. Врачей я к себе больше подпускать не желаю. У всех, кто умер этой зимой, бывали врачи.

Сейчас, готовясь к переезду за город, я занят приведением в порядок бумаг. На этот раз я просматриваю все мои письма и сжигаю те, в которых есть хоть что-нибудь нескромное, особенно касающееся семьи. Поэтому я вынужден был с сожалением предать огню часть твоих писем и почти все письма Лоттхен. Мне это было очень больно, потому что я люблю вас больше, чем шесть кошек!

Я издал «Атту Тролля» на французском языке, и он имел исключительнейший успех.

Когда будешь писать Максу, кланяйся ему. Пошли мне еще раз его петербургский адрес: я куда-то его засунул, и мне не хочется искать.

Только что вошла моя жена (она живет на расстоянии шести комнат от моего кабинета) и, хотя я ей ничего не сказал, сразу увидала, что я пишу вам; она просит передать вам тысячу поцелуев и нежных приветов. Эту кошку я тоже люблю больше, чем шесть других кошек. Зятю моему она просит поклониться особо, и при сем случае я тоже присоединяю несколько приветов Морицу. Ты и представить себе не можешь, дорогая Лоттхен,

какого исключительно хорошего мнения моя жена о вашем муже. Она кланяется также Людвигу, моему уважаемому племяннику.

Преданный вам
Г. Гейне.

124. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Монморанси, 20 июня 1847 г.

Дорогой Кампе!

Из-за болезненного состояния, в особенности из-за болезни глаз, я совершенно не могу писать длинные письма, поэтому я не касаюсь политических излияний в последнем вашем письме. Времена политической болтовни для меня миновали, ибо часы мои, особенно полезные часы, мне отмерены скупю.

Потому скажу кратко: вы поступили неправильно, когда этой зимой из-за так называемых современных обстоятельств не начали издавать собрание моих сочинений. Принудить вас я не могу, но очень прошу призадуматься над вопросом о том, протянет ли мой страшно разрушенный организм еще одну зиму. От стужи у меня теперь появились боли в груди, а ведь еще осенью их не было. Поэтому я хотел уехать на юг, чтобы попытаться там перезимовать, но по состоянию финансов это невозможно, и я остаюсь в Париже. Давайте-ка в конце осени и в начале зимы начнем выпуск собрания сочинений и двинем вперед это дело. Поэтому ответьте мне определенно относительно моего плана, — вы ни звука о нем не произнесли.

Кажется, вы хотите дожидаться моей смерти, чтобы использовать ее в качестве рекламы для собрания сочинений, — иначе я не могу объяснить себе вашу равнодушную медлительность. Не беспокойтесь, этой рекламы долго ждать не придется. Мне слишком трудно писать, а то я высказал бы самое мрачное мнение о чуть ли не оскорбительной форме, с которой вы оставили без внимания мои настойчивые пожелания относительно «Атты

Тролля». Вы повинны в том, что я в немецкой прессе ничем не смог помочь книге, тогда как враги мои были чрезвычайно деятельны. Я никому не мог послать экземпляры, я получил их всего месяц назад. Вам нужен только сбыт, а я со своей стороны не забыл о ваших коммерческих интересах. Исполняя ваши пожелания, я во время ужаснейших страданий работал над поэмой, которая духовно мне уже далека; эта переработка обошлась мне в шесть полных недель, почти более трех печатных листов я приписал к тексту и вписал в него. Разве вам пришла хоть мысль о том, что за труд этот мне полагается по крайней мере гонорар? Я не был обязан идти на такую жертву и принес ее только ради того, чтобы поднять ценность поэмы и ваш доход. Право же, я так говорю не ради денег, да я их у вас и не требовал. Но другие в подобных случаях поступали иначе. Знаю, что в душе вы признаете мою правоту, знаю также, что вы сердечно мне преданы, но путь от вашего сердца до вашего кармана очень далек.

Я и сегодня не написал бы вам, дорогой Кампе, если бы мне не надо было предложить одно новое издание, а я и так уже медлил с ним больше чем следовало. Это либретто балета, написанное мною для моего друга Лемля в Лондоне; но это балет лишь по форме, а по существу — одно из моих самых значительных и высокопоэтических произведений. Сюжет так интересен для Германии и настолько примечателен, что одновременно я использовал его для юмористического трактата в форме письма; последний, вместе с текстом танцевальной поэмы и некоторыми примечаниями, которые я сделаю, занимает десять печатных листов и составляет книжку, которая, весьма возможно, вызовет много нападков, но будет очень выгодна для моего уважаемого издателя. Каково же заглавие, каков сюжет? Может быть, тайна эта уже известна, но вы не должны ее разглашать, и я пришлю вам рукопись не раньше, чем удостоверюсь, что балет уже идет в Лондоне. За книжку я хочу получить от вас 1000 марок ассигнациями; этот гонорар раз и навсегда даст вам право издавать книжку столько раз, сколько вам захочется, и, кроме того, немедленно включить ее в собрание моих сочинений, где она, с божьей помощью, займет почетное и особое место. Бексель на 1000 марок сроком на три

месяца я выпишу на вас, как только отправлю рукопись. Ответьте мне сейчас же на мое предложение, но только кратко, — да или нет. Я, право, слишком болен, чтобы пускаться в денежные переговоры, я едва в силах читать письма на эту тему, и если вы выразите хоть какое-нибудь сомнение, я сочту это отказом и, право, не пророню больше ни слова обо всем этом деле. Не хочу сказать, что в таком случае я отдам книжку другому издателю, — нет, настолько я не дорожу ни книжкой, ни паршивыми деньгами, зато вами я слишком дорожу. Я просто *не буду печатать книжку совсем*. Вы видите, как мало я стремлюсь к тому, чтобы давить на вас в коммерческом отношении. Я требую только лаконичности, потому что, повторяю, мои слепые глаза и кряхтящая грудь не терпят длинной переписки.

Дорогой друг, мне очень скверно, хотя в настоящую минуту весь свет, кроме моей злосчастной родни, балует меня и нежит. Что касается последней, то письмо Лаубе во «Всеобщей газете», где он откровенно обвиняет мою родню в трусливом предательстве, завосвало и здесь и повсюду всеобщее признание негодующей публики. Относительно Карла Гейне Лаубе сказал не всю правду: у меня нет решительно никаких оснований быть им недовольным. Зная, что я на краю могилы, он обязался назначить моей вдове пожизненно половину моей пенсии, но это, право, не столь уж грандиозное великодушие. Однако, признаюсь, я и не требовал большего, ибо, как я вам писал в свое время, дядя мой тоже не обещал большего, да я и не предъявлял претензий, хотя и предполагал, что проживу еще долгие годы, до глубокой старости, и; быть может, даже переживу жену. Пусть это останется между нами. Не без умысла хотел я обратить ваше внимание на то, как обстоит дело с примирением, дарованным мне Карлом Гейне. Кошелек его при этом остался в полной неприкосновенности. Так как мои потребности из-за болезни почти утроились и так как я очень мало смогу заработать сочинительством, то небо поставило бы меня в весьма затруднительное положение, если бы даровало мне длительную жизнь. Слава богу, я уж справлюсь сам; не прибегаю ни к каким низостям. Будьте здоровы и берегите себя. Я очень удручен, а тут еще под окном моим сидит меланхолический соловей, который все время стонет.

Мой адрес: Mr. Henri Heine à Montmorency (Departement Seine et Oise) en France.

Кланяйтесь от меня жене и молодому отпрыску.

Ваш

Г. Гейне.

125. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

[Париж, 10 марта 1848 г.]

Дорогой Кольб!

Я совсем больше не вижу и не могу сделать двух шагов.

Ваш бедный друг

Г. Гейне

126. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Париж, 30 марта 1848 г.

Милая и дорогая матушка!

Именно потому, что в мире сейчас так бурно, а здесь особенно turbulent,¹ я могу написать тебе лишь несколько строк. Зрелище это изнурило меня физически и морально. Я так подавлен, как еще никогда не был. Хочу жить теперь совершенно спокойно и ни о чем больше не тревожиться. Переполох случился в самый разгар моего лечения, и я потерял не только деньги, но и здоровье. Если, как я опасаюсь, дела обернутся здесь еще более мрачно, то я уеду, с женой или один. Я очень удручен. В Германии, верно, тоже не сладко, да туда я тоже не очень стремлюсь. Жена чувствует себя хорошо. Мы живем тихо и в стороне от людей. Я никоим образом не хочу быть на виду. Тем не менее здешние немцы клеветают на меня что есть мочи. Они про меня распускают сплетни и утверждают, будто я получал деньги от прежнего

¹ Беспокойно (*франц.*).

правительства, будто имя мое нашли в списке пенсионеров. Зовите меня лизоблюдом! Сколько вам угодно!

Погода прекрасная, и я много гуляю. Хозяйство мое идет потихоньку. Жена ведет себя хорошо. Если бы она вела себя плохо, я дал бы ей теперь свободу, как все короли своим народам. Пусть бы увидела, что получается при свободе! Здесь сейчас царит невероятное убожество! Теперь удел всего мира — свобода и банкротство.

Будь здорова!

Пиши мне много, дорогая матушка. И ты, дорогая Лоттхен. Но не слишком рассчитывайте на вести от меня, — я очень неохотно берусь за перо. Боюсь писать.

Хочу уточнить свой адрес, — пишите: Н. Heine, chez Mr. Foultrier, 84, Rue de Lourcine, à Paris.

Я велю теперь адресовать так все письма, потому что не доверяю своему швейцару. Много ли денег потеряла семья? Пиши мне побольше, дорогая Лоттхен, и поцелуй от меня малышей. Моя мотовка-жена шлет сердечный привет.

Г. Гейне.

127. АЛЬФРЕДУ МЕЙСНЕРУ

Париж, 12 [апреля] 1848 г.

Мой милый Мейснер!

Письмо, которое я написал вам непосредственно после февральских дней, до вас, очевидно, не дошло; я не получил ответа на него, да и в письме вашем к Зейферту, хотя вы и упоминаете обо мне, вы совершенно не касаетесь моего послания. Очень возможно, что причина тому — неточность адреса или какое-нибудь подозрительное место в письме (оно должно было прийти к вам еще при Меттернихе). Я разъясняю это лишь затем, чтобы вы не обвиняли вашего друга в равнодушии. Вы легко можете себе представить, что я пережил во время переворота, — я видел его собственными глазами. Вы знаете, я не был республиканцем, и вас не удивит, что я все еще не сделался им. Теперешние деяния и чаяния, волнующие мир,

мне чужды; я склоняюсь перед судьбой, ибо слишком слаб, чтобы выдержать ее натиск, но я хочу целовать край ее одежды... чтобы не сказать более откровенно. Вас не должно удивить, что на миг я был страшно взволнован, и у меня словно холодные мурашки пробежали по спине и рукам. Это прошло. Меня очень тяготило еще то, что вокруг я видел одних древних римлян, что пафос стал в порядке дня, а героем дня сделался Венедей. Я охотно сбежал бы от пугающей меня суеты общественной жизни в вечную весну поэзии и непреходящего искусства, если бы только я был в состоянии лучше ходить и не был так болен. Но недуги мои, которые я повсюду вынужден таскать за собой, почти раздавили меня, и я полагаю, что вам следует поторопиться, дорогой друг, если вы еще хотите меня увидеть. Пока что — сердечный привет. Вейль получил 16 000 голосов. Il a l'air député des talons jusqu'aux soursils.¹

Г. Гейне.

128. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 26 апреля 1848 г.

Дорогой Кампе!

Пишу вам сегодня, чтобы не оставить без внимания ваше предпоследнее и последнее письма от 18-го сего месяца и по крайней мере ответить на тот вопрос, который поставлен в последнем письме. Вот уже несколько недель я болен сильнее чем когда бы то ни было и не могу написать ни строчки без величайшего усилия. Диктовать я тоже не в состоянии. Последние двадцать дней у меня парализована нижняя челюсть, без судорог я могу говорить лишь едва слышно, ничего твердого я не могу жевать и поэтому очень слабею. На ногах не держусь.

Чего же вы ждали, почему я не получил ответа в прошлом году, когда послал вам свой проспект собрания сочинений? Тогда я еще был в состоянии работать. Почему не было ответа на последнее мое письмо, в котором

---

¹ Он похож на депутата от башмаков до бровей (*франц.*).

я на всякий случай (то есть на случай смерти) настойчиво просил произвести со мной полный расчет? Почему, когда все друзья дарили меня знаками внимания, вы, Кампе, упрямо продолжали игнорировать мое болезненное состояние? Неужели вы были уверены, что в моем положении я не нуждаюсь иногда в действенной помощи? И никогда ваша совесть не говорила вам, что в этом до некоторой степени ваш моральный долг, не связанный непосредственно с выполнением денежных обязательств? Относительно этого не беспокойтесь, — материально мне еще не плохо, а если бы было и совсем плохо, то должники — последние из всех, у кого я хотел бы быть в долгу в последние мои дни.

Надеюсь, что на днях буду в состоянии больше сказать вам о вашем предпоследнем письме. На всякий случай немедленно пришлите мне копию упомянутого проспекта, и ваши пожелания относительно последовательности произведений в полном собрании будут удовлетворены; дополнить их я теперь, к сожалению, уже не могу. Зачем вы медлили?

Что касается нового издания первой части «Путевых картин» и первой части «Салона», то, пожалуй, напечатайте их так, как они есть. Я никогда не менял моих мыслей, — следовательно, и после Февральской революции мне нечего менять в моих книгах. Новое издание первого тома «Путевых картин» перепечатайте, пожалуйста, со второго издания, не с первого. Стихи из первой части «Салона» во втором издании «Новых стихотворений» исправлены кое-где, поэтому прошу вас печатать их с этого издания.

Мне стоило невыразимого труда скрыть свое безнадежное состояние от матери, и я требую от вас строжайшей сдержанности. Может быть, небо избавит старушку от горя, которое причинило бы ей известие о моих муках. Поэтому и сестра моя ничего не должна знать. Мне се тоже всегда удавалось обманывать. До 7 мая пробуду в больнице, где лежу уже два с половиной месяца, а затем, во избежание больших расходов, снова отправлюсь на свою квартиру (rue de Berlin № 9). Будьте добры адресовать ваши письма туда.

Повторяю, напишу вам на будущей неделе — большой всегда рассчитывает на перемену к лучшему. Голова

у меня свежая, ясная, даже светлая. Да и сердце тоже здоровое, почти страстно жизненное, алчное до жизни, а тело так сковано, так истрепано! Я словно заживо погребен: никого не вижу, ни с кем не говорю.

Напишите мне, что нового в Германии.

Кланяйтесь от меня моему юному крестнику; в удивительное время появился он на свет! Будьте здоровы и верьте, что я желаю вам изобилия благ земных и, как всегда, бескорыстно, дружески предан вам.

Генрих Гейне.

129. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Париж, 15 мая 1848 г.

Дорогой Кольб!

Если бы вы собственными глазами видели «*Revue rétrospective*» (прилагаю соответствующие номера), вы не поверили бы гнусной статье, в которой вас, конечно, подкупило имя доктора Вейля. Написана ли заметка вами, не знаю; так или иначе, она оскорбительна. Я слышал об этом, но газета попалась мне на глаза только несколько дней назад. Хотя я ужасно болен (нижняя челюсть тоже парализована, я почти не в силах говорить, а жевать совсем не могу), я все-таки написал нижеследующее «Разъяснение», которое прошу немедленно напечатать во «Всеобщей газете». Надеюсь, через несколько дней уже смогу сообщить вам, что скажет обо мне и «*Revue rétrospective*», — ведь ее молчание было бы соучастием в позорнейшей клевете.

Прошу вас вернуть мне три мои последние статьи, которые вы не напечатали. События опередили их, и они не имеют больше никакого значения. Мой адрес: Н. Н., rue de Berlin № 9, à Paris.

Прошу вас также известить меня, прямо или через издательство Котты, какая сумма следует мне у него за несколько статей, которые были напечатаны во «Всеобщей газете» после того, как я в последний раз получил гонорар; сумма эта, вероятно, достаточно мала, хотя мои враги и уверяют, что Австрия косвенно платила мне!

через «Всеобщую газету» за то, чего я *не писал* против Австрии. О, немецкое лукавство!

Прощайте, быть может надолго.

Ваш друг

Генрих Гейне.

Р. С. Пошлите мне также бандеролью несколько номеров с моим «Разъяснением».

130. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Пасси, 27 мая 1848 г.

Милая и дорогая матушка!

Уже три дня живу я в загородном доме в Пасси; это на расстоянии получаса от Парижа. Хорошо ли я угадал, выбрав эту квартиру, не отравят ли мне жизнь и здесь новые беспокойства, — не знаю. До сих пор несчастье всегда преследовало меня каждый раз, как я менял квартиру. Но покамест все сносно. Пишу тебе эти строки на воздухе, в беседке, увитой зеленью. На бумаге режутся солнечные лучи, это очень красиво, но мешает писать. Болезнь глаз, вообще паралич лицевых мускулов, — все это сейчас достигло чудовищного расцвета, и бедной моей жене приходится немало терпеть от моей раздражительности. Однако мы только что на этом самом столике, где я пишу, очень хорошо позавтракали, радуясь нашему домашнему покою и прекрасной спарже и землянике, которые были у нас к столу.

Как вы живете? Дорогая Лоттхен, как тебе живется в это страшное время? Достаточно ли у вас сахара для того, чтобы землянике в нем было мягко лежать и чтобы она была тепло укрыта? Этот год не сахарный, и всему миру приходится очень горько. Я не тревожусь ни о чем, и именно мое недомогание охраняет меня сейчас, быть может, от смертельных опасностей, которым я подвергся бы, если бы был здоровым безумцем и мог ринуться в битву современности. От Густава и его супруги я получил письмо; он похвально тем, что стал счастливым отцом семейства и что вкушает величайшее домашнее счастье. Такие

люди заслуживают этого, что и говорить! Мой адрес теперь: Н. Н., 64, de la Grande rue à Passy, près de Paris. Только пишите мне поскорей и побольше. Кончаю и целую вас и малышей.

Солнечные лучи сейчас слишком ослепляют меня. Попугай кричит, и жена моя шлет привет.

Преданный вам

Г. Гейне.

181. КАРОЛИНЕ ЖОБЕР ¹

[Пасси, май 1848 г.?)

Сударыня!

С радостью вижу, что вы упорно не хотите меня забыть. Спасибо вам за это, но неужели вы не знаете, что я давно умер?

Это не помешало бы мне прийти сегодня к вам обедать, потому что смертная моя оболочка пережила меня, но я страдаю от довольно несносной посмертной мигрени. Я не могу прийти и, поверьте, очень жалею об этом. Вы знаете, что такое мигрень, этот маленький ад, который носишь в мозгу.

Я приду на днях, сударыня, и поблагодарю вас лично. А пока прошу бессмертных богов осенить вас своей благодатью.

Генрих Гейне.

182. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Пасси, 7 июня 1848 г.

Дорогой Кампе!

Вот уже двенадцать дней как я живу здесь за городом. Я жалок и несчастен свыше всякой меры. Болезнь моя усилилась в страшной степени. Уже неделю, как я совершенно парализован и могу пребывать только в кресле да в постели; ноги мои словно из ваты, и меня носят

---

¹ Перевод с французского оригинала.

как ребенка. Ужаснейшие судороги. Правая рука тоже начинает отмирать, и один бог знает, смогу ли я еще писать вам. Диктовать мучительно из-за паралича нижней челюсти. Слепота — это еще наименьшее из моих несчастий.

Напрасно ждал я улучшения, чтобы написать вам больше. Сегодня я должен буду ограничиться двумя вопросами.

1. Если не ошибаюсь, праздничная ярмарка, во время которой вы выплачиваете мне гонорар за первое полугодие, уже началась, и я хотел бы располагать сейчас суммой в 600 марок ассигнациями. Но как? Существует ли еще в Париже банкир, который учтет вексель на Гамбург? Не знаю. Может быть, Лео? Спрошу его. На случай, если он возьмет перевод на себя, это письмо послужит вам уведомлением. Денежные сношения с границей здесь исключительно трудны. Почти все банкиры ликвидируют дела и уходят на покой.

2. Прошу вас сказать мне хоть слово о давно посланном вам плане расположения моих вещей в собрании сочинений. Мне хотелось идти рука об руку с вашими издательскими интересами. Я снова думал на эту тему и предлагаю теперь следующее:

Весь материал должен быть разбит на восемнадцать томов и выпускаться по три тома.

Первый выпуск состоит из:

1-го тома, — в него входят «Путешествие по Гарцу» и «Книга Ле Гран»; »

2-го тома, — в него входят «Северное море» и первая часть «Итальянского путешествия»;

3-го тома, — в него входят вторая часть «Итальянского путешествия» и третья, то есть «Луккские воды».

Второй выпуск состоит из:

4-го тома, — в него входят «Английские фрагменты» и «Женщины Шекспира»; »

5-го тома, — в него входят маленькая трагедия «Вильям Гатклиф», «Бахерахский раввин» и «Шнабелевский»;

6-го тома, — в него входят «Флорентинские ночи» и описание выставки картин в Париже в 1831 году («Салон»).

Третий выпуск состоит из:

7-го тома, — в него входят «Французские дела» до начала отдельных писем;

8-го тома, — в него входят окончание «Французских

дел», предисловие к ним, предисловие к «Кальдорфу», а также предисловие к первой части «Салона»;

9-го тома, — в него входит «Романтическая школа».

Четвертый выпуск состоит из:

10-го тома — «К истории немецкой философии и литературы»;

11-го тома — «Духи стихий», письма о театре;

12-го тома — «О Людвиге Берне».

В пятый выпуск войдет разное, как например:

13-й том — «О доносчике», «Швабское зеркало» и т. п.;

14-й том — статьи из «Всеобщей газеты» etc.;

15-й том — трагедия «Альманзор», перевод отрывка из «Манфреда» и т. п., стихи.

Наконец, в шестой выпуск входят:

16-й том — «Книга песен» (без «Северного моря»);

17-й том — «Новые стихотворения» (основательно дополненные);

18-й том — «Атта Тролль» и «Зимняя сказка».

Если вы, дорогой Кампе, согласны с этой последовательностью, то можете, точно воспроизводя заглавия, сами составить план собрания сочинений. Прошу вас, поторопитесь. *Est periculum in mora.*¹

Переплавив «Путевые картины» и «Салон» под другими заглавиями, я, конечно, оказываю вам услугу по отношению к прежним изданиям.

Мой адрес: Н. Н., Grande rue № 64 à Passy, près de Paris.

Напишите поскорее о том, как вам там живется, во время всемирного потрясения. Я бедный умирающий человек; бедный во всех смыслах — я едва могу покрыть свои нужды и расходы на болезнь. Мне очень скверно. Желаю вам жить лучше — хорошо и счастливо. Это самое горячее мое желание. Думаю, вы одобрите мой план, а я, если смогу, скоро напишу вам подробнее. Сегодня я едва держу перо и ужасно скверно вижу. Повторяю вам, если можно выписать на вас вексель, то сегодняшнее письмо послужит вам одновременно уведомлением, пусть вексель будет на чье угодно имя. Что за проклятая судьба преследует немецких поэтов! Да изменится в Германии и это.

Ваш друг

Г. Гейне.

---

¹ Промедление опасно (лат.).

133. ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

[Пасси, июнь (почтовый штемпель — от 12 июня) 1848 г.]

...как мое истинное состояние; жена моя пожелала, чтобы я не обманывал тебя чрезмерно (обман был необходим ради матери) относительно истинного состояния моего здоровья, не то ты слишком испугаешься, когда я помру. Но это, дитя мое, случится, вероятно, не очень скоро; в таком состоянии я, к сожалению, могу протянуть еще лет двенадцать. Уже две недели я парализован, меня носят как ребенка, ноги мои — словно из ваты. Глаза плохи ужасно. Но сердце у меня хорошее, а мозг и желудок здоровы. Уход за мной отличный, и большие расходы на болезнь я покрываю без труда; однако я очень жалею и горюю. Жена моя ведет себя хорошо, и мы живем очень приятно. Если бы я умер теперь, конец мой все же был бы лучше, чем у тысячи других. Вот ты и знаешь, как обстоит дело. Мне очень хотелось бы посетить вас этим летом. Может быть, я увидаю вас будущей весной, или, возможно, ты в будущем году приедешь сюда. Я, в сущности, рад, что не могу тебя здесь увидеть в этом году; причиной тому — революционный грохот, разнесшийся по всему миру. Вероятно, вас там он оглушает в не меньшей степени, чем нас здесь. Да, мы живем в злосчастное время, а мне хотелось бы быть бодрым и здоровым и наслаждаться свиданием с тобою не только в течение нескольких мучительных мгновений. Но станет ли мне лучше? Это ведает бог, который все делает к лучшему.

Будь здорова, кланяйся от меня твоему мужу, моему племяннику и моим трем племянницам. Пиши мне почаще и побольше о делах семейных. От матери мы, как и прежде, будем скрывать мою болезнь...

134. КАРОЛИНЕ ЖОБЕР¹

[Пасси], 16 июня 1848 г.

Гражданка Франции!

Если вы в Париже и если поедете в Булонский лес, то остановитесь на минутку в Пасси, у дома 64 по Главной

¹ Перевод с французского оригинала.

улице, где в глубине сада живет бедный немецкий поэт, которого сейчас окончательно разбил паралич. Ноги мои совершенно неподвижны. Меня носят и кормят как ребенка.

С братским приветом

Генрих Гейне.

135. БЕТТИ ГЕЙНЕ

Пасси, 17 июня 1848 г.

Милая, дорогая матушка!

Я написал тебе, как только переехал в загородный дом. Прошло уже три недели, а у меня все еще нет писем от тебя и милой Лоттхен. Как вы поживаете в скверное это время? Очень тревожусь и изнываю по письму от вас. Я живу как обычно. Квартирой своей очень доволен; она весьма приятна, очаровательна. Живу в истинно философском уединении, вдали от мира. Читала ли ты «Разъяснение», напечатанное мною в газетах, о моем отношении к предыдущему французскому правительству?

Моя жена шлет тебе сердечный привет, любит вас и трепещит о вас постоянно. Не считая мотовства, она ведет себя в настоящее время превосходно и делает меня очень счастливым.

С преданной любовью

Г. Гейне.

136. ЭДУАРДУ ДЕ ЛАГРАНЖУ¹

Пасси, 23 июня 1848 г.

Гражданин маркиз!

Если вы сейчас в Париже и хорошая погода соблазнит вас на прогулку в Булонский лес, прошу вас — загляните на несколько минут в дом 64 на Главной улице в Пасси. Там вы застанете бедного немецкого поэта в прескверной роли умирающего. Увы! С тех пор как я видел вас

¹ Перевод с французского оригинала.

в последний раз, болезнь моя ухудшилась и паралич охватил почти всю мою брэнную оболочку. Ноги мои не пережили падения королевской власти, и теперь я — полчеловека. Прийти к вам, следовательно, не могу и должен просить вас оказать мне милость, посетив меня; быть может, я получу от вас хороший совет (если не утешение) по поводу неприятности, постигшей меня из-за глупой заметки, которую я вам при сем посылаю и которую я пять недель назад поместил в аугсбургской «Всеобщей газете». Прочитав это злополучное произведение, вы поймете, что к моим физическим мучениям добавились страдания духовные. Моя гордость немало пострадала, когда я на всю «Всеобщую газету» и на всю Германию заявил, что просил милостыни у французов, как все прочие нищие, нашедшие здесь убежище. И, сделав это унижительное признание, я не добавил к нему, что получил эту поддержку французского правительства главным образом благодаря известности моего имени и что Франция может испытывать некоторую благодарность к автору, который во все времена так отважно сражался за нее против известных вам *Frantzosenfresser*.¹ Я, право, вполне заслужил у Франции эту пенсию, за которую мне досталось столько едких попреков от моих зарейнских врагов. Я расскажу вам об этом, и вы будете весьма удивлены. Но больше всего вас удивит то, что этой несчастной пенсии лишил меня сейчас человек, от которого я меньше всего этого ожидал, — г-н де Ламартин!

Да, г-н де Ламартин лишил пенсии бедного и больного поэта по имени Генрих Гейне. Это невероятно, но факт, и этот факт займет свое скорбное место в знаменитом мартирологе, именуемом «*Deutsches Dichterleben*»!²

Правда, этот поступок был в какой-то мере вызван мною самим, когда я поручил начальнику отдела расчетов передать г-ну де Ламартину, что прошу не уменьшать моей пенсии, как могут того потребовать нужды и страсти февральских событий, а полностью упразднить ее. Подобно многим другим, я бы вполне примирился с таким уменьшением пенсии, если бы мне это предложил один из министров, которые прославились только тем, что на-

---

¹ Французоедов (*нем.*). (См. комментарии.)

² Жизнь немецкого поэта (*нем.*).

саждали дерева свободы, а отнюдь не лавры. Но если это уменьшение исходит от г-на де Ламартина, оно означает и критику, критику тем более убийственную, что она направлена на меня с такой высоты! Я еще дешево отделался тем, что г-н де Ламартин вычеркнул мое имя из списка пенсионеров по ведомству иностранных дел. Впоследствии мне стало известно, что г-н де Ламартин, поступая таким образом, полагал, будто я очень богат и получаю ренту в 25 000 франков. Это я-то, богатства которого существуют только среди развалин Парнаса, *armer Teufel von Dichter, der ich bin!*¹

Сам не знаю, что я такое вам написал. Вам известно, в каком состоянии мое зрение. Тем не менее мне после этого письма стало легче. Прошу вас передать мой почтительный поклон госпоже маркизе, если она помнит меня. Живя в полнейшем одиночестве, я много думаю о тех, кто был внимателен ко мне в жизни, и, как видите, сегодня подумал о вас.

С братским приветом

Генрих Гейне.

137. БЕТТИ ГЕЙНЕ

Пасси, 26 июня 1848 г.

Дорогая матушка!

Так как в Париже опять устроили великое кровопролитие, ты, конечно, беспокоишься обо мне, и потому спешу сообщить, что мы в полнейшей безопасности прожили здесь эти ужасных три дня, и в настоящее время я в том же покойном уюте выжидаю здесь конца событий.

Я не получаю писем от тебя, и наше беспокойство иногда невыносимо. Пишу тебе в страшной спешке. Жена целует и приветствует тебя и Лоттхен.

Мир полон несчастий, забываешь даже самого себя.

Твой преданный сын

Г. Гейне.

---

¹ Я, нищий горемыка-поэт (нем.).

Пасси, 9 июля 1848 г.

Дорогой Кампе!

Я не получил ответа на последнее письмо, но все-таки мне необходимо знать, что вы решили относительно примерного расположения произведений, которое я вам набросал, и относительно денег, которые мне нужно от вас получить. Последние требуются тем настоятельнее, что моя чудовищная болезнь обременяет меня самыми необычайными расходами. Гроши, на которые я имею бесспорное право, мне очень нужны, — ведь чертовски мало дарят мне те, кто должен бы ощущать потребность дать мне сейчас заслуженное вознаграждение. В лучшее время я бы охотно обошелся без него. В этих обстоятельствах я вновь повторяю вам то, что, раздраженный долгой болезнью, достаточно ясно растолковал в предыдущих своих письмах, — вспомните, что я писал вам месяца четыре назад. По слухам, некоторые банкиры опять переводят на Гамбург; пошлю завтра к господам фон Ротшильдам, чтобы узнать, не учтут ли они вексель на 600 марок ассигнациями, которые вы мне должны. Я уже писал вам, что я не в состоянии больше ни выходить, ни покидать кресло и поэтому вынужден устраивать все дела письменно. Если господа Ротшильды учтут упомянутый вексель, настоящее письмо послужит вам уведомлением. Вы могли бы, однако, избавить меня от напрасного труда, переведя мои деньги прямо мне; я не торопил бы с этим, если бы получил от вас хоть строчку в ответ. Настойчиво прошу вас, не оставляйте меня долго без ответа на второй вопрос о расположении произведений, о проспекте издания, который теперь, пока во мне есть хоть капля дыхания, хоть несколько крупиц разума, я легко могу перекроить согласно вашему желанию. Когда я умру, вы раскаетесь в своей медлительности. Писать мне чертовски трудно. Поэтому я не могу сейчас ничего сказать о вашем предложении издать мои стихи, объединенные под общим заглавием. Обождем пока. В собрании сочинений это получитса само собой, и в него я смогу еще влить последние капли поэтической крови моей музыки. Словом, от промедления вы ничего не потеряете. Покамест обращаю ваше внима-

ние на то, что в радикальном альманахе Пютмана, в «Утренней газете» (август 1846 года?) и в других журналах давно напечатаны мои стихи, копию которых я желал бы получить. Мне очень хочется знать, можете ли вы, например, перепечатать в полном собрании сочинений сатиры на прусское и баварское хамье?

Если бы я мог поговорить здесь с вами хоть несколько часов! Какое бы это принесло облегчение! А увеселительная прогулка по железной дороге в Париж! Теперь ведь это просто рукой подать, — пространства больше не существует. Болезнь моя становится с каждым днем невыносимее, и я пишу с величайшим усилием. Не разбираю собственного почерка. А при этом я духовно здоров и полон жизни, да так полон, как никогда раньше. Со мною сходит в могилу многое, что могло бы дать радость людям, но слезами горю не поможешь. Будь у меня другой издатель, на свет появились бы другие книги, и, конечно, в большем количестве, чем сейчас.

Прошу вас, ответьте мне как можно скорее о плане и, если вы с планом согласны, о сроках издания.

О современных событиях ничего не говорю; это все-ленская анархия, мировая каша! Господь бог явно помещался. Если так пойдет дальше, старика придется уечь в сумасшедший дом. Во всем повинны атеисты — это они довели его до бешенства.

Будьте здоровы. Кланяйтесь моему крестнику, а также его матушке, моей куме, и верьте, что я дружески предан вам.

Г. Гейне.

139. ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Пасси, [12] августа 1848 г.

Дорогая сестра!

Состояние моих глаз настолько мучительно, что каждое письмо, написанное собственноручно, я покупаю целым днем сильнейших болей; а так как такой ценой ты едва ли захочешь получать от меня письма, то сегодня, равно как, вероятно, и впредь, я буду пользоваться чьими-

побудь услугами, чтобы сообщать тебе о своем здоровье. Оно несколько не улучшилось, но непосредственной опасности нет, и печально именно то, что я продолжаю жить. Так что бояться тебе за меня нечего, но я достоин сострадания. У меня ужаснейшие, мучительнейшие конвульсии, к тому же я словно закован в кандалы. Вот уже два месяца как я совершенно лишился ног, и меня возят в кресле. Я превратился в жалкого паралитика, который очень тяготил бы вас, будь он с вами; все же я ношусь с мыслью приехать к вам в будущем году; у нас будет еще время условиться о том, как устроить меня. В текущем году это немыслимо, — мне нужно привести в порядок тысячу разных дел, так как революция и мой внезапный злосчастный паралич беспредельно запутали все мои мирские дела. Надеюсь, что улучшение еще наступит, а покамест я терпеливо несу свой крест. Жена моя совсем теряет голову и по временам кажется просто помешанной.

Максу я еще не писал, но скоро напишу. Пришли мне снова твой адрес, — я опять его забыл.

Кланяйся от меня мужу и поцелуй моих милых племянниц. Людвигу шлю сердечный привет и благодарю за нежное его участие.

Твой любящий брат

Г. Гейне.

140. ЖАКУ-ЖЮЛЬЕНУ ДЮБОШЕ¹

Пасси, 29 августа 1848 г.

Милостивый государь!

После того как я имел честь видеть вас, состояние моего здоровья ухудшилось. Меня поразило страшное несчастье: я разбит параличом, совершенно не владею ногами, так что и не встаю с постели. Тяжко быть прикованным к матрацу, когда все люди на ногах, когда весь мир движется вперед. Новости с родины усугубляют мои мучения. Сейчас, когда я должен бы с наибольшей активностью

---

¹ Перевод с французского оригинала.

стью выполнять дело всей моей жизни, я приговорен к неподвижности, я даже не могу ответить на вопль друзей, которые просят у меня простой поддержки. В Германии взяли верх наши враги. Так называемая национальная партия, тевтономаны, изощряется в заносчивости столь же смешной, сколь и дикой. Бахвальство их неслыханно. Они грезят лишь о том, чтобы, в свою очередь, сыграть главную роль в мировой истории, чтобы присоединить к германской национальности свои затерянные на Востоке и Западе племена, и если вы не поспешите отдать им Эльзас, они не преминут потребовать у вас также и Лотарингию, и один бог знает, где останутся эти тевтонские притязания. Война — их конек, и в этом отношении они солидарны с нашими князьями, которые с большой охотой направят на иностранцев неукротимый воинственный пыл своих готовых к бунту подданных. С берегов Рейна до меня дошли очень печальные вести: преданные друзья Франции, которые двадцать лет работают над разрушением прусского владычества в Рейнской провинции, не осмеливаются больше вести борьбу с вторжением национального духа и облакаются в цвета Германской империи. Когда мы в последний раз беседовали с вами, мне казалось, что вы интересуетесь этим движением. С тех пор мне часто хотелось более основательно поговорить с вами о нем. Сейчас это желание возродилось с особой силой, так как попутно я хотел бы с вами поговорить о связанных с этим моих личных интересах. Но как быть? Я живу в Пасси, на Главной улице, д. 64. От вашего дома это довольно далеко; не знаю, позволят ли вам дела пожертвовать для меня временем. Вместе с тем я был бы счастлив, если бы в течение ближайшей недели у вас нашелся досуг для встречи со мной; я не знал бы, как вас благодарить; во всяком случае, вы совершили бы доброе дело. Я убежден, что посещение ваше окажет на меня благотворное действие, а в моем состоянии мне крайне необходимо видеть такие лица, как ваше. Вы были так добры ко мне все время моего пребывания во Франции. Ведь вы, так сказать, представили мне ее в день моего приезда, восемнадцать лет назад. Черкните мне словечко о том, можете ли вы прийти и когда мне можно вас ждать.

Преданный вам

Генрих Гейне.

141. КАРОЛИНЕ ЖОБЕР¹

Пасси, 19 сентября 1848 г.

Маленькая Фея (мы вас знаем под этим именем, которое вам дала г-жа Гейне)!

Я должен сперва поблагодарить вас за ваше милое первое письмо, написанное вами в ту минуту, как вы собиравались сесть в экипаж и ехать не то в Рош, не то к г-же де Гриньян. Сегодня утром я получил ваше второе письмо, и ваша приветливость и сочувствие очень меня поддерживали, несмотря на то, что новость, сообщенная вами, была не из веселых. По правде говоря, я так одурел от физических страданий, что эта неприятная новость, неудача в министерстве иностранных дел, не слишком меня удручает: может ли булавочный укол причинить страдание человеку, под ногами которого пылает костер святой инквизиции?

Тем не менее благодарю вас за все ваши хлопоты по этому делу и прошу вас передать вашему брату мою искреннюю благодарность.

Я пишу, чтобы сообщить вам, что завтра вы уже не застанете меня в Пасси, в моей *Villa dolorosa*,² которую я покидаю, так как возвращаюсь в Париж, на Берлинскую улицу, д. 9 (на углу Амстердамской улицы); там я останусь только до тех пор, пока г-жа Гейне не подыщет квартиры, более подходящей для состояния моего здоровья. С того раза, как вы порадовали меня своим посещением, мои боли усилились, и некоторые тревожные симптомы вынуждают меня вернуться в Париж... Я не хочу, чтобы меня похоронили в Пасси; здесь, должно быть, унылое кладбище. Я хочу быть поближе к кладбищу на Монмартре, — ведь я давно уже избрал его своим последним жилищем. Судороги мои не прекратились; напротив, они распространились на весь позвоночник и добрались до мозга, где они, возможно, натворили больше бед, чем я сам могу обнаружить; внезапно стали возникать религиозные мысли...

---

¹ Перевод с французского оригинала.

² Обители страданий (*итал.*).

Прощайте, маленькая Фея, да простит вам господь ваши чары, и да сохранит он вас под своим святым покровом.

Генрих Гейне.

142. МАКСИМИЛИАНУ ГЕЙНЕ

[Париж], 3 декабря 1848 г.

Дорогой Макс!

Со дня на день я медлил с ответом на твое второе письмо, полученное мною, но я все ждал хороших минут, да и лучших вестей, чем те, которые могу тебе сообщить. С тех пор как я писал тебе в последний раз, я не покидал постели и сутками напролет корчился в ужаснейших конвульсиях; они стали менее болезненны, судороги в позвоночнике тоже стихли после того, как мне, по совету большого консилиума с участием Шози и Рюстона, сделали два прижигания на затылке и два на крестце. Кроме *iodine ferrugineuse*,¹ я не принимаю никаких лекарств. Меня пользуют два врача, доктор Вертгейм и доктор Груби. Первый руководит всем моим лечением. Он навещает меня несколько раз в день и для оказания врачебной помощи и просто как друг. У меня теплится надежда, что состояние станет постепенно более сносным и что скоро я опять смогу проводить часть дня не в постели, а в кресле. Глазам моим тоже станет лучше; ведь глаза сами по себе не больны, только слабы, но судорога иногда так сводит веки, что, только приподнимая правое веко рукой, я в состоянии чуть-чуть видеть. Фактически я слеп, и это удручает меня невероятно; а тут еще дурное самочувствие, вызванное лежанием в постели, — у меня появились слезливость и склонность к вздохам, которые чужды моей натуре и которые меня пугают, как зловещие признаки. Не удивляйся, если однажды ранним утром тебе повстречается моя муза в образе богомолки. В мучительные бессонные ночи я сочиняю очень красивые молитвы, которых, однако, не записываю и которые все направлены к весьма определенному богу, богу наших отцов. Старая garde-

¹ Йодистого железа (*франц.*).

malade,¹ дежурящая у моей постели, сказала мне прошлой ночью, что знает прекрасную молитву против судорог в коленях, и я с величайшей серьезностью просил ее помолиться за меня, в то время как она обертывала мое колено горячей салфеткой. Молитва возымела благое действие, и судорога прошла. Но что скажут обо мне на небе? Я так и слышу, как какой-нибудь верующий ангел с презрением заявляет: «Вот он каков, этот бесхарактерный человек, — когда ему плохо, он подговаривает старух ходатайствовать за него перед тем самым богом, над которым он сколько мог издевался, когда был здоров!»

Милый Макс! Ты и представить себе не можешь, сколько я выстрадал и какую волю, какую страшную, необычайную силу характера проявил я в страданиях. Только мысль о жене не позволила мне положить конец этой муке. А что остается делать человеку, для которого угасла всякая надежда насладиться когда-нибудь жизнью и чье сердце, кроме того, страдает еще от стольких неизлечимых ран? Теперь мне кажется, что любое нравственное зло, любое горе переносимы, если при этом можно пойти погулять! Но с истерзанным сердцем непрерывно лежать на спине, на больной спине — нет, это вынести невозможно!

Мое внешнее положение несколько улучшилось: я переехал на новую квартиру, которая нравится мне больше прежней и в которой только один недостаток — она немного мала; это неудобство невольно вынуждает меня принимать участие в хозяйстве. Например, в данный момент мысли мои перебивает дискуссия, которая завязалась между моей супругой и кухаркой. Впрочем, жена моя — чудесная, очаровательная женщина, и, если она не верещит слишком громко, голос ее подобен звучащему бальзаму, который врачует мою больную душу. Я люблю ее со страстью, превышающей мою болезнь, и в этом чувстве я силен, как ни слабо и ни бессильно мое тело. При сем случае даю тебе адрес моей новой квартиры, куда ты впредь можешь посылать письма. Я живу на rue d'Amsterdam № 50. Надеюсь вскоре получить по этому адресу письмо от тебя.

Еще раз повторяю свой точный адрес: Monsieur Henri Heine, rue d'Amsterdam № 50 à Paris.

---

¹ Сиделка (франц.).

Однако адрес, по которому ты мне писал в последнее время, — надежный, и письма, адресованные туда, постоянно пересылаются мне верным другом, которому всегда точно известно мое местожительство. Мне хотелось бы, чтобы и ты сообщил мне запасной адрес, куда я могу посылать письма, в случае если когда-нибудь не буду знать, где ты в данный момент живешь, или потеряю твой теперешний адрес, настолько варварский, что запомнить его я не в силах. О денежных делах напишу тебе в следующем письме; сегодня я слишком раздражен, и мой способ переписки тоже не очень удобен, — как ты видишь, письмо написано двумя почерками... Сейчас замечу только, что ты не без основания ждал улучшения моих финансов после приезда Карла.

Прибыв сюда, он отправил ко мне посланца, нечто вроде современного Арона Гирша, который извинился за него (он, дескать, не посетив меня, уехал в Лондон) и одновременно меня уведомил, что Карл готов дать мне некоторую сумму денег, но не более десяти тысяч франков, частью чтобы уплатить мои неотложные долги, частью для более щедрого покрытия моих текущих расходов, которые увеличились вследствие болезни.

Я дал этому посланцу записку. В ней я выразил желание, чтобы 5000 франков Карл уплатил здесь различным людям, притязания которых меня гнетут, чтобы еще 2000 франков он возвратил лицу, не проживающему в Париже, члену нашей семьи, ссудившему меня такой суммой (этот долг я считаю тягостным долгом чести), и, наконец, чтобы еще 3000 франков прибавки на будущий год он перевел мне в любые сроки. Упомянутый посланец вскоре пришел опять и сообщил мне решение, изложенное в письме, которое Карл ему написал и которое я, пожалуй, приложу сейчас *in natura*,¹ чтобы тебе был ясен характер переговоров и мне не нужно было подробно изливать душу. Меня даже не удивило, что Карл согласился на все и только, прежде чем дать высочайшее соизволение на эту сумму, захотел узнать имя того члена семьи, которому я должен 2000 франков. А я, не научившись, несмотря на весь свой опыт, ничему, по глупости своей предполагал, что эти люди неспособны на возвышенное чувство!

---

¹ В натуральном виде (*лат.*).

Все, что я требовал, было утверждено, я получаю на 1849 год прибавку в 3000 франков, выплачиваемую по четвертям; 5000 франков, которые я здесь задолжал и которые немало меня угнетали, были уродливо и грубо, но, слава богу, аккуратно уплачены заинтересованным лицам; только когда был назван член семьи в Санкт-Петербурге, то есть когда было названо его имя, я встретил неожиданное возражение, и хотя *embassadeur*¹ уверял меня, что его друг Карл впоследствии согласится, конечно, и на эту сумму, однако он же признался, что в настоящее время Карл по различным основаниям отказывает в ней, особенно потому, что петербургский кредитор, как он это знает от него лично, не нуждается в деньгах и находится, напротив того, в самых цветущих обстоятельствах. Я вынужден, дорогой Макс, сообщить тебе этот факт; впоследствии я вернусь к нему, чтобы уверить тебя, что эти 2000 франков не пропали и что я при более подходящем случае сумею исправить свою глупость. Ты понимаешь меня; нынешний момент этому не благоприятствует, и мое отношение к Карлу станет тебе вполне ясно, если я скажу, что до сих пор я лично еще не видел его, хотя ему известно мое ужасное состояние, и что, несмотря на то, что он это знает, он облагодетельствовал меня с грубостью, которой едва ли меня удостаивал даже старик в самые лучшие мои времена. Но в оправдание Карла я должен все-таки заметить: делается все возможное, чтобы дергать его от меня в отдалении.

Не знаю, высказался ли я достаточно ясно, — диктовать мне сегодня трудно, и, кроме того, я диктую новому лицу, которое еще не освоилось с моей манерой. Неприятнее всего, когда нужно писать матери и при этом прибегать к посреднику. Мне глубоко ранит душу, когда я думаю, как огорчается, должно быть, бедная старуха, видя чужой почерк. Но ведь она знает только о болезни глаз и представления не имеет о размерах моего бедствия. Я ободряю ее в каждом письме, уверяю, что скоро поправлюсь окончательно и напишу ей собственноручно, как только позволит окулист. Но от сестры я не стал таить правду.

О Густаве ты, должно быть, как и я, имеешь верные сведения; мне кажется, он еще выиграл от всеобщего бедствия.

---

¹ Посланник (франц.).

События в Германии скверно влияют на мое душевное состояние. Какая жалкая гнусность! Может быть, счастье для меня, что мне ни во что не надо вмешиваться, и я рад, что ты живешь так далеко от всего этого ужаса.

Убедительно прошу тебя, напиши, как ты живешь, пиши больше и чаще. Ты ведь не знаешь, долго ли я еще буду с тобой. Как часто я плачу, думая о тебе! Как истекает кровью мое сердце из-за того, что в это страшное время тебя, моего единственного друга, около меня нет. Я совсем один, я живу в страшном одиночестве, хотя и в центре Парижа, ристалища всех страстей!

Будь здоров! Я люблю тебя невыразимо.

Твой преданный брат

Г. Гейне.

143. ФРАНСУА МИНЬЕ ¹

Париж, 17 января 1849 г.

Дорогой друг!

Придите меня навестить! Мне необходимо пожать руку такому человеку, как вы, — это мне, вероятно, поможет сейчас, когда я страдаю сильнее чем когда бы то ни было. Мне совсем невесело, хотя на свете творятся довольно забавные вещи — Германия стремится превзойти Францию в политических вакханалиях. У нас, по ту сторону Рейна, все обстоит великолепно, и самый радикальный коммунист мог бы найти там осуществление своих идеалов. Да, мы наслаждаемся коммунизмом на деле, а не на словах; мы пришли к равенству состояний, потому что ни у кого ничего нет; мы все настолько нищи, что большего нельзя желать даже для Икарии; мы дошли также до общности жен, только мужья пока что этого не замечают. Бог свергнут начисто, к изумлению Давида Штрауса и друга вашего Генриха Гейне; двадцать лет подготовляли они эту катастрофу, а теперь испуганы и опечалены, вроде ваших друзей, Одилона Барро и компании, после их победы над королевской властью зловещей памяти 25 февраля.

¹ Перевод с французского оригинала.

Вот почему, должен признаться, в нас произошел великий религиозный переворот. Давид Штраус исповедует в этом в присутствии всех членов парламента; что же касается меня, это пока что моя тайна, которую я поверяю только своей сиделке и нескольким избранным женщинам. Рискуя быть обвиненным в ханжестве, я все-таки не скрою от вас величайшего события моей душевной жизни: я дезертирую от атеизма и близок к тому, чтобы вернуться в лоно самой банальной веры. Я начинаю замечать, что малая толика господа бога не вредит горемыке, в особенности если он семь месяцев лежит на спине и его терзают самые жестокие мучения. Я еще не совсем верю в небо, но уже предчувствую ад по тем прижиганиям позвоночного столба, которые мне делали. Это прогресс, потому что я могу предаться дьяволу, — таково мое немалое преимущество перед соотечественниками-атеистами. А как им это было бы нужно сейчас, особенно в Берлине, где король им даровал конституцию! Что и говорить, конституция отличная, но к ней испытываешь невольное отвращение, похожее на гадливость, которую нам внушает самый пышный пирог, стоит только подумать, что в него может быть подмешано немножко яда, чуточку синильной кислоты.

Не могу писать вам без того, чтобы не попросить вас хотя бы о маленькой услуге, — я привык уже быть вам обязанным. Сегодня я прошу вас одолжить мне книгу г-на Тьерри «О завоевании Англии норманнами»; если вы можете обойтись без все две-три недели, то, пожалуйста, передайте ее подателю сего.

Преданный вам

Генрих Гейне.

**144. В РЕДАКЦИЮ АУГСБУРГСКОЙ
«ВСЕОБЩЕЙ ГАЗЕТЫ»**

Париж, 15 апреля 1849 г.

ПОПРАВКА

Немецкие газеты, особенно берлинская «Газета Хауде и Шпенера», распространили слухи о состоянии моего здоровья и о моем материальном положении, которые нуж-

даются в поправке. Не стану говорить о том, правильно ли называют мою болезнь, — наследственный ли это недуг (недуг, которым я обязан семье) или одна из тех частных болезней, которыми обычно болеет немец, частным образом живущий за границей, французское ли это *ramollissement de la moelle épinière*¹ или немецкий туберкулез позвоночника, — знаю только, что болезнь эта чрезвычайно гнусная, что она терзает меня днем и ночью и серьезно потрясла не только мою нервную систему, но и систему моих идей. Временами, особенно когда судороги слишком мучительно хозяйничают в моем позвоночнике, меня пронзает сомнение, действительно ли человек — двуногий бог, как уверял меня двадцать пять лет назад покойный профессор Гегель в Берлине. В мае прошлого года я вынужден был слечь в постель и с тех пор больше не вставал. За это время, сознаюсь откровенно, во мне произошла большая перемена. Я более не божественное *bi-pède*;² я более не «самый свободный после Гете немец», как назвал меня Руге в прошлые дни, когда я был здоров; я более не великий язычник № 2, которого сравнивали с венчанным лозами Дионисом, тогда как коллеге моему № 1 пожаловали титул великогерцогского Юпитера Веймарского; я более не жизнерадостный, толстоватый элли, который весело трунил над печальными назарейцами, — теперь я всего лишь бедный, смертельно больной еврей, изнуренное подобие горя, несчастнейший человек! Вот сведения о состоянии моего здоровья, полученные из достоверного источника страданий. Что касается моего материального положения, то, сознаюсь, оно не особенно блестяще; однако корреспонденты названных газет переоценивают мою нищету и находятся в плену у совершенно ложных предположений, когда заявляют, что мое материальное состояние еще ухудшилось, что неистинно, которую я получил от моего покойного дяди Соломона Гейне, у меня отняли и после его кончины урезали. Избегая разъяснений, которые столь же горестны для меня, сколь скучны для посторонних, я не хочу заниматься историей этого заблуждения. Но против самого заблуждения я вынужден решительно выступить, во-первых, чтобы молчание мое

¹ Размягчение спинного мозга (*франц.*).

² Двуногое (*франц.*).

не беспокоило друзей на родине, во-вторых, чтобы оно не способствовало клевете, касающейся самого благородного сердца, которое когда бы то ни было безмолвно и гордо билось в груди человеческой. Вопреки моему отвращению к обсуждению личных отношений, я все же считаю уместным привести здесь следующие факты: пенсию, о которой идет речь, несколько не уменьшили и не сократили после кончины Соломона Гейне, славной памяти дяди моего, мне всегда выплачивали ее с точностью до пфеннига. С тех пор как состояние моего здоровья ухудшилось, родственник, который несет бремя этих расходов, увеличил сумму моей пенсии почти вдвое, положив мне прибавку, выплачиваемую раз в четыре месяца — одновременно с пенсией. Далее: тот же родственник дал великодушное обещание о поддержке моей горячо любимой жены, которая теряет со мною всякую опору на свете, и, таким образом, он отогнал от ложа моих страданий горчайшую из забот. Вышеприведенные разъяснения должны покончить с различными вопросами и предложениями, которые в весьма любезных, но весьма неверно адресованных письмах приходят ко мне с родины. Сердцам, истекающим кровью в отчизне, — привет и слезы!

Генрих Гейне.

145. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Париж, 17 апреля 1849 г.

Дорогой Кольб!

Посылаю статью, которая называется «Поправка». Прошу вас напечатать ее во «Всеобщей газете», и как можно скорее, — она и так очень запоздала, что весьма понятно при трудностях, с которыми связано всякое письменное выступление с моей стороны; целый год уже я лежу в постели и настолько ослабел, что не могу даже держать в руках перо. Часто думаю о вас и намереваюсь скоро подарить вас большим письмом с сердечными излияниями. Мне столько еще нужно было бы сказать вам, прежде чем черный Танат навсегда закроет мне рот. Здесь тихо, — ведь у нас есть все, чего мы хотим, и такой старый бонапартист, как я, получает удовлетворение — ему удается

услышать крики: «Vive Napoléon!»¹ Коммунизм тоже весьма процветает, хотя и жалуется на скверные времена. У нас у всех нет больше денег, и коммунистическое равенство существует, таким образом, де-факто; у нас есть и общность жен, только мужья об этом еще не знают. Особенно процветает Мейербер: его новая опера пошла вчера вечером, после того как все, что в силах сделать самая ловкая интрига и сверхчеловеческое богатство, было пущено в ход, чтобы протрубить на всю страну, что это жалкое сочинение — настоящее чудо искусства. В лести-вых критиках у вас недостатка не будет, и, думаю, вам приятно получить одновременно с их рецензиями сатирические стихи, которые ходят здесь в рукописи. Присоедините их к какой-нибудь хвалебной статье — вы доставите развлечение друзьям истины. Стихотворение написано уже три месяца назад, в те редкие часы, когда автор, которого вы, конечно, угадали, страдал несколько меньше, чем обычно.

Будьте здоровы, дорогой друг, позаботьтесь, чтобы моя «Поправка» была напечатана поскорее; само собой понятно, что я готов заплатить за ее опубликование, как за объявление. Пришлите мне несколько экземпляров на мой адрес: rue d'Amsterdam № 50, Paris.

Ваш верный и преданный друг

Генрих Гейне.

146. КАРЛУ-МАРИН КЕРТБЕНИ

[Париж, осень 1849 г.]

Вы доставили мне много радости вашей книгой... Петефи — поэт, с которым могут сравниться только Бернс и Беранже...

...такое здоровье и такая простота в обществе, разьедаемом болезненной утонченностью и рефлексией, настолько поразительны, что в Германии я никого не могу поставить с ним рядом. У меня у самого есть всего лишь несколько столь же естественных интонаций. Зато ум его не кажется мне слишком глубоким, и, к счастью для него и его нации, ему совершенно не свойствен гамлетизм.

¹ Да здравствует Наполеон! (*франц.*).

Моя личная симпатия к вам не ослабела; самое убедительное доказательство этого в том, что я взял на себя невероятный труд — писать вам, причем вынужден лежать, уткнувшись носом в стол, и левой рукой открывать один, еще наполовину зрячий глаз. Поэтому извините, что пишу так мало, и лучше приезжайте сами в Париж — в Венгрию вы все равно не попадете...

147. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 16 ноября 1849 г.

Я все еще не имею от вас известий, но не по этой причине я сегодня пишу, или, вернее, диктую, то есть совершаю операцию, которая сейчас, когда я страдаю ужаснейшими конвульсиями, очень мучительна. Моя болезнь упорнее, чем я ожидал, и я страдаю невероятно. Кроме того, вы и представить себе не можете, как дорого стоят мои муки. То, что в моем состоянии я вынужден еще напрягать силы, чтобы хватило средств на эти расходы, — ужасно. Например, я не стал бы писать вам сегодня и усиливать свои судороги, если бы меня не толкало на это безденежье. Должен вас уведомить, что сегодня выписываю на вас вексель на 600 марок ассигнациями, сроком на один месяц (вексель подлежит оплате еще до конца текущего года), как обычно на имя братьев Ротшильдов. Я охотно помедлил бы еще с этим векселем, ибо прекрасно знаю, что сейчас не очень прибыльный для вас период и что только после Нового года вы получите много денег, но, повторяю, расходы превзошли все мои ожидания, и я не знаю, как дотянуть до конца года — даже в отношении денег. Подумайте, не могли бы вы поддержать меня, примерно одной тысячею марок ассигнациями, но так, чтобы мое положение не ухудшилось. Мой кузен достаточно сделал при существующих обстоятельствах, и я не могу и не хочу больше просить его ни о чем. Просить очень неприятно, но просить и не получить — еще неприятнее. Чем такая пощечина, уж лучше полная нищета! Поэтому я раз и навсегда отказался прибегать к этому источнику. Стоимость моей агонии, дорогой Кампе, показалась бы вам баснословной. Жизнь в Париже достаточно дорога, но уми-

рать в Париже еще бесконечно дороже. А ведь на родине,¹ в Германии, или в Венгрии меня бы теперь повесили по дешевке! Посылаемое стихотворение я написал месяц назад; прошу вас, напечатайте его за моим именем отдельной листовкой или в журнале, в котором оно дойдет до публики; здесь оно ходит в нескольких перевернутых списках, и пужно предотвратить искаженную его публикацию. Кроме того, это настоящее стихотворение на злобу дня, оно отражает нынешнее умунастроение. Я написал много стихотворений, даже несколько больших, но я так царапаю карандашом по бумаге, что их едва можно прочесть. Если мне придется мало-мальски правильно диктовать с такого текста, то при болезненном состоянии моих глаз это будет ужасно мучительной операцией, которая, естественно, не очень-то пойдет на пользу моим нервам. Все, что я даю с таким напряжением, — это в истинном смысле слова кровь, преобразенная в стихи. Жена моя упала, вывихнула ногу и вот недели две лежит в постели.

Сердечно приветствую всех ваших, а также юного г-на Кампе, моего будущего издателя.

Ваш друг
Г. Гейне.

148. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 25 января 1850 г.

Дорогой Лаубе!

Только несколько дней назад я узнал, что ты директор театра в Вене. Это так обрадовало меня, что я не хочу больше откладывать письмо и сообщаю некоторые сведения о себе. Причиной моего молчания всегда было тягостное чувство, что я не могу сообщить тебе ничего хорошего. Мне всегда хотелось дожидаться, пока я буду здоров хоть час, пока случится какое-нибудь радостное событие, и тогда тебе написать. Но положение с тех пор все ухудшалось, слухи о состоянии моего здоровья, к сожалению, более чем правильны. Двадцать месяцев я лежу в постели с параличом всех членов, днем и ночью извиваясь в ужаснейших болях. Постоянные конвульсии, чудовищные судороги, почти полная слепота, — бедствие, редко встре-

чающееся в аппалах человеческого страдания, пелыханное, страшное, безумное бедствие! Самая жуткая безнадежность, сопровождаемая моральными пытками, которые, впрочем, равно как и физические, я переношу с таким спокойствием, на какое сам никогда не считал себя способным. Голова моя очень слаба из-за постоянного лежания на спине и злоупотребления дурманящими препаратами опиума, но она еще не совсем разрушена, и я надеюсь, что до конца, который, между нами будь сказано, недалек, сохранию ее в некоторой ясности. К рассказам о моей теперешней набожности и ханжестве примешано много чепухи и еще больше злонамеренности. В моих религиозных чувствах вовсе не произошло такой большой перемены, и единственное духовное событие, о котором я с уверенностью и гордостью могу кое-что сообщить, — это то, что и в моих религиозных взглядах и мыслях тоже произошла Февральская революция: на место былого принципа, к которому я прежде был весьма равнодушен, я возвел новый принцип, которому тоже следую без излишнего фанатизма и благодаря которому не наступила решительная перемена моего душевного состояния. Объясню тебе дело в нескольких словах — я отрекся от гегелевского бога, или, вернее, от гегелевского безбожия, и вместо него опять извлек догмат об истинном, личном боге, который существует вне природы и человеческой души. Этот догмат, который можно так же защищать, как наш гегелевский синтез, с особым глубокомыслием отстаивали уже древние маги, о чем свидетельствуют отрывки из неоплатоников, а позднее, в законе Моисеевом, он выступает с вдохновенностью и красноречием, каких, право, не найдешь у новых наших диалектиков. Гегель очень упал в моих глазах, а старый Моисей находится *in floribus*.¹ Но если бы, кроме Моисея, у меня были и его пророки! Великое несчастье, что в теперешнем моем ужасном состоянии я не располагаю достаточными средствами, чтобы избавиться от многих будничных нужд, которые обрушиваются на меня, и тоже непредвиденно. Хотя Февральская революция разорила меня, как и многих других, мне все-таки осталось еще так много, что несколько семей немецких писателей могли бы совершенно спокойно существовать на этих руинах моего благосостоя-

---

¹ В расцвете (*лат.*).

ния. Я же, несчастный, привыкший к княжеской роскоши, расходуя на свою болезнь беспримерные средства и не свожу концы с концами даже при тех запасах, которые мне остались. Говорю тебе это по секрету, чтобы держать тебя *au fait*,¹ почему, несмотря на теперешнее мое положение, я вынужден думать и о зароботке. Теперь ты поймешь, почему я посылаю тебе сейчас моего «Фауста» и возлагаю на тебя хлопоты по его устройству. Я совершенно волен им располагать. Ах, если бы вместо балета я написал драму, которую ты поставил бы на твоей драматической сцене! Подумай, не могут ли что-нибудь сделать для бедного автора пантомимы твои коллеги по поющему и прыгающему пеху. «Я — шут счастья!» Так бы я мог сказать вслед за Ромео. Именно теперь, когда я уже не могу писать пьес, в твоих руках оказался Бургтеатр, эта большая сцена. Пятнадцать лет назад я при этих обстоятельствах писал бы, наверно, драму за драмой. Я всегда и всюду приходил слишком рано; этот факт, равно как ложное положение, которое влечет за собою изгнание, были моей бедой. От Кампе я два года не имею писем, вернее — ответа на мои настойчивые вопросы об издании собрания сочинений. Я слишком прямодушен и честен, чтобы додумать до конца, какая задняя мысль таится за этим молчанием. Правда, аванс за полное собрание он аккуратно выплачивает уже два года, а сейчас это, конечно, главное для меня. Ждет ли он с изданием моих произведений, чтобы выпустить их тотчас после моей смерти, использовав ее как рекламу? Или он не пишет, опасаясь, что при теперешних моих денежных затруднениях, в которых я признался ему, я предъявлю бог весть какие требования? Уныние, вызванное этим обстоятельством, в соединении с новой вспышкой религиозного чувства, толкнуло меня недавно на поступок, который очень тебя рассердит, если когда-нибудь я полностью признаюсь тебе в нем. Слово «рассердит» я употребляю в литературном, не в моральном смысле. Я устроил страшное аутодафе, о котором и сейчас еще не могу думать без сокрушения. Но об этом расскажу потом; сегодняшнее письмо только начало, и впоследствии я буду писать тебе чаще. До меня доходит много жалоб на твои политические зигзаги; лично я охотно тебе их прощаю; только смотри не поглупей.

---

¹ В курсе дела (*франц.*).

Вот все, чего я требую от тебя. Думаю, что и ты простишь мне мои религиозные метания. Обратить тебя я не пытаюсь, да и вообще держу при себе мои теперешние воззрения. Немцев вижу мало и допускаю к себе очень немного народа. С моим двоюродным братом Карлом Гейне я, к сожалению, все еще в плохих отношениях, и это сильно меня огорчает; я с детства очень любил его, и нас соединяла сердечная дружба. В вопросе о деньгах я не могу на него пожаловаться. Недавно меня вновь посетил здесь печальный раввин, г-н Людвиг Виль, бывший архивариус покойного Гуцкова, ныне певец «западно-восточных ласточек». Г-на Бамберга, которого ты, конечно, помнишь, я тоже вижу по временам; он геббельяпствует сейчас еще отчаяннее, чем раньше, особенно в присутствии молодежи.

Я думал сегодня послать тебе рукопись балета, но не получил еще обещанной копии, поэтому пошлю ее вслед, через несколько дней. Жена моя, которой я сказал, что пишу тебе, шлет самые нежные приветы тебе и г-же Лаубе — грациозной г-же Лаубе, как она говорит. Я тоже прошу засвидетельствовать ей мое почтение и повергнуть к стопам Ее Грациозности мои самые пышные уверения в преданности. У меня есть брат в Вене, с которым я не враждую, вопреки утверждениям жалких газетных сплетников. Знаком ли ты с ним? Мы связаны только родственными узами, у нас никогда не было духовного общения, и мы поэтому мало знаем друг о друге. Если встретишь его, передай ему мой сердечный привет. Будь здоров! Вверяю тебя особому покровительству богов (устарелый стиль; я должен бы, в сущности, сказать теперь: «господа бога»).

Остаюсь сердечно преданным тебе другом

Генрихом Гейне.

149. ХАЙМАНУ ЛАССАЛУ

Париж, 16 апреля 1850 г.

Многоуважаемый господин Лассаль!

Сердечно благодарю вас за дружеское письмо, — оно весьма благотворно подействовало на мое душевное состояние; положение мое столь печально, что едва кто-нибудь

подаст мне малейшую надежду, как я тотчас вижу отдаленное будущее в самых радужных красках. В другое время я бы сомневался, но теперь я слишком несчастлив для того, чтобы испытывать сомнения; я твердо верю в помощь, которую вы мне окажете. Состояние здоровья позволяет мне ответить вам только сегодня; последние дни я был в непрерывной агонии. Я вынужден лежать, у меня нет никого, кому бы я мог поручить ведение дел, и потому я до сих пор не был еще в состоянии установить *faillissement*¹ нашего газового общества. Доверенность я тоже еще не мог заготовить, — при означенных обстоятельствах это очень трудно. Однако на днях я ее заготовлю, но поверенным назначу не вашего зятя, а вас лично, причем вы всегда сможете, конечно, передать свои полномочия другому. Если бы вы захотели удостовериться, насколько беспспорны мои требования, я пришлю вам в Бреславль, дорогой господин Лассаль, также и мои акции. Это двадцать пять акций, за которые я заплатил 12 500 франков; последних 2500 франков мне особенно жаль, — эти деньги я достал с большим трудом, но, чтобы получить акции на руки *in natura*,² я вынужден был принести подобную жертву. Напрасно я доказывал господам из компании, что давно приказал им продать половину моих акций, что они обманули меня, сказав, будто это сделано. В ответ на все мои уговоры меня отсылали к Фридлянду; обещали, что по крайней мере теперь я буду регулярно получать прибыли, но с тех пор общество ни разу не давало о себе знать. Я не получил ни одного гроша прибылей, так что за ними накопился долг тысяч в пятнадцать франков. Это настоящее *escroquerie*,³ но, по чести, дорогой друг, как могу я заявлять претензии через Фридлянда, когда он сам — первопричина, источник зла? Ведь это он завлек меня в аферу своей ложью, и эти люди не устают утверждать, что он обманул их, а меня они считали его другом! Он надул меня самым возмутительным образом, ради ничтожной выгоды он отдал мои последние жалкие пфенниги в руки жуликов; он уверил меня, что я имею дело с самыми почтенными людьми Бреславля, когда на самом деле я просто позорно связался с подлецами, из которых

¹ Банкротство (*франц.*).

² В натуральном виде (*лат.*).

³ Мошенничество (*франц.*).

он извлекал барыши. Это так возмутительно и я так от этого пострадал, что, конечно, публично и беспощадно потребовал бы его к ответу, если бы меня не удерживала старая слабость, если бы я не рассудил, что вероломство, даже бесполезное вероломство, — истинная его натура, что я предвидел все это заранее и что только из тщеславия поэта имел глупость внушить себе, будто для меня он вдруг сделает исключение и не предаст, как всех остальных друзей. К тому же я не хотел делать ничего, что могло повредить ему, — ведь мне сказали, что дела его плохи, и я твердо знал, что, когда он вновь встанет на ноги, он, хотя бы из тщеславия и не желая срамиться перед целым светом, сделает все, чтобы помочь мне вернуть деньги. Вот вам чистосердечное признание, но я не сделал бы его вашему сыну, которому я писал и которого, без сомнения, оскорбило бы, если бы я высказал опасение, что в моем деле Фридлянд попросту одурачил его. Ваш сын, конечно, охотнее навлечет на себя подозрение в том, что был его сообщником, только бы не дать усомниться в своем уме! Мой бедный Фердинанд Лассаль! У меня сердце разрывается, когда я думаю о нем, когда вижу, сколько замечательных природных дарований пало жертвой демонического саморазрушения; он был ко мне страшно суров, когда я не дал втянуть себя в его темные дела и остудил его страсть ледяными доводами рассудка. Я не получаю от него известий, это многих удивляет, — тех, кто думает, что мы находимся в постоянной переписке, — и мне твердят про некое письмо, которое я будто бы написал о нем третьему лицу и которое он сам якобы напечатал в «Рейнской газете».

Благодарю г-жу Фридлянд за ее дружеские приветы. Она очень обрадовала бы меня, если бы написала когда-нибудь, как ей живется; я бы мог тогда разобраться в противоречивых известиях. Она знает меня, и я верю, что она подарила бы меня сейчас еще большим участием, если бы видела, как ужасно я страдаю и какой трагический конец мне предстоит. Она благородная, страстная женщина, способная на величайшее вдохновение, и ее необычайной, пламенной натуре, право же, всегда трудно было выносить рядом с собою такую мелочность, посредственность и вероломство. В письме к Фердинанду мне не хотелось говорить, что я готов потерять известную сумму на стои-

мости моих акций, если верну хотя бы часть ее, примерно две трети; при тяжком моем недуге я использую и эти деньги, чтобы избавиться от некоторых повседневных мучений. А вам я говорю все это для того, чтобы вы передали мои слова вашему зятю, с которым я нахожусь не в столь нежных и деликатных отношениях. Сообщите ему откровенно содержание моего письма; заклинаю его не только ради меня, но и ради его собственного общественного положения употребить все доступные ему средства, чтобы либо возместить мне потерю денег, либо вернуть немедленно хоть часть, как бы ничтожна она ни была, и добиться твердых гарантий возврата остального. Он хорошо меня знает и может не сомневаться, что я достаточно отходчив и, если он это сделает, забуду все перенесенные из-за него страдания; он может даже рассчитывать на мою готовность к услугам в самых широких границах возможного. Но если он ничего не сделает, то, при всем моем желании, я тоже ничего не смогу предпринять, чтобы по крайней мере после моей смерти все не узнали, как, под предложением помощи, нагнали немецкого поэта на последние несколько пфеннигов. И тогда Фердинанд Фридлянд может не сомневаться, что в истории немецкой литературы имя его будет увековечено. Будьте здоровы, дорогой господин Лассаль, и выполните обещание, которое вы дали мне, когда мы виделись здесь последний раз, и которому я придаю величайшее значение. Прошу вас, не забудьте сообщить мне в нескольких словах, как поживает ваш Фердинанд и есть ли у меня надежда увидеться с ним перед смертью. Если бы г-жа Фридлянд приехала сюда, это было бы величайшей для меня радостью. Моя жена, с которой мы часто говорим о вас, шлет вам сердечный привет.

Примите уверения в моих дружеских и самых почтительных чувствах.

Генрих Гейне.

150. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 1 июня 1850 г.

Дорогой Кампе!

Сим уведомляю вас, что я выписал на вас вексель на 600 марок ассигнациями. Это полугодовой взнос, срок которому истек в прошлом месяце. Вексель подлежит оплате

в течение четырех недель с указанного числа здесь у «Гомберга и К^о». Дорогой Кампе, вы выполняете свои коммерческие обязательства в отношении меня. Конечно, это в высшей степени похвально и для меня необыкновенно важно. Однако этого еще недостаточно. Вы должны были бы стремиться к выполнению и моральных обязательств, которые также тяготеют над вами и которыми вы, не отвечая мне, преступно пренебрегаете. Мне совершенно неизвестны причины того, что вы годами медлите с ответом на важнейшие мои вопросы; поэтому я не смею заранее осуждать вас слишком жестоко; я знаю одно: этим промедлением вы нанесли большой ущерб моим литературным интересам и стали причиной бедствий, быть может непоправимых. В эпоху, когда в мире произошли величайшие революции, а в моем духовном мире тоже свершились значительные перевороты, следовало раньше до читателя то, что мной написано, и не потому, что иначе оно утратит свою ценность для публики, а потому, что теперь я не должен издавать эти произведения по своей воле, если не хочу совершить грех против духа святого, предать собственные убеждения и, во всяком случае, поступить двусмысленно. Я не сделался святошей, но мне все-таки не хочется вести с господом богом игру; я хочу быть честным с богом, как и с людьми. Я твердой рукой вырвал с корнем и выкинул все, что оставалось еще от прежнего, богохульного периода, бросил в камин все ядовитые цветы, даже самые яркие, но при моей слепоте я выкинул, быть может, заодно и безобидные злаки, произраставшие рядом. Когда они затрещали в огне, у меня па душе, признаюсь вам, стало очень смутно; и я не понимал толком, герой я или сумасшедший, а рядом раздавался прощески-утешительный голосок некоего Мефистофеля, шептавшего: «Добрый бог заплатит тебе за все гораздо более высокий гонорар, чем Кампе; теперь тебе не надо больше мучиться с изданием, а до издания торговаться с Кампе, как из-за пары старых штанов». Ах, дорогой Кампе, иногда я хочу, чтобы вы уверовали в господа бога, хотя бы только на один день. Тогда бы вас терзала совесть за то, что вы так неблагодарно поступаете со мной в пору, когда я раздавлен страшным, неслыханным несчастьем. Пришлите мне поскорее ответ, пока еще не поздно. Если в основе вашей медлительности лежат какие-нибудь по-

литические колебания или коммерческие опасения, скажите откровенно, и я оставлю указания на случай, если отдам богу душу прежде, чем вы начнете издавать собрание моих сочинений. Не пугайтесь слов «отдам богу душу», — это не ханжество, я не хочу этим сказать, что стремлюсь променять земное на небесное. Как ни приблизился я к богу, небо от меня все еще довольно-таки далеко; не верьте слухам, будто я сделался набожным ягненокком. Религиозный переворот, который произошел во мне, носит рассудочный характер, — его осуществил мой разум, а не блаженная чувствительность, и постель больного здесь, в сущности, ни при чем. В этом я твердо убежден. На меня снизошли великие, возвышенные, страшные мысли, но то были мысли, молнии света, а не фосфоресцирующие пары религиозных испражнений. Я так настаиваю на этом, чтобы вы не воображали, что если я сам займусь подготовкой собрания сочинений, то тайком что-нибудь вычеркну из него; *quod scripsi, scripsi*.¹

Преданный вам дружески

Генрих Гейне.

151. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Париж, 15 июня 1850 г.

Дорогая матушка!

Твое милое письмо с припиской от Лоттхен и Аннхен я получил и написал бы вам раньше, если бы мою переписку с немцами не затрудняло одно обстоятельство, о котором я сообщал в своем последнем письме. К тому же ничего нового не произошло, а что касается моей болезни, дорогая матушка, то меня всегда удручает необходимость тянуть все ту же старую песню со старыми вариациями. Повторяю тебе одно: самое скверное в моей болезни, что от нее невыносимо страдаешь, но не так-то скоро умрешь. Можешь быть уверена, я не стал бы скрывать от тебя сколько-нибудь сильное ухудшение. Если я тебе не пишу, не делай из этого никаких выводов, кроме того, что не было

---

¹ Что написано, то написано (*лат.*).

рядом близкого человека, которому я мог бы продиктовать письмо, или же что я не хочу омрачать печальными сообщениями свое и без того мрачное настроение. Но я постоянно думаю о тебе, не сомневайся в этом. Сказать по правде, мне хотелось бы тебя пережить, чтобы избавить тебя от горестного известия о моей кончине, и это, может быть, главная забота, еще привязывающая меня к жизни. Когда у меня больше не будет тебя, мне будет гораздо легче, медленно умирая, идти навстречу смерти. У Лоттхен есть дети и муж, а что касается моей жены, то у нее слишком счастливая натура, чтобы она не смогла в конце концов обойтись без меня.

Видишь, как я правильно поступаю, что пишу нечасто, — из-под пера моего выходят лишь унылые, похоронные письма. Я стал угрюмым глупцом, лишенным всякого юмора.

Благодарю тебя, дорогая сестра, что ты учла высказанное мною вскользь желание относительно книг; но ведь я просил, чтобы ты послала мне каталог бандеролью; такая посылка стоила бы не больше 8 шиллингов; вместо этого книготорговец Йовин прислал мне через Гавр свой каталог в пакете и по своему собственному усмотрению вложил в этот пакет еще три книги, не представляющие для меня ни малейшего интереса. На днях отошлю ему эти книги обратно с Карлом Гейне, который возьмет их с собой и таким образом сэкономит мне 7 франков; именно столько стоил мне этот пакет, потому что мошенники экспедиторы в Гавре насчитывают за несколько книжек столько же комиссионных и пересылочных расходов, как за большой ящик, тогда как сама плата за провоз, особенно из Гавра сюда, составляет гроши! Но я готов уплатить и такую сумму за посылку книг, чтение которых представляет для меня интерес, а если я не найду okazji для пересылки их обратно, то охотно отошлю их быстро за свой счет. Однако, чтобы мне не пришлось так поступать слишком часто, прошу посылать мне по крайней мере дюжину книг зараз и не отправлять ничего такого, что я не заказывал. К книгам, которые мне хочется прочитать, относятся сочинения Диккенса (Боза), а именно: его «Пикквик» и его путевые заметки об Америке и Италии. «Стенные часы Хамфри» того же автора, а также его «Сверчок на печи» я читал. Далее мне нужны переведенные с русского

сочинения Гоголя (два тома, по каталогу — №№ 16892 и 16893). Хотелось бы также прочитать роман Л. Шторха «Звезда Иакова», нечто вроде «Мессиады», обозначенный в каталоге №№ 10612—15. Если этой книги не окажется, я хотел бы прочитать хотя бы №№ 10605—7, 10616, 10617, 10628, 10585 того же автора. Не читал я и некоторых повелл Тика и отметил в каталоге №№ 1461—65, 1468—73. Посмотри, милая Лоттхен, нет ли в библиотеке для чтения «Стражей короны» Арнима (первая и вторая части), последний том вышел всего несколько лет назад.

Ну, хватит! Из этих книг что-нибудь да найдется, чтобы как можно скорее составить для меня хорошую посылочку; только прошу тебя, пошли ее поскорее, потому что летом у меня часто бывает возможность отсылать книги бесплатно. Сердечно благодарю мою милую племянницу Анну за ее письмо; я был бы бесконечно рад повидать ее снова, — я от всех слышал множество прелестных рассказов о ней. Если она пойдет в мать и в бабушку, можно будет позавидовать тому, кто возьмет ее в жены, особенно если она унаследует от них обеих и свойственную им *нежность*.

Ваш любящий и преданный

Генрих Гейне.

152. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 28 сентября 1850 г.

Дорогой Кампе!

Лучшее определение, которое я могу дать вашему молчанию, — это «мальчишество». Да, мальчишество, и оно напоминает мне те первобытные времена, когда вы с вашим Патроклом Меркелем швыряли мне в комнату через окно макароны, — кажется, это побоище было в день святого Валентина. Вот уже несколько месяцев мне сообщают с разных сторон, что вы собираетесь сюда, в Париж. Не верю, хотя и очень этого хочу, Оставьте же ребяческое молчание, — мы давно вышли из мальчишеского возраста. Что касается известий, которых я жду от вас в самое ближайшее время, то мне нет нужды сегодня опять возвра-

щаться к этому вопросу. До меня дошел слух, будто вы говорили, что я нахожусь в полной зависимости от Лаубе. Вы заблуждаетесь; достаточно сказать, что я прочел его книгу о парламенте. От ужаса у меня волосы встали дыбом. Право, есть вещи под луной, которых я не понимаю. Мне очень недостает здесь немецких книг; вы чрезвычайно обязали бы меня, если бы могли помочь присылкой книг, а я аккуратно возвращал бы их вам. Сейчас, например, мне нужны следующие книги, которых я здесь не могу достать: книга о Г. фон Клейсте, которую Бюлов недавно выпустил, «История комической литературы» Флегеля и «Стражи короны» (части первая и вторая) Ахима фон Арнима. Если вы выпустили что-нибудь поучительное или любопытное после «Höög-Book» и «Hävel-Book», — пришлите. Мне хотелось бы иметь еще каталог хорошего гамбургского букиниста. Книжная лавка Франка здесь совсем скудела, ничего нельзя достать. Ваш милый племянник Фивег так успешно обобрал самодовольного дурака Франка, что у того, видимо, ничего уже не осталось. Франк лелеял еврейский предрассудок, будто воруют только евреи. Вы и представить себе не можете, насколько ухудшилось немецкое население Парижа. Если я здесь всегда рад видеть Вилия, так это потому, что он действительно возвышается над другими своей порядочностью, и мне, несомненно, следует заглаживать грубые оскорбления, которые я ему нанес. Ваш г-н Бамберг — чудовищная личность, а в его литературных способностях вы убедились за счет собственного кармана. Он называет себя другом Геббеля; говорят, что это даже значит на его визитных карточках; он великий знаток музыки и сам непрерывно музицирует носом. Сообщаю все это потому, что, как я слышал, Бамберг едет в Гамбург и, разумеется, будет именоваться моим другом.

Как ни мило и ни предупредительно вел себя в отношении меня наш друг Геббель, у меня до сих пор к нему не лежит душа. Г-н Штар и мадемуазель Левальд гостят здесь, я с удовольствием повидался с ним. Читаю теперь его «Итальянское путешествие», а также «Историю женщин» Юнга. Обе книги, по-моему, весьма значительны. Правда, я не разделяю энтузиазма последнего произведения по поводу эмансипации женщин, потому что я сам безнадежно женат. Если бы я действительно верил, что вы мне отве-

тите, то я осведомился бы у вас о благополучии вашей семьи и присоединил бы несколько поклонов г-же Кампе.

Напишите мне поскорее; ваше молчание очень повредило мне, да и вам оно не принесет прямой пользы — после того, как я напрасно просил вас пайти способ протянуть мне руку помощи, и при этом без особой жертвы для вас, сила обстоятельств принудила меня прислушаться, по крайней мере в пол-уха, к другим предложениям услуг; я ни на что не решился, но многого наслушался. Вы знаете, я не шарлатан, не враль, и, без сомнения, можете мне поверить на слово, если я скажу, что мог бы одним росчерком пера вырваться из всех бед — в том случае, если Юлиус Кампе серьезно намерен оставить без внимания мои справедливые требования. Вам известно состояние моих финансов, вы знаете, что великодушие Карла Гёйне едва доходит до щиколоток моих потребностей, и поэтому вы легко поймете, что я вынужден повиноваться требованиям необходимости.

Но к чему лишние слова? Вы знаете, я не расхваливал вам «Книгу песен», прежде чем она была напечатана; вы знаете, так же было и с «Новыми стихотворениями», по третий столп поэтической моей славы, может быть, тоже окажется из доброго мрамора, и даже из еще лучшего материала. Вам, конечно, понятно, почему мне захотелось поставить эти три столпа рядом, а если бы вы имели хоть малейшее представление о моих духовных потребностях, вы легко догадались бы и о тех материальных жертвах, которые я приношу. Но пужда — что ржа: железо ест. К этому присоединяется то, что мои страдания с каждым днем становятся все невыносимее, и мне придется в конце концов передать ведение всех дел надежному другу, который будет следовать только законам пользы. Сегодня я провел ужасную ночь и не писал бы вам нынче, если бы не хотел воспользоваться пером друга, который собирается уехать. Заранее уведомляю вас, что на следующей неделе выпишу вексель на вас на 600 марок ассигнациями. Вексель подлежит оплате 1 декабря г-ном Турнейзенем.

Будьте здоровы и благодарите творца за то, что можете разгуливать на двух ногах во владениях богини Гаммонии и с добрым аппетитом есть чсрепаховый суп в обществе

вашей жепы и вашего престолонаследника, которому я уже *praenummerando*¹ приношу верноподданническую свою преданность,

Ваш друг
Г. Гейне.

153. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 12 октября 1850 г.

Дорогой Лаубс!

Вот уже целая вечность, как я испытываю желание, или, вернее, нежелание, написать тебе; но мне все хотелось дожидаться хорошей минуты, когда бы физические страдания не усугубляли морального уныния. Такой минуты я не дождался и пишу тебе сегодня, находясь в более отчаянном душевном состоянии, чем когда бы то ни было. Нынче утром я уже довел до слез жену, а теперь очередь за тобой — в грубой и плоской форме выскажу тебе ряд неприятных вещей, которые при иных обстоятельствах, будь я в лучшем расположении духа, я преподнес бы в гораздо более деликатном или подслащенном виде. Это относится прежде всего к твоей книге о германском парламенте, которую я прочел более шести месяцев назад и все-таки еще не переварил. Таить этого от тебя я не должен, не могу — я слишком немец. Но к чему вновь пережевывать давно заплесневевшую досаду; знай, что из-за твоей книги я был смертельно болен целую неделю. Это очень хорошо написанная книга, лучшее из всех твоих произведений, которые мне приходилось читать, и тем больше твое преступление. Да, ты совершил преступление против духа святого, а ведь ты знаешь, что этот род провинностей не находит прощения. Меня печалит также мысль о том, какой страшный грех преступление это повлечет за собой! Да не занесет господь над тобой карающую десницу! Я хорошо знаю, что ты, как и я, в самых греховных своих поступках кощунствовал только по глупости. Ты достаточно умен, чтобы иметь право на глупости; поступки, совершенно недопустимые для посредственности,

---

¹ Заранце (*лат.*).

следует иногда разрешать великим мира сего. Но вот что ужасно: твои противники меряют тебя масштабом собственной пошлости, и они приписывают твой поступок не глупости, а уму. Ты без труда можешь догадаться, насколько я далек от того, чтобы верить в мотивы, которые более или менее bona fide¹ изобретает для тебя республикански добродетельная чернь. Я понимаю, как ты, при помощи своего колкого, ядовитого таланта, мог выставить на посмешище героев бывшей твоей партии (ты, может быть, забыл, что принадлежал к революционной партии и достаточно потерпелся в качестве ее корифея) — пустых либералов, тупоголовых республиканцев и жалкое охвостье великой идеи. Задача твоя, во всяком случае, была легкой: тебе пришлось лишь дать точный портрет этих личностей, а природа пошла тебе навстречу, подставив под твое перо совершенно готовые карикатуры. Ты гильотинировал безголовых. Но я не в силах понять, как мог ты со стоическим постоянством сделаться певцом еще больших мерзавцев, еще больших посредственностей, этих героев, которые вряд ли достойны развязать ремни на сандалиях у своих попраных противников и которых олицетворяет благородный фон Гагерн, этот Ахилл, Гомером которого ты стал. Ты воспел его с таким вдохновением, что, будь я педерастом, этот муж стал бы моим мужем и я бы тоже стал лобызать его Пелидову задницу. Как жаль, что мать его Фетида держала сына не за пятки, а за голову, когда окунала его в Стикс, и голова стала самым уязвимым местом высокородного мужа. Но ни слова больше, — кроме всего прочего, мне мешают. Довольно, я высказал тебе свое мнение, все равно какой ценой.

А теперь еще об одном неприятном предмете. Про мой балет ты ни слова мне не написал. Твоя медлительность тем более достойна осуждения, что, во-первых, мое физическое состояние не позволяет мне долго чего-нибудь ждать, а во-вторых, я откровенно сообщил тебе, почему я хочу ускорить это дело и почему вообще не следует медлить. Тут речь идет не о литературных интересах, я не томлюсь жаждой славы, эта жажда меня вообще никогда особенно не томила, и я достаточно утолил ее здесь, на земле; тут замешаны интересы моего супового горшка, интересы

---

¹ Чистосердечно (лат.).

куда более почтительные, которые, как это ни горько, запи-мают меня до последнего мгновения. Я уже раньше писал тебе об этом, но ты, может быть, забыл; с тех пор мои рас-ходы на болезнь еще увеличились. Страшно сказать, как я истощен — и не только физически, но и материально. Над моими финансами тяготест проклятие. Отношения с моими родичами у меня по-прежнему отвратительные. Мой двоюродный брат дает мне ежегодно весьма круглую сумму, однако же ее не хватает, ибо я вынужден жить в Париже; переезд в Германию стал окончательно невоз-можен: я так сдал, что не протянул бы и месяца после переезда, пропали бы только расходы на перевозку. По этому вопросу я здесь консультировался с доктором Иозе-фом Пахером, которого ты после этого, вероятно, видел в Вене и который, без сомнения, рассказал тебе о нашей беседе. У него возникла идея: он хочет, чтобы я издал по подписке книгу стихов, и сам он обязался в этом случае помочь мне выручить значительную сумму. Его идея мне не очень улыбалась, вернее она смотрела на меня с ехид-ной усмешкой; я всегда считал подобные издания замаски-рованным попрошайничеством, хотя виднейшие немецкие писатели занимались им в такой форме. Я охотно покинул бы сей мир, не претендуя на благодарность моих немецких сограждан. Вульгарное общение с публикой я всегда предо-ставлял Кампе. И вдруг изменить этому уже незадолго до смерти! Мне противна самая мысль изыскивать средства таким способом. Посоветуйся с г-ном Пахером, который предложил мне свою поддержку и в отношении балета.

Не знаю, видел ли ты моего брата. Я все еще ему не писал и, вероятно, напишу не так скоро. Буду рад, если ты сообщишь ему точные сведения обо мне, — ведь в не-мецких газетах про меня говорят так много противоре-чивого. Если с балетом ты не пришел ни к каким резуль-татам и если таковые не предвидятся в близком будущем, то, пожалуйста, запечатай эту рукопись как можно тща-тельней, передай ее моему брату и скажи, что я сообщу ему в свое время, как ею следует распорядиться. Попроси также г-на Пахера, чтобы он скорее написал мне обо всех делах, которые мы обсудили. Я писал тебе также, чтобы ты прочел как-нибудь мою маленькую трагедию «Вильям Ратклиф» и решил, годится ли она для театра; в таком случае я был бы готов вымарать из нее привидения, кото-

рыс могут шокировать публику, и присочинить одну-две сценки, чтобы избежать упрека в чрезмерной краткости. Но и на этот вопрос я не получил от тебя ответа.

Мое состояние ухудшилось, так как конвульсии стали сильнее и мучительней. Я лежу скорчившись, день и ночь меня терзают боли, и, если я в самом деле верую в бога, то не всегда во всеблагое. Деспота этого великого мучителя животных тяжело гнетет меня. Каким добродушным и любезным богом был я в своей юности, когда по милости Гегеля достиг сего высокого звания! Я живу совсем уединенно и вижу мало кого из немцев, кроме посторонних, которые бывают в Париже проездом. Мейснер был здесь, и мы с ним нередко встречались. Его великого соотечественника Морица Гартмана я тоже видел на днях; он красавец, и в него влюблены все дамы, за исключением муз. Он здесь в свите Адольфа Штара и Фанни Левальд, у которых состоит в лакеях, надеясь заработать себе литературные чаевые. «Путешествие в Италию» Штара я прочитал с большим удовольствием. Твоего политического единоверца А. Вейля совсем больше не вижу. Г-н Бамберг, прославленный геббельянец, попался в нескольких плутовских проделках и теперь исчез. О том, как со мной поступил Мейербер, решив, что я уже мертв и что на мне нельзя больше нажититься, тебе известно; он шнырял здесь и занят делами славы. Зейферт несколько охладил к пьянству и бросился в объятия религии, но теперь он, кажется, хочет объединить обе эти страсти, присоединив к ним еще и любовь: он влюблен. Вахх, Христос и Амур составляют его пресвятую троицу. Но из всех эдаких он самый лучший и, во всяком случае, самый остроумный. Карпелес женился, и даже на молодой женщине, которая превосходит его красотой. Моего друга Бальзака я потерял и оплакал. Стерва Жорж Санд не интересуется мною, с тех пор как я болен; эта *émancipatrice*,¹ или, вернее, «*émancimatrice*»,² в отвратительном, но божественно написанном романе облила грязью моего бедного друга Шопена. Я теряю друзей одного за другим, а на примере тех, которые остаются, подтверждается старая пословица: «Друзья в горе, что капля в море».

¹ Женщина-эмансипатор (франц.).

² «Эмансиматер» (словообразование Гейне) (франц.).

Но пословица эта обоюдоострая, она направлена не только против обвиняемых, но и против истца; ко мне, во всяком случае, относится упрек в том, что я был слишком близорук в выборе друзей и выбрал чересчур легковесных. Какая масса друзей нужна мне сейчас, чтобы помочь в моем горе!

Ответь скорее; адрес мой: rue d'Amsterdam № 50. Я забыл тебе сказать, что дела с моим другом Кампе еще не сдвинулись с места; этот «друг в горе» больше двух лет мне не пишет и ограничивается оплатой полугодовых векселей, которые я, согласно договору, выписываю на него. Но это ничтожная сумма, — ее не хватило бы даже на жалованье моей сиделке, так как, кроме стола, я обязан платить этой особе 5 франков ежедневно. Шлю жене твоей сердечный привет, и моя Матильда — тоже. Она просит передать вам обоим *bien des choses* — самые лучшие пожелания. Желаю вам здоровья и бодрости и поручаю вас особой милости божьей,

Генрих Гейне,

154. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Париж, 30 ноября 1850 г.

Дорогой Лаубе!

Перемена погоды усугубляет мое болезненное состояние и отбивает у меня охоту и способность писать. Поэтому скажу лишь самое необходимое в ответ на твое последнее письмо. О той его части, которая содержит твое политическое кредо, — ни слова больше, это все равно ни к чему не приведет. Довольно того, что мы теперь знаем, на какой почве нам не следует сталкиваться, если мы не хотим стать врагами. Печально, но это так. Меня тронуло, что тебе не пришло в голову приписать негодование, которому я дал волю в письме, необоснованной обидчивости; ведь я обвинял тебя в небрежении моими личными интересами, и ты легко мог приписать мои гневные слова просто раздражению. Я предвидел это, ибо, в сущности, и сам не верил в то, что ты можешь быть невнимателен ко мне, а последнее письмо окончательно убедило меня в твоей

благожелательности. Ты подошел к делу просто, а это честно, и меня очень обрадовало, что ты набросился на меня с самой банальной бранью: «слабохарактерность», «суетность поэта», «страсть к популярности» и т. п. Узнаю попечительного друга, которому, конечно, известно, что я привык к этому жаргону групповых распрей и потому стал совершенно нечувствителен к самой грубой его фразеологии. Ты так помолодел, что опять сделался учеником старика Яна и натянул старые гимнастические штаны. Что касается твоего обращения к суду благообразных и практических людей, то мне бы очень хотелось поделиться с тобой письмом Фарнхагена, которое, пройдя через различные руки, пришло ко мне на днях *вскрытым* и которое представляет собой убийственную апологию писателей «Молодой Германии», а твою в особенности. Это не пошлые обывательские фразы, это кровавые истины, и я не стану передавать их другу. Да поддержит тебя небо и да дарует оно тебе здоровье и все те филистерские радости, которые ты купил себе столь дорогой ценой!

Что касается моих дел, я буду краток. Желание поставить «Ратклифа» было просто прихотью, я сам не думал об этом серьезно и совсем отбросил эту мысль. Но вот если бы можно было поставить балет, это было бы мне очень кстати. К первоначальному либретто я приписал бы еще с полдюжины печатных листов. В них вошло бы самое содержательное и интересное. Пожалуй, получилась бы книга, по объему равная «Атте Троллю», и она принесла бы мне изрядный гонорар. Но я связан с Кампе, и вот какими условиями: каждую книгу, которую я предлагаю издать, я обязан предварительно предложить ему за тот самый гонорар, который дает мне другой издатель, и, в случае если он согласен уплатить эту сумму, преимущество перед другими издателями остается за ним. Видишь, я вынужден ждать, пока ты не скажешь с уверенностью, что балет действительно будет поставлен, и тогда ты должен указать мне сумму, которую я могу потребовать у Кампе за произведение указанного объема. Возможно, хотя и маловероятно, что он согласится уплатить мне этот гонорар и через одного из своих подручных издаст книгу в Вене, так чтобы она вышла к постановке балета. Этот демарш я обязан предпринять, если не хочу сам дать ему пощ в руки против себя. До сих пор он честно выполнял

свои договорные обязательства, и, видит бог, я тоже намерен точно выполнить свои. Возможно, если он увидит, что у меня есть другой издатель и я могу рассчитывать на твердый гонорар, ему на этот раз придется отказаться от упрямства и, во всяком случае, прервать свое мальчишеское молчание. Поэтому скажи, что именно мне с него запросить, чтобы по возможности безотлагательно все привести в ясность. Проект издания новой книги стихов опять отодвигается, болезнь не позволяет мне переписать беглые карандашные наброски и подготовить их к печати. Если нужда возрастет, мне все-таки придется выступить с этой книгой. Ты не сообщил мне, говорил ли ты обо мне с г-ном Иозефом Пахером: по слухам, его ждут в Париже; если он еще в Вене, попроси его по приезде сразу навестить меня. Брату моему, если ты его видишь, передай сердечный привет; мне известно, что он дал человечеству новое доказательство того, что он заботится о его пополнении, и опять сделал своей жене ребенка. Кланяйся от меня и г-же Лаубе, которую мы здесь часто поминаем сердечным словом. Мы — это я и моя Матильда, которой выпала жестокая доля сиделки у постели больного мужа, которая предана мне и любит меня, как никогда, и которая, может быть, — единственная причина того, что я еще терпеливо переносу эту собачью жизнь.

Твой друг
Георги Гейне.

155. ГУСТАВУ ГЕЙНЕ

Париж, 21 января 1851 г.

Дорогой брат!

Прежде всего спасибо за присланный перевод; тебе будет приятно услышать, что деньги не могли прийти более своевременно, чем сейчас, когда изоляция, в которой я живу, мешает мне достать даже самую ничтожную сумму; следовательно, деньги мне сейчас в десять раз дороже, чем в другое время, хотя бы, например, в середине года, когда они приходят свободнее. С сожалением узнал из твоего письма, что жена твоя нездорова; не забудь сооб-

писать мне в следующем письме о ее состоянии и, надеюсь, о ее выздоровлении. Уже несколько дней голова моя особенно одурманена из-за частых конвульсий, бессонных ночей и слишком большой дозы наркотиков, которые я принимаю, чтобы заглушить боль; поэтому пишу тебе сегодня с большим трудом и, вероятно, очень путано. Кстати будь сказано, ты совершенно не представляешь себе моего физического состояния. Я вижу это по твоему письму, — ты предлагаешь мне лечиться на водах. Ты не знаешь, что я не могу встать с постели, что два года назад я велел вынести себя в закрытых носилках на воздух только на час, в самый ясный солнечный день, да и то едва не умер от утомления. С тех пор я смиренно лежу на своих матрацах и отказался от всяких мыслей о передвижении. Не могу не сказать тебе, что Лаубе повинен в очень легкомысленном поступке по отношению ко мне. Это страшно меня удручает и может иметь самые скверные последствия. Он, не спросив позволения, напечатал отрывок из моего частного письма к нему, где я в резких выражениях оскорбил одного молодого автора, живущего здесь. Сам не понимаю, как мог я продиктовать эти оскорбления; они, несомненно, возникли по небрежности моего секретаря, или в результате какого-нибудь пропуска, или бог весть как. Таким образом, здесь, где у меня больше чем достаточно врагов, которые всегда рады-радешеньки подвергнуть меня травле, на меня совершенно незаслуженно сваливается еще новая вражда. Я нуждаюсь в величайшем покое, я теперь вообще почти неспособен к ведению войны, и тот, кто, подобно Лаубе, нарушает мой мир, совершает преступление. Дорогой брат, ты будешь руководить всеми моими делами. Запомни, что меня никогда нельзя ставить в положение, при котором я вынужден заявлять протест, а тем более полемизировать. Особенно помни об этом при ведении пражского дела; сегодня я подробно пишу о нем. Не думай, что я не в состоянии выступить резко, но мне нельзя возбуждаться из-за моей болезни, — всякое волнение для меня яд. Впрочем, я знаю по опыту, что могу добиться большего, вызывая страх перед моим пером, чем самим этим пером. Использовать должным образом в моих интересах этот страх — такова главная задача. Это в особенности относится к людям, от которых мы чего-нибудь требуем; покуда у них есть

основания опасаться публичных выступлений с нашей стороны, от них можно чего-нибудь добиться, но стоить нам выступить, как их страху и всем перспективам на примирение придет конец.

С Кампе я ни за что не желаю иметь ни малейших трений, поэтому откладываю на время все мои издательские планы. Я хочу закончить том стихов, а дальше посмотрим. Старьевщик Пахер опять был у меня и очень приставал со своим проектом, причем обещал мне прибыли от 30 до 50 000 франков или гульденов, но тем временем правильность моего первого впечатления подтвердилась целиком. Нельзя, правда, отрицать, что я получил бы значительную сумму денег, но дело все-таки слишком пахнет попрошайничеством, а этот запах внушает мне отвращение. Да простит мне господь, но я с гораздо большим удовольствием стал бы красть на улице, чем заниматься подобным нищенством под прикрытием громких фраз. Кроме того, я узнал, что Пахер — главный агент всех мейерберовских интриг, а к ним я питаю величайшее почтение; ты и представить себе не можешь, как опасен этот похититель славы, этот Мейербер, который умеет весьма своеобразно использовать людей и опутать всех, кто для него опасен. Чтобы мое сегодняшнее письмо не носило только печального характера, присоединяю к нему рукопись, которая, может быть, позабавит тебя; до сих пор я никому не вручал ее, мне хотелось передать ее в надежные руки, чтобы ею не злоупотребили. У меня она лежит уже давным-давно. Это записки Лолы Монтез, которая снова привлекает здесь всеобщее внимание. Она грозитя скомпрометировать всех великих монархов Германии изданием своих мемуаров. И действительно, в уже опубликованном начале мемуаров она облила их грязью, в особенности своего покровителя, короля баварского. Чтобы облегчить чтение, я приложил четкую копию с этой рукописи. Можешь сделать с ней что тебе угодно, только будь осторожен с властями. Точного литографического оттиска было бы достаточно, чтобы показать свету, что эта особа — распутная баба, которая приехала в Германию блудить и которая в письме к наперснику разговаривает на профессиональном жаргоне парижских лореток, на самом настоящем аргю проституток. Немецкое дворянство и высочайшие особы сделались жертвами обмана этой продувной девки, она

обращается с пими запаибрата, и нет ничго смешнее подобного зрелища. Но все это шутки, а теперь перейдсм к более серьезному и неприятному делу, в котором я рассчитываю на твои услуги.

По чести говоря, мне, может быть, более важно раз и навсегда развязаться с этим делом, которое доставило мне уже столько неприятностей, чем спасти хоть сколько-нибудь потерянных денег. Боюсь, что они пропали и все мои усилия напрасны, но все-таки не могу не испробовать последний шанс, чтобы покончить с этим вопросом. При теперешнем состоянии моей головы я, вероятно, не смогу достаточно вразумительно объяснить тебе сущность дела, но мне хочется сделать эту попытку, хотя бы для того, чтобы показать тебе, что я действовал не совсем по-ребячески, как ты мог бы преждевременно заключить. Поверь мне, вся человеческая мудрость не помогла бы мне, так как люди и обстоятельства, с которыми только я, несчастный, и мог встретиться, были совершенно исключительны. Здесь замешан рок. Я довольно суеверен и приписываю проклятия, огорчения и беды, которые мне все это принесли, тому обстоятельству, что деньги, которые я потерял, странным образом достались мне из наследства Соломона Гейне. Да, боюсь, что, пытаясь спасти что-нибудь из этих денег, я навлеку на себя новые беды, и потому настойчиво прошу тебя действовать с величайшей осторожностью, чтобы не вызвать полного разрыва между мною и людьми, с которыми я имею дело. Поэтому предварительно скажу несколько слов об этих людях, а дополнением послужат прилагаемые копии писем. По ним ты, может быть, сам поймешь, с чьими духовными детьми я сталкиваюсь.

Прежде всего мне приходится иметь дело с пеким *chevalier d'industrie*,¹ по имени Фердинанд Фридлянд (раньше он назывался Фридлиндер), с которым у меня лет восемнадцать назад возникли здесь отношения, носившие временами очень дружеский характер; он блестяще играл роль человека добропорядочного и благодаря своему лукавству и исключительной любезности оказал мне чрезвычайно ценные услуги. В изгнании (еще Данте жаловался на это в своей «Божественной комедии») возвращаясь в самом скверном обществе, и Фридлянд этот был для меня

---

¹ Пройдохой (*франц.*).

средством обезвредить другие личности, еще более скверные, чем он. Фридлинд состоял моим лейб-шпионом, но особенно водился я с ним потому, что он забавлял не только меня, но и мою жену. Человек он очень невежественный, неумный, в сущности, может быть, даже дурак, но у него прирожденный талант к слежке, почти инстинктивное понимание самых разнообразных обстоятельств и способность комбинировать, которые сделали бы из него человека значительного, если бы только он не имел несчастья быть величайшим вралем и не обманывал себя еще больше, чем других. Он скверный малый, но не злой. Желая оказать услугу совершенно незнакомому человеку (услужливость — его страсть), он самым беззастенчивым образом предает всех, кому обязан благодарностью; как видишь, это оригинал, который всегда был для меня забавною загадкой. Каковы наши взаимоотношения, ты лучше всего увидишь из моего письма к нему, в котором я иногда награждаю его кличкой Кальмониус. Он воплощенное тщеславие, и, как он ни лукав, его можно подвигнуть на все, посулив ему орден. Хотя нравы печати ему знакомы, он все-таки боится ее как огня. Статья Мейснера обо мне, в которой было несколько грубых намеков на Фридлинда, конечно ужасно его испугала; я мог бы добиться от него чего угодно, угрожая печатью и ловко льстя его тщеславию и бахвальству; должно быть, он сейчас действительно сидит без денег, иначе я выудил бы уже кое-что из той суммы, на которую он меня надул. Но этот малый так бессовестен, он такой по натуре великий плут, enfin¹ такой изумительный гений жульничества, что если нынче он беден, можно предвидеть, что завтра он снова пустится во все тяжкие и мошенничеством добьется блестящего положения. Конечно, я могу добиться от него самых надежных письменных обязательств, которые он впоследствии, когда получит какие-нибудь деньги, юридически обязан будет выполнить. Обращаю на это твое внимание. Он величайший лжец, ни одному его слову нельзя верить, я вынужден внушать тебе это самым настойчивым образом. Конечно, ему никогда не удалось бы меня обойти без помощи своего шурина и тестя, которые, может быть, невольно стали его сообщниками и поймали меня на

---

¹ Наконец (франц.).

удочку: один — юношеским энтузиазмом, а другой — репутацией незапятнанной респектабельности. Как это случилось, ты поймешь по копиям двух писем, которые я прилагаю; одно из них адресовано моей *близкой* приятельнице, жене Фридендера; замечу, между прочим, что я послал ее отцу незапечатанное письмо для передачи этой даме, и он должен был найти в письме ответ на свое собственное послание, а кроме того, понять, что я теперь думаю о его сыне, его кумире. Сын этот — молодой Лассаль, который фигурирует в качестве главного лица в скандальной газетной хронике о процессе Гатцфельд. Когда он приехал сюда с Фридендером, ему не было и девятнадцати лет. Никогда ни один юноша не правился мне так, как молодой Лассаль. Он пленил меня знаниями, ловкостью, особенно же — остротой ума и той энергией, которой недостает моей мечтательной натуре. Когда надо мной висела проклятая история с франкфуртскими евреями, он без моего ведома написал статью, очень расположившую меня к незнакомому автору. Она свидетельствовала о таланте исключительном и заставила меня отнестись к нему с симпатией при первом же его появлении. Кроме того, я был в то время взволнован последствиями, к которым привел мой бунт против семьи из-за истории с наследством Соломона. Никто не понял так, как Лассаль, в чем, собственно, для меня дело. Он понял, что денежный ущерб, о котором, казалось, идет речь, не главное, что в основе моего огорчения лежат более глубокие и старые раны и что их я не мог и не хотел обнаружить публично. У меня нет надобности рассказывать тебе об этом более подробно, хотя ты вряд ли подозреваешь, как позорно меня обманули и обошли люди, у которых я меньше всего это заслужил и которым меньше всего следовало это делать. Я, право, не грешил здесь недостатком ума, но, прежде чем понял это, я долго ломал себе голову и чуть было не сошел с ума. И в таком душевном состоянии меня застал Лассаль. Его страстная натура действовала на меня и благотворно и вредоносно; он подливал масла в огонь, толкая меня на величайшие ошибки; быть может, они и не были бы совершены, если бы я энергично последовал его совету, а не сдал бы оружие и не позволил третировать себя, щадя дорогих мне людей и особенно Карла Гейне. Я вынужден был переписываться обо всех этих делах

с Лассалем, поехавшим в Берлин, и у него, вероятно, есть письма, которые могут скомпрометировать меня в глазах моей семьи; на это я и обращаю твое внимание с особой настойчивостью. Правда, я не сомневаюсь, что он уже отчасти меня скомпрометировал, если только страх перед тем, что и я могу поступить нескромно с его письмами, не держит его несколько в узде; никто не может лучше меня разоблачить его постыдные интриги против графа Гатцфельда, и именно его желание запутать меня в них фактически побудило меня с ним порвать; нас связывают теперь только отношения взаимной осторожности. Но человек этот, столь быстро развивающийся в дурную сторону, стал одним из ужаснейших злодеев, и теперь он способен на все — на убийство, подлог, воровство. Он обладает упорством волка, которое граничит с безумием. Я не хочу с ним связываться и щажу поэтому его отца, старого мошенника, вероятно самого пронырливого из них всех; отец ухитрился сохранить честную репутацию, которую сын потерял уже при дебюте. Я давно хотел написать тебе об этом Лассале, дорогой брат, не только в связи с нашим делом, но чтобы и после моей смерти ты смог сделать все возможное, если он использует мое молчание и станет корчить из себя моего друга. Он достаточно уже использовал мое ослепление при моей жизни, — он проникал к людям, пользуясь мнимым званием моего друга, и, спекулируя моим именем, завоевывал себе их симпатию. Но заявляю тебе твердо, что причина моей осторожности — только злонамеренность этого молодого человека и моя потребность в покое, а вовсе не то, что он знает о какой-нибудь моей тайне или соучаствовал в каком-либо двусмысленном поступке. Нет, и у Фридлиндера тоже нет против меня такого оружия. Моя жизнь чиста, мне не нужно бояться его нескромности, я щажу его потому, что только таким путем смогу вероятнее всего чего-нибудь добиться. Но угрожать ему я могу чем угодно, и так как ни шурин, ни тесть не питают к нему большой симпатии, а этот Фридлиндер самый трусливый из всех... наклепавших в штаны, то энергичная угроза здесь вполне уместна. Сущность моих обвинений против Фридланда я изложу тебе в немногих словах. Лет десять назад он уехал при довольно плохих обстоятельствах, и я очень ему помог. И вдруг зимой 1845—1846 года он появился здесь снова

и в полном блеске; оказалось, что за это время он сделал хорошую партию и послан сюда уполномоченным бреславльского газового общества для заключения договора со здешними газовыми обществами и оформления совместного подряда на газовое освещение Праги. Он сразу же пришел ко мне в сопровождении своего шурина Лассалья, сказал мне, что заключил договор со здешним газовым обществом «Ирида» на совместную эксплуатацию пражской концессии, что на свою долю он получил уже *pot de vin*¹ в 60 000 франков и, желая наконец отблагодарить меня, выторговал для меня сто акций, которые при существующих обстоятельствах, — объяснять это здесь было бы слишком долго, — гарантируют значительную прибыль, сразу же 30 000 франков. Вот каким образом делала здесь друзья подарки, когда спекуляции акциями достигали высшей своей точки. Увидев, что бумажник Фридлендера действительно битком набит банкнотами, увидев его верительные письма за подписью самых уважаемых граждан Бреславля, увидев подписанные договоры (причем молодой человек, его шурин, все подтвердил, и вообще они дали мне серьезнейшие гарантии), я не мог больше сомневаться в сказанном и позволил Фридлянду и его шурина привести меня на другой день в контору «Ириды», где я сделал мой первый взнос в 5000 франков. Вскоре затем приехали теща и жена Фридлянда; они подтвердили мне все и снова почти таким же манером склонили пойти с Фридляндром в «Ириду» и внести еще 5000 франков, чтобы увеличить число моих акций, которые, как меня заверили, опять необычайно поднялись. Курс, который мне показали, был, как я убедился впоследствии, указан неправильно, и во всем, что мне предъявили в подтверждение того, что часть моих акций якобы продана и принесла большую выгоду, не было и слова правды. Позднее, когда я стал уже подозревать это, мне не захотели выдать купленные мной акции, я был рад сократить их число до двадцати пяти и получить наконец на руки оплаченные бумаги. Во время переговоров я вынужден был, опять-таки под выдуманными предложениями и в затруднительнейших обстоятельствах, уплатить еще 2500 франков. Фридланд тем временем уехал в Прагу, где он состоял директором газового

---

¹ Взятку (франц.).

общества, а когда его тесть в октябре 1847 года приехал в Париж и явился ко мне, я совершенно ясно понял из его признаний, как безнадежно меня обошли. Все мнимые гарантии, которые, я полагал, у меня были, пражские газовые заводы, о которых мне столько рассказывал Фридланд, подкрепляя слова документами, respectable люди в Бреславле, с которыми, как мне казалось, я имею дело непосредственно, верительные письма от них, которые показывал мне Фридланд, — все это не имело никакого отношения ко мне, я был связан только с «Иридой», а ее ответственным представителем был мошенник, и с ним столкнулся Фридланд. Да и известные банкиры, которых Фридланд называл мне в качестве членов правления «Ириды», тоже не имели с ней ничего общего. На самом деле у «Ириды» не было ни заводов в Праге, ни права на газовую концессию; оба общества — бреславльское и «Ирида» — не слились, как я предполагал. Я узнал, что бреславльское общество только под известными, очень жесткими условиями предоставило «Ириде» некоторую долю в эксплуатации Праги; когда между обоими обществами возникли разногласия и неблагоприятное положение дел стало ясно, у меня на руках уже не оставалось ничего, кроме двадцати пяти... бумажонок. «Ирида», очевидно, совершенно обанкротилась, вероятно стараниями и просками Фридланда и старого Лассалья, который со своими мирмидонянами завладел пражским предприятием. Некоторое время назад молодой Лассаль снова написал мне дружеское письмо, и в своем ответе я не мог не высказать ему самых горьких моих советов. Почувствовав себя жестоко скомпрометированным, он, очевидно, написал отцу, и я получил письмо от старого Лассалья, в котором тот твердо обещает спасти мои деньги, если я пришлю ему мою доверенность и судебное постановление, удостоверяющее банкротство «Ириды». Он от моего имени наложит арест на ипотеку в несколько сот тысяч франков, которыми обложили пражское газовое общество в пользу компании «Ирида». Представителю «Ириды», сказал он, придется тогда войти со мной в соглашение, чтобы иметь возможность распоряжаться ипотекой. Я написал в ответ Лассалью (старика), что, в сущности, мне следует привлечь к суду только его зятя за злоупотребление доверием, но, если он думает, что предложенным способом я верну свои

деньги, пусть он попытается сделать это за меня. Я послал ему затребованную доверенность и судебное постановление о банкротстве «Ириды». Но мне кажется, что старик использовал их в собственных интересах, чтобы добиться у представителя «Ириды» еще более выгодных условий и получить в исключительную собственность пражское общество, которое теперь у него, очевидно, и в самом деле в руках. Наконец после долгого молчания он написал письмо, из которого я понял, что он ничего не сделал да еще требует у меня 200 марок для аванса адвокату, которому он должен передать дело и который обязан уплатить гербовый сбор за акции, тем временем также присланные мною. Тогда подозрения мои усилились, и у меня пропала охота дать еще 200 франков из тех небольших денег, которые у меня есть. Вот к этому и относится письмо, которое я написал дочери старого Лассалья, жене Фридлянда, и которое я незапечатанным, ничего не сказав старикку, послал на его адрес для молодой дамы. Прочти внимательно это письмо, — я прилагаю тебе черновик, который служит мне копией. Прилагаю и ответ, хотя в нем нет ничего, кроме приписки Фридлянда, которая тоже введет тебя в курс дела. Оно, видимо, написано еще под влиянием статьи, в которой его высмеял Мейснер. Копию моего ответного письма Фридлянду я посылаю. Я уже упоминал об этом письме. В ответ на эти письма я получил послание и от старого Лассалья; прилагаю его в оригинале; из него ты поймешь, как обстоят мои дела и что ты можешь сделать для меня в Праге. Ты сам увидишь, могу ли я, как думает старик, вернуть мои деньги тем путем, который мне предлагают. В таком случае мне действительно следовало бы наложить арест в Праге на указанную сумму, но мне хочется сделать это не от собственного имени, а от имени третьего лица, которому якобы я продал акции «Ириды» и которое тем самым вступает во все мои права, так как акции даны *au porteur*.¹ Наложив арест от собственного имени, я рискую вызвать оскорбительные обвинения. Если же я уступлю акции третьему лицу, меня совершенно оставят в покое.

Во всяком случае, Фридлянд в своих же собственных интересах осведомит тебя о деле и о возможностях, при

¹ На предъявителя (*франц.*):

которых тебе легче всего добиться этого ареста. Но, кроме того, его все время нужно держать под угрозой, что ты в Праге начнешь процесс против него в мою пользу по обвинению в злоупотреблении доверием; это приведет к тому, что он окончательно падет в общественном мнении. На случай, если ты склонен поехать в Прагу, я приложу два документа, на основании которых ты можешь потребовать выдачи акций и моей доверенности и, во всяком случае, документально установить свое право собственности на эти акции. Как мой брат, ты вообще не нуждаешься ни в каких письменных удостоверениях, чтобы от моего имени сейчас же пойти к старому Лассалу и его зятю Фридлянду, а также к его жене, очень красивой особе, которая благосклонна ко мне и употребит все свое влияние в мою пользу.

Когда ты поедешь в Прагу, справься, там ли писатель Альфред Мейснер; он рекомендовал мне в последнем письме адвоката, который с исключительным рвением предложил заняться моими делами. Адрес Мейснера (у меня его нет под рукой) можно узнать в книжной лавке Эрлиха или у отца Мейснера, — он врач; недавно он посетил меня здесь. На Мейснера я могу положиться как на самого себя.

Дорогой брат! Мне тяжело предлагать тебе еще ехать в Прагу, — ведь ты обременен столькими делами, ты так занят! Я знаю, если у тебя будет возможность, ты принесешь эту жертву, и на всякий случай хочу поставить тебя в известность обо всем. Может быть, ты не сможешь сам поехать в Прагу, чтобы получить точное представление о деле, произвести благоприятное впечатление и прибегнуть к последнему средству — наложению ареста, о котором говорит старый Лассаль, но все-таки ты достаточно осведомлен теперь и знаешь, как лучше всего защитить мои интересы. Для полноты сведений мне следовало бы рассказать тебе и о процентах, которые я могу требовать с «Ириды», — они были мне гарантированы договором на случай ликвидации, и их ни разу не уплатили. Даже в то время, когда у «Ириды» были еще деньги и она не приостановила своих платежей, мне не было выдано ни пфеннига из этих процентов; уже одного этого обстоятельства, то есть того, что я никогда не получал от нее ни пфеннига, достаточно, чтобы фактически установить, что общество действовало в отношении меня бесчестно

и что у меня есть полное право для любых обвинений или возбуждения судебного преследования через моего преемника. Когда мне выдали акции, мне причитались проценты за полтора года за первоначально внесенные мной 10 000 франков. Со дня этой выдачи, которая, как видишь, помечена на акциях, до сегодняшнего дня, то есть примерно за пять лет, я имею право требовать проценты с 12 000 франков; таким образом, общая сумма, причитающаяся мне теперь, превышает 15 000 франков. Можешь подсчитать сам.

Будь здоров, дорогой брат, и сообщи мне поскорее, что ты решил. Обнимаю тебя сердечно и прошу передать привет и объять за меня твою жену, маленьких Папагено и большую Анну, мою глубокоуважаемую племянницу.

Твой преданный брат

Генрих Гейне.

156. МИХАЭЛЮ ШЛОССУ

Париж, 15 февраля 1851 г.

Милостивый государь!

Тяжелое физическое состояние помешало мне ответить раньше на ваше письмо; кроме того, у меня не было возможности прежде послать вам прилагаемые стихи, которые должны до некоторой степени отвечать вашим пожеланиям. Вот уже много лет, как я не сочиняю больше песенных стихов в прежней своей манере; только весна и лето приносят цветы; мне же теперь пятьдесят, и я три года лежу в постели, — это не способствует лирическому расположению. В первой из посылаемых песен действительно слышатся старые созвучия, которые я по памяти воскресил и подправил.

Отвечает ли второе стихотворение вашим целям, я еще не знаю; лишь очень одаренный композитор может дерзнуть на такие ритмы. Зато полагаю, что третье стихотворение, написанное мною только на днях, вполне может быть положено на музыку. Но композитор должен понять то, что здесь втайне назревает, и каким-то образом передать нарастание предгрозового настроения, которое

прорывается криком величайшей страсти, а затем утихает слова. Во всяком случае, тут есть мотивы, привлекательные для музыканта.

Благодарю вас за вашу последнюю посылку с книгами; на днях верну вам их и приложу еще больший список книг, которые мне по душе; мне не хотелось бы, чтобы вы для укомплектования посылки вкладывали книги, которых я не выписывал.

Примите, милостивый государь, уверение в моем исключительном уважении и преданности.

Генрих Гейне.

157. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Париж, 12 марта 1851 г.

Милая, дорогая матушка!

Я невероятно обрадовался, когда пришло твое последнее письмо. За два-три дня до того я получил несколько строк от Лоттхен, но ни буквы от тебя. В то же время я получил письмо от г-на Весрта, которое начинается с того, что он не смог тебя повидать, так как ты была нездорова. Всякий другой перепугался бы насмерть, но после тяжелого раздумья я успокоился — я был вынужден признать, что Лоттхен не написала бы мне веселого письма, если бы тебе было плохо, что посторонний человек не стал бы с места в карьер говорить о твоём нездоровье, если бы болезнь была серьезной; тогда, напротив, все говорили бы в совсем других выражениях, с некоторым смущением. Поэтому надеюсь, что ты хорошо себя чувствуешь, дорогая матушка! Но если когда-нибудь случится, что ты серьезно занеможеешь, скажи мне об этом откровенно: любая правда не так мучительна, как сомнение.

Мне, правда, становится лучше, но процесс этот подвигается очень медленно. Два года я не употребляю лекарств, или, вернее, жена моя не терпит больше, чтобы бутылка с лекарством появлялась в моей комнате. Всех врачей она тоже послала к черту, за исключением одного, которого я часто не вижу месяцами и который столь маленького роста, что я почти не имею права сказать: «Меня пользует врач». Из всех зол пужно выбирать меньшее. Тем не менее

не думаю, что когда-нибудь я снова стану на ноги. Я закончил с этой жизнью, и, если бы не страдал слишком сильными запорами здесь, на земле, и был уверен, что меня хорошо примут на небе, я терпеливо переносил бы свое существование.

Моя самая большая радость — это думать о тебе, дорогая матушка, о Лоттхен, о братьях и о молодой попросли. Жена моя ведет себя почти примерно. Она облегчает и украшает мою жизнь, утешает меня и восхищает, но иногда, сама того не желая, разрывает мне сердце своим неизлечимым мотовством. Этому нельзя помочь; это действительно величайшее мое огорчение. Ес лихорадочная страсть постоянно тратить деньги ужасна. А ведь я не скряга. Я давно перестал смеяться над этим.

Милой моей Лоттхен шлю сердечный поклон. Г-н Всерт, который был у нее, чудесный, исключительно талантливыи и в высшей степени славный и порядочный человек; я сам мало его видел, но хорошо знаю благодаря общим друзьям.

Книги, об отправке которых меня извещает Лоттхен, еще не прибыли; надеюсь, с ними не повторится больших мучений. Г-н Всерт, бесспорно, может передать Кампю то, о чем я говорил с ним. Лоттхен заблуждается, думая, что должна воспрепятствовать этому. Но намеренно передавать что-нибудь через третьи руки — это мне не к лицу, мне всегда казалось, что из таких уловок большой пользы не извлечь; я говорю все, что хочу довести до всеобщего сведения, но я никогда не опущусь до того, чтобы сделать кого-нибудь своим *compère*.¹ Жена моя шлет вам всем сердечный привет. Мы целыми днями говорим о тебе, дорогая матушка, и о Лоттхен. Из всего, что ей наказывала Лоттхен, она не забыла ни слова, и наша беседа всегда кончается тем, что она велит мне показать язык. Пишите поскорее и побольше, — ведь я живу вдали от всего мира, и для меня полезно быть *au fait*,² особенно в семейных делах. А ты, дорогая Лоттхен, здорова ли ты? Не можешь ли ты показать мне язык по электрическому телеграфу? Передай мой сердечный привет мужу и сыну. Молодым дамам подобающее приветствие.

¹ Сообщником (*франц.*).

² В курсе дела (*франц.*).

Париж, 21 апреля 1851 г.

Дорогой Кольб!

Вот уже целая вечность, как я не имею от вас вестей, а я все лелеял мечту, что вы воспользуетесь железной дорогой и однажды ранним утром предстанете перед моим одром. Я все еще прикован к постели, постоянно лежу на больной спине, в которой хозяйничают чудовищные конвульсии, и все, что толкуют в публике о моем недуге, — сущие пустяки по сравнению с моими истинными страданиями. Все это я переношу с религиозным смирением. Говорю: «религиозным», так как не могу совершенно отрицать слухи о том, что я стал верующим. Но должен вас заверить, что в этом отношении царит великое преувеличение и что я и в отдаленнейшей степени не принадлежу к так называемым святошам. Основное заключается в том, что я с давних пор испытывал сильное отвращение к немецкому атеизму, уже давно питал лучшие убеждения относительно бытия божьего, но хотел некоторое время подождать с провозглашением этого, желая, может быть, поднести господу богу сюрприз. Но разные *gobe-manches*¹ без всякого на то права подхватили мимолетные мои суждения и сделали меня предметом глупейших пересудов. Я почуял в этом даже намерения определенных лиц, которые хотели бы канонизировать меня как жирное жаркое для своего неба; впрочем, приняты меры, чтобы мое так называемое обращение не вызвало несварения желудка у их посредников.

А вам как живется, любезный старый друг? Не прозевайте поездки на всемирную выставку в Лондон и непременно держите путь через Париж, где вы найдете меня на *rue d'Amsterdam* № 50 и еще раз протянете мне руку, прежде чем я сам отправлюсь в то великое странствие, для которого ног не нужно. Слава богу, что без этих ног можно обойтись, иначе мне, несчастному паралитику, не пришлось бы покинуть сию земную юдоль скорби. Готовясь к этому путешествию, я пытаюсь привести в порядок мои бумаги, и поэтому вы, дорогой Кольб, должны ока-

---

¹ Шалопан (*франц.*).

зять мне услугу. Я знаю, как вы заняты, и только по крайней необходимости утруждаю вас. Но я помню о вашем давнем ревностном отношении к моим интересам. Мне нужна для некоей цели (разъяснить пришлось бы слишком долго) подборка всех статей, которые я напечатал во «Всеобщей газете» в период министерства г-д Тьера и Гизо, то есть с 1 марта 1840 года до Февральской революции. Убедительнейше прошу вас, дорогой Кольб, прислать мне все, без какого бы то ни было исключения, статьи за указанный период дилижансом или, что, может быть, дешевле, бандеролью. Как бесконечно жаль мне теперь, что я никогда не хранил копий моих статей и не могу восстановить первоначальный текст, искаженный редакционными поправками и пропусками, вызванными тогдашней ситуацией, и что немалое число статей, которых вы совсем не напечатали, для меня пропало! Если, против моих ожиданий, может отыскаться еще что-нибудь неопубликованное, вы окажете мне чрезвычайную услугу, прислав сюда эти статьи. Как жаль, что вы не всегда предоставляли мне свободу во «Всеобщей» и энергично отбодрялись от моих определенных и неоднократных предсказаний касательно социализма, которого тогда никто не замечал, — вы их считали химерами или скрытой пропагандой. Придется признать за мною заслугу, что я принадлежал к тем немногим, которые совершенно правильно судили о будущем. События не застали меня врасплох. Опечалило меня все-таки многое, и, как все пророки, я потерпел больше других. Не могу по-настоящему радоваться победам моих сокровенных убеждений, — они стоили мне слишком дорого. Так случалось, вероятно, со многими честными людьми, и это немало способствует великому унынию нашего времени.

Здесь у нас полный хаос. У каждого в кармане вдоволь решений любого вопроса, а куда лучше было бы иметь вдоволь денег! Длинные, водянистые парламентские речи, но дух божий не витает над этими водами! Палата и президент боятся друг друга и падают друг перед другом на колени, как Мавр и Папагено. За президента я душой и телом не только потому, что он племянник императора, но и потому, что он храбрый человек и авторитетом своего имени препятствует еще большим бедствиям; как прежде Луи-Филипп, так и теперь Луи Бонапарт — чудотворная

икона, на которую молятся французы. Удержится ли он — другой вопрос. Люди эти ничего не боятся и думают только о настоящей минуте. Вы видите, я бедный, парализованный немец, который не может забыть вчерашний день и со страхом приветствует наступающий. Часто я с горестью думаю, что Липднер и Лебре не дожили до того дня, когда благодаря Луи-Наполеону возродилась блистательная империя! Какие дифирамбы пели бы их старые сердца! Как часто думаю я о минувшем, дорогой Кольб, когда мы еще в дни ранней политической юности встречались в идиллическом Мюнхене! Фифи и Фигаро, а может быть, и сама г-жа Липднер умерли, и мир изменился! Несколько ночей назад я вспомнил, как старик Штегман всегда вздравливал, когда вы ехали в Аугсбург, чтобы взять на себя руководство «Всеобщей газетой». Я от души смеялся и забывал про свои боли. Тенсрь я почти не вижу «Всеобщей», но с удовольствием слышал, что вы на ее страницах оказываете мне любезное внимание. Если мне когда-нибудь будет физически лучше, если всякая деятельность не будет стоить мне такого напряжения, то я, может быть, опять попробую сунуть лапу в дела «Всеобщей». Пишу очень мало и преимущественно стихи, читаю очень много, или, вернее, мне читают, а еще больше рассказывают. Вижу много важных персон и, благодарение богу, почти не вижу немцев. С последними всегда старая песня: так как мои средства не таковы, чтобы я, как прежде, позволял себя эксплуатировать, то многие добровольно отступились от меня. Из-за состояния своих ног я не могу гоняться за каждой сплетней и опровергать ее, а негодяи продолжают плести интриги. Потому я теряю иногда и порядочных людей, то есть порядочных по сравнению с другими.

Будьте здоровы, дорогой Кольб! Примите заранее мою благодарность за труд, который я вам доставляю. Если отправка требуемой статьи разоршит какой-нибудь комплект «Всеобщей», я готов возместить стоимость.

От Лаубе иногда получаю письма, хотя у нас с ним отношения сложные из-за его книги о франкфуртском парламенте. Предательская, мерзкая книга! Я поддерживаю тесную связь с моим братом Густавом Гейне, который издает в Вене «Иностранную газету», но в политическом отношении мы с ним не сходимся; однако мы близкие

друзья. Либеральная печать настаивает на обратном, по все это сплошная ложь и гадость. Кланяйтесь от меня всем старым знакомым, которые помнят меня, и оставайтесь дружески расположены

к преданному вам

Геориху Гейне.

159. МОРИЦУ ОППЕНГЕЙМУ

Париж, 25 июля 1851 г.

Господин профессор!

Когда в 1830 году я, проезжая через Франкфурт, имел честь видеть вас, вы попросили меня вам позировать; я удовлетворил ваше желание, и вы обещали мне дать копию с моего портрета. Это взятое с вас обещание не было выражением вежливости или радости по поводу удачной работы, свидетельствовавшей о замечательном вашем таланте, — оно было твердо поставленным условием, и я припоминаю, что ради портрета я задержался там едва ли не дольше, чем то было возможно. В Париже, где с этих пор меня, как известно, можно было всегда застать и где у вас нет недостатка в земляках самых различных профессий, я напрасно ждал обещанного портрета. Вместо него мне здесь попалась лишь литография с него и маленькая гравюра, которая так плоха, что я с удовольствием принял предложение моего друга Юлиуса Кампе сделать хорошую гравюру с упомянутого портрета и просил его при проезде через Франкфурт предложить вам, господин профессор, предоставить этот портрет под соответствующее поручительство в его распоряжение на время, необходимое для гравировки. Поскольку я имею все права на такую просьбу, я заранее убежден в вашей готовности ее удовлетворить.

Прошу вас принять уверение в глубоком уважении, с которым остаюсь, господин профессор,

преданным вам

Георихом Гейне,

доктором обоих прав.

Париж, 21 августа 1851 г.

Дорогой Кампе!

Я давным-давно написал бы вам, если бы не оставался все это время без немецкого секретаря; г-н Гати был тоже болен, и не прошло еще недели с тех пор, как мы снова с ним увиделись. Я дал ему переписать часть моей рукописи, но он не сделал еще и пятой части; послал бы ее вам по почте, да боюсь, что при теперешних обстоятельствах такое толстое письмо, адресованное самому подозрительному из немецких издателей, постигнет злая судьба и что вместо невинных стихов в нем учуют на почте политическое произведение. Поэтому я предпочел выждать еще несколько дней; мой брат Густав, который сейчас здесь, через неделю едет в Гамбург и сможет вручить вам в целости и сохранности почти всю рукопись. Я пошлю вам все, за исключением трех-четырёх печатных листов — «Объяснений» к «Фаусту», которые я непременно должен сначала обработать; за эту работу я сейчас приняться не могу, так как присутствие брата полностью поглощает мое время, а мне и так достаточно трудно выправить как следует рукопись, которую я даю ему для вас. Сразу после вашего отъезда я целую неделю занимался отделкой лучшего из моих стихотворений, которое я начал как раз когда вы приехали, и очень доволен этой работой. В рукописи, которую вы получите, на каждой странице по четыре строфы, но вы можете печатать по пять строф на странице, так как текста в рукописи хватит с избытком. Я отбросил очень много стихов, которые считаю недостаточно значительными, а также и все те, которые могут казаться политически подозрительными, так что эта книга вряд ли доставит вам хоть малейшее затруднение. Позаботьтесь только об изящном типографском оформлении; повторяю: я хочу, чтобы текст был напечатан несколько более густо. Обращаю ваше внимание на то, что не надо оставлять слишком много белой бумаги; однако каждому заголовку наборщик должен уделить место, равное примерно двум строфам. Да, мне кажется, рукопись достаточно велика, чтобы обойтись без лишнего балласта — суденышко поплывет тем вольнсе, но, повторяю, я расчи-

тываю еще на три-четыре листа приложений к «Фаусту»; теперь судите сами, достигнет ли книга нужного объема.

Надеюсь, что обратный путь был вам приятен; о вашем благополучном прибытии я тотчас же был извещен. Вашей жене и сыночку вам придется, без сомнения, немало рассказать о Париже. Пожалуйста, передайте вашей супруге мои самые дружеские приветствия. Состояние моего здоровья, вернее — положение моей болезни, все то же. Я невероятно страдаю, я терплю поистине прометеевские боли: боги гневаются на меня за то, что я принес людям несколько лампадок, несколько копеечных свечек. Я говорю: «боги», потому что не хочу высказываться о господе боге. Я теперь знаком с его коршунами и питаю к ним полное почтение. Будь я способен передвигаться, мы бы скоро свиделись в Гамбурге. Кстати, поскольку я посылаю вам несколько неряшливую рукопись, мне бы хотелось, чтобы вы, согласно нашей договоренности, регулярно присылали мне последнюю корректуру.

Будьте здоровы и не теряйте расположения к вашему другу

Г. Гейне.

161. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 7 сентября 1851 г.

Дорогой Кампе!

Письмо, в котором вы сообщаете о прибытии моей рукописи, я получил. Благодарю вас за хороший прием, оказанный вами моим последним духовным детям. Я, к сожалению, не настолько слеп, как обычно бывают отцы к своим любимым малышам. Увы, их слабости мне слишком хорошо известны. В моих новых стихах нет ни художественного совершенства, ни внутренней одухотворенности, ни бурлящей силы моих прежних стихов, но сюжеты их привлекательнее, красочнее, и, может быть, сама их обработка делает их доступнее для широкой публики, а это может доставить им успех и длительную популярность. Как бы то ни было, я знаю, что не подсунул вам какой-нибудь хлам. Я с величайшим усердием переделывал «Объяснения» к «Фаусту», закончил я их только сегодня и перешлю вам этот солидный труд, быть может, даже

завтра или послезавтра. Он доставит вам удовольствие, и вы поймете, что книга существенно выиграет от этого приложения, которое составит, вероятно, свыше четырех печатных листов и настолько же увеличит объем книги. Сперва у меня была мысль издать его отдельной книгой, в дополненном и расширенном виде, со всеми соответствующими цитатами, которые я сам раскопал. Этот замысел я приношу в жертву ради «Романсеро». Ввиду того, что я не успею дать переписать вышеупомянутый материал и отошлю вам рукопись, не оставив себе копии, вам придется немедленно заказать второй экземпляр, прежде чем сдать рукопись в типографию.

Кроме этой работы, я напишу еще особое введение к балету, страниц на шесть или семь; его следует напечатать перед самим балетом, который уже находится в ваших руках. Поэтому, дорогой друг, теперь же учтите следующее: за титульным листом с надписью «Книга четвертая» и «Доктор Фауст» следует небольшое введение, которого вы еще не получили, затем идет балет «Фауст», находящийся у вас, а после балета, в заключение, печатается более объемистая работа, о которой я вас сегодня уведомляю.

Я напишу еще предисловие ко всей книге, но оно будет небольшое, страниц на шесть-семь. По этому случаю прошу вас, дорогой Кампе, исправить одну ошибку, которую, как я сейчас вспомнил, я дважды допустил в разделе моей книги, озаглавленном «Еврейские мелодии». Как в первой части «Иегуды бен Галеви», так и в «Диспуте» днем разрушения Иерусалима назван *десятый* день месяца аба; это неправильно: вместо этого надо поставить *девятый* день месяца аба.

Первый корректурный лист моей книги я получил сегодня рано утром. Я немедленно переслал его Гати, который должен был отметить только типографские погрешности. Я нашел одну-единственную ошибку, о которой вам и сообщаю:

Стр. 6. В двух последних строках третьей строфы напечатано:

«...До Христовой эры». Печать.
Rhapsenitus Rex.¹ Подпись.

---

¹ Царь Рамсенит (*лат.*).

Вместо этого должно быть:

«...До Христовой эры». Подпись:
Rhampsenitus Rex. Печать.¹

Укажу здесь и другие корректурные мелочи, чтобы не отсылать вам обратно весь лист. На стр. 4, в последней строке четвертой строфы должна быть запятая, а не двоеточие.

На стр. 5, в последней строке второй строфы надо поставить пропущенную запятую.

На стр. 9, в первой строке слово Edelsteine² напечатано с большим С вместо большого Е.

На стр. 16, в конце третьей строки первой строфы пропущена запятая.

На той же странице смещена последняя строка.

Стр. 19. В последней строке первой строфы — марашка.

Стр. 5. В третьей строке третьей строфы — также марашка.

Стр. 10. В последней строке первой строфы и во второй строке второй строфы — слишком большой пробел между словами. Все остальное, что отметил Гати, относится к качеству типографских литер; это касается вас, а я таких вещей исправлять не буду. Замечу тут же, что эпитафия набран слишком мелко.

Само собой разумеется, милый Кампе, что было бы слишком дорого пересылать вам корректурные листы в обыкновенном почтовом конверте, но я не могу отправить их бандеролью, потому что на них очень много поправок чернилами, а так как вы мне посылаете тонкую бумагу, то я в таких случаях просто вырежу те места, которые исправил, и пошлю вам их в письме, что обойдется недорого. Почта задерживает бандероли, если в них хоть что-нибудь написано; к тому же еще приходится платить штраф; лучше не впутываться в эту канитель из-за нескольких франков. Будьте уверены, с моей стороны будет сделано все, чтобы в печатании не было задержки ни на одно мгновение. Сегодняшнее письмо я смогу отправить на почту только завтра, так как сегодня воскресенье и почта закрывается рано.

¹ Перевод Л. Пеньковского.

² Драгоценные камни (нем.).

А теперь будьте здоровы и сохраните дружеское расположение

к преданному вам

Генриху Гейне.

Мой теперешний секретарь — дурак, он пишет безграмотно и не понимает того, что ему диктуют; поскольку я не могу перечитать это письмо, то одному богу известно, что он написал. Но самое основное вы разберете!

Я только что получил второй корректурный лист, сам бегло его просмотрел и, чтобы не терять времени, посылаю вам только главные исправления. Прошу вас сказать наборщику, что я хочу, чтобы в конце слога или слова всегда было не *i*, а ипсилон (*y*). Местоимение *sein*¹ я пишу через простое *i*, а глагол *seyn*² — через *y*. Например: *Gott mag bey ihm seyn*.³ Я повсюду требую этого различия между *i* и *y*, что и соблюдено во всех моих книгах.

Итак, я прилагаю к этому листы с основными исправлениями. Я очень болен, особенно последние дни. Голова моя слаба, и моя жена удивляется, как я работаю в таком состоянии. Но на меня можно полагаться до моего самого последнего вздоха,

Ваш друг

Г. Гейне.

162. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 20 сентября 1851 г.

Дорогой Кампе!

Хотя письмо ваше взваливает на меня новые заботы и требует от меня деятельности сейчас, когда я очень страдаю, оно доставило мне все же большое удовольствие: я

---

¹ Его (*нем.*).

² Быть (*нем., стар. орф.*).

³ Да поможет ему бог (*нем., стар. орф.*).

понял, что могу дать вам две книги вместо одной, и охотно готов это сделать. Соображения морали — по поводу непристойностей в письме к Лемлею, которые легко устранимы, — не имеют решающего значения, но сочинение это, хотя я уже его сократил, слишком велико для «Романсеро», и я сам это почувствовал. Ведь сначала и у меня была мысль включить в него не письмо, а только балет, но внезапно мелькнувшая причуда заставила меня впоследствии поступить иначе. Сперва я намеревался использовать эту работу для издания, о котором мне не хотелось говорить, чтобы кто-нибудь другой не воспользовался моей идеей; я имел в виду (прошу и теперь хранить это в тайне) издание древнейшей книги о Фаусте, совершенно неизвестной, очень короткой и исключительно поэтической, тогда как широко известный «Фауст» Видмана невероятно громоздок и грубо прозаичен.

Я полагал, что мое имя в качестве издателя весьма повысит спрос на книгу и она приобретет всеобщее признание. Теперь я принужден от этой идеи отказаться, хотя бы потому, что умираю, и ее мне хотелось бы тоже завещать вам. Прочтите как-нибудь при случае эту книжечку в беспорядочном издании Шейбле, где она погребена в куче всякого мусора; в ней не более ста пятидесяти страниц.

Вы говорите, что при вашей плотной бумаге можно для «Романсеро» ограничиться стихами. Я с этим согласен; следовательно, за мной остается только предисловие, которое, как я уже говорил, составит страниц восемь. Может быть, лист, корректуру которого я вчера отослал вам, еще не пошел в печать; тогда вставьте в него прилагаемые стихи; их следует напечатать сразу же после стихотворения, которое называется «Платениды», — в том же порядке, в котором я их пронумеровал. К сожалению, не могу решиться напечатать стихи, которые я действительно считаю слабыми, а так как, кроме этих слабых стихов, у меня остались только двусмысленные вещи, то мне, к сожалению, нечего послать вам для заполнения объема. Я мог бы, пожалуй, если вам угодно, назвать предисловие послесловием и напечатать его в конце книги. Если хотите, можете поместить в конце и указатель. В крайнем случае, я мог бы дать еще страницы две примечаний. Напишите мне об этом,

Что касается «у», то я непременно хочу, чтобы через эту букву писался глагол «*seyn*»,¹ в отличие от созвучного ему местоимения. Наконец — о второй книге, относительно заглавия которой я не пришел еще к определенному решению. Может быть, вам нравится название: «Доктор Иоганн Фауст. Танцевальная поэма Генриха Гейне с приложением некоторых забавных примечаний»? Мое так называемое «Вступительное замечание» составляет предисловие к этой книжечке и называется здесь «Предварительные замечания». Нужно изменить только несколько слов в начале. Вещь, таким образом, не пострадает, и, если ее красиво напечатать, несомненно получится славная книжка. Если вы будете настаивать, я могу прибавить в конце еще пол печатного листа *примечаний*, а то и больше. В предисловии к «Романсеро» я оповещу о выходе этой книжки, и тогда можете выпустить обе книги одновременно. Если вы примете «Фауста», я буду иметь удовольствие дать вам славную книжечку, которая не в ущерб «Романсеро» (оно и так достаточно велико по объему) принесет вам некоторый доход без особых гонорарных издержек, разве что Ваша Щедрость решится на особое вознаграждение, хотя я сейчас и не претендую на него и напоминаю об этом лишь по слабости человеческой. Человек — гнусное существо, он не в состоянии долго думать о чужих интересах, не прикидывая в то же время, как бы заодно потратить и своим собственным.

Прошу вас хранить в тайне отдельное издание моего «Фауста», — пусть будущие противники, которые могли бы воспользоваться этим мне во вред, не успеют подготовиться к нападению. Предисловие к «Романсеро» пошлю вам через несколько дней. Таким образом, с основными вопросами вашего письма как будто покончено. Будьте всегда уверены, что я принимаю к сердцу ваши интересы. Сердечное приветствие вашей семье. Воля моя не сломлена, но сил мало, — я день и ночь страдаю от ужаснейших болей.

Ваш друг
Генрих Гейне.

---

¹ Быть (нем., стар. орф.).

163. ЮЛИУСУ КАМНЕ

Париж, 23 сентября 1851 г.

Дорогой Кампе!

Только что я получил корректурные листы под номерами 13 и 14, включающие страницы от 193 до 216. Но вид их привел меня в крайнее недоумение: чтобы растянуть текст на нужное количество листов, вы, как я обнаружил, напечатали в последнем разделе только по четыре строфы на каждой странице. Это надругательство над всей моей книгой, оно делает ее для меня омерзительной не только потому, что мне самому свойствен *horror vacui*,¹ страх перед белой бумагой, но и потому, что этим я с полной очевидностью обнаруживаю перед читателями свою слабость. Мне, а не вам предстоит нести духовную ответственность перед обществом за мои книги, и роковое впечатление, которое создается этим разнообразием в наборе, обращается против моих стихов и наносит мне моральный ущерб. Короче, я не могу и не хочу это терпеть, и, как я сейчас ни болен, я лучше сделаю все возможное и дам нужное количество страниц, чтобы вам не надо было прибегать к такому ужасному средству — к типографской разрядке. Продолжайте набирать книгу совершенно так же, как и в начале, и, как это теперь ни трудно, я надеюсь все-таки покрыть дефицит в листах следующим образом. Я полагал, что книга будет даже слишком толстой, и думал в крайнем случае ограничиться немногими страницами предисловия, тем более что писать мне теперь очень трудно и я решился на предисловие только ради симметрии. Но теперь я напишу предисловие примерно в печатный лист. Кроме того, указатель, оглавление, которое вы можете сделать без меня, составит тоже четыре страницы, и в конце я постараюсь дать еще несколько страниц примечаний — примерно страницы четыре или пять. В конце недели пришлю вам это предисловие. Ответьте мне только немедленно, не хотите ли вы, чтобы предисловие было напечатано в конце книги и превратилось в послесловие. Напишите мне сейчас же, хватит ли вам предисловия и оглавления. Как бы там ни было, немедленно переделайте набор и прикажите печатать

¹ Страх перед пустотой (лат.).

по пять строф на странице вместо четырех. Сегодня слишком темно, и я не могу просмотреть корректуру. А я-то, бедняга, думал, что пришел конец моим несчастьям! Теперь, на беду свою, вижу, что они еще в самом разгаре, но во всем, что я делаю, я предельно добросовестен и всегда, в каждой новой книге, стремлюсь предстать перед обществом честным и чистым. Все пуговицы должны быть в порядке, а при четырехстрофном наборе в последней части книги я теряю штаны на глазах у всего света. Ответьте мне тотчас же на это письмо и на последнее мое письмо относительно издания «Фауста».

Гати я еще не видел и потому не передал ему вашей записки. От брата после его отъезда известий не имею, хотя он должен исполнить важные для меня поручения. Собираюсь как можно скорее возвратить ему до последней су все, что он дал мне взаймы. При всей его братской любви, он сварлив и для посредничества в моих литературных делах лицо малоподходящее. Ваши слова о Христиани справедливы, но я надеюсь позаботиться обо всем сам, и для бедных моих книг это, конечно, самое лучшее. Посторонний издатель все-таки всегда отчим. А ведь среди ребятишек есть такие, которым нужно утереть сопливый нос. Если я буду жив и хоть сколько-нибудь в силах, я с величайшим рвением займусь всем лично, и вы получите от этого немалую выгоду, на которую я укажу вам позднее. Что касается второго тома моих стихов, то сейчас не вижу никакого другого выхода, кроме как наново сочинить то, чего недостает. Пока не могу сказать ничего определенного. Мне многое еще надó было бы сказать вам, но сейчас ожидаю визитов, для которых потребуются скудные мои силы. От Шифа я получил письмо, но книги, о которых он сообщает, не пришли. Скажите ему, пожалуйста, что я напишу, как только у меня будет небольшой досуг.

Дружески вам преданный

Генрих Гейне.

P. S. Высчитав в уме, я нахожу, что при четырехстрофном наборе вы выгадаете самое большее лист. Следовательно, вам совершенно достаточно и одного моего предисловия, которое можно напечатать с некоторым разгоном.

164. ИММАНУИЛУ-ГЕРМАНУ ФИХТЕ

Париж, 6 октября 1851 г.

Уважаемый господин профессор!

Едва могу выразить, как сильно я сожалел, что не имел возможности повидаться с вами еще раз до вашего отъезда. Ваше посещение пробудило во мне благотворные воспоминания, и даже их отзвук мне радостен и отраден. В моей книге, которая сейчас выходит в Гамбурге, я имел возможность по горячим следам использовать все, что вы говорили мне о Сведенборге; если она попадется вам, пусть оживит она в вас память обо мне. Состояние мос, к сожалению, все то же, и мне кажется даже, что я страдаю гораздо больше, чем прежде. Постараюсь сохранить терпение, чтобы с достоинством выдержать столь страшное испытание... [Пробел в рукописи.] Не могу не рассказать вам анекдот, который до сих пор ходит обо мне в Геттингене и который, кстати говоря, отражает истинную правду. Когда я представился там советнику юстиции Гуго, для того чтобы стать доктором прав при возглавляемом им факультете, я тут же вручил ему двадцать семь луидоров, следуемые за получение ученой степени. Старик Гуго не пожелал сразу взять деньги и сказал мне: «Мы должны ведь сначала подвергнуть вас испытанию». На это я ответил ему: «Что ж, подвергайте, снимайте пробу, и пусть лучшее останется у вас». Должен сознаться, что старик отнесся ко мне исключительно благожелательно, и на публичном диспуте он в качестве декана произнес превосходную латинскую речь, в которой восхвалял меня, правда не за юридические познания, а за версификаторский талант.

Приветствую вас сердечно и остаюсь с исключительным уважением и дружеской преданностью

вашим

Генрихом Гейне,

165. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 13 октября 1851 г.

Дорогой Кампе!

Хотя меня сегодня мучит мигрень и я, следовательно, очень не в духе, мне все-таки хочется дать определенный ответ на ваши вопросы относительно «Новых стихотво-

репий» и сообщить вам свое твердое решение. Без всякой охоты, поневоле соглашаюсь на то, чтобы поместить в этой книге «Ратклифа» вместо «Зимней сказки». Ваши мотивы убедительны, и, чтобы вам не ждать и часу, я уже просмотрел «Ратклифа» и посылаю вам поправки для нового издания. Пожалуйста, обратите внимание на то, чтобы пометок: «явление первое, второе» и т. д. нигде не было. «Зимней сказки» теперь в «Новых стихотворениях» не будет, значит нужно целиком изъять и старое предисловие к книге; потеря невелика, а предисловие, написанное, собственно говоря, для «Зимней сказки», впоследствии выйдет вместе с ней. В качестве предисловия я буду вынужден написать несколько новых строк, которые пришлю позднее. Все, что вы говорите относительно ваших издательских интересов, дорогой Кампе, совершенно правильно. «Атта Тролля» действительно слишком тощ, чтобы заполнить целый том. Но уже в последнем издании я сделал все от меня зависящее — переработал, добавил шесть новых отрывков, а также предисловие. Я вовсе не был обязан это делать и поступил так исключительно ради дела, совершенно бескорыстно, а от вас не услышал ни единого слова признательности. Позднее, живя на отдыхе в Монморанси, я собрался было расширить «Атту Тролля» по крайней мере на одну треть и набросал уже самые славные главки, но не получил от вас ответа на вопрос, могу ли я осуществить этот план и быть уверенным, что получу гонорар за новую большую работу. В эпической поэме нельзя дать всего сразу, такое сочинение растет с годами. Теперь, когда бодрость моего духа сломлена, нечего больше и думать о завершении «Атты Тролля», к моему и вашему ущербу. Так скверно повлияло на дела ваше долготетное молчание. Напротив, достигнув взаимного согласия, мы извлекаем обоюдную выгоду, и вы в этом недавно убедились. Меня радует, что в будущем году я, может быть, опять увижу вас здесь, в Париже. Тогда я покажу вам и мои великие плапы «Троллиады», которые теперь погибли. Остаток жизни я хочу употребить на более важные вещи, чем на латание старья; кроме того, я не умею делать двух дел сразу. Вчера вечером меня навестили г-да Готшалль и Корне. Последний принес мне «Романсеро» в переплете. Они обещали мне еще несколько таких же экземпляров. Но так как у издания этого нет ни

головы, ни хвоста, то я не могу их дать лицам, которые ждут от меня этой книги. Если Готшалль принесет мне экземпляры, я сохраню их здесь в вашем распоряжении. Мне нужны по крайней мере семь экземпляров «Романсеро», например два для обоих моих врачей, один — для пишущего эти строки, один — для «Revue des deux mondes» и т. д. Словом, вы хорошо сделали бы, если бы прислали мне дюжину экземпляров. В Гамбурге мне хотелось бы располагать примерно пятью книгами; пожалуйста, пошлите один экземпляр моей матери, другой — сестре, а третий — Карлу Гейне, прибавив специально несколько строк с пояснением, что этот подарок делается от моего имени. Не забудьте об этом, дабы мой кузен не мог упрекнуть меня в небрежности. Ко всем экземплярам «Романсеро» прибавьте по «Фаусту». Наконец, пошлите, пожалуйста, по экземпляру каждой книги моему брату Густаву в Вену, а еще один экземпляр «Романсеро» вместе с «Фаустом» отправьте с надежной оказией моему брату Максиму в Петербург.

Я уже говорил вам, чтобы вы как можно скорее послали бандеролью экземпляр «Романсеро» и «Фауста» г-ну доктору Пешелю в Аугсбурге; он будет писать статью для «Всеобщей газеты», и это в ваших же собственных интересах. Думаю, что в интересах ваших послать также экземпляр Фарихагену фон Энзе в Берлин и по экземпляру «Романсеро» и «Фауста» Детмольду в Ганновер. Нашего милого друга, г-на Всерта, мне не надо вам рекомендовать. Кстати, вот еще что я вспомнил: необходимо тотчас послать по экземпляру «Романсеро» и «Фауста» г-ну Фердинанду Фридриху, директору газового общества в Праге; для меня это по некоторым причинам важно. Статью моего брата я еще не получил и ему тоже еще не написал.

Благодарю вас за оплату моего векселя; но если вы думаете, что я слишком рано потребовал 600 марок в счет моего гонорара, вы заблуждаетесь. Разница, как я уже указывал, составит не больше месяца. Взгляните, пожалуйста, в наш договор, которого у меня нет под рукой, и вы увидите, что первая выплата моего гонорара за первое полугодие была назначена на время открытия праздничной ярмарки 1848 года. Долгое время вы мне не отвечали, а я много раз просил вас сообщить, в какие месяцы следует получать у вас гонорар, так как я незнаком с жаргоном

издателей и не знаю точно, на какие числа приходится ярмарка. Один из ваших коллег, которого я случайно спросил об этом, сказал мне, что ярмарка будет в мае; поэтому я брал за общее правило, что 1 июня и 1 декабря следует рассматривать как сроки, в которые я всегда имею право располагать 600 марок. Может быть, я ошибся, тогда скажите об этом и установите раз и навсегда сроки, когда я могу получать гонорары за полугодие. Это нужно не только для порядка, но и чтобы в зависимости от этого я мог организовать свой бюджет и точно уведомить поверенного моей жены о порядке выплаты на случай моей смерти. Видите, дело здесь не в пустяковой выгоде, которая зависит от срока выписывания векселя. Я еще не знаю, кого в случае моей смерти назначить поверенным жены, но убедился, что сварливый нрав моего брата делает его непригодным для подобных дел. Поверьте, мне действительно приходится туго, когда я вынужден выполнять все свои обязательства, а ведь это долг всякого человека чувства и чести.

Мое предложение учесть вексель я сделал совершенно серьезно, хотя знаю, что для вашего уха это звучит недостаточно благородно. Но деньги счет любят, а гамбургский учет не может быть столь высоким, чтобы я не выгадал, отказавшись от учета здесь. Делайте как хотите, но не забудьте: вы окажете мне очень большую услугу, если я приведу в порядок дела и смогу полностью отдаться своим работам,

Ваш друг
Г. Гейне,

166. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 21 октября 1851 г.

Дорогой Кампе!

Три дня, как я напрасно роюсь в поисках нескольких листков, которые еще три недели назад были у меня под рукой; там были стихотворения, которые мне хотелось бы включить во второй том стихов. Но я не могу их найти — видимо, мои женщины истребили их, как и многое другое. Поэтому для второго тома я вынужден послать вам только

прилагаемый цикл, он называется «Она»¹ и должен быть помещен между «Романсами» и «Современными стихотворениями». Он состоит большей частью из стихов, которые я не включил в «Романсеро», а те стихи, рукопись которых у вас, я обозначил только заглавиями, чтобы избежать двойной переписки и почтовых расходов. Присоединяю также стихотворение, которое можно добавить к «Песням творения» во втором томе стихов. В первой части «Салона» (стр. 178, 179 и 180) есть стихотворение под названием «Диана»; этот цикл из трех номеров не включен в «Новые стихотворения» и может войти во второй том стихов в том же виде, что и в «Салоне».

Чем богаты, тем и рады! Считаю, что с вашими пожеланиями относительно «Новых стихотворений» покончено. Я очень болен и ничего не могу сообщить вам сегодня, кроме того, что получил дополнительные листы «Романсеро», но в чрезвычайно потрепанном виде — их изрезала бечевка на бандероли. Откладываю эти листы и полученные отиски «Романсеро» на будущее: в моем состоянии я не могу договориться с переплетчиком, а землякам этих листов не доверю.

Скажите мне только определенно, в какой день вы выпустили или выпустите книгу, и пришлите мне экземпляры по железной дороге прямо сюда; от прежнего своего проекта получать экземпляры через сестру я отказался. Но два экземпляра «Фауста» пошлите мне немедленно бандеролью. Гравюра на обложке очень пугает меня из-за голой дамы.

У меня еще не было ни одного свободного часа, когда бы мне могли почитать книгу Хауэншпльда; я не стану писать ему, прежде чем не познакоплюсь основательно с ней.

Прошу вас, передайте ему сердечную благодарность; он избаловал меня добрым отношением, от которого я за последнее время отвык.

К сожалению, все сколько-нибудь значительные люди, кто сердечно и дружески ко мне относится, от меня далеко, а в непосредственном окружении вижу только прохвостов, завистников, которые меня травят, когда я не даю себя эксплуатировать. О, сколько мерзости развелось вокруг! Когда

---

¹ Смесь (исп.).

нибудь, может быть, и расскажу вам кое-что. Повторяю мою просьбу (у меня есть серьезные основания): как можно скорее доставьте «Романсеро» парижским книготорговцам. Мне кажется, что за мой портрет вы назначили слишком высокую цену. За литографию это дороговато, и все же пришлите мне как можно скорее бандеролью оттиск; сложите его так, чтобы лицо не измялось. Я хочу только посмотреть, как получилась литография.

Г-да Готшаль и Корне, кажется, очень веселятся в Париже.

Ваш друг
Генрих Гейне.

167. СЕН-РЕНЕ ТАЙАНДЬЕ ¹

Париж, 3 ноября 1851 г.

Дорогой господин Тайандье!

Я не сразу написал вам, потому что не мог разыскать статьи Шаля; наконец я нашел нечто вроде корректурного оттиска, который и спешу вам переслать. Одновременно посылаю заметку, которую один из моих друзей написал семь лет тому назад и которая не была напечатана.

Моя голова слишком расстроена, чтобы я мог продиктовать новую заметку. Ограничусь заявлением, что дата рождения в моих биографиях указывается не совсем точно. Между нами говоря, эта неточность, вероятно, происходит от сознательной ошибки, которая была совершена в мою пользу во время прусского нашествия, чтобы избавить меня от службы его величеству королю Пруссии. Впоследствии все наши семейные архивы погибли во время гамбургских пожаров. Справившись в свидетельстве о крещении, я увидел, что там указана дата моего рождения — 13 декабря 1799 года. Но в конце концов самое главное, что я родился, и родился на берегах Рейпа, где и сочинил в шестнадцать лет стихотворение о Наполсоне; вы сможете его найти в моей «Buch der Lieder»² под названием «Два

¹ Перевод с французского оригинала.

² «Книге песен» (нем.).

гренадера». Вы увидите, что в то время предметом моего поклонения был только император. Предки мои были иудейского вероисповедания; я никогда не гордился таким происхождением, — ведь я чувствовал себя униженным даже тогда, когда меня принимали за обыкновенное человеческое существо, меня, которого Гегель заставил поверить, что я бог! Я был так горд своей божественностью и чувствовал себя таким великим, что, проходя через ворота Сен-Мартен и Сен-Дени, я невольно нагибался, чтобы не задеть за арку. Это была прекрасная эпоха. Она уже давно миновала, и я не могу без грусти о ней вспоминать, думая о теперешнем моем состоянии, когда я так жалок и неподвижно лежу на спине. Моя болезнь чудовищно прогрессирует!

Я еще не получил моего «Фауста». Как только он придет, pošлю его вам бандеролью.

Принося вам благодарность за проявляемое ко мне внимание, не могу выразить, насколько я люблю и уважаю вас. Примите мои искренние уверения в этом

от преданного вам

Геориха Гейне.

168. ГЕОРГУ ВЕРТУ

Париж, 5 ноября 1851 г.

Дорогой господин Верт!

Вы, паверно, и сами уже заметили, что мы чаще думаем о тех, которым по лени не отвечаем, чем о тех, которым по обязанности пишем без промедления вежливое ответное послание, стремясь поскорее отделаться от докучного корреспондента. Так и вы, дорогой Верт, с каждым днем все глубже врастаете в мою память, меж тем как я постоянно упрекаю себя в том, что все еще не выразил вам свою благодарность за множество дружеских строк, которые вы мне прислали, а особенно за ваше последнее ободряющее письмо. Но, собираясь написать вам, я тщетно выжидал все время такого часа, когда я буду себя хорошо чувствовать, а почему я решился на это сегодня, я и сам не знаю, —

ведь именно сейчас я страдаю более чем когда-либо и настроение у меня особенно кислое. За последние недели мое состояние намного ухудшилось, я не могу больше с обычным легкомыслием надеяться на выздоровление, и, готовясь к самому скверному исходу, я стараюсь по крайней мере оплатить свои почтовые долги. Но и прочие свои долги я погашаю со всей добросовестностью, и ни один поэт, вероятно, не умер в таком филистерском почете, как это будет со мной, когда господь призовет меня для вечной жизни, как выражаются набожные люди. Меня радует, что предисловие вам по душе; к сожалению, у меня не было ни времени, ни настроения высказать то, что особенно хотелось в нем сказать, то есть что я умираю как поэт, который не нуждается ни в религии, ни в философии и у которого нет с ними ничего общего. Поэт прекрасно понимает символическую речь религии и абстрактно-рассудочную тарабарщину философии, но ни хозяева религии, ни хозяева философии никогда не поймут поэта, язык которого всегда будет казаться им темным набором слов, как Масману — латынь. Будучи невеждами в области филологии, некоторые господа время от времени воображали, что я сделался святошей. Они понимают только ничтожество, которым они подобны, как говорит Гете, — последнему я завидую из-за его божественного имени. Кстати о Гете. Недавно я опять читал «Разговоры с Гете» Эккермана и, право, получил от них слащавое, размягчающее удовольствие. Прочтите непременно оба тома, если вы их еще не знаете, а если вам удастся отыскать третью часть «Разговоров», которая вышла позже, постарайтесь при случае прислать ее мне. Для умственного отдыха я охотно занимаюсь таким чтением, но больше всего читаю теперь описания путешествий и вот уже два месяца как не вылезаю из Сенегалии и Гвинеи. Видимо, я потому погружаюсь в этот черный мир, который и в самом деле очень забавен, что испытываю отвращение к бледнолицым братьям. Черные негритянские короли доставляют мне больше удовольствия, чем наши туземные отцы народов, хотя они так же мало знают о правах человека и считают рабство неким природным состоянием.

Надеюсь, что вам понравится мое «Романсеро» и особенно «Фауст». Видит бог, я не придаю особого значения этим книгам, и они не так скоро увидели бы белый свет, если

бы Кампе не зажал меня в тиски. Я не более повинен в этом издании, чем святая дева — в непорочном зачатии, даже в двух зачатиях. Пусть Кампе разъяснит вам, что я под этим разумею. Относительно судьбы моих книг я в полном неведении: с тех пор как Кампе получил от меня все, что ему нужно, он совсем перестал мне писать. Надеюсь, письмо застанет вас в Гамбурге, и, может быть, я узнаю что-нибудь от вас, если вы и в будущем будете радовать меня своими посланиями.

Я совершенно одурманен опиумом, который принимал много раз, чтобы заглушить боли, и вряд ли понимаю, что я диктую. Да к тому же еще сегодня утром у меня побывал один дурак-соотечественник, который в долгой и скучной беседе обменивался со мной идеями; возможно, что благодаря этому обмену его глупые идеи задержались в моей голове и мне понадобится несколько дней, пока я полностью высвобожусь от них и буду опять способен мыслить разумно. Этот человек видел все в сером цвете, который, собственно говоря, присущ ему самому.

Он говорил, что Германия — на краю пропасти... Что же, в таком случае хорошо, что Германия не дикий конь, а послушный осел, у которого над пропастью не кружится голова и который может спокойно брести по самому краю обрыва...

Г-н Рейнхардт, который пишет за меня это письмо, шлет вам дружеский привет.

Здесь все спокойно, только префект полиции, Ирод Второй, задумал недавно чудовищное избиение младенцев, наших земляков, и очень напугал бедных малюток. Они все должны были обратиться в полицию и легализовать свое существование. Многим, у которых здесь нет ни существования, ни средств к существованию, это очень трудно. Этот новоявленный Ирод думал, что среди нас скрывается политический Христос; к сожалению, донос написал человек, у которого нет недостатка в образованности и который даже является литератором. Все это мерзко и отвратительно. Когда я думаю, что подобные особы могли много лет находиться в близких отношениях со мной, мне становится жутко. Какая страшная вещь — изгнание! К самым печальным его гнусностям относятся то, что мы попадаем в дурное общество, от которого не смеем отказаться, если не хотим столкнуться с коалицией всех мошен-

ников. Как трогательны и в то же время полны негодования жалобы Данте на эту тему в «Божественной комедии»!

Будьте здоровы, дорогой друг, и оставайтесь дружески расположены

к сердечно преданному вам

Геориху Гейне.

169. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Париж, 14 ноября 1851 г.

Дорогой Кольб!

«Если ты, дорогая, не отсылаешь мне твоих писем, то я их не получаю». Слова эти написал некогда Адальберт фон Шамиссо своей тогдашней возлюбленной, г-же фон Шези, имевшей привычку никогда не отправлять на почту письма, которые она писала.

Я мог бы сказать вам то же самое о номерах «Всеобщей газеты», о которых вы сообщаете, что они отобраны для меня, то есть о номерах с моими старыми статьями. До сих пор я еще их не получил, хотя они мне совершенно необходимы. Сегодня утром прочел статью во «Всеобщей газете» с разбором моего «Романсеро». Полагаю, что она написана Пешелем, и прошу передать мою глубокую благодарность этой доброй, честной душе. Он пишет так хорошо, что под этим соусом я проглотил бы и суровые суждения. Повсюду в статье я чувствовал благожелательное отношение, и автор ее без тени восторженности все время стремился выразить наиболее лестное для меня мнение. С другими происходит обратное: способ, которым ведет дело мой издатель, вызвал бы против меня всеобщее негодование, даже если бы я был Гомером или Шекспиром. Сегодня он известил меня, что печатает уже третье издание и что 2000 экземпляров будут облачены в роскошные переплеты с золотым обрезом. Издательский успех книги может очень мне повредить, — он вызывает враждебные мне страсти, которых я мог бы избежать.

Только что я получил «Фауста», мою маленькую книжечку, которую, опасаясь, что вам не пришлют ее из Гамбурга, отправлю завтра бандеролью. Я писал ее с большой любовью.

Писатель Готшалъ, навестивший меня на днях, сообщил, что он написал статью о «Романсеро» для «Летописей» Прутца, но, так как у них уже есть другая статья, ему хотелось бы напечатать свою где-нибудь в другом месте. Г-н Готшалъ пишет отлично, и вам по многим причинам вообще следует познакомиться с его работой. Поэтому я предложил ему послать статью вам, и она, вероятно, будет переслана г-ном Прутцем. Может быть, вы сможете ее использовать, для меня это будет безусловно полезно; г-н Готшалъ уполномочивает меня сказать вам, что в этом случае вы можете, если угодно, выбросить из нее всю пышную восторженность. Не сомневаюсь, что моя книга заслуживает второй статьи во «Всеобщей газете» — если не благодаря своей ценности, то хотя бы благодаря сенсации, которую она производит. Повторяю, это будет большой услугой для меня — увы, может быть, последней: вот уже несколько дней, как мне совсем худо.

Но я выше всяких жалоб и только в присутствии самых любимых друзей позволяю иногда тяжкому вздоху вырваться из моей груди. Днем и ночью меня все еще терзают невыносимые боли, и только воспоминания о друзьях иногда успокаивают меня, по временам позволяя забыть настоящее.

Передайте мой самый сердечный привет г-ну Пешелю, которому, как только выдастся светлая минута, я напишу лично. Приветствую также великого Хейльброннера. Если статья Готшала не может вам пригодиться, отошлите ее, пожалуйста, в Гамбург, в издательство «Гофман и Кампе», только незамедлительно. Так велел автор. Если вы можете использовать г-на Готшала как корреспондента, считаю нужным рекомендовать вам его с самой лучшей стороны. Он будет бродить по странам и областям, которые, быть может, недостаточно освещены во «Всеобщей газете».

Будьте здоровы и храните дружеское расположение к вашему другу

Г. Гейне.

170. СЕН-РЕНЕ ТАЙАНДЬЕ¹

Париж, 21 ноября 1851 г.

Дорогой господин Тайандье!

Вчера меня посетил г-н де Марс, который рассказал о вас. Он сообщил мне, что переведенные вами произведения появятся вместе с большой статьей, которую вы пишете обо мне и в которую они, вероятно, будут включены. Г-н де Марс просил меня послать вам как можно скорее мою работу о Фаусте вместе с французским переводом, о котором я вам говорил. Я сказал ему, что перевод этот неуклюж, что дух оригинала в нем совершенно не передан, что в отношении стиля он стоит ниже всякой критики и что он может служить только комментарием, поскольку у переводчика есть по крайней мере одно достоинство — глубокое проникновение в содержание, всегда более доступное немцу, чем француз, как бы последний ни был эрудирован и остроумен.

Кроме того, я сказал г-ну де Марсу, что подготовил свою работу специально для «Обозрения», но думаю, что мы внесем одно-единственное изменение: поставим в конце работы то, что в моей книге служит введением, и предположим ей лишь небольшую заметку, резюмирующую те несколько сведений, которые я даю на первых страницах этого введения. Самое главное, что эта вещица очень подойдет для «Обозрения» и удовлетворит запросы Бюлоза, который хочет поучать своих читателей, развлекая их. Я ставлю себе в заслугу, что у меня приведены совершенно новые германские легенды и в то же время здесь разбираются весьма серьезные вопросы искусства и литературы. Итак, я вам посылаю сегодня эту книжку бандеролью и прилагаю к письму рукопись вышеупомянутого перевода, из которого вы, быть может, извлечете кое-какую пользу, но, несомненно, не сможете использовать ни одной строчки. Я буду в восторге, если вы захотите взяться за новый перевод; это, как вы сами убедитесь, нелегко, но, надеюсь, работа покажется вам заманчивой и будет соответствовать вашим романтическим склонностям. Вы мне окажете

---

¹ Перевод с французского оригинала.

большую услугу и в то же время, я думаю, совершите доброе дело для «Обозрения».

Мое «Романсеро» с большим шумом совершает путешествие по Германии; пусть это и не удовлетворяет тщеславия поэта, но для состояния больного лучше, чтобы он находился подальше от арены этих успехов. Да и прежде, когда я был здоров, для меня в энтузиазме немцев всегда было что-то устрашающее, мало подходившее к некоторой мечтательной гордости, свойственной моей натуре.

Я бы наговорил вам много лестных слов, если бы не успел приобрести во Франции достаточно такта, чтобы не делать этого в такой момент, когда из-под вашего пера должна выйти статья обо мне. Надеюсь, я послал вам достаточно материала для этой работы. Вы, пожалуй, можете воспроизвести мое письмо к Шалю, несмотря на то, что оно очень старое и что главные пункты этого письма уже не имеют отношения к настоящему времени. Оно было написано в период, когда я подвергался преследованиям Союзного сейма, метавшего свои декреты против «Молодой Германии», вождем которой он выставлял меня. В этот период бульдог-галлофоб Менцель облаивал нас и клеймил «Молодую Германию» как адскую ассоциацию, ратующую за интересы синагоги и предающую Германию ради Франции. Так называемая национальная партия натравливала на нас чернь разными инсинуациями, столь же подлыми, как и нелепыми; нас обвиняли в *Franzosenium*¹ и в *Un-sittlichkeit*.² В то время у меня было достаточно оснований утверждать, что я принадлежу к протестантской церкви, и это обстоятельство, каким бы ничтожным оно ни казалось теперь, имело некоторый вес в тогдашней злободневной полемике. Преследования Союзного сейма причинили мне много зла, и они вполне соответствовали неприязни моих второстепенных противников. Эта эпоха, одна из самых ужасных, которые приходилось когда-либо переживать германским литераторам, завершилась для меня моей победой. Нынешнее поколение счастливее, а вы, французские литераторы, вы не умеете достаточно ценить свою судьбу.

---

¹ Подражании французам (нем.).

² Безнравственности (нем.).

До свидания, дорогой Тайандьс. Сегодня я так страдаю, что больше диктовать не могу. Будьте уверены, что я вас ценю и очень люблю.

Преданный вам

Генрих Гейне.

171. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Париж, 5 декабря 1851 г.

Дорогая матушка!

В эти дни на улицах Парижа снова царит величайшее возбуждение, а вчера и третьего дня происходило великое кровопролитие. Поэтому спешу тебе сообщить, что чувствую себя хорошо и нахожусь в полной безопасности. От болезни хотя бы та польза, что я не вмешиваюсь в партийную борьбу; будь я здоров, мне теперь в любую минуту могла бы представиться возможность быть избитым или застреленным. Жену мою никак не удержать, она при всякой суматохе высовывает нос на улицу, и вчера она попала в самое пекло. К сожалению, здесь, во Франции, я не имею права приказывать; как и всюду, в моем собственном доме нет твердой власти. Луи-Наполеону, видимо, конец, — он неловко взялся за дело. Боюсь, ему еще придется очень плохо. На свою беду, он не понял, что французы хотя и не любят республики, но желают ее сохранить. Нелегко расстаться с тем, что так дорого стоило. Мужчина может питать отвращение к любовнице, и все-таки он не решается оставить эту тварь — ведь на нее израсходовано так много денег!

Ящичек с книгами получил; благодарю за посылку. Надеюсь, что список, который мне не вернули, цел; напишите мне о нем.

Я получил письмо от Густава; он пишет, что очень любит свою жену. С огорчением вижу, что он не так исполнил мои поручения, как обещал, и боюсь, что меня ждут новые огорчения. В одном из последних писем я сообщил вам, что уплатил Густаву; не сомневаюсь, что вы поняли, почему я об этом упоминаю. Я человек больной, и всегда может настать час, когда я уже не смогу говорить.

Тебе, милая Лоттхен, шлю сердечный привет. Поклопись от меня мужу и поцелуй за меня обеих моих племянниц и племянника, о которых мы всегда вспоминаем с большой любовью. Моя мотовка сшила себе туалет из зеленого шелка, — я называю его платьем Вицлипуцли, — потому что высчитал, что стоимость этого платья равна гонорару за мое стихотворение «Вицлипуцли» в «Романсеро». Мы живем в полном согласии, между нами царит чудесный и весьма дорогостоящий мир. Мы часто вспоминаем о вас и часто до глубокой ночи беседуем о милой матушке и о веселой моей сестре.

Мученице Аннхен все по-прежнему очень сочувствуют. Если она мне напишет, пусть возьмет самые черные чернила: семейные письма я всегда читаю сам, а глаза мои, особенно зимой, очень слабы.

«Романсеро» вызывает больше восторгов, чем я ждал. Уверяю вас, это очень слабая книга, но говорить об этом нельзя. Я писал ее, когда силы мои уже были парализованы, — примите это во внимание.

Надеюсь, дорогая матушка, что все у тебя вполне благополучно, а я всегда буду равнять свое здоровье по твоему. Ты понимаешь меня. Напиши мне поскорее и побольше.

Твой преданный сын
Гарри Гейне.

172. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 8 декабря 1851 г.

Дорогой Кампе!

Хотя я сегодня очень слаб и голова моя уже одурманена опиумом, я все-таки в нескольких строках отвечаю на ваше письмо.

Относительно моего портрета: в качестве автографа поместите, пожалуй, мою шутку, к которой я, впрочем, отношусь совершенно серьезно, и более или менее разборчивую подпись. Я сейчас так страдаю, что мне все безразлично; надеюсь, все это продлится недолго. Передо мной лежит грудa писем чрезвычайной важности, и я вынужден оставить их без ответа; для меня, при моей врожденной

учтивости, это истинное мучение. Передайте это, пожалуйста, и г-ну фон Хауэншильду, перед которым мне действительно стыдно за то, что я еще не написал ему. Веерт сообщил мне две недели назад столько удивительного о винетке к «Фаусту», что я, право, хотел бы поделиться этим с вами. Вы и представить себе не можете, что мне приходится переносить из-за голой особы на обложке «Фауста». Этим я косвенно отвечаю на обвинения в «безнравственности», которые вы передали мне. Брат пишет, что австрийский запрет мотивирован стихотворением «Мария-Антуанетта». Не верю. Мне кажется, что брат, заботясь о собственном положении, заинтересован в том, чтобы впредь я шадил Австрию. Право же, для австрийцев не новость, что Мария-Антуанетта была гильотинирована, и с этим историческим фактом они давно примирились. Вам, дорогой Кампе, за последние четыре года не запретили в Австрии ни одного издания, что вполне естественно: ведь это были как раз тучные годы революционного движения, и только теперь начинаются тощие. Не знаю, является ли издателем лицо, которое, не ведая о наших отношениях, написало мне о вещах, вовсе не имеющих для меня положительного интереса. Я пришел к этому выводу на основании его высказываний, которые совпадают с высказываниями издателей, обращавшихся ко мне с предложениями. В книжной лавке Франка говорят, что австрийское запрещение направлено против вас, а не против меня, так как я-де всегда состоял на жаловании у Австрии. Узнаю в этом отзыве нашего милого чистоплюя Фивега. Четыре года назад я как-то зашел в лавку Франка, и этот господин воспользовался возможностью поговорить со мною; он вел себя так, будто я ему ровня, и со свойственной ему наглой фамильярностью сказал мне прямо в лицо, что, по слухам, меня оплачивают австрийцы. Пройдоха, который обанкротился и сбежал от своих венских кредиторов, имел наглость сказать такую вещь о немецком поэте, но я не стал горячиться и ответил ему со свойственной мне невозмутимостью: «Ошибаетесь, дорогой господин Фивег, австрийцы платят мне не больше, чем вы платите австрийцам». Его лицо стало таким же багровым, как его борода. Какое счастье, что эти людишки не способны выдумать что-нибудь получше и так мало знают мое действительно уязвимое место. Право, в денежных вопросах я никогда не компрометировал себя. Иное дело «нравст-

венность», но, впрочем, и с ней обстоит совсем не так плохо, как предполагают. Я уже рассказывал вам в Париже, как честный Фивег меня однажды уговаривал показать ему договор, который я с вами заключил; он убеждал меня, что ему без труда удастся выискать в нем какое-нибудь преимущество для меня. Эта подлая мыслишка меня глубоко возмутила, — ведь я тогда же узнал, что вы приходите дядей Фивегам. По крайней мере он так утверждал, рассказывая мне в своей филистерской манере, претендующей на остроумие, как вы, дорогой Кампе, однажды проливали слезы трогательной благодарности, припав к его груди, потому что он назвал в разговоре вашу покойную супругу теткой. Он очень гордился своей проделкой и был уверен, что с тех пор вы всегда оказывали ему больше любви, чем его чванливым братьям, которые знать ничего не хотели о своей тетке. Но я, к ужасу своему, вижу, что пускаюсь в сплетни; я не стал бы это делать, если бы не был уверен в вашей скромности; однако вам я рекомендую сейчас скромность по совсем особым обстоятельствам, — ведь мое физическое состояние не позволяет мне пускаться в дискуссии. Человека, у которого нет ног, должен отпугивать всякий Фивег.¹ Удивительно, что этот субъект хотел выставить вас в смешном виде, издеваясь над теми вашими качествами, которые мне всегда казались наиболее достойными уважения и свидетельствовали, что вы не филистер, а человек с сердцем.

У меня такая тяжелая голова, что я, наверное, выразился неясно; я хочу уточнить, что это случилось еще при жизни вашей покойной жены, когда Фивег, как он мне говорил, оказал вам честь, справившись о здоровье своей тетки.

Вчера у меня был Гати. Он очень предан вам, во всяком случае полон признательности; к моей радости, он говорит о вас с уважением, которое может питать только человек высокой культуры. Чернь неспособна ни на благодарность, ни на признательность. Я уже давно, едва только получил ваше согласие, заплатил Гати от вашего имени 100 франков; будьте добры, заприходуйте их за мной. Благодарю вас за разрешение теперь же перевести на вас, согласно вашему

---

¹ Игра слов: фамилия Vieweg (Фивег) произносится так же, как немецкое существительное Viehweg (дорога для скота).

указанию, векселя на остаток моего гонорара за «Романсеро». Не могу еще указать, каким числом будет датирован мой вексель, но он будет переведен на имя «Гомберг и К^о» в Париже. Вторичного уведомления, следовательно, не нужно.

Новое издание «Новых стихотворений» я получил и увидел, что вы применили вашу теорию пивоварения, используя пену для составления указателя. Убедительнейше прошу вас, не ставьте в каталогах издательства, которые вы печатаете в конце моих книг, вслед за моим именем название выдохшегося, жалкого обозрения выдохшегося, жалкого Гуцкова; не вводите в заблуждение моих друзей и не приводите меня самого в ярость, вызванную хотя бы этим заблуждением. У вас слишком хорошо идут дела, чтобы можно было такую мелочь оправдать необходимостью прибегать к подобным средствам рекламы.

С «Путешествием по Гарцу» можете поступить как вам угодно. Разумеется, мне больно, что обстоятельства не позволяют мне дать новое предисловие и отрекомендовать книжку нынешнему поколению. Приходится расходовать время и силы на более неотложные надобности.

С установлением сроков моего полугодового гонорара дело обстоит совсем просто; просмотрите наш договор, и вы увидите, что выплата гонорара установлена на дни праздничной ярмарки 1848 года. Ярмарка бывает в мае, и мне кажется, что я не ошибаюсь, считая сроками платежа 1 июня и 1 декабря. Может быть, вы хотите отодвинуть их на месяц и установить этот срок на 1 июля и 1 января; разница настолько незначительна, что мне это безразлично. Только я хочу, поскольку мне предстоит умереть, оставить моей жене денежные дела в полном порядке и по этому поводу не испытывать тревог. Я знаю, вы уважаете это чувство. К сожалению, я пренебрег интересами жены, потому что был введен в заблуждение надеждами, которые мне подавал мой дядя; для того чтобы добиться мира с Карлом Гейне, мне тоже пришлось ими поступиться. Жена после моей смерти получит только половину пенсии, которая по существу являлась рентой с капитала, предназначенного для меня моим дядей; это было видно по всем обстоятельствам; например, иногда, когда я прехватывал у него куш, он грозил мне вычесть эту сумму из моего капитала. Не могу, правда, пожаловаться на великодуш-

ного Карла Гейне, — он дает мне больше, чем обязан, — но положение дел все-таки не таково, каким бы должно было быть. Прежде всего я виню в этом собственную глупость. Брат мой тоже, очевидно, не справился с делами, которые я ему поручил. Лично ему я уплатил весь свой долг. Вы поймете, по каким важным причинам я это сделал, и согласитесь со мной.

В свое время я вернул вам роман «Зáмок Годви» и надеюсь, что он до вас дошел.

Бандероли с авторскими экземплярами я получил; мне не хватает теперь двух экземпляров последнего листа и начальных листов «Романсеро» со страницы 1 до страницы, на которой начинается стихотворение «Бывший страж ночей».

Дайте мне точные сведения, как обстоит дело с запретом в Пруссии, очень ли это серьезно и зависит ли это от министра просвещения и вероисповеданий. Может быть, я предприиму дипломатический шаг, который докажет вам, как я близко принимаю к сердцу ваши интересы и как энергично готов устранить все, что впоследствии может служить помехой при издании собрания сочинений. В другой раз напишу об этом подробнее.

Клапайтесь от меня вашей жене, дочери и юному наследнику престола. Г-ну Готшалю шлю сердечный привет. Я все еще не получил статьи, которую мой брат написал обо мне и на которую мне жаловался Шиф; меня все время водили за нос обещаниями. О том, каким способом можно оказать поддержку моему «Романсеро», — в следующем письме.

Ваш друг
Г. Гейне.

173. ХРИСТИАНУ-ГЕНРИХУ ВЕРМАНУ

Париж, 13 февраля 1852 г.

Дорогой Верман!

Мой издатель Кампе пишет из Гамбурга, что он не нашел okazji, чтобы послать моему брату Максу Гейне в Петербург экземпляр моей последней книги. Может быть, вы,

дорогой Верман, сможете в этом помочь. Если бы вы взяли в Ригу предназначенный для брата экземпляр, отсюда вы могли бы переправить его в Петербург. Только мне бы не хотелось, чтобы это было для вас обузой.

Мое самое большое желание — снова увидеться с вами. Зима мало-помалу проходит, и в вашей груди уже, наверно, просыпается тоска по апельсинным и лимонным рощам Лифляндии, по песням птичек и калмычек на берегах Невы, по икре и фаршированной медвежьей лапе, и в одно прекрасное утро вы снова усядетесь в свою кибитку и умчитесь назад, на чудесный Восток, где солнце встает по утрам, укутавшись в сверкающую медвежью шубу, чтобы не простудиться студеным сибирским утром. Но тогда я не увижу вас больше, и это очень меня печалит, потому что я живу здесь весьма уединенно, а вы принадлежите к тем немногим людям, которые обладают достаточной сердечностью, чтобы я мог им сказать все, что накопело у меня на душе. Я умираю в глубоком огорчении и с сомкнутыми устами. Мне не стыдно потерять терпение, — ведь я четыре года героически переносил непереносимое.

Моя киска видела вас на каком-то концерте и в Итальянской опере. Ей очень нравится говорить о вас, и она чрезвычайно забавно лепечет ваше имя.

Ваш больной друг

Генрих Гейне.

174. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Париж, 13 февраля 1852 г.

Дорогой Кольб!

Придется снова подвергнуть вас жестокой атаке, чтобы наконец вырвать у вас номера «Всеобщей газеты». На днях среди моих бумаг я нашел обрывок старого счета издательства Котты; прилагаю его, так как в нем обозначены все номера, которые мне нужны, и листок этот может облегчить вам поиски. Замечу только, что мне не нужна статья о Бухаресте, которая открывает список, и что я желаю получить также номера, вышедшие позже, чем был составлен

этот счет. Я говорю: «счет», хотя в нем со мной не посчитались и урезали причитавшуюся мне сумму примерно на 600—700 франков, о чем в свое время я имел честь доложить г-ну барону. Это было связано со злосчастным «Театральным обозрением» Левальда: на нем издатель понес убыток, за который в конце концов пришлось поплатиться писателю; зато когда издатели зарабатывают на успехе писателя грандиозные суммы, это никогда не идет ему на пользу, как происходит, например, и теперь при неслыханном успехе моего «Романсеро». Какой я дурак в житейских делах, этого вы, дорогой Кольб, и представить себе не можете, и моя жена была совершенно права, когда однажды сердито сказала кому-то, кто хвалил меня за ум: «Он только прикидывается умным».

Но я по крайней мере заметил, что недостаток разума нужно прикрывать остроумием, чтобы с тобой не обращались как с глупым мальчишкой. А что станет с народом, лидеры которого такие же великие ослы, как я? За последнее время немецкий народ не очень-то прикидывается умным. Французы все еще делают вид, что они хитрецы, но, в сущности, они такие же дураки, как мы, и в отношении глупости границы по Рейну больше не существует. Мои давнишние мысли о президенте вам известны; во время пребывания здесь вашего коллеги Пешеля мы тоже ломали с ним копыта по поводу способностей президента. Теперь все видят, что я верно судил о нем и что он тоже прикидывался, только в совершенно другом смысле, чем мы. Он действительно был львом в ослиной шкуре и однажды утром сбросил се с себя, к ужасу всего зверинца — то бишь парламента. Можно ли оправдать его *coup d'état*¹ действиями этого парламента, решить трудно. Эти дураки, эти коллеги г-на Савуа, постоянно язвили и поддразнивали героя, державшего в руках обнаженный меч исполнительной власти, тогда как у них оставались только легальные ножны. Непонятное ослепление! И меня не удивило то, что произошло. Но сердце мое все-таки сочилось кровью, и мой старый бонапартизм не устоял против горя, овладевшего мною, когда я понял, каковы будут последствия этого события. Прекрасные идеалы политической морали, законности, гражданской добродетели, свободы и равенства,

---

¹ Государственный переворот (*франц.*).

розовые сны на заре восемнадцатого века, за которые так героически шли на смерть наши отцы и которыми мы грезили вслед за ними, мы, готовые, как и они, идти на смертную муку, — все они лежат у наших ног, разгромленные, разбитые, словно фарфоровые черепки, словно подбитая дичь, — но я умолкаю, и вы понимаете, почему.

О вас, дорогой Кольб, я знаю мало — до меня теперь не доходят даже косвенные сведения, потому что я не вижу «Всеобщей газеты». О здешних ваших корреспондентах не слышу ничего отрадного. Над одним из них, — он вроде Дондорфа, только без его наивности и знаний, — здесь особенно смеются: это очень славный, но, тем не менее, скучный человек, который скверно пишет, когда не пользуется пером приятеля-стилиста. Зейферта не вижу совсем, но мне говорили, будто он пожизненно женат и больше не пьет, а это почти невероятно; он даже умывается и поигрывает теперь религиозными идеями, а не своей черной шелковой лентой. Г-ну Энглендеру, который работает у Гаваса, очень трудно отбиваться от ежедневных доносов и удержаться здесь. Я давно говорил вам, что он один из лучших и остроумнейших корреспондентов и в качестве такового очень мог бы пригодиться «Всеобщей газете». Считаю своим долгом теперь вернуться к этому. Среди полицейских шпионов, которые ныне разоблачены, выделяется известный Борнштедт, который приписывает себе сверх того звание доктора философии и у которого чрезвычайно позорное прошлое. Я имел нечаянную заслугу способствовать этим разоблачениям.

Дорогой Кольб, будьте здоровы и храните обо мне добрую память. Я умираю чертовски медленно, но все-таки с каждым днем ощущаю приближение могилы. Мои страдания, мои телесные боли чудовищны, и в моральных муках тоже недостатка нет. Когда я думаю о своем состоянии, меня охватывает настоящий ужас, и я смиренно складываю руки, потому что ничего другого мне не остается. Кланяйтесь от меня тамошним друзьям и подайте поскорее при знаки жизни.

Ваш преданный друг

Генрих Гейне.

175. АЛЬФРЕДУ МЕЙСНЕРУ

Париж, 1 марта 1852 г.

Дорогой Мейснер!

От всей души благодарю вас за ласковое участие, выраженное в вашем последнем письме. Мне принес его г-н Обермайер. Я уже передал вам через него кое-какие мысли, связанные с этим письмом, поэтому сегодня скажу вам лишь немного, тем более что в теперешнем моем состоянии каждое слово стоит мне усилия. Уже два месяца как мне делается все хуже, и у меня пропала даже охота жаловаться. Сейчас моя важнейшая обязанность, обязанность больного — покой, и я потому воздержусь от некоторых излишних, которые могли бы его нарушить. Вашу «Жену Урии» я все еще не получил, но постараюсь как можно скорее прочесть ее и таким образом составить себе мнение об обвинениях, которые обрушиваются на вас. Я легко проник в суть дела, когда г-н Обермайер сообщил мне сведения о некоей личности, не способной создать что-либо путное. Зато она преследует вас завистью и действительно ведет против вас очень опасную кампанию; никакие низкие средства не кажутся ей слишком грязными. Но не падайте духом! С этими горестями вы рано или поздно справитесь, и тем славнее будет ваша победа. Мне приходилось иметь дело с еще гораздо более скверными субъектами, и, право же, не они меня свалили. У всякого большого таланта, писал мне как-то покойный Вольф, есть своя вошь. Вы знаете, кого он подразумевал. Но у меня, в сущности, были две вши, и одна из них все еще продолжает влачить свое жалкое, призрачное существование. У вас, дорогой Мейснер, есть нечто похуже, а именно — жирный клоп; он очень пронырлив и проникает повсюду, как и подобает странствующему торговцу. Должен поблагодарить вас за два томика «Стихотворений» и «Жижку»; в нем я снова открыл много красот, но из новых стихотворений прослушал только часть, так как один знакомый почти насильно взял у меня оба томика и не вернул. Règle générale:¹ когда у меня берут займы хорошую книгу, я никогда не получаю ее обратно; зато посредственные книги мне всегда

---

¹ Общее правило (франц.).

добросовестно возвращают. Так, например, я семь раз отдавал «Западно-восточных ласточек» г-на Людвига Вилля, и вот уже в седьмой раз эти птички вернулись в свое гнездышко; ни под каким видом не одолжу их больше — обязательно подарю.

Отца этих ласточек я, слава богу, больше не вижу, и дом мой вообще почти очистился от западно-восточной сволочи. Она умело управляет таким слабым человеком, как Зейферт, который благодаря интригам мосье [Вейля] поссорился с моей женой, и с ним я тоже не вижу, о чем очень сожалею. Мосье [Бамберг] превратился в подлейшего полицейского шпиона, а ведь прежде он был только вором. Я, к сожалению, явился случайным поводом для его разоблачения, и человек этот теперь по целым дням бегаёт повсюду и клеветает на меня; его приятель, великий поэт Гартман, тоже помогает ему и утверждает, что я хотел (видимо, из зависти) умалить его заслуги. Очень желаю, чтобы г-н Гартман сделал богатую партию, как Гервег, и ему не приходилось бы мучиться больше на всех концертах и вечерах и тратиться по-пустому, — все равно это истолковывают превратно. Но он упускает из виду одно: богатые еврейские девушки выходят замуж только за великих христианских поэтов, и у гения их соотечественника в этом отношении навсегда подрезаны крылья. Патриотизм и изгнание служат ему только рекламой для его маленького таланта; я это подметил уже восемь лет назад, когда имел честь в первый раз видеть его у себя. Он тогда наивно жаловался мне на свою мать, которая исходатайствовала ему разрешение вернуться на родину, между тем как ему нужно было стяжать лавры изгнанника.

Дорогой Мейснер, не проговоритесь о том, что я вам сейчас сообщаю; будьте скромны во имя моего покоя; помните, что я лежу в постели с парализованными ногами и что в моем положении любой клоп может меня мучить. Состояние дел вам известно, и это хорошо, а выход сам найдется, если спокойно ждать, как развернутся события. Только — терпение! Я подал вам великий пример. Следуйте мне и в этом! Надеюсь, однако, скоро увидеться с вами. Ваше желание относительно биографических заметок я исполню. Теперь давайте подождем. Ради бога, не пишите в вашей новой книге о раздорах, в которых замешаны известные особы; они еще пресмыкаются здесь повсюду и могут опять ис-

портить воздух, которым я дышу. Оставим пока в покое старые вшивые истории. Если бы только я не был так болен, какие бы тогда открылись светлые перспективы! Мне непонятно, как мог я, находясь в таком тяжелом положении, написать «Романсеро»! Вы правы, за всю историю книготорговли ни одна книга, да еще сборник стихов, не имела такого успеха при появлении. Через два месяца после ее выхода расхватили уже четвертое издание (даже стереотипное), и Кампе признался мне, что каждое издание выходило тиражом не меньше пяти-шести тысяч экземпляров. В списке моих друзей, которым он должен был послать книгу, было и ваше имя, но Кампе написал мне, что он не знает, как и где передать вам экземпляр. Черкните мне несколько слов об этом. Можно ли посылать вам отсюда книги бандеролью?

Будьте здоровы, дорогой юный друг! Я скоро напишу вам опять и откровенно выскажу свои мысли, — я совершенно доверяю вашей строгой скромности. Жена хранит живейшую память о вас и дружески вас приветствует. Кстати, благодаря моему хладнокровию и терпению я добился, что Фридлянд отчасти возместит (правда, скудно) большие суммы, которые я из-за него потерял. Я получу некоторую компенсацию и радуюсь, что мне не придется прибегать к насильственным мерам. Я был убежден, что он, когда оправится, сделает все, чтобы удовлетворить меня. О политике не пишу вам ничего, — о нашем положении вам достаточно красноречиво сообщают цензурные пропуски в здешних газетах.

Ваш друг и современник

Генрих Гейне.

176. ЮЛИСУ КАМПЕ

Париж, 18 марта 1852 г.

Дорогой Кампе!

Сегодня отвечу на ваше письмо коротко, только чтобы вы знали, что я жив. Из всего, о чем вы мне пишете, мне показались особенно важными лишь два пункта: первый пункт — сообщение об объявлении в «Гамбургской газете», а второй — беспокойство, с каким вы говорите о будущем

собрании сочинений, издание которого, как вам кажется, должно быть отсрочено из-за современных событий. Ваша тревога печалит меня тем более, что здоровье мое ухудшается с каждым днем и дальнейшее откладывание издания может оказаться роковым. Желая по возможности предотвратить эту беду, я прошлой ночью много часов думал, и, как ни тягостно мне сегодня диктовать, я все-таки хочу сделать вам кое-какие указания. Прежде всего замечу, что сообщение о каком-то судебном процессе против «Романсеро», возможно, — нет, даже очевидно, — является выдумкой врагов; туманные выражения, в которых выдержано все это извещение, с головой выдают мошеннический умысел. Никогда судебное преследование не возбуждается против книг, а всегда — против человека. Судебная палата, где должно разбираться это дело, не указана, а так как я безусловно уверен, что министерство вероисповеданий не подавало жалобы подобного рода, то я склонен считать, что все это — злостная утка, чтобы обвинить мои стихи в безнравственности. Поэтому неплохо, если бы вы напечатали опровержение этой утки, помеченное Берлином и составленное в суконном судейском стиле, подобно административному сообщению. Таким образом, косвенными путями мы добрались бы и до сути дела. Упрек в аморальности — ложь, и, так как книга находится в тысячах рук, читателям это сразу станет ясно; что касается крепких выражений, то, право, можно было бы составить куда более увесистую антологию из произведений Лютера и даже из произведений самого господа бога, то есть из библии.

Возвращаясь к собранию сочинений. Несколько месяцев назад я торжественно составил новое нотариальное завещание; на случай моей смерти до выхода собрания в свет я назначил друга, который будет руководить изданием вместо меня; оставляю ему для этого необходимые инструкции, которые он должен соблюдать со всей точностью. Я выбрал лицо, — вы останетесь им довольны, — которое поможет вам преодолеть непонятливость и упрямство на вашем пути. В мою инструкцию войдет главным образом проспект, в котором я устанавливаю распределение и группировку различных сочинений, порядок их чередования, согласно хронологии написания и внутреннему их духу. Все это делается не только ради моей репутации, но и ради ваших интересов, и я хотел бы, ввиду ненадежности моего

состояния, как можно скорее столкнуться с вами. Поэтому изложу инструкцию вам. Прежде всего я хочу, чтобы тома были не слишком толстыми и не желаю, хотя бы ради симметрии, чтобы какой-нибудь один том оказался намного объемистее других, но тут мне непременно нужна ваша помощь. Вы должны подсчитать печатные листы в произведениях, которые я группирую в одно целое, и сказать мне, правильно ли я подсчитал. При состоянии моих глаз сделать это мне самому невозможно.

22 марта.

Меня прервали визитеры, и я уже почти не помню, о чем вам писал; однако я все же хочу в немногих словах пояснить вам мои нынешние мысли о расположении собрания сочинений. При этом я имею в виду в первую очередь два пункта. Во-первых, считаю наиболее выгодным для ваших интересов, чтобы каждый том был не слишком большого размера. Мне кажется, что самым удобным будет объем в пятнадцать листов, немногим больше или немногим меньше — точно вымерить нельзя. Припоминаю, что в свое время мы говорили об объеме, и вы тоже считали, что лучше давать небольшое количество листов. Особенно возражают библиотеки против большого количества листов в книгах. Второй пункт, который я имею в виду при распределении произведений, это отказ от печатания стихов в хронологической последовательности; стихи я отправляю в ссылку в последние тома. Вы будете этим очень довольны, так как намереваетесь издать все мои стихотворные произведения в четырех томах, то есть «Книгу песен» как первую часть, «Новые стихотворения» — как вторую, «Атту Тролля» и «Зимнюю сказку» — как третью и «Романсеро» — как четвертую. Если сохранить этот же порядок в собрании сочинений, мои поэтические произведения выйдут только в конце его, и думаю, что я вполне реально иду навстречу вашим нуждам.

Вот мои предложения относительно каждого тома собрания сочинений:

Т о м I.

1. «Путешествие по Гарцу».
2. «Книга Ле Гран».

Вероятно, надо будет предпослать этому тому маленькое предисловие, но оно зависит от требований времени; во всяком случае, предисловие должно быть кратким, — том достаточно велик.

Т о м II.

1. «Северное море» (все три части).
2. «Италия», часть первая («Путешествие от Мюнхена до Генуи»).

Кроме прозаической части «Северного моря», мне нужно по важным соображениям напечатать здесь и обе стихотворные части, поэтому я не включу их в новое издание «Книги песен», а читателя отошлю к этому второму тому.

Т о м III.

1. «Италия», часть вторая («Лукские воды»).
  2. «Италия», часть третья («Город Лукка»).
- Таким образом, эти две части образуют цельный том, вполне самостоятельный по содержанию.

Т о м IV.

1. «Англия» (из четвертой части «Путевых картин»).
2. Описание французской художественной выставки (эта вещь под заглавием «Салон 1831 года» помещена в первой части «Салона»).

Т о м V.

«Французские дела», часть первая.
Я даю здесь только большую вводную статью и не помещаю следующих за ней писем и предисловия.

Т о м VI.

1. «Французские дела», часть вторая (здесь я даю выпущенные выше маленькие письма).
2. Предисловие к «Делам» (его я помещаю здесь в качестве послесловия, для связи с упомянутой второй частью).
3. Предисловие к первой части «Салона».
4. «О доносчике».
5. «Швабское зеркало». (У меня есть его неизуродованная рукопись.)

Т о м VII.

1. Письма о французском театре.
2. «Мемуары г-на фон Шнабелевопского» (из первой части «Салона»).

Т о м VIII.

«Романтическая школа».

Чтобы книга не получилась слишком толстой, выбросим из нее то, что, в сущности, должно было составить предисловие и содержится в конце; это отрывок, который начинается с созерцания тела Карла Великого. Диатриба против Кузена из этого тома тоже изымается. И то и другое будет дано в другом томе.

Т о м IX.

Рассказ об истории немецкой философии и теологии, который помещен во второй части «Салона».

Т о м X.

1. «Духи стихий» (они — в третьей части «Салона» вместе с последующим маленьким продолжением, в которое входит «Тангейзер»).

2. Моя книжечка о докторе Фаусте.

Этот том приобретает, таким образом, строгое единство.

Т о м XI.

1. Книга о Берне.

Так как этот том слишком велик, я многое из него вычеркну — пространные цитаты из произведений Берне, то есть ругань против меня, которую я сам напечатал. Само собою понятно, что отрывок, относящийся к г-ну Штраусу и его супруге, будет выброшен. Словом, где смогу сократить книгу, там сокращу. Но к этому я вернусь еще особо.

Т о м XII.

1. «Флорентинские ночи».

2. «Бахерахский раввин».

Т о м XIII.

1. «Альманзор» (из моих трагедий).

2. Начало перевода «Манфреда» Байрона (из моих «Стихотворений», напечатанных у Маурера).

3. «Письма из Берлина».
4. Введение к «Дон-Кихоту».
5. «Путешествие в Польшу» (юношеская статья в «Собеседнике», в которой весьма много *губицизмов* и которая нуждается в сильной реставрации; хвост, трактующий о старогерманских стихах, нужно совсем отрезать).
6. Предисловие к письмам Кальдорфа о дворянстве.
7. Может быть, рецензия на книгу Менцеля.

Т о м XIV.

1. Предисловие к «Зимней сказке».
2. Предисловие к «Атте Троллю».
3. Предисловие к «Деревенским новеллам» Вейля.
4. «Девушки и женщины Шекспира».
5. Корреспонденции во «Всеобщей газете».

В работе о Шекспире будут выпущены цитаты в конце. Один бог знает, что я теперь смогу использовать из корреспонденций во «Всеобщей газете»! Обстоятельства изменились, придется вычеркнуть все примечания редакции. Отписки обычно полны ошибок, поэтому мне самому придется извлечь мои работы из хаоса, — иначе все погибнет. Бедные мои глаза! Хоть и старая руда, а все-таки золотая. Во всяком случае, что-нибудь да получится.

Т о м XV.

Этот том куда более пестрый, чем предыдущий, — он, пожалуй, будет кладовой всего собрания сочинений. В нем, в частности, содержатся:

1. Два отрывка, которые я выбросил из «Романтической школы», то есть диатриба против Кузсна и предшествующая ей вышеупомянутая глава.
2. Предисловие к «Книге песен».
3. «Диана. Пантомима».
4. Маленькие статьи, например старая статья о Рейнольдсе во «Всеобщей газете», большая затерявшаяся критическая статья о Михаэле Бере из «Утренней газеты», статьи из «Газеты для любителей изящного» и тому подобная мешанина. Но бедные мои глаза! Если я сам не отыщу этих вещей, их никто не найдет, или, что еще хуже, на меня взвалят чужие грехи, как, например, при раскопках «Всеобщей газеты».

Т о м XVI.

«Книга песен».

«Северного моря» здесь не будет, если вы согласитесь.

Т о м XVII.

«Новые стихотворения» (по второму, расширенному изданию и в том же порядке).

Т о м XVIII.

1. «Зимняя сказка».

2. «Атта Тролль».

Предисловия, повторяю, будут изъяты.

Т о м XIX.

«Романсеро».

Замечу в дополнение, что «Путешествие по Гарцу» и «Книгу Ле Гран» нужно печатать не по первому изданию; для обоих надо использовать второе издание.

Дорогой Кампе, перед вами — тщательно продуманный мною предварительный план того, как должны быть расположены тома в собрании сочинений; надо позаботиться только, чтобы, если я отойду в мир иной до опубликования этого собрания, оно не потерпело урона от моей кончины. Вы знаете, дух порядка и организации принадлежит к моим главным добродетелям. Еще недавно вы заметили это при издании «Романсеро»; оно бесконечно потеряло бы, если бы я не уделил много времени и размышлений расположению в нем стихов. Сборники стихов многих немецких поэтов сильнее притягивали бы публику, если бы анархия в расположении материала не выдавала варварского духа авторов. Мне будет приятно, если сегодняшнее мое послание встретит полное ваше одобрение. Если нужно что-нибудь изменить, я к вашим услугам. Это главное. Вскоре напишу более подробное письмо.

Ваш преданный друг

Генрих Гейне.

177. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 31 марта 1852 г.

Дорогой Кампе!

Ближайшей целью сегодняшнего моего письма является вопрос: удобно ли вам, чтобы я уже сейчас выписал на вас вексель на сумму следуемого мне за полугодие гонорара, срок выплаты которого, согласно последнему условию, назначен, если не ошибаюсь, на 1 июля, с тем чтобы я сейчас взыскал с вас, сроком на три месяца, эти 600 марок ассигнациями, плюс 100 франков, которые я уплатил за вас Гати, то есть 650 марок ассигнациями? Повторяю еще раз, у меня нет под рукою ваших последних писем и я не знаю точно, на какое число вы установили срок выплаты; во всяком случае, я не буду взыскивать денег до наступления срока. Прошу только оказать мне любезность и разрешить выписать вексель сроком на три месяца, это даст мне наличные, с которыми в данный момент у меня очень туго. Вот теперь вы убедитесь, каким пожирателем денег является мой недуг, ввергающий меня во всевозможные неприятности, от которых я могу откупиться только деньгами. Кроме того, с финансами меня подвели в этом году больше, чем обычно, но это нельзя доверить бумаге. Печально, очень печально, что в моем теперешнем состоянии я вынужден еще думать о зарботке; все же придется это сделать уже нынешним летом, и весьма возможно, что мне надо будет, разумеется без ущерба для ваших интересов, использовать свое имя, хотя это очень претит моим привычкам и убеждениям. Я, кажется, всегда слишком многим жертвовал из деликатности и чертовски мало благодарности получил за это. Ради тех, кто сейчас в живых, я пожертвовал большей частью мемуаров; а сейчас я получаю такие предложения относительно мемуаров, которые изумили бы вас, но это звучит как ирония. Не поймите меня превратно, дорогой друг, — я и не думаю издавать их, хотя это сразу освободило бы меня от всех затруднений, и совершенно не собираюсь стучаться к вам с черного хода. Я хочу только, чтобы вы приняли к сердцу мою великую нужду и пораздумали над нею. Сейчас я очень болен и очень занят, и у меня на душе лежит кошмаром, что я не написал еще милому, славному Хауэншильду, который доставил мне столько удовольствия. Передайте ему, что я уже с самого начала

обращаюсь с ним как со старым другом, — ведь старых друзей я всегда заставляю ждать писем, тогда как для самых безразличных, случайных лиц у меня постоянно к услугам несколько плоских вежливых строк. Надеюсь, вам понравился мой набросок проспекта сочинений. Некоторые тома, может быть, покажутся слишком тощими, но, признаюсь вам, — я не указал этого в плане, — я собирался прибегнуть к услугам своей музы и прибавить здесь более обширные комментарии. Однако я слишком болен, и немногие минуты, когда я способен диктовать, чересчур нужны мне для неотложных текущих дел — я не могу обещать вам ничего определенного. Можно очень улучшить книгу при помощи пустякового добавления; мне кажется, я доказал вам это хотя бы послесловием к «Романсеро». Иногда всего лишь несколько страниц создают успех всему произведению. Если я проживу еще немного, я смогу многое сделать для собрания сочинений, но даже если печальный исход близок, мне хочется сделать все от меня зависящее.

С гамбургской библиотекой я попался впросак; как вы совершенно правильно заметили, она немногое может мне предложить. Последняя посылка обошлась мне в 16 франков почтового сбора, а ведь только собрание писем И.-Г. Фосса представляет для меня некоторый интерес и было мне полезно в литературном отношении. Мне бы очень хотелось пополнить мою работу о немецкой литературе; особенно занимает меня эта мысль в отношении Граббе, Иммермана, Клейста и Эленшлегера — четырех великих драматических поэтов, о которых я, к стыду своему, ничего не сказал и о которых мог бы сказать так много. Пошлите мне бандеролью каталог Бернгардта, я посмотрю, что там можно для меня достать. Передайте мой привет вашей супруге, дочери и наследному принцу.

Дружески преданный вам

Генрих Гейне.

178. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 6 апреля 1852 г.

Дорогой Кампе!

«Revue des deux mondes» давно уже объявило, что оно предложит своим читателям серию гравюр — портретов современных знаменитостей. Посылаю вам сегодня

бандеролью первый номер, в котором «Revue» выполняет свое обещание. Во главе кортежа — физиономия вашего покорного слуги, а сзади плетется большая статья Тайандье, в которой он, как видите, прямо начинает с «Романсеро». Вот какое непосредственное употребление вы можете сделать из этого номера: портрета ради покажите журнал сперва вашим дамам, потом моей сестре, а затем используйте статью француза в немецких газетах. Несмотря на католическую точку зрения автора, она развивает более свободные взгляды и в ней царит бóльшая широта, чем в значительной части немецкой критики. Недавно один здешний немец, г-н Энглендер, прочел мне критическую статью о «Романсеро»; она относится к лучшему из всего в этом роде, что мне приходилось читать; особенно важно, что в статье блестяще разбиваются подлые обвинения в аморальности. Мне кажется, она предназначалась для берлинской «Национальной газеты», но, конечно, не была напечатана; если вы согласны, я склоню г-на Энглендера сделать из своей работы брошюру, за которую вы, конечно, прилично заплатите, так как она имела бы исключительное значение для нашего собрания сочинений, — эта статья положила бы конец грубой лжи ханжей и фарисейским воплям о цинизме. Но это ваше дело, я забочусь об этом ради вас, меня самого угнетают сейчас другие заботы. Мои силы слабеют чертовски быстро, и я не могу откладывать в долгий ящик важные дела, которые должен сделать. Из Германии я ежедневно получаю самые трогательные знаки симпатии; все хотели бы мне помочь, но никто не может. Я спокойно иду к могиле, или, вернее, лежа приближаюсь к ней. На днях я перебирал свои бумаги и сделал радостное открытие, о котором вскоре расскажу вам.

Кстати, беру назад мой недавний вопрос о том, могу ли я уже теперь выписать на вас полугодовой вексель; у меня открылись неожиданные денежные источники: через моего брата мне возвращают деньги, которые я уже считал потерянными.

Пришлите мне требуемый каталог. Может быть, если на будущей неделе я отошлю мои книги в Гамбург, я заодно вложу для вас мой медальон, отлитый из бронзы. Я специально для вас велел отлить этот бронзовый барельеф, так исключительно похожий на меня; может быть, он пригодится вам впоследствии, не говоря об удовольствии,

которое он должен доставить вам сейчас. Не забудьте про каталог. Если бы при случае вы прислали мне «Сто дней» Граббе, вы бы очень меня обрадовали.

Будьте здоровы и оставайтесь дружески расположены

к вашему

Генриху Гейне.

179. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 14 апреля 1852 г.

Дорогой Кампе!

Спешу ответить на ваше последнее письмо, чтобы меня не угнетал отложенный ответ. Прежде всего, сообщаю вам — меня очень огорчает, что вы не разыскали рукописи второго тома «Салона»; ведь это адская работа — восстанавливать цензурные пропуски, сличая текст с французским переводом. Я тотчас принялся за нее, но вижу, что бесчисленных мелких искажений мне не исправить. Я смогу перевести обратно с французского только большие отрывки, которые были вычеркнуты, — их около десяти, — у меня случайно сохранился оригинал двух из этих кусков. Придется, пожалуй, написать и маленькое предисловие. Таким образом прибавится, вероятно, больше печатного листа, может быть листа полтора, и потому может случиться, что маленькие стихотворения в конце тома придется отбросить. Здесь они только помеха и тем более не на месте, что я включил их в «Новые стихотворения». Недели через две вы получите от меня второй том «Салона», подготовленный к печати. С моей стороны это немалая жертва, так как сейчас я занят более важными работами.

Меня удивило ваше подозрение, будто в «*Revue des deux mondes*» напечатан тот самый мой портрет, который вы заказали Китцу. Через несколько дней после выхода в свет этого номера «*Revue des deux mondes*» с портретами г-н Китц, которого я после вашего отъезда ни разу не видел, явился ко мне с визитом; из его слов я понял, что у вас есть известное право на отвратительные подозрения в отношении немецкой сволочи, с которой вы имсете дело. Рот у меня был сведен судорогой, я не мог говорить и дал г-ну Китцу спокойно выболтаться и беспрепятственно излить

все свое честное немецкое сердце. Я с омерзением услышал, что этот болван не нашел в себе достаточно мужества, чтобы точно договориться с вами о гонораре за свою работу и, вероятно, по совету г-на Фивега, имел подлость гарантировать себя на тот случай, если вы дадите ему слишком мало: он предоставил вам не оригинал портрета, не тот рисунок с натуры, который ему удался, а куда более скверную копию, тогда как первый, оригинальный рисунок он оставил себе здесь, в Париже. Вы приказали Фивегу заплатить ему гонорар, но ваш племянник дал ему не деньги, а лишь квитанцию в счет старого долга, который тот давно полагал забытым. Вероятно, г-н Фивег потому и рекомендовал вам Китца, чтобы таким способом вернуть себе деньги. Г-н Китц написал вам, претендуя на большее, а вы ответили ему резкой отповедью и на этот раз были правы вдвойне. Теперь мне предстоит весьма неприятное ожидание: в один прекрасный день появится какая-нибудь убогая гравюра с этого портрета, — если г-н Китц найдет земляка, который пожертвует парой талеров, чтобы нажиться на моей физиономии. Надо полагать, что это сделает сам г-н Фивег, чтобы вернуть себе остаток своего долга. Я же, положивший немало сил на то, чтобы позировать известным здешним художникам, я буду, таким образом, надут за счет собственного своего лица и посрамлен своим effigie.¹ На этот случай вам следует поручить в Париже защиту ваших прав надежному человеку и при появлении этого портрета наложить на него арест. Это ваше неопровержимое право. Бедный Кампе, в Гамбурге вам, видимо, немногим больше повезло с литографом; оттиск портрета, который вы мне прислали, не только измазан, но и искажен; гравер укоротил мне нос и наградил меня поросячьими глазами. Так что это — выброшенные деньги, и нам нужно подумать, как бы получить лучшее изображение. Мой портрет и статья в «Revue des deux mondes» производят здесь огромную сенсацию, и, повторяю, вы ничего не потеряете, а может быть, и выиграете, если выпустите эту статью отдельной брошюрой в немецком переводе. Г-н Готшалль прекрасно бы это сделал, используя в качестве предисловия свою ненапечатанную статью.

---

¹ Изображением (франц.).

Благодарю вас за разрешение перевести на вас вексель на более короткий срок, впрочем еще не знаю, воспользуюсь ли этим, — в предыдущем письме я упоминал, что для меня открываются неожиданные денежные источники. Но если только я в теперешнем моем состоянии захочу провести лето на даче, чего из экономии я не мог себе позволять последние четыре года, мне понадобятся грандиозные суммы. Вы правы, дорогой Кампе, говоря, что нужно по одежке протягивать ножки. До сих пор я так и поступал; но теперь я хотел бы сшить себе более просторную одежду и поэтому просил у вас совета; однако я напрасно искал его в вашем письме, так что я теперь и вынужден и могу сам себе помочь. Вам кажется, — так вы пишете, — будто гонорар за «Романсеро» избавил меня от всяких забот. Я и сам в первое время так думал, но люди, которые считают меня крезом именно из-за этого большого гонорара, выудили у меня больше денег, чем я рассчитывал; вообще же вы по собственному опыту хорошо знаете — счетовод я плохой. Конечно, я благодарен вам за то, что вы наконец-то заплатили мне приличный гонорар, что вы избавили меня от роковой необходимости торговаться. Да и я тоже сделал все, что могло быть для вас хоть сколько-нибудь полезно. Но я знаю также, что и на этот раз я вам не ставил безрассудных требований, если сравнить их с теми грандиозными предложениями, которые мне делались и тогда и совсем недавно. Я хочу работать с удовольствием, и этому чувству я охотно жертвовал и жертвую часть своих денежных интересов; и когда я вижу, что издатель, которому я приношу огромную прибыль, обращается со мной чуть-чуть по-человечески, я уже это засчитываю ему в заслугу и бываю вполне доволен. В те времена, когда моя популярность была достаточно велика, я получал от своего издателя за произведения, которые стоили мне всех жизненных сил и даже жизни, едва ли столько, сколько выжимают из немецких издателей обыкновенные *laisseurs*¹ без таланта и репутации. Теперь, когда у меня нет богатого дядюшки, когда я не жду большого состояния и вынужден из-за своей болезни тратить втрое больше, чем прежде, меня едва ли кто-нибудь осудит, если я потребую с моего любимого друга Кампе порядочную сумму за книги,

---

¹ Кропатели (франц.).

которые я написал в зените своей популярности и которые должны принести издателю большой и абсолютно верный доход. Видите, я признаю ваши заслуги, но умею заботиться и о ваших интересах; как и прежде, все, что я делаю, будет доставлять вам радость и доход, но и мне моя работа должна приносить профит. Как только я разберусь в самом себе и, посоветовавшись со своей собственной душой, выясню, на какие усилия она еще способна, как только я взвешу свои силы, я сообщу вам, смогу ли вообще (а если смогу, то как именно) помочь каким-нибудь новым изданием поддержать нашего бедного друга Генриха Гейне. Вы знаете мою совесть, вам известно, что я никогда не увлекаюсь пустыми посулами, если не уверен, что у меня хватит сил для осуществления своих намерений.

Вы все еще ничего не ответили о представленном вам проспекте моего полного собрания. Все-таки прошу вас подумать об этом, когда у вас найдется досуг. Меня встревожили ваши слова о неблагоприятности нынешнего момента. Но вы об этом не забывайте.

Будьте здоровы, оставайтесь по-прежнему благожелательны к вашему несчастному, тяжело страдающему другу

Генриху Гейне.

180. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 7 июня 1852 г.

Дорогой Кампе!

Надеюсь, эти строки застанут вас по возвращении из Лейпцига в добром здравии. Вернувшись, вы, вероятно, получили рукопись, которую я послал вам для второго тома «Салона». Если предисловие еще не напечатано, мне очень хотелось бы проследить за корректурой. Во всяком случае, хочу исправить одно выражение. В упоминании о господах Даумере, Бруно Бауэре и Фейербахе встречаются слова: «...эти боги без бога». Вместо этих слов я хочу поставить следующие: «...эти обожествившие себя безбожники».

Ваш каталог Бернгардта я давно получил, а третьего дня пришел и каталог Лайста. Последний, кажется, лучше, но я не могу сразу просмотреть его. Зато каталог Бернгардта я уже проглядел и составил прилагаемый список; номера, отмеченные крестиком, мне особенно хотелось бы получить. Постарайтесь послать мне маленькую посылку, но не по железной дороге, а с оказией. Мой брат Макс поедет ко мне из Петербурга через Гамбург, и вы можете послать книги с ним. Я с огромной жадностью прочел шесть прусских томов Фезе и был бы рад, если бы вы прислали мне следующие за ними австрийские тома — не в собственность, а только чтобы мне их прочитали; я не коллекционер и потому всегда охотно возвращаю книги. А эта вещь доставляет мне истинное наслаждение. Теперь я начинаю верить, что мы, немцы, получили наконец толковую национальную историю. Книга Фезе кладет ей начало. Заслуга ее огромна, и прибыль, которую извлечет издатель, будет так же велика. Подражания станут расти, как грибы. Дорога проложена, немцы могут наконец-то встретиться со своими властителями лицом к лицу. Какой превосходный зверинец, какие в нем удивительнейшие скоты! Каждая особь — со своим характером, законченным и завершенным, каждая особь — истинный шедевр господ бога, чья творческая мощь и авторское величие являются здесь в полном блеске и вызывают наше изумление. Никто больше не мог бы создать таких прусских королей, никакой Шекспир, никакой Раупах — здесь мы зрим перст божий.

К сожалению, я не мог часто видеться с г-ном Фезе, а когда под конец он навестил мое убежище, я был так болел, что не мог с ним говорить. Но еще до того мы кое о чем поболтали, и у вас, верно, тоже звенело в ушах. Скажу вам честно, вы еще довольно-таки легко отделались; оба, и великий историк и великий поэт, рисовали ваш образ не слишком яркими красками и отнеслись к вам справедливо. Литературный замысел, с которым я носился, Фезе выбил у меня из головы; он обратил мое внимание на то, что читателям теперь гораздо больше нравится изображение социальных и политических дел, нежели старая беллетристическая болтовня об искусстве и литературе. Я воспользовался этими намеками; в моей душе зреет книга, которая явится плодом и конечным итогом моих парижских наблюдений за четверть века и которая непременно оста-

нется в немецкой литературе, если не как исторический труд, то как хрестоматия хорошей публицистической прозы. Мне давно уже внушают некоторые друзья, что после «Романсеро» от меня ожидают прозы, и я с божьей помощью надеюсь вполне удовлетворить это требование. Тут мне особенно благоприятствует удивительное стечение обстоятельств. Скоро напишу вам об этом подробнее. Хочу отделиться этой работе с чистой радостью, с полным спокойствием и устранить заранее все, что хоть сколько-нибудь может нарушить мой покой. При мрачном состоянии моего здоровья я обязан считаться со всеми влияниями, раз я хочу отдаться делу, требующему большого труда. Не знаю, насколько хватит у меня сил, и потому ничего не могу сказать определенного о сроках окончания, а ведь вы, как только я скажу вам о моем проекте, сразу будете настаивать на кратчайшем сроке. Но на сегодня довольно. Замечу только, что надеюсь еще в этом году приготовить тома два, которые подведут итог моей литературной работы и со славой дополнят существующие произведения. Я так занят, что почти забываю про домашние дела. Относительно последних имею честь уведомить, что на днях выписываю на вас вексель на сумму в 650 марок ассигнациями, на имя «Гомберга и К°». Это за истекшее полугодие плюс 100 франков, которые я уплатил за вас Гати.

Надеюсь, вы повидаетесь с моим братом Максом. Макс не только очень остроумный, но и чрезвычайно расудительный человек, и он, надеюсь, доставит вам удовольствие. Я ему доверяю полностью, и он всегда этого заслуживал.

Ваши слова о г-не Китце чрезвычайно меня удивили; я должен все-таки отдать ему справедливость — его *stocquis*¹ был бесконечно лучше, чем стереотипный отпечаток, та карикатура на мое лицо с провалившимися глазами трески, которую вы как-то раз мне переслали. В сущности, я доволен и не возражаю против того, что моя физиономия избежала этого искажения при гравировке. Будьте здоровы и оставайтесь дружески расположены

к вашему

Генриху Гейне.

---

¹ Набросок (франц.).

181. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 24 августа 1852 г.

Дорогой Кампе!

Я получил ваше письмо от 15-го числа. Слава богу, я отделался только синяками и, значит, не зря проявлял осторожность, когда не хотел печатать книгу, не зная, можно ли ее издать немедленно, с расчетом на современную обстановку, или же следует примириться с задержкой издания и позаботиться о том, чтобы книга, несмотря на это, не потеряла свежести. Мне хотелось бы только, чтобы на мое ясное и членораздельное предложение вы изрекли такое же ясное и определенное «да» или «нет», а мне не пришлось снова писать письмо и просить вас ясно сказать мне, окончательно ли вы отвергаете мою просьбу. В вашем предложении взять книгу на комиссию, если я захочу издать ее по подписке, право же, нет ни серьезности, ни *bonne foi*,¹ как, впрочем, и во всех тех аргументах, которые вы приводите в оправдание своих жалоб на мои слишком высокие гонорарные требования, особенно когда вы уверяете, что, издав «Романсеро», вы сделали невыгодное дело и проч.; да к тому же вы смешиваете «Французские дела» с произведением, которое моложе их на двадцать лет и о содержании которого вы не имеете никакого представления. В своем письме я совершенно откровенно признался вам, что вовсе не собираюсь издавать книгу по подписке, и, печатая опровержение этого слуха, я хотел одновременно оповестить публику о том, что моя следующая книга выходит в вашем издательстве. Уже месяц назад я писал в Аугсбург, прося моего друга Кольба опровергнуть при случае слух о подписке; тогда же я написал ему, насколько мне помнится, что вы пришлете ему экземпляр второй части «Салона». Прошу вас опять не забыть об этом. Впрочем, дорогой Кампе, я поступаю глупо, обращая внимание на ваше предложение быть моим поверенным в делах подписки, — ведь это только обычный, старый ваш метод заманивать корреспондента на отдаленную территорию, утомлять и мучить его, увлекая то в одну, то в другую сторону, вместо того чтобы коротко и ясно ответить на вполне определенные

---

¹ Добросовестности (франц.).

вопросы. Поэтому я ни слова не пророню о «Романсеро», — ведь вы все время жалуетесь, что на него нет спроса, точно так же как вы когда-то жаловались на это в отношении «Книги песен». Десять лет подряд терпеливо слушал я ваши сетования по поводу недостаточного спроса на «Книгу песен». Моему «Романсеро» еще нет и года, значит ваши жалобы прекратятся не так-то скоро. Тем временем я умру. Если «Французские дела» не имели такого огромного спроса, как другие мои книги, меня это не удивляет, — ведь эта книга была всего лишь сырым оттиском политических статей, которые за три месяца до ее появления одна за другой помещались во «Всеобщей газете» и которые более или менее значительными отрывками, а часто и целиком, одновременно перепечатывались чуть ли не во всех немецких газетах. Эта книга была не для широкой публики, которая в то время еще не привыкла к политическому чтению. К тому же она и не была слишком увлекательной; книга однообразна, совершенно лишена юмора, в ней и речи нет об искусстве, литературе, о народной жизни; это фактическое изложение злободневных событий, без всякой исторической перспективы, которой у новичка тогда и быть еще не могло. Я ничем эту книгу не украсил, кроме большого и блестящего предисловия, которое, как вы знаете, не было напечатано. Мне очень хорошо известно, что нужно для того, чтобы обеспечить книге успех у публики, и вы отлично знаете, что при наличии досуга я способен это сделать. Разве я вводил вас когда-нибудь в заблуждение относительно содержания какой-нибудь из моих книг? Разве я давал вам фальшивый прогноз относительно «Дел»? Почему же вы теперь возводите на меня столь несправедливое обвинение? Ваши слова о Луи-Филиппе по-своему, может быть, и верны, но в моей новой книге он является только украшающей фигурой, хотя несколько недель назад я написал о нем дополнительно еще около полутора печатных листов, и они, несомненно, вызовут большой интерес. Герой моей книги, истинный ее герой, — это социальное движение, которое Тьер, когда он взбудоражил и Германию, внезапно спустил с цепи и которое напрасно старался укротить Гизо. Именно в этом сюжет моей книги, и развертывается он преимущественно в 1840—1843 годах; Февральская революция — только вспышка, и я с полным правом мог бы назвать мою книгу введением в революцию; впрочем,

заглавие книги я оставил на собственное ваше усмотрение. Я преспокойно могу убрать титула имя Луи-Филиппа. Действительно, странное дело с заглавием книжек! У меня был лакей-немец, который простодушно дивился тому, что на обложках моих книг всегда встречаются имена Гофмана и Кампе. Он осуждал это, полагая, что Кампе не слишком популярен, а Гофман совершенно неизвестен.

Если вы, дорогой друг, серьезно думаете о том, чтобы на обложке моей следующей книги уже не стояли имена Гофмана и Кампе, — что ж, это в вашей воле! Что касается меня, я сожалею от всего сердца, что имена, к которым мое собственное имя привыкло, не будут красоваться на последней моей книге. Читатели, конечно, удивятся, но они удивились бы еще больше, если бы узнали, что причиной этому — денежные разногласия. Меня спросят, велики ли они. Что мне ответить? Но, может быть, это не денежные разногласия, и вы действительно недооцениваете творения моего духа, с чем я сталкивался каждый раз, издавая у вас новую книгу, пока вопросы гонорара не были улажены. Я слишком горд, чтобы верить этому, и мне вспоминаются по этому поводу слова одного нашего общего друга, сказанные несколько месяцев назад: «Не жажда денег побуждает Юлиуса Кампе к мелочным препирательствам, — в серьезных вопросах он, быть может, великодушнее, чем его коллеги, — но он непременно желает этим коллегам доказать, что умеет получать самые лучшие книги гораздо дешевле, чем они; и он скряжничает ради скряжничества, подобно тому как истинный художник занимается искусством исключительно ради искусства». А теперь, дорогой Кампе, вот моя самая настойчивая просьба. За всю любовь, которую я доказал вам в течение жизни, избавьте меня раз и навсегда от прискорбных денежных дискуссий, и пусть это письмо будет последним, в котором я принужден обсуждать с вами свои денежные интересы. Сделайте все, чтобы мне не нужно было возвращаться к этому вопросу. Не говорите мне больше о заплесневелых «Французских делах», о ваших огорчениях с «Романсеро», о подписке, в которой вы хотите быть мне полезным. Когда вы начинаете обсуждать все эти темы, тогда из-под маски почтеного и серьезного человека на меня глядит старый плут, которого я так хорошо знаю и который при других обстоятельствах так часто меня восхищал. Но теперь я болен и,

чтобы закончить мои последние работы, должен вести счет времени. Потому прошу вас сказать мне без лишних слов, без увиливаний, подходит ли вам мое предложение об издании или нет. В последнем случае прошу со всей определенностью подтвердить, что я предложил вам издать мою книгу и что вы отклонили это предложение. Вы можете, если хотите, мотивировать свой отказ вопросом о гонораре, но укажите точно разницу, которая препятствует соглашению. Я требую от вас объяснения, только чтобы констатировать ваше нежелание издать книгу на предложенных мной условиях, и заверяю вас честным словом, что, коль скоро я буду принужден распорядиться книгой по своему усмотрению, я издам ее, только если мне обещают и твердо гарантируют гонорар в 6000 марок ассигнациями. Возможно, я даже поставлю условием, чтобы книга вышла лишь после моей смерти, — у меня тем временем будет досуг, чтобы украсить ее как можно лучше, и это обстоятельство тоже до некоторой степени гарантирует успех книги у такого сентиментального парня, каков наш Михель. Неохотно, дорогой друг, даю я вам некоторый повод для раскаяния, и не только убыток, который причинит вам незаконченное собрание сочинений, послужит причиной этого раскаяния, — нет, вам не удастся отделаться от горькой мысли, что из-за незначительных денежных разногласий вы омрачили мои последние минуты. В самом деле, меня удручает необходимость заключать нерасторжимые сделки, которые могут испортить наши добрые отношения, и я охотно пойду на какую угодно жертву, лишь бы избежать этого. Если для вас мое предложение приемлемо и вас просто подзуживает мания живодерства, которая мне хорошо знакома, если вы можете сделать мне приличное и почетное предложение, которое не приведет к тому, что с меня будет содрана шкура (я теперь не в силах переносить это так же спокойно, как раньше, — на мне нет больше мяса, остались только кожа да кости), тогда и я пойду на денежную жертву. Как только состоится наше соглашение, я оставлю за собой право доказать вам, называя точные имена и числа, что мне делали совершенно неспровоцированные мною предложения, при которых я, несомненно, мог рассчитывать на требуемую сумму. Следовательно, в моем безнадежном состоянии денежная жертва, приносимая только ради вас, является чем-то необычным. Впро-

чем, нынче мне не пристало распространяться на эту тему. Я вас прошу только об одном — о скорейшем решении, чтобы я мог выбросить из головы дело, мешающее мне работать. Не знаю, в Гамбурге ли еще мой брат Макс, но на случай, если он еще там, я на днях ему напишу, а вас прошу известить его о ходе наших переговоров. Он — честнейшая душа, не делец; и если вы поверите, что, хотя он и мой брат, но он может быть честным арбитром в наших взаимоотношениях, то я охотно дам ему *carte blanche*¹ на предмет соглашения с вами по поводу гонорара. Ему известны мои финансовые потребности, он знает, где должна проходить граница уступок, знает, как легко я превращаю бумагу в деньги, и, если он сочтет нужным, он поделится с вами кое-какими соображениями, которые будут вам, может быть, небезразличны и просветят вас. Однако истинный свет исходит только от бога, и я поручаю вас ему. Как бы там ни было, будьте уверены, ваша дружба мне дорога, но, повторяю, она не должна быть слишком дорогой.

Дружески преданный вам

Генрих Гейне.

182. МАКСИМИЛИАНУ ГЕЙНЕ

Париж, 25 августа 1852 г.

Дорогой Макс!

Напрасно каждый день я жду от тебя письма. Когда я тебе написал о заметке, она уже давно появилась во «Всеобщей газете», но мне еще не попадалась. Говорят, в нее вставлены коварные строки, направленные против меня. Кому верить на этом свете? Я почти готов сказать, что нельзя больше полагаться на собственного брата. От торговца маслом письма еще нет. Я все в том же положении, в котором ты меня оставил. Ты понимаешь меня. О моем физическом состоянии я напишу тебе, только когда ты будешь в Петербурге. Мои предсказания о Кампе сбылись. Запах всего этого протухшего вранья отравляет мне жизнь, и я во что бы то ни стало должен от него избавиться. В ответ

---

¹ Свободу действий (*франц.*).

на мое предложение о гонораре он начал кричать, что я-де требую слишком многого, и, по старинному своему методу, стал вилить под всяческими предложениями, надеясь так издергать и измучить меня, чтобы с досады я уступил. Так он поступал всегда, с каждой моей книгой. Он сетовал даже, что на «Романсеро» спрос меньше, чем он надеялся, и предложил мне, что, раз я все равно собираюсь издавать книгу по подписке, он напечатает новую мою книгу на мой счет и будет моим маклером. Какое подлое и бесчестное влияние! А ведь я сказал ему, чтобы он изволил дать мне определенный ответ. Вчера я ответил ему, по обыкновению в дружелюбном тоне, но сохранил черновик той части письма, где говорю о гонораре и упоминаю о тебе; посылаю тебе этот отрывок, чтобы ты, когда встретишься с Кампе, был в курсе дела и знал, чего я хочу.

Только что пришло письмо от Густава и аванс под мои пражские векселя, о котором я просил. Прилагаю это письмо; ты увидишь, что у меня нет причины сетовать на небрежность Густава и что он готов ехать в Гамбург.

Ты можешь прямо сказать Кампе, что Густав приезжает в Гамбург ради меня и предлагает, в случае если Кампе не согласен уплатить требуемый мною гонорар, немедленно и официально взять мою рукопись. Густав хочет с одним дружественным ему издателем издать мою книгу на собственный риск, а платить он мне будет по частям. Ты откровенно можешь сказать Кампе, что, прежде чем сделать это, прежде чем отдаться в руки Густаву, я охотно пойду на денежную жертву, если она не слишком велика и если мои обстоятельства сделают ее возможной. Кампе знает Густава, знает, что он такой же великий крикун, как и сам Кампе, и, может быть, не сходя с места, решится на приличный компромисс, чтобы избежать вмешательства Густава. Тогда вспомни все, что я тебе сказал, и торгуйся за старые штаны, как принято торговаться с такими жуликами, в свойственной им манере.

Так как я стремлюсь к тому, чтобы сразу получить деньги, и мне было бы даже приятнее издать книгу через полгода, то Кампе поймет, что я только потому спешу покончить с этим делом, что хочу сохранить с ним дружеские отношения. Не знаю, стоит ли тебе намекнуть Кампе, что недавно южногерманский банкирский дом, который финансирует два издательства, предложил одному моему

кузену со стороны матери приобрести у меня книгу в полную собственность по 50 луидоров за лист. Наш старый общий знакомый, первоклассный лгун, который служил и с Густавом, принес мне письмо от Адольфа и уверял, что тот предлагает сделать для меня все, что возможно, если только это будет мне полезно, и готов даже понести расходы, так как он очень многим обязан моей матери. Все это отлично, но я не хочу этим воспользоваться и предпочитаю при меньшем и даже скудном гонораре сохранить свои связи с Кампе, к которому привык. Я говорю: «скудном гонораре», так как в Штутгарте у меня, вероятно, могли бы быть еще лучшие условия. Котта написал любезнейшее письмо; он полагает, что я издаю книгу по подписке. В другой раз напишу об этом подробнее. Чрезвычайно влиятельные и богатые люди хотели войти в комитет по подписке, которую они предлагали провести в прошлом году и которая тотчас принесла бы мне 30000 франков, а доход от книги, об издании которой мне совершенно не пришлось бы заботиться, достался бы мне просто как прибыль. Густав ввел тебя в курс дела, а ты можешь все передать Кампе. Г-н Липшерт, здешний спекулянт, крайне заинтересованный не только во французских, но и в немецких издательских делах, недавно правильно сказал одному моему другу: «Что толку делать Гейне самые невероятные предложения и пускаться с ним в переговоры, если книгу все равно получит Кампе?»

Действительно, это моя слабость, поэтому мне и приходится рвать на себе волосы; ты только скажи ему, чтобы он не сдирал с меня последней шкуры, и тогда мы быстро покончим с этим делом. Если бы ты заставил нашего ганноверского мальчишку пойти на жертву и только на один день приехать в Гамбург, он быстро управился бы с Кампе, а я, как уже говорил Кампе, даю тебе *carte blanche*¹ и заранее одобряю все, что ты сделаешь.

Будь здоров и напиши поскорее. Жена не совсем здорова. Она постоянно вспоминает о тебе. Сердечно поцелуй от меня дорогую матушку, милую мою сестру и весь молодой выводок.

Твой преданный брат

Генрих Гейне.

---

¹ Свободу действий (*франц.*).

Париж, 12 сентября 1852 г.

Дорогой Кампе!

Отсутствие моего друга Рейнхардта, который только раз в неделю приезжает ко мне из-за города, виною тому, что я еще не ответил на ваше последнее письмо. К тому же оно не требовало срочного ответа, хотя и было достаточно неприятно по содержанию. Вы и в последнем письме снова обошли полным молчанием мои настойчивые мольбы прислать мне определенный ответ, который раз и навсегда даст мне право не беспокоить вас моей книгой. Я не нахожу в нем ни слова о том, о чем я так недвусмысленно вас спрашивал. Следовательно, я вынужден предположить, что вы либо не прочли как следует и первое и второе письмо, либо намеренно хотите оставить меня в состоянии неопределенности. Я хотел бы предположить последнее и удовлетвориться даже таким результатом. Теперь я знаю то, что мне больше всего хотелось знать, а именно: мне следует придать моей книге такую форму, при которой она сможет, если не будет напечатана сразу и если много лет спокойно пролежит в моем ящике, полностью сохранить свою актуальность. В предпоследнем письме я откровенно и прямо признался вам, почему хотел задолго до того, как книга будет готова, разрешить с вами гонорарный вопрос. Меня преследовала мысль, что если книга будет чересчур злободневна, ее придется напечатать немедленно, у меня не хватит времени сговориться с вами, и я принужден буду в интересах скорейшего ее обнародования принять самые жесткие ваши условия, как это часто случается в издательском деле. Именно тот момент, когда бедный автор, изнуренный работою, приходит со своей рукописью, желая увидеть ее поскорее напечатанной, издатель считает самым подходящим, чтобы спокойно поднять ружье, прицелиться и выпустить заряд гонорарной дроби по несчастной дичи. Вы хороший охотник, дорогой Кампе, и я питаю полное уважение к вашему ружью. Я хотел договориться с вами, находясь за пределами досягаемости ваших выстрелов, и мне, право же, очень повезло, раз я ушел невредимым. Теперь я считаю свое предложение отвергнутым и уверяю вас честным словом, что ничуть не расстроен и даже скорее рад

тому, что мне не придется в короткий срок осуществить свое предложение. С меня словно тяжесть свалилась, ибо я чувствую, что в этом году никак не смогу закончить книгу, — разве что весной, если захочу придать ее содержанию ту степень увлекательности, а форме — ту законченность, о которых мечтаю. Мысленно я так расширил план произведения, что довожу его до истории наших дней; следовательно, здесь могут встретиться изображения таких лиц, что торопиться с изданием книги отнюдь не желательно.

Я уверен, что не сделал ничего, что могло бы дать вам право хоть сколько-нибудь усомниться в моей лояльности. Что значит этот возмущенный вопль о «конгрессе братьев», который в Гамбурге составил заговор против вас, что значит это разъяснение о праве продажи и это ваше замечание, что какой-то воображаемый закон не может быть применен? Что дает вам право так несправедливо оскорблять старого, испытанного друга, предполагая, будто из-за незначительной суммы я способен вступить в союз с одним из ваших коллег и предоставить какому-то босяку хвалиться, что он был моим *compère*¹ в грязном деле? Каким образом негодование, хотя бы и справедливое, против брата моего Густава могло довести вас до того, что вы своими обвинениями еще больше огорчаете меня, — меня, которому и без того достаточно приходится страдать? Уж не я ли подсылал к вам моего брата Густава? Разве он имел хоть какие-нибудь полномочия от меня? Разве я давным-давно не высказал вам своего мнения о сварливом характере Густава и не обещал вам сделать все, чтобы он никогда и ни при каких обстоятельствах не обсуждал с вами мои дела? Я предложил вам посредничество Макса, человека необыкновенно сговорчивого, миролюбие которого заходит чуть ли не слишком далеко, — ведь ради нашего с вами супружеского мира он сам хотел пойти на жертву. Такое мягкотелое великодушие внушает мне прямо-таки отвращение. Довольно об этом! Густав Гейне — мой брат, и я люблю его таким, каков он есть, — ведь братьев следует любить при всех обстоятельствах. Кроме того, он оказал мне значительные услуги, и, право же, кто-кто, а я не стану на него нападать. Но любой член нашей семьи может

---

¹ Сообщником (*франц.*).

сказать вам, что его появление в Гамбурге было подобно взрыву бомбы, и в течение немногих дней своего пребывания он постарался поссорить друг с другом всех в нашей семье. Как же мне после этого жаловаться на то, что он хотел, чтобы и мы поссорились? Уже по нелепости всей этой истории вы должны были понять, что я тут ни при чем, что я не хотел разрыва между нами. Здесь могли сыграть роль еще и особые обстоятельства: я давно уже заметил, что, понимая мое беспомощное состояние, Густав считает себя обязанным быть моим литературным опекуном. Относительно моей книги у него есть еще особые намерения, которые, из соображений такта, я не хотел бы вам открыть, но которые вы, быть может, отгадаете сами. Он давно говорил мне, что ему хочется присоединить к своей газете издание новых книг; его соблазнил на это один издатель, с которым он связан. Макс поверил, что я буду таким дураком и разрешу Густаву, ради денежных интересов, использовать в качестве рекламы мое имя для фельетонов в его газете или еще для чего-нибудь. Три недели назад Густав дал мне значительную сумму под те денежные дела, которые я ему поручил; ему известно, что он получит ее обратно, и у него нет надо мной решительно никакой власти. Право же, дружески расположенные лица направили ко мне с проектом о подписке на него, а г-на Пахера. Мой брат Густав ничего не может знать и о моих мемуарах, большая часть которых действительно уничтожена; у него есть только предположения, но он всегда говорит больше, чем знает. Меня бесконечно огорчает, что вы узнали его не с лучшей стороны; у него множество прекрасных качеств, он часто доказывал это на деле, и только проклятая страсть к склокам и безответственное отношение к истине может погубить его в глазах многих. Однако, повторяю, я буду любить брата при всех обстоятельствах. Мне известно даже, что он страшно осуждал меня, но я нелегко изменяю своим привязанностям, и даже друзья, терзающие меня булавочными уколами, могут рассчитывать на мою доброту и терпимость. Впрочем, Густав неповинен в зlostных высказываниях по вашему адресу, — он никогда не видел нашего договора. Ваш уважаемый племянник, скотина Фивег, был единственным, кто осмелился заявить, будто я показывал ему наш договор, чтобы извлечь пользу из какой-нибудь неудачной формулировки.

От внутреннего *dégoût*¹ я почти не в силах продолжать диктовку. Да простит вам бог, дорогой Кампе, если нам когда-нибудь приходила мысль, что я мог приложить руку к такому позорному акту. Права, которые я признал за вами, для меня священны. У меня совершенно нет таланта к воровству, хотя я и довел до высшего совершенства свое умение быть обворованным. С моей стороны ничего не грозило бы вашей мощи, даже если бы она свешивалась из кармана вашего сюртука. Я питаю огромное уважение к карманам чужих сюртуков. Может быть, вам кажется, что в нашем договоре меня недостаточно связывает формулировка прав, которые я признаю за вами? Что ж, я охотно изменю все расплывчатые выражения, и, чтобы мне быть спокойным в могиле и знать, что к договору нельзя придаться, вы можете тотчас же любым способом его легализовать и придать ему постоянную силу. Я охотно приложу к этому свою руку и желаю, чтобы всякое темное подозрение было изгнано из вашей души. Да пошлет вам небо еще много дней счастья и здоровья, но все мы люди, и человек, у которого, как у вас, есть жена и дети, должен, насколько возможно, думать о том, что будет после его смерти, и постараться обеспечить свою семью. Говорю с вами как честный человек.

Будьте здоровы, дорогой Кампе, не говорите мне ничего больше о моей книге и, главное, избавьте меня от новых предложений издать ее на мой счет, как вы опять это сделали в последнем вашем письме, хотя уже дважды я вам говорил, что подобный способ издания мне претит. Ведь это всего лишь уловка с вашей стороны; если она доставляет вам удовольствие — ну что же, тогда пожалуйста. Ведь доставило вам когда-то удовольствие назвать в одном из своих каталогов пьесу бедного Мальтица шахматной игрой только для того, чтобы этот ваш друг, к которому вы, впрочем, очень хорошо относились, расстроился по поводу опечатки. Но так как я вас знаю и к вашей игре в шахматы привык, то вам нелегко будет нарушить мой идеальный внутренний мир и заставить меня выйти на арсену блошиного боя. Человеку, которого день и ночь терзают судороги в позвоночнике, совершенно не могут повредить такие булавочные уколы. Дух мой уже недоступен для мелкой

---

¹ Отвращения (*франц.*).

мирской суеты. Пусть черви гложут мое тело, я жертвую им это блюдо, но обидно, что я могу предложить им одни только кости. Мне бесконечно жаль, что из-за семейных отношений я не могу показать вам письма, которые написал мне мой брат Макс насчет вас и Густава. Вы убедились бы, в каком вы находились непостижимом ослеплении и как велика несправедливость, которую вы мне причинили если не словами, то, во всяком случае, оскорбительным тоном вашего письма.

Свободный и преданный

друг ваш

Генрих Гейне,

184. АЛЬФРЕДУ МЕЙСНЕРУ

Париж, 13 октября 1852 г.

Сегодня, дорогой друг, я после долгого перерыва снова подаю вам признаки жизни. Это случилось бы уже давно, если бы я знал, где вы обретаетесь в сем мире, но вы — то здесь, то там, то в уединении, то в сутолоке, и напрасно вопрошаешь себя, куда написать, чтобы письмо вас действительно настигло. Но слышал я о вас довольно много, и меня очень обрадовало, что в Праге ваша вторая пьеса принята так благосклонно. Видеть, как реальная жизнь опровергает старые пошлости и пословицы, — это всегда было моей отрадой; вот почему при вести о вашем триумфе в родном городе я особенно обрадовался тому, что старая пословица: «Несть пророка в своем отечестве», хоть она и взята из евангелия, в вашем случае не оказалась parole d'Évangile.¹ В других местах, в частности в Вене, пьеса как будто не очень понравилась, но, мне кажется, о поэтах можно повторить то, что Солон говорит о политиках: самые скверные — это те, которые угождают всему свету. Впрочем, с публикой дело обстоит как со всеобщим избирательным правом. Она способна высказываться только о том, что касается непосредственно ее и доступно ее пониманию. Вѣнцы — сибариты, они приучены к ласковому трагизму. Для них следует писать трагедии,

---

¹ Словом евангельским (*франц.*).

которые кончаются свадьбой и уютным тирольским тапцем; вот что им, несомненно, придется по вкусу.

Что же касается вашей трагедии «Жена Урии», то мне прочитали ее дважды, и я ознакомился также с приложениями к ней критическими статьями. Вещь эта произвела на меня впечатление очень значительное, и я предсказываю вам прекрасное будущее на драматургическом поприще. Пьеса создана смелым умом, у нее лишь один недостаток — она дает пощечину всей немецкой сентиментальности. Мне было интересно, как развитие действия беспрерывно перерастает цели действующих лиц; это сообщает драме нечто неожиданное, даже демоническое и напоминает скалы, — когда идешь вперед, то перед тобой вырастают все новые и новые зубцы. Ваша Вирсавия — прекрасный, чистый образ, набросанный целомудренной кистью, и как контрастирует с ней ее супруг, этот холодный тиран, полный энергии и присутствия духа! Таким он на самом деле и был. В последнем действии просто переносишься в пустыню, но мне кажется, что лучше всего удались два последних акта. Автор, написавший такую драму, может быть доволен.

Об ограниченности ваших рецензентов много говорить не приходится. Им, видите ли, не хватает в вашей пьесе патриархального мира, который, правда, нельзя назвать библейским в обычном смысле этого слова. Мироощущение ваших героев им кажется утонченным. Как будто бы существовало время, когда евреи не были утонченными!

Вы спрашиваете, выступить ли вам против ваших врагов? Нет, с такими людьми, как **, пускаться в полемику не надо. Этих людей не заставишь признать чужую правду. Ну и пусть себе умирают от зависти и импотенции! Впрочем, в жизни каждого писателя наступает время, когда вместо льстецов, окружавших его прежде, и тех, кто его ободрял, он видит вокруг себя только нападающих. Стоит кому-нибудь возвыситься над посредственностью, на него тотчас начинаются нападки как на преступника, нарушающего спокойствие желтой прессы. Благо тому, кто перенесет эти нападки, сохранит аппетит и не утратит ни здоровья, ни юмора! Будьте здоровы, сохраните мужество и энергию, и да не одолеет вас горечь вашего сердца.

Сердечно приветствует вас

ваш

Генрих Гейне.

185. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 14 декабря 1852 г.

Дорогой Кампе!

Я так болен сегодня, что могу написать только несколько строк. Обращаю на это ваше внимание, чтобы вы не истолковали превратно мою немногословность.

Прежде всего сообщаю вам, что завтра выписываю на вас вексель на 600 марок ассигнациями; он подлежит оплате 1 февраля 1853 года (срок выплаты моего гонорара за полугодие), по чеку банка «Гомберг и К°».

На днях Гати хотел мне прочесть длинное письмо от г-на Штродтмана из Америки, но как только я догадался о его содержании, я попросил пощадить меня и по возможности скорее написать вам, ибо дело это касается только вас. Впрочем, я не был удивлен, так как уже некоторое время назад узнал от одного весьма значительного в финансовом мире человека, переселившегося в Америку, что в другом городе Соединенных Штатов, не помню, в каком именно, только не в Филадельфии, уже составили схожий проект и что скоро он появится во всем своем великолепии. Г-н Штродтман, вероятно, ваш конкурент, но ни о его проектах, ни о проектах других лиц, которые могут повредить интересам моего друга Кампе, я думать не стану. Вы лучше всех знаете, дорогой Кампе, что вам делать. Гати написал, что разумнее всего для вас было бы сделать веселую мину при плохой игре и столкнуться с г-ном Штродтманом, приняв личное участие в его предприятии; таким образом и американское дело окажется в ваших руках. Но боюсь, что вы возмутитесь и не пойдете на это, и я прекрасно вас понимаю. Я сделал на днях наблюдение над самим собою: я понял, что мне легче перенести явный ущерб, чем малейшее нарушение того, что мы называем своим правом, и хотя я при смерти, я решился вчера на самое скверное дело, какое только существует на свете, — на процесс, чтобы показать, что лучше умереть как подобает мужчине, чем влачить жалкое существование и медленно угасать. Мой старый друг Рандюэль считал меня уже покойником и решил наследовать мне еще при моей жизни, — он перепечатал здесь мои французские «Путевые картины» без моего ведома и, разумеется, без

мого согласия. Это доставило мне немало огорчений, — ведь я собирался внести в книгу большие изменения. Сегодня начинается процесс, и на книгу будет паложен арест. Если я проиграю процесс, то потеряю только деньги, но не уважение к самому себе. Впрочем, я прекрасно знаю, что все эти дела убивают, и вы поймете, как я мучусь и как в это трудное время нуждаюсь в сердечной поддержке истинных друзей. Не могу спосить несправедливость, на том и подохну; но богу известно, что я столь же остро воспринимаю несправедливость, которую причиняют другим, и, конечно, ни за какую цену в мире не хотел бы участвовать в этом. Тело мое терпит большие мучения, но душа зеркально ясна, и у нее бывают еще свои прекрасные восходы и закаты солнца.

Передайте мои дружеские приветствия вашим. Да ниспошлет вам небо веселое рождество!

Дружески преданный вам

Генрих Гейне.

186. АНРИ ЖЮЛИА

[Париж, конец декабря 1852 г.?)

Сударь!

Я только что прочел ваших «Друзей Вольтера» и был бы счастлив поговорить с вами о них. Если вы не боитесь приблизиться к бедному больному, к несчастному паралитику, к Пову на ложе его страданий, навестите меня. Вы в любое время застанете меня дома; я никогда не выхожу; так длится уже пять лет!

Приходите, поговорим о Вольтере. Вы любите его, я тоже его люблю. Люблю не только как философа, но и как литератора. Поймите меня верно, я говорю: «как литератора», а не «как поэта». Я люблю его и за его великую любовь к свободе. Сам я поклонник свободы; этим я не хочу сказать, будто никогда не любил других вещей. Но свобода наполняет всю мою душу, и я доказываю вам это тем, что беру на себя смелость просить вас о любезности прийти ко мне и называть меня

родственным вам по духу читателем

Генрихом Гейне.

187. ХРИСТИАНУ ШАДУ

Париж, 26 апреля 1853 г.

Дражайший господин Шад!

Меня крайне огорчает, что на ваше любезное письмо от 4-го числа я имею возможность ответить только нынче, да и то лишь несколькими строками; последний месяц я чувствую себя хуже чем когда-либо. Настоящие строки — первые, которые я диктую за это время, к тому же это мне стоит величайшего напряжения. Неудача с посылкой меня весьма огорчает. Оба *chefs de bureau*¹ здешнего почтамта, самые важные из всех, — мои личные знакомые, так что всю эту чепуху надо отнести за счет безответственных чиновников. Я бы хотел, очень хотел вознаградить вас за все эти роковые напасти сколько-нибудь ценным вкладом в ваш альманах. Но мой издатель Кампе недавно обобрал меня; ради пересмотренного издания моих «Новых стихотворений» он отнял у меня все, вплоть до последнего стиха; в моем распоряжении остались лишь обрывки одного крупного эпического труда, но они могли бы представлять какую-нибудь ценность только в связанном виде. Теперь, когда я парализован и на три четверти ослеп, когда болезнь моя резко ухудшилась, я просто не в состоянии рыться в бумагах, чтобы извлечь два-три стихотворения, которые, быть может, и печатать-то неразумно. Но я обязательно заранее подготовлю вам что-нибудь для будущего года. С портретами мне не везёт. Когда-то издательство Вейдмана так долго меня мучило, что я наконец решился позировать моему талантливому другу Тони Жоанно специально для «Альманаха муз», и этот портрет удался превосходно, но немецкая гравюра оказалась настолько скверной, что получилась настоящая рожа. Полтора года назад, когда мой издатель Кампе был здесь, я не мог отказать ему в согласии позировать одному рисовальщику, который тоже неплохо справился со своей задачей; но, к моей величайшей досаде, Кампе заказал с этого портрета большую литографию, и она тоже превратилась в отвратительную рожу, причем выпученный глаз был самостоятельным изобретением лито-

---

¹ Начальника отделений (*франц.*).

графа. Так измываться над моей бедной, ни в чем не повинной физиономией! Да ведь это возмутительное злоупотребление доверием! Из прежних портретов есть лишь одна литография, изготовленная в 1831 году по рисунку Оппенгейма; я на ней чуть приукрашен, и все же ее можно одобрить за сходство. Рекомендую вам ее, а также гравиюру, которую «Revue des deux mondes» приложила к одному из своих выпусков месяцев девять назад и которую все мои друзья хвалят за сходство и хорошее выполнение. Таковы замечания, которые я позволяю себе в связи с вашим любезным намерением приложить к альманаху изображение моей физиономии. Благодарю вас за дружеское отношение.

Граф Ауэрсберг, наш дорогой коллега и мой благородный старый друг, в настоящее время здесь, но я его почти не видел.

Еще раз сердечно благодарю вас за неустанные заботы и остаюсь

искренне преданным вам

Генрихом Гейне.

188. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 5 октября 1853 г.

Дорогой Кампе!

Я искренне обрадовался, когда вы наконец послали ко мне Гати и я при его посредстве получил возможность предварительно объяснить вам, почему смогу ответить на ваши последние два письма не раньше чем через несколько недель. К сожалению, я все еще не избавился от груза работ, тяготеющего надо мною, и сегодня подтверждаю лишь то, что уже передал вам через Гати. На ваше первое письмо мне отвечать было нечего. Вы снова вернулись в нем к попрекам и обвинениям, которые только свидетельствуют, что втайне вы сознаете, какую злейшую несправедливость вы мне причинили. Но вы желаете быть непременно правым и разыгрываете из себя невинного младенца; мне же полагается быть злым мальчишкой, который якобы запросил с вас непомерный гонорар

и чуть не довел вас до посоха и сумы. В вашем письме я хочу исправить только маленькую неточность относительно этого гонорара: речь шла не об одном томе в двадцать пять печатных листов, за который я потребовал 6000 марок, — я обещал дать три тома, в которых должно было быть не меньше тридцати листов. О содержании книги мне не следовало и слов тратить; я не мог дать вам о нем никакого представления, да и не должен был это делать в интересах собственного спокойствия. Ваши жалобы на моего брата Густава не имели под собой никакой почвы, — он действовал без всяких моих полномочий, — но, поверьте мне, его шумная грубость и невоспитанность далеко не так ужасны, как то, чего по слабости не осмелился высказать мой бедный брат Макс, эта нежная душа. Он действительно удержался от предложения чудовищного, если принять во внимание, что он думал, будто я соглашусь просто подарить вам мою книгу, лишь бы не нарушать спокойствия моих последних дней. Мы с ним до сих пор en délicatesse¹ из-за того; что он мог предположить во мне подобную трусость и не действовал согласно моим указаниям. Я уполномочил его договориться с вами о том, что требуемая мной сумма останется прежней. Зато я готов был пойти на большие уступки в отношении количества предлагаемых мною листов, и таким образом ваши интересы в результате несколько не пострадали бы. Но брат побоялся, что если я при моей болезни начну слишком много писать, это мне повредит, поэтому он сделал великодушную глупость, решив возместить мне убыток из собственного кармана. Видите, милейший Кампе, как благодаря своему упрямству и воистину несвоевременному скряжничеству вы втянули меня в неприятности и, видит бог, чрезвычайно повредили этим себе. Вы могли бы издать два недурных моих тома... Но довольно об этом, книги больше не существует, я не сделал ее, хотя мог и хотел сделать. Этот материал послужит мне для книги, которую я создам много позднее и которую, как я уже говорил Гати, смогу продать в любую минуту. Не знаю, передал ли он вам, что я говорил ему о Котте и вообще о Штутгарте. Мой друг Кольб из Штутгарта недавно был здесь и снова заверил

---

¹ В натянутых отношениях (франц.).

меня, что я доставлю им удовольствие, если издам книгу у Котты за любой желательный мне гонорар. Оставалось только назначить сумму. Лирика — конек Котты, и за том стихов я мог бы снять с него последние штаны. Гати рассказал вам, конечно, о Кельне. Будь мы с вами не в таких скверных отношениях, я послал бы вам печатать «Богов в изгнании»; вместе с несколькими другими схожими работами они составят целый том, и никакой черт не выкрал бы у меня книги, которая, по слухам, несмотря на то, что ее изуродовали плохим переводом, все-таки очень и очень расходится. Но что бы случилось, если бы я доверчиво послал вам эту книгу для издания? Вы насмешливо швырнули бы мне подачку в виде почетного гонорара, вернее — гонорара за позор. Нет, для моего здоровья будет полезнее, если книгу у меня попросту украдет какой-нибудь берлинский грабитель. Я прекрасно усвоил ваш последний девиз: «Дружба дружбой, а дела делами». Однако, дорогой Кампе, почему, когда вы требовали от меня одолжения в своих интересах, вы всегда говорили о дружбе, а теперь, когда я требую денег, я неизменно встречаю строгую деловую физиономию, хотя в моем положении, несомненно, нуждаюсь в дружбе? Но да будет так! Сознаю, что всю свою жизнь я предавался поэтическим иллюзиям. Теперь мы от них откажемся, и вам не придется сетовать на вмешательство дружбы, когда разговор будет касаться дела. Теперь вы, хотя и несколько поздно, но все-таки убедитесь, что я по крайней мере извлеку из этой иллюзии преимущество, и им пренебречь мне не позволяют чувства долга и достоинства. Теперь вы станете вкушать мою дружбу в чистом виде, и деловому человеку не придется больше приносить жертвы.

Мне не пужно, конечно, повторять все, что я сказал Гати насчет предложения, содержащегося в последнем вашем письме. Напечатайте «Книгу песен» с теми исправлениями, которые я внес, когда был в Гамбурге. С «Зимней сказкой» и с «Аттой Троллем» поступайте как вам угодно.

Когда я еще не усвоил вашего девиза о дружбе, я, в интересах этой самой дружбы, так расположил «Новые стихотворения», что из них можно было изъять «Зимнюю сказку». Но в моих деловых интересах, куда

входят и интересы моей репутации, было бы все же хорошо, если бы в упомянутый том вошла и «Зимняя сказка».

Вы спрашиваете, есть ли у меня исправления к «Атте Троллю»? Во времена, когда вы еще не выдвинули означенного девиза, я, не получив от вас ни гроша, так переработал и расширил «Атту Тролля» по сравнению с вариантом, напечатанным в «Газете для любителей изящного» Лаубе, что он превратился в поэму, которая на целую треть длиннее прежней. Позднее я сказал вам, что собираюсь еще больше расширить эту поэму, введя в нее множество дополнений, которые уже набросал. Однако прежде всего я настоятельно прошу вас сообщить мне, какой гонорар я за нее получу. Я разъяснил вам на примере «Луизы» Фосса, что поэмы такого рода через определенные промежутки времени всегда расширяют и что тогда они оплачиваются заново. Однако в вашем письме, как и во всех ваших письмах, отвечающих на деловые вопросы, содержатся только веселые анекдоты. Не найдя в нем указаний относительно гонорара, я отказался от предполагаемой работы. Теперь вы вдруг спрашиваете, есть ли у меня поправки к «Атте Троллю»? Право, не стоит больше и говорить об этом. Вы можете печатать «Атту Тролля» без всяких изменений, в его прежнем виде, если того требуют ваши деловые интересы, которым я, разумеется, никогда не буду препятствовать.

Я высказал вам все честно и откровенно, дорогой Кампе!

Вы достаточно знаете меня и видите, что во мне нет и капли горечи и что я ничего так не желаю, как постоянно оставаться с вами в дружеских отношениях. Где только возможно, я буду справедлив и уступчив. Из уважения к прошлому я пошел на величайшие жертвы, только бы не ссориться с вами.

Видит бог, мне бы очень хотелось сделать посмертные распоряжения, которые были бы вам и приятны и полезны. Я говорю: «полезны», ибо вы очень заблуждаетесь, полагая, что вам удастся договориться с кем бы то ни было лучше, чем со мной.

Я слишком устал сегодня, чтобы диктовать дальше, не то я мог бы сообщить много удивительного. Гати вам, конечно, сказал, что поэт Гейпе, которого вы считали

копченным после «Атты Тролля», еще скажет свое веское последнее слово.

Будьте здоровы, бодры и счастливы в кругу вашей семьи, которая, надеюсь, тоже в добром здравии. Напишите, не лучше ли г-ну фон Хауэншильду. Меня очень огорчило ваше сообщение о нем. Кажется, я не поблагодарил вас за присланные мне книги с золотым обрезом. Об этом издании моих произведений я поручил Гати передать вам следующее: я предпочел бы получать от вас золото не на переплет, а в кубышку, да к тому же не в обрез.

Ваш преданный друг

Генрих Гейне.

189. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 27 октября 1853 г.

Дорогой Кампе!

Непосредственная цель этих строк — уведомить вас, что 1 ноября я буду иметь честь выдать «Гомбергу и К^о» вексель на вашу уважаемую фирму на сумму в 600 марок ассигнациями, сроком на три месяца, то есть до 1 февраля. Затем, дорогой Кампе, мне нужны книги, и очень спешно. Я уже давно обращался к вам через мою сестру с просьбой вручить ей тот список книг, который я когда-то вам послал; если вам недосуг этим заняться, она бы мне их достала. Но сестра сказала мне, что вы об этом списке ничего не знаете, и мне в самом деле кажется, что посланный вам список относится не к каталогу библиотеки Лайста, который вы мне посылали последний раз; поэтому я снова его просмотрел и выписал нижеследующие номера. Сборники сказок, отмеченные крестиками, мне крайне необходимы; к тому же я был бы вам очень признателен, если бы вы прислали мне и такие сборники сказок, которых я не знаю. Существуют, например, сербские народные сказания (не народные песни), которые мне бы оченьгодились.

Если в вашем книжном магазине имеется девятая часть (девятый том) «Монастыря» Шейбле, содержащая мифологию германских народных сказаний, прошу выслать мне эту книгу; если у вас ее нет, не откажите

в любезности срочно написать в Лейпциг, чтобы мне ее прислали сюда.

Самым лучшим и наиболее быстрым способом пересылки было бы снять с книги толстый картонный переплет, разделить ее на три части и каждую из этих частей послать мне отдельно бацдеролью по почте, так как слишком толстых пакетов там не принимают. Во всяком случае, вы мне сразу же сообщите, будет ли это сделано, так как иначе из-за неповоротливости здешних господ книгопродавцев я вынужден буду обратиться по поводу пересылки книги непосредственно к Шейбле, который не примет никакой платы и тем обяжет меня более, чем мне бы того хотелось.

Я был бы вам в высшей степени обязан, если бы вы могли раздобыть на время «Разоблаченное иудейство» Эйзенменгера и заодно прислать — здесь его не достанешь. Я быстро верну эту книгу.

Если вы расположены достаточно великодушно, приложите к той же посылке несколько экземпляров «Романсеро» и «Новых стихотворений». Что касается этого последнего сборника, то я получил только один экземпляр. Без «Зимней сказки» книжка выглядит совершенно оголенной. Тут мы дали маху, над этим стоит призадуматься. По содержанию своему книга кажется бледной рядом с прежними сборниками, и в этом есть одно лишь достоинство — тем вернее будущие творения моей лиры окажутся шагом вперед по сравнению с этими стихами, а может быть, и с «Романсеро».

Я сижу совсем без чтения, а в списке значится многое, что могло бы меня развлечь, — помимо сборников сказок, в которых я крайне нуждаюсь. Поэтому поскорее шлите мне книги.

Вашего здешнего *ministre plénipotentiaire*,¹ г-на Гати, я не видел с тех пор, как он доставил мне ваши последние депеши; не знаю, проехал ли он через Дардавеллы или сражается на Пруте против турок.

Будьте здоровы. Передайте от меня дружеский привет вашей семье и храните прежнюю благосклонность

к преданному вам

Генриху Гейне,

¹ Полномочного посла (франц.).

Париж, 7 марта 1854 г.

Дорогой Кампе!

Доктор Тритау, конечно, подробно рассказал вам, как меня обрадовало ваше последнее письмо. Еще раз сердечно благодарю вас — вы протянули мне руку дружбы так прямодушно, что я, ни минуты не колеблясь, возвращаю вам свое полное доверие. Было бы несправедливо с моей стороны подозревать вас в задних мыслях; я вижу здесь прекрасное проявление вашего чувства дружбы, делающего вам честь. Я далек от того, чтобы злоупотреблять им, и, напротив, хочу сделать все, чтобы доказать вам, как близко я принимаю к сердцу ваши интересы, и прежде всего — не буду скупиться на духовные сокровища, которые могу вам предложить. Я уже говорил г-ну Тритау, что за гонорар, который я требовал от вас за два маленьких томика старых работ с некоторыми новыми добавлениями, размером в тридцать печатных листов, я теперь собираюсь дать вам два больших тома, по двадцать листов каждый. В одном будет даже еще больше, к тому же десять листов составят новые плоды моей музыки. Я решил сделать для вас нечто необычное, но никак не мог решить, какую именно рукопись следует закончить; поэтому я не мог сказать окончательно г-ну Тритау ничего точного, ничего совершенно определенного. Вы пишете, дорогой Кампе, чтобы я тотчас же послал вам рукопись, но вы позабыли, что до получения вашего письма я не знал, надо ли что-нибудь кончать при сложившихся обстоятельствах. Поэтому и г-н Тритау не мог захватить ничего готового, и он напрасно наседа на меня, проявив истинное чувство дружбы к вам и великодушное знание вашего характера. Но с тех пор я посоветовался с самим собою и вижу, что в ваших интересах сделаю нечто весьма значительное и, во всяком случае, гораздо большее, чем вы ожидаете. Вместо десяти листов нового материала я посылаю вам теперь первый, совершенно новый том. За исключением одной-единственной и то ненапечатанной маленькой статьи в полтора листа, это все, что вышло из-под моего пера за последний год; здесь свыше двадцати новых листов, и среди них — шесть печатных листов совершенно новых стихотворений.

Сейчас я ничего не стану вам о них говорить; вы получите рукопись этого первого тома недели через две, — я вложу ее в ящик, в котором отсылаю библиотечные книги. Ящик пошлю на ваш адрес, а не на адрес сестры, чтобы не искушать и не вводить во грех женское любопытство. Беру и с вас честное слово, что вы никому не дадите прочесть ни строчки из рукописи. В ней, правда, нет ничего предосудительного ни в моральном, ни в политическом отношении, но вы сами поймете, насколько необходимо, чтобы о ней не пронюхали до ее появления, — иначе скандал пачнется немедленно. Я назвал книгу «Разные сочинения Генриха Гейне в двух частях».

Издадите ли вы сначала первую часть или выпустите сразу обе, это зависит от вашего желания. Как бы там ни было, посылаю вам уже сейчас рукопись первой части, так что ее сразу же можно пустить в печать; в кратчайший срок я могу отправить вам рукопись второй части, которая, правда, гораздо больше, чем рукопись первой; я включил сюда весь материал, который прежде предназначался для обоих томов.

В первую часть «Разных сочинений» входят:

1. «Признания» (примерно от шести до восьми листов), произведение, которое весьма придется вам по вкусу; оно предшественник моих «Мемуаров», правда они будут написаны еще более доступным и еще более живописным слогом.

2. «Стихотворения», написанные в совершенно новой манере и принадлежащие к самому своеобразному из созданного мною (примерно шесть печатных листов).

3. «Боги в изгнании», которые сокращены настолько, что вместе с добавлением под названием «Богиня Диана» они составят не больше шести листов.

4. Около двух печатных листов о последних политических событиях и об Империи; я хотел поместить их в конце второго тома, но он стал бы тогда слишком толстым.

Во второй том «Разных сочинений» входят пестрой чередой лучшие статьи, напечатанные мною во «Всеобщей газете» за краткий период министерства Тьера и начала министерства Гизо; здесь я даю эпоху расцвета парламентского режима, то есть нечто законченное: отчеты об искустве, театре, салонах, музыкальных сезонах, балах,

народной жизни, попережку с множеством портретов; все это щедро наперчено островами, которые разнообразят политический материал. Кое-что совсем новое или прежде не напечатанное позабавит вас. Я назвал все это «Письма и корреспонденции времен расцвета парламентского режима». Книга, вероятно, явится своеобразной хрестоматией прозы и будет очень полезна для выработки стиля при изложении популярных тем. Заслуга моя, зато прибыль ваша.

Вы заплатите мне за это произведение раз и навсегда, за любое количество его изданий, столько же, сколько за «Романсеро». Мое тщеславие, это глупое животное, будет таким образом удовлетворено; я внушу себе, что всегда получаю от вас все, что только потребую, и окажусь в таком же положении, в каком был мой университетский товарищ Адольф. Ему нужны были четыре талера, и он решил продать за эту цену два жилета г-ну Абрахаму. Но г-н Абрахам уговорил его отдать за те же деньги два пиджака, один — совершенно новый, и этот дурень хвастал мне, что в денежных делах никогда ни гроша не уступает — что запросил, то и получит. Но сейчас, дорогой друг, я вынужден попросить вас о льготе, которую вы, слава богу, легче можете предоставить мне, чем ваши коллеги, — вы обладаете прекрасным свойством всегда иметь много денег у себя в кассе. Прошу вас разрешить мне выписать на вас в счет указанного гонорара векселя сроком на три месяца или на более длительный срок, так как векселя останутся у моего банкира и он мне их учтет. Признаюсь вам, предоставляя мне эту льготу, вы избавите меня в данную минуту от необходимости обратиться с предложением о денежной сделке к моему брату Густаву. Он обеспечивает мне кредиты, но это доставило бы мне много хлопот и отняло бы у меня и время, необходимое для работы, и покой. Мне уже приходилось по такому же поводу писать столь пространные письма, что они превращались почти в рукописи, и из-за этого страдали нужные работы.

Сначала, как я говорил г-ну Тритау, мне хотелось включить в книгу моих «Женщин Шекспира», но теперь я передумал. Г-н Тритау сказал мне, что, по вашему мнению, «Женщины Шекспира» позже войдут в собрание сочинений. Это совершенно правильно, я обязан включить

и эту работу в собрание сочинений, раз она вышла под моим именем. Но книга полностью разошлась, напечатать ее снова нельзя, потому что погибли медные доски с гравюрами; зато текст, который я написал к ним, является полной моей собственностью. Кроме того, при краже у Деллуа я потерял небольшую сумму, и нужно дать мне возможность извлечь пользу из моей работы, прежде чем она появится в собрании сочинений. Но сейчас это щетолыко брезжит вдалеке, — у меня нет времени на переработку.

Относительно моих статей из «Всеобщей газеты» вы, как явствует из слов г-на Тритау, находитесь в совершенном заблуждении. Неужели вы полагали, что эти статьи, появившиеся без моего имени, изуродованные и часто украшенные добавлениями от редакции, статьи, которые только я сам могу извлечь из мусора «Всеобщей газеты» и реставрировать, попадут к вам в собрание сочинений, если к тому времени я уже успею умереть? Правда, в проспекте собрания сочинений, который я набросал несколько лет назад, я их поместил, но для меня это не влекло за собой никаких обязательств, так как меня решительно ничего не связывало и проспект был только предварительным. Эти мои работы совершенно пропали бы для нас. Я говорю: «для нас», потому что после моей смерти я уже не смогу их издать, и вы, разумеется, понимаете, что я принял меры в своем завещании, дабы впоследствии мне не могли приписать анонимные статьи. Вы сами — человек чести и потому не можете не почувствовать, зачем я так поступил. Во всяком случае, мне было очень приятно услышать от г-на Тритау совершенно определенные заверения, что вы, точно так же как и я, питаете отвращение ко всякому буквоедству и нисколько не собираетесь придираться ко мне из-за этих статей.

Вы представить себе не можете, какой адский труд доставили мне статьи из «Всеобщей газеты»; мне придется еще очень и очень поработать над ними. Ибо, повторяю, я решил теперь же все закончить. Право, печально, что эта отвлекающая работа, — и такой же была работа над первым томом моей книги, — свалилась на меня именно тогда, когда у меня так хорошо подвигались мемуары.

Г-н Тритау, несомненно, рассказал вам, что я героически припаялся за совершенно новый вариант моих «Мемуаров»; надеюсь, они явятся венцом моих произведений.

Да, это было героизмом — взяться за новую пряжу вместо старой штопки; надеюсь, если у меня не будет новых помех, я приготовлю большую порцию «Мемуаров» еще в этом году и немедленно ее опубликую. Теперь я знаю, чего мне не следует говорить; я пишу очень уверенно, и ничто не препятствует мне издать написанное еще при жизни.

Но, дорогой Кампе, во имя девяти муз, окажите мне дружескую поддержку: я хочу, чтобы издание «Разных сочинений» не слишком нарушило мой покой и чтобы у меня оставался досуг для работы. Не навлекайте на меня неприятностей, кроме тех, к которым я уже готов заранее. Будьте по возможности сдержанны, главным образом в отношении особ, проживающих в старой Гаммонии.

На этом я обрываю — голова моя сегодня одурела от работы, и я чувствую себя чертовски скверно; когда буду отправлять ящик с книгами, напишу вам все, что еще имею сказать; это будет на днях. Вы сможете получить ящик уже на следующей неделе. Заодно вложу рукопись о Граббе и несколько книг из библиотеки Йовина; прошу вас, доставьте их ему от имени моей сестры. Сестра давно уверяла меня, что после разговора с вами заметила в вашем настроении перемену в мою пользу и что я могу быть уверен в более дружеском участии с вашей стороны. Вы сказали ей, что минутного разговора между нами было бы достаточно для устранения всех разногласий. В этом вы действительно правы; нам следует остерегаться только недоразумений, которые основаны на пустяках, а не на личных расхождениях.

Будьте здоровы и сохраните дружеское расположение к преданному вам

Георигу Гейне.

191. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 23 марта 1854 г.

Государь мой, друг и издатель!

Пакеты, которые сдают на королевскую почту, всегда приходят своевременно, и, насколько мне известно, другу моему Юлиусу Кампе не свойственно хворать.

Следовательно, рукопись, отосланная мною две недели назад, должна давным-давно быть в ваших руках. Отсутствие вестей о ее прибытии и о вашем приятном согласии с моими желаниями я вынужден поэтому приписать самым печальным обстоятельствам. Вы знаете, что при моем недуге медлительность такого рода может страшно огорчить меня, и все-таки выжидаете с ответом, преследуя бог весть какие низменные цели, тогда как я, со всем порывом радости, вызванной вашими заверениями в возврате мне дружбы, отогнал все мелочные сомнения и с полнейшим дружеским доверием отослал вам свою рукопись.

Вы хотели, чтобы я снесся непосредственно с вами и послал вам рукопись; г-н Тритау сказал мне совершенно точно, что вам будет неприятно, если я поведу переговоры с вами через Эмбденов, и потому я не поручил ни сестре моей, ни племяннику, хотя этого и требовало благоразумие, передать вам мою рукопись и не велел им, коль скоро вы не заявите с полной определенностью, что выполните все мои условия до последней буквы, забрать ее у вас через двадцать четыре часа. Я доверился вашей чести; мне не приходится стыдиться, если в этих обстоятельствах вы нанесете мне ущерб. Но это, во-первых, вам не удастся, во-вторых, право же, не принесет вам ни благословения небес, ни уважения на земле. Если, воспользовавшись тем обстоятельством, что рукопись была у вас в руках, вы обставили и провели меня, ну что ж, в конце концов я тоже могу взбунтоваться и, право, не буду трусом и не буду считать себя связанным с вами. Для меня это послужит отличным уроком; не то я мог бы послать вам еще рукописи гораздо более личного содержания и сделал бы это без всякой гарантии быстрого осуществления моей воли. Только, пожалуйста, не считайте меня глупым мальчишкой! Я прежде всего надеялся, что вы поймете, какую великую жертву я приношу вам этой книгой, за которую при других обстоятельствах потребовал бы по крайней мере в полтора раза больший гонорар, и я считал, что вы, как человек достаточно сведущий, знаете старую пословицу: «Пока раздумывает лисица, задумывается и осел».

Поэтому, если мои издательские предложения не отвечают вашим условиям, я самым решительным образом требую, чтобы вы сейчас же, *немедленно*, как человек чести,

возвратили мне спешной почтой мою рукопись. Я вынужден с удвоенной серьезностью настаивать на этом, так как в данный момент здесь находятся два моих земляка, которым я могу, прежде чем они уедут домой, поручить все мои дела в Германии. Я не имею права сомневаться в их чести и потому уверен, что они и часа не промедлят, чтобы выполнить мое пожелание. Я говорил вам, что торопился изо всех сил и, даже не просмотрев рукописей, отправил их вам; знайте, что и по этой причине мне будет весьма приятно просмотреть материал и расположить его по-новому в интересах и книги и автора.

В сущности, это относится к стихам, ибо, если я уделю этому более длительное время, я смогу составить том наподобие «Романсеро», а это окажется невозможным, если, желая порадовать Кампе, я предварительно опубликую часть своих стихов в «Разных сочинениях». Прозы у меня в рукописи, к сожалению, больше чем достаточно; прежде мне это было не так ясно, как сейчас. Но я готовлю издание двухтомника и непрерывно занимаюсь вписыванием и добавлением драгоценнейшего материала и множества злободневных статей. Непростительно, что вы отравляете мне радость работы, тогда как я только и думаю, что о ваших интересах. Неужели вы зарежете курицу, несущую золотые яйца, для того чтобы сварить одну миску супа? Честное слово, вы убиваете меня вашей мучительной тактикой, и, поверьте мне, это неблагоприятно.

Ваш

Г. Гейне.

192. АЛЕКСАНДРУ ДЮМА¹

Париж, 28 марта 1854 г.

Мой дорогой Дюма!

В хронике вашей газеты помещена заметка о том, что я издаю сейчас новую поэму; там даже указано ее название. Все это — новая утка.

Я никогда не писал поэмы, которая может иметь хоть какое-либо отношение к этому названию. Прошу

---

¹ Перевод с французского оригинала.

вас, дорогой друг, напечатайте опровержение в вашей газете.

Я несколько не рассержусь, если вы будете так любезны и объявите одновременно вашим читателям, что вскоре я выпущу в свет полное собрание своих стихотворений, переведенных с немецкого мною в сотрудничестве с друзьями. Не придавайте этому сообщению рекламного характера; его единственная цель — защита моих бедных стихотворений от усердия некоторых литераторов и дельцов, которые хотят возвыситься, искажая мои стихи без малейшего соизволения как с моей стороны, так и со стороны моего державного отца Феба-Аполлона. После вашего предупреждения всякая попытка попирать мои авторские прерогативы будет не только дерзостью, но и подлостью.

Несколько недель назад вы в вашем листке выражали намерение вскоре навестить меня. Это была хорошая мысль. Но я вас предупреждаю, что если вы надолго отложите ваше посещение, то вполне может случиться, что вы уже не застанете меня в теперешнем моем жилище, на Амстердамской улице, д. 50, так как я переселюсь на другую, совершенно мне неизвестную квартиру; я не смогу, таким образом, оставить мой новый адрес швейцару на тот случай, если друзья, опоздавшие вроде вас, будут меня спрашивать. Я не очень себе представляю будущую мою резиденцию, знаю только, что туда входят через зловонный и темный коридор, и вход этот мне заранее не нравится. Потому, наверно, жена моя плачет, когда я говорю об этом переезде.

Г-жа Гейнс сохранила наилучшие воспоминания о всех любезностях, которые вы оказывали нам двенадцать лет назад, если не больше.

Вот уже шесть лет как я прикован к постели. В разгар болезни, когда я терпел самые страшные муки, жена читала мне ваши романы, и это было единственным, благодаря чему я забывал о своих мучениях.

И я проглотил их все, восклицая иногда во время чтения: «Что за изобретательный поэт этот парень, которого зовут Александр Дюма!»

Действительно, после Сервантеса и г-жи Шахриар, больше известной под именем султанши Шахразеды, вы самый занимательный рассказчик из всех известных мне.

Какая легкость, какая свобода! И какой вы славный! Поистине, я знаю в вас только один недостаток — скромность. Вы слишком скромны.

Боже мой! Те, кто обвиняет вас в хвастовстве и бахвальстве, не подозревают о масштабе вашего дарования. Они видят только тщеславие. Так вот, я утверждаю, что какого бы высокого роста оно ни было и какие бы скачки оно ни совершало, ему не достать до колен — нет, что я говорю! — даже до икр вашего восхитительного таланта. Читайте себе сколько хотите, расточайте себе самые гиперболические хвалы, насыщайтесь ими сколько душе угодно, и все-таки вы не возвеличите себя настолько, насколько вы того заслужили вашими чудесными книгами.

Вашими чудесными книгами! «Да, это правда!» — восклицает в это мгновение г-жа Гейне, которая слушает, как я диктую письмо, и попугай, которого она держит на руках, упорно повторяет: «Да, да, да, да, да!»

Вы видите, милый друг, что у нас все в один голос восхищаются вами.

Сердечно ваш
Генрих Гейне.

193. ГЕРМАНУ ПЮКЛЕР-МУСКАУ

Париж, 8 апреля 1854 г.

Ваше сиятельство!

От всей души благодарю вас за благородное и любезное участие и за вашу заботу обо мне. Слово «отъезд» в вашей записке поразило меня в самое сердце, и меня удручает мысль, что мне так мало удалось видеть вас здесь и что я, вероятно, уже больше не увижу вас в этой жизни. Если есть хоть какая-нибудь возможность, посетите меня не один только раз, как вы собирались, а по крайней мере два раза.

От Кампе я все еще не получил письма. Правда, я не думаю, что он отдаст рукопись, но, если он на это решится, то вернет ее незапечатанной, потому что мы ему ничего не говорили об этом. В таком случае я целиком полагаюсь на скромность вашей приятельницы. Поэтому

будьте добры попросить эту даму, если вы этого еще не сделали, чтобы она незамедлительно железнодорожной почтой переслала мне рукопись по адресу: Henri Heine, rue d'Amsterdam № 50, à Paris, как только Кампе ее вернет. Мне неизвестна степень ваших дружественных отношений с вышеупомянутой дамой, но если вы сможете убедить ее, чтобы она тотчас же дала мне знать, не сделал ли сй Кампе при возвращении рукописи какого-либо сообщения, касающегося меня, мне это было бы в высшей степени приятно. Ведь поскольку вы, глубокоуважаемый господин князь, указали г-ну Кампе, что он может писать вам в Кобленц до востребования, то во время вашего отсутствия я не смогу узнать, что вам написала г-жа сенаторша Иениш. Я слишком долго буду в неведении относительно того, чего, собственно, хочет Кампе, если не получу об этом сведений непосредственно из Гамбурга через вашу приятельницу. Немецкий поэт был бы чрезвычайно обязан высокочтимой даме за такую доброту.

В надежде очень скоро, может быть даже завтра, увидеть вас у себя, остаюсь с искренним почтением и преданностью

вашего сиятельства покорным слугою

Генрихом Гейне.

191. ЮЛНУСУ КАМПЕ

Париж, [14] апреля 1854 г.

Дорогой Кампе!

Мой секретарь нездоров, а сам я так болен, что не вижу того, что пишу. Поэтому только завтра или послезавтра я как следует отвечу на ваше последнее письмо. Для меня самое важное сегодня — избавиться от тягостного чувства, вызванного вашим письмом, и сказать вам, как мне больно, если я несправедливо обидел вас. Ваше непостижимое молчание могло предоставить мне широкий простор для каких угодно мучительных предположений, но у меня не было права высказывать оскорбительные обвинения, покуда я не знал, что же случилось. Я забываю, что я поэт. Я не мог представить себе, как это человек не бросит все дела, чтобы немедленно кинуться

читать мои стихи. В этом тщеславном чувстве Вольфганг Гете не уступил бы Людвигу Виллю. А предположив, что вы немедленно прочли стихи, поэт должен был счесть ваше молчание за пренебрежение к его поэзии, ворчать и беситься. Кроме того, я очень болен, нетерпение усиливает мои судороги, и пришло время, когда мне необходимо урегулировать мои расстроенные финансы. В течение трех недель я не имел известий о судьбе моей рукописи, в которую, кроме стихов, входит и чрезвычайно важный жизненный документ — мои религиозные «Признания», которые вызовут большую сенсацию, а при таких обстоятельствах вы не могли ждать пасторального любовного послания. Смертельно разболевшись от забот и горя, чувствуя, что у меня сердце сочится кровью, я решил поручить все свои литературные дела надежному другу, князю Пюклеру; он медлил до последнего мгновения, пока я не вручил ему доверенность на получение моей рукописи. Я не желал больше ни о чем заботиться. Сначала я заподозрил князя в бестактном великодушии, когда он лично гарантировал мне гонорар, который я требовал от вас, и пожелал мне немедленно же его вручить, но он уверил меня, что надеется добиться для меня еще большего гонорара, и то, как умно он управляет собственными гонорарными делами, убедило меня окончательно. Я едва поверил своим ушам, когда князь сказал мне, что за свои много раз издававшиеся пять томиков путевых писем он получил последний раз гонорар в 1000 талеров. Я знаю, ему оплачивают его княжеское имя. Но мое имя еще гораздо царственнее. В одном томе моих «Разных сочинений» (может быть, вам приятнее заглавие «Opuscula»?¹⁾) больше содержания, чем во всех этих пяти томах. Теперь рукопись, которую я спешил закончить, чтобы в случае необходимости передать ее князю, лежит передо мною; в ней около четырехсот страниц, написанных рукою моего секретаря. День и ночь я как собака трудился над переработкой, присоединил к ней от восьми до десяти листов, и все для того, чтобы книга вышла законченной в художественном отношении и созвучной современности. Только, ради бога, не выдавайте меня, не говорите никому, что из старых корреспонденций я часто не оставлял

---

¹ «Мелкие сочинения» (лат.).

и одной десятой и излил весь свой бешеный юмор в заново сфабрикованных письмах. Кто смыслит в ремесле, тот не выдаст мастера. Подзаголовок второго тома — «Парижские письма и корреспонденции парламентского периода — от 1 марта 1840 до 1843 г.». Вам понятно, что этот период охватывает два-три года, а также то, что, несмотря на акробатически быструю смену тематики, книга представляет законченное целое и является произведением историческим, которое отвечает сегодняшнему дню, но будет жить и для будущих поколений. В этом отношении она для вас гораздо ценнее первого тома. Не будь я смертельно болен, дорогой Кампе, я бы немедленно решился на страшное дело, так пугающее моего Юлиуса, — я пошел бы на риск нового издания, но у меня, несчастного, уже нет будущего на земле, и в качестве умирающего я вынужден уладить тотчас же все свои дела. Я не могу оставить жене дела в запутанном состоянии, поэтому мне хотелось бы при случае договориться с вами даже о моем большом или малом наследии. Только такой, благодарение богу, здоровый и счастливый человек, как вы, может говорить о риске. Я же, несчастный, могу говорить разве что о жертвах и уповаю на то, что вы слишком великодушны, чтобы пытаться оттягать у меня хоть сколько-нибудь от той суммы, которую я давно определил, приведя вам в свое оправдание убедительнейшие доводы. Прошу вас не делать этого, я уже сделал все возможное, чтобы удовлетворить вас произведениями, которые я даю; я обещал вам при новом издании, когда я, вероятно, не буду так нуждаться в деньгах и когда уже не встанет вопрос об амбиции, быть как можно снисходительней. Вы знаете, на меня можно положиться, и ваше тщеславие, тщеславие купца, который непременно хочет хоть что-то выторговать, здесь, право же, неуместно. Бестактно говорить теперь о дружеском расположении. Я знаю, деньги сейчас дороги, но я готов, принимая во внимание высокий учет, пойти на очень большую скидку. При этом я останусь в выгоде: я немедленно отделаюсь от всех забот и смогу приступить к моим мемуарам, которыми занимаюсь *сop amonc*.¹ Уверяю вас, что, когда я уплачу около 5000 франков за одну глупость (в ней исповедаюсь вам позднее) и приобрету

---

¹ С любовью (*итал.*).

кое-что самое необходимое, у меня от 6000 марок ассигнациями, которые я от вас требую, не останется даже на то, чтобы снять загородную квартиру. Но в другую городскую квартиру я все-таки перееду.

Сегодня, дорогой Кампе, я высказался пространней, чем мне это разрешается; для меня было бы благодеянием, если бы я сейчас же получил от вас определенный ответ. Он дал бы мне возможность немедленно написать князю Пюклеру, с которым мне не удалось подробнее поговорить при расставании, что я уже все уладил с вами. Мне кажется нелишним заметить, что о вас князь самого лестного мнения, — он не произнес ни одного обидного для вас слова и желал только видеть меня застрахованным от всяких денежных забот.

Я же, со своей стороны, заверяю вас, что никогда не мог серьезно поверить в то, что Юлиус Кампе ради нескольких талеров допустит, чтобы я накануне смерти попал в чужие руки, хотя разум и подсказывает мне, что деловые отношения в сем мире идут своим логическим путем.

Поэтому прошу вас, пришлите мне наконец окончательный ответ. Если, понуждаемый демоном наживы, вы непременно должны что-нибудь урвать из 6000 марок ассигнациями, которые я у вас требую, сделайте это тем способом, какой я вам указал, — под предлогом страховки на случай войны или бог весть на каком еще основании; я соглашусь скинуть 500 марок ассигнациями, или 1000 франков, что для меня сейчас очень много, но этой ценой я покупаю домашний мир. Сообщите при этом, когда мне выслать вам второй том; думаю, что вы выпустите оба тома одновременно.

Дорогой Кампе, я уже почти не вижу того, что пишу, но у меня легче на сердце, когда я чувствую, что скоро снова войду в русло старой дружбы. Видит бог, я желаю вам всего лучшего и принимаю к сердцу ваше счастье и счастье вашей дорогой семьи. Ссора с вами была бы для меня поистине отравой.

Кстати, может быть, согласившись с содержанием этого письма, вы немедленно сдадите в печать первый том; должен вам сказать, что вместо сурового стихотворения о Гервеге я написал о нем повое стихотворение, смешное, и посылаю его вам; первое снимите. Маленькое стихотворение «Подслушанное», которое натравило бы на меня двух богатых гамбургских свресев, тоже снимите, оно будет заменено другим. Сейчас я ничего больше не буду

вам писать; жду от вас нескольких строк в знак согласия со всеми моими пожеланиями. Я знаю, что из-за Лейпцига вы по горло в делах, но вам все-таки придется написать мне немедленно коротенькое окончательное письмо. Будьте здоровы. Никогда не подозревайте меня в желании оскорбить вас и будьте уверены, что, если вы обрадуете меня сейчас уступчивостью, я не замедлю отблагодарить вас.

Ваш друг

Генрих Гейне.

195. МИХАЭЛЮ ШЛОССУ

Париж, 4 мая 1854 г.

Глубокоуважаемый господин Шлосс!

Пакет с книгами и вашу сердечную записку я получил. Но, прежде чем поблагодарить за них и ответить на ваше дружеское письмо, убедительно прошу вас передать мои извинения г-же Шлосс, моему очаровательному другу, за то, что я еще не сообщил ей лично, насколько обрадовало и утешило меня ее глубоко человеческое письмо. Оно—точный слепок с ее прекрасной души, с ее благородной природы; дуновение этой души заменило мне до некоторой степени цветы и деревья, видеть которые я лишен возможности, а это действительно самая горькая мука, как верно поняло женское чувство сострадания. Не могу найти слов, чтобы выразить ей признательность за участие, и желаю ей счастья и радости на новой ее родине. Прошу вас дружески обнять ее от моего имени и думаю, что поручение это не будет для вас слишком обременительным.

Из вашего письма, дорогой господин Шлосс, я с удовольствием убедился, что и Мейербер высказался в том смысле, что моя Мефистофела положена в основу берлинского балета, и я могу предъявить законные претензии на *droits d'auteur*.¹ Но сейчас я так болен и так занят, что не в силах энергично приняться за это дело; подожду, пока Мейербер, быть может, окажется настолько великодушен, что по собственной воле оградит в этом деле мои интересы и в качестве генерал-интенданта всей королев-

---

¹ Авторские права (*франц.*).

ской музыки даст должный отпор узурпаторам моих прав. При полноте его власти у него есть все средства к этому, — его влияние так велико, что ему достаточно только приказать, и несправедливость будет исправлена. В этом деле я рассматриваю его как единственное ответственное передо мной лицо, несмотря на то, что не пишу ему сам, в чем вы меня укоряете. Его жалобы на то, что якобы я нападаю на него в печати, видимо основаны на недоразумении или на ложных сведениях; с мая 1847 года я никогда ни словом не упоминал о нем публично. Мое шутовское стихотворение о нем напечатали в очень искаженном виде и без моего разрешения, злоупотребив моим доверием. Ваше желание задержать мои готовящиеся о Мейербере публикации я по возможности исполню. Я печатаю у Кампе три тома; в первом есть очень незначительный выпад, и я вычеркнул бы его, если бы рукопись еще была в моих руках и если бы вообще все это не представляло собою только шутку, но оба другие тома еще у меня — я должен отослать их только через месяц, — и довольно объемистый текст, который я написал о Мейербере, я могу изъять; мне придется только решиться на лишний труд и заменить его чем-нибудь другим. Это небольшая жертва — конъюнктура сейчас неблагоприятна; во всяком случае, появившись при более удобной okazji, этот материал произведет лучшее впечатление. Но как бы там ни было, обнародовать мою «мейербериану» для меня необходимо; я не хочу подохнуть как собака в наморднике. Признаюсь вам, не могу побороть этого своего чувства. К тому же умирающие не боятся средств, имеющих в распоряжении великого генерал-интенданта музыки.

Будьте здоровы и оставайтесь дружески расположены к преданному вам

Генриху Гейне.

196. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 20 мая 1854 г.

До рогай Кампе!

Я по горло увяз в моих новых книгах и сегодня могу только уведомить вас о получении вашего письма. Благодарю вас за любезное согласие уплатить 2000 марок

в случае переиздания. 15-го числа я выписал на вас вексель сроком на три месяца на сумму в 3000 марок ассигнациями по чеку «Гомберга и К^о»; этот вексель вам придется учесть. На остаток моего гонорара (3000 марок ассигнациями) я тоже, если вы не возражаете, переведу вексель сроком на три месяца. Это будет, как только я отправлю вам рукопись второго и третьего томов, но, к сожалению, не так скоро; мне необходимы по крайней мере еще две недели отсрочки.

Рукопись моя достаточно велика; даже если я не буду вставлять заглавия и растягивать текст, — это совершенно излишне, — все равно выйдет, вероятно, на пять-шесть листов больше, чем я думал. Но, чтобы книга была художественно завершена, мне надо написать еще свыше трех листов. Это нужно и для того, чтобы дать ей особое название, которое придется вам по вкусу и должно быть оправдано самим содержанием книги. Общее название «Разные сочинения» я, конечно, заменить не могу, но второму и третьему тому я даю еще и особое название: «Л ю т е ц и я». Не знаю, нужен ли подзаголовок: «Современные корреспонденции (или просто «статьи») о политике, искусстве и народной жизни». Оставляю это целиком на ваше усмотрение. Но храните это название в секрете, чтобы никто его у меня не похитил, не стянул; оно кажется мне такой же находкой, как и название «Романсеро». Оно благозвучно и многообещающе. Что касается общего названия: «Разные сочинения», ничего лучшего я не нашел; оно может быть нам полезно в том случае, если успех книги окажется значительным и принудит меня выпустить четвертый том.

Из вашего письма я с радостью увидел, что ваш мальчик выздоравливает.

Я слишком занят, не могу никому писать, и мои близкие сетуют на меня. Здесь сейчас Август Левальд; я давно его ждал, его дружеское посещение доставило мне большое удовольствие. Он из числа тех людей, с которыми мне особенно легко общаться, и я очень полюбил его за практический разум. Гати я видел, но только несколько минут. Верните мне отрывок о Ватерлоо, который я уже требовал, верните немедленно; может быть, я смогу сейчас использовать из него одно место. На случай, если вы передали рукопись в типографию, напоминаю, что

нужно снять стихотворение «Подслушанное» и сатиру на Гервега.

Зато пришлю вам вскоре два других стихотворения и еще маленький цикл стихов, хотя вижу, что рукопись и сейчас уже достаточно велика. Постараюсь, насколько теперь от меня зависит, как следует выправить рукопись; только бы у меня не пропало самое лучшее время. Кстати, из начальной части «Богов в изгнании» тоже надо вычеркнуть маленький кусок, после укажу — какой.

Вас приветствует измученный спешкой, но дружески преданный вам и, слико возможно, скверно себя чувствующий

Генрих Гейне.

P. S. Под особым названием я понимаю заголовок, с которым вы можете издать и продать вторую и третью части как самостоятельное произведение.

197. МИХАЭЛЮ ШЛОССУ

Париж, 10 июня 1854 г.

Дражайший господин Шлосс!

С благодарностью возвращаю сегодня последние из книг, которые вы мне присылали. Вы угадали точно — почти все это было для меня очень интересно. Благодарю вас и за присылку сатирического произведения. Брошюру Листа о Шопене я действительно получил через Брандуса, но еще не читал. Кому я должен ее вернуть? Относительно Вагнера вы поняли меня превратно: я написал о нем не статью, а стихотворение, оно входит в цикл, который появится в первом томе моих «Разных сочинений». Последние печатаются у Кампе. Он еще не приступил к изданию; я смогу включить это стихотворение, только когда получу гранки. Я издаю у Кампе три тома вместо предполагавшихся двух и за бесконечными хлопотами и авторскими муками почти забываю о своем искуде. Передайте мой сердечный привет милой норвежской принцессе Инге, прекрасной фее, некогда поселившейся в Кельне в качестве вашей супруги и хозяйки дома.

Часто вспоминаю ее фесрическое появление в Париже; ее дружеская благожелательность для меня незабвенна.

Не вышло ли чего-нибудь нового Боза-Диккенса? Написал ли еще какие-нибудь романы Оттермюллер? «Коричневые сказки» и «Лессинга» Штернберга я не читал. И роман Л. Шторха «Немецкие ткачи» — тоже. Говорю это на случай, если вам захочется отправить мне еще одну посылочку. Если у вас есть печатное приложение к вашему каталогу, пошлите мне его как-нибудь бандеролью.

Покамест примите дружеские приветствия

от сердечно преданного вам

Генриха Гейне.

198. ЮЛИУСУ КАММЕ

Париж, 26 июня 1854 г.

Дорогой Камме!

В последнем письме вы написали мне, что в самом скором времени начнете печатать в Галле первый том моих произведений, и вот уже больше двух недель, как я каждый день жду первых листов корректуры. Опасаясь, что вы, в свою очередь, ждете продолжения рукописи, прежде чем отдать печатать начало, спешу послать вам сегодня железнодорожной почтой всю рукопись целиком; не хватает только маленького предисловия, оглавления, которое я составляю по своим черновикам, а также нескольких страниц из второй части, — для них мне нужны еще кое-какие заметки. Все это отправлю вам на будущей неделе почтой. Увидев рукопись, вы с первого взгляда поймете, что я даю больше, чем обещал, и должен заметить, что в течение шести недель я неустанно трудился над улучшением книги; она стоила мне больше усилий, чем любое другое произведение, когда-либо выпущенное мною. Прочтя обе части подряд, вы увидите, какое ложное мнение вы заранее составили себе об этой книге, когда вам мерещилось нечто вроде «Французских дел». Только в середине первой части встречаются иногда сухие степи,

зато все целиком читается как роман, хотя и является в то же время историческим документом; здесь с наибольшей отчетливостью проявился мой самый выразительный стиль. Думаю, что конъюнктура благоприятна, и, если вы издадите книгу сейчас, на мою долю вскоре выпадет и второе издание. Во всяком случае, книга эта самым выгодным образом пополняет мои сочинения, и вы, несомненно, будете мне благодарны за то, что я создал столь ценную вещь из, казалось бы, уже погибших материалов. Ибо, повторяю, мне было бы куда легче продиктовать совершенно новую книгу. Как только отошлю вам указанные листы, я тотчас же примусь за работы, которые, к сожалению, бесконечно пострадали от вынужденного перерыва. К тому же я очень болен и очень страдаю от конвульсий. Только никому не говорите о личных выпадах, которые содержатся в моей книге и в свое время еще успеют вызвать ярость моих жертв. Будьте также добры немедленно известить меня о получении рукописи.

Только что прочел «Воздушные замки» Шифа, но сегодня у меня слишком тяжелая голова, и я не могу толком о них высказаться. Талант Шифа проявился и здесь, но писатель слишком легко увлекается и попадает в такие сферы, которые для него не годятся. Ему следует как можно реже изображать культурные слои общества; он должен очень остерегаться резонерства; особенно же неудачно у него получается, когда он говорит о собственной особе, даже в том случае, когда с предельной правдивостью изображает себя и свои бедствия под маской вымышленного лица. Лирический юмор в духе Стерна ему не подходит, ему следует придерживаться пластической манеры Сервантеса, чья ирония соответствует его таланту. Он очень ошибается, если думает, что я, мастер иронии, не вижу, какой чертенок выглядывает из-за его спины и как надо опасаться его напускной дурашливости. Передайте ему мой сердечный и дружеский привет.

На днях моя жизнь опять подверглась опасности при пожаре; соседний дом сгорел дотла. Будьте здоровы. Наслаждайтесь вместе с вашими близкими летней погодой.

Дружески преданный вам

Генрих Гейне.

Париж, 18 июля 1854 г.

Любезный Кампе!

В моем последнем письме я не успел написать вам (почта уже отходила) о том безобразии, которое, по-видимому, творится в типографии в Галле. Я с оказией дал вам знать через своего приятеля, что со страницы 49-й почти до конца страницы 57-й снова перепечатано все, что уже напечатано в предыдущем листе, с середины страницы 41-й до конца страницы 48-й. Я не могу объяснить себе такую небрежность; поскольку начиная с четвертого листа теперь изменено и число строк на каждой странице, то можно бы предположить, что вы лично распорядились с самого начала об уменьшении количества строк и что отсюда произошел этот излишек. Вчера я послал вам листы со стихотворениями, а сегодня — еще два листа с «Признаниями», которые я просмотрел, но решил послать не в Галле, а прямо вам: мне противно иметь дело с типографией, так неслыханно оскорбившей меня. Все же пусть они посылают мне корректурные листы, а поскольку я этой типографии не доверяю, то мне придется особенно внимательно держать корректуру; но я буду все время отсылать листы вам, дорогой Кампе, а вы можете потом переправлять их в Галле, что, в конечном счете, не приведет к большой потере времени. Что касается обоих томов «Лютеции», пусть остается в силе тот порядок, который я вам предлагал в последнем письме, а именно: вы в Гамбурге занимаетесь самой тщательной их корректурой, а мне пусть посылают сюда только один экземпляр последней корректуры из Касселя, чтобы я был в курсе дела и мог быть спокоен, что все идет нормально. Вчера я уже получил из Касселя первый лист и очень им доволен; печать превосходная, только она слишком отличается от скверной печати первого тома, вышедшего в Галле; издание получается полиграфически неоднородным, тем более что здесь, как я вижу, число строк на странице еще больше. Я уже просмотрел большую часть этого первого листа и нахожу, что в нем почти нет ошибок. Мне в высшей степени досадно, что первый том так плохо отпечатан в Галле; стихи особенно скверно

выглядят в печати, — шрифт слишком мелкий и грязный. Мне все еще не ясна нумерация стихотворений; они должны стоять на указанном мною месте, иначе гармония книги будет нарушена. В этом соль книги; их никуда нельзя передвигать; они служат продолжением «Признаний», и в конце книги я снова возвращаюсь к той же теме. Ни одно из этих стихотворений, написанных мною за последнее время, я не соглашался напечатать, как меня ни упрашивали. Я всегда отговаривался тем, что обязался дать Кампе вторую часть «Романсеро» и не хочу лишать ее прелести новизны. Надеюсь, что определять тираж книги будете вы, и я возлагаю на него такую надежду, что не продал бы заранее прав на второе издание моей книги даже за 1900 марок ассигнациями. Полагаю, что, несмотря на самые неблагоприятные условия, я все же создал кое-что значительное, между тем сейчас в продаже ничего нет. В «Лютеции» содержится немало идейное богатство — оно может принести пользу тем, кто стремится разбудить политическую жизнь в Германии. Эта книга не только забавляет, но и поучает, а раз уж вы теперь за нее заплатили, то, вероятно, согласитесь со мной.

В конце недели пошлю вам недостающий отрывок, который надо вставить примерно посредине второй части «Лютеции». Это была хорошая, хотя и трудная работа, но с рукописи придется снять новую копию, иначе она окажется слишком объемистой для почты. Видите, дорогой Кампе, несмотря на то, что я чувствую себя очень плохо и мои глаза неизлечимо больны, я делаю все возможное, чтобы ускорить публикацию книги.

Сердечно приветствую вас и остаюсь

дружески преданным вам

Генрихом Гейне.

Мне кажется, что внизу каждого печатного листа обоих томов «Лютеции» было бы лучше писать не «Разные сочинения, часть вторая (или часть третья)», а «Лютеция, часть первая (или часть вторая)». Это могло бы оказаться для вас полезным при розничной продаже. Во все не нужно, чтобы вам посылали обратно из Касселя первый корректурный лист, — вы можете сразу распорядиться

о его напечатании, потому что, как я уже говорил, он, видимо, набран с величайшей точностью, судя по тому, что я читал. Впрочем, вы еще сами можете дать его проверить.

200. БЕТТИ ГЕЙНЕ

Париж, 31 августа 1854 г.

Дорогая моя матушка!

Сегодня могу сообщить тебе великую новость. Я окончательно отказался от старой парижской квартиры и теперь живу около *Barrière*,¹ в доме, который я занимаю целиком и к которому примыкает большущий сад с большими деревьями, где я могу без помех наслаждаться прекрасной погодой. Чтобы совершить эту революцию, мне пришлось пойти на великие денежные жертвы, и я, право, не раскаиваюсь, потому что это в высшей степени благотворно отразится на моем здоровье. У меня теперь такая система — делать все для своего здоровья, а для других — ничего, даже для моей мотовки: сколько бы я ей ни оставил, ей все равно будет мало. Мой адрес: *Mr. Henri Heine, aux Batignolles, Grande rue № 51, à Paris.*

Ты не можешь себе представить, дорогая моя матушка, как отлично действуют на меня чистый воздух и солнце, которого у меня совсем не было на старой квартире. Вчера я сидел под деревьями собственного сада, ел чудесные спелые сливы, которые чуть не падали мне прямо в рот, и мне казалось, что я совсем здоров. Я думал о вас и решил написать вам сегодня же, хотя и нахожусь еще в величайшем смятении. Моя жена, которая всегда, говоря о себе, называет себя по-немецки «моя жена» (она повторяет за мной, как попугай, и это очень смешно), шлет вам сердечный привет. Она как раз говорит мне: *Dis à ma mère, que² моя жена est très occupée et que³ моя жена l'embrasse mille fois.⁴*

---

¹ Городской заставы (*франц.*).

² Скажи маме, что (*франц.*).

³ Очень занята и что (*франц.*).

⁴ Целует ее тысячу раз (*франц.*).

Шлю сердечный привет моей Лоттхен, а также молодым дамам, и Людвигу, и еще Морицу.

О князе Рокка я получил наилучшие сведения от одной дамы, достойной доверия. Он, говорят, прекрасный человек, очень покладистый, и имеет в Пьемонте кое-какое имущество, не конфискованное, как его неаполитанское имение, каковое будет ему, вероятно, возвращено, если он согласится взвалить на себя крест политического покаяния. Поскольку у него теперь есть домашний крест, он, вероятно, скоро смирится с такими мыслями и будет подобающим образом гнуть спину.

Корректуру двух томов моего последнего сочинения я полностью предоставил Кампе; лучше на несколько лет сократить свое бессмертие, чем слишком напрягать глаза.

А теперь — до свидания! Пишите мне поскорее и побольше, и любите по-прежнему

вашего преданного...

201. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 3 сентября 1854 г.

Милый, славный Кампе!

Три дня назад я переехал, и мой адрес теперь: aux Batignolles, Grande rue № 51, barrière de Paris.

Я принес величайшие жертвы, чтобы улучшить свое положение, и вот к чему это привело: в моей квартире есть другие, еще более невыносимые недостатки, и мне придется, вероятно, на днях опять переезжать и устраиваться заново. Хуже то, что я болен и что, может быть, у меня холера. Вчера я чуть было не околел. А сейчас восстал из гроба, дабы немедленно доложить вам, что я никоим образом не задерживаю печатание первой части; передайте г-ну Шмидту, чтобы он набирал все старье по имеющимся корректурам; мой секретарь отсутствует, а сам я слишком болен.

Просматривая листы из Галле, я, к ужасу своему, заметил примечание, которое издатель сделал под

моим текстом, вторгаясь в права и компетенцию автора; это оскорбительно для меня по множеству причин, эстетических и моральных, а вовсе не только из-за писательского упрямства. Почему вы так огорчаете меня? Я сатирик, я как следует высек берлинского прохвоста, не называя его имени, а теперь я превратился в палача, живодера и кровопийцу! Как быть, чтобы публика и без моих заявлений узнала, что примечания этого не было у меня в рукописи? Настоячиво прошу моего друга принять к сердцу горькую мою просьбу.

«Лютеции» не нужно никакого оглавления; я составил бы его, если бы таким образом не лишил заглавия его таинственной прелести. Его никоим образом не может сделать кто-нибудь другой. Присланное мне оглавление содержит только имена лиц, которые являются фоном картины, и можно подумать, что я просто пережевываю газетные известия, тогда как мои персонажи — лишь посетители моих мыслей и их соединительные звенья.

Ваш друг
Г. Гейне.

202. ЮЛВУСУ КАМНЕ

Париж, 16 сентября 1854 г.

Дорогой Кампе!

Уведомляю вас о получении вашего письма от 12-го числа. Я с удовольствием убедился, что у вас хорошее настроение и что вы наслаждаетесь жизнью тем способом, который дает особенно много, — семейными радостями. Мне, горемыке, приходится хуже: где только есть на дороге яма, я тут же в нее и валяюсь. Я думал, когда писал мое последнее письмо, что с «*Revue des deux mondes*» все отлично устроилось, и что же? Сплю минуту я получил журнал, — от такого подарка взбеситься можно! Должны были напечатать только вторую часть «Признаний», но без изменений, а вместо этого ее изуродовали, да еще самым нелепым образом прилепили к ней отрывок из начала. Моя заметка, в которой я дал оценку нашему изданию

и которая должна была служить отличной рекламой, едва упомянута, заглавие произвольно изменено. Внезапно подлейшие изменения, словом — взбеситься можно! Все это не имело бы особого значения, если бы вы выпустили книгу, как я ожидал, 15-го числа. Но задержка, о которой вы мне сейчас сообщаете, ставит меня в самое затруднительное положение; я вынужден настойчиво просить вас как можно скорее издать первую часть «Разных сочинений». Обе части «Лютеции», безусловно, должны выйти вместе, — они составляют одно целое, и я совершенно не сомневаюсь, что вторая часть «Лютеции» равноценна первой. Надеюсь, что, по моему совету, вы изъяли из второй части отрывок под названием «Ирландская революция» и т. д., — в нем нет особо острого интереса.

Из Касселя я уже шесть дней не получаю гранок. Надеюсь, вы сможете выпустить книгу скорее, чем пишете в последнем письме; только очень прошу вас, несмотря на всю спешку, не упускайте из виду необходимость тщательной корректуры.

Меня очень позабавило описание того, как ваш сын ловит птичек. Он рано формируется. Как только я немного оправлюсь, я разыщу для него свои басни, — наверно, особый успех у него будет иметь моя басня о крысах.

Числа до 15-го будущего месяца я останусь в моей летней квартире, а потом переседу в квартиру на Елисейских полях, которую сняла для меня жена. Следовательно, до конца октября у меня не будет покоя.

Будьте здоровы и дружески расположены к

вашему

Генриху Гейне.

Кстати, г-н Варенс из венской «Газеты Ллойда» не годится для того, чтобы способствовать успеху моей книги. Именно с ним у моего брата были скандальные столкновения; по слухам, они и теперь еще постоянно ссорятся. Мне будет приятнее, если вы пошлете экземпляр моему старому другу, издающему «Восточную почту», бывшему издателю «Пограничного вестника», — Куранде. Он мой старый друг, и в нем я могу быть уверен.

Париж, 21 сентября 1854 г.

Дорогой Кампе!

Кроме первого листа второго тома «Лютеции» и листа с посвящением, я получил от кассельского издательства еще титульный лист книги, но, к изумлению своему, увидел, что на шмуцтитуле «Лютеции» отсутствует самое главное, то есть мое имя; зато там стоит имя издателя. Если бы не последнее обстоятельство, я подумал бы, что мне прислали промежуточную страницу, которая либо предшествует настоящему шмуцтитулу, либо следует за ним. Как бы там ни было, выражаю вам по этому поводу свое недоумение.

Сейчас я особенно болен, и меня преследуют исключительные беды; причина их отчасти в перемене квартиры, отчасти в смертях. Сегодня похоронили мать моего чтеца, умершую от холеры; вот уже неделя, как мне ничего не читают. По контрасту я переживаю в эти дни большой триумф: моя статья в «Revue des deux mondes», несмотря на искажения, производит неслыханный фурор; мне передавал вчера редактор «Revue», что все говорят только об этой статье, а многие, кто понимает по-немецки, с нетерпением ждут возможности прочитать полный текст в оригинале. Моя цель — создать изданию грандиозную рекламу — достигнута, но необходимо, как я уже говорил вам, как можно скорее выпустить книгу из печати. По словам редактора «Revue», ни одна статья не возбуждала еще такого внимания; этот успех и сравнить нельзя с успехом «Богов в изгнании». Не могу писать вам об этом без злорадства, — ведь именно этой статье мой друг Юлиус Кампе составил столь зловещий гороскоп. В «Mousquetaire» на другой день было несколько замечаний об этом; я постараюсь прислать вам этот номер, если достану. Может быть, вам удастся использовать эти строки в Германии. Мой здешний фактотум в области журналистики лежит парализованный в *maison de santé*,¹ и я ничего не знаю о том, что делается в немецких газетах. Адреса Энглендера, который действительно уехал отсюда, не

---

¹ Больница (франц.).

знаю, но он постоянно пишет Геббелю в Вену, и тот, несомненно, может вам указать его адрес. В самом начале будущего месяца в Париж приезжает г-н Тайандье; если у меня будет полный экземпляр моей книги, он, конечно, напишет обо мне статью. Поэтому прикажите, пожалуйста, кассельскому типографу как можно скорее послать мне еще недосланные отпечатанные листы. Во-вторых, велите ему, как только будет готова книга, немедленно прислать мне сюда экземпляр бандеролью. Успех моей книги вселяет в меня надежду пристыдить моего гамбургского Фабия Кунктатора большим спросом на книгу, а кроме того, выиграть 2000 марок ассигнациями, которые я вполне честно заработал,

Дружески кланяется вам
ваш

Генрих Гейне.

204. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Париж, 3 октября 1854 г.

Дорогой Детмольд!

Старый мастер, парализованный и ветхий, обращается сегодня к юному мастеру, дабы тот поддержал его своей еще свежей силой и своим неослабевшим *ingenium*.¹ Надеюсь, что Кампе уже послал вам три тома моих «Разных сочинений», которые он собирается выпустить, и сообщил, какой услуги я в связи с этим ожидаю от вас. Прочитав вторую и третью части, то есть книгу «Лютеция», вы сразу, конечно, поняли, какие новые бедствия я на себя навлек. Между нами будь сказано, я это делал тогда, когда надеялся легко с ними справиться, ибо в моем распоряжении находились большие возможности, и я ощущал в себе еще немалые силы. Но сейчас мне не хватает и того и другого; по роковому совпадению, я не только совершенно одинок, но нахожусь еще в таком омерзительном, в таком ужасном физическом состоянии, в каком никогда не был. С Кампе у меня были самые

¹ Умом (лат.).

жестокие недоразумения, и только пожертвовав огромной суммой, я получил покой и избавился от его мелочных придирок и интриг; в его лице я имею самого ненадежного союзника, он вовлекает меня в распри, до которых мне нет никакого дела, и спекулирует на сбыте моих книг, спекулирует скандальными историями, которых я охотно бы избегал. Здесь у меня нет никого, кто промолвил бы мне хоть слово о делах макулатурного мира, а там, в Германии, в моем распоряжении тоже нет никакого органа. Раньше я мог до некоторой степени располагать «Всеобщей газетой», теперь же она окончательно стала нулём с мерзкой мюнхенской кликой; как вы убедились из моей книги, мне наконец нужно решительно порвать с ней. Вы и представить себе не можете, какое подлейшее предательство по отношению ко мне таится под покровом немецкого простодушия и дружбы. Способ, которым ведет свою войну Мейербер, вам известен. Нет такого печатного органа в мире, при котором у него не было бы своих бдительных агентов. Он прибегает к самым низменным личностям, чтобы нападать на меня исподтишка, в то время как я всегда открыто и честно выступал против него; с его стороны мне следует опасаться самого худшего. За него держится вся сволочь, и он душа всех сплетен. Вас, вероятно, позабавило сделанное мною дагерротипное изображение смрадного притона г-жи Лео. Это моя заслуга перед человечеством. Там всегда фабриковали самые подлые сплетни обо мне и моей жене, их даже экспортировали в Гамбург, где процветает семейка сестриц-помощниц. Как видите, дорогой Детмольд, дело не в хвалебной статье о моей книге, — речь идет о том, чтобы оказать сопротивление мелким злобным пронкам врагов, используя их же средства. Нужно общими усилиями поместить самые короткие заметки в самых различных газетах и дать понять публике, что злые сплетни обо мне, которые теперь, вероятно, выплывут, — результат козней целой коалиции личностей, которых я задел. Мне приходится иметь дело с омерзительными врагами, трусливыми и скользкими личностями. Это клопы из старых, хорошо знакомых кроватей. Надеюсь, моих намеков для вас достаточно, и вы сделаете для меня все, что возможно; мне известны дарования вашего ума, и я чувствую себя спокойным, поручив ему мое дело; я знаю, вам доставит

немалое удовольствие хладнокровно позлить сволочь, которая рассчитывает на уязвимость, на болезнь и беспомощность вашего бедного друга. Видите, дорогой Детмольд, я не забываю о вас, когда я в беде. Но вы, конечно, поверите, что я достаточно часто думаю о вас, когда не испытываю в вас особой нужды, и воспоминание о Детмольде, словно волшебное прикосновение, по временам живит опечаленную душу.

Недавно здесь была ваша родственница, некая г-жа Гуайта из Франкфурта; я часто ее видел; она прекрасная душа, которой необходимо настойчиво интересоваться делами всех, к кому она питает сестринские чувства. Эта дама расспрашивала нас о мельчайших подробностях нашего бюджета и потом, вероятно, при всех чувствительно болтала о том, что выведала ее любовь; словом, она трогательно сердечная сплетница. Ради бога, никому ни слова об этом нехристианском суждении, возможно очень несправедливом! Зная, что мы интимные друзья, она говорила о вас с глубочайшим участием и очень вас хвалила; это тем более говорит в ее пользу, что такая похвала далась ей, видимо, нелегко. Она очень дружна с Пюклером и с энтузиастом музыки Гати, который живет теперь в Гамбурге.

Несколько недель назад я вынужден был пересечь и живу теперь за парижской заставой (aux Batignolles, Grande rue № 51), но у меня сырая и холодная квартира, и, если я не хочу разболеться еще сильнее, придется через две-три недели опять пересечь. Не хватало мне еще этих внешних осложнений; вы и представить себе не в силах, какие горести и нечеловеческие расходы причинила мне неспособность Матильды к устройству дома и ведению дел. Вот в каком бедственном положении я вам сегодня пишу. Само собой, вы ничего не скажете Кампе о моих пожеланиях. Не забудьте, что необходимо следить за Гамбургом; постарайтесь, и через Кампе и лично, чтобы в этом городе, где может возникнуть угроза моим весьма сомнительным семейным отношениям и моим интересам, не выкинули чего-нибудь злого.

Будьте здоровы и сохраните любовь и верность

вашему другу

Генриху Гейне.

Париж, 3 октября 1854 г.

Дорогой Кампе!

Ваше письмо и печатный циркуляр издательства я получил. Последний превосходен. Из Галле пришел посланный железной дорогой франкированный пакет с экземпляром первой части. Эти дураки могли бы гораздо дешевле переслать пакет почтовой бандеролью. Из Касселя я получил уже шестнадцатый, если не ошибаюсь, лист гранок. Прочтя до конца вторую часть «Лютеции», вы убедитесь, что эта часть представляет гораздо большую ценность, чем первая. Я не могу прочесть листы — очень расхворался и из-за холода и сырости в квартире получил воспаление горла. Кроме чудовищных расходов, мне еще до переезда, который произойдет в нынешнем месяце, предстоят разные склоки. Я обещал Кольбу для «Всеобщей газеты» отрывок из «Признаний», но не дал его. Во-первых, я опасался, что вам это не понравится, а во-вторых, мне уже известно, что Аугсбург стакнулся с Мюнхеном, что здесь участвует рука и даже много рук моих злейших врагов и что под покровом дружбы меня ждет только одно предательство. Я не ошибся: как мне сообщил вчера мой секретарь, «Всеобщая газета» не постыдилась дать подлеиший, жалкий перевод отрывка, появившегося в «Revue», хотя она знала, что мои «Признания» вот-вот выйдут из печати; эта пародия на мои мысли повредила мне больше, чем нападение открытого врага. Может быть, тамошние господа уже пронюхали, что в «Лютеции» я откровенно высказался о «Всеобщей» и не смогу больше в ней сотрудничать. Словом, дорогой Кампе, вы видите, что я не был неправ, чуя некую вонь, и очень удушливую, там, где вам мерещился аромат роз. Запомните, что у Мейербера, который сам молчит, состоит на жаловании шайка бандитов и что во всех печатных органах, по крайней мере во Франции, да, конечно, и в Германии, сидят его ставленники, которые не пропустят ничего написанного против него и повсюду хлопочут в его пользу. Не забудьте, что хозяева, а также завсегдашн притона, который я столь откровенно изобразил, находятся в Гамбурге — именно в Гамбурге; зная это,

вы легко сможете проследить по крайней мере за вопиющими гамбургскими листками, чтобы в них не прокралось какое-нибудь вранье (ругань не имеет значения). Это дело ваше. Я здесь совершенно одинок, ничего не знаю, от меня, вероятно из жалости, все утаивают, и все же мне могут понадобиться кое-какие сведения. Из Германии я получаю много писем, полных восторга, но, с другой стороны, приходят и угрожающие анонимные письма; скоро пришлю вам образцы тех и других. Не могу больше диктовать — болит горло. Послезавтра напишу, как я собираюсь распорядиться экземплярами, которые вы мне дадите, — частью в наших общих, частью в моих личных гражданских интересах.

С дружеским приветом

преданный вам

Г. Гейне.

206. ИОЗЕФУ ЛЕМАНУ

Париж, 5 октября 1854 г.

Дорогой Леман!

Вчера получил ваше дружеское письмо и спешу ответить, тем более что должен сообщить вам: произведений, посланных вами, я вообще не получил. Пакет с этими маленькими печатными вещами, который вы отправили, видимо, по железной дороге, до сих пор не пришел, и я прошу вас послать об этом извещение в Управление дорог. Надеюсь, что они, получив вашу жалобу, вскоре пришлют мне пакет. Я переменил квартиру, мой адрес теперь: aux Batignolles, Grande rue № 51. И все же мне еще до конца месяца придется покинуть эту новую квартиру, которую я комфортабельно обставил, — здесь так сыро, что у меня уже было воспаление горла.

Очень обязан вам за ваше сообщение о «Всеобщей газете». Если бы не случай, я ничего бы не узнал; я живу в совершенном уединении и, кроме секретарей, которые слишком порядочны, чтобы заниматься немецкими сплетнями, не вижу ни одного немца. Мой издатель пишет мне только о том, что касается его личных интересов.

Щадя меня, от меня многое скрывают; это очень смешно, так как я уже и раньше был закален против всех грубостей, а теперь почти мертв для мирской суеты. Жена моя распугала большинство немцев, а кое-кого просто выгнала из дому в полном смысле этого слова. Многих за последние годы унесла смерть, другие разъехались или сидят по сумасшедшим домам и тюрьмам. Повторяю, я ничего не знаю о родине, но иногда, когда мне нужно опровергнуть явную ложь, мне все-таки бывают необходимы некоторые сведения. Поэтому я был бы рад, если бы вы почаще мне писали; право, меня ничто не может уязвить, а многое даже позабавит. Кроме того, как только я вновь обрету покой, я с головой погружусь в мемуары, и мне могут быть полезны некоторые известия о судьбе старых друзей и земляков. Я считаю живыми многих, кто давно умер, иных же, которые сделались за это время просто глупцами или мерзавцами, считаю умершими. Вы не представлять себе не можете, какой фурор произвела моя статья в «Revue des deux mondes». Через несколько недель она появится полностью в моей новой книге «De l'Allemagne»,¹ для которой она и предназначена как заключительная глава. Я выпускаю свои произведения на французском языке в издательстве «Братья Мишель Леви», которое мне рекомендовали. У меня был выбор между ними и другим издателем, бывшим *bonnetier*, то есть фабрикантом вязаных ночных колпаков; я отдал предпочтение первым, может быть именно потому, что они из колена Леви. Думаю, что это обстоятельство не мешаает г-ну Леви быть честным и что он заслуживает моего доверия. Во всяком случае, если даже я и заблуждаюсь на свою беду, я не буду руководствоваться старинным предубеждением против евреев. Думаю, что если дать им заработать деньги, они по крайней мере будут благодарны и не станут нас так объегоривать, как их христианские коллеги. Непрерывная двухтысячелетняя традиция способствовала тому, что они сохранили душевную культуру. Думаю, что они потому и смогли так быстро принять участие в европейской культуре, что именно в отношении чувства им нечему было учиться, — им оставалось усвоить только знания. Впрочем, все это вам известно лучше, чем

---

¹ «О Германии» (франц.).

мне, и послужит лишь указанием, как понимать «Признания». Но если я поручу Кампе послать их вам, вы получите книги не раньше пришествия Мессии, когда он, по древней легенде, придет на осле, не пожелав воспользоваться железной дорогой.

Мне бесконечно приятно, что вы не забыли всего, что я рассказал вам о газоосветительном мошенничестве славного г-на Фридлендера. Своим необыкновенно ловким враньем он действительно сумел заставить моего брата Густава отказаться от защиты моих интересов и спекулирует на моей болезни, которая, как он полагает, в один прекрасный день освободит его от каких бы то ни было преследований. Но он сильно заблуждается.

Я почти не знаю, что диктую, — так усыпляет меня чрезмерная доза опиума; кончаю, выражая вам еще раз благодарность за вашу доброту, и шлю вам сердечный привет.

Генрих Гейне.

207. ЮЛНУСУ КАМПЕ

Париж, 5 октября 1854 г.

Дорогой Кампе!

Третьего дня я написал вам, что «Всеобщая газета» перевела статью из «Revue». Это мне сказал один приятель, читавший только первую ее половину. Сию минуту я получил письмо из Бреславля и вижу, что статья сопровождалась подлейшими оскорблениями, которые, видимо, помещены в самом конце, только я все еще не знаю — какими; мне пишут лишь то, что я прилагаю к этому письму. Поэтому я все еще не знаю, что именно следует предпринять. Но, главное, теперь я раз и навсегда дам шинок «Всеобщей газете» и избавлюсь от ее двусмысленной дружбы. Если подлость, которую училили, достаточно велика, ее можно будет даже использовать в моих интересах. Но я просто не в состоянии это постичь: Котта еще недавно написал мне любезнейшее письмо, а Кольб

в течение двадцати пяти лет выказывал себя моим другом, даже в той глупой истории, о которой я рассказал в «Лютетции». Вероятно, перевод сделан одним из господ редакторов, которые обычно действуют вне контроля Кольба. Но порвать с этой газетой я должен так или иначе.

Относительно распределения экземпляров излишне, конечно, повторять, что я хочу употребить даровые экземпляры на пользу моей книге. Для Гамбурга мне нужны только два экземпляра «Разных сочинений». Один из них будьте любезны послать моей сестре, а другой — моему двоюродному брату Карлу Гейне. Последнее — *courtoisie*,¹ я не могу пренебречь ею, если не хочу, чтобы меня в будущем справедливо обвиняли в неблагодарности. Да, моей матери тоже пошлите через мою сестру «Лютетию» (оба тома), но первый том «Разных сочинений» не посылайте, сестра должна ее убедить, что первый том еще не вышел. Вы сами поймете, почему. Пошлите экземпляр трехтомника и в Берлин, Фарнхагену фон Энзе. Об экземплярах для Детмольда, которому я написал третьего дня, и для Мейснера в Праге, и для Куранды — издателя «Восточной почты» в Вене, вы, вероятно, уже позаботились. Да, как только выйдет книга, вы должны еще послать экземпляр «Лютетции», каждый том отдельной бандеролью, князю Пюклер-Мускау в Кобленц *до востребования*. Экземпляры, которые вы будете любезны послать мне сюда, шлите железной дорогой на мой теперешний адрес. Мне нужны двенадцать экземпляров «Разных сочинений», и мне еле их хватит; два я отдам моим врачам, два — секретарям, два — французским журналистам, три с той же целью пошлю в Англию и, разумеется, еще три должен иметь при себе на всякий пожарный случай.

Мне сейчас совершенно нечего читать по-немецки; если у вас есть еще мой старый список и если вы захотите вложить кое-что из библиотеки Лайста в ящик с экземплярами моих книг, то теперь это пришлось бы как раз кстати. У меня чертовски много дел, связанных и с квартирой и с французским изданием, а кроме того, у меня и днем и ночью страшнейшие боли.

---

¹ Дань вежливости (франц.).

Если вы увидите Шифа, скажите ему, что только избыток дел помешал мне написать ему лично в ответ на его любезность. Кланяйтесь от меня вашему кронпринцу, маленькому Генриху Птицелову.

Покорнейше преданный вам

Генрих Гейне.

208. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 12 октября 1854 г.

Дорогой Кампе!

Вы были совершенно правы, квартира в первом этаже мне не годится; чтобы не погибнуть окончательно от холода и сырости, я устраиваю себе сейчас более теплую квартиру на Елисейских полях, куда смогу переехать еще до конца месяца. Я не в состоянии разговаривать из-за воспаления горла. Благодарю вас за дружеские письма. Мысль о французском переводе «Лютеции» весьма соблазнительна, во всяком случае я оповещу о моей «Лютеции» через господ из фирмы «Братья Мишель Леви», с которыми заключил договор на французское издание моих произведений в «формате Шарпантье»; поэтому прошу у вас сейчас же два экземпляра бандеролью, чтобы представить их в министерство. Я уже теперь оградил себя от кражи моей собственности. Чертовски мало приносит мне это французское издание, а стоит оно немалых трудов, но так как в Германии от меня стремятся избавиться, то здесь я сделал нечто существенное для моего имени, а если моя репутация поднимется, это опять-таки пойдет на пользу моему немецкому издателю. Посягательство на мою репутацию есть нарушение и ваших интересов, дорогой Кампе; этим вы должны мотивировать свою судебную претензию к «Всеобщей газете». Претензию эту вовсе не нужно осуществлять, достаточно просто заявить о ней в журналах. Дело идет, — надо показать это, — не о нескольких талерах гонорара, а об умалении моей репутации по вине незаконного и искажающего перевода. Если вы не напечатали в Гамбурге берлинской статьи, которую мне прислали, сделайте это теперь и, бога ради,

не отказывайтесь от этого. Брань во «Всесообщей газете», — она мне не попадалась, — скверный симптом, и свидетельствует она о коалиции, папоминающей времена, когда вы издали мою книгу о Берне. Было бы неплохо написать Котте. Я слишком болен, чтобы совладать сейчас с чем-нибудь, кроме хозяйственных нужд, и не стану писать в Штутгарт. Сегодня я не в состоянии больше диктовать, хотя и не сказал вам, может быть, самого важного. Несмотря на все страдания, я, слава богу, бодр, и самые веселые мысли скачут в моей голове. В бессонные ночи фантазия моя разыгрывает передо мною потешные комедии и фарсы, и, на мое счастье, жсна тоже настроена очень весело.

Ваш друг
Генрих Гейне.

209. ГЕРМАНУ ПЮКЛЕР-МУСКАУ

Париж, 17 октября 1854 г.

Глубокоуважаемый князь!

Я, право, не знаю, куда адресовать это письмо, — прошло уже много времени с тех пор, как вы дали мне свой адрес — в Кобленц, до востребования; к тому же недавно мне сказали, будто вы снова отправились в экспедицию на Восток. Как бы то ни было, я выпускаю эти строки, словно голубя из ковчега, и направляю их сперва в Кобленц, откуда скоро, может быть, прилетит и ваш голубь с письмом в клюве. Сейчас я по уши погряз в тысяче разных неприятностей, которые не особенно полезны для моего тоже неприятного состояния здоровья. Поэтому пишу вам наспех, бурным натиском, и только самое необходимое. Так, например, я был вынужден покинуть мое обиталище на rue d'Amsterdam, но, на мое несчастье, теперешняя моя квартира на Grande rue № 51, aux Batignolles, такая сырая и холодная, что я снова должен оставить ее в конце месяца и подготавливаю себе сейчас на Елисейских полях новую Голгофу (avenue Matignon № 3). Вот вам оба моих адреса на тот случай, если вам рано или поздно нужно будет что-нибудь мне сообщить. Три тома моих «Разных сочинений» (вторая и третья части появятся отдельно под заглавием «Лютетия» и посвящены вам)

уже вышли у Кампе; я настоятельно поручил Кампе немедленно отправить вам «Лютецию» бандеролью в Кобленц, но при его мелочно придиричивом характере он, вероятно, будет медлить с выполнением моего поручения; в таком случае будьте добры сообщить мне об этом, чтобы я лично мог отправить вам посылку, как только получу экземпляры. Посылаю вам бандеролью письмо-посвящение; оно звучало бы лучше, если бы я мог написать его спокойно на досуге и сам держать корректуру; к ужасу своему вижу, что два предложения здесь слиты в одно; впрочем, публика не понимает того, что читает, и это не имеет значения. Но что вы скажете о непостижимой, неслыханной и не имеющей названия низости, которую учинила «Всеобщая газета», переведя статью из «Revue des deux mondes»? Ведь я тогда уже известил о том, что выходит в свет немецкий вариант этой статьи, а Кампе еще полтора месяца назад сообщил ее содержание своим друзьям. Статью эту перевели с новыми искажениями с уже искаженного французского перевода на самый неуклюжий баварский диалект, и, заверяя в ее аутентичности, «Всеобщая газета» имела еще нахальство после этой подлости наградить меня подлейшей бранью, которую сам я, правда, не читал, но которая, по сведениям из Германии, превосходит грязью и ядовитостью всякую меру бесстыдства. Даже о моей болезни говорится как будто в самых резких выражениях. Уверю вас, меня это мало тревожит, но я не в силах постичь, как могла «Всеобщая газета», во-первых, столь низко пасть, а во-вторых, как могла она иметь глупость так со мной поступить. Я все еще думаю, что доктор Кольб совершенно в этом неповинен и что со смертью моего славного старика Мебольда, ведавшего французскими делами, они попали в руки, над которыми Кольб не имеет, не может иметь контроль. Так не порывают отношения даже в самом худшем случае с человеком, дружба с которым имеет двадцатилетнюю давность, если не больше. Санкционируя такое преступление, Кольб выставил бы к позорному столбу не только «Всеобщую газету», но и самого себя. Что касается Котты, то он истинный аристократ по своей лояльности и чувству чести и всегда был так любезен со мной, что с моей стороны было бы несправедливостью обвинять его в каком бы то ни было соучастии. Вот я и нахожусь в величайшем

смущении, тогда как при других обстоятельствах, то есть если бы подобное оскорбление было нанесено другой стороной, я обнажил бы свой самый острый клинок, и весь свет, а это чрезвычайно важно, подтвердил бы мою правоту. Уверяю вас, дорогой князь, мне только во время этого письма пришло на ум, что самое лучшее — это не предпринимать ничего враждебного против «Всеобщей», покуда я не узнаю от барона Котты, как обстояли дела; возможно, что легче всего я добьюсь этих сведений через вас, — ведь в случае вашего запроса г-н Котта сможет высказаться еще более откровенно, чем при непосредственном вопросе с моей стороны; мне он не захочет выдать никого из своих редакторов, как бы ни порицал и ни хулил он их поступков. Язык «Всеобщей газеты» — в Аугсбурге, а нос всегда торчит в Штутгарте, и я впал бы в крайнее заблуждение, если бы думал, что нос не отправился в Аугсбург с вестью обо мне. Но вам, если вы серьезно спросите его, спросите как благородного человека, а не как владельца газеты, г-н фон Котта со своей обычной прямоотой скажет все. Если же я узнаю, что мой бедный Кольт оказался просто старой бабой и только по неведению дал совершиться позорному деянию, я совершенно перестану интересоваться этим делом и только с состраданием пожму плечами. Я хотел было написать об этом Фарнхагену, — он тоже очень дружен с г-ном фон Котта, — но вам, милый князь, раз и навсегда дана привилегия поддерживать меня в моих бедствиях; я почти забываю о них, делаясь с вами, и единственная моя забота — чтобы только мое письмо нашло вас, Я не могу больше диктовать из-за воспаления горла и, нежно приветствуя вас, остаюсь, дорогой князь,

вашим преданнейшим и покорнейшим

Генрихом Гейне.

210. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Париж, 24 октября 1854 г.

Дорогой Кампе!

Даже и сказать не могу, в какое затруднение ставит меня то обстоятельство, что я до сих пор не получил экземпляров моих книг, которые я просил вас немедленно

мне прислать; в течение всей прошлой недели моя книга, которую частью переправляли прямо из Германии, частью распространяли через местные издательства, продавалась здесь, в Париже. Для большей уверенности я даже просил вас послать мне два экземпляра «Лютеции» бандеролью. Мне хотелось, как я вам писал, использовать их в ваших же интересах, и каждый день проволоочки был чреват опасностью. Я намеревался, согласно статье закона, обеспечить свое право собственности на эту книгу, сдав два экземпляра в министерство; тогда первый попавшийся негодяй не мог бы сфабриковать здесь жульнический перевод, а я был бы огражден от того, что дельцы, спекулируя на огромной цене книги, сделают литографский оттиск с немецкого текста, что, как кто-то заметил, имело бы для них прямой расчет. Разве не досадно, когда некоторые лица из Франкфурга (мне говорили, что это уроженцы Франкфурга) дают читателям мою книгу напрокат, беря по франку за том? В прошлую субботу, когда я снова не получил уведомления с железной дороги о вашей посылке, я послал секретаря к Фивегу, якобы только для того, чтобы оплатить старый счет (что и было сделано), но главным образом чтобы взять у него два экземпляра «Лютеции» за собственные деньги. Однако он сказал моему уполномоченному, что у него нет от вас разрешения продавать «Лютецию» отдельно и он может дать только все три тома «Разных сочинений». Мне пришлось купить у него два полных экземпляра «Разных сочинений». Прилагаю счет, который будьте добры оплатить. Оба экземпляра «Лютеции» я немедленно послал моим французским издателям, владельцам фирмы «Братья Мишель Леви», чтобы от нашего имени передать их в министерство, и это было сделано незамедлительно. Если пакет с книгами сегодня не придет, мне снова придется купить экземпляры для двух лиц, которые должны написать о моей книге, но я пошлю за ней, вероятно, к Клинкзику и заплачу за них из собственного кармана. Не то вы можете подумать, что люди, которым я даю их, например Тайандье, не защищают непосредственно ваших интересов. Два экземпляра первой части «Разных сочинений», которые я принужден был взять у Фивега, я сохраняю пока в вашем распоряжении. Можете затребовать их через Фивега, Одолжений от него я не хочу.

Из Берлина до меня уже дошли горькие жалобы на то, что при теперешнем положении дел только немногие в состоянии купить книгу по чудовищно высокой цене, которую вы назначили за каждый том; говорят, что мне следовало позаботиться о том, чтобы друзья, которые приносили мне жертвы, не были ограблены. Меня уверяют, что вы приносите себе этим больше вреда, чем пользы, и я страшно недоволен. У меня не было бы права порицать ваши издательские распоряжения, если бы вы могли мне возразить, что они принесли вам неизмеримо большую прибыль. Но при существующих обстоятельствах, когда ради сохранения домашнего мира я согласился с тем, что дважды два — пять, я смел надеяться, что вы не потребуете с публики такой чудовищной платы за книгу, о которой вначале вы были столь неслеплого мнения. И теперь я, разумеется, вправе позволить себе сделать вам замечание. Из-за баснословной цены, назначенной вами, я вряд ли дождусь так скоро второго издания; оно явилось бы для меня лишь некоторой наградой за все муки и бедствия, за ужасные муки и ужасные бедствия, которые все еще не кончились. Книга стоит мне не только жизни, но и покоя, в котором я нуждался, чтобы предаться самым важным своим работам. Право же, если я в это трудное время испущу дух, вы тоже понесете большой убыток. Я неотступно просил вас дать мне возможность выйти из игры при какой бы то ни было прямой или косвенной полемике со «Всеобщей», а теперь, в силу внутренней необходимости, вы гоните меня на ристалище. Как я вижу из циркуляра, разосланного вами всем моим недругам, вы объявили им, что я смертельно болен из-за статьи во «Всеобщей газете». Во-первых, это неправда; даю вам честное слово, что и по сей час я не прочел ни строчки из этой статьи. Экземпляр, присланный вами, перешел в нераспечатанном виде из рук моей сиделки в руки того, кто пишет это письмо, и мой друг не прочел мне пока ни строчки. Даю вам в этом честное слово; я разрешу прочесть мне статью, только если вынужден буду писать обо всем этом деле. Во-вторых, вы не понимаете, какую радость доставляете именно моим противникам, раз они могут вообразить, что меня можно так оболгать статьёй. Вам следовало использовать только неблагоприятию самого поступка, а не рассылать слезливые цир-

куляры. Если бы я только имел покой! Перемена квартиры для меня вопрос жизни. При переезде у меня может начаться приступ, который положит конец комедии. Я пробуду здесь самое большее еще неделю, потом, если погода будет хорошая, меня перевезут на Елисейские поля, и я буду жить по адресу: avenue Matignon № 3. Конечно, вы правы, — я любой ценой должен добиться покоя, чтобы работать. Но я с трудом справляюсь с чудовищными расходами, которые баснословно велики. Вы говорите, что если у меня будет покой, я в неделю смогу заработать то, чего мне стоят все эти перемены квартир, но при этом вы, очевидно, забываете, кто мой издатель. Мне необходимо по крайней мере полгода покоя, чтобы с помощью напряженнейшей работы уравновесить теперешние лишние расходы. Я рассчитываю на 2000 марок ассигнациям, которые даст мне второе издание моей книги, и смогу лишь до некоторой степени удовлетворить самые необходимые потребности.

Несмотря на всю мою работу, я все-таки снова кончаю год с дефицитом. Произвести на свет книгу не так-то легко — предродовые схватки и послеродовые муки не позволяют мне написать ничего нового. Я охотно украсил бы французское издание «Лютеции» интереснейшими приложениями, но я теряю много времени зря, да и вообще эта книга на французском языке, как, впрочем, и все французские издания моих книг, приносит мне очень мало и служит только рекламой моему имени. Писатель, не завоевавший себе большого, огромного признания во Франции, не может похвалиться европейской репутацией; следовательно, труды, которые я кладу на французский перевод, послужат косвенным образом снова на пользу собственнику моих немецких произведений. Он приобретет уверенность, что мое имя будет все больше и больше привлекать читателей. Но вы должны назначать более низкие цены, дорогой Кампе, иначе я, право, не понимаю, ради чего я так поступался своими материальными интересами и, повторяю, согласился с тем, что дважды два — пять. Подумайте (а это не маленькие тома; например, все «Путевые картины» изданы в одном томе) продается книго-торговцем по два с половиною франка, а магазинная их цена едва ли три франка. Поэтому я и могу надеяться,

что в короткое время разоидется двадцать, а то и тридцать тысяч экземпляров.

Будьте здоровы, дорогой Кампе, и разузнайте, пожалуйста, почему я еще не получил по железной дороге моего ящика. Кажется, что с этой книгой мне суждены только огорчения, — ведь из-за ее опоздания проваливаются мои лучшие планы. Продолжайте угрожать «Всеобщей газете» судебной претензией, но будьте добры вывести меня из игры и не забудьте, что если вам скандалы приносят иногда пользу, то расплачиваться за них приходится в конце концов мне. Вы всегда получаете верхки, а я — корешки. Кончаю, — диктовка слишком утомляет меня.

Ваш чертовски скверно себя чувствующий и дружески

вам преданный

Генрих Гейне,

Как поживает бедняга Гати?

211. АЛЕКСАНДРУ ДЮМА¹

Париж, 8 февраля 1855 г.

Мой дорогой Дюма!

Мне прочли несколько последних номеров вашего журнала, и я вижу, что вы, со свойственной вам сердечной добротой, проводите новый сбор в пользу вашей большой клиентуры — всех обездоленных. Я спешу ответить на этот призыв, посылая прилагаемый билет Цюрихского банка в 50 франков; я получил его от одного из моих соотечественников, проживающего в Швейцарии, который утверждает, что занял у меня 50 франков двадцать лет назад. Мне хочется как можно скорее избавиться от этой ассигнации, и вот почему — она дурно пахнет. Она пахнет ослом, и от этого меня тошнит. Поистине осел — то животное, которое мне более всего противно; эта идосинкразия возникла у меня в детстве. Когда я слышал ослиный рев, я страшно пугался и убегал со всех

---

¹ Перевод с французского оригинала.

пог. Я никогда не мог победить это свое отвращение, которое разделяют многие из наших. Рычание льва или тигра не приводит меня в трепет. Вой голодных волков, которые иногда преследовали меня ночью в лесу, тоже не пугал меня. Мяукание кошки мне уже неприятнее, но оно не внушает мне такого ужаса, как моему прославленному соотечественнику Мейерберу, который бледнеет при одном виде кошки; ученик Пифагора, верующий в метампсихозу, сказал бы, что великий маэстро был в прежней жизни мышью и что в его нынешнем теле все еще бьется робкое мышьиное сердце, боящееся каждой кошки. Хрюканье свиней тоже не забавляет меня, и когда убивают борова, то его мелодиям я предпочитаю музыку вышеупомянутого великого маэстро Джакомо Мейербера. Только путем долгой привычки я приспособился к собачьему лаю, — к лаю всевозможных собак, от бульдога до крохотной шавки, и теперь могу смеяться над совместными стараниями целой своры, желающей потревожить мой сон.

Единственное животное, которого я опасаясь, — это, как сказано, осел. И что для меня особенно невыносимо, так это рев осла, разъяренного тем, что ему сунули горсть перца в задницу (так у нас делают озорные мальчишки). Когда я слышу вопли, испускаемые разгневанным животным, которое хотело бы кусаться, а умеет только реветь, я холодею от ужаса. Я совсем не смеюсь, как иные мои друзья, над этим страшным и утомительным: «И-а! И-а!», над этой странной и ужасной икотой, наконец над этими неслышанными, почти величественными в своей тупости интонациями, которые может найти в бессильной злобе только взбесившийся осел. Верно, не надо было совать ему перец в задницу, но осел, которого мучат, все-таки остается противным и злым животным, и эти отчаянные крики выдают бешенство, зависть, нахальство, низкую мстительность, беспримерную подлость и даже коварство, которые глубоко запряганы во внутренностях этой бессмысленной твари, обычно такой смиренной, переносящей палочные удары с трогательной скромностью, обладающей той серьезной тупостью, которая, как нам кажется, всегда сочетается с известной порядочностью, твари слишком тупой, слишком бесцветной, слишком глупой, чтобы не считаться порядочной. Казалось, она повторяет:

«Я болван, значит я порядочный!» И в самом деле, она иногда добивается того, что ее начинают считать образцом добропорядочности.

Субъект, который прислал мне эту отвратительнейшую записку, — один из моих соотечественников, некогда скрывшийся в Париж; он уверяет меня, что когда-то, лет двадцать назад, находясь без гроша, занял у меня 50 франков, и заявляет, что хочет сейчас полностью погасить долг. Я решительно не помню этого факта — сумма слишком ничтожна. Не знаю, получил ли сей господин эту сумму действительно от меня. Весьма возможно, что он и в самом деле некогда получил эту сумму именно от меня, но, разумеется, не в долг. Доказательством тому служит умеренность суммы. Я никогда не был расточительным, но я не скупердяй — для тех из моих земляков, за которыми признавал умственные способности и убеждения которых разделял.

Если иногда кто-нибудь из моих братьев по уму и политическим убеждениям доставлял мне случайно честь обращаться ко мне в трудные минуты, каких не может избежать ни один изгнанник, я охотно давал ему некоторые суммы, которые, хотя и не были чрезмерными, все же значительно превосходили какие-то жалкие 50 франков.

Таким образом, сумма в 50 франков, которую я дал этому несчастному голодранцу из Цюриха, была, разумеется, просто подаянием, и вы сами понимаете, друг мой, что я не могу снова положить себе в карман милостыню, которую подал двадцать лет назад.

Я не могу также воспользоваться ею, чтобы помочь своим беднякам, — у меня тоже есть моя клиентура; это означало бы, что я косвенным образом выгадываю на этих злосчастных деньгах, принимая во внимание, что беднякам, которые составляют мою клиентуру, я должен платить всегда чистыми деньгами, так же как и скверной породе — кредиторам.

Стоп! Мой дорогой Дюма, я чуть не сделал глупость, назвав имя этого так называемого порядочного осла; нет, я остерегусь, я едва смею назвать его Мартеном. Хотя меня и поддерживает народная пословица: «Не один осел Мартен на свете», все-таки я рискую тем, что в каком-нибудь уголке моей родины найдется безвестный Мартен, который воспользуется случаем, чтобы потре-

бовать объяснения. Я знаю эту породу — она цепляется за каждое слово, сорвавшееся с пера, пользующегося некоторой известностью, для того, чтобы эксплуатировать его в пользу своего дурацкого тщеславия. Они счастливы, если могут зареветь в газетах и написать редактору: «Милостивый государь, осел, о котором идет речь в письме г-на Генриха Гейнса, — это я! И-а! И-а! И-а! И-а!»

Нет, не хочу давать такому ослу повод для заявления, в котором он желает любой ценой обнаружить перед нами свою ослиную природу, и оставляю эту тему. Но я должен был все-таки поговорить с вами об этом, дабы вы поняли, почему я хочу освободиться от ассигнации, которая пахнет ослом, взбесившимся от того, что его угостили, быть может, слишком сильной дозой перца. Я должен был доказать вам, что не благотворительность заставила меня послать вам вексель, которым я прошу вас располагать по вашему усмотрению в пользу вашей клиен-туры.

Мне бы еще многое надо было сказать вам, но судороги в груди и горле, которые каждое мгновение грозят меня удушить, не позволяют диктовать долго. Мой врач вообще приказал мне молчать. Это следствие печального происшествия, случившегося два месяца назад, после которого я едва начинаю приходить в себя. Вообразите, каково было мое состояние! Рассеяться путем работы было для меня невозможно, даже говорить мне было запрещено, и я чувствовал себя собакой на цепи и в наморднике.

Но почему вы не зайдете навестить меня? Я узнал, что вы теперь живете на той самой Амстердамской улице, откуда я недавно уехал на Елисейские поля, авеню Матиньон, д. 3, где вы и найдете меня в любое время. Это недалеко от вас, и ваш кабриолет довезет вас сюда в пять минут. Постыдитесь! Вы молодой человек и не можете ко мне собраться, а семидесятипятилетний старик, который живет в Марэ и упрямо совершает все свои прогулки пешком — словом, прославленный наш старшина Беранже, — навестил меня вчера, хотя погода была прескверная. Я не видел Беранже двадцать четыре года и нашел, что он проворен, как парижский гаман. Некая дама, об имени которой вы догадываетесь и которая при-

существовала при визите Беранже, была восхищена его прекрасным видом. Когда он нам сказал, что ему семьдесят пять лет, она ни за что не хотела поверить и упорно твердила, что ему не может быть больше шестидесяти. Ответ песенника развеселил меня на весь день, — он сказал с печальным лукавством, с притворным добродушием, под которым он прячет свою самую острую насмешку, сказал, слащаво растягивая слова: «Вы ошибаетесь, сударыня; если бы вы позволили мне дать вам доказательство, я бы убедил вас, что вы ошибаетесь и что мне действительно семьдесят пять лет». Какой маститый шалун!

Дама, о которой я упоминаю и которая отныне будет остерегаться говорить старикам комплименты насчет их возраста, уже давно просила меня вам передать ее искреннюю благодарность за очаровательный сюрприз, который вы нам сделали, прислав рукопись, так тщательно переписанную специально для нее той самой рукой, которая уже дала миру тридцать три и одну треть шедевра. Я говорю: «тридцать три и одну треть», потому что предчувствую и надеюсь, что у вас есть в запасе еще две трети «Парижских могикан» для читателей, которые ждут их, разинув клювы.

Но надо прекратить диктовку — я задыхаюсь.

Ваш друг
Генрих Гейне,

212. МИШЕЛЮ ШЕВАЛЬЕ ¹

Париж, 18 февраля 1855 г.

Дорогой друг!

Не знаю, сохраняете ли вы за мной по-прежнему право называть вас так, ибо замечаю, что в этой стране изменчивости все подчиняется закону давности и что сама дружба здесь отнюдь не пожизненна. Что же касается меня, то я человек несчастный и меняю только рубашки;

---

¹ Перевод с французского оригинала,

кроме того, надеюсь, что скоро смогу избавиться и от этой перемены, облачившись в последнюю свою рубашку. Болезнь моя все ухудшается.

Посылаю вам новое издание моей книги «О Германии». Это уже не прежняя книга, потому что одна из частей первого тома и весь второй написаны чуть ли не заново. Нечего говорить вам о том, что предисловие относится не к вам; сейчас я почти раскаиваюсь, что написал его; но в ту минуту я испытывал справедливое негодование. Дело не в Анфантене, который всегда был для меня только мифом; он также занимался мною не больше, чем если бы я звался Озирисом, — хотя бы даже и знал, что этот бедный Озирис был очень болен, после того как злой Тифон разорвал его на куски. Я однажды писал ему — не богу Тифону, а божественному Анфантену; несмотря на это, он, после своего послания с берегов Нила, не удостоил меня ни единой строчкой. Он бог и может сказать: «Поклоняйтесь или отрицайте меня!» То, что я сделал, было моим правом, и он не может на меня сердиться. Я отрекся от многих, которые были получше. Так что я сетую не на бога $\equiv$ претензии относятся к более низким сферам.

Дорогой Мишель, пристрастие, с которым я требовал равноправия плоти, пропало с тех пор, как я увидел, насколько эта плоть становится агрессивной, едва она почувствует себя немножко реабилитированной; она не довольствуется тем, чтобы стоять на равной ноге с духом, нет, она стремится захватить все новые и новые области, она доходит до оскорбления духа. Ах, госпожа плоть, это очень глупо с вашей стороны, и вы — дура!

Я замолкаю, так как то, что собирался сказать, было бы с моей стороны мелочностью. Вообще в наше время нет ничего более бессмысленного, чем жалобы. Я не должен был бы жаловаться и на мое здоровье.

Я перебрался с Амстердамской улицы и живу сейчас на Елисейских полях, авеню Матиньон, д. 3.

Будьте уверены, что я очень люблю вас и что до последнего часа я останусь, дорогой Мишель,

всецело преданным вам

Генрихом Гейне,

Париж, 19 февраля 1855 г.

Дорогой господин Шлосс!

Вы не знаете, что в течение двух месяцев я был более при смерти, чем когда бы то ни было, и что теперь я все еще не в состоянии говорить. Это объяснит вам, почему я только сегодня пишу вам и благодарю за последнее дружеское письмо. А вы как можно скорее известите меня, как поживает моя очаровательная норвежская приятельница после своего великого похода. Я много думал о ней в связи с этим и не без волшебия обращаюсь к вам с такой просьбой.

Если бы друга человечества не печалило так сильно, что, оказывается, даже малая доля честности не свойственна, как мы полагали до сих пор, ослиной натуре, то мошенничество мосье Вснедея очень бы меня позабавило. До сих пор еще не случалось, чтобы ослиный гнев проявлялся даже в стихах. Подобное преступление должно карать Аполлон, не я, — ведь из-за этого поэзия, вся целиком, делается отвратительной и вонючей. Эти стихи следовало бы немедленно отослать Меншикову в Севастополь, — нет сомнений, что он тотчас бы сдался. Я не буду таким дураком и не выставлю себя на посмешище, явившись на публичный турнир вместе с этим новоявленным поэтом и затеяв с ним состязание в песни; тем более что я знаю, как некоторые редакторы газет (сй-богу, я имсю в виду не «Кельнскую газету») спекулируют на этом, стараясь при помощи нападок извлечь у меня интересные статьи для своих читателей, и вдобавок бесплатно. Мне представляются лучшие возможности ответить на подлую клевету, но это не к слеху. Неужели он, несчастный, в самом деле сделал выгодную партию? Этот осел, который всегда был смиренным, внезапно стал наглцом, — он посылает мне 50 франков, которые, по сего утверждению, занял у меня двадцать лет назад, тогда как я отлично помню, что подарил ему эту маленькую сумму и ни о каком долге и речи не было. Когда я давал деньги в долг, это, к сожалению, были всегда более значительные суммы, и многие наши знакомые подтвердят мое заявление из личного опыта. Эти вонючие

деньги я отдал бедным так же гласно, как и получил их от осла, который играет на этой гласности; только я постарался не дать ему повод возвыситься путем рекламы. Замечательно в этом деле то, что еще один человек из вашего города относит на свой счет карнавальную маску Кобеса, а на самом деле он Дрикес, которого я и имел в виду.

Будьте здоровы. Кланяйтесь от меня жене и сохраните дружеское расположение

к вашему

Генриху Гейне.

Р. S. Я ничего не знаю о том, что делается в немецкой печати, и с благодарностью приму от вас любые сообщения, которые имеют отношение ко мне.

214. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

[Париж], 20 июня 1855 г.

Очаровательная, прелестная девушка!

Я очень сожалею, что мог вас видеть последний раз только несколько минут. Вы оставили чрезвычайно приятное впечатление, и я страстно жажду еще раз испытать удовольствие увидеть вас.

Если можете, приходите завтра. Во всяком случае, как только у вас будет время — доложите о себе, как в последний раз. Целый день, в любой час, я готов вас принять. Самое удобное время для меня было бы от четырех до любого часа, когда бы вы ни захотели.

Несмотря на болезнь глаз, я пишу сам, так как у меня теперь нет надежного секретаря. У меня много неприятностей, и я все еще очень хвораю. Не знаю, почему ваше любовное участие так для меня благотворно. Я суеверный человек и хочу внушить себе, что добрая фея навестила меня в час печали. Этот час был счастливым. Или вы злая фея? Я должен поскорей это узнать.

Ваш

Генрих Гейне.

215. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН¹

[Париж, июнь (?) 1855 г.]

Дорогое дитя!

Я не болен, я только раздражен, потому что вот уже два дня как перед моим окном воздвигают навес, без которого я отлично мог бы обойтись. Читаю и перечитываю вашу маленькую рукопись с величайшим удовольствием; мы поговорим о ней. Приходите завтра (в пятницу), если сможете. Я жажду увидеть вас снова.

Я искренне люблю вас и не перестаю думать о милой Мушке,

Г. Гейне.

216. ФРАНСУА БЮЛОЗУ¹

Париж, 7 июля 1855 г.

Дорогой Бюлоз!

«Атта Тролль», который сегодня имеет честь засвидетельствовать вам свое почтение, не чужой для вас, — вы присутствовали при его рождении, вы направляли первые его шаги в свете, вы были, так сказать, его крестным отцом. Пожалуйста, не лишайте его вашего могущественного покровительства. Больше чем когда бы то ни было он нуждается в нем в этот день нового дебюта, после того как он долго жил вдали от литературной сцены. Дорогой друг, будьте покровителем этого славного сына гор, — его косматой невинности грозит немало возможностей упасть на скользкой почве нашего прогнившего и безнравственного общества. Итак, посылаю вам вашего крестника и горячо рекомендую его вашему вниманию.

Искренне преданный вам

Генрих Гейне.

217. ФИЛАРЕТУ ШАЛЮ¹

[Париж], 21 июля 1855 г.

Дорогой Филарет!

В любой час в середине недели (вторник, среда, четверг) я в вашем распоряжении, если вы в самом деле хо-

¹ Перевод с французского оригинала.

тите оказать мне благодетельше и посетить меня. Что же касается книг, упомянутых вами, то я могу сам достать те, которые вам нужны для некрологической статьи обо мне; только бы вы написали такую статью, а там уже меня не пугает, что она будет напечатана после моей смерти. Главное — получить оценку такого человека, как вы, одного из двух настоящих критиков современной Франции. Другой, не обессудьте, — Сент-Бев, и он тоже напишет обо мне посмертную статью, так что я спокойно могу сойти в могилу. Судьба моих книг, таким образом, устроена. Г-н Мишель Леви, который сейчас занят организацией моего бессмертия, будет вам посылать от моего имени тома французского издания моих сочинений по мере их выхода. Надеюсь, он не забыл вам послать «Лютецию», книгу, о которой Париж говорил неделю. Целую неделю! Ведь дольше не говорили ни о Фиески, ни о Паганини, ни о каком другом иностранном виртуозе.

Неделю занимать Париж, этот центр избранного общества! Да знаете ли вы, что это исключительная честь для бедного немчика, который у себя на родине пас свиней? Нет, дорогой друг, это тоже клевета моих поросят с того берега Рейна; я никогда их не пас, когда жил в Германии, а с тех пор как прибыл во Францию, я всегда жил в лучшем обществе цивилизованных двуногих.

Прощайте! Не забывайте меня. Вы всегда вели себя безукоризненно по отношению к

вашему
Г. Г.

218. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН¹

Париж, 14 августа [1855 г.]

Милый друг!

Вы в Париже и все-таки медлите прийти пожать мне руку. Я страстно желаю почувствовать запах мускуса,

---

¹ Перевод с французского оригинала.

пеходящий от ваших перчаток, услышать звук вашего голоса, поцеловать ваше Schwabengesichtchen.¹ Не сердитесь, несмотря на вашу грацию, у вас лицо швабской Gelbveigelein!² Поскорее приходите!

Весь ваш
Георх Гейне.

219. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

Париж, 15 августа [1855 г.]

Милая моя, эти строки я написал вам вчера, но не отослал, потому что был очень болел. Теперь я с сожалением слышу, что вы понапрасну навели меня вчера, и я спешу попросить вас скорее, как можно скорее прийти слова. Я чувствую себя гораздо лучше. Тысяча благодарностей за стихи, которых я еще не читал.

Нежно приветствующий вас
Г. Г.

220. ЮЛИУСУ КАММЕ

Париж, 26 августа 1855 г.

Дорогой Камме!

По глупости моей сиделки те несколько строчек, которые я вам написал, остались вчера на столе; в конверт попала только написанная на случай маленькая басня для нашего малыша — после я вам, может быть, дам разъяснения и комментарии к ней. Возможно, что они и не понадобятся вам. Вы, вероятно, уже узнали, какую ложь обо мне измыслила венская пресса. Это меня мало трогает и свидетельствует только о том, какой девиз избрала клика богачей, объединившаяся против меня,

---

¹ Швабское личико (нем.).

² Желтофиоли (нем.).

Вчера я хотел всего в нескольких словах сообщить вам о предложениях, которые получил из Америки. Но я опущу это и ограничусь замечанием, что в ответ на предложение выполнить изрядную работу для издания полного собрания моих произведений в английском переводе и дать какие-нибудь неопубликованные или биографические вещи, в ответ на эти материально заманчивые предложения я не написал ни одной строчки, да, ни одной строчки. Я хочу быть уверенным, что с моей стороны не было сделано ничего, чем можно было бы воспользоваться, чтобы злоупотребить моим именем в интересах тамошнего издания, и что вы тоже никак не сможете вынести ложное суждение и питать неверные мысли в отношении моей лояльности. Видите, как старательно я избегаю всего, что могло бы возбудить вашу недоверчивость, как меня не соблазняет выгода; вам следовало бы относиться ко мне с полным доверием, как прежде, без мелочного упрямства, без нелпой скарденности, и всегда, когда наши интересы приходят в столкновение, стараться мне помочь. Я не вижу того, что пишу, — глаза мои очень страдают от жары. У меня еще нет *надежного* секретаря, — вот я и мучусь. Поэтому я до сих пор и не мог лично сообщить вам что-нибудь определенное обо всем, что поручил передать вам предварительно, на словах, через Гати. Мне только хотелось, чтобы вы узнали через него, как близко я принимаю к сердцу ваши желанья и что я постараюсь, едва это будет возможно, устранить все, что может вызвать разногласия в будущем. Здесь был Генрих Лаубе; этот мой друг, этот деловой человек, которому я показал наше письменное соглашение, клялся мне, что не понимает, как вы могли хоть на минуту усомниться в моих правах.

Вы видите, дорогой Кампе, что я спокойно могу предоставить чувству справедливости любого честного человека решить, должен ли я отдать вам в известной мере бесплатно работу, которая теперь, возможно, станет залогом моих самых надежных доходов, прежде чем мы договоримся о посмертном гонораре. В этом случае я был бы дураком, если только взялся бы за перо. Сегодня мы не сможем подробно обсудить этот вопрос, и я ограничусь дружеским приветом.

Искренне преданный вам

Г. Гейне.

221. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

[Париж, август (?) 1855 г.]

Дорогая моя нежная подруга!

Благодарю вас за сердечные и милые строки... Я рад, что вы здоровы... К сожалению, я все еще очень болен, слаб и угрюм... Иногда до слез волнуют малейшие шалости судьбы... Всякий больной капризничает. В таком состоянии я неохотно позволяю смотреть на себя... Но жужжание милой Мушки мне все-таки слышать нужно... Приходи поскорей — как только угодно будет вашему благородию, — как только будет возможно, приходи, мое дорогое, любимое швабское личико! Стихотворение я нацарапал. Настоящая поэзия из Шарантона — безумец пишет безумной!

Г., Г.

222. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

[Париж, сентябрь (?) 1855 г.]

Душенька!

Я все еще очень болен и сегодня тоже не хочу тебя видеть. Но я надеюсь, ты сможешь прийти завтра (в воскресенье). Если можешь только послезавтра, черкни мне словечко,

Твой бедный друг

Навуходоносор II,

(Дело в том, что я так же безумен, как вавилонский царь, и ем только рубленую траву, которую моя кухарка называет шпинатом.)

223. СЕН-РЕНЕ ТАЙАНДЬЕ ¹

[Париж], 8 сентября 1855 г.

Дорогой Тайандье!

Мне надо сейчас послать несколько строк в журнал. Пользуюсь случаем и отправляю вам прилагаемые листки, чтобы у вас был досуг прочесть их до того, как вы ко мне

---

¹ Перевод с французского оригинала.

придете. Завтра, во всяком случае, жду вашего любезного посещения. Приходите в любое время, но не слишком поздно. Ваш перевод великолепен, и мои поправки — это просто варианты, которые я предлагаю вам лишь для того, чтобы как-то приложить руку к этой работе.

Ах, как мне трудно выразить мои немецкие поэтические чувства! Моя зарейнская чувствительность, переведенная на язык позитивизма, становится прозаическим здравым смыслом. Поверьте, дорогой друг, что он чувствует себя неважно, этот бедный немецкий соловей, который свил себе гнездо в парике г-на де Вольтера.

Итак, до завтра.

Всецело преданный вам

Генрих Гейне.

224. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

[Париж], 30 сентября 1855 г.

Сердце мое!

Погода плохая, я тоже плох, и я не хочу подвергать сегодня мой лотос такому унылому ненастью. О господи! Мне бы так хотелось дать вам один из тех веселых солнечных индийских дней, которые бывают на Ганге и без которых лотосы чахнут!

Приходи поскорее... но, повторяю, не нынче. Я жду вас в среду вечером. Думаю, вам это удобно.

Je pose etc., etc.¹

Г. Г.

225. ЭМИЛИУ МОНТЕГИУ²

Париж, 6 ноября 1855 г.

Дорогой коллега!

Я получил ваше вчерашнее письмецо, и меня очень трогает ваша доброта. Вы становитесь для меня все менее чужим. Пока вы думали обо мне, я много занимался вами.

¹ Припошу и т. д. и т. д. (*франц.*).

² Перевод с французского оригинала.

Ваша статья о «Молодой Ирландии», появившаяся два месяца назад, попала мне в руки только на прошлой неделе, и я не могу выразить вам тот интерес, который она вызвала у меня и новыми идеями и совершенно новым типом критики, который раскрывается в ней. Вы освещаете политическое и социальное положение народа в этнографических, психологических и исторических, или, вернее, легендарных, очерках, которые трудно будет понять иным писателям — рутинерам и педантам. «Педантство» — очень удачное слово, оно отлично соответствует нашему пемцкому *Philister-tum*,¹ а я уже было отчаялся подобрать ему эквивалент. Мы об этом побеседуем, но не в четверг 7 ноября, — беседа наша состоится, если вы не возражаете, в четверг на будущей неделе, потому что в данный момент у меня гостят брат и сестра, которые приехали из Германии и которым я должен посвятить целую неделю. Лишь после их отъезда моя голова будет свободна, а моя бедная гортань достаточно отдохнет, чтобы я смог общаться с вами устно. Надеюсь, эта отсрочка нашего свидания не будет вам в тягость. «Путевые картины» напечатаны едва наполовину; эта книга появится еще не так скоро. Так что ваша статья придет вовремя.

Не могу разобрать свои собственные каракули.

Очень преданный вам и очень больной

Генрих Гейне,

226. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

[Париж, ноябрь 1855 г.]

Прелестная!

У меня сегодня ужаснейшая головная боль, и завтра мне, вероятно, придется вкушать ее последствия. Поэтому прошу вас прийти не завтра (в воскресенье), а в понедельник, если только завтра вы не будете где-нибудь поблизости от меня. В таком случае можете и завтра рискнуть прийти ко

---

¹ Филистерство (*нем.*).

мне. Я тоскую по тебе, последний цветок моей истекающей слезами осени, очаровательная чудачка!

Остаюсь

твоим нежно-бешеным,

предапнейшим

Г. Г.

Мой брат заговаривает меня до смерти... Очень страдаю... Приходи поскорей!

227. МИШЕЛЮ ЛЕВИ¹

Париж, 6 декабря 1855 г.

Дорогой Леви!

Будьте добры, сообщите мне, почему я больше не получаю корректурных листов. Я вынужден предположить, что вы хотите задержать печатание из-за Нового года; я тоже считаю, что моя книга должна появиться лишь в середине будущего месяца (она вполне разойдется, и не обладая притягательной силой новогоднего подарка), но я не хотел бы прерыва в печатании; впрочем, это ваше дело.

А пока прошу вас сообщить в типографии, что я хочу пересмотреть рукопись, и поэтому пусть они пришлют мне рукопись второго тома «Путевых картин», указав, до какого места она уже набрана. Мне нужно сделать много изменений в листах, корректуру которых я еще не получил, а если я их внесу теперь в рукописи, то на долю метранпажа придется меньше нудной работы. Словом, я избавляю его от лишнего труда, если мне не придется вносить исправления позднее в листы с уже набранной нумерацией страниц.

На днях мне было так худо, что несколько моих соотечественников-немцев, которые приехали в Париж на выставку, отложили возвращение в Германию в надежде присутствовать на моих похоронах; они остались с носом.

---

¹ Перевод с французского оригинала.

Я еще очень слаб и отупел от боли. Не откладывайте свое посещение; не бойтесь, что задержу вас разговорами, — я не могу говорить.

Не забудьте о рукописи, которую я хочу получить на несколько дней.

Преданный вам

Генрих Гейне.

228. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

[Париж, 1 января 1856 г.]

Дорогое дитя!

Поздравляю тебя с Новым годом и посылаю при этом коробку шоколаду — он по крайней мере *de bon goût*.¹ Я прекрасно знаю, что тебе не очень нравится, когда я соблюдаю такие правила приличия, но это делается из-за внешнего нашего окружения, которое увидит в несоблюдении принятых знаков внимания недостаток обоюдного *estime*.² Я люблю тебя так сильно, что лично мне вовсе не нужно было бы оказывать тебе любезности. Ты моя любимая Мушка, и я не так чувствую боли, когда думаю о твоём изяществе, о грациозности твоего ума. К сожалению, я ничего не могу для тебя сделать, кроме как твердить такие слова, из воздуха чеканить монеты. Самых лучших пожеланий к Новому году я не выскажу. Слова! Слова!

Может быть, я буду завтра в состоянии увидеть мою Мушку; тогда я сообщу ей об этом. Во всяком случае, послезавтра (в четверг) она придет к своему

Навуходоносору II,

бывшему королевско-прусскому атеисту,
а ныне = обожателю лотоса.

---

¹ Вкусен (*франц.*).

² Уважения (*франц.*).

229. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

[Париж,] 11 января [1856 г.]

Дорогое дитя!

У меня сегодня припадок мигрени. Боюсь, она продержится до завтра и даже разыграется по-настоящему. Спешу известить тебя об этом, чтобы ты вовремя узнала, что завтра урока не будет, и соответственно с этим могла провести вечер. Но, надеюсь, послезавтра (в воскресенье) ты придешь наверняка. Если это не так, извести меня, дорогая моя девочка. Я никогда не стану тебя бить, даже если ты когда-нибудь заслужишь это своей слишком большой глупостью.

Да у меня нет и сил для того, чтобы поднять розгу. Я — слабый, печальный и страждущий,

Целую твои *pattes de mouche*.¹

Твой друг
Г. Г.

230. БЕТТИ ГЕЙНЕ

Париж, 24 января 1856 г.

Дорогая, добрая моя матушка!

К сожалению, сейчас здесь нет моего немецкого секретаря, и мне приходится писать тебе самому, карандашом. Поэтому смогу написать тебе всего несколько строк, — надо побереечь глаза. Сообщу тебе только о состоянии моего здоровья: оно не ухудшается. Судороги не проходят. Жена — у нее теперь частые головные боли — шлет тебе сердечный привет. Обнимаю Лоттхен и ее милых деток. Спасибо им за поздравление.

А теперь подставь мне твои милые старенькие губки, чтобы тебя мог от всего сердца чмокнуть

твой любящий сын
Г. Гейне.

---

¹ Мушинные лапки (франц.).

231. МИШЕЛЮ ЛЕВИ ¹

[Париж], 11 февраля [1856 г.]

Дорогой господин Леви!

До этой самой минуты я напрасно ждал второй корректуры 16 листа, который типография, по вашему требованию, послала мне на днях. Я вам уже говорил, что этот лист очень каверзный и что мне в высшей степени важно проверить точность исправлений, — не буду спокоен, пока не получу второй корректуры, чтобы в этом удостовериться. Как только я получу этот лист, тотчас же верну и остальные, которыми заканчивается книга. Намеренно ли вы поставили на титуле 1855 год?

Прислал ли вам г-н Теофиль Готье что-нибудь для «Путевых картин»?

Преданный вам

Генрих Гейне.

232. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

[Париж, 14 февраля 1856 г.]

Дорогая! Сегодня (в четверг) не приходи. У меня ужаснейшая мигрень. Приходи завтра (в пятницу).

Твой страждущий

Г. Г.

---

¹ Перевод с французского оригинала.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМА КАРЛА МАРКСА К ГЕНРИХУ ГЕЙНЕ

1

[Париж, 1 февраля 1845 г.]

Дорогой друг!

Я надеюсь, что завтра у меня еще будет время увидеться с Вами. Я уезжаю в понедельник. Издатель Леске *только что был у меня*. Он издает в Дармштадте выходящий без цензуры трехмесячник. Я, Энгельс, Гесс, Гервег, Юнг и др. сотрудничаем. Он просил меня переговорить с Вами о Вашем сотрудничестве в области поэзии или прозы. Я уверен, что Вы от этого не откажетесь, пам ведь нужно использовать каждый случай, чтобы обосноваться в самой Германии.

Из всех людей, с которыми мне здесь приходится расставаться, разлука с Гейне для меня тяжелее всего. Мне очень хотелось бы взять Вас с собой, Передайте привет Вашей супруге от меня и моей жены.

Ваш К. Маркс¹

2

[Брюссель, 24 марта 1845 г.]

Дорогой Гейне!

Если я пишу Вам сегодня только несколько строк, то оправдание этому — мои бесчисленные таможенные мытарства.

Пютман из Кельна поручил мне попросить Вас прислать все же несколько стихотворений (может быть, также

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 5.

и Ваш «Германский флот») для ежегодника, выходящего в Дармштадте *без цензуры*. Вы можете прислать их на мой адрес. Крайний срок — у Вас, конечно, уже сейчас есть что-нибудь наготове — три недели.

Моя жена посылает сердечный привет Вам и Вашей супруге. Третьего дня ходил в здешнее полицейское управление, где я должен был дать письменное обязательство не печатать в Бельгии ничего, относящегося к текущей политике.

Рснуар и Бершштейн напечатали в Париже Вашу «Зимнюю сказку», указав Нью-Йорк как место издания. Это издание, к тому же, говорят, полно опечаток.

В следующий раз напишу больше.

Ваш Маркс ¹

3

[Брюссель, приблизительно 5 апреля 1846 г.]
Rue de l'Alliance 5, за Лувенскими воротами.

Дорогой Гейне!

Я пользуюсь проездом подателя этих строк, г. Анненкова, очень любезного и образованного русского, чтобы послать Вам мой сердечный привет.

Несколько дней тому назад мне случайно попался небольшой пасквиль против Вас — письма, оставшиеся после Берне. Я бы никогда не поверил, что Берне так безвкусен, мелочен и пошл, если бы не эти черным по белому написанные строки. А добавление Гуцкова и прочих — что за жалкая мазня! В одном из немецких журналов я дам подробный разбор Вашей книги о Берне. Вряд ли в какой-либо литературный период книга встречала более тупоумный прием, чем тот, какой оказали Вашей книге христианско-германские ослы, а между тем ни в каком периоде немецкой литературы не ощущалось недостатка в тупоумии.

Может быть, Вы хотели бы сообщить мне еще что-нибудь «специальное» относительно Вашей книги, — в таком случае сделайте это поскорее.

Ваш К. Маркс ²

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 5—6.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 10—11.

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ О ГЕНРИХЕ ГЕЙНЕ

1. В. КОПШЕЛЬ

[1818 г.]¹

В то время в банкирских кругах вызвала сенсацию следующая острота Гейне, которую он, говорят, случайно обронил на одном обеде: «Моя мать читала произведения изящной словесности — и я стал поэтом; мать же моего дяди читала «Картуша» — и дядя Соломон стал банкиром».

2. БОНИСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ СУД

[26 ноября 1819 г.]

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ СУДА, СОСТОЯВШЕГОСЯ
В БОНИСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 26 НОЯБРЯ 1819 ГОДА

Присутствовали: господин профессор Миттермайер *qua* ² заместитель синдика и университетский секретарь Опенгоф.

Вызванный *studiosus juris* ³ Гарри Гейне, из Дюссельдорфа, девятнадцати лет, проживающий в Бонне со дня св. Михаила с. г., предупрежденный о том, что ему надлежит говорить одну только правду, после предварительного заявления о том, что он 18 октября находился на горе

---

¹ В квадратных скобках указано время, к которому относятся упоминаемые факты из жизни Гейне.

² Как (*лат.*).

³ Студент юридического факультета (*лат.*).

Крейцберг, следующим образом ответил на заданные вопросы:

1. Сколько здравий было провозглашено?

— Я помню две: в честь покойного Блюхера и, если не ошибаюсь, — в честь немецкой свободы.

2. Не была ли провозглашена здравия в честь студенческой корпорации?

— Нет, не припоминаю ничего подобного.

3. Помните ли вы содержание произнесенных речей?

— В первой речи я не мог уловить вовсе никакого содержания, а относительно второй не могу ничего сообщить, так как не помню ее.

4. Встречались ли в одной из речей такие слова: «На нас лежит тяжелое бремя»?

— Мне кажется, я слышал эти слова, однако в какой связи они были сказаны, я не могу теперь вспомнить.

5. Не заканчивалась ли одна из речей вопросом: «Найдется ли человек, который захотел бы уклониться от служения отечеству и т. п.»?

— Такого из ряда вон выходящего вопроса я не помню.

6. Встречались ли такие слова: «Народ возлагает на нас свои надежды, он ждет, что мы освободим поработенное отечество от гнета»?

— Нет, таких слов я не слышал.

7. Можете ли вы дать еще какие-либо показания?

— Нет.

8. Известно ли вам, что о празднике было напечатано в «Дюссельдорфской газете»?

— Я об этом слышал.

9. От кого вы об этом слышали?

— Я слышал, как об этом говорили в «*Vinea domini*».¹

10. Не можете ли вы сообщить нам какие-нибудь свои догадки насчет того, кто написал об этом в Дюссельдорф?

— Я видел, как студент Нойнциг писал письмо в Дюссельдорф, и на вопрос, о чем он пишет такое длинное письмо, Нойнциг прямо ответил, что он описывает одному своему другу студенческий праздник.

11. Знаете ли вы фамилию друга, которому он писал?

— Нет.

---

¹ «Лозе господней» (лат.).

12. Знаете ли вы, о чем он писал?

— Нет, я не читал письма.

13. Нет ли у вас оснований предполагать, что Нойнциг написал это письмо в Дюссельдорф с намерением, чтобы оно было напечатано?

— Нет, этого я не думаю; Нойнциг просто болтлив по натуре.

14. Не заявлял ли вам Нойнциг, что праздник ему не понравился?

— Нет.

15. Кто еще из дюссельдорфцев обучается здесь в университете?

— Я их не всех знаю.

16. Можете ли вы еще что-нибудь сообщить?

— Нет.

3. ЖАН-БАТИСТ РУССО

[Зима 1819—1820 гг.]

Гейне, позабывший в Гамбурге латынь, которую когда-то учил, обратился к профессору Гейнриху с просьбой порекомендовать филолога, чтобы наверстать упущенное. Гейнрих назвал меня. Каждое утро, с семи часов до восьми, мы читали сначала Саллюстия, а затем Вергилия. Постепенно Гейне, который считался в то время в Бонне сумасбродным чудаком и над которым студенты подтрунивали, принимая его за дурачка, проникся ко мне доверием и показал мне свои рукописи и газету «Гамбургский страж», где были напечатаны стихи Си-Фрейдохльда Ризенхарфа; Гейне выдал его за своего ближайшего гамбургского друга и попросил меня высказать свое мнение об этих стихах. Ему казалось, что они гроша ломаного не стоят. Когда я, вовсе не подозревая в Гейне автора стихов, выразил свое восхищение и, несмотря на его решительные и энергичные возражения, заявил, что этого Ризенхарфа нужно считать гением первой величины, Гейне, как безумный, смеясь и плача, бросился мне на грудь, и повторилась известная сцена: «Anch' io sono pittore!»¹

¹ «И я тоже художник!» (*итал.*) (См. комментарий.)

4. ФРИДРИХ ШТЕЙНМАН

[1819—1820 гг.]

Когда он [Гейне] ближе познакомился с А.-В. фон Шлегелем [...], он дал ему на просмотр рукопись [своих стихов]; тот охотно ее принял и откровенно высказал свое мнение о ее недостатках. Свои замечания Шлегель обозначил карандашными пометками в рукописи, и когда Гейне получил ее обратно, ему оставалось только устранить и исправить[...] все мелкие погрешности[...] Часами размышлял он над тем, как изменить один какой-либо стих, и чувствовал себя достаточно вознагражденным, если исправление ему удавалось и друзья выражали ему свое одобрение.

5. ЖАН-БАТИСТ РУССО

[1820 г.]

С особой любовью изучал он [Гейне] произведения Байрона, и нельзя не признать, что между ними существует некое духовное родство. Он и сам в то время чувствовал это родство и в беседах с друзьями нередко говорил о нем.

6. ОСКАР-ЛЮДВИГ-БЕРИГАРД ВОЛЬФ

[Март 1821 г.]

Я познакомился с Гейне [...] в Гамбурге. Оба мы едва сошли со студенческой скамьи, только еще вступали в жизнь и были исполнены гигантских надежд и планов, а также той всеобщей возвышенной скорби о друзьях и врагах, которую легко поймет всякий посвященный и до которой другим нет дела. Только что появились гейневские «Трагедии с лирическим интермеццо»; большинство публики ничего в этой книге не понимало, и лишь немногие постигали ее глубину, сдержанную гордость, которая столь величественно проявлялась в ней, и упоительное чувство духовного превосходства. О поэте знали только, что он очень остроумен и язвительен. Да и что еще можно было знать о нем в добром старом Гамбурге, и в особенности в том

кругу, где в силу обстоятельств вращался Гейне и из которого я также не мог вырваться, скованный подобными же обстоятельствами? В натуре его было что-то от перелетной птицы, а это не слишком по душе добрым гамбургцам, хотя они и являются народом, ведущим мировую торговлю. Они не в состоянии понять людей, которые едят, пьют и спят в Гамбурге, но в то же время чувствуют, что их настоящий дом не здесь, а на берегах Ганга, и постоянно тоскуют по этой своей истинной родине...

Но я хотел говорить о Гейне. Не могу сказать, чтобы он тогда находился еще в процессе становления; напротив, он был в то время столь же зрел, как и теперь [1835]: наиболее замечательная его особенность состоит в том, что он с самого начала точно знал, чего хочет, и с железной последовательностью шел по этому пути. Ибо, — и этим поистине много сказано, — ни один из его друзей и знакомых не в состоянии уличить его хотя бы в малейшей несоследовательности.

7. ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ ГУБИЦ

[Апрель-май 1821 г.]

В один из дней во второй четверти 1821 года передо мной стоял молодой человек, который спрашивал меня, не соглашусь ли я принять его стихи, и я взял у него написанные красивым почерком «Поэтические видения».

Так как у меня была прежде привычка, за которую меня часто и, вероятно, заслуженно обвиняли в пренебрежении, — не спрашивать незнакомцев об их имени, если они в разговоре сами не называли его первыми, — то я посмотрел на подпись и прочел: «Г. Гейне».

Он сел по моему приглашению и, заметив, что я развернул рукопись, сказал:

— Я вам совершенно неизвестен, но хочу стать известным благодаря вам.

Я засмеялся и возразил:

— Если удастся, буду очень рад! — И прочел затем про себя несколько стихов. Гейне часто напоминал мне впоследствии об этой нашей первой немногословной беседе и о том, как я сказал в заключение:

— Будьте любезны, зайдите еще раз в следующее воскресенье!

Разумसेя, я успел прочесть всего лишь несколько строк. Это было начало стихотворения «Кладбище»:

Бежал я от жестокой прочь,
Бежал, как безумный, в ужасную ночь,
И старый погост миновать я спешил,
Но что-то манило, сверкало с могил.

Блеснуло в безжизненных лунных лучах
С могилы, где спит музыканта прах,
Шепнуло мне: «Братец, минуточку стой!» —
И вдруг поднялось, как туман седой.¹

Достаточно представить себе болезненно худощавую фигуру поэта, на котором одежда болталась как на вешалке, его бледное, изможденное лицо со следами слишком ранних увлечений, чтобы понять, почему от этих строк и от личности незнакомца на меня повеяло чем-то жутким. Однако, по мере того как я читал дальше, для меня становились очевидными его поэтические способности, и когда Гейне пришел снова, я заявил, что готов условно принять его рукопись. В его первых стихах было такое множество значков над гласными и согласными и он настолько не стеснялся употреблять неточные рифмы, что я сказал ему:

— С этой точки зрения вам следует пересмотреть те пять стихотворений, которые вы мне передали.

— Все это соответствует народному стилю, — возразил он, и я не стал с ним спорить, но заметил, что указываю лишь на чрезмерное использование подобных традиций и что это скорее мешает течению стиха, чем облегчает его. Я не скрыл от него также, что в стихотворении «Брачная почва» он столь беззастенчиво обошел соображения нравственности, что неизбежными окажутся многие цензурные купюры, я же, со своей стороны, откажусь от издания, если он не захочет подчистить некоторые места. Он согласился еще раз пересмотреть текст, — впрочем, кажется, без особой охоты, — однако изменения произвел весьма искусно. Первые пять стихотворений («Кладбище», «Миннезингеры», «Разговор в Падерборнской степи», «Два сонета, посвященных другу») появились в мае 1821 года,

---

¹ Перевод В. Левика.

«Брачная ночь» последовала лишь месяц спустя, ибо я вынужден был вновь отказаться от опубликования этой вещи, пока Гейне не выполнил моих пожеланий. Нечто подобное происходило между нами впоследствии всего лишь несколько раз, и я рассказал об этом намеренно, ибо это объясняет изобретенное Гейне [...] выражение *губицизмы*. Мне доставило, однако, чувство удовлетворения, что, издавая впоследствии свои сочинения, Гейне напечатал те вещи, в которых он подчинился *губицизмам*, полностью в таком виде, в каком с ними познакомил читательский мир журнал «Собеседник»[...]

Второе, что мне принес Гейне, был «Венок сонетов А.-В. Шлегелю».

8. ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ ГУБИЦ

[Осень 1821 г.]

Осенью 1821 года Гейне заболел и передал мне просьбу навестить его. Когда я пришел к нему, он лежал на диване, и вид у него был очень измученный. Он посвятил меня в свои дела и обстоятельства, касавшиеся доходов и расходов, причем оказалось, что первых у него никогда не хватает, вследствие чего его отягощают долги [...]

Во время болезни Гейне показал мне тетрадь со стихотворениями.

— Я сам их тщательно отшлифовал, *вы ведь об этом знаете!* — язвительно подчеркнул он. — Они могли бы составить целый томик, но у меня нет издателя.

Я свел его с книготорговой фирмой Маурера, и в конце 1821 года были изданы «Стихотворения Г. Гейне» (помеченные 1822 годом).

9. ФРИДЕРИКА ГОГЕНХАУЗЕН

[1822—1823 гг.]

Каждый вторник там [в доме поэтессы Элизы Гогенхаузен] собирались скромные берлинцы. Среди них были многие литературные знаменитости: Фарнхаген,

отличавшийся изысканными аристократическими манерами; Шамиссо, длинные седые волосы которого ниспадали волнами, обрамляя его испитое, но благородное лицо; Эдуард Гапс, чьи поразительно красивые черты, юношеский румянец и гордый изгиб бровей над темными глазами напоминали одухотворенного Аптиноя; Бендавид, доброжелательный философ и ученик Моисея Мендельсона, сыпавший островами, великолепный рассказчик анекдотов. Далее те, кто еще принадлежал тогда к молодой поросли, а теперь убелен сединами и облечен высоким званием, — художник Вильгельм Хензель, ныне профессор; Леопольд фон Леденбург, в то время лейтенант, слушатель военной школы, а теперь известный историограф и директор кунсткамеры в берлинском музее; поэт Аполониус фон Мальтиц, занимающий теперь пост русского посла в Веймаре; граф Георг Бланкензее, певец рыцарства и эпигоп Байрона, ныне член Первой палаты и др. Среди женщин первое место, разумеется, занимала Рахель. Рядом с ней блистала ее очаровательная невестка Фридерика Роберт — муза, которой поклонялся Гейне [...] Амалия фон Хельвиг, урожденная фон Имхоф, переводчица «Саги о Фриггофе», Гельмина Шеци, странствующий мейстерзингер, — все они принадлежали к этому кружку, наряду со многими выдающимися женщинами из высшего берлинского общества, такими, как г-жа фон Барделебен, подруга Раумера, или г-жа фон Вальдов, нынешняя теща А. фон Штернберга. Гейне читал там свое только что появившееся «Лирическое интермеццо», «Ратклифа» и «Альманзора». Ему приходилось терпеливо сносить придирки и упреки. Особенно часто выслушивал он насмешки над своей поэтической чувствительностью, которая немногими годами позже пробудила такую теплую симпатию к нему в сердцах молодежи. Стихотворение, которое заканчивалось словами: «Рыдая громко, я к ногам ее бросаюсь милым», встретило такой насмешливый прием, что он воздержался от его опубликования. Мнения о его таланте еще резко разделялись, лишь меньшинство предвидело его будущую поэтическую славу. Элиза Гогенхаузен, которая в то время переводила славного британца, лорда Байрона, восхваляла Гейне как его последователя в Германии, однако многие были с ней несогласны. Что касается Гейне, то он питал к ней за это признание неизменную благодарность.

10. ДАВИД-ГЕРМАН ШИФ

[1822—1823 гг.]

Доктор Филипп Шмидт из Гамбурга [...] учившийся в те годы в Берлине и живший вместе со своим кузеном Шаллером из Данцига, еще с гамбургских времен был знаком с Гейне, который часто его посещал. Шаллер лишь недавно поступил в университет, и Гейне величал его на студенческий манер не иначе, как Фуксом.

— Фукс, — спросил его однажды Гейне, — твой кузен дома?

Это рассердило долговязого Шаллера, и тот проворчал в ответ традиционное студенческое ругательство. Шмидт, вернувшись домой, пытался уладить дело, он увещевал кузена, но тот и слышать не хотел о том, чтобы попросить прощения.

— Меня зовут Шаллер, а не Фукс, — заявил он, — и Берлин не Геттинген. Впрочем, я бы охотно вышел к барьеру, чтобы приобрести в этом деле опыт, а Гейне не слишком опасный противник.

Таким образом, дуэль должна была состояться. Раутенберг, впоследствии курортный врач в Куксхафене, исполнял обязанности посредника; секундантом Шаллера был Шмидт. Когда противники заняли свои места, сразу же выяснилось, что ни один из них не владеет эспадромом. Они сделали выпады и при этом почти повернулись друг к другу спиной. Таким образом, в опасности оказались не дуэлянты, а их секунданты, и неудачный поединок закончился тем, что Гейне умышленно наткнулся правым бедром на острие оружия своего противника.

— Укол! — вскричал он и упал на землю. Нанести укол при фехтовании на эспадронах считается позорным, и тот, кто перед падением возвестит о таком нарушении кодекса буршей, объявляется получившим почетное удовлетворение. К счастью, рана, несмотря на сильное кровотечение, была не из опасных — на нее наложили холодный компресс, и через неделю она зажила.

11. КАРЛ КЕХИ

[Конец декабря 1822 г.]

Губиц показал Гейне, когда тот однажды посетил его, рукопись «Готланда» и попросил его посмотреть этот «бред

сумасшедшего». Гейне перелистал толстую рукопись и сказал: «Вы ошибаетесь, дорогой Губиц, этот человек не сумасшедший, он гений».

12. ДАВИД-ГЕРМАН ШИФ

[Зима 1822—1823 гг.]

Шел мой второй университетский семестр, когда стихотворение Гейне «Мне снился сон, что я господь...» появилось в «Западногерманском альманахе муз на 1823 год». Одна берлинская газета перепечатала его. Эта газета имелась в кондитерской Йости, которую особенно часто посещали офицеры. Мы, «удальцы», не упустили случая и стали громко обсуждать пасмешки над «поручиками и фендриками», содержащиеся в этом стихотворении. Между тем офицеры поступали разумнее и не обращали внимания на наши озорные замечания. Однако Гейне опасался какого-нибудь акта мести с их стороны и хотел переменить местожительство. Я тогда жил на Унтер ден Линден, в доме Шлезингера, недалеко от дворца принца Вильгельма, в просторной мансарде, позади которой находилась маленькая каморка, пустовавшая в то время. Гейне занял ее, и это оказалось для него очень удобно: каждый, кто хотел попасть к нему, должен был пройти через мою комнату, а уж я мог избавить его от неприятных посетителей. Он только попросил меня сразу же остановить часы, так как он страдал на нервной почве головными болями и стук маятника раздражал его. Несколько дней все шло отлично, и Гейне был вполне доволен новым жильем. Однако для студентов, которым нужно было разрешить между собой какой-либо спор, не было более подходящего для этого места, как моя квартира, — она была расположена высоко, между ней и улицей было целых три этажа. Если должна была состояться дуэль, мы выставляли часового, который патрулировал по Унтер ден Линден, чтобы какой-нибудь педель не захватил нас *in flagranti*.¹ Прежде чем подобный нежелательный гость мог вторгнуться к нам, мы были уже задолго оповещены и успевали спрятать шпаги и повязки у хозяина

¹ На месте преступления (*лат.*).

нашей квартиры, к которому педель, согласно нашей особой, университетской юрисдикции, не имел права совать нос. Я считал своим долгом предупредить Гейне, что после обеда в моей комнате произойдет нечто такое, что не обойдется без шума.

— Сколько это продлится? — недовольно спросил он.

— По меньшей мере несколько часов,

— Я не хочу быть при этом.

— Но мы в полной безопасности.

— А я буду в еще большей безопасности, если это обойдется без меня.

Он вышел. Дело окончилось довольно безобидным образом. Один из дуэлянтов отделался раной на лбу, величиной в полтора дюйма, и царапиной на левом веке. Зашивать рану не потребовалось, — оказалось достаточно липкого пластыря. Шпаги были убраны, противники снова надели сюртуки и жилеты, и мы стали развлекаться эспадронами. Дуэль давно окончилась. Я был хорошо натренирован, и со мной дрались охотно. Гейне, который имел обыкновение насмеяться над поведением буршей, сказал мне однажды с самодовольной издевкой:

— Ты научился фехтовать только из трусости. Смелости у тебя не больше, чем у меня.

В самом разгаре нашей схватки он вернулся домой, поздоровался по студенческому обычаю, не снимая шляпы, и, не говоря ни слова, прошел в свою комнату. Я сразу же последовал за ним.

— Сколько времени продлится эта история? — спросил он сердито.

— Еще лишь несколько схваток. Они рассердятся на нас обоих, если я сразу же прекращу бой.

— Кто это? — спросили меня, когда я возвратился. — Какой-нибудь филистер?

— Это старый бурш, поэт и мой кузен Гейне. Ни с кем другим я не стал бы жить вместе, чтобы и он и всякий, кто пожелает его навестить, проходили через мою комнату.

— Почему ты нас не предупредил?

— Да он всего несколько дней как живет здесь.

— Все равно, мы не спросили у него разрешения и должны перед ним извиниться.

Несколько человек прошли к нему, и Гейне был, как всегда, учтив и любезен. Однако после этого случая он считал

необходимым на следующий день съехать с моей квартиры и вернуться в свое прежнее жилище. Я был чужд его кругу знакомых, а он еще более чужд моему. Наша *habitare in unum*¹ не могла быть ни *dulce*,² ни *jucundum*,³ но тем не менее мы остались лучшими друзьями.

13. Г. КНИЛЛЕ

[1824 г.]

Гейне был несколько ниже среднего роста и худощав. У него был мягкий, чрезвычайно приятный голос, довольно большие, лукавые, полные ума и жизни глаза, которые он в пылу спора обычно прищуривал, красивый, слегка изогнутый и резко очерченный нос, не слишком высокий лоб, светло-русые волосы и рот, который постоянно подергивался и был более всего замстен на его удлинненном, худом, болезненно бледном лице. Руки у него были нежнейшей формы, словно одухотворенные, и белые, как алебастр. Вся красота их обнаруживалась, когда Гейне в интимном кружке просили прочесть либо великолепную рейнскую песнь «Как из тучи месяц светит...», либо что-нибудь подобное. В таких случаях он обычно поднимался и протягивал вперед свою тонкую белую руку. Уже тогда его обычно светлое настроение духа в значительной степени определялось физическим самочувствием. Когда он бывал весел, это оказывало поистине чарующее действие на окружающих. Поэт неизменно появлялся в обществе в доверху застегнутом коричневом сюртуке с двойным рядом пуговиц, с небольшим черным шелковым платком, небрежно повязанным вокруг шеи, а летом, как правило, — в нанковых панталонах и часто в туфлях и белых чулках на стройных ногах, которые отнюдь не свидетельствовали, как замечает Лаубе, о принадлежности Гейне к «еврейской расе». Добавлю, что он постоянно носил желтую соломенную шляпу или зеленую шапку с четырехугольной тульей, которая, по тогдашней моде, опускалась на козырек.

---

¹ Совместная жизнь (*лат.*).

² Сладостной (*лат.*).

³ Приятной (*лат.*).

14. ЭДУАРД ВЕДЕКИНД

[16 июня 1824 г.]

Излюбленной его темой, к которой он [Гейне] возвращался при каждом удобном случае, была метрика и теория стихосложения. Этим вопросом он самым серьезным образом занимался еще в Бонне под руководством Шлегеля.

— Прежде, — сказал он однажды, — если кому-нибудь случалось написать что-либо хорошее или плохое, я всегда говорил: этот знает толк в метрике, или, наоборот, — ничего в ней не смыслит. Воистину, метрика невероятно трудна; в Германии найдется, пожалуй; всего шесть или семь человек, которые понимают, в чем ее суть. Шлегель ввел меня в курс дела. Он — колосс! Он совсем не поэт, но благодаря своей метрике иной раз создавал нечто такое, что поднимается до поэзии. Очень хорош также Фосс.

— Мне кажется, — заметил Ведекинд, — что вы метрику понимаете шире, чем это принято. Ибо, относится ли автор к подсчету стоп и слогов как к второстепенному делу или считает их основными элементами, все же, по-моему, характер большинства поэтических форм легко можно определить и без этого. Пусть не всегда удастся выразить этот характер в ясных словах, однако если чувство мало-мальски выкристаллизовалось, оно всегда выведет автора на правильный путь. Я вообще считаю, что поэт никогда не должен искать форму; он не должен отрывать ее от сущности и содержания, напротив, я скорее думаю, что вместе с идеей стихотворения одновременно возникает и полностью соответствующая ей форма, составляющая с нею единое целое.

— Как правило, это, быть может, и так, — сказал Гейне, — однако не всегда; иной раз можно сначала как следует обдумать форму, ибо она не есть просто перевозочное средство, но, со своей стороны, должна также оказаться продуктивной. Я до сих пор не сумел обнаружить, в чем, собственно говоря, заключается секрет метрики древних. Античные размеры мне кажутся совсем неподходящими для пемецкого языка, например гекзаметр. Даже если они совершенно правильно и отлично построены, так что не к чему придираться, они мне все-таки не нравятся; исключения представляют лишь немногие стихи, и они относятся как раз не к числу лучших, например

гетевские «Римские элегии». Шлегель говорил мне, что Гете читал их вслух по рукописи, и он (Шлегель) обращал его внимание на многие погрешности в версификации, но Гете в таких случаях, как правило, заявлял: он, мол, прекрасно видит, что стихи не совсем правильны, однако ему не хочется их исправлять — в таком виде они нравятся ему больше, чем если бы они были правильнее. В чем же тут дело?

— В духе немецкого языка, — заметил Ведекинд. — Это сказано, правда, слишком общо, однако я до сих пор не могу в этом разобраться глубже.

— В числе исключений, — продолжал Гейне, — если говорить о тех стихотворениях, в которых мне античная форма по душе, назову также несколько од Клопштока, «Цюрихское озеро», например, и оды к Эберту и Гизеке. Вообще из произведений Клопштока оды мне больше всего нравятся. «Мессиаду» я не смог прочесть; она кажется мне чем-то вроде стихотворной проповеди.

Решительную антипатию питал Гейне ко всякого рода рассуждениям в стихах.

— Этого я совершенно не выношу, — сказал он однажды, — в особенности этакие «сентиментальные» рассуждения, достойные портных. Как раз сегодня я написал небольшую шутку, в которой пародирую этот стиль.

Ведекинд попросил Гейне прочесть стихотворение, если он его помнит.

— Оно у меня с собой, — сказал Гейне, опустил руку в боковой карман сюртука и достал аккуратно сложенный полулист почтовой бумаги. Стихотворение, в котором многое было зачеркнуто и исправлено, звучало так (по записи Ведекинда):

Wohl dem, dem noch die Unschuld lacht,
Weh dem, der sie verlieret!
Es haben mich armen Jüngling
Die bösen Gesellen verführet.

Sie haben mich um mein Geld gebracht
Mit Kniffen und mit Listen;
Es trösteten die Mädchen mich
Mit ihren weißen Brüsten.

Drauf haben sie mich besoffen gemacht,
Da hab' ich gekratzt und gebissen,
Sie haben mich armen Jüngling
Zur Tür hinausgeschmissen.

Und als sie mich an die Luft gebracht,
Bedenke ich recht die Sache,
Da saß ich armer Jüngling
Zu Kassel auf der Wache!¹

Он прочел стихотворение очень выразительно, пародировав сладкую, аффектированную манеру, и Ведекинд выразил ему свое одобрение.

— Лучшим пробным камнем для подобных стихов, — сказал он, — служит, если вы сразу же можете живо представить себе конкретное лицо, а при чтении этого стихотворения мне сейчас же приходит в голову образ жеманного фата, который со всей присущей ему слезливостью повествует о своей страшной участи. Впрочем, мне бы хотелось, чтобы вы в последнем стихе изменили рифму «Sache» и «Wache» и внесли бы и сюда звуки «i» и «ü», которые имеются в остальных строфах и превосходно соответствуют характеру изображаемого лица.

— Я прекрасно знаю, — возразил Гейне, — что последние строки не годятся: «gebracht» и «Sache» — два звука «а», один за другим — это нехорошо, но я не могу этого изменить, так как слово «Wache» должно у меня стоять в конце. Видите ли, такова уж тайна метрики: «Zu Kassel auf der Wache» звучит совсем иначе, нежели «Auf der Wache zu Kassel», а слова «Es haben mich die bösen Gesellen

---

¹ Блаженны те, кто невинность хранят,
Презренны те, кто — утратили!..
Меня — несчастного юношу —
Сгубили дурные приятели.

Они завладели моим кошельком
При помощи лести да хитрости.
Грудастые девки ласкали меня,
Чтоб только изрядней вытрясти.

Я стал их царапать, я стал их кусать, —
Вино ударило в голову.
Тогда они бедного юношу
Швырнули на улицу голого.

Очнувшись, начал я размышлять:
За что ж меня так отдубасили?
И вижу: я — бедный юноша —
Сижу в каталажке, в Касселе.

Перевод Л. Гинзбурга.

verführt» — также нечто совсем другое, чем «Die bösen Gesellen haben mich verführt». Но вся соль в слове «Jüngling», — всякий раз не хватает одной стопы, и потому его пужно произносить протяжно.

— Впрочем, — заметил Ведекинд, — не каждый поймет это стихотворение, если не слышал, как вы его читали вслух.

— Упаси боже! — воскликнул Гейне. — Этого никто не поймет!

И на поддразнивание друга, заметившего, что он только вчера высказал намерение не писать больше маленьких стихотворений, Гейне возразил:

— Ну, это вовсе и не стихотворение. — Он долго колебался, какое дать ему название. В конце концов, сияя от радости, он воскликнул: — Придумал! «Элегия»!

И в самом деле, он вскоре опубликовал стихотворение под этим заглавием [...] в журнале «Агриппина» (№ 93 от 1 августа 1824 г.), издававшемся в Кельне его другом Ж.-Б. Руссо[...]

В связи с приведенным выше разговором Ведекинд спросил поэта, не приходилось ли ему когда-нибудь писать сатиры в собственном смысле слова.

— Это опасное ремесло, — заметил Гейне.

— Почему? Лишь бы сатира не затрагивала личности.

— Бросьте, всякая сатира направлена на личности.

Ведекинд указал на сатиры Горация, в которых намски по адресу определенных лиц сильно завуалированы и смягчены.

— Это скорее можно назвать добродушным юмором, — был ответ Гейне. — Величайший сатирик — Аристофан, и мне бы хотелось, чтобы сатира на личности снова вошла бы у нас в обиход.

— Это не привело бы к добру, а слишком часто вызывало бы ожесточенную чернильную войну.

— Что за беда? — сказал Гейне. — Народ не должен киснуть.

— В таком случае пусть он возьмется за меч, а не за перо.

— Однако и Эразм и Лютер сражались пером! — возразил Гейне.

— Это другое: перед ними стояла высокая и важная цель, — на карту было поставлено благо народов. Лютер

вынужден был всеми возможными способами отстаивать свои высокие принципы и то, что он пропагандировал в качестве истины, чтобы все это не погибло снова. А вы все-таки займитесь сатирой на личности — это хорошая тренировка, и вы сможете позабавить друзей, если даже не все сразу напечатаете.

— Я к этому уже приступил, — сказал Гейне. — Пишу мемуары, которые уже довольно далеко продвинулись. Сейчас я пока что их отложил, — у меня есть другие дела, но я их продолжу; они увидят свет после моей смерти, или еще при жизни, если я доживу до таких же лет, как наш старикан.

— Ему бы я пожелал умереть пораньше, — возразил Ведекинд. — Мир при этом потерял бы много, но слава его выиграла бы.

Гейне был с этим совершенно не согласен. Правда, Шиллера он, по его словам, больше *любил*, но зато Гете ему больше *правился*.

— Гете, — говорил он, — это гордость немецкой литературы, а Шиллер — гордость немецкого народа. В противоположность своему другу Ведекинду, он ставил также Гете как драматурга выше Шиллера; последний, по его мнению, никогда бы не смог подняться до «Эгмонта». «Страданий молодого Вертера» Гейне еще не читал. Однажды он хотел взять книгу с собой, но затем отложил ее в сторону, так как боялся, что в тогдашнем его настроении она слишком его взволнует. С огромным уважением говорил он о Бюргере, чей простонародный стиль ему был по душе.

15. ЭДУАРД ВЕДЕКИНД

[1824 г.]

Какой поэт не субъективен в любовных песнях!.. В совершенно другом виде выступает его [Гейне] субъективность в картинах «Северного моря» [...] Гейне говорил мне, что он долго не мог прийти к согласию с самим собой относительно формы, в которой ему хотелось выразить тему этих стихов [...] Он вообще владеет тонким пониманием всего того, что относится к внутренней форме, и ему

в высшей степени свойствен тот лирико-музыкальный слух, который неизменно придает картинам и мыслям верную форму, который не возьмет тона в три восьмых там, где должно быть три четверти, и который со смыслом подбирает многочисленные мнимые шероховатости, даже мнимые недостатки.

16. ЭДУАРД ВЕДЕКИНД

[20 июня 1824 г.]

Мы заговорили о гетевском «Фаусте».

— Я тоже собираюсь написать «Фауста», — сказал он [Гейне], — не для того, чтобы соперничать с Гете, нет, нет, — каждый человек должен написать своего «Фауста».

— Тогда я бы вам не советовал печатать его, а то публика...

— Послушайте, — прервал он меня, — с публикой не нужно считаться, — все, что она обо мне говорила, я всегда случайно узнавал от других.

— Разумеется, вы правы, нельзя давать публике сбивать себя с толку или гнаться за ее расположением. Однако не нужно ее и заранее против себя восстанавливать, — пусть за ней останется возможность вынести беспристрастное суждение, а вы, конечно, восстановили бы ее в какой-то мере против себя, если бы после Гете написали «Фауста». Публика сочла бы вас дерзким — она приписала бы вам качество, которым вы вовсе не обладаете.

— Ну, тогда я выберу другое название,

— Это лучше, тогда вы не пострадаете. Клингеман и де ла Мотт-Фуке тоже должны были бы над этим задуматься.

[16 июля 1824 г.]

Гейне собирается написать «Фауста». Мы много говорили об этом, и его идея мне очень нравится, Гейневский «Фауст» явится полной противоположностью гетевскому. У Гете все время действует Фауст; это он приказывает Мефистофелю сделать то или это. У Гейне же действующим началом должен стать Мефистофель — он должен

соблазнять Фауста на различную чертовщину. У Гете дьявол — отрицательная сила, у Гейне он будет положительной. Гейневский Фауст должен быть геттингенским профессором, которому наскучила его ученость. Тут является дьявол и читает ему лекцию, рассказывает о том, что творится на свете, и настолько приручает профессора, что тот становится распутным. Студенты на Ульрихе начинают по этому поводу острить. «Наш профессор пошел по рукам», — говорят они. «Наш профессор становится распутным» — все чаще слышится вокруг, пока наконец профессор не оказывается вынужденным покинуть город и отправиться с дьяволом в путешествие. Тем временем на звездах ангелы ведут беседы за чайным столом, здесь же появляется Мефистофель, и они совещаются о Фаусте. Дело должно обойтись совсем без бога. Дьявол заключает с добрыми ангелами пари относительно Фауста. Мефистофель очень любит добрых ангелов, и эту любовь, особенно к ангелу Гавриилу, Гейне собирается представить как нечто среднее между любовью добрых друзей и любовью полов, которых у ангелов не существует. Описание этих застольных бесед должно проходить через всю пьесу. Как закончить ее, Гейне еще не решил. Может быть, он заставит Мефистофеля, который стал палачом, повесить профессора, а может быть, он и совсем не даст никакой концовки, так как тем самым он получит возможность включить в пьесу многое из того, что не имеет к ней прямого отношения. Мне кажется, этот «Фауст» может превратиться в нечто весьма значительное; боюсь только, да и Гейне — тоже, что из-за описания застольных бесед слишком мало места останется для действия. Если бы у меня было время, я мог бы воспроизвести еще массу остроумных и характерных черт Гейне, — я ведь встречаюсь с ним почти каждый день, но мой дневник и так уже отнимает у меня много времени.

17. ЭДУАРД ВЕДЕКИНД

[Лето 1824 г.]

Так как я вместе с ним [Гейне] учился, я часто его спрашивал, почему то или другое из его стихотворений особенно хорошо, но он никогда не мог этого объяснить [...] Он

охотно говорил о Байроне и чувствовал себя с ним на равной ноге, приблизительно в звании гофрата, как он выражался, в то время как Шекспира он именовал королем, который может тотчас же сместить с должности их обоих.

«Ратклиф», это, по-моему, его лучшее произведение, ставит перед критикой [...] трудную задачу, решение которой, однако, завело бы нас здесь слишком далеко. Быть может, я попытаюсь сделать это в следующий раз и тем самым с некоторым запозданием исполню просьбу Гейне, которую он высказал мне еще в Геттингене. Он работал в то время над одной новеллой, сюжет которой должен был быть взят из средневековья, но он никому ничего не сообщал о ней и оставил неоконченной из-за путешествия по Гарцу, после которого была написана первая часть «Путевых картин».

18. ЭДУАРД ВЕДЕКИНД

[1824 г.]

Ведекинд критиковал гейневского «Альманзора» за то, что его любовь, такая чистая и благородная в начале трагедии, к концу перерождается в животную страсть.

— Мой герой, — возразил Гейне, — сразу же начал вести себя столь буйно, что ради усиления драматической напряженности мне пришлось позволить ему дойти чуть ли не до жестокости; это необходимо еще и потому, что в нем проглядывает *африканец*.

Ведекинд настаивал на том, что жестокость противоречит первоначальной характеристике и что в постепенном переходе святой любви в чисто плотскую нет никакого возрастания драматической напряженности. Гейне, казалось, уступил этим доводам. Идеей «Альманзора» он был, по его словам, обязан одному испанскому романсу; «Ратклиф» является полностью плодом его собственной выдумки. О последней драме Гейне был особенно высокого мнения, и, как он неоднократно говорил, он не надеялся, что другие его поэтические творения превзойдут ее.

— Если говорить о том, что собой представляет Ратклиф, — сказал он, — то я еще ни от кого не слышал, что он безумец. Никто об этом не догадался, а между тем это совершенно ясно, — ведь у него навязчивая идея. Он сле-

дуст ей, потому что бессилен избавиться от нее. Этим отчасти объясняется особый эффект пьесы, ибо это не Ратклиф действует и как-то борется с судьбой, а собственно действующим началом является именно судьба. Ратклиф — не свободная личность, он *должен* поступать так, как он поступает.

19. ЭДУАРД ВЕДЕКИНД

[1824 г.]

Когда Ведекинд заметил, что ему никогда по-настоящему не нравилась «Песнь о Нибелунгах» и вообще героический эпос, даже «Илиада», Гейне воскликнул:

— Да простит вам господь этот грех!

20. КАРЛ ДЕРНЕ

[Сентябрь 1824 г.]

Осенью 1824 года я возвращался в Клаусталь из деловой поездки в Остероде. Благодаря бутылке серон-де-сальванета, распитой в обществе моего старого приятеля Шт., я находился в столь возбужденном состоянии, что меня можно было, пожалуй, принять за наглеца. Примерно на полпути я повстречался с молодым человеком, которого здесь точно опишу, чтобы он убедился, что я в тот раз действительно видел именно его. Ростом он был около пяти футов и шести дюймов, лет ему могло быть от двадцати пяти до двадцати семи, у него белокурые волосы, голубые глаза, приятные черты лица, стройная фигура. Одет он был в коричневый сюртук, желтые панталоны, полосатый жилет, носил черный галстук, на голове была зеленая фуражка, а за плечами — ранец из зеленой клеенки. Серон-де-сальванет был единственным виновником того, что я, едва обменявшись приветствиями со своим спутником, сразу же спросил его об имени, звании, о том, откуда и куда он направляется. Незнакомец с сардонической улыбкой посмотрел на меня искоса, назвал себя Перегриннусом и сообщил, что он космополит, разъезжающий за счет турецкого султана для вербовки рекрутов.

— Не хотите ли завербоваться? — спросил он меня.

— Держись за свой дом и кормись честным трудом, —

ответил я и поблагодарил. Между тем, чтобы отплатить ему той же монетой, я выдал себя за портновского подмастерья и рассказал турецкому уполномоченному, что иду из Б., где распространен слух, будто бы молодой государь на пути в Святую землю взят в плен турками и должен уплатить огромный выкуп. Г-н Перегриниус обещал похотатайствовать за него перед султаном и сообщил мне о большом влиянии, которым он пользуется у его величества.

Занимаясь подобными разговорами, мы продолжали наш путь, и я, чтобы не выйти из роли, распевал всевозможные народные песни, не останавливаясь перед искажением текста, и вообще вел себя всецело в духе странствующего подмастерья. Я поведал своему спутнику, что несу с собой кругленькую сумму, данную мне матушкой, и потому мне особенно приятно, что я встретил мужественного компаньона, на которого могу положиться, если на нас нападут разбойники. Басурман заверил меня в том, что он, несомненно, меня защитит.

— Ну, какие здесь разбойники! — продолжал он. — Вот приехали бы вы в Турцию, так там шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на большую вооруженную шайку; поэтому каждый путешественник везет с собой для обороны несколько пушек крупного калибра, и все-таки нередко бывает так, что ему едва удастся спасти свою шкуру.

Я выразил удивление уполномоченному его величества и попутно похвалил немецкую полицию за то, что она дает возможность бедному путешественнику проделать такой долгий путь, не подвергаясь ограблению.

— Что бы мы делали, — продолжал я, — если бы из-за каждого куста и из каждой канавы выскакивали головорезы и обирали перепуганного насмерть странника, как нищий в басне Геллерта?

— Вы читали Геллерта? — спросил мой спутник.

— Да, — отвечал я, — в молодости я учился читать и писать, прошел обучение у портного Зандера в Гальберштадте на Лихтер-Грабене и с тех пор работал у многих хозяев в Касселе и Брауншвейге, для того чтобы понять характер мужского платья, — его часто изучить труднее, нежели характер человека, который это платье носит.

Тут г-н Перегриниус вновь поглядел на меня искоса, речь его мало-помалу становилась все односложнее, и наконец он совсем умолк. Вообще ему был свойствен

какой-то аристократический холодок, все время державший меня на некотором расстоянии, и, чтобы покончить с шуткой, я пожаловался на усталость, присел на пеню и предложил своему спутнику последовать моему примеру. Но он ответил, как я и ожидал, что сегодня у него нет времени отдыхать, приподнял фуражку и пошел своей дорогой, пригласив меня догонять его.

Я бы предал забвению это маленькое дорожное приключение, и если я о нем рассказываю, то виной тому журнал «Собеседник» за этот год, № 11. В указанном номере я прочел, к своему великому удивлению, «Путешествие по Гарцу Г. Гейне осенью 1824 года» и нашел там себя изображенным с большим юмором в качестве странствующего портновского подмастерья. Я успокоился, узнав из упомянутого «Путешествия по Гарцу», что имя тогдашнего моего спутника не Перегриниус, а Г. Гейне, что он не уполномоченное лицо его величества султана, а юрист, который шел из Геттингена и у которого в голове, как он сам говорит, слишком много юриспруденции и плохих стихов (вероятно, чужих). Мою ничтожную особу Г. Гейне описывает в своем «Путешествии по Гарцу» следующим образом:

«На пути из Остероде в Клаусталь я встретился со странствующим портновским подмастерьем. Это был миловидный молодой человек, до того тощий, что лучи звезд могли пронизать его, как облачных духов Оссиана, — в общем, причудливая, чисто народная смесь веселости с меланхолией»[...]

Заверяю г-на Гейне, что хотя я и мог бы ныне кое за что придаться к «Путешествию по Гарцу», но нисколько не сержусь на него, более того — я с подлинным наслаждением прочел его юмористическое описание.

21. МАКСИМИЛИАН ГЕЙНЕ

[2 октября 1824 г.]

Гете принял Гейне с присущей ему грациозной снисходительностью. Беседа велась если не буквально о погоде, то, во всяком случае, на самые банальные темы. Говорилось даже о тополевой аллее между Иеной и Веймаром. Затем Гете неожиданно спросил Гейне:

— Чем вы сейчас занимаетесь?

Молодой поэт быстро ответил:

— «Фаустом».

Гете — вторая часть «Фауста» к тому времени еще не появилась — был несколько озадачен и спросил язвительным тоном:

— Больше у вас нет никаких дел в Веймаре, господин Гейне?

Гейне немедленно ответил:

— Едва я переступлю порог дома вашего превосходительства, все мои дела в Веймаре будут закончены, — и откланялся.

22. ЮЛИУС КАММЕ

[Конец января 1826 г.]

Моя первая встреча [с Гейне] произошла следующим образом: я стоял в своей книжной лавке и торговал, когда вошел молодой человек и потребовал трагедии Гейне. Я протянул ему аккуратно переплетенный экземпляр.

— Мне приятно, что книга переплетена, — сказал он.

Пока он рассматривал книгу, я пошел к прилавку, где были выставлены произведения поэтов, и принес ему стихотворения того же автора.

— Милостивый государь, — прервал он поспешно мои рекомендации, — эти вещи я не люблю, я их презираю!

— Как, — сказал я, — вы их презираете? В таком случае вы будете иметь дело со мной!

— Милостивый государь, я знаю их лучше, чем вы, потому что я их написал.

— Что же, господин доктор, если вы создадите еще что-нибудь столь же ничтожное и у вас не будет лучшего издателя, принесите свси произведения мне, и я почту за честь поставить на них свою фирму.

— Не шутите со мной, я могу подвергнуть вас испытанию.

— И тогда вы узнаете, что это испытание я способен выдержать.

На другой день Гейне пришел и, напомнив наш разговор, сказал:

— Вы были вчера столь любезны, что высказали желание быть моим издателем. У меня в самом деле есть кое-что для печати, и, если вы не шутили, я готов передать вам мое сочинение. Это «Путевые картины» — «Путешествие по Гарцу» и семьдесят семь стихотворений.

— Хорошо. Вы дадите мне книгу, на обложке которой стоит ваше имя и которая составляет двадцать пять листов. Какой гонорар вы за нее хотите?

— Тридцать луидоров.

— Согласен! Вас устроит, если я тотчас произведу с вами расчет?

— О, это меня вполне устроит!

С этого дня Гейне каждый день бывал в моей лавке, и мы стали близкими друзьями.

23. ЭДУАРД ШЕНК

[Весна 1828 г.]

В это время в Мюнхене находился один поэт, который еще по Берлину был знаком с Бером и через него познакомился со мной, а именно — Генрих Гейне [...] Он редактировал в то время совместно с Линдшером «Политические анналы». Хотя его политические убеждения были почти противоположны нашим, а его религиозные взгляды — моим, это различие в образе мыслей на время забывалось при веянии поэтического гения, который взмахивал на наших глазах своими крылами. Когда Гейне задушевно или с грустной иронией читал частью старые, частью новые свои песни, казалось, что слушаешь соловья, потрепавшего гнездо. В голосе поэта звучала то горькая скорбь о прошлом и об утраченном душевном мире, то отчаяние и раздирающая насмешка над настоящим. Вскоре он уехал из Мюнхена, и больше я не встречал его.

24. РОБЕРТ ШУМАН

[8 мая 1828 г.]

В Мюнхене я себя чувствовал не совсем хорошо и уютно, — мне слишком скоро стал в тягость холодный, казенный дух столицы. Глиптотека пачата великолепно,

но все еще не закончена и потому оставляет лишь чувство неудовлетворенности; и только знакомство с Гейне, которым я обязан г-ну Краге [...], сделало мое пребывание здесь в какой-то мере интересным и приятным. Я представлял себе Гейне, по описанию г-на Краге, брюзгливым мизантропом, который слишком высоко поднялся над людьми и жизнью, чтобы опускаться до них. Насколько же он был другим, как отличался он от того человека, каким я его представлял себе! Он ласково подошел ко мне, похожий на грека Анакреонта, которому ничто человеческое не чуждо, дружески пожал мне руку и несколько часов водил меня по Мюнхену — всего этого я не ожидал от человека, написавшего «Путевые картины». Лишь губы его змеились горькой иронической усмешкой, но это была высокая усмешка над мелочами жизни и сарказм по адресу мелких людишек. Однако самая эта горькая сатира, которую мы столь часто ощущаем в его «Путевых картинах», эта внутренняя неприязнь к жизни, проникающая до самого сердца, придавала его речам привлекательность. Мы много говорили о великом Наполеоне, и я нашел в Гейне такого его поклонника, какого редко где встретишь, кроме Аугсбурга.

25. РАХЕЛЬ ФАРИХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

[Март 1829 г.]

Именно о Гейне я и хотела тебе написать. Я пришла к твердому заключению, что у него большой талант, который, однако, должен еще созреть, в противном случае он станет бессодержательным и вырождается в пустое манерничанье. Но у него нет критического отношения к себе — ему не хватает внутренней серьезности и того высшего интереса, который один лишь и определяет цельность натуры и цельность взглядов. Он способен спутать себя с Гете, свою славу — с его славой: вообще думает главным образом о *славе*!

26. КАРЛ-АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

[Март 1829 г.]

Твои сообщения относительно Гейне могли бы быть более благоприятными, и я в самом деле ожидал лучшего. Перед нами тот случай, когда имеется много богатых задатков, но природа позабыла в спешке вложить несколько важных приправ, и вот со всех сторон на свет выступили недостатки! [...]

Тем не менее я шлю ему сердечный привет, и он может не сомневаться в моей дружбе; например, недавно Шлегель, перед которым Гейне публично преклонялся, готов был, сидя за столом у супруги курфюрста, для большей безопасности и из трусости отвергнуть это преклонение и вообще опорочить Гейне как человека, но я не допустил этого.

27. КАРЛ-АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

[1829 г.]

Влияние Рахели и мое на Гейне заключалось единственно в том, чтобы укреплять в нем серьезность и сдерживать потоки шуток. В этом отношении особенно много сделала Рахель, хотя это и оставалось не замеченным многими, ибо он, разумеется, все еще был слишком резким и буйным.

28. ЛУДОЛЬФ ВИНБАРГ

[1830 г.]

Начало моего личного знакомства с ним [Гейне] отпоситя примерно к периоду, предшествовавшему Июльской революции, и с тех пор длительное время, вплоть до нашего общего отъезда, я испытывал радость от общения с этим обаятельным человеком, встречались ли мы с ним в книжной лавке его издателя, в так называемом

дамском павильоне на старом Юнгфернштиге, во время прогулок или на его квартире. У кого не сохранится навеки в памяти первая встреча с Генрихом Гейне!.. Дабы быть искренним, я должен сказать, что тот круг людей, в котором я вращался, отнюдь не был в восторге от Гейне. Его считали там отличным поэтическим жонглером; особенно сомневались в правдивости его чувств и любовных переживаний, и поэтому успехом пользовалась следующая эпиграмма на него:

Садовника кормит лопата,
Нищего кормит клюка,
А мне приносила дукаты
Любовная тоска.

Не поддаваясь подобным предубеждениям, я подчинялся общему поэтическому воздействию Гейне, всему облику поэта, который был для молодежи тех лет хотя и новым, но не вовсе неожиданным. Гетевский «Фауст» проник в образованный мир гораздо глубже, чем принято полагать, он стал для каждого нового поколения школьников и студентов поэтической библией, которая воспитывала нетерпимое отношение ко всему бапальному, внушала юношеству высокие и непримиримые, прометеевские идеи, проповедовала дерзостное постижение жизни и наслаждение ею. Разумеется, в тот период, о котором я говорю, я знал людей духовно более возвышенных и окрыленных, нежели Генрих Гейне, но я не знал никого, кто бы стоял ближе к творцу «Фауста» по своему поэтическому дару и эстетическому сознанию и кто в своей области, то есть менее идеальной и не в такой степени свидетельствующей о мужественном единоборстве с проблемами жизни и науки, имел бы в себе больше фаустовски-мефистофельского начала, чем именно Генрих Гейне [...]

Под влиянием этого анализа я составил себе представление и о его внешнем облике и вовсе не был поражен, когда при первой встрече вместо пламенной, сильной, озорной личности перед моими глазами предстал изящный, спокойный, благородный, приветливый человек.

В то время поэт, не будучи худым, еще отнюдь не растолстел, — это произошло позднее, когда, поглотив, подобно сатиру, множество жертв, он нашел пристанище

у своей Матильды. Одевался он опрятно, но просто, драгоценностей я никогда на нем не видел. Красивые, мягкие темно-каштановые волосы обрамляли его овальное, совершенно гладкое лицо, покрытое легкой бледностью. Сквозь густые ресницы его глаз, скорее маленьких, чем больших, с красивым разрезом, мерцал обычно несколько грустный взгляд, который более всего выдавал в нем поэта; в минуты возбуждения в глазах его появлялась веселая, умная усмешка; в ней, быть может, и таилось немножко злости, однако эта злость не придавала его взгляду колючего выражения. В нем не было ничего от фавна. Довольно тонкая переносица свидетельствовала, по законам физиогномики, о недостатке силы, величия, умеренно изогнутый нос также, пожалуй, несколько вяло опускался книзу. У него был гладкий лоб, слегка и красиво выпуклый, губы изящной формы, подбородок округленный, но не тяжелый. «Злое подергивание» верхней губы было у него, по-видимому, лишь привычкой, а вовсе не признаком презрения к людям и пресыщенности жизнью... Его походка, его движения обычно не были стремительными... И все же как-то раз, когда он прогуливался по насыпи в обществе одной дамы, случилось так, что на него наскочил усатый господин, одетый в польское платье. Вместо того чтобы извиниться, этот господин начал самым наглым образом спорить с ним. Гейне, у которого сразу же возникло подозрение, что враги специально подсылают к нему подлых бродяг, потребовал от него визитную карточку, гордо протянув ему свою. При этом он вовсе не собирался поступить с ним по-рыцарски. В полиции выяснилось, что человек этот — иностранный авантюрист, и он вынужден был немедленно покинуть Гамбург и его окрестности. Гейне рассказывал мне эту историю на том самом месте, где она произошла. Я мог лишь признать его правоту. Он вообще часто, в том числе и в своих произведениях, упоминая о своих дуэлях в студенческие годы, утверждал, что в мужестве у него недостатка не было[...]

Помню, как однажды летом 1830 года, когда я и Генрих Гейне жили в Гамбурге, я рано утром нанес ему визит[...]. Когда я присел рядом с ним на диван, первый взгляд на окружающие предметы живо напомнил мне о гетевской перелетной птице, которая

нигде на задерживается долго: раскрытый дорожный чемодан, разбросанное белье, два-три томика из платной библиотеки, несколько элегантных тросточек со стертymi и блестящими от долгого ношения набалдашниками, и прежде всего — сам поэт. Ибо, хотя он уже в течение нескольких месяцев дышал воздухом Гамбурга и уютно устроился в порядочном буржуазном доме, все-таки он производил на меня впечатление путешественника, который лишь прошлым вечером вышел из почтовой кареты и провел довольно утомительную ночь на постоялом дворе. С этим общим впечатлением временного пребывания естественно была связана и тема разговора о путешествиях и странствиях, и я заговорил о «Путевых картинах», погрешив против заповедей хорошего тона, запрещающего напоминать писателю о его произведениях. В то время у меня еще свежи были в памяти мои студенческие годы, и я рассказал ему, как познакомился с его песнями, которые помещены перед первой частью «Путевых картин», — познакомился раньше, чем с самим этим произведением и даже раньше, чем узнал имя его автора.

— А произошло это следующим образом, — сказал я поэту. — В годы моего учения меня весьма мало заботила появлявшаяся новейшая литература. Мадам Швере в Киле едва ли могла бы в регистрационной книге своей библиотеки найти против моей фамилии название какой-либо другой взятой мною книги, кроме произведений Гете, которые я читал и перечитывал. Это было вызвано отнюдь не моим презрением ко всему новому, ибо этого нового я не знал. Это не было также делом принципа или результатом чрезмерного научного рвения, но происходило главным образом потому, что я еще в детские и гимназические годы переболел повальной читательской лихорадкой, а в дальнейшем и потому, что во мне благодаря ранним опытам и под влиянием поэтического возбуждения тех лет в полную силу проявилась склонность к собственному творчеству; наконец, я чувствовал слишком живой интерес к прозаической повседневной жизни и принимал слишком деятельное участие в ней, чтобы стремиться проникнуть в чужой, далекий и к тому же существующий лишь на бумаге фантастический мир. Однако я не остался полностью чужд тайному и привлекательному воздействию этого мира. Круг, в котором я вращался,

состоял из живых и остроумных молодых людей, которые проявляли несколько больше заинтересованности в литературе, чем я. Во время прогулок в Дюстерброкскую и Вибургскую рощи и в пропахшем вином погребке, куда мы весело спускались по вечерам, я слышал так много «божественных острот», столько фраз, «которые в самом деле сделаны не из овсяной соломы», столько песен и стихов, что я, таким образом, как бы слышал звук колокола новой литературы, не видя его и не зная, где он висит. Так услышал я и ваши песни, при этом самые пикантные, буйные и дерзкие; их читал один из тех гениальных людей, о которых обычно говорят, что они рано или поздно пробьют себе дорогу. Мы воспринимали поэта лишь как бывшего геттингенского студента, и, признаюсь, совершенно особое впечатление от этих стихов отвечало лишь извечной неприязни буршей к филистерству, которое, как нам казалось, в этих чистых песнях усмотрит новый повод для раздражения.

Гейне с комической серьезностью слушал мой рассказ. При этом он обеими руками прижимал к своим волосам красный шелковый платок, которым обматывал голову на ночь. Он пожаловался сначала, по своему обыкновению, на головную боль, затем, живописно накинув на плечи пестрый мефистофельский плафрок, словно мантию Фауста, начал, улыбаясь и подмигивая, сухим, докторальным тоном разъяснять мне, как юному школяру, глубокое, всемирно-историческое значение своих распутных песен. Я с трудом удерживался, чтобы не рассмеяться ему прямо в лицо, но, тем не менее, оставался внимательным слушателем. Сцена была так комична, что когда сразу же вслед за тем в комнату вошел глухой Лизер, то он, хихикая, сел напротив за стол и нарисовал на нас одну из своих веселых карикатур, которые нередко так превосходно удаются его бойкому, искусному перу и которую, я думаю, Гейне хранит еще и поныне[...]

Теперь я полностью согласен с Гейне, что его песни переживут его. Это относится и к глубоким, прекрасным песням-сказкам, и в особенности к буйным и безнравственным. Самый маленький и грязный лепесток розы из его любовной поэзии, к тому же снабженный посвящением легкомысленной красавице берлинке, впорхнет в бессмертие,

прежде чем его настигнут многие тысячи толстозадых богословских и высокоправственных истин, которые, задыхаясь, будут гнаться за ним.

29. ЛУДОЛЬФ ВИНБАРГ

[1830 г.]

Гейне обладал даром вести беседу. Едва ли придется уверять кого-нибудь в том, что с его изящных губ нередко слетали изящнейшие замечания, великолепнейшие блестящие остроумия и иронии и чрезвычайно меткие описания характеров и переживаний. Даже заурядное и незначительное приобретало в его устах известную привлекательность. Когда он бывал в хорошем настроении, он был уверен, что сразу найдет самое точное или, вернее, самое лучшее выражение своей мысли и мог тогда не сомневаться в своем превосходстве над собеседником. Кто-то хотел рассказать мне смешной анекдот.

— Стойте! — прервал его Гейне. — Дайте, я расскажу.

Он прекрасно знал, что в его передаче история выиграет на двадцать процентов.

Публичным красноречием он не владел и не был бы способен произносить речи, даже если бы у него и был более сильный голос. Он был застенчив, и всякое большое собрание его подавляло. Даже в обычной беседе сколько-нибудь резкое выражение, а тем более сатирический выпад сковывали его. Ибо, как ни странно, он первым падал жертвой того оружия, мастером которого был, лишь только оно направлялось против него самого; то жгущее, сверкающее остроумие, о котором он сказал как-то, что хорошо бы в эти скверные, торгашеские времена носить его при себе вместо шпаги, изменяло ему в тех случаях, когда должно было служить для немедленной защиты. Он был очень чувствителен к ранениям подобного рода; тем лучше умел он ценить действие своих собственных остроумных выпадов; он его скорее переоценивал, чем недооценивал.

Впрочем, не одна только застенчивость удерживала его от публичных выступлений и даже от произнесения ре-

чей в светском кругу. Он чувствовал отвращение ко всякого рода риторике и не имел никаких ораторских способностей.

30. ЛУДОЛЬФ ВИНБАРГ

[1830 г.]

Разумеется, Гейне принимал живейшее участие в событиях своего времени, но он был бесконечно далек от того, чтобы вмешиваться в них своими действиями или хотя бы сочинениями. Соображения политической или социальной агитации никогда не руководили им в его творчестве[...]

Мир и жизнь давали ему материал для сатиры, для создания характеров, для поэтических излияний; у него были свои ярко выраженные симпатии и антипатии, и, как и следовало ожидать от него, поэта, он мог мечтать о великих характерах и о развязывании исторических сил, но пропасть отделяла его от людей там, на улице, от сутюлки сражающихся, от интриг руководителей и подстрекателей. Он знал, что если в этой его воздержанности увидят проявление «аристократизма», то независимость суждений и беспощадное ко всему остроумие могут привести его к гибели.

— Вспыхни сейчас в Германии революция, — сказал он однажды, — а ведь она будет гораздо страшнее и радикальнее, чем французская, — моя голова упадет не последней.

В один из тех дней случайно в комнату Гейне ворвался какой-то немецкий студент, выдавший себя за его большого почитателя, и, не переводя дыхания, наговорил поэту страшных грубостей, кажется за его неустойчивую правдивость и за восхищение Наполсоном[...]

Июльская революция ввергла Гейне, который до того был бездеятелен, в состояние лихорадочного возбуждения; он почувствовал, что она и в его жизни явится знаменательным периодом. Он вновь изучал первую французскую революцию, в частности его увлек классический труд Минье.

31. ЛУДОЛЬФ ВИНБАРГ

[1830 г.]

Гейне искренне считал себя последним романтическим поэтом Германии. Своему издателю он однажды попросту заявил:

— Кампе, теперь я первый.

На это г-н Юлиус Кампе, беря щепотку табаку, возразил:

— Гейне, древние греки и римляне поклонялись различным божествам: Юпитеру, Меркурию, Аполлону — кто их всех разберет! У каждого бога был свой храм, а в каждом храме — свой жрец. Эти жрецы точно знали, каким весом пользуются их боги, они определяли этот вес по размеру жертвоприношений, которые возлагали на алтарь верующие; тот бог, который получал наибольшие жертвы и дары, был *pro tempore*¹ самым почтенным. Так вот, вы — бог, эта книжная лавка — ваш храм, а я — ваш верховный жрец. Но смею вас заверить, что с жертвоприношениями, которые вы получаете, — я имею в виду сбыт ваших сочинений, — дело пока обстоит весьма неважно.

Между прочим, следует заметить, что последнее было сказано в то время, когда Гейне пользовался уже столь громкой славой, которая во Франции и в Англии привела бы к несравненно более быстрому и широкому сбыту его сочинений, не говоря уже о том, что издатели, для которых подобные проявления самоуверенности авторов звучат не так уж безобидно, считают своим долгом их несколько приглушить.

Что же касается упомянутой выше характеристики Гейне как последнего романтика, характеристики, которую он дал самому себе, то впоследствии он не раз высказывал эту мысль публично. Я вспоминаю также, что уже тогда он говорил мне об этом в минуты откровенности, как и о своем заветном желании — чтобы его воспринимали и ценили именно как последнего романтика. Но я вспоминаю также, что в этом вопросе он нашел во мне непонятливого ученика и что я не хотел считать его романтиком [...]

¹ В данное время (*лат.*).

Самый ранний сборник его стихов, вышедший не у «Гофмана и Кампе», был мне неизвестен, но я и теперь не склонен слишком высоко оценивать выраженные в нем восторги по адресу немецкого отчества и заигрывания с девой Марисей. Ведь он находил непостижимым, как я мог уважать старого Э.-М. Арндта и быть в то же время приверженцем гуманизма. Однако впоследствии эта поэтическая позиция, которую он сам для себя определил, показалась мне не столь уж плохо выбранной, хотя она и остается, к ущербу для него, односторонней.

82. ЛУДОЛЬФ ВИНБАРГ

[1830 г.]

Гейне не был слеп к некоторым своим недостаткам. Он, например, отчетливо видел в своих произведениях теневые стороны, которые соседствуют со светлыми. Одному молодому писателю он как-то сказал:

— Профессор Ц[иммерман] хвалил ваши стихи; он прав, стихи (это был стихотворный перевод с греческого) сделаны бойко и изящно, однако, с моей точки зрения, это имеет меньшее значение. Меня привело в восторг ваше предисловие, я завидую вам как прозаику.

Когда упомянутый писатель со слегка насмешливым недоверием взглянул на него, Гейне воскликнул:

— Нет, нет, это не комплимент, это мое искреннее мнение. Вы еще не объезженный конь, я же сам себя заставил пройти школу верховой езды. Я невольно усвоил манеру, от которой с трудом освобождаюсь. Как легко становишься рабом публики! Публика ждет и требует, чтобы я продолжал в том же духе, в котором начал; начни я писать по-другому, люди скажут: это совсем не по-гейневски, Гейне больше не Гейне.

Он, несомненно, имел прежде всего в виду, помимо неизбежного выдвижения на передний план собственной личности, нагромождение неожиданных эпитетов [...] и вообще ту свойственную ему прелестную, остроумную пластичность в выражении мысли, которая по преимуществу останавливается на чувственном созерцании, создаст гармонический художественный образ и все же порою отлича-

ется чрезмерной изысканностью[...] Он никогда не расчленил явлений, а потому его нельзя было обвинить и в противоположной ошибке — в смешном, мелочном и придиричливом апализе. Он смотрел на людей и предметы и давал им имена, нередко проявляя при этом оригинальность первого изобретателя языка, как Адам в раю. Он видел явления целостными, если только у него не появлялось злого желания разорвать их, но и тогда он скорее сдирал с них кожу, нежели разрывал их на части. В его рассуждениях всегда преобладала одна ведущая идея, в его характеристиках — одна ярко выраженная черта, в его картинах — одна какая-нибудь линия и одна какая-либо краска. Вершины своего прозаического стиля достиг он позднее в парижских корреспонденциях, опубликованных в «Аугсбургской газете» в тот период, который привел к разностороннейшему развитию его таланта и вызвал всеобщее восхищение его проникательностью, наблюдательностью в описании событий и людей потрясавшего мир города. «Хороший писатель обнаруживается не столько в том, что он пишет, сколько в том, что он опускает», — гласил один из его самых глубоких афоризмов.

33. КАРЛ-АВГУСТ ФАРИХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

[1831 г.]

Генрих Гейне написал в альбом своему дяде Соломону Гейне:

«Дорогой дядя, дай мне займы сто тысяч талеров и забудь навеки

любящего тебя племянника

Г. Гейне».

34. АВГУСТ КЛЕМЕНС

[Май 1831 г.]

Вечером 12 мая, в день вознесения, у меня собралось всеелое общество. Мы до поздней ночи играли в jeux d'esprit,¹ писали буриме, разыгрывали пословицы и раз-

¹ Словесные игры (франц.).

гадывали шарады. Гейне был очень мил[...] Гейне и Руссо разыграли в лицах какую-то поговорку. По ходу представлениа там изображалась месть поэта рецензенту. Рецензентом был Руссо, поэтом — Гейне. Первый сидел за письменным столом. Дверь распахнулась, и поэт, в самом разъяренном состоянии, вошел в комнату:

— Итак, вы тот нечестивец, который осмелился написать обо мне такую гнусную рецензию! Наконец-то я вас нашел! Не отпирайтесь! Я знаю, вы тот самый, который собирался уничтожить меня. Теперь очередь за мной! Убирайся, час твой пробил!

— Как, что такое, неужели вы хотите меня убить?

— Да, именно! Но я хочу не просто убить вас, нет, я хочу медленно замучить вас до смерти, как вы терзали меня!

— На помощь, на помощь, спасите!

— Ваши мольбы тщетны. Мы одни. Дверь закрыта. Подлец, пришла твоя последняя минута!

Правой рукой хрупкий Гейне прижал длинного Руссо к креслу, левой он мгновенно раскрыл стеклянную дверцу книжного шкафа, вытащил оттуда заранее приготовленную «Уранию» Тидге и начал нуднейшим голосом читать, читать, читать... Некоторое время рецензент мужественно терпел, затем ему сделалось дурно, он начал метаться и извиваться, упал на колени, униженно молил о пощаде, просил дать ему только один час, одну лишь минуту, чтобы прийти в себя. Тщетно! Поэт был неумолим и читал, и читал. Рецензент постепенно затих, вздрогнул несколько раз, и наконец —

Туманно утро было —
Мертв он там сидел,
Бледен ликом и уныло
В книгу все глядел.

— Я его зачитал до смерти! — воскликнул торжествующий Гейне. — Такая же участь должна постигнуть всех рецензентов.

Когда я несколько дней спустя навестил Гейне в гостинице «Лебедь», я застал у него еще одну знаменитость по части остроумия и причуд. Это был Сафир, который за несколько дней перед тем повстречался мне на бульваре и, когда я спросил его, как ему нравятся наши парки,

ответил следующим образом, весьма лестным для франкфуртца: «Круги, которые совершаешь вокруг города, во всяком случае приятнее тех кругов, с которыми общаешься в городе». И все-таки остроумие Сафира было, в общем, более безобидным, чем остроумие Гейне. Оно сводилось по преимуществу к игре слов и каламбурам, в то время как остроты Гейне были направлены в большей мере на личности, отношения и обстоятельства, и хотя они, в сравнении с бьющими непрерывным ключом остротами Сафира, звучали реже, но были зато более едкими, резкими и обидными.

Добиться взаимопонимания с Гейне по политическим вопросам дня было в это бурное время совершенно невозможно. Он был более кровожадным, чем все республиканцы вместе взятые, и особое отвращение вызывала в нем господствующая *juste milieu*.¹

— Подумайте только, как много сохранено и спасено благодаря этой системе, — сказал я. — Какие потоки крови пролились бы, если бы конституционный принцип вновь вынужден был уступить демократическому абсолютизму, новому Конвенту!

— Боже мой, да пусть ее льется!

Я озадаченно взглянул на новоявленного Барнава. Мне вспомнились слова старого Барнава: «*Le sang qui coule, est-il donc si pur?*»² Право же, я хирург и за свою жизнь повидал, конечно, уж больше крови, чем все эти господа от литературы. Быть может, поэтому я и не так расточителен по отношению к этому «совсем особому соку», как эти герои бунта со своим универсальным антифлогозом.

35. ЛЮДВИГ БЕРНЕ

[26 сентября 1831 г.]

Вчера утром приходит ко мне некий молодой человек, весело врывается в комнату, смеется, протягивает мне обе руки, а я его не знаю. Это был Гейне, о котором я весь день думал! Он должен был еще неделю назад вернуться

¹ Золотая середина (*франц.*).

² Разве кровь, которая льется, так чиста? (*франц.*).

из Булони, однако «я там заболел, влюбился в одну англичанку» и т. п. Не следует поддаваться первому впечатлению, но с вами мне нет необходимости остерегаться, это останется между нами, и если я перемену свое мнение, я вам скажу об этом. Гейне мне не нравится. Поверите ли, на протяжении четверти часа, пока я с ним разговаривал, какой-то внутренний голос нашептывал мне: «Он как Роберт, у него нет души». А ведь как далеки они друг от друга, Роберт и Гейне! Я сам толком не знаю, что понимать под *душой*; но это нечто, чем обладают люди обыкновенные и не обладают самые выдающиеся, что часто есть у злых и отсутствует у добрых, что нередко встречается у ограниченных и не встречается у разумных... Я и мне подобные зачастую нарочито шутим, когда настроены очень серьезно; но гейневская серьезность всегда кажется мне нарочитой. Для него нет ничего святого, он любит не истину, а лишь ее красоту, у него нет веры [...]

Здесь я от многих слышал, что Гейне, по-видимому, любит напускать на себя меланхолию, которая ему совершенно не свойственна, и что он бесконечно тщеславен. Я говорил с ним насчет совместного издания журнала, но этим он заниматься не желает. Его осеняют великолепные идеи, но он любит их повторять и сам над собой смеется.

Вчера мы обедали в обществе Листа. Вот бы вы при этом были! Мы с Гейне острили напрадую, а как хохотал Лист, который всякий раз заталкивал в рот по меньшей мере полфунта говядины! Право, я боялся, что он подавится. Гейне сказал, что я виноват в том, что его повсюду принимают за дурачка: когда он приводит остроты из моих произведений, то при этом так хохочет, что его считают сумасшедшим[...]

Впрочем, в том, что я черню в ваших глазах Гейне, кроется маленькое коварство. Я лишь теперь заметил то, на что при нашей первой встрече не обратил внимания, а именно: он красивый мужчина, такие лица нравятся женщинам. Но, поверьте мне, за этим лицом ничего нет, совсем ничего, я-то в этом разбираюсь. Он говорил мне также, что Кампе — большой негодяй и что он, Гейне, не получает от него денег[...]

Гейне сказал мне, что хочет заниматься искусством и написал большую работу о последней художественной выставке[...]. Странно — вчера вечером у Валантен я

слышал насмешки над ним, и вот по какому поводу: Гейне часто и слишком много говорит о своих работах. Как, однако, различны натуры! Когда я над чем-нибудь работаю, для меня немислимо посвятить кого-либо, кроме вас, в свою тайну, — меня удерживает от этого чувство какой-то стыдливости.

36. ЛЮДВИГ БЕРНЕ

[3 октября 1831 г.]

Сегодня утром у меня был Гейне. Он осведомился о вас и заявил, что вы прелестная женщина. Удивительно складываются мои отношения с Гейне. Первое впечатление, которое он на меня произвел, все более укрепляется. Я нахожу его бессердечным, а речи его даже неумными. Кажется, ум у него только в пальцах, держащих перо. Он сам не произносит ни одного разумного слова и не умеет вытянуть ни одного разумного слова из меня. Он рисуется ненавистью и презрением к людям. К публичной критике своих сочинений он очень чувствителен. Он сам говорил мне, что охотнее всего общается с незначительными людьми. Он очень раздражителен и угрюм. Я ясно видел, что у него не хватает со мной терпения и ему хочется поскорее уйти. Я тоже был рад, когда он ушел, потому что и мне было с ним скучно.

37. КАРЛ ГУЦКОВ

[1832/33 гг.]

Гейне, который был моложе, хуже владел своими страстями и, придавая большое значение внешнему успеху у публики, вряд ли мог остаться совершенно равнодушным к той сенсации, которую вызвали «Парижские письма». В то время немцы, проживавшие в Париже, были, помимо всего прочего, охвачены лихорадкой создания союзов. Многочисленные немецкие ремесленники, приказчики, ученые, жившие в Париже, стремились с помощью адресов и публичных заявлений поддержать своих соотечественников по ту сторону Рейна; они назначали собрания и давали тем, кто на них не являлся, клички, которые бы-

стро изобретаются подозрительными противниками во времена политического возбуждения. Гейне, до сих пор сталкивавшийся лишь с маленькими литературными союзами, испытывал страх перед этим массовым братанием и был крайне обеспокоен демократическими требованиями, которые предъявлялись непосредственно ему, как певцу свободы. Он помнил с юности, когда был коммерсантом, что пужно всячески избегать где бы то ни было оставлять свою подпись. Теперь же приходилось чуть не каждый день с помощью адреса свергать с престола какого-нибудь государя или посредством подписных листов добиваться сотен тысяч мелких политических целей. Не выпускать из рук перо, повсюду ставить свою подпись — все это было ему, разумеется, в высшей степени неприятно[...] Особенно злило Гейне, что болезненный Берне разыгрывал из себя этакое пожирателя королей, что он принимал всерьез всю эту историю с революцией, которая выглядела красиво лишь в печатном виде, в предисловиях, помеченных «Париж, в день Бастилии», и что он ставил свою подпись под любой нелепостью, кто бы ее ни выдумал. Берне и Гейне обедали в одном трактире, где часто бывали многие немецкие ремесленники. Между супом и вторым на стол, как правило, опускался грязный подписной лист. Гейне был в отчаянии. Он ждал удобного случая излить свой гнев, и такой случай наконец представился: однажды оказалось, что листы, помимо всего прочего, выступают также против папы и его политики в Романье.

— Какое им дело до папы! — заявил он с раздражением и больше уже не подписывался. Нельзя не признать, что поведение Гейне в данном случае свидетельствовало о его большом уме. Ему бы только следовало при этом вовсе отказаться от общения со столь разгоряченными умами и не гнаться за популярностью среди ремесленников.

38. ФИЛАРЕТ ШАЛЬ

[Конец июля 1833 г.]

Это было в одну из годовщин Июльской революции; солнце не настроилось на праздничный лад, проливной дождь мощными струями бился об окна, зонты плыли

против ветра, и лошади, выведенные из терпения тяжелыми каплями, которые впивались в них, как стрелы, стремительно рвали поводья... Я приближался к Королевскому мосту и по дороге видел то угрюмое лицо, то чьи-либо ноги, которые внезапно налетевшая буря сбила с пути. Напротив павильона Марсан мне бросился в глаза белокурый человек небольшого роста, который, облокотившись на парапет набережной и придерживая одной рукой насквозь промокшую шляпу, разглядывал прохожих и смотрел на непогоду. Туча раздвинулась, солнечный луч упал на его волнистые волосы и осветил чрезвычайно своеобразные черты лица. Я внимательно рассматривал этого человека: у него была внешность, какой не встретишь ни у светского человека, ни у наездника, ни у фланера, ни у ремесленника, ни у зеваки, ни у коммерсанта. Когда солнце вновь полностью вступило в свои права, человек невозмутимо засунул руки в карманы и продолжал заниматься своим делом — он созерцал прохожих. Я последовал его примеру, медленно прошел мимо него, затем повернул назад, наблюдая за наблюдателем. Меня чрезвычайно поразили весь его облик, — этот человек казался мне загадкой, решение которой я должен был найти... С симпатией и грустью останавливался его взгляд на проходивших мимо детей, на молодых женщинах, которые боролись с запоздалыми порывами бури и радовались возвращавшемуся солнцу, на чистильщиках сапог, которые вновь усаживались на свои места и громко зазывали клиентов. Во всем существе этого человека было что-то столь беспечное и тоскующее, взгляд его был так пристален и вместе с тем так подвижен, любопытство его было таким совершенно не французским, таким по-немецки мечтательным, чувствительность, написанная на его лице, так странно сочталась с меланхолией, что он не выходил у меня из головы, даже когда я давно потерял его из виду. Разве не все необыкновенные люди были наблюдателями на рыночных площадях и на улицах?.. Познание людей, это великое искусство, приобретает только на улице... С тех пор я его встречал снова, моего немецкого наблюдателя, я видел его сверкающим, подобно звезде первой величины, вызывающим восхищение, ненависть, окруженным ревностными искателями и подражателями. Это был Генрих Гейне.

39. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

[1833—1834 гг.]

Подобно тому как во Франции XVIII века, в Германии XIX столетия философская революция служила введением к политическому перевороту. Но как непохожи одна на другую эти философские революции! Французы ведут открытую войну со всей официальной наукой, с церковью, часто даже с государством; их сочинения печатаются по ту сторону границы, в Голландии или в Англии, а сами они нередко переселяются в Бастилию. Напротив, немцы — профессора, государством назначенные наставники юношества; их сочинения — одобренные начальством руководства, а система Гегеля, — венец всего философского развития, — как бы возводится даже в чин королевско-прусской государственной философии. И за этими профессорами, в их педантически-темных словах, в их неуклюжих, скучных периодах скрывалась революция?! Да разве люди, считавшиеся тогда представителями революции, — либералы, — не были самыми рьяными противниками этой философии, наполнявшей туманом человеческие головы? Однако то, чего не замечали ни правительство, ни либералы, видел уже в 1833 г., по крайней мере, один человек; правда, он назывался Генрих Гейнс.¹

40. ЛЮДВИГ БЕХШТЕЙН

[Конец марта 1835 г.]

Как раз в тот момент, когда я собирался выйти из комнаты, к нам подошел человек моих лет, среднего роста, блондин, со свежим цветом лица и чрезвычайно просто одетый, которого мой друг и спутник представил мне как г-на Генриха Гейне. Я был рад познакомиться с Гейне; его личность располагает к себе, а по-немецки серьезное выражение лица ему идет. Мы говорили о Германии. Я спросил, не хочет ли он вернуться на родину. Он грустно улыбнулся и ответил:

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 635.

— Едва ли. Я Тангейзер, который пленен в горе Веперы; волшебница не отпускает меня.

— Разумеется, — возразил я, — и немецкий папа никогда не даст вам прощения.

Гейне обладает глубокой душой, и ему не безразлично, ненавидят ли его в Германии или любят.

41. КАРОЛИНА ЖОБЕР

[Лето 1835 г.]

В загородном доме в Марли [...] жила княгиня Бельджойозо, у которой мы часто встречались. Генрих Гейне восхищался ее своеобразной и в то же время классической красотой, ее живым и глубоким, страстным и острым умом. Эта богатая натура с резкими контрастами привлекала к себе внимание наблюдателя. Княгиня легко увлекалась, но была вместе с тем достаточно осмотрительна, чтобы с полпути повернуть обратно, — так она поступала часто. Немецкий поэт позволил себе несколько раз пошутить по этому поводу, назвав взгляды прекрасной миланки бессодержательным пустословием. Однако брошенное ему в ответ беспощадное замечание быстро отрезвило его от подобной дерзости. Впоследствии он предпочитал вступать в дискуссии или спориться с теми, кого случай поочередно приводил в общество княгини Бельджойозо, — с писателями, учеными или философами. К числу последних принадлежал Виктор Кузен, по отношению к которому Генрих Гейне был настроен в то время весьма враждебно. Он считал его лжеученым, который рядится в перья всех немецких философов, и непрерывно давал ему это почувствовать. Когда Кузен, увлеченный беседой, начинал систематически излагать свои идеи, Гейне прерывал его:

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать; это теория Фихте, которая позднее была развита Шеллингом.

И он начинал спор, как бы лично обращаясь к тем философам, которых он назвал. После того как Виктор Кузена прерывали столь неприятным образом, его воодушевление гасло. Он отступал, ибо этому философскому кулачному бою предпочитал восхищенно внимающую аудиторию, к которой привык.

Когда поэт оказывался хозяином положения, его германский характер обнаруживался в том упорстве, с каким он продолжал свои нападки. В беседе его ум, который за свойственную ему резкость, остроумие и лукавство так часто по праву сравнивают с умом Вольтера, не всегда отличался истинно французской легкостью. Он не умел прекратить обсуждение какой-либо темы, но все снова и снова к ней возвращался. Так, чтобы возобновить атаку на Кузена, он вдруг начал сравнивать его с г-ном Минье, противопоставляя плагиатам первого, о которых он весьма занимательно рассказал, подлинный талант замечательного историографа, его честность, добросовестность, правдивость:

— Минье никогда не замалчивает источников, из которых черпает! Это мне нравится! Вот настоящий писатель — правдивый, честный и сдержанный, прекрасная душа!

После этой искренней похвалы он вновь с обычной насмешливостью сказал:

— Да, я говорю — прекрасная душа! Душа, обладающая той своеобразной красотой, которая сразу же становится понятной женщинам, ибо она проявляется в правильности черт лица; она, так сказать, бросается людям в глаза, она говорит на всех языках, это — космополитическая душа!

42. ФРАНЦ ГРИЛЬПАРЦЕР

[Апрель — май 1836 г.]

В Париже наибольший интерес во мне вызывали два моих немецких соотечественника: Бернс и Гейне. С первым я почти подружился[...]

Гейне я застал цветуще здоровым, но, казалось, в весьма стесненном материальном положении. Он занимал на Cité Bergère две маленькие комнаты, в первой из которых две женщины хлопотали над кроватями и подушками. Вторая, еще меньшая комната, рабочий кабинет Гейне, благодаря скудности мебелировки имела вид почти просторной или, может быть, нежилой. Вся его паличная библиотека состояла из одной книги, которую, по его

словам, он у кого-то взял почитать. Он принял меня сначала за писателя Кюстина — кажется, я на него похож. Когда я назвал свое имя, он выразил большую радость и наговорил мне много лестных вещей, которые он, вероятно, сразу же забыл. Но тогда, в час нашей встречи, мы отлично побеседовали. На моей памяти едва ли кто-нибудь из немецких литераторов говорил разумнее. Однако у него было то общее с Берне и даже с самыми разумными немцами, что, при всем неодобрении отдельных частей, он испытывал большое уважение к немецкой литературе в целом, ставя ее выше всех других[...]

Насколько Гейне пришелся мне по душе во время разговора с глазу на глаз, настолько же он не понравился мне, когда несколько дней спустя мы с ним встретились на обеде у Ротшильда. Было ясно видно, что хозяева побаиваются Гейне, и он злоупотреблял этой боязнью, пользуясь каждой возможностью, чтобы тайком насмеяться над ними.

43. АНОНИМ

[1836 г.]

— Господин доктор, — обратился однажды за столом к поэту Ротшильд, — вы ведь ученый, скажите мне, почему это вино называется *Lacrimae Christi*.¹

— А вы переведите! — отвечал Гейне. — Христос плачет, когда богатые евреи пьют такое вино, в то время как столько бедняков страдают от голода и жажды.

Ротшильд жил в том новом дворце на *rue Laffitte*, построенном целиком в стиле ренессанс, на украшение которого он истратил миллионы. Ему казалось очень остроумным спрашивать у каждого посетителя: «*Comment trouvez-vous mon chenil?*»²

— Знаете ли вы, что «*chenil*» означает «собачья конура»? — шепнул ему на ухо Гейне.

— Ну и что же? — спросил Ротшильд.

— А то, что вы — обитатель этой «*chenil*». Если уж вы так плохо о себе думаете, то по крайней мере молчите об этом.

¹ Слезы Христовы (*лат.*).

² Как вам нравится моя конура? (*франц.*).

44. АНОНИМ

[1837 г.]

В 1837 году я в течение длительного времени общался с поэтом в Париже. С тех пор до сегодняшнего дня прошло немало времени. Но и в воспоминании его личность кажется мне не менее обаятельной, а его взаимоотношения с людьми (в том числе и те, которые ему, как всякому немцу, в течение многих лет навязывала парижская жизнь) не менее достойными, нежели в то время, когда его постоянная благосклонность ко мне, быть может, подкупала меня в его пользу. При первой встрече его личность не производит сильного впечатления; он подходит к каждому без всяких претензий, и среди утонченных светских людей он отличается как внешностью, так и поведением — он всегда остается добрым немцем, который повсюду держится с должным приличием. В ходе разговора этот слегка приземистый человек, предрасположенный к полноте и моложавый, заметно оживляется; то и дело вспыхивают остроты, напоминая собеседнику о балагурищем, хорошо знакомом авторе «Путевых картин»; тогда этот флегматик с его вялой походкой становится более подвижным, его маленькие глаза загораются, в них появляется плутовское выражение, углы рта подергиваются ядовитой усмешкой. Но остроты появляются сами собой, они вовсе не притянуты за волосы, они кажутся давно заготовленными, однако предмет разговора указывает, что они — результат импровизации; при этом они не похожи ни на что доселе известное. Гейне владеет французским секретом мило болтать (*causer*) как о самых известных, так и о самых последних событиях, не утомляя слушателя, — стоит только проникнуться настроением поэта и увлечься вместе с ним. Гейне отдает себя без оглядки тому, кого он со своим тонким чутьем признал за хорошего, сочувствующего ему, я бы сказал — по-детски простосердечного человека; ничего не оставляет он тогда для самого себя; он искренне делится всем, на что надеется и что чувствует, что делает или хочет делать. В этом сказывается его немецкая, идиллическая, истинно поэтическая рейнская натура, ибо Рейном и его идиллической природой навеяны его поэтические сновидения, мелодии его души, его любовные песни и сказки, своеоб-

разие и музыкальность его языка. Его сердце все это почувствовало и чувствует каждый раз заново. Этой стороной его природы некоторые часто злоупотребляли [...]

Нередко приходилось мне слышать, как он читал свои стихи. Говорить о его исполнении, что оно было продуманно и отвечало всем правилам искусства, не приходится, как не скажешь этого об исполнении и многих других поэтов. Во время чтения он всецело отдает себя во власть обеих своих натур, он заставляет свой голос подниматься и понижаться по мере прилива и отлива своих чувств[...]

У меня никогда не возникала необходимость обращаться к нему за поддержкой, но я точно знаю, что он постоянно помогал, где только мог, и что он оказал подлинное содействие в устройстве жизненной судьбы многих соотечественников на чужбине[...] Несмотря на свои часто значительные средства, он никогда не был хорошим хозяином; в нем нельзя обнаружить никаких черт коммерсанта.

45. ЛЮДВИГ ВИЛЬ

[Октябрь 1837 г.]

В назначенный час мы встретились снова. Разговор возобновился с того места, на котором он был прерван накануне. Гейне оказался менее осведомленным в литературных делах, чем я ожидал. Его суждения об отдельных молодых писателях основывались не столько на тщательном изучении их заслуг, сколько на том, что по нескольким страницам он старался определить тенденции их творчества и их стилистическое мастерство.

Раньше, живя в Париже, было не так-то легко находиться в курсе современной литературы[...] Гейне тем охотнее выслушивал мои сообщения о новой литературе, что во Франкфурте-на-Майне я с самого ее зарождения был свидетелем ее радостей и горестей, что я не был ни холоден к ее достоинствам, ни слеп к ее недостаткам, что я лично знал некоторых ее представителей, а с несколькими из них сохранил дружеские отношения. Материала для разговоров на эту тему хватило надолго, и он еще пополнился литературными газетами[...] Имена лучших

писателей нового направления, с трудом выговариваемые французами, повторялись так часто, что мадам Гейне стала произносить их не менее свободно, чем имена Левальда и Детмольда, которых она знала лично. Я подчеркиваю слова: «знала лично», так как Гейне, наученный опытом, принимал у себя лишь немногих. Ему часто, слишком часто приходилось дорого платить за гостеприимство. С тех пор как появился целый разряд писателей, которых можно было бы назвать *auteurs voyageurs*¹ и которые бродят вокруг знаменитых людей, стремясь в картинах, эскизах и т. п. изобразить мебель, костюм, нос и прочие предметы, касающиеся лишь их владельца, и в первую очередь нарисовать его супругу, следует усиленно порекомендовать знаменитостям как можно крепче запираить свой дом. В частности, Гейне испытывает сильный страх перед своими странствующими соотечественниками. Поэтому он открывает доступ в свой дом лишь тем, кому доверяет, и изображение этого дома, которое дано в статье г-на Бойрмана, написанной в недружелюбном тоне, ему значительно более неприятно, чем самый способ, каким его отблагодарил г-н Бойрман за оказанный ему прием. Гейне придумал, как он мне сказал, довольно верное средство узнавать по докладам портье, происходит ли посетитель от Германа и Туснельды или он француз. Средство это весьма занято, однако скромность не позволяет мне открыть его.

Как я был поражен, когда увидел, насколько все просто в доме Гейне! Я вспомнил известное описание Левальда. Я представлял себе богато разукрашенный парижский салон с мебелью в стиле ренессанс. В моем воображении вставали высокие, широкие зеркала, как в новом «*Café de la Banque*»,² голубые шелковые диваны у стен, обитых многоцветными тканями, и на самом большом и самом мягком из них — дама, одетая по последней моде. Ничего похожего! Я понял, что ошибался, и Гейне, заметив мое удивление, с этого начал разговор. Если многочисленным противникам Гейне контраст между описанием Левальда и действительностью давал повод к издевательствам и насмешкам во многих корреспонденциях, если они рисовали

¹ Странствующими авторами (*франц.*).

² «Кафе Банк» (*франц.*).

истинную картину кистью Бамбоччо, а не Карло Дольчи, то меня чрезвычайно удручало то обстоятельство, что замечательный поэт Гейне, изгнанник своего отечества, увенчанный громкой славой, вынужден жить в столь убогой, не подобающей ему обстановке. Самые ничтожные фельетонисты Парижа живут более обеспеченно и комфортабельно, не говоря уже о писателях первого и второго ранга. Поэтому не удивляйтесь, если вам скажут, что Гейне в какой-то мере интересуется своей славой, что у Галиньяни, Бера и Эттингхаузена и везде, где бы ни оказывались газеты, он перелистывает их и, получив счет, покидает заведение, радостный или огорченный. Что еще ему остается от всего того прекрасного, что он создал, если не блеск славы, сознание, что он будет оценен потомками!

46. АНОНИМ

[1837—1838 гг.]

Нигде так не приятно беседовать, как в салоне Виньи, ибо там каждому предоставляется полнейшая свобода высказываться, развивать по собственному усмотрению свои взгляды и демонстрировать свою оригинальность. Стоит взглянуть лишь на Генриха Гейне. Нигде, даже у Тьера, «своего маленького друга», как он его называет, он не может с таким остроумием и вместе с тем с такой бесцеремонностью, засунув, по своей немецкой манере, обе руки в карманы, читать лекции и высказывать свои взгляды по поводу философии Спинозы, в то время как Бюше, добрый, правоверный католик, стремится объяснить ему, с какой точки зрения следует изучать историю Моисея и Христа, а также все социальные и политические перевороты. А среди группы слушателей присутствуют камергеры самодержца всея Руси.

47. ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

[1837 и последующие годы.]

Я часто встречал Гейне в лучшие его времена, он был красив, как бог, зол, как дьявол, и при этом добродушен, что бы по этому поводу ни говорили. Меня не заботило,

относится ли он ко мне как к другу или последователю, — лишь бы я мог слушать его блестящую беседу, ибо он расточал деньги и здоровье, но в еще большей мере — свой ум. Он очень хорошо говорил по-французски, но иногда, шутки ради, начинал произносить свои сарказмы с подчеркнута немецким акцентом, и этот акцент, если бы захотели его имитировать, привел бы к тем забавным звукоподражательным формам, которыми Бальзак в своей «Человеческой комедии» заставляет столь причудливо изъясняться барона де Нусингена. Это производило неотразимо комичное впечатление, — казалось, в Гейне одновременно воплотились Аристофан и Эйленшпигель.

48. ФЕРДИНАНД ГАЛЛЬ

[Начало зимы 1837 г.?)

Когда я знакомился с ним, Гейне отнесся ко мне чрезвычайно холодно, с каким-то даже ледяным безразличием. Лишь после того как я передал ему привет от одного близкого друга его юности и с нарочитой обстоятельностью ответил на вопросы, касавшиеся этого друга, к нему вернулась приветливость, которая, по-видимому, свойственна его натуре. Однако наш первый разговор был вскоре прерван и, хотя мы часто встречались в этом салоне, больше уже не возобновлялся. С моей стороны причина была такая: от близких знакомых Гейне я узнал, что он питает большое недоверие (и при этом с полным основанием) ко всем недостаточно хорошо ему известным соотечественникам. Дело в том, что в то время, когда Гейне покинул отечество и избрал местом своего пребывания Париж, во времена, когда так часто самые незначительные факты, будучи раздутыми, приобретали опасный характер, Гейне даже в Париже был окружен платными шпионами; они втирались к нему в доверие, выпытывали его взгляды и доносили о них. Таким образом, многие мысли, достоверно высказанные Гейне по секрету своим землякам, были использованы для того, чтобы возбудить к нему подозрение в глазах французского правительства. Узнав о подобных вещах, я, разумеется, не могу осуждать его за то, что он относится сдержанно и холодно к незнакомцам, и в особенности — к немцам.

Все выдающиеся французы считают здесь Гейне представителем (почти единственным) немецкого духа. На меня он произвел впечатление не поверженного бога и не бедного Иова, а скорее всего — веселого, славного немецкого поэта, который обладает двумя свойствами, необходимыми для гения: добрым сердцем и злым умом. Я ожидал найти в Гейне Мефистофеля, а обнаружил в нем лишь немецкого Фауста, с той разницей, что у его Гретхен черные волосы и что она отнюдь не пытается обратить его в истинную веру (как это, пожалуй, делают его немецкие друзья) [...] Когда я в обществе людей искусства рассказывал, что некоторые немецкие газеты толковали о гейневском кошельке или о его коврах, то один из присутствующих — это был Александр Дюма — заметил: «*Ça prouve que vos hommes de lettre sont encore plus misérables que votre presse. Si l'Allemagne ne veut pas de Heine, — добавил он, — nous l'adoptons volontiers, mais malheureusement Heine aime plus l'Allemagne qu'elle ne mérite!*»¹ Жюль Жанен тоже говорит мне, что Гейне очень умно защищает Германию. Из этого видно, что нельзя судить о Гейне-парижанине, пользуясь тем масштабом, который применяли к нему некоторые немцы, посещавшие здешние читальные залы, а пужно побывать в более высоких кругах, чтобы иметь возможность тайком понаблюдать за ним. Ибо Гейне настолько сатиричен, что он редко покажет себя в истинном свете какому-нибудь немцу, которого не слишком высоко ценит, — как известно, он получил уже от своих соотечественников много неприятных сюрпризов. Существует единственное средство избавиться от назойливого человека: нужно дать ему взаймы денег, и это средство Гейне с успехом применил к г-ну В[илью].

Впервые я встретился с Гейне у Мейербера, на обеде, где присутствовал также Жюль Жанен. Гейне только тогда Гейне, когда он улыбается, — все его стихи возникают в уголках его рта, но Гейне улыбается не одним только

¹ Это доказывает, что ваши литераторы еще более ничтожны, чем ваша пресса. Если Германия не желает знать Гейне, то мы охотно его усыповим. Но, к несчастью, Гейне любит Германию больше, чем она того заслуживает! (франц.)

ртом, но и глазами, я это сразу заметил и сожалею лишь, что я не художник. Гейне пригласил меня часто навещать его; в то же время он заметил, улыбаясь, что его портьеры в стирке и что он забыл сказать об этом Бойрману. С любовью говорил он о Мундте, Лаубе, Винбарге и прочих своих друзьях. Среди новейших поэтов он часто упоминал Анастасиуса Грюна; к моему удивлению, он очень хвалил Платена и признался мне, что поступил с ним несправедливо.

— Это было связано с партийными интересами, — сказал он, — а противник был серьезный.

Гейне мало обращает внимания на личные нападки, и он прав. Я здесь сознательно касаюсь самых последних конфликтов, ибо знаком с г-ном В[илем].

— Я не настолько глуп, — сказал Гейне, — чтобы отвечать; в мое намерение входило лишь показать, что я не принадлежу ни к одной из литературных шаек.

Впрочем, он очень доброжелательно отзывался о Гуцкове и привел во время разговора одну очень удачную его остроту по поводу «Фауста» Ленау. Г-на В[иля] Гейне охарактеризовал неподражаемо. Однажды мы в компании смеялись по поводу многочисленных мистификаций, возникших в связи с тем представлением, которое В[иль] составил о самом себе как о поэте. Для меня это было не ново; подобные истории мне известны еще с франкфуртских времен. В заключение Гейне сказал:

— В[иль] — сумасшедший, но у него бывают минуты просветления, когда он просто глуп!

Лучше и вернее его охарактеризовать нельзя[...] Многие произведения Гейне уже на бумаге, но многие у него еще только в голове. Когда живешь здесь, у очага истории, как говорит Кюне, расширяются представления и идеи, немецкая общественная жизнь кажется карликом в сравнении с французской, и мне бы хотелось посмотреть на немецкого литератора, который, живя так давно в Париже и пользуясь таким признанием, пожелал бы вернуться в Германию, чтобы остаться там навсегда.

50. ГЕНРИХ ЛАУБЕ

[1836—1839 гг.]

Мысль о власти нового Наполеона во Франции считалась чуждой фантазией. Генрих Гейне был в то время

единственным человеком, которому хотелось верить в воскресение Наполеонидов. «Поэт! И не лишенный манерности!» — так восклицали обычно при упоминании его стихотворений, посвященных Наполеону[...]

Я еще не был знаком с Гейне лично. Лишь три года спустя я разговаривал с ним впервые и был немало поражен, когда услышал, что он в этом вопросе высказывает значительно более серьезные и трезвые взгляды, чем в других политических вопросах.

— Поезжай-ка в провинцию и побеседуй с крестьянами, — воскликнул он, — и больше не будешь смеяться над моими грезами. Я грежу с открытыми глазами, а глаза видят. Не хватает лишь фанфар. Как только прозвучат фанфары, это будет сигналом к воскресению, и остатки великой армии вместе со всей ее родней встанут и воскликнут: «Vive l'empereur!»¹ Это будут миллионы, а от массы зависит все. Массам требуется общее и понятное знамя. А ведь только наполеоновское знамя всем доступно. Для крестьянина нюансы хартии — это хитроумная чушь; он верит лишь в то, что испытал на собственном опыте, ему нужен видимый бог.

51. ГЕНРИХ ЛАУБЕ

[Декабрь 1839 г.]

Перед ним [Гейне] раскрывались все двери, я бы сказал — все объятия; он был полностью и без всяких оговорок принят в блестящую семью французских знаменитостей, — а ведь обычно они держатся с иностранцами с такой холодной учтивостью! И не просто потому, что они боялись его и его ума, хоть и это было немаловажным фактором, о нет, — в признании литературного величия у французов господствует гораздо более глубокий консерватизм, нежели у нас. Тому, кто однажды обогатил литературу каким-либо выдающимся произведением, критика больше не перегрызает корни, хотя и может сорвать с него еще много листьев, что, однако, тоже не просто. Там уважают себя и свою нацию и искренне чтят все то, что когда-либо способство-

---

¹ Да здравствует император! (франц.)

вало возвеличению нации. Именно так относились Жорж Санд, Гюго, Ламартин, Тьер, Минье, Бальзак, Дюма и все прочие к немецкому автору Гейне, произведения которого они знали лишь по некоторым отрывкам; по кот-тям они узнали льва, и для них всегда было несомненно, что он представляет собой духовную силу первой величины и что в качестве таковой он требует к себе соответствующего отношения и уважения. Я умалчиваю о том, что многие, и в том числе Жорж Санд, питали к его уму искреннюю любовь; я лишь мельком упоминаю о том, как его воспринимали в этом чужом мире, ибо я вспоминаю[...] те сцены, когда именно Гейне оружием ума, которое убедительнее всякого грозного оружия, демонстрировал среди одареннейших французов неотразимую силу нашего отечества. Могло ли для немца быть что-нибудь отраднее, чем участие в сражениях, в которых французы всегда одерживают победу благодаря своему дару речи и esprit¹ и в которых чистокровный немец начинал вдруг направо и налево крушить их сторожевые посты и один, совсем один, постепенно привлекал на себя весь огонь противника, наносил удары, уколы, стрелял, мало того — грозил разгромом и — как часто! — полностью выбивал врага с поля битвы? Да, он часто позволял себе на немецком языке горько насмеяться над косою немецкого филистера, толстой, тугой и длинной, и в то же время именно он выступал поборником немецкой науки, искусства и морали, — он, бесстрашный гладиатор, защищал их от каждой вызывающей усмешки французов, защищал как дело собственной жизни, защищал с тем сверкающим умом, который был свойствен лишь ему одному и в отношении которого даже эти талантливые французы вынуждены были признать за ним своеобразное превосходство. Быть может, никогда еще никто не защищал немецкие интересы столь необычно и столь победоносно, как это делал Гейне в подобных боях; я говорю: «столь необычно», потому что французы и по сей день не знают, насколько глубоко национальным был гений, бушевавший в этом человеке, которого они так охотно выдавали за усыновленного француза. Более проникательные, пожалуй, признавали, что этот гений — не просто усвоенный

---

¹ Остроумию (*франц.*).

французский *esprit*,¹ а скорее сочетание таких свойств, которые нельзя обнаружить только у одной или только у другой нации, и Гейне сам, хотя он обычно и был отменно учтив, не оставлял у них в подобных случаях ни малейшего сомнения в том, что он не француз, а в конечном счете — настоящий немец[...]

Быть посредником в литературных делах между Германией и французами стало для него излюбленным делом с тех пор, как перевод его стихотворений встретил в Париже такой неожиданно благоприятный прием.

В самом деле, было удивительно, какое почетное положение занял он благодаря этому среди французских писателей. Их в высшей степени привлекала остроумно-поэтическая прелесть его стиля. Они высоко уважали его, они даже боялись его, как боялись всякого, кто может благодаря своему уму выставить их в смешном виде.

Я имел возможность наблюдать это, ибо в ту зиму он был одержим настоящей страстью знакомить меня со всеми литературными знаменитостями. Все, даже обычно самые неприступные, двери раскрывались перед ним, и Жорж Санд, Бальзак, де Виньи, Виктор Гюго, Жансен и все прочие обращались с ним как с равным.

52. ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ

[1840 г.?)

С Генрихом Гейне меня познакомили веселые нравы общества; его остроумие и насмешливость сделали его для меня светской потребностью; даже его эгоизм нравился мне, хотя это и может показаться странным. Я человек с двумя натурами: у одной из них — мечтательное, чувствительное сердце; другая любит корчить миру самые веселые рожи... Смеяться и издеваться вместе с Генрихом Гейне, проводить многие часы в его остроумном обществе — это одурманивало меня и помогало отеснять от глаз пенящийся поток чувств, когда он грозил перелиться через край... Сначала мое общение с Гейне своди-

---

¹ Здесь: дух (*франц.*).

лось лишь к светской беседе, но затем я глубже заглянул в его характер; вскоре я увидел, что поэт грезил, в то время как человек произносил свои остроты; прелесть гейневского юмора состояла не в том, что его остроты должны были нравиться лишь другим; для него было значительно важнее поддерживать самого себя, и при этом двояким образом: мечтою своего сердца и словом своего ума. То, что я лишь подозревал, подтвердил мне позднее сам поэт, когда и он узнал меня ближе. Мы оба страдали одним недугом! Мы оба старались убить своею песней безнадежность юношеской любви, и мы все еще поем, но она не умирает!

53. КАРЛ МАРКС

[1843—1848 гг.]

У меня имеются теперь три тома Гейне. Между прочим, он рассказывает подробно выдумку о том, как я и другие приходили утешать его, когда «Аугсбургская всеобщая газета» «напала» на него за получение денег от Луи-Филиппа. Добрый Гейне нарочно забывает, что мое вмешательство в его пользу относится к концу 1843 года и, следовательно, не могло иметь ничего общего с фактами, ставшими известными *после* февральской революции 1848 года. *But let it pass.*¹ Мучимый нечистой совестью, — ведь у старой собаки чудовищная память на всякие такие гадости, — он старается льстить.²

54. ФРИДРИХ ГЕББЕЛЬ

[14 октября 1843 г.]

Гейне был у меня и говорил о «Юдифи». Он прочел ее, по его словам, за один присест, и она произвела на него глубокое впечатление. Мнение о всей вещи в целом у него еще не сложилось, но относительно частных многое ему ясно. Он считает удивительным, что в наше время можно было написать эту вещь; по его мнению, я обладаю

¹ Но пусть его (*англ.*).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, стр. 78.

необыкновенной изобразительной силой и принадлежу к великой эпохе немецкой литературы, ушедшей в прошлое, — к современной эпохе тенденций я, как он говорит, не подхожу. Его сразу же покорила красота и в особенности грандиозность этого произведения; многим он восхищался и многому дивился. Однако, по его словам, в пьесе чувствуется и что-то призрачное, во всяком случае в ней больше *истины*, чем *природы*... той природы, какую мы находим у Шекспира. Этот призрачный элемент присутствует преимущественно в сцене первой брачной ночи, которая сама по себе прекрасна. Олоферн с его самообожествлением тоже очень глубоко задуман, и Гейне полагает, что мне бы следовало, в противовес бесцветному еврейскому спиритуализму, придать ему еще больше дерзкой жизнерадостности. Однако Олоферн вышел не совсем таким, как все остальные; он сломлен, и широкая публика никогда его не поймет. Изображение времени и народа также, по его мнению, у меня исключительно удачно; при этом я не щеголяю на манер романтиков выписыванием деталей; часто единственный штрих создает картину. Я иду, говорит Гейне, по тому же пути, по которому шли Шекспир, Генрих Клейст и Граббе. Несколько дней назад доктор Бамберг уже говорил мне, что Гейне в разговоре с ним отзывался с большой похвалой о «Юдифи» и заявил, что я являюсь самым крупным из всех.

55. ФРИДРИХ ШТЕЙНМАН

[27 октября 1843 г.]

Было девять часов утра... Я сидел в конторе, занятый служебными делами, когда канцелярский служащий доложил мне, что пришел какой-то француз в сопровождении наемного лакея и хочет поговорить со мной. Недоумевая, кто же это явился ко мне с того берега «свободного немецкого Рейна», я поспешил вниз, в вестибюль служебного здания, и кого же я вижу? Передо мной стоит Гейне. Мы не встречались двадцать три года, но он совершенно такой же, каким был почти четверть века назад, разве только приобрел известную *embonpoint*.¹

¹ Дородность (*франц.*).

Прибыв час назад со скорой почтовой каретой, он уже готовился следовать дальше, на Гамбург, почтовой каретой, которая в десять часов проезжает по оснабрюкской дороге. В нашем распоряжении был лишь один час — для свидания, для воспоминаний о нашей юности, для обмена мыслями; он еще не видел Мюнстера, поэтому нужно было как можно лучше использовать скудно отмеренное нам время, этот единственный час. Мы побывали у собора, у ратуши, у церкви Ламберти, дошли до замка и таким образом бегло осмотрели все достопримечательности. Мне бросилось в глаза, что он, владевший родным немецким языком *на бумаге* как никто другой, в разговоре теперь часто подыскивал слова. Он объяснял этот недостаток тем, что не только жена у него француженка, но и быт его в Париже французский, а также тем, что он там мало общается с немцами. По его словам, он работал над произведением, посвященным его жизни в Париже. Об этом произведении часто упоминалось в газетах, как и о «Мемуарах»[...]

К истории перекрещенцев он проявлял живейший интерес и, к моему удивлению, обстоятельно знал сочинения Керфенброка и Иохмуса, а также хотя и краткое, но зато глубоко обоснованное описание первого коммунистического государства, вышедшее из-под пера Ранке; он изучал их с интересом. Неуместно в наши дни доверять бумаге многие его высказывания о состоянии немецкой книжной торговли и о прессе в Германии и Франции, о полном собрании его сочинений, и в то же время нет необходимости уверять, что эти замечания были меткими. Без пяти десять мы были на почтовом дворе; за дружеской беседой пролетели как один миг последние пять минут; протрубил рожок почтальона, и скорая почтовая карета понесла Гейне к тому городу, куда звали его воспоминания детства.

56. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

[1844 г.]

Кроме того, Генрих Гейне, наиболее выдающийся из всех современных немецких поэтов, примкнул к нашим рядам и издал том политических стихов, куда вошли и некоторые стихотворения, проповедующие социализм.

Он является автором знаменитой «Песни силезских ткачей», которую я вам привожу в прозаическом переводе, но которая, боюсь, будет сочтена кощунственной в Англии. Во всяком случае, я привожу ее и замечу только, что в ней содержится намек на боевой клич пруссаков в 1813 г.: «С богом за короля и отечество!», клич, который является с тех пор излюбленным лозунгом верноподданной партии. Что касается самой песни, то вот она:

Без единой слезы в угрюмых глазах
Сидят они за станком, на их лицах гнев отчаяния:
«Пострадались мы вдоволь, голодали мы долго;
Мы ткем тебе саван, о старая Германия,
Вплетая в него тройное проклятье.
Мы ткем, мы ткем!

Первое проклятье — богу, слепому и глухому богу,
Которому мы доверяли, как дети доверяют отцу,
Возлагая на него все надежды и упования,
А он — посмеялся над нами и бессовестно нас обманул.
Мы ткем, мы ткем!

Второе проклятье — королю богачей,
Кого наши горести не могут ни смягчить, ни растрогать.
Королю, который вымогает у нас последние гроши
И посылает своих солдат расстреливать нас, как собак.
Мы ткем, мы ткем!

Проклятье тебе, фальшивое отечество,
Где нет для нас ничего, кроме позора и бедствий,
Где мы страдали от нищеты и голода.
Мы ткем тебе саван, старая Германия.
Мы ткем, мы ткем!»

На этой песне, которая в немецком оригинале является одним из самых сильных поэтических произведений, известных мне, я и расстаюсь с вами на этот раз; надеюсь, что скоро смогу сообщить о наших дальнейших успехах и о социальной литературе.¹

57. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

[Сентябрь 1844 г.]

Парижская «Vorwärts» была мелкой газеткой, которой теперь приписывается больше значения, чем она того заслуживает; в редакции сидели отчаянные бездельники.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 521—522.

Маркс следил главным образом за тем, чтобы она сохраняла верное направление, и помещал в ней время от времени полемические статьи и заметки против пруссаков. Гейне послал Марксу из Гамбурга часть корректурных листов «Зимней сказки» для напечатания в «Vorwärts» еще до появления книги в Германии.¹

58. АРНОЛЬД РУГЕ

[Октябрь 1844 г.]

Но мне он [Гейне] относился неплохо — я действительно смеялся и шутил по его адресу совершенно безобидно; ему бы не следовало только умалчивать о том, кто его направил на путь политической сатиры. Этим своим поворотом он был обязан Марксу и мне. Мы сказали ему:

— Да оставьте вы это вечное любовное нытье и покажите поэтам-лирикам, как это по-настоящему делается, — плетью!

59. АЛЕКСАНДР ВЕЙЛЬ

[Ноябрь 1844 г.]

Гейне боготворил свою мать, но о своей семье говорил неохотно. Об обоих братьях он никогда не упоминал [...] Возвратясь из Гамбурга, он считал, что снова установил со своим дядей полное согласие. Во время одного веселого обеда он сказал мне:

— Теперь я еще нищий, но когда-нибудь стану богачом. Дядя оставит мне по меньшей мере миллион.

Потом рекой потекло шампанское, и после того как Матильда отдала должное сотерну, мне пришлось исполнить ее любимую арию: «O Mathilde, idole de mon âme!»² [...]

Можно себе представить его разочарование [...] когда он узнал, что его дядя (трудно поверить!) завещал ему всего-навсего 16 000 франков!

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 324.

² О Матильда, кумир души моей! (франц.) (См. комментарий.)

60. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

[1846 г.]

По поводу письма Гейне не могу сообщить Вам ничего определенного. До 1848 г. Лассаль совершенно не представлял собой политической фигуры; он стал известен только по процессу Гатцфельд. А в этом процессе обе стороны не гнушались никакими средствами, лишь бы они сулили успех, привлекали на свою сторону всех, кто мог пригодиться, и пользовались для этого любым моментом и любым способом. С другой стороны, ввиду того, что союзный сейм наложил запрет даже на его будущие сочинения, Гейне вынужден был применять все средства рекламы, чтобы обеспечить сбыт своих произведений, которые, впрочем, нашли бы себе распространение и сами по себе. В этих условиях Лассаль мог быть ему очень полезен; с другой стороны, Лассаль импонировал Гейне своей энергией, решительностью и практичностью — свойствами, которых у большинства тогдашних молодых немцев, как и сейчас, надо было искать днем с огнем.

Очень возможно поэтому, что Лассаль пытался использовать Гейне в интересах графини, и письмо, о котором идет речь, наверное, относится к какому-нибудь эпизоду, связанному с процессом, вероятнее всего к эпизоду со шкатулкой. Была ли Мейендорф в начале 1846 г. в Париже, я точно не знаю; мне, однако, кажется, насколько я помню ход процесса, что была. Сведения об этом можно будет получить либо из отчетов о процессе со шкатулкой 1846 г., либо из отчетов о лассалевском процессе 1848 г. («Kölnische Zeitung» — лучший источник). Если она была в Париже, то речь шла, наверное, о покушении на шкатулку. Я с Гейне никогда не говорил о Лассале. Ни Маркс, ни я в то время еще не были с ним знакомы.¹

61. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

[Сентябрь 1846 г.]

Так как я уже разошелся, то в заключение еще сообщу вам, что [Генрих] Гейне опять здесь и что третьего дня я был у него вместе с Эв[ербеком]. Бедный парень ужасно

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 667.

осунулся. Он худ, как скелет. Размягчение мозга распространяется дальше, паралич лица также. Эвербек говорит, что Гейне может внезапно умереть от паралича легких или удара, но может также протянуть еще года три или четыре. Он, конечно, в немного угнетенном состоянии и, что всего замечательнее, очень благожелателен (не в ироническом смысле) в своих суждениях. Только по поводу Мойрера он непрерывно острит. В общем, он сохранил всю свою духовную энергию, но физиономия его — седая бородка, которую он отпустил, потому что не может бриться, придает ему еще более странный вид — способна привести в уныние всякого, кто его видит. Страшно мучительно наблюдать, как такой славный малый по частям отмирает.¹

62. ЭДУАРД ГРЕНЬЕ

[Конец 1846 г.]

Кроме статей для аугсбургской «Всеобщей газеты», которые я так прекрасно перевел — якобы для княгини Бельджойозо — и которые во французском издании составили том «Lutèce»² и «Lettres de Paris»,³ я перевел также для Гейне его избранные стихи из ранней лирики, начало еврейского романа «Le rabbi de Vassarach»⁴ и две его поэмы, которые были опубликованы на немецком языке в 1844 году; одна из них — «Германия. Зимняя сказка» («Germania, conte d'hiver»), а другая — «Атта Тролль». Только последний перевод был принят и появился в марте 1847 года в «Revue des deux mondes», разумеется за подписью Генриха Гейне. Поэма имела большой успех и пользуется им по праву по сей день[...] Мне пришлось выдержать с поэтом настоящий бой как в связи с этим переводом, так и в связи с другими. Он упрямо настаивал на том, чтобы включить во французский текст смелые выражения, редкие сочетания, которые может себе позволить немецкий

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, стр. 36.

² «Лютетия» (франц.).

³ «Письма из Парижа» (франц.).

⁴ «Бахерахский раввин» (франц.).

язык, ибо этот мягкий, богатый и гибкий язык под рукой большого художника покоряется всему, и которых французский язык, эта *gueuse fiège*,¹ как его называют, никак не может принять. Спокойно говорить об этом с Гейне было совершенно невозможно. Он сочинил на сей счет теорию, которую изложил в предисловии к «Путевым картинам». Гейне полагает, что именно это и могло стать средством омоложения нашего языка и расширения круга наших идей; однако, каким бы ни было это его пристрастие к причудливым и несовместимым словосочетаниям, — было ли оно органическим его свойством или теоретическим построением, — но оно делало его попросту ужасным. Он с судорожным отчаянием цеплялся за свои слова. Кажется, Берне назвал его «торговцем словесным товаром», и таков он был на самом деле, но только это был товар литературного ювелира. Слова магнетически притягивали и ослепляли его. Я уверен, что, читая газеты, он был занят лишь двумя мыслями: первая — чтобы посмотреть, говорится ли там о нем, и вторая — чтобы отыскивать там отдельные слова или каламбуры. Он обладал, разумеется, достаточным умом, чтобы находить слова в самом себе, но отнюдь не брезговал и тем, чтобы собирать чужие, получше разукрашивать их или оттачивать поострее. Я говорил ему, что в нем слишком много от ювелира, а иногда от чеканщика, что французский вкус не столь терпим к некоторым дерзостям, как немецкий, что французский язык не выносит, когда его так обрабатывают и насилюют. Иногда он шел на уступки, но редко. И так как это было в конце концов его дело и ставил свою подпись он, то, облегчив свою литературную совесть подобными замечаниями, я уступал и спокойно позволял ему вносить в мои тексты свои языковые ошибки и смелые германизмы. И кто знает? Быть может, он был прав. Таким образом он показывал читателю, или по крайней мере давал ему возможность догадаться, что он иностранец; это было своего рода кокетством и лучшим способом поддержать легенду, будто он сам является переводчиком собственных произведений.

---

¹ Гордая пшеница (*франц.*).

63. ГЕНРИХ БЕРНШТЕЙН

[Февраль 1847 г.]

Бедный Гейне! Во время биржевого краха 1847 года он потерял большую часть своего состояния. Барон Ротшильд, который был очень расположен к поэту, подарил ему при выпуске акций Северной дороги десять акций с условием не продавать их, пока они не поднимутся до определенного курса. Поэтому Ротшильд хранил у себя акции Гейне, и, когда они достигли установленного курса, он их продал для Гейне, а тот, помимо денег за акции, получил еще двадцать тысяч франков чистой прибыли. Это понравилось поэту-сангвинику, он продолжал играть на бирже и находил особую прелесть в том, что каждая азартная игра могла обратиться в страсть... И тут произошел биржевой крах 1847 года. Гейне, вопреки совету Ротшильда, оказался сильно втянутым в игру и потерял таким образом много денег; но хорошего настроения духа, своего прелестного юмора он при этом не утратил.

Я все еще вижу его перед собой таким, каким встретил его вечером этого несчастного дня в Passage de l'Opéra,¹ и на мой вопрос, не потерял ли он чего-либо, Гейне ответил:

— Чего-либо? Очень много! И поделом мне! Рабби Бен Шлоим в Праге был совершенно прав.

— Как так? — спросил я, крайне удивленный.

— Видите ли, — сказал Гейне, — это старая история, которую мне рассказали, когда я еще был мальчишкой, и которая мне сегодня вспомнилась. Рабби идет в Праге по мосту через Влтаву, вдруг к нему бросается старая еврейка и кричит: «Всемогущий боже! Всемогущий боже! Дорогой рабби, помогите! Беда!» — «Что за беда?» — спрашивает рабби. «Мой сын Ицик сломал ногу!» — «Как это он сломал ногу?» — спрашивает рабби. «Он взобрался на лестницу и хотел...» — «Что? — прерывает ее рабби. — Ицик взобрался на лестницу? Поделом ему — что делать еврейю на лестнице?»

— Вот видите, — заключил Гейне свой рассказ, — именно так случилось со мной. Что делать поэту на бирже?

---

¹ Проезде Оперного театра (франц.).

64. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[Февраль 1847 г.]

Квартира одного из величайших поэтов, которых когда-либо имела Германия, намного уступала квартире какого-нибудь французского автора второго или третьего разряда. Три маленькие комнатки на третьем этаже были обставлены весьма скромно, из окон открывался вид — если это можно назвать видом! — на узкий и довольно темный двор. Камин был облицован традиционным белым мрамором, над ним висело широкое зеркало; по обеим сторонам часов в фарфоровом футляре, тикание которых раздавалось в комнатах, стояли неизбежные во Франции цветочные вазы с искусственными букетами. Часы служили главным украшением комнаты. Об этой простой квартире нельзя было бы сказать ничего особенного, если бы вам не открывала дверь служанка — старая рябая мавританка с пестрым шелковым платком на голове — и если бы из комнаты мадам Гейне время от времени не доносился пронзительный крик попугая.

То было время, когда в Берлине должен был собраться объединенный ландтаг. Гейне почти ежедневно появлялся в читальном зале и следил за политическими событиями с большим интересом — впрочем, он находил для них одни только сарказмы.

— Начинается эпоха конституционных правительств, — сказал он. — Пусть говорят что угодно, но начало положено. Теперь народы не успокоятся, пока не получат конституций. Они больше не верят в библию и отложили ее в сторону — вместо этой старой книги им нужна новая. К ней устремится все, что еще осталось в людях от веры и идолопоклонства. Хартия будет для них тем же, что для нас библия, которая ведь тоже стоила немало борьбы и крови. Имейте в виду, дело с конституциями примет для народов чрезвычайно серьезный оборот. Я, со своей стороны, не могу придумать лучшего государственного строя, чем монархия, окруженная Финке, Кампхаузенем, Ханземаном и Бекератом.

Заговорили о немецко-католической церкви. Он сказал:

— Это конституционалисты в религиозной области. Чего они хотят? Какова их цель? Всего-навсего приглу-

пенное, умеренное суеверие. Чем Ориген и блаженный Августин хуже апостола Ронге в черном фраке? У основателей церкви по крайней мере видна сила духа, которая мне импонирует. Современные же сектанты мне противны, как и отцы церкви, а быть может, еще больше.

Он с презрением отбросил газетный лист, вызвавший у него эту тираду, и быстро вышел из читального зала.

65. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[Февраль 1847 г.]

Рассказывали, будто Гейне ведет весьма светский образ жизни, часто бывает в высоких парижских кругах и поддерживает разносторонние знакомства со знаменитостями французской прессы. Так, быть может, было в прежние добрые времена; ныне все обстоит иначе, — он жил очень уединенно. В немецкие дома он совсем не ходил, вероятно потому, что туда он не мог брать с собой жену, да и во французских семьях тоже не бывал. Он поддерживал знакомство с французским писательским миром, но отношения не были оживленными, ни с одним из этих писателей он не встречался часто. Двое из них всегда оставались для него чужими: Виктор Гюго на своих ходулях, Ламартин на своем благоухающем ладаном облачном троне. С Жорж Санд он был когда-то дружен, теперь же много лет не виделся с писательницей, которая вместе с Шопеном жила под тенью акаций в Cour d'Orléans. Наряду с этой гениальной женщиной его интересовал больше всего Бальзак; он часто рассказывал о прогулках в Тюильрийском саду и о том, как, гуляя, Бальзак пользовался первым попавшимся поводом, чтобы демонстрировать паразитические знания в области истории общества, которое он рассматривал как естествоиспытатель. Связь с Леоном Гозланом и Жюлем Жаненом, существовавшая прежде, также совсем порвалась... Казалось, все его забыли. Один лишь бедный Жерар де Нерваль, питавший живой интерес к немецкой духовной жизни, часто навещал его.

Таким образом, общество Гейне составляли в основном простые смертные, не претендовавшие на лавры и посмертную славу. В конце концов он ограничился немецкими

литераторами, которые прибыли в Париж в качестве корреспондентов. На первом месте среди них стоял доктор Генрих Зейферт; он был единственным, кто сердечно отнесся к Гейне. Гейне искал его общества и огорчался, когда Зейферта долго не было.

66. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[Март 1847 г.]

Все паходившиеся в то время в Париже немецкие корреспонденты появлялись между тремя и пятью часами в большом читальном зале. Этот зал, называвшийся «Sergle Valois»,¹ помещался в Пале-Рояле, то есть в самом центре города. На большом столе в середине комнаты было разложено около пятидесяти газет, французских и иностранных; здесь же можно было найти чернильницы и перья; корреспонденты читали, писали свои сообщения и затем сами относили их на почту, расположенную поблизости, при бирже.

В этом читальном казино очень часто появлялся Гейне, особенно в те дни, когда приходили еженедельники, и так как поэт отнюдь не был равнодушен к похвалам и порицаниям, то он перерывал газеты в поисках своего имени. То, что он читал о себе и о своих произведениях, редко бывало отпадным. С некоторых пор произошел резкий поворот в оценке его творчества: считали, что он испытался, что талант его ослабел и пришел в упадок. Его чрезвычайно расстраивали эти высказывания прессы.

Казалось, против него особенно ополчились некоторые мелкие немецкие репортеры из Парижа. Один из них, в то время как Гейне был на водах, рассказывал в «Немецкой газете», что Гейне посажен в сумасшедший дом в Париже. Затем тот же корреспондент сообщал, что Гейне умер.

— Меня злит только то, — сказал Гейне, — что господин профессор Бюлау, главный редактор, так мало ценит мою жизнь, — он даже не счел нужным упомянуть о моей смерти на первой полосе, в оглавлении. В этом

---

¹ «Кружок Валуа» (франц.).

отношении «Прусская всеобщая газета» поступила лучше, хоть она ко мне и не очень благоволит. Она меня, бедного грешника, пожаловала крестом: Гейне †.

— Однако же вы живы, и это главное.

— Да, я жив и чувствую, что меня кусают, — возразил Гейне с горечью. — Хуже всего, что от паразита нельзя уберечься и что наказать его нельзя. Чем насскоем меньше, тем до него труднее добраться. Вот в чем дело: блох нельзя заклеить! Французы, — продолжал он, сам себя утешая, — обращаются со мной иначе. Бальзак посвятил мне свой последний рассказ. В посвящении он называет меня самым достойным представителем французского духа в Германии и немецкой поэзии во Франции. Теофиль Готье говорит обо мне в своем предисловии к «Виллисам» в самых лестных выражениях. Зато в дорогом отечестве.. Но лучше я помолчу!

В «Cercle Valois» я познакомился со всеми корреспондентами аугсбургской «Всеобщей газеты», и только одного из них, барона Фердинанда фон Экштейна, я никогда не видел. Это был крещеный и возведенный в дворянство еврей, который, как говорили, изучал санскрит и другие индийские языки и время от времени посылал в газету рассуждения, если хотите — притчи, весьма слабо связанные с событиями, написанные в диковинном, апокалипсическом стиле. В каждой из этих статей шла речь об индийском тримурти, о тайне святой троицы и о великом Фоме Аквинском; в каждой статье он с ожесточением набрасывался на «гегельяшек», как он их именовал.

— Вы хотите видеть Экштейна? Его вам увидеть не удастся, — воскликнул Гейне, когда я спросил однажды, почему барона никогда не видно. — Экштейн мертв — он умер уже много лет назад..

— Но я только на днях снова видел во «Всеобщей газете» статью из Парижа, — заметил я, — которую не мог написать никто, кроме него. Он рассуждает о Будде, Шиве и многих других индийских божествах и в конце концов добирается до профессора Мишле и Гегеля.

— И все-таки Экштейн мертв, — произнес Гейне тем тоном искренней грусти, по которому всегда можно было узнать, что под ним таится шутка. — Бедный Экштейн совершенно мертв. Но он оставил рецепт, который лежит в аптеке редакции. По этому рецепту время от времени

приготавливается микстура — нечто вроде териака, очень сложная. Она принята в аугсбургской фармакопее и зарекомендовала себя как сильнодействующее потогонное средство...

Гейне был очень доволен этой остроотой, как и большинством своих острот. Чтобы услышать, как он смеется, мы часто потом его спрашивали, правда ли, что барон Экштейн умер, и получали всегда в подтверждение один и тот же ответ, иногда с небольшими украшениями. Понятно, что подобные шутки передавались дальше и в конце концов достигали ушей того, кого они касались. Результатом бывали вражда, ненависть, устные и печатные поношения. Он достаточно убедился в этом на собственном опыте, но это не могло отучить его от его привычек. Когда на него находил зуд острословия, Гейне не мог его побороть.

67. ГЕНРИХ ЛАУБЕ

[1847 г.]

Особенно близок он [Гейне] был с Жюлем Жаненом, Александром Дюма-отцом и Готье. В беседе с Гейне им раскрывалось то, что оставалось для них недоступным в его немецких сочинениях, — остроумие. Он не слишком хорошо говорил по-французски (ему нужно было быть в хорошем настроении и иметь свежую память, чтобы его речь на иностранном языке текла свободно), но говорил своеобразно. Как и в немецком языке, он постоянно выпскивал во французском неожиданные и точные выражения. Меткое слово было предметом непрерывного изучения Гейне. Целыми днями он проверял и спрашивал: как выражается это понятие, как лучше всего передать по-французски такое-то слово?

— Нашел! — воскликнул он однажды, входя ко мне. — Я нашел! «*Les élèves de Charles*» — вот как нужно перевести «Карловы ученики».

Этим простым открытием он был занят в течение целого года. Но именно поэтому он и производил впечатление на французов. Второстепенные фразы становились лишь фоном, на котором тем ярче выступало главное. Французы воспринимали его как лицо человека, на котором замечаешь только великолепные глаза.

[1847 г.]

В беседах [с Гейне] я часто с удивлением замечал, какой интерес проявлял он к драматической форме, как он буквально изнывал от желания написать пьесу, которая была бы поставлена. Он терзал меня одним и тем же вопросом: правда ли, что его «Альманзор» и «Ратклиф» не сценичны? Для меня эта тоска по драматической форме была знаменательным признаком, признаком того, что в основе его таланта, по-видимому, лежала драма[...] Крайне оригинальны были его рассуждения, когда он говорил о постановке на сцене трудных для исполнения пьес Шекспира. Вновь вводить старую английскую сцену с ее наивным аппаратом он находил смешным, — для этого он слишком долго прожил в Париже; ему казалось желательным избрести новую сцену.

— И новую публику, — вставил я.

— Ты прав! — воскликнул он смеясь. — Сцена девятнадцатого столетия никак больше не годится для поэтов-фантастов. Нам надо держаться за балет.

И он в самом деле написал балет, а именно — «Фауста». Эта работа относится к последним пяти годам его жизни, и он упорствовал в своем желании, чтобы она была поставлена в венском придворном оперном театре. Я должен был передать туда рукопись. Пьеса была блестяще написана и изобиловала злыми, остроумными выпадами против традиционных воззрений на небеса и ад [...] Франц фон Гольбейн, дирижировавший в оперном театре, был совершенно ошеломлен его притязаниями [...]

— Эта рукопись, — заявил он, — вовсе не балетное либретто, в ней нет никакой сценической разработки [...]

Рукопись могла бы быть приложена в качестве послесловия к программе, которую зритель покупает в кассе. Мыслящий зритель, если таковые имеются в балете, прочел бы дома после спектакля это послесловие, чтобы узнать из него, что он беззаботно взирал на крайне таинственные и пресудительные вещи.

Подобной перспективой утешал я в то время Гейне, который был очень раздражен бездарностью театральных господ.

— Они тоже не созданы для тебя, — возразил я, — потому что ты собираешь в несколько строк то, что должно было служить материалом для целого театрального вечера.

Это убедило его, по крайней мере удовлетворило его тщеславие. А в основе своей это было то, о чем я упоминал выше: его муза была драматическим эмбрионом, который не хотел развиваться, потому что считал это развитие скучным. Его лозунгом было веселье.

69. ГЕНРИХ ЛАУБЕ

[1847 г.]

Против классической трагедии французов я был предубежден, как всякий немец. Оценка Шлегеля вошла нам в плоть и кровь [...] Эта трагедия суха и бедна в сравнении с теми драматическими образцами, которые мы можем найти у древних, у Шекспира и у наших классиков, но в ней больше правильных принципов и больше очарования, чем усмотрел Шлегель. Я обратил на это внимание отчасти потому, что однажды Гейне с восторгом говорил о пленительном очаровании Расина, — Гейне, который, уж конечно, понимает толк в поэтических чарах и ни мысленно, ни в разговоре не позволяет себе бессодержательных фраз.

70. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[7 апреля 1847 г.]

Седьмого апреля, в одну из годовщин смерти Фурье в зале Валентино состоялся ежегодный банкет его приверженцев. Бальный зал был в этот день превращен в церковь, где, как в первые годы христианства, маленькая кучка верующих в будущее людей должна была за дружеской трапезой вдохновляться высокими идеями и брататься между собой [...] Уже прошло десять лет с тех пор, как социалистическая школа впервые устроила праздничный обед в память своего учителя, но никогда еще манифестация социализма не была столь значительной: какое-то предчувствие 1848 года созвало их всех сюда. Когда мои

глаза постепенно привыкли к своеобразному освещению, я окинул взором присутствующих и насчитал около тысячи человек, в том числе около ста женщин, большинство которых принадлежало, по-видимому, к высшим классам общества. За длинным столом сидели и дети в белых праздничных платьях; по желанию учителя, они были украшены цветами: ведь это для них уже стало реальностью — то царство мира и блаженства, за которое борются и страдают их отцы.

С хор полились радостные звуки музыки, обед проходил оживленно... Вскоре начались тосты.

В этот момент я услышал, что меня называют по имени. Я оглянулся и за соседним столом увидел Гейнс. Я подошел к нему, и мы пожали друг другу руки молча, так как все с нетерпением ждали выступления ораторов.

— За гений Фурье, открывшего человечеству его судьбы, за мирное создание единства между всеми народами и всеми людьми! — провозгласил чей-то приятный, мощный голос. На трибуну поднимались другие ораторы. Один из них передал привет мира всем народам цивилизованной Европы, в особенности «братскому народу по ту сторону Рейна, более свободному в своих религиозных убеждениях, более передовому в гуманном развитии, чем все остальные нации; Германия не будет больше отклонять союз с Францией, как только она узнает, что Франция отказывается от всякой мысли о завоевании».

Тосты следовали один за другим. Была провозглашена здравица за умирающую Польшу: «Она воскреснет, ибо миссия ее бессмертна!» «За окончание войны на земле!» Все с воодушевлением поднимают бокалы «за постепенную эмансипацию женщины». Поминают и мертвых, сражавшихся за прогресс человечества: «Они составляют незримый собор праведников, они среди нас, на этом пире, который посвящен одному из их братьев, одному из величайших мыслителей — Фурье».

Люди обнимаются, у многих на глазах выступают слезы, даже посторонний оказывается захваченным силой этой минуты...

Я вместе с Гейне покинул зал, и мы вышли на освещенную газом rue Saint Honoré, где повсюду толпился народ.

— Клянусь богом, — сказал я, — у французской нации такая тяга к идеальному, как ни у какой другой.

В стране, где сотни людей способны к такому чистому, общечеловеческому порыву, живет великий, избранный народ.

Коренастый мужчина в синих очках стоял перед нами в толпе — у него было полное веселое лицо и широкий выпуклый лоб. Как бы пораженный его появлением, Гейне застыл на месте, остановил меня и быстро шепнул:

— Взгляните на него!

— Вы тоже там были? — спросил кто-то человека в синих очках.

— Нет! — резко отвечал тот. — Я проходил мимо и остановился, так как это было похоже на народный мятеж. У всех сектантов одна и та же песня: слава Иисусу Христу, который избавил нас от греха, слава Сен-Симону, благодаря которому мы постигли жизнь, слава Фурье, который открыл нам социальные законы! Вздор! Кто же хоть раз воскликнет наконец: хвала и честь здравому человеческому разуму, который никому не поклоняется?

Человек в синих очках пожал плечами и медленно удалился.

— Кто этот господин? — спросил я Гейне, лицо которого на минуту осветилось волнением.

— Кто он? — сказал Гейне. — Среди людей он именуется господином Прудоном. На самом деле он демон. Меня внутренне поддерживает надежда когда-нибудь снова увидеть такого человека. Надоедает жить, когда видишь вокруг себя только дельцов и заурядных людей. Одно его слово действует на меня благотворно после стольких тирад, красивых, но пошлых. Он прав! Он совершенно прав!

— Кто этот человек? — спросил я снова, с возросшим любопытством.

— Вы все время говорите о человеке! — возразил Гейне. — Вы ведь слышали — это не человек, несмотря на его синие очки. Это разрушительное начало в образе социолога, к тому же наделенного даром поэтического слова. Кажется, будто Виктор Гюго передал ему силу своих антитез, а Александр Дюма уступил ему свою веселую фантазию. Пугающая серьезность дела, за которое он борется, драпируется в живописный, волнующий воображение плащ и взирает на монашескую рясу немецкой педантичности с сословной гордостью аристократа. Эти

произведения — или, выражаясь полицейским языком, эти поджигательские сочинения — читаются как романы! Здесь, во Франции, они переходят из рук в руки, ими развлекаются, и никто не замечает, что когда перелистываешь страницы, оттуда выпадают драконовы зубы, которые в один прекрасный день дадут прекрасные всходы и богатый урожай.

Последние слова Гейне сопровождал своей характерной улыбкой. Однако это была не та улыбка, которая обычно озаряла его красивое мальчишеское лицо в обществе добрых друзей или когда он рассказывал о какой-либо остроумной затее. Это была разящая улыбка, та самая, которая выступает в словесном одеянии в «Зимней сказке», в «Атте Тролле» и в его политических стихотворениях.

71. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[1847 г.]

Недалеко от Гейне жил немецкий эмигрант В[енедей], который был моим соседом по отелю «Виоле». Он время от времени навещал Гейне, знал его уже много лет, но отношения между ними были натянутыми. В[енедей] повсюду распространялся о своих бесчисленных опасениях по поводу поэзии и характера Гейне, а Гейне иронизировал над старым буршем и едва ли замечал его прекрасное сердце, честный характер, его благородную натуру, — так смешны ему казались его слабости, постоянно напоминавшие поэту о старых однокашниках студенческих лет.

Особенно комичными казались Гейне нерешительность, слабость, раздвоенность души, полной привязанности и верности, в человеке, видевшем от Германии и ее государей одно только зло. В[енедей], старый друг Берне и, более того, — друг Буанаротти и Шарля Теста, мужей «Молодой Европы», в ужасе отшатывался перед каждой каплей крови, которая должна была быть пролита во имя его убеждений, и часто повторял изречение: «Поднявший меч от меча и погибнет». Борец за дело народа, говорил он, должен лишь протестовать, выражать свое мнение и страдать за него[...]

Это было время, когда Лола Монтеc заполнила всю мюнхенскую прессу своими похождениями. В[енедей] был возмущен. Поклонение короля Людвига прекрасной испанке он считал позором для немца и боялся, что новая Помпадур окажет влияние на деятелей Германии и немецкие дела. Гейне, напротив, потешался над этим, и мне даже кажется, что он радовался той власти, которую легкомысленная танцовщица завосвала на родине Герреса и Деллингера в Монашо монашогум.¹ Он предчувствовал предстоящую борьбу балетной пачки с монашеской рясой и даже замыслил изложить всю эту историю в комическом стихотворении в духе «Атты Тролля».

В эти дни В[енедей] писал исполненные негодования письма в аугсбургскую «Всеобщую газету», и, так как та их не напечатала, он составил из них отдельную книжечку, которую и издал на собственный счет.

— Читали вы новую брошюру В[енедея]? — спросил я однажды утром.

— Какую брошюру?

— Книжку против Лолы Монтеc: «Испанская танцовщица и немецкая свобода».

— Нет, милый друг, — возразил поэт. — Я вообще читаю только большие произведения нашего приятеля. Больше всего мне нравятся трехтомные, четырехтомные и пятитомные его сочинения.

— Вы шутите, опять у вас, наверно, камень за пазухой!

— Ну да, — сказал Гейне, — когда вода занимает огромные пространства, когда перед нами озеро, море, океан воды — это прекрасно. В чайной ложке я ее не выношу.

72. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

[1847—1848 гг.]

Гейне при смерти. Две недели тому назад я был у него, он лежал в постели, с ним случился нервный припадок; вчера он встал, но в крайне жалком состоянии. Он с тру-

---

¹ Мюнхене монахов (лат.).

дом может сделать три шага, опираясь о стены, пробирается от кресла к постели и *vice versa*.¹ К тому же шум в его доме сводит его с ума — стук столяров, удары молота и т. д. Умственно он также несколько ослабел. Гейцен хотел зайти к нему, но не был допущен.²

73. ФАНИИ ЛЕВАЛЬД

[14 марта 1848 г.]

Мы говорили о Германии, о французской революции. Он [Гейне] как раз отправился в свою городскую квартиру, чтобы там, у жены, пообедать вместе со своим врачом, когда слышались первые звуки битвы. Карета, которую наняли для возвращения в больницу, была опрокинута и использована для сооружения баррикады, а ему необходимо было попасть обратно.

Он много расспрашивал о Германии, попросил прочесть ему вслух письмо о революции в Бремене, которое только что было мною получено и еще лежало у меня в кармане, хотел получить сведения о своих знакомых в Германии и вновь и вновь горько сетовал:

— Вы не знаете, что значит переживать в моем состоянии подобные революции. Мне бы надо было быть мертвым или здоровым.

Однако, несмотря на эти жалобы, он высказывал самые горячие надежды в отношении Германии и в то же время шутил по поводу удивления и испуга, которые испытают немцы, если когда-нибудь станут свободными.

74. КАРОЛИНА ЖОБЕР

[Июль 1848 г.]

После ужасных июньских дней я нанесла поэту обещанный визит. Он лежал на двух матрацах на полу. С недавних пор он ввел это в систему. Заботливо поддер-

---

¹ Обратно (*лат.*).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, стр. 92.

живаемая чистота свидетельствовала о том уходе, которым его окружала жена. В Пасси его поместили перед открытой двустворчатой дверью. Из сада, где росло множество цветов, к нему проникали ароматы. Последние события давали нам богатый материал для бесед. Он проявлял жадный интерес к новостям, и мы говорили обо всем, только не о нем самом. Да и зачем было говорить о нем? Достаточно было на него взглянуть.

75. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[21 января 1849 г.]

Одновременно он [Гейне] начинает размышлять над религией. У него всегда была религиозная натура, — я постоянно настаивал на этом парадоксе, — а одиночество, вечная вынужденная занятость самим собою лишь еще более укрепили в нем религиозно-мечтательное настроение. На ложе болезни он ставил перед собой вопрос, который задавал еще Иов: «Почему должен страдать праведник? Если существует бог, добрый, справедливый, всемогущий, каким вы, теисты, его считаете, — почему он допускает зло, почему обрек он природу, которую мог создать иною, на нужду, бедствия и болезни? Он делает нас слепыми и наказывает нас, если мы падаем в яму; где же его справедливость? Если он мог предотвратить зло и допустил его, кто же он тогда? Само зло! Стоя на этой точке зрения, уже Граббе воскликнул: «Бога нет! Я думаю так, оберегая его честь!»

Ум Гейне потерял силу и свободу, чтобы совладать с этими вопросами. Кто осудит его за это? Часто в своих мучениях он становится малодушным и бежит назад, к идолам своего детства. Слезы струятся из его глаз, и он начинает молиться. Гейне молится! Гейне, великий язычник! Но не торжествуйте раньше времени, правоверные, — это всего лишь припадок! Как только в душе его наступает просветление, он вновь становится прежним, свободным человеком.

Когда г-жа Гейне впервые рассказала мне об этой религиозной настроенности Гейне, я не хотел верить.

Он увидел мое удивление и вновь улыбнулся, горько, как всегда.

— В самом деле, — сказал он, — с некоторых пор во мне наступила религиозная реакция. Бог его знает, с чем это связано, — с морфием или с катаплазмами. Но это так. Я снова верю в личного бога! К этому приходишь, когда бываешь болен, смертельно болен и сломлен! Не считайте это преступлением с моей стороны. Признает же пришибленный бедствиями немецкий народ короля прусского, почему же я не могу признать личного бога? Друг мой, — продолжал он, — выслушайте великую истину: там, где кончается здоровье, там, где кончаются деньги, там, где кончается здравый человеческий рассудок, — там повсюду начинается христианство.

Таков Гейне. Находись он на ложе пыток, на раскаленных угольях, подобно Гватемосину, даже и тогда на губах его все еще была бы ирония, *bon mot!*¹

76. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[Январь 1849 г.]

Время от времени у Гейне выпадает хороший день. Тогда он по мере возможности приподнимается в своей постели, посылает за чтецом или диктует дальше свои мемуары. Счастлив тот из его знакомых, кто посетит его в один из таких дней! Он находит его разговорчивым и вновь слышит одну из тех импровизаций, которые были ему некогда свойственны, один из тех монологов, в которых причудливо перемешаны шутка и мудрость. Его ум блуждает от одних мыслей к другим, они выражаются самыми диковинными словами, и это похоже на игру странных, украшенных коронами змей в волшебном лесу, под лучами яркого солнца.

Так было и однажды вечером, когда мы вели долгую беседу о немецких магических книгах, народных сказаниях и песнях... Гейне, казалось, вдруг совершенно позабыл

---

¹ Острое слово (*франц.*).

о своём физическом состоянии; дрожащим голосом затянул он песню о Евгении, благородном рыцаре [...]

Гейне внимательно следит за событиями в Германии. Часто он с тревогой спрашивает, не окончательно ли он забыт в нынешнем хаосе и не пришли ли теперь его соотечественники к более справедливой оценке его позиции и его деятельности. С большой горечью говорит он часто о том, как с помощью систематической клеветы, исходящей из Парижа, пытаются умертвить его в сердцах немецкой публики.

77. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[1849 г.]

Однажды вечером, несколько недель спустя, мы заговорили о политике, что случалось не часто. Гейне перестал заниматься политикой. Его литературные труды были для него превыше всего, и в его душу постепенно закрадывалась религия.

— Долго это не протянется, — сказал он, горько улыбаясь. — Государственный переворот — это секрет полишинеля. О нем столько болтают, что в него уже больше не верят, но он придет. Президент действует по шаблону, разработанному его дядей, и готовится к своему Восемнадцатому брюмера. Посмотрим! Посмотрим!

Он говорил обо всем этом без гнева, что меня удивило. Могут спросить, чего стоит политический сарказм, раздрающий сутану священника и дерзающий даже подняться против скипетра королей, если потом он с улыбкой взирает на предательство? Зачем же тогда это титаническое презрение к существующему, зачем эти потоки политической ненависти, кровавая сатира, гильотинирующая пронию? Кем же еще был Гейне, если он не был республиканцем?

Он был когда-то, как мне было известно, сторонником Июльской монархии, потому что, по его же словам, он не мог представить себе лучших порядков в тогдашней Франции. В качестве эмигранта он пользовался поддержкой властей, но это не мешало ему писать о французской политике то, что он думал. А французская полиция с величайшей готовностью отправила немецким полицейским

чиновникам приказ об его аресте, сделав на нем оскорбительные пометки. Он хвалил герцога Немурского, однако лишь за то, что тот приветливо и внимательно отнесся к нему в Бареже! Несмотря на это, Гейне никогда не казался мне убежденным монархистом. Кем же он был в таком случае?

Он заметил мое удивление и схватил меня за руку.

— Поймите меня правильно, — сказал он. — Когда примерно год тому назад была провозглашена республика, миру показалось, будто стало явью то, что было всего лишь сном и сном должно было остаться. Но я имею несчастье слишком хорошо знать Францию благодаря многолетнему пребыванию в этой стране, и для меня отнюдь не загадка, чего нам ожидать. Республика — это всего лишь перемена названия, революционный титул. Каким образом могло бы так быстро преобразиться это развращенное, изнеженное общество? До сих пор его идеал — делать деньги, хватать должности, ездить в карете четверкой, иметь ложу в театре, спешить от одного удовольствия к другому. Неужели эти люди до сих пор так тщательно прятали свой запас буржуазных добродетелей? Поверьте мне, Париж в достаточной мере проникнут наполеоновским духом — я имею в виду, что здесь царит дух наполеондора. Пусть другие считают делом партийной чести бороться за имя, пусть даже Прудон объявляет существующий государственный строй в этой его самой жалкой фазе раз навсегда данным, неприкосновенным, неизменным и стоящим даже выше всех прав и всеобщего избирательного права. Подобная политика — не моя политика. Имя для меня ничто. Меня может привести в восторг только то, что имеет определенную окраску. Абстрактная идея не привлекает меня. Чем была бы любовь, если бы не было женщины, чем была бы дружба, если бы не было друзей? Откажитесь от республики, ибо не существует никаких республиканцев!

Позже он с горькой, безжалостной усмешкой смотрел на агонию республики и ожидал ее конца с известным злорадством. Он усмехался, словно был сам богом уничтожения и разрушения. Казалось, ему хочется, чтобы что-нибудь рухнуло, все равно что, лишь бы он слышал шум обвала и видел гигантские развалины. Даже ужасная его болезнь не могла сделать из него кошсерватора и друга спокойствия. Борьба была его натурой, недовольство существующим

и отрицание — его сущностью. В основе этой черты его характера не было ничего от дикости, варварства, вандализма, но у нее был тот же корень, что и у свойственной ему потребности художника видеть предмет всегда с новой стороны, измененным, перестроенным, преображенным. Это было тягой души, тоскующей по сильным переживаниям, и одновременно характерной чертой его скепсиса. Любопытно одно из его изречений — о том, что для него не имеет значения ни одна из форм проявления человеческих идей, ибо он сам стоит у источника идей. Из всего этого явствует, что он не верил ни в один государственный строй.

78. АДЛЬФ ШТАР

[Сентябрь 1850 г.]

Я рассказал поэту, как в ранней юности с большим трудом пришел к пониманию его стихов, как пленили меня краски и очарование его языка и как я пугался, когда стихотворение, которое, казалось, подсказано глубочайшим чувством, вдруг завершалось насмешкой. Никогда не забуду, говорил я, какое сильное действие оказали на меня, например, следующие заключительные слова стихотворения:

Склониться к твоим ногам,
Сказать тебе, умирая:
«Я вас люблю, madame!»¹

— Это были не капризы или случайные настроения, — сказал Гейне. — Все эти резкие диссонансы я вводил вполне сознательно, из оппозиции к мягкотелой сентиментальности швабов и их подголосков.

И затем подчеркнул, что резкие диссонансы в его стихотворении — не плод его личной заносчивости: они — способ выразить его совершенно сознательную оппозицию.

— Эти стихи, — возразил я ему, — исчезнут именно потому, что они принадлежат определенной эпохе и проникнуты определенной тенденцией. Но что останется — это чистые, свободные от всякой оппозиции песни, уже

---

¹ Перевод А. Блока.

теперь ставшие народными, как, например, песня о Лорелее «Ты — как цветок весенний...» и другие в этом же роде, которые поют по всей Германии, на всех военных дорогах, а также в светских гостиных, и стар и млад, люди знатные и низкого происхождения. Гейне был тронут и очень обрадовался тем подробностям, которые мы ему в связи с этим сообщили. Он понятия не имел о том, что эти песни в самом деле поют подмастерья и солдаты. Мы рассказали ему о музыке, написанной к его песням Мендельсоном и Тристом, Леве и Шубертом. Он знал об этом очень мало и сказал, что музыка Леве нравится ему больше всего, что она совершенно его очаровала и ему хотелось бы иметь инструмент и чтобы перед смертью в его ушах звучали слова этих песен и эти мелодии. Общеизвестная мелодия «Лорелеи» была ему незнакома. Как бы мне хотелось доставить ему наслаждение услышать ее в исполнении Эмми ла Грюа, которая находилась в это время в Париже и с которой мы часто встречались. Но мы не решались выполнить этот план, ибо боялись того действия, которое могло оказать на больного сильное впечатление.

Когда я, перебирая таким образом отдельные стихотворения, назвал великолепное «Ты к сердцу моему прильни...», Гейне заметил:

— Это не оригинальное изобретение, и я об этом открыто заявил. Я всегда в таких вещах отличался болезненной литературной честностью. Другие, даже Гете, позволяли себе гораздо большую свободу действий, и правильно поступали. Я часто сожалею, что не делал того же, ибо я мог бы благодаря этому создать нечто прекрасное, народное.

79. ФАШИ ЛЕВАЛЬД

[Октябрь 1850 г.]

От веселых стихов мы перешли, не знаю каким образом, к «Зимней сказке». Штар и Гейне читали оттуда отдельные строки, и Гейне рассказывал, какое впечатление произвело на него возвращение в Германию:

— Хотя я, к сожалению, и нашел, что все по-прежнему и все так же ничтожно, однако все мне нравилось,

даже скверная еда, и в этом, пожалуй, причина того, что поэма так добродушна. Я мог бы нанести в ней гораздо более сокрушительные удары, но я этого не сделал, и в то время это оказалось полезным. Подумайте только! Книга выдержала в Америке двенадцать изданий!

80. АДЛЬФ ШТАР

[Октябрь 1850 г.]

— Самое худшее, — продолжал он [Гейне], — это то, что я вынужден диктовать всю свою переписку и не имею для этого надежного человека. Поэтому мне часто приходится выходить из положения так: каждое письмо, в котором содержится что-либо лично важное, давать писать двум или трем разным лицам на отдельных листочках. Но это противная и утомительная работа, и я потому диктую лишь самое необходимое. Если бы я хоть немного больше мог двигаться! При моем отвращении к скуке блаженного бытия я хочу все же, как я ни несчастлив, пожить подольше. Ибо самое жалкое земное существование кажется мне завиднее и куда предпочтительнее небесных радостей. Великолепный Ахилл хорошо знал, почему он предпочитал быть рабом на прекрасной земле, нежели государем в царстве теней.

81. ГЕОРГ ВЕЕРТ

[Февраль 1851 г.]

Париж я описывал тебе уже не раз. А в эту поездку я не видел и не пережил там ничего такого, что было бы достойно рассказа, и единственное, что осталось в моей памяти после трехдневного пребывания в этом городе, — это визит к Генриху Гейне, знаменитому немецкому поэту, которого я почитаю и люблю больше всех новых авторов. Я нашел этого несчастного в постели, к которой он прикован уже целых три года; одна сторона его тела полностью парализована, на один глаз он совершенно ослеп, и вообще это уже какая-то тень человека, физически почти мертвого.

И как чудесно, однако, что дух, ум, остроумие этого удивительного человека несколько не пострадали. В течение двух дней я проводил у его постели по несколько часов. Измученный болями, он иногда переставал говорить, но паузы длились лишь минуты, и затем он снова начинал разговор в таком духе, в каком он когда-то писал свои необузданные и чертовски мудрые арабески, так что я то раздражался громким хохотом, то был растроган до слез. Мне было также интересно узнать, что Гейне общается только с моим старым другом Рейнхардтом, который уже пять лет живет в Париже, и с ним вместе готовит к печати последний том стихов и мемуары.

82. АЛЕКСАНДР ВЕЙЛЬ

[1851 г.]

Болезнь [Гейне] обострялась со дня на день, так что он вынужден был сначала не покидать своей комнаты, а затем и постели. Немногие друзья остались ему верны. Его навещали Бюлоз и Берлиоз. Бюлоз уговаривал его отказаться от сочинительства на немецком языке и работать лишь для его «*Revue des deux mondes*». Я приходил к нему через день и был его чтецом. Позднее он пригласил чтицу. В это время я работал в «*Gazette de France*», что ему очень не нравилось. Гейне прощал, если вы не были республиканцем, но легитимистом быть не следовало. Напрасно я разъяснял ему, что из-за иезуитов число подписчиков «*Gazette*» сократилось с восемнадцати до трех тысяч.

— Она католическая, — возразил он, — этого достаточно. В абсурде не существует градаций. Высокое и глубокое означает здесь одно и то же. И кроме того, — прибавил он, — бог бессилен там, где от старости седина. Соломон правильно говорит: «Нет ничего нового под солнцем», но *над* ним есть новое, иначе не стоило бы становиться ангелом, особенно если ангелы обречены хранить верность своим ангелицам.

И если я был повинен в том, что он снова начал вспоминать о Моисее — о Моисее без всех тех чудес, которые ему приписывает Ездра, то он задолго до этого многое сделал, чтобы оторвать меня от «*Gazette*», ибо он знал

лучше, чем я, что католицизм несовместим со свободой и что если еврей — католик и легитимист, ему останется только одно: укрыться от мира, навесить на губы замок и напялить на голову ночной колпак.

83. ИММАНУИЛ-ГЕРМАН ФИХТЕ

[Конец сентября 1851 г.]

О тогдашней политической жизни — как ни любопытно было критическое положение дел во Франции — Гейне говорить не хотел, на ложе болезни интересы дня стали ему чужды; ему было безразлично, кто у власти. Напротив того, его чрезвычайно волновало упоминание о Пьере Леру и о Прудоне [...] Теориями этих двух людей Гейне, по его словам, много занимался; однако он не возлагал на них никаких надежд; его мнение, к которому мы перешли во время этого разговора, состояло примерно в том, что хотя развитие ими социалистической идеи в сравнении с тогдашним бессодержательным колеблющимся французским республиканизмом и представляло собой прогресс, соответствующий всемирно-историческому идейному развитию, однако этот прогресс, практически неосуществимый и непригодный, в конечном итоге предсказывал судьбу европейского республиканизма. Гейне воспользовался этой возможностью, чтобы высказать свое отношение к немецким демагогам.

— Когда я, — сказал он, — проникнутый немецко-демократическими, студенческими идеями, прибыл во Францию, я познакомился с сен-симонизмом, который быстро излечил меня от этих пустых, нежизненных мечтаний; с состраданием следил я отныне с высоты своих новых принципов за поступками этих людей; мы больше не понимали друг друга, и я отошел от них; уже одно это создало мне немало врагов. У немецких демагогов было обыкновенное всегда обращаться ко мне, так как они полагали, что я последую за ними в огонь и в воду. Когда же я не мог пойти на это, меня преследовали бесконечной враждой и клеветой [...]

Наш разговор сохранял свой серьезный характер и перешел теперь даже к высшему вопросу о вечном божестве.

стве. В особенности на эту тему Гейне говорил в добродушно-мягкой, почти детски наивной манере. Он честно и без обиняков признавался, что верующим его сделали страдания. Среди прочих его высказываний я записал такие слова:

— Когда болен — нуждаешься в божии, когда здоров — забываешь его.

84. СЕН-РЕНЕ ТАЙАНДЬЕ

[14 октября 1851 г.]

Вопреки весьма распространенному во Франции и в Германии мнению, Гейне по-французски писать не умел; он в совершенстве знал наш язык, ценил его нежнейшие тонкости, но он не в состоянии был построить ни одной простой фразы, не впадая в германизмы... При этом он не мог освободиться от одного предубеждения. Он боялся, что слишком верный перевод, даже если этот перевод, по его мнению, и очень поэтичен, не может дать французскому читателю ясного представления о том, что он хотел сказать.

— Есть такие вещи, — заявил он, — которые непременно нужно перелагать, а не переводить. Например, эти строфы, — прибавил он, — написаны в несколько рыцарском, романтическом духе; я писал их в стиле Клеменса Брентано и некоторых частей «Волшебного рога мальчика». Чего я хотел этим достичь? Мне показалось чрезвычайно заманчивым облечь то чувство, которое нужно было выразить, в грациозную, но старомодную форму; над всем этим должен был веять чарующий и в то же время выдохшийся аромат. Было ли это правильно или нет — это другой вопрос, но мне так хотелось. А это очарование романтики (в немецком смысле этого слова), этот весенний дух звучит у вас совсем не так старомодно, как у моих земляков Брентано и Фуке; это произвело бы впечатление чего-то гораздо более свежего и нового, что вовсе не входит в мои намерения. Давайте поставим на место романтизма эпоху Помпадур, Людовика XIV — на место средневековья [...]

Однако если сам он и не владел с легкостью и уверенностью нашим языком, он зато умел обстоятельно крити-

ковать те переводы, которые делались по его просьбе его друзьями. Удовольствием было слушать, как он, проявляя острейшее чутье к законам стиля и тонкостям языка, спорил о каком-нибудь слове, предлагал какой-нибудь оборот речи и взвешивал словосочетания.

85. ЛЮСИ ДУФФ-ГОРДОН

[1853 г.]

Я увидела вновь Гейнса, лишь когда три года назад была в Париже и услышала, что он смертельно болен и находится в чрезвычайно стесненных обстоятельствах. Я послала ему свою визитную карточку и написала, что мне очень хотелось бы повидать его, если он может припомнить маленькую девочку, которой много лет назад в Булони рассказывал «сказки». Гейнсе тотчас велел позвать меня и вспомнил все мельчайшие подробности и всех тогдашних постояльцев отеля. В те времена я ему послала одну народную песню о трагической судьбе леди Элис и ее преданного возлюбленного Джилия Коллинза, которая заканчивалась тем, что леди Элис съела одну только ложку овсяного отвара, «в котором было много сахара и приправ», а после ее смерти «священник вылизал остатки». Эта песня доставляла ему особое удовольствие, и он тотчас завел речь о священнике, который съел весь овсяной отвар.

Я, со своей стороны, не могла произнести ни слова, — я была потрясена его видом. Он лежал на груди матрацев, тело его так высохло, что под одеялом он казался маленьким ребенком; глаза были закрыты, а лицо было таким болезненным, таким изнуренным, какис можно увидеть лишь в изображениях ессе homo¹ какого-нибудь старонемецкого художника.

Голос его звучал совсем тихо, но меня удивила живость, с которой он говорил, — видимо, дух его полностью торжествовал над телом. Тонкими белыми пальцами поднял он парализованные веки и воскликнул:

— Божс! Маленькая Люси выросла и вышла замуж; как странно!

¹ Вот человек (лат.). (См. комментарий.)

Затем он начал настойчиво меня расспрашивать, счастлива ли, довольна ли я, и просил привести к нему мужа.

— Я надеюсь, — повторил он, — что вы теперь так же счастливы, как прежде, — ведь вы всегда были веселой девочкой.

Я ответила, что хотя я давно уже не так весела, как некогда «маленькая Люси», но все же счастлива и довольна.

— Это прекрасно, — сказал он, — приятно видеть женщину, которая не носится повсюду со своим раненым сердцем, чтобы лечить его у разных мужчин, подобно здешним женщинам, — ведь они в конце концов не замечают, что если им в самом деле чего-то не хватает, так это именно сердца.

Я привела к нему мужа, и, когда мы прощались, Гейне выразил надежду увидеть меня снова. Как он ни болен, сказал он, а умирать пока не собирается.

86. АЛЕКСАНДР ВЕЙЛЬ

[1853 г.]

Г е й н е. Если я встречу когда-нибудь этого Моисея, я скажу ему тогда свое мнение. Пусть послушает. Я скажу ему: «Что я, собственно, сделал твоему Иегове? За что он наказывает меня всеми муками ада? Разве я не пол ему хвалу в аугсбургской «Всеобщей газете»?» (*И затем, после паузы.*) Вероятно, какой-нибудь черт оклеветал меня перед этим Иеговой. Я всегда бывал так счастлив, когда Кампе или барон Котта присылали мне шесть тысяч франков, хотя эти деньги уже заранее были истрачены. Тогда он, чтобы испытать меня, бросил меня на этот матрац, как покойного Иова, и, как у бедного Иова, отнял у меня все, только жену не взял. Но в один прекрасный день, я уверен, он вернет мне все — здоровье, счастье и молодость.

— И вы тогда уверуете в него?

— Как в Ротшильда, когда он оплачивает мой вскель. И, как Елиуй в книге Иова, я буду восхвалять его за создание арабской лошади.

87. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[Август 1854 г.]

Был август 1854 года, когда я снова, и почти исключительно ради Гейне, приехал в Париж. На этот раз мое пребывание здесь не могло быть долгим — я разрешил себе эту поездку лишь как небольшое отклонение от более длинного маршрута. Кроме того, Париж в то время выглядел крайне мрачно. Все светское общество отправилось на Рейн, в Баден-Баден и Гамбург, а оставшиеся были заметно подавлены приближением холеры, плившей, подобно облаку миазмов, от раскаленного неба Марселя все дальше на север, мимо несчастного Арля к смеющимся берегам Сены.

На следующее утро после приезда я нанес первый визит в особняк британской миссии, где жил мой друг Одо Рассел, второй визит был к Гейне. Он все еще жил в доме № 50 по rue d'Amsterdam, в той же роковой комнате с видом во двор, и в его матрацную могилу по-прежнему доносилось сверху приглушенное брэнчание на фортепьяно. Проходил год за годом, ученицы там, наверху, барабанившие прежде этюды Черни и Герца, стали уже довольно зрелыми девицами и теперь исполняли «Тоску по Киеву» Юлиуса Шюльгофа. Нервы больного, натянутые как струны, должны были изо дня в день следить за совершенствованием их игры... Какое это было мучение!

Мне показалось, что внешне Гейне мало изменился, но весь он был в каком-то напряжении. Он был полон сильнейшего гнева против Мейербера. Причина этого гнева была мне не совсем ясна, однако дело, кажется, заключалось в следующем. Гейне написал несколько лет назад танцевальную поэму «Фауст», берлинский театр использовал ее содержание, почти полностью сохранив гейневский дух и замысел, и поставил балет под названием «Сатанелла». Поэт усмотрел в этом нарушение своих денежных интересов и обратился к главному директору с просьбой помочь ему отстоять свои права. Мейербер не смог или не захотел ничего сделать. Теперь Гейне изощрялся в шутках по адресу маэстро и в конце концов прибавил со смехом:

— Несмотря на это, Мейербер бессмертен, то есть он будет таковым, пока жив, а также еще в тече-

ние пескольких лет после смерти — за них он^еуплатил заранее.

В то время Гейне усердно занимался переводом своих стихов на французский язык. С этим переводом у него было много работы. Бедный Жерар де Нерваль помогал ему и каждый день по утрам проводил несколько часов у его постели.

Несмотря на долгое пребывание во Франции, Гейне так и не мог в совершенстве овладеть французским языком, хотя он умел полностью оценить все тонкости этого языка в устах других. Переводы, которые он сам делал, страдали известным многословием и носили немецкий отпечаток.

— Вы не поверите, — говорил он, — как трудно немцу выразить немецкий дух в этих строго очерченных, определенных, неизблемых формах. В таком преобразованном виде мои собственные песни кажутся мне совсем чужими. Ведь я — немецкая лесная птица, привыкшая строить свое жилище из разнообразного и простейшего матернала, а теперь я व्यю себе гнездо в локонах Вольтерова парика.

Гейне остался в одиночестве. Небольшой круг прежних друзей сузился. «Огнеокая Элиза» больше не приходила — дружеские отношения были порваны. В большом доме, которым управлял г-н А[рно], ставший за это время миллионером, встречались, как говорили, некоторые подозрительные личности. Владелец цирка не может избежать того, чтобы в его салонах не появлялись время от времени в толпе писателей и драматических актеров гений натянутого каната, дочь воздуха или героиня высшего класса верховой езды, и Гейне протестовал против своего окружения.

Я спросил о маленькой Алисе. Прелестная девочка умерла. Я спросил о мадемуазель Женни, — ее звали в нашем кругу Буссильон, — она стала *grande dame du quartier Breda*,¹ знаменитой камелией, обладательницей лошадей и кареты, ложки в Комической опере и двух лаксв.

Гейне потянулся за бумагами, лежавшими на его ночном столике, и дал мне прочесть стихотворения, помещенные в приложениях к первому тому «Смешанных сочинений». Я прочел:

---

¹ Знатной дамой квартала Бреда (*франц.*).

В МАЕ

Друзьями, которых я пылко любил,
Бесстыдно обманут и предан я был,
Мне грустно. А солнце, смеясь и сверкая,
Приветствует буйство веселого мая.

Все празднично. Птицы поют в вышине.
Цветы и девушки рады весне,
И светится счастье в улыбке их ясной.
Но как ты мерзок, мир прекрасный!

Я в Орк бежать готов подчас.
Он гнусным контрастом не режет нам глаз,
И легче тянуть постылые годы
В ночи, где плачут стигийские воды.

Лай Цербера сторожевой,
Хрип стимфалид, и фурий вой,
И Леты призрачная гладь —
Все раздражающе под стать

Недугам и тоске сердечной.
В проклятом царстве скорби вечной,
Подвластном хмурому Плутону,
Все как-то созвучно страданию и стону.

А здесь, наверху, мне горьки до слез
Сиянье солнца и запах роз,
Дразнящие сердце надеждой напрасной.
О, как ты мерзок, мир прекрасный!¹

Волнение мое возростало от строфы к строфе. В этом стихотворении больной поэт выразил себя с потрясающей силой. Да, так оно и было. За окном виднелись улицы, залитые солнцем, экипажи катили в Булонский лес, добрые друзья разгуливали по бульвару, а здесь, на своем ложе, был простерт одинокий и несчастный страдалец.

— Читайте дальше, — сказал Гейне, — здесь есть и религиозные стихи.

Я прочел:

Брось свои приносаказанья
И гипотезы святые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!

---

¹ Перевод В. Левика.

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачится правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?

Кто виной? Иль воле бога
На земле не все доступно?
Или он играет нами? —
Это подло и преступно!

Так мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно
Не забьют нам рта землею...
Да ответ ли это, полно? ¹

— И это вы называете религиозными стихами? —
спросил я. — Я бы назвал их атеистическими.

— Нет, нет, это стихи религиозные, кощунственно
религиозные, — возразил он, улыбаясь. — Там есть одна
вещь, которую я особенно люблю; прочтите ее громко,
я хочу еще раз ее послушать.

Я прочел:

Как молнией, во мгле неверной
Твоим письмом я озарен;
И ясно мне, что я сражен
Несчастьем, что оно безмерно.

Ты сострадания полна!
А прежде на мои страданья
Взирала ты, как изваянье,
Как мрамор статуи холодна.

О боже, жалок мой удел!
Она — и то заговорила,
Письмо слезами оросила, —
Меня и камень пожалел!

Я и тебя, господь, молю
О милости! Так ниспосли же
Покой мне, так заверши же
Ужасную трагедию. ²

Я вынужден был остановиться.

— Какие стихи, — воскликнул я, — какая звучность!
Никогда еще вы не писали ничего подобного, и я никогда
не слышал ничего похожего,

---

¹ Перевод М. Михайлова.

² Перевод Т. Сильман.

— Не правда ли? — спросил Гейне и с большим трудом поднялся на подушке, открыв указательным пальцем бледной бескровной руки закрытый глаз. — Не правда ли? Да, я знаю, это прекрасно, ужасающе прекрасно! Это как бы жалоба из могилы, это кричит в ночи заживо погребенный, или даже мертвец, или даже сама могила. Да, да, таких звуков немецкая лирика еще никогда не слышала, да и не могла их слышать, ибо ни один поэт ничего подобного не пережил.

— В этих стихах слышится призыв с того света, — сказал я, — вопль с берегов Ахерона, тень зовет солнечную жизнь. И это не обычный мертвец кричит, — это плачет и жалуется Лир! Самая глубокая тоска тех дней, когда вы были здоровы, кажется светлой, великолепной лунной ночью по сравнению с этой беззвездной тьмой, в которую еще никогда не проникал свет!

Я глубоко почувствовал, что ложе страшного недуга подняло его на трагическую высоту, которая совершенно не была ему свойственна. Попытки тяжелых физических страданий расширили его душу и проникли в нее до ужасающей глубины. Гейне заметил те чувства, которые он пробудил во мне, и захотел развеселить меня анекдотами и воспоминаниями прежних времен. Однако всякое сильное возбуждение, каждый длинный разговор мстили ему за себя. Постоянно возвращавшиеся боли вдруг охватили его и сковали все его существо. Он лежал мертвенно бледный и неподвижный, и казалось, что душа его уже отлетела. Лишь мгновенно пробегавшие по лицу судороги свидетельствовали о том, что он еще жив; но какой невыразимо мучительной была эта жизнь!

Охваченный глубоким состраданием, я бы сказал — раздираемый им, я долго молча смотрел на него, но, так как состояние его не менялось, я задал ему несколько вопросов, на которые он не ответил и которых, казалось, даже не слышал.

Тогда я направился к двери, чтобы позвать сиделку, но Гейне сделал движение рукой, и я остановился узнать, чего он хочет. Он повторил то же движение, значения которого я опять не понял.

И вот Гейне положил конец моим сомнениям, прошептав с трудом: «Останьтесь». Язык был послушнее его воле, чем рука,

С полчаса он лежал неподвижно, охваченный приступом боли... Там, за окном, был светлый день, голубое небо. В комнату заглядывало лучезарное солнце, шумела чужая радостная жизнь. В душе моей странным контрастом звучали стихи:

О, как ты мерзок, мир прекрасный!

88. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[1854 г.]

Одиночество поэта вновь возросло, он сам чувствовал, что агония тянется слишком долго и драгоценное сочувствие современников с течением времени испаряется. Он потерял даже своего «отца ласточек», который его так часто забавлял. Прежние французские друзья часто не появлялись по полгода. Кому же в Париже, этом городе радости, хочется думать об одре болезни, входить в комнату со спертым воздухом, смотреть на эти муки? Только женщина способна выдержать такое в течение долгого времени — мать, жена, возлюбленная, но не друг и менее всего — француз! Когда однажды Гейне доложили о приходе Берлиоза, несчастный воскликнул, поспешно выпрямившись:

— Что? Кто-то пришел ко мне? Берлиоз всегда был оригиналом!

89. АНРИ ЖЮЛИА

[1854—1855 гг.]

Мало кто в последнее время посещал Гейне. Из женщин приходили г-жа Калерги, г-жа Бельджойозо, г-жа Жюбер, г-жа Зельден; из мужчин появлялся иногда Берлиоз, затем Мишель Шевалье, Минье, Жерар де Нерваль и Сен-Рене Тайандье. Двое последних были переводчиками его произведений и, кроме того, его друзьями.

90. КАМИЛЛА ЗЕЛЬДЕН

[15/20 июня 1855 г.]

Много лет я знала Г. Гейне как писателя, как поэта, а на закате его жизни вступила с ним и в личные отношения. Я была в Вене, и один из тамошних почитателей поэта,

барон Веск фон Пюттлинген, попросил меня передать Гейне несколько музыкальных пьес. Чтобы дело было надежнее, я сама отнесла ноты на квартиру Гейне. После того как я выполнила поручение и уже собиралась уйти, в соседней комнате раздался довольно резкий звонок и до моего слуха донесся звучащий несколько повелительно голос, который просил меня остаться. Дверь открылась, и передо мной оказалась темная комната, входя в которую я наткнулась на оклеенную бумагой ширму. Позади ширмы на довольно низкой постели покоился больной, полусонной человек, который выглядел значительно моложе своих лет. Черты его лица были в высшей степени своеобразны и приковывали к себе внимание; мне казалось, что я вижу перед собой Христа, по лицу которого скользит улыбка Мефистофеля. Больной приподнялся и, протягивая мне руку, выразил радость, что видит у себя человека, который был «там, внизу». При этом «там, внизу» у него вырвался вздох, который замер, как отзвук хорошо знакомой, но давно уже не слышанной мелодии. У одра болезни, перед лицом смерти быстро завязываются узы дружбы, и когда я отправлялась домой, Гейне дал мне книгу и попросил прийти снова. Это приглашение я сочла тогда просто за проявление вежливости и не последовала ему, потому что боялась побеспокоить больного. Но вот приглашение было повторено в письменном виде, и упрек, которым оно сопровождалось, столь же взволновал меня, сколь был для меня лестным.

После этого дня посещения мои прекратились лишь тогда, когда в одно мрачное февральское утро поэт был перенесен на место своего последнего успокоения.

91. КАМИЛЛА ЗЕЛЬДЕН

[Июнь 1855 г.]

В годы, когда каждый художник стремился создать себе если не живописный, то по крайней мере красивый и уютный домашний очаг, меня в особенности должен был поразить тот факт, что я нашла Гейне в помещении, в котором не было и следа изящества, ни малейшего комфорта и домашняя обстановка которого принадлежала к давно

минувшей эпохе. У меня напрашивался вопрос: что могло придать такого рода окраску жилищу поэта? Быть может, просто беззаботность, нежелание обращать внимание на внешнюю сторону жизни? Или на бюджете его лежало тяжкое бремя вынужденной экономии?

Когда я впервые увидела Гейне, он жил неподалеку от Елисейских полей, на пятом этаже одного из домов, расположенных на avenue Matignon. В квартире были три или четыре комнаты, одна из которых служила столовой, а две — жильем хозяина и хозяйки дома. Обстановка в комнате больного состояла из довольно низкой кровати за ширмой, нескольких стульев и письменного стола орехового дерева, который стоял напротив двери. На стене в рамках, относившихся к первым годам правления Луи-Филиппа, висели две гравюры на меди с «Жнецов» и «Рыбаков» Леопольда Робера. За окнами, выходящими на улицу, был маленький балкон, над которым в жаркий день натягивали тент, как это обычно делается в маленьких кофейнях.

Здесь ни в чем не ощущалась заботливая рука хозяйки дома, которую я нашла в другой комнате, заваленной всевозможным тряпьем и мишурой. Выгодно освещенный, на стене выделялся портрет хозяйки, изображавший ее в туалете, который был модным в конце тридцатых годов.

Тот вздор, который угодно городить биографам об отношениях супругов Гейне и о муже, который был слишком влюблен, чтобы быть расчетливым, не может ввести в заблуждение ни одного очевидца. Стремиться превратить в идиллию то, что сам поэт никогда не думал выдавать за таковую, означает творить поэтическую легенду за счет истины.

92. КАРОЛИНА ЖОБЕР

[Лето 1855 г.]

Для того чтобы уяснить себе направление ума поэта, нужно учитывать, что он был восприимчив к любому религиозному воззрению, называло ли оно своим пророком Магомета, Моисея или Лютера, и в то же время был

нетерпим к ханжеству. Вера, молитвы, духовенство были для него неиссякаемым источником остроумия и саркастических замечаний, поток которых не могла остановить и самая смерть, когда он ощутил ее ледяное дыхание. Однажды, в последнее лето, которое он проводил на этой земле, я, несмотря на отчаянную жару, отправилась навестить его. При моем появлении он воскликнул:

— Ах, милый друг, я только что испытал настоящий страх! Представьте себе, открыли мое окно, и вместо того чтобы на таком палящем солнце размышлять о цветущих липах, как это сделал бы всякий разумный человек, я мысленно вижу перед собой одну за другой церкви, которые посетил во время путешествия по Италии. «Спасите! — кричу я. — Паралич охватывает мозг!» — «Успокойтесь, это просто жара, — отвечает мой флегматичный секретарь. — Тридцать шесть градусов по Реомюру в тени». Это объяснение было для меня лучом света. Я подумал о том месте в «Путевых картинах», где я назвал католическую религию, за прохладу, царящую в церквях, доброй летней религией. Вы, конечно, понимаете, милый друг, какие ассоциации вызвало это ощущение.

Этот вопль ужаса, которому он придал такую комичную форму, был, однако, выражением его постоянного страха. С жадностью относясь к сообщениям, которые могли ему служить предметом сравнения, он любил справляться о лицах, страдавших той же болезнью, что и он. В особенности занимал его Огюстен Тьерри; если я навещала последнего, то один вопрос следовал за другим: «Спал ли он? Ест ли он? Как работал?» Он не переставал справляться о состоянии головы Тьерри: «Сохранил ли знаменитый историограф в самом деле всю свою энергию, все свои умственные способности?» Когда я ему это подтвердила, у него вырвался глубокий вздох облегчения:

— Знаете ли вы, милый друг, что наша болезнь одного и того же происхождения?

И затем продолжал насмешливым тоном:

— Это от излишних трудов, говорят добрые люди. Излишек — подходящее слово. Но правильно ли оно употреблено?

93. КАРОЛИНА ЖОБЕР

[1855 г.]

Истинную радость доставило ему [Гейне] посещение княгини Бельджойозо, которая возвратилась с Востока. Она ездила в Иерусалим на святые места [...] Княгиня неверно поняла тот интерес, с которым он расспрашивал ее о путешествии в Святую землю, — ей хотелось видеть в этом проблески религиозности у больного. Она говорила ему об аббате Кароне, который в то время оказывал большое влияние на публику, как об интересном и заслуженном человеке. Она предложила привести его к Гейне. Я склонна думать, что лишь стремление рассматривать вещи с противоположных сторон было для Гейне единственным мотивом, побудившим его не отказать в этой просьбе.

После двух или трех посещений аббата он сказал мне:

— Княгиня привела ко мне аббата Карона. Вы, конечно, уже знаете об этом? Ему уже удалось (здесь он соорудил покаянную мину) вызвать во мне некоторый религиозный приступ... Но, — продолжал он, смеясь, — я решительно возвращаюсь к катаплазмам, Облегчение наступает быстрее.

94. КАМИЛЛА ЗЕЛЬДЕН

[Сентябрь 1855 г.]

Больному поэту совсем плохо, он подддерживает в себе бодрость лишь силой воли и лихорадочным желанием закончить свои мемуары, которые должны одновременно заключать в себе оправдание его поступков и служить добавлением к его сочинениям [...] Бесчисленное количество раз заставляла я Гейне с лежащими перед ним листами белой бумаги, которые он покрывал тем характерным почерком, один вид которого уже свидетельствовал о смелости и ясности его мыслей. Карандаш летал с лихорадочной быстротой и превращался в исхудавших пальцах больного как бы в смертоносное оружие, с помощью которого должен быть нанесен удар чьей-нибудь якобы незапятнанной репутации. Однажды шорох карандаша внезапно прекратился и раздался смех, в котором звучала удовлетворенная месть. Я взглянула на Гейне,

— Я держу их, — воскликнул он, — ни живыми, ни мертвыми они теперь не вырвутся от меня. Тот, кто посмел поднять на меня руку, может порадоваться, когда прочтет эти строки! Гейне не умирает как обычные люди, — когти тигра и после его смерти будут терзать свою жертву.

95. АДЛЬФ ШТАР

[3—4 октября 1855 г.]

Когда я пять лет назад расстался с безнадежно больным поэтом, я никогда не думал, что мне будет суждено увидеть его снова через полдесятилетия на том же одре болезни, в единоборстве с теми же невыразимыми муками. И все же это случилось. Генрих Гейне еще жив, если можно назвать жизнью такое существование, когда в течение более чем семи лет змеиные кольца неизлечимой хропчещей болезни, причиняя бесконечные, все возрастающие муки, все туже и туже обвиваются вокруг несчастного существа, которое не может противопоставить этой ужасной участи ничего другого, кроме упрямой насмешки и иронии над самим собой да жалкого утешения, что даже подобное бытие при всем его убожестве предпочтительнее уничтожающего небытия!

Он покинул свою старую квартиру на rue d'Amsterdam и перевезен на avenue Matignon № 3, у самых Елисейских полей, где, отсчитав по лестнице сто пять ступенек, я и нашел его в маленькой комнате с балконом. Он был в точно таком же состоянии, в каком я его видел в последний раз пять лет назад. Я застал его лежащим на низкой кушетке, с карандашом в руках и с папкой, так как, по его словам, он пытался, ввиду болезни своего секретаря, написать кое-что сам. Внешне он изменился мало. Он выразил сердечную радость, что видит меня снова.

— Вам должно показаться сказкой, что вы меня еще застаете в живых, — сказал он. — Кажется же мне временами, что я лгу самому себе, когда просыпаюсь от опиумного сна и нахожу себя все еще в моей комнате. Но поверьте, — продолжал он, не обращая внимания на мое банальное возражение, что, по-моему, он выглядит лучше, чем пять лет назад, — поверьте, в следующий раз вы

меня уже не застанете! Это было бы слишком уж скучно для моих друзей. Сострадание должно быть резиновым, чтобы выдержать подобное растяжение.

Он рассказал затем о своем переезде на новую квартиру, которую сам выбрал, так как она давала ему возможность на специально приспособленной для этого низкой постели наслаждаться в хорошие часы свежим воздухом и солнечным светом на широком балконе, который от солнца был защищен навесом, а от сквозняка — легкими перегородками. Он предложил мне выйти на балкон, чтобы полюбоваться видом на зеленые деревья и далекую пеструю жизнь Елисейских полей. После того как я по достоинству оценил то и другое, он заметил:

— Вы не можете себе представить, что со мной было, когда я после стольких лет впервые увидел отсюда мир половинкой моего глаза, и все же это было так мало! Я велел подать мне в постель бинокль жены и с невероятным удовольствием смотрел на подмастерье кондитера, который предлагал свои пирожки двум дамам в кринолинах, и на маленькую собачонку неподалеку — она стояла на трех лапах и облегалась у дерева! Тогда я убрал бинокль; я ничего больше не хотел видеть — я завидовал собаке!

Вошла сиделка, чтобы напоить его, и затем, как ребенка, перенесла его на руках с низкой кушетки, на которой я застал его, обратно в постель. Между тем он перевел разговор на Германию и посетовал на те нападки, которым он там подвергся за последнее время и за которые он, по его словам, был вознагражден и утешен во Франции успехом его произведений, переведенных на французский язык. В заключение Геёне заметил, смеясь своим характерным тихим и приглушенным смехом:

— В то время как мои друзья в Германии бьют меня, во Франции меня носят на руках. Вы только что это видели!

Я сказал ему, что его «Лютеция» вызвала сильное недоверие, и не без основания. Он прервал меня словами:

— Знаю, знаю, что и у вас тоже! Мне писали. Но вам я могу простить. Вы честны и как друг и как враг, и, кроме того, я слышал, вас тоже наказали в любезном отечестве за то, что вы однажды похвалили меня и назвали умирающим Аристофаном. И все же я как раз тот самый добряк Аристофан, о каком только и могут мечтать

современные афиняне, и я падеюсь, что от такого сравнения я по крайней мере не пострадаю.

Затем он пожаловался на полное отсутствие немецких книг и спросил, не привезли ли мы чего-нибудь с собой и нет ли по крайней мере у Фанни Левальд ее последнего большого романа «Перемены», о котором он столько слышал и которого не мог достать.

Я обещал ему раздобыть эту книгу, которая казалась ему очень важной, — она имелась у одного из наших здешних друзей, — а также сообщить писательнице о вновь высказанном им желании с ней увидеться, ибо она не хотела сопровождать меня, не получив точного известия о самочувствии больного. Гейне настойчиво просил меня как можно скорее привести ее к нему, так как мы всегда для него желанные гости.

— Вы делаете доброе дело, если оба уделите мне несколько часов, даже если это мне пойдет во вред. Встреча с вами всегда наслаждение для меня, а сокращение моего существования наслаждением — да это ведь в моем положении просто счастье!

Через несколько дней я получил письмо, написанное его рукой карандашом. Я хотел видеть его произведения, переведенные на французский язык; он посылал их мне в подарок ко дню рождения.

96. ФАННИ ЛЕВАЛЬД

[Ноябрь 1855 г.]

Штар должен был наверстать на выставке упущенное время. На сей раз сопровождать его, как обычно, я не могла и как-то днем поехала без него к Гейне. Это был единственный случай, когда я вообще посетила поэта одна.

— Вы одна! — воскликнул он при моем появлении. — Вот это уж совершенно неожиданно! Надеюсь, Штар не болен?

— Тогда бы я не пришла, — ответила я.

— Вы вообще, вероятно, не часто расстаетесь? — спросил он, прежде чем я успела осведомиться о состоянии его здоровья, которое показалось мне изменившимся, так как рука его, которой он поднимал веко, дрожала. Раньше я этого не замечала.

— Если это возможно, — ответила я, — мы стараемся быть вместе; я думаю, что люди для того и женятся, чтобы быть вместе!

— У вас это, быть может, и так! Здесь же, то есть в большом и малом свете, женятся на театральной ложе, на *соурé*¹ и за право пользоваться ими без их владельца терпят его самого, продают ему и себя и свою жизнь. Но и при этих условиях добиваются довольно сносного общепринятого и приличествующего званию счастья!

Он засмеялся, и у него начался приступ судорожного кашля, который с некоторых пор усиливал его страдания. Я хотела позвонить и позвать сиделку, но он остановил меня. Когда приступ кашля прошел, он спросил, где Штар; я сказала, что он на выставке. Он попросил рассказать о ней. Я сказала, что нам понравилось то, как большинство публики совершенно равнодушно проходит мимо изображений святых, мимо полотен на библейские сюжеты, хотя на выставке имеются прекрасные картины этого рода. Наибольшее количество зрителей привлекают картины с изображением зуавов.

— Французы перестали быть религиозным народом, — заметил он.

— Однако, когда ни войдешь в церковь, там всегда есть молящиеся, а по воскресеньям церкви битком набиты...

— Женщинами! — закончил Гейне. — Вы только представьте себе, какое это удовольствие — иметь возможность рассказать кому-то о своих сладчайших грехах, чтобы их вам простили, и получить заверение в том, что господь больше радуется одной кающейся грешнице, нежели сотне праведников. Исповедь — это институт, основанный с глубочайшим знанием человеческой природы. Отнимите у церкви таинство исповеди, и вы увидите, как она опустеет.

Я знала различные случаи, когда совет и влияние умного священника оказывали весьма благотворное действие, и я слышала от близких приятельниц, что известный в истории нашей революции свободомыслящий капеллан фон Берг был им дорог как пастырь. Гейне выслушал меня, затем оставил эту тему и сказал:

---

¹ Двухместной карете (*франц.*).

— Ведь я так люблю искусство, а вот представьте себе — целых семь лет не видел ни одной картины! Да и кто вообще может вообразить себе мое состояние? Пароль моего существования — «никогда больше!» Вы думали о том, какие это страшные слова? Никогда больше не ходить! Никогда больше не видеть! Никогда больше! Как тяжелое колесо, катятся они к нам, придавливают всё — вот уже и мы лежим под ними, и словам «никогда больше» приходит конец!

Его охватил новый, еще более сильный приступ кашля, он сам позвонил сиделке, сделав мне знак, чтобы я уходила, и когда он протянул мне на прощание худую горячую руку, это было прощанием навеки.

97. КАРОЛИНА ЖОБЕР

[13 февраля 1856 г.]

В последний раз я увиделась с Генрихом Гейне за четыре дня до его смерти; он говорил с обычной непосредственностью, только тон был серьезным.

«Умирание — очень серьезное дело, — говорит Лабрюйер, — не шутка при этом уместна, но стойкость».

Эта последняя добродетель ни на мгновение не покидала мужественного страдальца. Когда я расставалась с ним и, по своему обыкновению, вложила в его руку свою, чтобы попрощаться, он подержал ее несколько секунд и затем тихо сказал:

— Не нужно медлить, друг мой, так будет разумнее.

Его удивительный ум не угасал до последнего мгновения.

98. АЛЬБЕРТ ВОЛЬФ

[16 февраля 1856 г.]

Когда Гейне почувствовал приближение смерти, он пожелал остаться наедине со своим врачом, доктором Груби.

— Доктор, — сказал он, — вы ведь были моим другом. Я прошу вас о последней дружеской услуге. Скажите мне чистую правду: дело идет к концу, не так ли?

Врач молчал.

— Благодарю вас, — сказал Гейне.

— Нет ли у вас последней просьбы ко мне? — спросил врач, глубоко взволнованный.

— Да, — ответил поэт, — моя жена спит. Не будите ее. Возьмите там, на столе, цветы, которые она купила сегодня утром. Цветы я люблю больше всего. Так, положите их мне на грудь. Благодарю вас, еще раз благодарю!

И, с восхищением вдыхая в последний раз аромат цветов, он пробормотал: «Цветы! Цветы! Как прекрасна природа!»

Это были его последние слова.

99. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

[16—17 февраля 1856 г.]

За несколько часов перед кончиной поэта в комнату к нему ворвался один знакомый, чтобы еще раз его увидеть. Войдя, он сразу же обратился к Гейне с вопросом, каковы отношения его с богом. Гейне ответил, улыбаясь:

— Будьте спокойны, Dieu me pardonnera, c'est son métier.¹

Так пришла последняя ночь, ночь с шестнадцатого на семнадцатое февраля,

---

¹ Бог простит меня — это его профессия (*франц.*).

КОММЕНТАРИИ

ПИСЬМА 1837—1856 ГОДОВ

О принципах отбора писем — см. комментарии к письмам 1816—1836 годов, т. 9 настоящ. издания, стр. 660—661.

В данном томе впервые публикуются в русском переводе письма 2, 8, 12, 13, 24, 29, 32, 33, 36, 37, 38, 47, 60, 61, 62, 63, 67, 69, 70, 72, 78, 82, 87, 89, 94, 95, 97, 99, 102, 104, 112, 114, 116, 136, 141, 151, 161, 187, 189, 193, 199, 200, 225, 227, 230, 231, 232.

1. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 7. *Юлиус Кампе* (1792—1867) — немецкий издатель, владелец гамбургской фирмы «Гофман и Кампе». Деловые отношения Гейне и Кампе продолжались с 1826 года и до самой смерти поэта.

...*весть о смерти моей тетки так ошеломила меня...* — Бетти Гейне была женой дяди поэта, известного гамбургского банкира Соломона Гейне, от которого во многом зависело материальное благополучие поэта. Она доброжелательно относилась к Гейне и неоднократно пыталась смягчить неприязнь, которую банкир питал к своему племяннику. Бетти Гейне умерла 15 января 1837 года.

...*выпускающий пятнадцатый том г-на Берне...* — Карл-Людвиг Берне (1786—1837) — выдающийся немецкий писатель-демократ, автор «Парижских писем» (1830—1833), знакомящих немцев с революционными событиями во Франции, и антинационалистического памфлета «Менцель-французоед» (1836). Подробнее о нем см. комментарии к книге Гейне «Людвиг Берне» (т. 7 настоящ. издания, стр. 5—130). Кампе выпускал сочинения Берне не под своим именем, а под маркой фирмы Л. Брюне.

Стр. 8. ...я *задолжал 20 000 франков*... — Происхождение этого долга неясно. Гейне уверял, что был обманут одним из своих друзей, за которого он поручился. Во всяком случае, для него возникла опасность попасть в долговую тюрьму Сент-Пелажи, которой он избежал лишь тем, что продал Кампе полное собрание своих сочинений сроком на одиннадцать лет за 20 000 франков.

Котта Иоганн-Георг (1764—1832) — глава крупной издательской фирмы, сын Иоганна-Фридриха Котты, также печатавшего сочинения Гейне.

Предисловие к третьей части «Салона» не было опубликовано по цензурным соображениям. Лишь позднее, в том же 1837 году, Гейне удалось напечатать его в виде отдельной брошюры под названием «О доносячке». Это сочинение посвящено разоблачению издателя «Литературной газеты», критика Вольфганга Менцеля (1798—1873). Реакционная деятельность Менцеля, его доносы на передовых писателей заставили Гейне, Берне и других прогрессивных литераторов выступить против него.

Меттерних Клеменс (1773—1859) — реакционный австрийский государственный деятель, один из организаторов «Священного союза», боровшегося против революционного движения в Европе. Гейне узнал, что Меттерниху понравились его стихи, и рассчитывал на его заступничество. Но он ошибался. Политические интересы были для Меттерниха важнее поэзии. На самом деле австрийский канцлер через своего посла в Париже натравливал французское правительство на Гейне и других немецких революционных эмигрантов, проживавших во Франции.

Тевтономаны — немецкие националисты.

Стр. 9. *Менцель*. — См. примечание к стр. 8.

Лео Август — гамбургский банкир, переселившийся в Париж. В «Лютеции» Гейне описывает крах его финансовой карьеры (см. т. 8 настоящ. издания, стр. 224—226).

2. АВГУСТУ ЛЕВАЛЬДУ

Стр. 10. *Август Левальд* (1792—1871) — немецкий писатель и журналист, в прошлом коммерсант, затем секретарь русского фельдмаршала Барклая де Толли, участник французского похода русской армии. В 30-х годах он выпускал в Штутгарте «Всеобщее театральное обозрение», в котором опубликовал статьи Гейне «О французской сцене».

...изучайте словотворчество и манеру письма... Лютера... — Основатель протестантизма в Германии Мартин Лютер (1483—1546),

переводчик Библии, был одним из создателей современного немецкого литературного языка.

Фарнхаген фон Энзе Карл-Август (1785—1858) — прусский дипломат и либеральный писатель. Его воспоминания — ценный памятник эпохи. Фарнхаген был другом Гейне и автором первой благожелательной рецензии на его ранний сборник «Стихотворения». См. письма Гейне к Фарнхагену в т. 9 настоящ. издания и примечания к ним.

Хвас Адольф-Фриц (1811—1867) — уполномоченный фирмы Бродхаг, который вел переговоры с Гейне об издании полного собрания сочинений поэта.

Матильда — имя, которым Гейне называл Крессенсию-Эжени Мира́ (1815—1883), свою возлюбленную, а впоследствии жену.

Стр. 10—11. *Пенелопа* — в древнегреческом эпосе верная жена Одиссея (*Улисса*). Во время двадцатилетнего отсутствия ее мужа многочисленные женихи, уверенные в его смерти, настаивали на том, чтобы она выбрала из них его преемника. Она обещала сделать выбор по окончании своей работы над богатым покровом, но за ночь распускала нити ткани, которую успевала соткать за день.

Стр. 11. *Ваш проект издать полное собрание моих сочинений...* — Левальд хлопотал в Штутгарте у местных книгопродавцев об издании полного собрания сочинений Гейне, в частности он завязал переговоры с фирмой Бродхага, издававшей в то время классиков (см. также примечание к стр. 10).

Стр. 12. *Мои отношения с немецкими властями налаживаются с каждым днем, и даже в Пруссии самые высокопоставленные, более того — самые влиятельные государственные деятели уже высказывались в мою пользу.* — На самом деле как раз в 1837 году многочисленные тайные осведомители особенно предостерегали немецкие правительства против вольнодумного поэта.

...ко мне весьма благоволят... Меттерних... — См. примечание к стр. 8.

3. ЮЛИУСУ КАМНЕ

Стр. 13. *...мой здешний банкир...* — Имеется в виду Август Лео (см. примечание к стр. 9).

4. ЮЛИУСУ КАМНЕ

Стр. 13. *Штутгартцы.* — Имеются в виду две штутгартские издательские фирмы: Бродхага и Шейбле, каждая из которых выра-

вила желание издать полное собрание сочинений Гейне. В конце концов, однако, право на это издание купил Кампе.

Жюль Коэн — парижский банкир и издатель газеты «Le pays», с которым Гейне был в дружеских отношениях.

Стр. 14. *Гейделоф* — один из владельцев парижской книгоиздательской фирмы «Гейделоф и Кампе», которая издавала книги Гейне.

...прошу послать предисловие... доктору Менцелю в Штутгарт, указав мой адрес... — Гейне хотел, чтобы Менцель, против которого было направлено «Предисловие», дрался с ним на дуэли, но Менцель струсил и уклонился от этого.

День и ночь я работаю над новой книгой... погибли при пожаре в доме моей матери. — Гейне имеет в виду свою работу над «Мемуарами». О сложной истории рукописи «Мемуаров» см. комментарии к этому произведению в т. 9 настоящ. издания.

5. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 15—16. *Я спрошу раньше у здешнего своего банкира...* — Гейне имеет в виду Жюля Коэна (см. примечание к стр. 13, письмо 4).

Стр. 16. *...с вводной биографической заметкой, написанной одним моим другом...* — Гейне имеет в виду Иоганна-Германа Детмольда (1807—1856). Детмольд, ганноверский юрист и писатель-сатирик, был видным деятелем либеральной оппозиции, но после революции 1848 года, будучи избран во франкфуртский парламент, занял там консервативную позицию. В 30-х и 40-х годах он неоднократно встречался с Гейне в Париже.

...я издаю свою жизнь в полном объеме, это и будет моей ближайшей книгой. — См. примечание к стр. 14.

Дюмлер Фридрих-Генрих-Георг-Фердинанд — берлинский издатель.

Стр. 17. *Антименцелиада.* — Имеется в виду направленная против Менцеля брошюра «О доноскичке» (см. примечание к стр. 8).

6. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 18. *Шейбле.* — См. примечание к стр. 13.

Введение к «Дон-Кихоту». — См. т. 7 настоящ. издания, стр. 136—154.

Рахель (1771—1833) — жена Карла-Августа Фарнхагена фон Энзе (см. примечание к стр. 10), писательница и хозяйка берлин-

ского литературного салона. См. письма Гейне к чете Фарнгаген в т. 9 настоящ. издания и примечания к ним.

Стр. 19. *...истории с женщинами и истории с мужчинами, то есть любовные сплетни и дуэли.* — Речь идет об инциденте в одном из парижских ресторанов, где жена Гейне Матильда кокетничала с каким-то французским литератором. В результате возникла ссора, которая привела Гейне к дуэли. Обмен выстрелами никому не причинил вреда, и секунданты заставили противников примириться.

Литературное уведомление, приложение к настоящему письму, не было опубликовано Кампе.

7. АВГУСТУ ЛЕВАЛЬДУ

Стр. 20. *Вандейская война* — ряд контрреволюционных роялистских мятежей, происходивших в период Великой французской революции в департаменте Вандея и распространявшихся на значительную часть морского побережья Франции.

...пишу цикл писем, обращенных к Августу Левальду... — В форме дружеских писем к Августу Левальду составлены статьи Гейне «О французской сцене» (см. т. 7 настоящ. издания, стр. 235—306).

8. ПОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Стр. 20. *Иоганн-Герман Детмольд.* — См. примечание к стр. 16.

Стр. 21. *«Немцев в Париже» вам нельзя будет отдать «Ганноверской газете»...* — В письме Гейне к Детмольду от 14 июня 1837 года разрабатывался план написать совместную статью о проживающих в Париже немцах. Этот план не был осуществлен.

Шпацир Рихард-Отто — немецкий журналист, нападавший в своих статьях на Гейне. В частности, он превратно осветил в «Ганноверской газете» историю дуэли Гейне с французским литератором (см. примечание к стр. 19), представив этот эпизод как результат непомерного тщеславия Гейне.

Адриан — цензор в гессенском городе Гиссене, которому надлежало дать разрешение на печатание третьей части «Салона» Гейне.

Макс — брат поэта Максимилиан Гейне (1807—1879), по профессии медик. Был зачислен военным врачом в русскую армию и проделал с ней Балканский поход. Написал об этой кампании книгу «Картины Турции». В дальнейшем жил в Петербурге, дослужился до высоких чинов и был женой на дочери известного придворного

врача Арендта. Максимилиан был посредником во время конфликта Гейне с его дядей Соломоном.

...пусть он приложит все усилия, чтобы примирить меня с дядюшкой и выхлопотать у него для меня ежегодную пенсию. — После долгих хлопот это удалось осуществить: с 1838 года Гейне начал получать ежегодную пенсию от своего богатого родственника.

Стр. 22. *Штиглиц* Генрих (1801—1849) — второстепенный немецкий поэт. С ним и с его женой Шарлоттой Гейне сблизился в 1829 году в Потсдаме. Эта чета прославилась тем, что Шарлотта Штиглиц, стремясь глубоким потрясением стимулировать талант мужа, покончила жизнь самоубийством. Это, однако, не привело к желаемым результатам: гением Штиглиц так и не стал.

Для «Театрального обозрения» Левальда я написал... серию писем... — Имеются в виду письма «О французской сцене» (см. примечание к стр. 20).

Немцы, кажется, и в самом деле собираются причислить Берне к лику святых. — Гейне неодобрительно относился к тому культу Берне, который пытались создать немецкие либералы после смерти последнего. В дальнейшем он написал книгу «Людвиг Берне», где подробно развил свои взгляды по этому вопросу (см. т. 7 настоящ. издания, стр. 5—130, а также соответствующие комментарии).

...хвостик от вашего «Салона». — Имеются в виду статьи Детмольда об искусстве, печатавшиеся в «Утренней газете» за 1837 год.

Стр. 23. *...съезжу на некоторое время в Лондон.* — Эта поездка Гейне не состоялась.

9. МАКСИМИЛИАНУ ГЕЙНЕ

Стр. 24. *Юнгферштиг* — улица в Гамбурге.

Оттенан — деревня близ Гамбурга, где находилась загородная вилла Соломона Гейне; ныне район города.

Карл — двоюродный брат поэта, сын Соломона Гейне.

...он совершил по отношению ко мне несправедливейший поступок, чудовищно повредивший в Париже моему доброму имени и даже моему материальному положению. — Соломон Гейне направил французскому банкиру Ротшильду письмо, в котором он отрицательно характеризовал своего племянника.

Стр. 25. *Греч* Николай Иванович (1787—1867) — русский реакционный писатель, издававший журнал «Сын отечества» и (совместно с Булгарскими) газету «Северная пчела». Будучи агентом русского правительства, Греч хотел с помощью статей во французской и немецкой прессе повлиять на общественное мнение Европы в пользу политики Николая I.

Лоттхен — сестра поэта Шарлотта, в замужестве Эмбдеп.

Генри Гейне (1774—1855) — дядя поэта, брат его отца и Соломона Гейне.

10. МАКСИМИЛИАНУ ГЕЙНЕ

Стр. 25—26. ...*мои самые ранние стихи... а также мои «Трагедии»*... — Первый сборник Гейне «Стихотворения» вышел в декабре 1821 года. Он содержал стихи, составившие впоследствии в «Книге песен» раздел «Юношеские страдания». Сборник «Трагедии с лирическим интермеццо» вышел в 1823 году.

Стр. 27. ...*непочтительности на словах... и то один-единственный раз за всю мою жизнь?* — Соломон Гейне не мог простить племяннику его фразы: «Лучшее в моем дяде то, что он носит мою фамилию».

Жалкий червяк доктор, который поносил меня самым подлым образом, позволяя себе грязные намеки на мое происхождение... — Речь идет о гамбургском профессоре Вурме (Wurm). Вурм был особенно ненавистен Гейне, так как позволял себе намеки на то, что Гейне родился до официального брака его родителей. В подлиннике игра слов: *der Wurm* — червяк (нем.).

В самое тяжелое время... от Сент-Пелажи. — См. примечание к стр. 8.

11. СОЛОМОНУ ГЕЙНЕ

Стр. 28. ...*я позаботился о том, чтобы... вся моя жизнь... получила справедливое признание.* — Намек на «Мемуары» Гейне, которые должны были выйти в свет после смерти поэта. Выхода этих «Мемуаров» боялся даже всемогущий Соломон Гейне.

...*я обидел вас только на словах...* — См. примечание к стр. 27.

Стр. 29. ...*на всю семью... обрушилось тяжкое испытание...* — Речь идет о смерти тетки поэта (см. примечание к стр. 7).

12. ЮЛНУСУ КАМНЕ

Стр. 30. ...*какую французскую издательскую фирму поставит вам на моих книгах...* — Согласно авторскому праву того времени, только наличие имени французской фирмы на титульном листе книги спасало ее от перепечаток во Франции. «Книга песен» во втором издании вышла под двойной издательской маркой: немецкой «Гофман и Кампе» и французской «Эжен Рандюэль».

Дюбоше Жак-Жюльен (1798—1868) и *Полен* Жан-Батист-Александр (1793—1859) — французские издатели. Фирма «Дюбоше

и К^о», вопреки утверждению Гейне, роскошных иллюстрированных изданий французских классиков не выпускала.

...Гейделоф вновь выпустил «Литературу»... — Речь идет о книге «К истории новейшей художественной литературы в Германии», вышедшей в 1833 году в издательстве «Гейделоф и Кампе». Эта книга являлась одним из первоначальных вариантов «Романтической школы».

Наполеон — племянник Юлиуса Кампе Наполеон Кампе, являвшийся одним из совладельцев фирмы «Гейделоф и Кампе».

13. ПОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Стр. 31. *Зихель* — врач-окулист в Париже, с которым Гейне был очень дружен; в своем завещании от 27 сентября 1846 года пост даже назначил Зихеля одним из исполнителей своей последней воли.

Стр. 32. *Каролин* — старинная золотая монета, равная по ценности трем золотым гульденам.

Наполеондор — французская золотая монета в 20 франков с портретом Наполеона I.

Стр. 33. «*Молодая Германия*» — литературная группировка немецких радикальных писателей, духовным оплотом которой был Людвиг Берне, а наиболее активными деятелями Людольф Винбарг (1802—1872), Карл Гуцков (1811—1878), Генрих Лаубе (1806—1884), Теодор Мундт (1808—1861). Творчество этих писателей связано с политическим возбуждением, вызванным революцией 1830 года и ожидавшем буржуазной революции в Германии. В их произведениях господствовала умеренная политическая оппозиционность в сочетании с дилетантски используемым гегельянством и сенсационизмом. Благодаря доносу Менцеля Союзный сейм в 1835 году наложил запрет на книги писателей «Молодой Германии», включив в этот запрет и книги Гейне, который, по существу, был далек от ограниченного, мелкобуржуазного радикализма этой группировки. Очень скоро вскрылись разногласия Гейне с Гуцковым и другими писателями «Молодой Германии», нашедшие отражение в творчестве Гейне и в его письмах.

...номер «Телеграфа», в котором Гуцков... рассуждает о моих личных невзгодах. — «Телеграф для Германии» («Telegraph für Deutschland») выходил первоначально в виде приложения к «Биржевой газете» (1837) во Франкфурте-на-Майне. С 1838 года он перешел в собственность гамбургской фирмы Кампе и выходил самостоятельно. Гуцков (см. предыдущее примечание) играл большую

роль в «Телеграфе», а позднее стал его редактором (1837—1842). В № 20 (август 1837 года) этого журнала он поместил статью «Г. Гейне о доносчике» по поводу брошюры Гейне, направленной против Менцеля. В этой статье Гущков говорит о тяжелом материальном положении Гейне и о том, что немцам следовало бы организовать подписку в его пользу.

14. ПОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Стр. 34. *Проект антологии нужно осуществить во что бы то ни стало.* — Этот проект так и не был осуществлен.

Из драматургов эстетического периода... — Эстетическим периодом (Kunstperiode) Гейне называл конец XVIII и начало XIX века — эпоху Гете и Шиллера, а также разных школ немецкого романтизма. Этому периоду Гейне противопоставлял публицистику и художественную прозу 30-х годов, способствовавшую утверждению в литературе демократических общественных и политических интересов.

Вернер Захария (1768—1823) — немецкий драматург и поэт, автор романтических драм: «Крест на Балтийском море» (1806), «Аттила, король гуннов» (1808), «Ванда, королева сарматов» (1810) и др. Его религиозно-мистическая пьеса «Двадцать четвертое февраля» (1810) положила начало «трагедии рока», романтическому жанру, рисующему власть «судьбы» над человеком.

Клейст Генрих (1777—1811) — знаменитый немецкий драматург и повеллист, автор романтических драм: «Пентесилея» (1808), «Кетхен из Гейльбронна» (изд. 1810), «Принц Фридрих Гомбургский» (изд. 1821), комедии «Разбитый кувшин» (изд. 1812) и ряда новелл, из которых наибольшей известностью пользуется «Михаэль Кохлаас» (1810).

Грильпарцер Франц (1791—1872) — знаменитый австрийский драматург, близкий к романтизму, автор драм «Праматерь» (1817), «Сафо» (1818), «Волны моря и любви» (1831), комедии «Горе тому, кто жлет» (1838) и др.

Иммерман Карл-Леберехт (1796—1840) — немецкий писатель и театральный деятель. Его перу принадлежит роман «Мюнхгаузен» (1839), сатира на немецкое дворянство.

Эленслегер Адам-Готлоб (1779—1850) — датский поэт и драматург, глава скандинавских романтиков, близкий к немецкой романтической школе.

Мюльнер Амантус-Готфрид-Адольф (1774—1829) — немецкий драматург, критик и издатель журналов; своими пьесами «Два-

дцать девятое февраля) (1812) и «Вина» (1816) способствовал утверждению на немецкой сцене жанра «трагедий судьбы», где человек оказывался игрушкой в руках мистических сил рока.

Граббе Христиан-Дитрих (1801—1836) — немецкий драматург, автор драм: «Дон-Жуан и Фауст» (1829), «Император Фридрих Барбаросса» (1829), «Наполеон, или Сто дней» (1831) и др.

Стр. 35. ...*прилагаемую корреспонденцию из Штутгарта*... — Речь идет о «приложении» к этому письму, имевшем целью заставить Менцеля вызвать Гейне на дуэль.

...*хочу использовать «Корреспондента»*. — Имеется в виду газета «Гамбургский беспартийный корреспондент» («Die Staats- und gelehrte Zeitung des Hamburgischen unparteiischen Korrespondenten»).

...*он не раз еще использует «Литературную газету» в борьбе со мной*... — «Штутгартская литературная газета» («Stuttgarter Literaturblatt») выходила под редакцией Менцеля, сначала в виде приложения к издаваемой Коттой «Утренней газете» («Morgenblatt»), а с 1852 года — в качестве самостоятельного издания.

Штраус Давид-Фридрих (1808—1874) — младогегельевский философ левого направления, автор известного труда «Жизнь Иисуса». Его полемика против Менцеля содержится в книге «Полемические сочинения в защиту моего труда о жизни Иисуса. Характеристика современной теологии», где имеется раздел «Господа Эшнмайер и Менцель».

Стр. 36. *Швабская школа* — кружок вюртембергских поэтов-романтиков, возникший в 1805—1808 годах в Тюбингенском университете. Сюда входили Людвиг Уланд, Генрих Кестлин, Юстинус Кернер, позднее Карл Майер и Густав Шваб. Влиянию школы подверглись также Гауф, Пфизер, Мерике и др. Подробнее об этой школе см. комментарии к статье «Швабское зеркало» (т. 7 настоящ. издания, стр. 471—474).

15. ПОГАННУ-ГЕОРГУ КОТТЕ

Стр. 37. ...*вам... давно уже следовало бы... вырвать «Литературную газету» из его доблестных рук*... — Гейне хотел уговорить издателя «Литературной газеты» Котту дать отставку редактору этой газеты Менцелю и передать ее в руки кого-нибудь из прогрессивных литераторов, но Котта на это не пошел.

Дондорф — парижский корреспондент аугсбургской «Всеобщей газеты», бывший товарищ Гейне по Геттингенскому университету.

Стр. 38. ...«Телеграф» для вас полезное приобретение: у вас теперь свой журнал и самый лучший журналист в качестве редактора. — Гейне возлагал большие надежды на то, что редактором «Телеграфа» будет Гуцков, который был известен ему как прогрессивный писатель и враг Менцеля (по допосу Менцеля Гуцков был подвергнут трехмесячному тюремному заключению). Однако вскоре Гейне разочаровался в Гуцкове, который занял по отношению к нему враждебную позицию. Это нашло свое отражение в дальнейшей переписке.

Над вашей историей о золотом перо я очень смеялся! — Речь идет о конкурсе на лучшее лирическое стихотворение, объявленном Кампе в «Телеграфе». Конкурс потерпел неудачу, и премия — золотое перо — так и не была никому присуждена.

Стр. 39. *Я и звука не пророню в ответ на ваши замечания о прусском запрете.* — Постановлением Союзного сейма от 10 и 11 декабря 1835 года накладывался цензурный запрет на все ранее вышедшие и на будущие произведения писателей «Молодой Германии» и Гейне. Это запрещение было, однако, ослаблено 3 февраля 1837 года: лейпцигской цензурной коллегии было предоставлено право разрешать печатание произведений писателей «Молодой Германии», если они прошли лейпцигскую цензуру. Это относилось и к произведениям, предварительно опубликованным за рубежом, — они также должны были пройти цензурное испытание. Но «Салон» Гейне не прошел лейпцигской цензуры, и в отношении этой книги запрет оставался в силе.

Левальдовское «Обозрение» — издававшееся Августом Левальдом «Всеобщее театральное обозрение» («Allgemeine Theater-Revue»).

Свою большую работу я пока отложил... — Гейне имеет в виду свою работу над «Мемуарами». О какой промежуточной книжечке идет речь, установить не удалось.

Стр. 40. *Ауэрсперг* Антон-Александр (1806—1876) — немецкий поэт, писавший под псевдонимом Анастасиус Грюн, автор нашумевших «Прогулок венского поэта» (1831), в которых резко критиковалась политика Меттерниха. Ауэрсперг был другом Гейне.

17. КАРЛУ-АВГУСТУ ФАРНХАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Стр. 40. *Вертер* Вильгельм (1772—1859) — бывший прусский посол в Париже, с 1837 года ставший прусским министром иностранных дел. Фарнхаген был с ним лично знаком.

Стр. 41. *Тогда я обращаюсь к австрийскому правительству,*

чтобы добиться права на распространение моей газеты в его владениях. — После того как «зондаж» Гейне в Пруссии не дал результатов, он не стал обращаться с аналогичными предложениями к Австрии.

18. КАРЛУ-АВГУСТУ ФАРИХАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Стр. 43. *Интересы старопруссских провинций мне столь же неизвестны, сколь безразличны...* — Гейне пытается общанием молчать о собственно прусских делах купить себе право свободно высказываться о Рейнской провинции, Вестфалии и других землях, вошедших в состав Пруссии сравнительно недавно (после Венского конгресса 1814—1815 гг.).

...они осуществили революцию, которую бельгийцы сумели только начать... — Нидерландская буржуазная революция XVI века началась в августе 1566 года восстанием во Фландрии (территория которой входит в состав нынешней Бельгии), а закончилась перемирием 1609 года, согласно которому независимость от Испании приобрели только Соединенные провинции (Голландия). Противооставление бельгийцев и голландцев — намек на конфликт между Бельгией и Голландией, связанный с бельгийской революцией 1830 года, в результате которой Бельгия стала независимой страной, и попытками Голландии вновь завоевать Бельгию. Этот конфликт был окончательно ликвидирован лишь в 1839 году.

Стр. 44. ...и, как некогда сумели защитить республику, так умеют теперь защищать своего короля. — Гейне переоценил способность голландцев «защищать короля» — в 1840 году оппозиция добилась отречения голландского короля Вильгельма I от престола.

Архиепископский вопрос. — Гейне имеет в виду спор, разгоревшийся в 1830 году между кельнским архиепископом и прусским правительством по вопросу о смешанных браках между католиками и протестантами. Согласно ортодоксальной католической доктрине, которую защищал архиепископ, такие браки могли разрешаться лишь в исключительных случаях высшими церковными инстанциями, с обязательством крестить и воспитывать детей в духе католицизма. В этом вопросе прусское правительство стояло на либеральных позициях.

Кольб Густав (1798—1865) — редактор аугсбургской «Всеобщей газеты», принадлежавшей Котте. Дружба Кольба с Гейне началась в 1827 году и длилась до самой смерти поэта. В 1831 году Кольб встречался с Гейне в Париже и привлек его к сотрудничеству во «Всеобщей газете». В письме Гейне речь идет о первой из трех статей Кольба под общим заголовком: «Германия и Франция»

(экстренное приложение ко «Всеобщей газете» № 23, от 18 января 1832 г.). В статье разбирался вопрос о том, кому должна принадлежать Рейнская провинция — Франции или Германии.

19. АВГУСТУ ЛЕВАЛЬДУ

Стр. 45. ...или... обратился к одному весьма высокопоставленному лицу в прусском правительстве... — Гейне говорит о бароне Вильгельме Вертере (см. примечание к стр. 40, письмо 17).

Стр. 46. ...или вовсе сошел с ума, как корреспондент «Всеобщей газеты» ***. — Имеется в виду Дондорф (см. примечание к стр. 37).

Стр. 47. С тех пор как один из лучших моих друзей основал бюро объявлений... — По-видимому, речь идет об Эмиле де Жирардене, французском журналисте, основавшем в 1836 году в Париже газету «La presse», которая получала грандиозные прибыли от объявлений.

Стр. 49. Борнштедт Адальберт (1808—1851) — бывший прусский лейтенант, затем журналист в Париже, позднее — в Брюсселе; член Брюссельского немецкого рабочего союза и Союза коммунистов; основатель и издатель «Немецкой брюссельской газеты». Весной 1848 года был одним из лидеров немецкого легиона в Париже. Борнштедт являлся тайным агентом прусского правительства во Франции.

Стр. 50. «Le monde» — газета, которую выпускал немецкий журналист Пистор на деньги парижского банкира Мартина-Дидье Деламара. Через некоторое время это предприятие провалилось, и газета прекратила свое существование. Борнштедт собирался привлечь к участию в своей газете Пистора, а также Деламара, которого Гейне характеризует как биржевика, пользующегося дурной славой.

...статью Пфифцера, направленную против меня. — Имеется в виду статья одного из поэтов швабской школы (см. примечание к стр. 36) Густава Пфифцера (1807—1890) «Heines Werke und Tendenz» («Сочинения Гейне и тенденция», — «тенденцией» именовалось тогда проявление оппозиционного духа), опубликованная в 1838 году в журнале «Deutsche Vierteljahrsschrift». Гейне ответил Пфифцеру в статье «Швабское зеркало», а позднее высмеял швабского поэта в поэме «Атта Тролль».

20. ДЖАКОМО МЕЙЕРБЕРУ

Стр. 52. Ваши слова о моем дяде... — Письмо написано с расчетом, что Мейербер покажет его Соломону Гейне.

...не ударил, подобно Моисею, по скале... — Согласно Библией-

ской легенде, Моисей ударом жезла по скале добыл воду для жаждущих евреев во время их скитаний по пустыне.

Стр. 54. *Гумпель* и *Гирш*. — Гамбургский банкир Христиан Гумпель и маклер Гирш выведены в «Луккских водах» Гейне.

Стр. 55. *Оливье* Каролина — французская актриса, с которой Гейне находился в близких отношениях.

Кронье — директор французского театра «*Opéra comique*». Мейерберу не удалось устроить в этом театре подругу Гейне.

Новую оперу я слышал... — Речь идет об опере французского композитора Жака-Франсуа-Фроманталь Галеви (1799—1862) «Гвидо и Жиневра, или Чума во Флоренции» (1838).

Стр. 56. *Вильгельм* — астроном Вильгельм Бер (1797—1850), брат Мейербера (Якоба-Меера Бера).

Шлезингер Морис (1797—1871) — владелец парижского музыкального издательства и «Музыкальной газеты». Его жена Элиза Шлезингер, в которую был влюблен Флобер, послужила прототипом для образа Марии Арну в романе «Воспитание чувств».

Майнцер Иозеф (1807—1851) — музыкальный критик и преподаватель пения в Париже.

Панюфа Генрих (1807—1887) — скрипач и музыкальный критик, которого выдвинул Шлезингер.

Стр. 57. *Анри Блаз* (1813—1888) — музыкальный критик, вначале враждебно относившийся к Мейерберу, но впоследствии переменивший свое мнение о нем.

21. ЮЛНУСУ КАММЕ

Стр. 58. «Добавление к „Книге песен“». — Гейне собирался сделать такое добавление, но не осуществил своего намерения.

Моя мать послала мне «Трагедии» с одним французом... — Имеется в виду один из двоюродных братьев Гейне — Арман или Мишель Гейне. Оба они были сыновьями дяди Гейне Исаака, разбогатели на работоторговле в Новом Орлеане в Америке, а по возвращении во Францию основали здесь собственный банк «Гейне и К^о». Это были крупные финансисты, в особенности Мишель Гейне, ставший потом регентом правления Французского банка и выдавший свою дочь замуж за герцога де Ришелье.

Стр. 59. ...«*Телеграф*» *выступил в защиту моих произведений против Густава Пфизера*. — В № 56 «Телеграфа» Кампе дал лишь небольшую заметку о выходе статьи А. Руге в «Галлеских ежегодниках» (№ 25—29, 1838) «Генрих Гейне, по его сочинениям», которую он противопоставил статье Пфизера.

Но за своих врагов мне надо будет взяться самому. — Гейне выполнил свое намерение, написал статью «Швабское зеркало».

Мне очень хочется... выпускать ежемесячный журнал под названием «Париж и Лондон (или Лондон и Париж), немецкий ежесемесичник под редакцией Генриха Гейне». — Гейне не удалось осуществить этот проект.

22. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 59. *Генрих Лаубе* (1806—1884) — один из писателей «Молодой Германии», автор «Путевых новелл» (1834—1837), романа «Молодая Европа» (1833—1837) и ряда драматических произведений. Был продолжительное время в дружеских отношениях с Гейне и оставил интересные воспоминания о нем.

Стр. 60. *Как я завидую вашему уединению!.. Как я мечтаю о спокойной немецкой крепости...* — Лаубе неоднократно подвергался политическим репрессиям. В 1838 году он за связь со студенческим движением «буршеншафтов», отстаивавшим идею единства Германии, был приговорен прусским правительством к семилетнему заключению в крепости. Это наказание благодаря заступничеству четы Пюклер было снижено до восемнадцати месяцев, с разрешением отбывать его в Мускау, имении князя Пюклера, куда и было адресовано настоящее письмо Гейне. В Мускау Лаубе писал свою «Историю немецкой литературы», которая вышла в четырех томах в 1839—1840 годах. Гейне написал тогда рецензию на этот труд для «Всеобщей газеты», но она не была опубликована.

Савуа Анри-Шарль-Жозеф — немецкий политический эмигрант, получивший французское гражданство. Был парижским корреспондентом лейпцигской «Всеобщей газеты». Савуа был хорошо знаком с Гейне.

Мундт Теодор (1808—1861) — немецкий писатель и критик, примыкавший к «Молодой Германии». Его перу принадлежат литературно-критические работы «Критические роши» (1833) и «Искусство немецкой прозы» (1837), роман «Кармела» (1844) и др.

23. КАРЛУ-АВГУСТУ ФАРНХАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Стр. 61. *Я собирался задать изрядную головомойку моему земляку Герресу... но я молчу.* — Якоб-Иозеф Геррес (1776—1848) — немецкий писатель, историк и журналист. В 30-х годах нападал на протестантское правительство Пруссии с позиций ортодоксального католицизма. Выступление Гейне против Герреса было бы выгодно прусскому правительству.

Что касается писем Рахели... — Фарпхаген интересовался письмами Рахели в связи с подготавливаемым им изданием книги, посвященной его жене: «Рахель. Книга воспоминаний для ее друзей».

Стр. 63. *Ферст* (Vaerst) Фридрих-Христиан-Ойген (1792—1855) — немецкий журналист и писатель (писал под псевдонимом Лели), владелиц «Бреславльской газеты», позднее руководитель Бреславльского театра.

24. ЖОРЖ САНД

См. письма Гейне к Жорж Санд в т. 9 настоящ. издания и соответствующие примечания.

Стр. 63. *Кузина*. — В одном из писем Жорж Санд назвала Гейне кузенком. С тех пор в своей переписке они называли друг друга кузенком и кузиной.

Шопен передал мне вашу милую записку... — Великий польский композитор был возлюбленным Жорж Санд.

Стр. 64. *Ваши слова о том, что вы собираетесь уехать отсюда...* — Жорж Санд собиралась уехать с Шопеном на остров Мальорку (Балсарские острова).

25. ЮЛИУСУ ГАММЕ

Стр. 64. ...получил ваше письмо вместе с приложенным к нему письмом *Гуцкова*. — В письме к Гейне от 6 августа 1838 года Гуцков предостерегает Гейне по поводу намеченного к опубликованию «Добавления к „Книге песен“», куда входили некоторые стихотворения, воспевающие любовь, не связанную брачными узами. Эти стихотворения, по мнению Гуцкова, могли дать врагам Гейне повод обвинить поэта в безразличности. См. следующее письмо, являющееся ответом Гейне на письмо Гуцкова.

Деллуа Анри-Луи — парижский издатель, выпустивший сочинение Гейне «Девушки и женщины Шекспира».

Стр. 65. *Виль* Людвиг (1807—1882) — второстепенный немецкий поэт. В 1837—1838 годах жил в Париже и поддерживал отношения с Гейне. В 1838 году он переехал в Гамбург и сотрудничал вместе с Гуцковым в «Телеграфе для Германии». Ухудшение отношений Гейне с Гуцковым привело Гейне к разрыву с Вилем, в котором он видел послушное орудие Гуцкова. Впоследствии, однако, Гейне примирился с Вилем.

Бойрман Эдуард — немецкий журналист, агент австрийского правительства. В 1836 году Бойрман в Париже познакомился

с Гейне, который однажды высказался о нем как об одном из своих бездарных подражателей: «Я ссыл скорпионов, а пожал блох». В 1837 году Бойрман издавал во Франкфурте-на-Майне газету «Телеграф», а с 1839 года — «Франкфуртский журнал». В своих изданиях этот шпион Меттерниха порочил Гейне, распространяя о нем всевозможные клеветнические слухи.

Стр. 66. *«Ежегодник литературы»* вышел в 1839 году. Гейне нансчитал в нем «Швабское зеркало».

26. КАРЛУ ГУЦКОВУ

Настоящее письмо является ответом на письмо Гуцкова от 6 августа 1838 года (см. примечание к стр. 64, письмо 25).

Стр. 67. *Петроний* Гай (ум. 66 н. э.) — римский аристократ, приближенный императора Нерона. Ему приписывается авторство романа «Сатирикон» (до нас дошли только две главы из этого произведения), изображающего жизнь рабовладельческого Рима. В своем письме Гейне ссылается на картины пипра у богача Тримальхиона в «Сатириконе» и на «Римские элегии» Гете, чтобы доказать право поэта на изображение плотских радостей, шокирующее Гуцкова.

Стр. 68. *Надеюсь, вы привлечете к ним и Лаубе, отношения с которым вы испортили еще не так безнадежно, как с Муридтом и пр.* — Лаубе и Гуцков в 1833 году были друзьями и вместе путешествовали по Италии. Однако после отказа Лаубе сотрудничать в задуманном Гуцковым журнале «Немецкое обозрение» дружба их прекратилась.

«Серафина» — роман Гуцкова, написанный в 1835 году (издан в 1838 г.).

27. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 68. *...задержка с возвращением пюклеровской рукописи произошла не по моей вине.* — Речь идет о рукописи книги «Садовое искусство», принадлежащей перу немецкого писателя Германа-Людвига-Генриха Пюклер-Мускау (1785—1871), друга и покровителя Лаубе. Последний перевел эту книгу на французский язык и отправил ее в Париж Гейне для окончательной литературной обработки (на французском языке).

...хочу в самое ближайшее время получить рукопись вашей «Истории литературы». — См. примечание к стр. 60.

Стр. 69. ...биографические заметки, которые вы просили, я не посылаю даже и сегодня... — Начиная с 15 мая 1838 года, Лаубе трижды просил у Гейне сообщить ему автобиографические данные для «Истории литературы». В письме от 27 марта 1839 года Лаубе снова бранит Гейне за то, что тот не выслал ему своей биографии.

Поздравляю вас с полной свободой, которой вы наконец достигли... — См. примечание к стр. 60. В январе 1839 года срок заключения Лаубе истек, и он был освобожден.

Стр. 70. ...статья совершенно изуродована... — Речь идет о статье «Швабское зеркало». Гейне подозревал, что статью искажил Гуцков.

Виль; Бойрман. — См. примечание к стр. 65.

Коцебу Август (1761—1819) — немецкий драматург, агент русского правительства, убитый студентом Карлом Зандом.

Я всегда боялся этого демона... Сначала им владел Коцебу, тот передал его Мюльнеру, Мюльнер — Менцелю, а тот, в свою очередь, — Гуцкову. — Гейне намекает на бесчисленные конфликты Коцебу (см. предыдущее примечание) с романтиками, сторонниками Гете, либералами и националистами. Речь идет не о личной неуживчивости Коцебу, Мюльнера, Менцеля и Гуцкова, одержимых «демоном склоки», а о столкновении их взглядов с взглядами их противников.

...о моем еврейском происхождении говорит совсем а-ля Менцель... — Гуцков в статье «Прошлое и настоящее», опубликованной в «Ежегоднике литературы», ругая Лаубе и Мундта, хвалебно отзывался о Гейне, но вместе с тем распространялся о еврейском происхождении поэта, и это живо напомнило Гейне антисемитские выпады Менцеля.

Стр. 71. *Княгиня Пюклер* — дочь известного прусского государственного деятеля, канцлера фон Гарденберга, и жена писателя Германа Пюклер-Мускау, принявшая участие в судьбе Лаубе (см. примечания к стр. 60 и к стр. 68, письмо 27).

28. ГУСТАВУ-ФЕРДИНАНДУ КЮНЕ

Стр. 71. *Густав-Фердинанд Кюне* (1806—1888) — немецкий писатель и журналист, примыкавший к «Молодой Германии». Редактировал в 1835—1842 годах лейпцигскую «Газету для любителей изящного» («*Zeitung für die elegante Welt*»).

Мужские и женские характеры — сборник биографий, написанный Кюне в 1838 году.

29. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 72. *Фуртадо* Элизэ (1796—1867) — племянник известного еврейского деятеля времен Наполеона Абрахама Фуртадо (1759—1817), с которым Наполеон вел переговоры о гражданских правах евреев во Франции. Дочь Элизэ Цецилия Фуртадо (1821—1896) вышла замуж за Карла Гейне, двоюродного брата поэта.

Стр. 73. *Фрейлиграт* Фердинанд (1810—1876) — немецкий пост-демократ. В 40-х годах примкнул к революционному движению, был членом Союза коммунистов и другом Маркса, входил в редакцию «Новой Рейнской газеты». Позднее отошел от революции.

...даже и в «Книге песен» цензура искалечила несколько стихотворений! — Кампе и сам, независимо от цензуры, позволял себе уродовать стихи Гейне.

30. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Настоящее открытое письмо Юлиусу Кампе, которое Гейне под заголовком «Злоключения писателя» опубликовал в «Газете для любителей изящного» (18—20 апреля 1839, №№ 75—77), было написано в ответ на «Разъяснение» Кампе. Последнее (оно почти полностью цитируется в тексте письма) было помещено в «Телеграфе» и, в свою очередь, являлось ответом на гейневское «Разъяснение» (см. приложение к письму 28).

Стр. 75. ...хотя в книге было более двадцати печатных листов... — По действовавшим в те времена правилам книги размером свыше двадцати печатных листов могли быть освобождены от предварительной цензуры.

Стр. 77. *Дуллер* Эдуард (1809—1853) — редактор «Фенпкса», немецкий историк и писатель.

Стр. 79. *Деллау*. — См. примечание к стр. 64 (письмо 25).

Розенкранц Иоганн-Карл-Фридрих (1805—1879) — профессор философии в Кенигсберге, гегельянец, историк литературы, автор «Руководства по всеобщей истории поэзии».

Юнг Александр (1799—1884) — немецкий писатель и критик, близкий к «Молодой Германии» (см. примечание к стр. 33), автор «Писем о новейшей литературе» (1837).

Кениг Геврих (1790—1869) — немецкий писатель, автор исторических романов, среди которых наиболее известен роман «Клубисты в Майнце» (1847) из жизни немецкого демократа XVIII века Георга Форстера.

Даумер Георг-Фридрих (1800—1875) — немецкий философ, последователь Фейербаха, выступавший вначале с критикой христианства, а затем ставший ультракатоликом.

Шюкинг Христоф-Бернгард-Левин (1814—1883) — немецкий политический поэт, близкий к Фрейлиграту.

Дингельштедт Франц (1814—1881) — немецкий политический поэт, автор «Песен космополитического почного сторожа» (1840), ряда литературных и эстетических статей, драм и романов.

Винберг. — См. примечание к стр. 33.

Стр. 81. *Теодор Хель* — псевдоним писателя и журналиста Карла-Готтлиба-Теодора Винклера (1775—1856), издателя «Дрезденской черной газеты».

Гее Эдуард (1793—1845) — второстепенный драматург, эпигои Шиллера.

Стр. 83. *Рункель* Ахилл-Матнас — юрист и журналист, редактор «Гамбургского беспартийного корреспондента». Впервые ввел в немецких газетах передовые статьи.

31. ЮЛИУСУ КАМНЕ

Стр. 85. ...я... так кратко ответил на ваше ужасное разъяснение... — См. предыдущее письмо и примечания к нему.

Стр. 86. *Тереза Левассер* — жена Жан-Жака Руссо, столь же необразованная и так же мало понимавшая величие своего супруга, как и Матильда, с которой Гейне состоял в то время в неофициальном браке.

32. ЯКОБУ ВЕНЕДЕЮ

Стр. 88. *Якоб Венедей* (1802—1871) — немецкий журналист, эмигрировавший в Париж и возглавивший здесь «Союз изгнанников». Выпускал газету «Изгнанник» («Der Geächtete»), орган этого союза.

«Французюед» — сочинение Берне «Менцель-французюед».

Ламенне Фелисите-Робер (1782—1854) — французский публицист, основатель так называемого христианского социализма. В номере «Изгнанника», который Гейне просил прислать ему, сообщалось о том, что Берне перевел сочинение Ламенне «Слова верующего».

33. ЦЕЦИЛИИ ГЕЙНЕ

Стр. 88. *Цецилия Гейне* (1820—1898) — дочь Элиз Фуртадо (см. примечание к стр. 72), жена Карла Гейне. В юности была возлюбленной Генриха Гейне.

Стр. 89. *Галле Тереза (1808—1866)* — младшая дочь Соломона Гейне, в которую был влюблен поэт. Терезе посвящен ряд стихотворений в «Книге песен». В 1828 году Тереза вышла замуж за юриста Адольфа Галле.

...*дядя Гейне... был так приветлив в Париже.* — Соломон Гейне побывал в Париже в 1838 году по случаю свадьбы своего сына Карла.

34. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 90. *...я не стану долго толковать о письме моей матери, которое только что получил...* — К этому письму было приложено сообщение Камме, в котором издатель отказывался заплатить за издание книги «Людвиг Берне» требуемые Гейне 2000 марок.

35. ЖОРЖ САНД

Стр. 93. *Незгоды Бальзака очень меня огорчают!* — Пьеса Бальзака «Вотрен» (1840) была после первого представления запрещена королем Луи-Филиппом, который усмотрел в одном из персонажей сатиру на себя. Французская пресса ругала пьесу Бальзака за аморальность.

36. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 94. *Зивекинг Карл* — гамбургский синдик (юрисконсульт).
...*гораздо больше, чем власти, на меня будут сердить революционеры...* — Опасения Гейне подтвердились: после выхода книги «Людвиг Берне» в свет многие соратники поэта из кругов немецкой радикальной интеллигенции обвиняли его в отходе от революции. См. об этом комментарий к «Людвигу Берне», т. 7 настоящ. издания.

37. ОПРОВЕРЖЕНИЕ

Опубликовано во французской газете «Le Constitutionnel» 9 июня 1840 года.

Стр. 95. *«Коммерция» («Commerce»)* — французская газета оппозиционного направления.

Тьер Адольф (1797—1877) — французский буржуазный политический деятель, занимавший в 1840 году пост председателя совета министров. Впоследствии — палач Парижской Коммуны 1871 года.

39. ЮЛИСУ КАМПЕ

Стр. 97. ...*будьте добры поставить к «Берне» следующее посвящение...* — Впоследствии Гейне изменил свое намерение и посвятил Лаубе не «Людвига Берне», а «Бахерахского раввина».

40. ЮЛИСУ КАМПЕ

Стр. 98. *На такое заглавие я никак не могу согласиться...* — Кампе претенциозно озаглавил книгу: «Heinrich Heine über Ludwig Bögne» («Генрих Гейне о Людвиге Берне»).

41. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 99. ...*получил ваше сердитое письмо.* — В этом письме Лаубе рассказывал Гейне о реакции в Германии на книгу «Людвиг Берне» и жаловался, что Гейне не поддержал его «Историю литературы». На самом деле Гейне написал благоприятную рецензию на труд Лаубе для «Всеобщей газеты», но рецензия не была помещена.

Картуш (Луи-Доминик Бургиньон; 1693—1721) — известный французский разбойник. К его шайке тайно примыкали многие высокопоставленные лица, чем и объяснялась безнаказанность Картуша в течение ряда лет.

Стр. 100. *Кюне.* — См. примечание к стр. 71 (письмо 28).

Стр. 101. *Вейль* — редактор «Штутгартской газеты» и «Немецкого курьера». Получал секретную пенсию от французского правительства за благоприятные статьи о Франции.

...*духовная вдова Берне и... телесный супруг этой дамы...* — Речь идет о Жанетте Воль-Штраус (1783—1861), подруге и вдохновительнице Берне, которую Гейне жестоко высмеял в своей книге «Людвиг Берне», и о ее муже, франкфуртском коммерсante Соломоне Штраусе (1795—1866).

...*хочу использовать это письмо...* — Упомянутое письмо не сохранилось. Лаубе его не использовал, когда он выступил в защиту Гейне в лейпцигской газете «Розы» («Die Rosen»), издававшейся Робертом Геллером.

42. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 102. *Иммерман.* — См. примечание к стр. 34.

Стр. 103. *Гальбергер* — издатель; выпустил в свет «Историю литературы» Лаубе.

«Садовое искусство». — См. примечание к стр. 68 (письмо 27).
Перевод Вольфа не вышел в свет.

43. ЮЛПУСУ КАМПЕ

Стр. 103. ...я получил здесь наконец «Телеграф»... — В «Телеграфе» было напечатано предисловие Гуцкова к его книге о Берне с резкими нападками на Гейне.

...пришли и остальные газеты, посланные вами в Гранвиль и пересланные мне оттуда. — Кампе послал Гейне в Гранвиль газеты, полные нападков на его книгу о Берне. Благоприятный отзыв был опубликован только в аугсбургской «Всеобщей газете», редактором которой был друг Гейне Густав Кольб.

...гнуности, которые замыслил...великий интриган в союзе с франкфуртской сволочью... — Имеются в виду Карл Гуцков и клика Жанетты Воль.

Стр. 104. Гати Август (1800—1858) — до 1841 года книготорговец и редактор музыкальной газеты в Гамбурге; после 1841 года переселился в Париж. Гати был восторженным почитателем Гейне и превозносил его в своей книге «Весна народов и ее вестники», которую он издал под псевдонимом Иорданус Брунов.

44. ЮЛПУСУ КАМПЕ

Стр. 105. ...получил... номера «Газеты для любителей изящного» и «Галлеских ежегодников», которые вы послали... — В «Газете для любителей изящного» появилась резкая статья либерального журналиста И. Кауфмана по поводу книги «Людвиг Берне»; в «Галлеских ежегодниках» была опубликована другая резкая статья за подписью «К».

45. ГЕНРПХУ ЛАУБЕ

Стр. 106. Предложенный план кампании против негодяя Гуцкова... — См. письмо 41.

«Изящная» — «Газета для любителей изящного».

Стр. 107. «Розы». — См. примечание к стр. 132.

Стр. 108. ...посылаю вам статью, которую мне... прислал мой друг, профессор Дуисберг... — Лаубе направил эту статью в газету «Розы».

Стр. 109. Кюне нет в Лейпциге, — это беда... — На самом деле Кюне был настроен решительно против книги Гейне. В противном

случае Кауфман, даже в отсутствие Кюне, не решился бы опубликовать свою статью в «Газете для любителей изящного», где Кюне был редактором.

46. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 110. ...вы собираетесь подготовить четвертое издание «Книги песен». — Это издание вышло в 1841 году, но предисловия, о котором говорит далее Гейне, там не было. Оно было написано только для пятого издания.

48. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Стр. 112. ...мне... попался номер «Майнцской газеты», где напечатана гнусная небыллица... — В «Майнцской газете» от 23 июня 1841 года была напечатана заметка о том, что муж Жанетты Воль Соломон Штраус в Париже на улице встретил Гейне и якобы дал ему пощечину, что они обменялись визитными карточками, как это полагалось при вызове на дуэль, но что на другой день Гейне, испугавшись, уехал из Парижа в Шпренси.

49. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 114. *Рункель*. — См. примечание к стр. 83.

50. В РЕДАКЦИИ НЕМЕЦКИХ ГАЗЕТ

Текст этого «Предварительного разъяснения» Гейне, приложенного к предыдущему письму, был сразу же напечатан в «Гамбургском беспартийном корреспонденте», в «Гамбургской новой газете» и в приложении к аугсбургской «Всеобщей газете».

Стр. 115. *Роговой Зигфрид* — герой немецкой народной книги. В данном случае его имя используется ради игры слов, намекающей на то, что Штраус был роганосцем.

Стр. 116. ...сказать о корреспонденте лейпцигской «Всеобщей газеты»... — Вероятно, этим корреспондентом был Шпацлер (см. примечание к стр. 21).

51. ЯКОБУ ВЕНЕДЕЮ

Стр. 116. *Рисер* Габриэль — гамбургский адвокат, друг Штрауса и Жанетты Воль, опубликовавший в «Гамбургском беспартийном корреспонденте» ответ на «Предварительное разъяснение» Гейне (см. письмо 50). Он утверждал, что знает человека, слышав-

него, как Штраус осыпал оскорблениями Гейне, хотя последний после этого все же не вызвал Штрауса на дуэль. Рисер передал через Венеделя, что хочет приехать в Париж и драться с Гейне на дуэли.

Стр. 117. *Карл Моор* — главный герой драмы Шиллера «Разбойники». Гейне цитирует 2 сцену V акта.

52. АЛЕКСАНДРУ ВЕЙЛЬЮ

Стр. 118. *Александр Вейль* (1811—1899) — журналист и писатель, автор «Эльзасских деревенских историй» (1843), к которым Гейне в 1847 году написал предисловие. После переселения во Францию писал по-французски. Был другом Гейне и оставил воспоминания о нем.

53. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 121. *Сообщаю вам... о моем бракосочетании...* — 31 августа 1841 года Гейне оформил браком свои отношения с Матильдой.

...*подлого свидетельства трех негодяев...* — Речь идет о лже-свидетельской заметке Колофа, Шустера и Гамберга в аугсбургской «Всеобщей газете» от 31 июля 1841 года, в которой они подтверждали «своей честью», что Штраус дал пощечину Гейне.

57. ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Конец настоящего письма не сохранился.

Стр. 122. *Шарлотта Эмбден* — младшая сестра и друг поэта, вышедшая замуж за Морица Эмбдена. См. письма Гейне к ней в т. 9 настоящ. издания.

58. АВГУСТУ ЛЕВАЛЬДУ

Стр. 123. ...*получила статью из «Бреславльской газеты»...* — Эта статья в защиту Гейне была написана Фердинандом Лассалем (1825—1864), впоследствии возглавившим Всеобщий германский рабочий союз (1863) и положившим начало оппортунистическому направлению в германской социал-демократии.

Стр. 124. *Дамаск, право, не сказка.* — Намек на обвинение дамасских евреев в том, будто они похитили двух христиан. По требованию французского консула обвиняемые были подвергнуты пыткам, что привело к протестам во французском парламенте.

59. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 124. ...*Дингельштедт*... сообщил мне о вашем к нему письме... *Несправедливость по отношению к вам превосходит все...* — Кампе сообщил сначала Дингельштедту, а затем Гейне о том, что прусское правительство наложило запрет на распространение продукции его фирмы в пределах Пруссии. Кампе относил это запрещение за счет Гейне (в частности, он считал, что причиной его послужило предисловие Гейне к «Французским делам»). Через короткое время запрет был снят.

Стр. 125. ...*великого нашего драматурга я подозреваю даже в тайном соглашении с прусскими правительственными чиновниками.* — Гейне имеет в виду Гудкова.

Гофман фон Фаллерслебен Август-Георг (1798—1874) — немецкий политический поэт и филолог; в сороковых годах — буржуазный радикал, впоследствии националист; автор националистической песни «Германия, Германия превыше всего», ставшей официальным гимном. Сборник его стихов «Неполитические песни» (1840—1842), в котором поэт высмеивал реакционных правителей немецких княжеств и призывал к национальному объединению Германии, послужил непосредственным поводом к запрещению распространения книг, изданных фирмой Кампе, на территории Пруссии.

Стр. 126. ...*стихотворение, которое в Лейпциге не пропустил цензор «Газеты для любителей изящного»...* — Имеется в виду стихотворение Гейне «На прибытие ночного сторожа в Париж» (см. т. 2 настоящ. издания, стр. 108—109). После того как оно было запрещено цензурой, стихотворение вышло в свет в виде листовки.

60. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

В настоящем письме речь идет о гигантском гамбургском пожаре, который продолжался с 5 по 8 мая 1842 года. См. статью Гейне «Гамбургский пожар» (т. 7 настоящ. издания, стр. 179—180), а также главу 21 поэмы «Германия» (т. 2 настоящ. издания, стр. 310—312).

61. ГЕНРИ ГЕЙНЕ

Стр. 127. *Генри Гейне.* — См. примечание к стр. 25.

...*ужасы грозного бедствия, постигшего Гамбург...* — См. предыдущее письмо и примечание к нему.

Стр. 128. *Тетушка Иетта* — Георгетта Гейне, урожденная Эмбден (1787—1867), жена адресата.

Герман — сын адресата.

Катастрофа на версальской железной дороге — крупный пожар на незадолго до этого построенной Джеймсом Ротшильдом дороге Париж — Версаль. В результате пожара погибло триста пятьдесят человек.

63. ИОГАННУ-ГЕОРГУ КОТТЕ

Стр. 130. *Небольшой юмористический эпос* — поэма «Атта Тролль».

«Сид». — Гейне имеет в виду написанные в XVI веке романсы о Сиде, национальном герое средневековой Испании, размером которых он пользуется в поэме «Атта Тролль».

...успокоили меня насчет того, что она не попадет в руки е-на Пфизера... — Пфизер еще в 1838 году напечатал статью, враждебную Гейне (см. примечание к стр. 50). Гейне особенно не хотел, чтобы поэма «Атта Тролль» попала в руки к его литературному противнику, ибо в ней содержатся прямые сатирические выпады против Пфизера.

64. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 131. *Вы вновь встали во главе «Изящной»*... — В период 1835—1842 годов «Газету для любителей изящного» редактировал Густав Кюне.

Зейферт Генрих — немецкий журналист, корреспондент аугсбургской «Всеобщей газеты», друг Гейне.

Стр. 132. «*Рейнская газета*» («Rheinische Zeitung») — кельнская газета радикального направления. В ее работе принимал участие молодой Маркс. В апреле 1843 года она была запрещена и только в 1848 году возродилась в виде «Новой Рейнской газеты».

...вся его книга... — сплошная интрига и ложь. — Имеется в виду книга Гуцкова «Письма из Парижа».

65. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 135. *Рашель* Элиза (1821—1858) — знаменитая французская актриса, возрождавшая классицистическую трагедию на французской сцене.

Дорваль Мари (1792—1849) — французская актриса романтического театра.

66. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

В письме идет речь о поэме «Атта Тролль». В ответ на письмо Лаубе с замечаниями по поводу некоторых мест в поэме Гейне сообщил ему, какие поправки он вносит в текст.

Стр. 135. *Неприятная строфа о канкане* — шестая строфа первой главы (см. т. 2 настоящ. издания, стр. 185—186).

Стр. 136. *Грезит в обществе Ласкаро, что прикончил Атту Тролля...* — Эти стихи содержались в первоначальном варианте второй главы (см. варианты и дополнения к поэме «Атта Тролля», т. 2 настоящ. издания, стр. 253).

Эту песнь тебе, Фарнхаген... и что Тик — советник тайный. — Стихи 5—10 этого отрывка вошли в окончательный текст заключительной главы поэмы (см. т. 2 настоящ. издания, стр. 252).

67. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 137. *Гервег* Георг (1817—1875) — немецкий политический поэт, автор «Стихов живого» (1841—1844), пользовавшихся большой популярностью в период, предшествующий марту 1848 года. См. также комментарии к стихотворению «Георгу Гервегу» (т. 2 настоящ. издания, стр. 359).

...из-за несчастья, постигшего Гервега, я теперь уже не могу сказать «вышка партии». — В своем стихотворении «Партия» Гервег воспевал коллективную силу революционной партии и полемизировал против индивидуалистического тезиса поэта Фрейлиграта о том, что «поэт на вышке более высокой, чем вышка партии, стоит». В 1842 году Гервег получил аудиенцию у прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, на которую он возлагал большие надежды. Король, однако, не разрешил издания проектируемого Гервегом младогегельянского журнала «Немецкий вестник» и выслал поэта из Пруссии. Эта неудача вызвала град насмешек по адресу Гервега.

Стр. 137—138. *...направляю вам мой протест...* — Гейне протестовал против того, что *Фридрих Штейнман* (1801—1875), немецкий юрист и журналист, некогда вместе с ним посещавший лицей в Дюссельдорфе и Боннский университет, опубликовал за год перед этим его частные письма, а в 1842 году в «Альманахе муз» — его ранние стихи.

68. МАКСИМИЛИАНУ ГЕЙНЕ

Стр. 140. *Заволока* — широко применявшееся ранее отвлекающее средство для возбуждения искусственного воспаления и устранения первоначального очага заболевания. Кожа на затылке прокалывалась, и в отверстие продевалось несколько скрученных вместе конских волос.

Марижен — Марья Гейне, дочь сестры поэта Шарлотты Эмблен, в замужестве — де Фосс, во втором замужестве — княгиня дельла Рока. В 1882 году опубликовала воспоминания о Гейне.

Густав — брат поэта Густав Гейне (1805—1886), австрийский офицер, затем издатель популярной венской газеты «Wiener Freudenblatt», накопивший большое состояние и получивший впоследствии титул барона Гейне фон Гельдерн.

Верман Христиан-Генрих (1810—1874) — приятель Максимилиана Гейне; генеральный консул в Риге. Часто бывал в Париже, где его брат был атташе русского посольства.

69. ХАНСУ-КРИСТИАНУ АНДЕРСЕНУ

Стр. 141. *Ханс-Кристиан Андерсен* (1805—1875) — великий датский писатель. См. письмо Гейне к Андерсену от 10 августа 1833 года (т. 9 настоящ. издания, стр. 543) и примечания к нему. После встречи с Гейне в Париже в 1843 году Андерсен в письме к одной даме в Копенгаген писал: «Гейне, которого я знал еще раньше и который принадлежит к тем, с кем я чаще всего встречаюсь, Гейне полагает, что клад поэзии в настоящее время скрывается еще только на Севере и не хватает лишь волшебника, который бы его обнаружил; так кто же окажется этим счастливым волшебником?»

Посвященные Андерсену стихи вошли под заглавием «Жизненный путь» в цикл «Современные стихотворения» (т. 2 настоящ. издания, стр. 112).

70. БЕТТИ ГЕЙНЕ

Стр. 142. *Греч.* — См. примечание к стр. 25.

Я не вижу никого из семейства Фуртадо и потому не знаю, здесь ли Цецилия Гейне. — Отношения Гейне с семейством Фуртадо (см. примечание к стр. 72) в этот период резко ухудшились благодаря его статьям для аугсбургской «Всеобщей газеты», в которых задевались члены банкирского семейства Фульдов, находившиеся в родстве с Фуртадо (Роза Фуртадо — мать Цецилии, урожденная Фульд).

Адольф Эмбден — брат Морица Эмбдена, мужа Шарлотты.

71. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Стр. 143. *Робер-макеризм* — разбойничьи нравы (по имени бандита Робера Макера).

73. МАТИЛЬДЕ ГЕЙНЕ

Стр. 144. *Г-жа Дарт* — владелица пансиона, где жила Матильда во время отсутствия Гейне. *Ауреция де Кастро* — подруга Матильды по этому пансиону (см. письмо 62).

75. КАРЛУ-АВГУСТУ ФАРНХАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Стр. 146. *Вы советуете мне обратиться к г-ну фон Гумбольдту*. — Выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник Александр Гумбольдт (1769—1859) был близок к прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV.

...отважиться ли мне на день приехать в Берлин... у меня возникла мысль поехать сначала в Лейпциг... — Оба проекта не были осуществлены.

76. МАТИЛЬДЕ ГЕЙНЕ

Стр. 147. *Моя племянница...* — См. примечание к стр. 140. *Барье Стефани* — одна из приятельниц Матильды.

77. ЮЛИУСУ КАМНЕ

Стр. 148. *В Ганновере я подробно говорил с Детмольдом о «Телеграфе»*. — Гейне рассчитывал изменить состав редакции «Телеграфа» и поставить Детмольда во главе этой газеты. Трудные обстоятельства, о которых говорит далее Гейне, — крупный денежный штраф, наложенный на Детмольда.

Гесс Мозес (1812—1875) — немецкий публицист, представитель так называемого «истинного социализма».

Ширгес Георг (1811—1879) — немецкий писатель и журналист, редактор «Телеграфа» после ухода из него Гуцкова (1841—1845).

Стр. 149. *Сообщество Руге*. — Гейне имеет в виду участников «Немецко-французских ежегодников», где одним из редакторов был Арнольд Руге (1802—1880), в то время левый гегельянец. Предполагалось совместное участие в журнале немцев и французов. В конце 1844 года вышел единственный (двойной) номер этого журнала, в котором приняли участие только немецкие писатели. Передовую написал Руге, все же остальные главные статьи были написаны Марксом и Энгельсом, определившими коммунистический характер журнала. В «Немецко-французских ежегодниках» (Гейне в этом письме называет их «Обзрением») были опубликованы «Хвалебные песни королю Людвигу», *три сатирические песни о Людвиге Бавар-*

ском (см. т. 2 настоящ. издания, стр. 142—145 и соответствующее примечание).

У меня не было еще подходящего случая поговорить с Ротшильдом относительно известной вам рукописи... — Речь идет о порочащей банкира Ротшильда рукописи, с которой Кампе познакомил Гейне.

Стр. 150. В «Кельнской газете» он не решится на это... — В 1843 году Гуцков сотрудничал в «Кельнской газете» («Kölnische Zeitung»).

78. ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Стр. 151. *Мария, Людвиг, Ленхен, Лизхен* — дети Шарлотты. *Эмма* — дочь Фридерики Гейне (старшей дочери Соломона Гейне).

79. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 152. *Юмористический путевой эпос* — поэма «Германия. Зимняя сказка».

Стихи из «Обозрения» Руге. — См. примечание к стр. 149.

80. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Стр. 153. *...вы не напечатали моей первой статьи о музыкальном сезоне...* — Эта статья была напечатана в приложении к аугсбургской «Всеобщей газете» в мае 1844 года. В том же месяце была напечатана и вторая статья. Обе статьи Гейне включил впоследствии в «Добавление к „Люттеции“» (см. т. 8 настоящ. издания, стр. 297—316)

Борнштедт. — См. примечание к стр. 49.

Рохау Август-Людвиг (1810—1873) — немецкий радикал, эмигрировавший в Париж.

Стр. 154. *...всякие ветхогазетные колымаги (немецкие «Constitutionnels»)...* — Гейне уподобляет немецкие газеты французской газете «Constitutionnel», ставшей после революции 1830 года официальным органом.

Некролог о Маркусе — статья «Людвиг Маркус» (см. т. 7 настоящ. издания, стр. 181—194 и соответствующие комментарии).

81. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 154. *...поэма была почти готова.* — Имеется в виду «Германия. Зимняя сказка».

Стр. 155. *Ганс* Эдуард (1797—1839) — немецкий юрист, гегельянец, друг Гейне. *Бер* Михаэль (1800—1830) — немецкий драматург. *Шенк* Эдуард (1788—1841) — поэт и драматург, министр баварского двора. — См. в т. 9 настоящ. издания письма Гейне к этим лицам и соответствующие комментарии.

Арим Ахим (1781—1832) — немецкий писатель из кружка гейдельбергских романтиков. Вместе с Клеменсом Брентано (1778—1841) издал сборник народных песен «Волшебный рог мальчика».

Шамиссо Адальберт (1781—1838) — выдающийся немецкий писатель, автор «Удивительной истории Петера Шлемиля» (1814). *Фуке* — Фридрих де ла Мотт-Фуке (1777—1843), немецкий писатель-романтик. — См. о них подробнее в комментариях к «Романтической школе», т. 6 настоящ. издания, стр. 249 и 457.

Чета Роберт — немецкий писатель Людвиг Роберт (1778—1832) и его жена Фридерика (1795—1832), друзья Гейне. См. в т. 9 настоящ. издания письма Гейне к ним и соответствующие комментарии.

Мальтиц Готгильф-Август (1794—1837) — второстепенный немецкий писатель и журналист.

Граббе Христиан-Дитрих. — См. примечание к стр. 34.

Стр. 156. ...*это проявилось в деле с «Обозреием» Руге...* — См. примечание к стр. 149.

Леске Карл-Вильгельм — немецкий издатель-демократ.

Стр. 157. ...*в Руге мало толку, и партия его сместила.* — Гейне разделяет разочарование Маркса и его друзей по отношению к Арнольду Руге. В этот период Маркс стоял уже на позициях «критики оружием» и апеллировал к массам и пролетариату. Это привело его к разрыву с умеренным буржуазным демократом Руге.

82. ФЕРЕНЦУ ЛИСТУ

Стр. 157. *Я уже написал первую статью...* — См. примечание к стр. 153.

...*кое-что в этой статье вам, быть может, не понравится.* — В статье Гейне анализировал причины успеха Листа в Париже (см. т. 8 настоящ. издания, стр. 300—303). Этот иронический отзыв Гейне о Листе, как и другие его насмешки над самолюбивым композитором, привели к разрыву отношений между Листом и Гейне.

84. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 158. *Поэма* — «Германия. Зимняя сказка».

Зивекинг. — См. примечание к стр. 94.

Стр. 159. ...он ведет себя со мной как плут. — В «Газете для любителей изящного» Лаубе напечатали статью о «Песенко-французских ежегодниках», в которой он резко отзывался о стихах Гейне, напечатанных в этом журнале.

85. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 161. *Стихотворение... о прусском короле* — «Китайский император» (см. т. 2 настоящ. издания, стр. 117).

Стр. 162. «*Вперед*» («Vorwärts») — газета немецких эмигрантов в Париже, выходявшая с января по декабрь 1844 года. В ее работе принимали активное участие Маркс и Энгельс. По требованию прусского правительства газета была закрыта, а Маркс и другие сотрудники были высланы из Парижа. Гейне напечатал в этой газете ряд стихотворений, и среди них «Бедные ткачи» (позднейшее название — «Силезские ткачи», см. т. 2 настоящ. издания, стр. 148).

86. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 164. *Гейбель* Фридрих (1813—1863) — немецкий писатель, автор пьес: «Мария Магдалина» (1844), «Ирод и Мариамна» (1848), «Гигес и его кольцо» (1856) и др.

87. МАТИЛЬДЕ ГЕЙНЕ

Стр. 164. *После твоего отъезда...* — Матильда отправилась с Гейне в Гамбург, но очень недолго пробыла там с его семьей и вскоре возвратилась в Париж.

Стр. 165. *Мы знаем одного из них...* — По-видимому, имеется в виду Александр Вейль.

88. МАТИЛЬДЕ ГЕЙНЕ

Стр. 166. *Итта*. — См. примечание к стр. 128.

89. МАТИЛЬДЕ ГЕЙНЕ

Стр. 167. *Ставили «Немую»*. — Имеется в виду опера Даниэля Франсуа Обера «Немая из Портчи».

Одри Жан-Шарль (1781—1853) — талантливый французский комик, особенно удачно выступавший в роли *Бильбоке* в комическом представлении «Паяцы» Дюмерсана и Ворена.

91. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Стр. 168. ...у вас достаточно причин для нынешнего уныния... — По-видимому, речь идет о неосуществившемся намерении Гейне поставить Детмольда во главе газеты «Телеграф».

Стр. 169. *Эккерман* Георг — немецкий литератор (не смешивать с Иоганном-Петером Эккерманом, секретарем Гете и автором «Разговоров с Гете»).

92. КАРЛУ МАРКСУ

Гейне познакомился с Марксом в Париже в 1844 году. Маркс был одним из немногочисленных сторонников Гейне в его споре с Гуцковом и Жанстой Воль-Штраус по поводу книги «Людвиг Берне». До самой смерти Гейне Маркс сохранил к нему свое дружественное расположение.

Стр. 170. *Вейтлинг* Вильгельм (1808—1871) — видный деятель немецкого рабочего движения, теоретик утопического уравнительного коммунизма, автор «Гарантий гармонии и свободы» (1842) и «Евангелия бедного грешника» (1845).

Мойер Герман (1813—1882) — второстепенный немецкий поэт, сотрудник газеты «Вперед». Впоследствии написал биографию Гейне.

Стр. 171. *Поэма* — «Германия. Зимняя сказка».

Барбаросса — прозвище императора Фридриха I Гогенштауфена (1123—1190). Об использовании этого образа в поэме «Германия» см. комментарии к этому произведению (т. 2 настоящ. издания, стр. 380 и 391—392).

Юнг Георг (1814—1886) — немецкий журналист, сотрудничавший в «Рейнской газете» и перешедший впоследствии на националистические позиции.

Стр. 172. *Бернайс* Людвиг (1815—1879) — немецкий публицист, эмигрант, один из редакторов газеты «Вперед».

93. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Стр. 173. *Жюль Вислок* — парижский журналист. Рекомендация Гейне, данная ему в этом письме, не имела успеха.

Зейферт. — См. примечание к стр. 131.

...*несправедливую статью во «Всеобщей газете», посвященную мне.* — Рецензия на «Новые стихотворения» Гейне была опубликована во «Всеобщей газете» от 14 октября 1844 года. В рецензии утверждалось, что новым стихам Гейне недостает серьезности и что они вызывают разочарование у его поклонников.

Измышления о разрыве моих связей со «Всеобщей газетой»... — Ряд немецких газет в ноябре 1844 года опубликовал сообщения, согласно которым Гейне прекратил сотрудничество во «Всеобщей газете».

Бернштейн Генрих (1805—1892) — немецкий журналист, один из редакторов газеты «Вперед».

...недостойными выпадами против вас, которые позволила себе газета «Вперед». — «Всеобщая газета» была застрельщиком травли, организованной в Германии против газеты «Вперед», которая, в свою очередь, нанесла «Всеобщей газете» ряд ответных ударов. В данном случае речь идет о сообщении газеты «Вперед», касающемся интимной связи Кольба с одной актрисой.

95. КАРОЛИНЕ ЖОБЕР

Стр. 174. *Каролина Жобер* (1803—1889) — хозяйка одного из парижских литературных салонов, где бывал Гейне. После смерти поэта опубликовала свои воспоминания о нем.

96. ЮЛИУСУ КАМНЕ

Стр. 176. *Ариосто* Лодовико (1474—1533) — итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд» (1532), иронически трактующей мотивы рыцарского эпоса. Гейне очень любил этого поэта и сравнивал стиль своей поэмы «Атта Тролль» со стилем Ариосто.

Тассо Торквато (1544—1595) — итальянский поэт, автор эпической поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1575).

Стр. 177. *«Письма о Германии»* — статья Гейне, не публиковавшаяся при жизни поэта (см. т. 7 настоящ. издания, стр. 421—430 и соответствующие комментарии).

97. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «LE NATIONAL DE 1834»

Письмо является ответом на статьи во французских газетах «Le National de 1834» (ранее называвшейся «Le National») и «Charivari», в которых, по доносу противников Гейне, поэта обвиняли в нападках на Ламенне и в восхвалении Гизо. Гейне в ответ ссылается на свою книгу «Французские дела», где он с большим уважением и симпатией отзывался об участниках известного революционного выступления 5—6 июня 1832 года, окончившегося разгромом восставших республиканцев около монастыря *Сен-Мери*.

98. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Стр. 178. *«Le National»; «Charivari»*. — См. примечание к письму 97.

...от старой клики местных франкфуртских евреев... — Имеются в виду сторонники Соломона Штрауса, который, подобно Берне, был тесно связан с Франкфуртом.

Zeïferst. — См. примечание к стр. 131. Его статья в аугсбургской «Всеобщей газете» так и не была напечатана.

«*Univers*» — католическая французская газета.

99. ЖОРЖ САНД

Стр. 179. *Посылаю... поэму, о которой я вам на днях говорил*. — Гейне послал Жорж Санд «Германию» во французском переводе.

100. ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Письмо является ответом на сообщение сестры о смерти их дяди Соломона Гейне, последовавшей 23 декабря 1844 года.

101. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Стр. 181. ...как именно он позаботился обо мне. — Гейне рассчитывал получить после смерти Соломона Гейне либо крупную сумму денег, либо увеличение ежегодной пенсии (он получал от дяди 4800 франков в год). После смерти Соломона Гейне осталось огромное наследство — 41 миллион франков. При жизни банкир тратил большие суммы на благотворительные цели (так, он пожертвовал 500 000 франков наличными в помощь жертвам гамбургского пожара), но племяннику он всегда давал деньги очень скупно и после смерти поставил его в полную зависимость от благодеяний своего сына Карла.

Процесс не угроза, я легко могу его начать. — На самом деле у Гейне не было никаких шансов выиграть этот процесс, — он не располагал письменными обязательствами Соломона Гейне и мог рассчитывать только на поддержку общественного мнения, которое и в действительности оказалось на его стороне.

Адольф Галле. — См. примечание к стр. 89.

Стр. 182. *Мои здешние друзья, семейство Фульдов, направляют на меня Карла Гейне...* — Мать Ццилии Гейне, жены Карла, происходила из семейства Фульдов. Ссора Гейне с некоторыми представителями этого семейства крупных парижских банкиров ухуд-

шила его отношения с Карлом Гейне и повлекла за собой множество неприятностей для поэта, так как материальное благополучие Гейне в известной мере строилось на ежегодной пенсии, которую раньше выплачивал ему его дядя и которой его лишил Карл Гейне.

102. ПОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Стр. 182. ...я прочел в «Кельнской газете» гамбургскую статью. — Детмольд выступил на страницах «Кельнской газеты» 20 января 1845 года в защиту поэта, обиженного богатыми родственниками.

Стр. 183. ...я здесь разрешил всем олухам открыть огонь по врагу. — Имеются в виду Александр Вейль и другие журналисты, выступившие в пользу Гейне.

Рисер. — См. примечание к стр. 116 (письмо 51).

Стр. 184. *Зивекинг.* — См. примечание к стр. 94.

Самуил — древнееврейский пророк, поддержавший будущего царя Давида.

103. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 184. ...я уже позабыл ту безделицу, которая меня неприятно задела... — См. примечание к стр. 159.

...вы за это время доказали мне свою любовь... — Лаубе написал благоприятный отзыв о «Новых стихотворениях» Гейне в «Газете для любителей изящного».

Стр. 185. *Куранда* Игнац (1811—1884) — немецкий журналист, издававший в Брюсселе журнал «Grenzbote». Здесь была напечатана вторая из двух статей, которые Гейне приложил к настоящему письму, а также статья Вейля. Первая статья была опубликована в качестве объявления в «Немецкой всеобщей газете».

105. ЮЛИУСУ КАШЕ

Стр. 187. *Бернитейн.* — См. примечание к стр. 173.

Анфантен Бартелеми-Проспер (1796—1864) — один из главных деятелей сен-симонизма.

Стр. 188. ...*Мейербер...* предложил мне покрыть любой дефицит из собственных средств. — Мейербер был посредником в споре Гейне с его дядей и способствовал установлению регулярной пенсии, которую Соломон Гейне выплачивал племяннику. На предложение Мейербера покрыть убытки Гейне из собственных средств поэт не согласился.

Филарет Шаль (1798—1873) — французский литературовед,

занимавшийся немецкой литературой, профессор в «Collège de France». Шаля и Гейне на протяжении многих лет связывали дружеские отношения. Статья Шаля в «Revue des deux mondes» была посвящена творчеству немецкой поэтессы Гросвиты (ок. 935—ок. 1000).

Стр. 189. *Вилле Франсуа* (1811—1896) — гамбургский журналист. Гейне увековечил его в поэме «Германия. Зимняя сказка» (см. т. 2 настоящ. издания, стр. 315).

Ширгес. — См. примечание к стр. 148.

Мендельсон Иозеф — наборщик, опубликовавший «Стихи и новеллы наборщика».

106. ЛЕОПОЛЬДУ ВЕРТХЕЙМУ

Настоящее письмо к врачу *Леопольду Вертхейму*, парижскому знакомому Гейне, должно было, как явствует из содержания письма, положить конец той непрекращающейся травле, которой Штраус и его сторонники подвергали Гейне со времени выхода в свет книги «Людвиг Берне». Содержащуюся в письме просьбу Гейне адресат выполнил.

108. КАРЛУ-АВГУСТУ ФАРНХАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

Стр. 191. ...*Гекуба* — плохая утешительница. — Гекуба — вдова троянского царя Приама, которой, согласно греческой мифологии, довелось увидеть гибель мужа и детей. Смысл слов Гейне заключается в том, что человеку, переживающему свои собственные несчастья, трудно утешать других людей.

Лассаль. — См. примечание к стр. 123. Лассаль познакомился с Гейне в декабре 1844 года. Он принял активное участие в споре с родственниками Гейне по поводу отнятой у поэта денежной пенсии. Впоследствии отношения Гейне и Лассалья испортились из-за того, что Гейне отказался выступить в печати в поддержку скандального дела графини Гатцфельд, которое вел Лассаль.

109. АЛЕКСАНДРУ ГУМБОЛЬДТУ

Стр. 192. *Александр Гумбольдт*. — См. примечание к стр. 146. Ходатайство Гумбольдта за Гейне не увенчалось успехом.

110. ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛИЮ

Стр. 193. *Фердинанд Лассаль*. — См. примечания к стр. 123 и 191. В настоящем письме выражается благодарность Лассалию за его

попытку привлечь Александра фон Гумбольдта для ходатайства о разрешении Гейне приехать в Пруссию и за письмо князя Пюклер-Мускау в пользу Гейне в вопросе о наследстве.

Стр. 194. *Мендельсон* Иозеф (1817—1856) — гамбургский публицист, автор брошюры о Соломоне Гейне, встречавшийся с Гейне в Париже (не смешивать с автором «Стихов и новелл наборщика»; см. примечание к стр. 189).

Грюн Карл (1817—1887) — немецкий публицист, один из главных представителей мелкобуржуазного течения, именовавшего себя «истинным социализмом». Гейне поддерживал отношения с Грюном в 1845—1846 годах.

...я дал с полдюжины весьма задиристых стихов для альманаха *Пютмана*. — В альманахах «Альбом», изданный в 1847 году Германом Пютманом, Гейне дал «Силезских ткачей», «Доктрину» и другие стихотворения.

Диффенбах Иоганн (1792—1847) — известный немецкий врач. Гейне и Диффенбах вместе учились в Боннском университете.

Пюклер. — См. примечание к стр. 68 (письмо 27). Речь идет об открытом письме Пюклера Карлу Гейне, проект которого Пюклер прислал поэту. Гейне отредактировал это письмо и просил Фарнгагена напечатать его в аугсбургской «Всеобщей газете», но последний решил воздержаться от этого шага.

Стр. 195. *Руайе* Альфонс (1803—1875) — второстепенный французский писатель.

Эрманс, «*Мадонна*», *Евгения* — приятельницы Лассалья.

Стр. 196. *Балет свой я написал...* — Гейне имеет в виду «Богиню Диану» (см. т. 9 настоящ. издания, стр. 73—84 и комментарии к этому произведению).

Кальмониус — придворный банкир Фридриха Великого. Этим именем Гейне называл зятя Лассалья Фердинанда Фридлянда, который принял на себя руководство финансовыми операциями Гейне и втянул его в биржевую игру.

...рад буду увидеть его и вашу сестру. — Фридлянд (см. предыдущее примечание) был женат на сестре Лассалья Фридерике.

III. ФЕРДИНАНДУ ЛАССАЛЮ

Стр. 197. ...сердца денежных фараонов настолько зачерствели, что одной угрозы мало... — Намек на страшные кары, которым, согласно Библии, Моисей подверг фараона, не желавшего отпустить евреев из Египта.

112. ОПОРЕ БАЛЬЗАКУ

Стр. 199. *Руйе*. — См. примечание к стр. 195.

Говлан Леон (1803—1857) — второстепенный французский писатель.

Эскюдье Мари (1809—1880) и Леон (1811—1881) — французские журналисты.

Готье Теофиль (1811—1872) — крупнейший французский писатель-романтик, автор сборника стихотворений «Эмали и камни» (1852), а также романов «Мадемуазель Мопен» (1835) и «Капитан Фракас» (1863).

114. АЛЕКСАНДРУ ВЕЙЛЮ

Стр. 200. ...сообщение относительно моего безумия... — А. Вейль сообщил Гейне о заметке в «Немецкой всеобщей газете», которая утверждала, что Гейне якобы помещен в дом для умалишенных.

115. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 201. ...как высохший одноглазый Ганнибал. — Карфагенский полководец Ганнибал (ок. 247—183 до н. э.) в одном из походов потерял глаз.

...в Германии распространился ложный слух о моей смерти? — Ложное известие о смерти Гейне, так же как и сообщение о его безумии (см. письмо 114), было опубликовано в «Немецкой всеобщей газете».

116. ФЕРДИНАНДУ ФРИДЛЯНДУ

Стр. 202. *Фердинанд Фридланд*. — См. примечание к стр. 196.

Стр. 203. «*Ирида*» — бельгийское газоосветительное общество, получившее заказ на освещение Праги. Гейне, по совету Фридланда, вложил в акции этого общества 14 000 франков. Дивидендов не последовало, и акции постепенно обесценивались. Гейне тяжело переживал потерю денег, вложенных в акции «Ириды».

117. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Конец настоящего письма не сохранился.

Стр. 205. ...ищите на кладбище Монмартр, а не Пер-Лашез, где слишком шумно. — На кладбище Пер-Лашез похоронено много

постов и писателей. Гейне действительно похоронили на кладбище Монмартр.

Пришлите мне все-таки мой некролог... — Введенный в заблуждение сообщением о смерти Гейне, Лаубе написал некролог, который он, однако, не успел напечатать.

118. ЮЛНУСУ`КАМНЕ

Стр. 207. *Италия* — третья часть и первая половина четвертой части «Путевых картин».

Англия — «Английские фрагменты».

Перевод отрывка из «Манфреда» был опубликован в сборнике «Стихотворения» (1821) наряду с другими переводами из Байрона. Гейне в этот период надеялся прослыть «немецким Байроном» и называл английского поэта своим кузеном.

Стр. 208. *Шнабелевский* — «Из мемуаров господина фон Шнабслевопского».

Описание парижской художественной выставки — «Французские художники».

К истории философии в Германии — «К истории религии и философии в Германии».

Дела — «Французские дела».

Предисловие к «Дворянству» — предисловие к книге «Кальдорф о дворянстве в письмах к графу М. фон Мольтке».

Предисловие к «Салону» — предисловие к первой части «Салона».

Статья о Менцеле из «Политических анналов» — рецензия на книгу Вольфганга Менцеля «Немецкая литература».

Мосье Луи Берне — «Людвиг Берне».

Женщины Шекспира — «Девушки и женщины Шекспира».

Письма о театре — «О французской сцене».

Стр. 209. *...нелепая денежная распря улажена...* — После ложного известия о смерти Гейне Карл Гейне возобновил ежегодную пенсию своему двоюродному брату.

Кенигсвартер. — См. письмо 98 (стр. 178).

120. БЕНДЖАМЕНУ ЛЕМЛЕЮ

Стр. 210. *Бенджамен Лемлей* — директор лондонского «Театра ее величества королевы» («Theatre of Her Majesty the Queen»), которому Гейне продал свое либретто к балету «Доктор Фауст» (см. комментарий к этому произведению в т. 9 настоящ. издания).

121. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 212. *Ауэрбах* Бертольд (1812—1882) — немецкий писатель, в свое время пользовавшийся значительной популярностью, автор «Шварцвальдских рассказов» (из деревенской жизни), вышедших в 1843 году.

123. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Стр. 212. *Г-жа Густав* — жена Густава, брата поэта.

Стр. 213. ...я просматриваю все мои письма и сжигаю те, в которых есть хоть что-нибудь нескромное... — Пенсия, которую Карл выплачивал Гейне, сопровождалась условием не печатать ничего, что могло бы повредить репутации родственников Гейне. Поэтому поэт уничтожил бумаги, которые могли случайно попасть в печать и вызвать раздражение Карла.

Мориц — Мориц Эмбден (1790—1860), муж Шарлотты.

Стр. 214. *Людвиг* — сын Шарлотты, барон фон Эмбден (1826—1904).

124. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 214. ...вы поступили неправильно, когда этой зимой... не начали издавать собрание моих сочинений.— Кампе из коммерческих соображений оттягивал издание планируемого Гейне собрания сочинений и выпустил его только в 1861—1863 годах, то есть уже после смерти поэта.

Стр. 216. ...он обязался назначить моей вдове пожизненно половину моей пенсии... — Карл Гейне согласился на это при том условии, что не только при жизни, но и после смерти поэта не будет опубликовано никаких материалов, компрометирующих его гамбургских родственников.

126. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Стр. 217—218. ...будто я получал деньги от прежнего правительства... — Гейне действительно получал с 1836 года пенсию (4800 франков в год) от французского правительства. Эту субсидию выхлопотали ему друзья в связи с тяжелым материальным положением поэта, создавшимся после того, как Союзный сейм наложил запрет на его произведения.

Стр. 218. ...я много гуляю. — Явное преувеличение: Гейне был в то время очень слаб и с начала мая 1848 года уже совершенно не мог держаться на ногах.

127. АЛЬФРЕДУ МЕЙСНЕРУ

Стр. 218. *Альфред Мейснер* (1822—1885) — австрийский поэт, автор воспоминаний о Гейне.

...*подозрительное место в письме (оно должно было прийти к вам еще при Меттернихе)*. — Меттерних бежал из Вены в ночь на 14 марта 1848 года.

Стр. 219. *Венедей*. — См. примечание к стр. 88 (письмо 32).

129. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Стр. 221. *Если бы вы собственными глазами видели «Revue rétrospective»*. — В этом журнале были опубликованы данные расходов французского министерства иностранных дел в годы, предшествовавшие революции 1848 года. Там было и имя Гейне (см. примечание к стр. 217—218). «Всеобщая газета» оказала поэту медвежью услугу, сопроводив свое сообщение об этой публикации замечанием, что Гейне получал деньги «за то, чего он не писал против французского правительства».

...*я все-таки написал нижеследующее «Разъяснение»*... — Текст «Разъяснения» Гейне см. в т. 8 настоящ. издания, стр. 378—380.

132. ЮЛИУСУ КЛММЕ

Стр. 224. *Прошу вас сказать мне хоть слово о давно посланном вам плане расположения моих вещей в собрании сочинений... Я... предлагаю теперь следующее...* — См. письмо 132. Уточняющие сведения о некоторых приводимых в настоящем письме названиях произведений Гейне см. в примечаниях к стр. 207 и 208.

133. ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Начало и конец письма не сохранились.

136. ЭДУАРДУ ДЕ ЛАГРАНЖУ

Стр. 227. *Эдуард де Лагранж* (1796—1876) — маркиз, французский политический деятель, опубликовавший ряд статей о немецкой литературе и переведивший немецких писателей. С Гейне он был знаком с начала 30-х годов. Он был одним из акционеров газеты «Europe littéraire», где Гейне публиковал статьи о немецкой литературе.

Стр. 228. *Franzosenfresser*. — Так Берне назвал Менцеля в своем памфлете против него. Термин получил большое распространение применительно к немецким шовинистам.

Ламартин Альфонс (1790—1869) — французский поэт-романтик и политический деятель. В 1848 году был министром иностранных дел Временного правительства.

137. БЕТТИ ГЕЙНЕ

Стр. 229. *Великое кровопролитие* — подавление Кавеньяком восстания парижских рабочих в июньские дни 1848 года.

138. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 231. ...*в радикальном альманахе Пюттмана*... — См. примечание к стр. 194.

140. ЖАКУ-ЖЮЛЬЕНУ ДЮБОШЕ

Стр. 232. *Жак-Жюльен Дюбоше*. — См. примечание к стр. 30.

141. КАРОЛИНЕ ЖОБЕР

Стр. 234. *Г-жа де Гриньян* — дочь французской писательницы маркизы де Севинье (1626—1696), которой последняя писала свои знаменитые письма, образец эпистолярной прозы классицизма. Каролину Жобер часто сравнивали с маркизой де Севинье, и друзья даже называли ее этим именем. Поэтому Гейне называет здесь г-жой де Гриньян дочь Каролины Жобер.

...*новость, сообщенная вами, была не из веселых*. — Речь идет о неудаче ходатайства по поводу возобновления пенсии для Гейне во французском министерстве иностранных дел. Это ходатайство предпринял брат Каролины Жобер, граф д'Альтон-Ше, который был начальником канцелярии министерства иностранных дел.

142. МАКСИМИЛИАНУ ГЕЙНЕ

Стр. 235. ...*по совету большого консилиума*... *сделали два прижигания*... — Болезнь Гейне в то время считалась неизлечимой. Применившиеся прижигания и впрыскивания морфия действовали как болеотвлекающие средства.

Меня пользуют два врача, доктор Вертхейм и доктор Груби. — О Вертхейме см. письмо 106 и примечание к нему. Груби, которого

Гейне называл «венгерским шарлатаном», прославился своим обращением к признанным научным методам лечения. Он пользовался в Париже огромной популярностью: у него лечились Жорж Санд, Александр Дюма, Альфонс Доде, Шопен, Лист и многие другие. Основным методом лечения он считал психотерапию.

Стр. 237. ...письмо написано двумя почерками... — Это письмо, как и многие другие, составленные во время болезни, Гейне диктовал. Лишь две последние строки написаны им собственноручно.

Арон Гириш — бухгалтер в бавкирской конторе Соломона Гейне в Гамбурге.

...лицу, не проживающему в Париже, члену нашей семьи... — Имеется в виду Максимилиан Гейне.

143. ФРАНСУА МИНЬЕ

Стр. 239. *Франсуа Минье* (1796—1884) — французский буржуазный историк либерального направления, автор «Истории французской революции» (1824).

Икария — вымышленная страна из книги французского утопического социалиста Этьена Кабе (1788—1856) «Путешествие в Икарию» (1840).

Бог свергнут начисто, к изумлению Давида Штрауса... — О Давиде Штраусе см. примечание к стр. 35. Книга Штрауса «Жизнь Иисуса» вызвала множество споров о сущности бога. Сам Штраус в духе левого гегельянства считал, что бог есть таинственная сила, которая стремится познать самое себя и полностью осуществляет это стремление в человеческом сознании.

Одиллон Барро (1791—1873) — французский буржуазный политический деятель, один из вождей оппозиции. Накануне революции 1848 года, после «июньских дней», стал во главе министерства.

Стр. 240. «*О завоевании Англии норманнами*». — Эта книга французского буржуазного историка Огюстена Тьерри (1795—1856) была использована Гейне при работе над стихотворением «Поле битвы при Гастингсе».

144. В РЕДАКЦИЮ АУГСБУРГСКОЙ «ВСЕОБЩЕЙ ГАЗЕТЫ»

Стр. 240. «*Газета Хауде и Шпенера*» — «Haude- und Spencersche Zeitung», берлинская газета, основанная в 1740 году книгопродавцем Амброзиусом Хауде, а после его смерти перешедшая к Иоганну-Карлу Шпенеру. В газете уделялось большое внимание литературной жизни Германии.

145. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Стр. 242. *Посылаю статью, которая называется «Поправка».* — См. предыдущее письмо.

Танат — в греческой мифологии бог смерти.

Стр. 243. *Особенно процветает Мейербер: его новая опера пошла вчера...* — 16 апреля 1849 года состоялась премьера оперы Мейербера «Пророк».

146. БАРЛУ-МАРИИ КЕРТБЕНИ

Письмо полностью не сохранилось.

Стр. 243. *Карл-Мария Кертбени* — псевдоним Карла-Мари Бенкертта, поэта и переводчика. Кертбени переводил стихи венгерских поэтов на немецкий язык и, в частности, опубликовал в 1849 году сборник переводов стихов венгерского революционного поэта Александра *Петефи* (1820—1849), посвятив его Генриху Гейне. После смерти Гейне Кертбени написал статью «Воспоминания о Гсрихе Гейне».

Бернс Роберт (1759—1796) — великий шотландский поэт, развивавший в своей лирике мотивы народных песен и критиковавший несправедливое общественное устройство с точки зрения простого труженика-крестьянина.

Беранже Пьер-Жан (1780—1857) — знаменитый французский политический поэт, автор многочисленных песен-памфлетов, обличавших феодально-католическую реакцию.

147. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 245. *Посылаемое стихотворение я написал месяц назад...* — Имеется в виду стихотворение «В октябре 1849 года» (см. т. 3 настоящ. издания, стр. 104—105).

148. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 245. *...я узнал, что ты директор театра в Вене.* — Лаубе руководил венским Бургтеатром в годы 1849—1867 и сделал его одним из крупнейших театров Европы. Он ставил здесь Шекспира, Кальдерона, Грильпарцера, собрал превосходные актерские силы и пропагандировал естественную, реалистическую манеру исполнения, в противовес напыщенной декламации, характерной для немецких театров той эпохи.

Стр. 246. *Неоплатоники* — философская школа III—VI веков, толковавшая объективный идеализм Платона в духе откровенного

мистицизма. Неоплатоникам весь мир представлялся различными ступенями эманации бога, а высшим благом — непосредственное слияние души человека с божеством в состоянии мистического экстаза.

...*Февральская революция разорила меня...* — Гейне потерял не только пенсию от министерства иностранных дел, но и те сбережения, которые хранились в разного рода акциях, обесценившихся в результате революции.

Стр. 247. *«Я — шут счастья!»* — цитата из «Ромео и Джульетты» Шекспира (III, 1).

До меня доходит много жалоб на твои политические визгаги... — Лаубе в 1848 году в Лейпциге был избран депутатом Франкфуртского национального собрания, где, отказавшись от бывшего радикализма, занимал позиции центра. Он написал книгу «Первый немецкий парламент», в которой нашли отражение его новые политические убеждения.

Стр. 248. *Людвиг Виль.* — См. примечание к стр. 65. *«Западно-восточные ласточки»* — сборник его стихов (1847).

Бамберг Феликс (1820—1893) — немецкий журналист и музыкальный критик.

...*он геббельянствует...* — Бамберг был большим поклонником и приятелем Геббеля (см. примечание к стр. 164, письмо 86).

149. ХАЙМАНУ ЛАССАЮ

Стр. 248. *Хайман Лассаль* (ум. 1862) — бреславльский коммерсант, отец Фердинанда Лассалья (см. примечания к стр. 123 и 191).

Стр. 249. ...*нашего газового общества.* — См. примечание к стр. 203.

...*вашего зятя...* — Гейне имеет в виду Фердинанда Фридлянда (см. примечание к стр. 196), женатого на дочери адресата Фридерике.

Стр. 250. ...*он был ко мне страшно суров, когда я не дал втянуть себя в его темные дела...* — Гейне отказался поддержать Лассалья в скандальном процессе графини Гатцфельд. Это послужило для Лассалья поводом к разрыву с Гейне.

151. ВЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБДЕН

Стр. 254. *Сочинения Диккенса (Боза).* — Свои первые произведения Чарльз Диккенс подписывал псевдонимом Боз.

Стр. 254—255. ...переведенные с русского сочинения Гоголя... — Имеются в виду повести («Russische Novellen») и «Мертвые души» в переводе Левенштейна.

Стр. 255. *Шторх* Людвиг (1803—1881) — некогда популярный немецкий беллетрист и поэт.

152. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 255. *Патрокл* — друг Ахилла в «Илиаде» Гомера.

Меркель Фридрих (ум. 1846) — гамбургский коммерсант и критик, друг юности Кампе, впоследствии ставший также близким другом Гейне (см. письма Гейне к нему в т. 9 настоящ. издания).

Стр. 256. ...я прочел его книгу о парламенте. — См. примечание к стр. 247.

Книга о Г. фон Клейсте — «Жизнь и письма Генриха фон Клейста» (1848) Карла-Эдуарда фон *Бюлова* (1803—1853).

Флегель Карл-Фридрих (1729—1788) — немецкий литературовед, занимавшийся главным образом историей юмористической литературы.

Франк — стутгартский книгоиздатель, переселившийся в Париж.

Фивег Фридрих (1808—1888) — немецкий книгоиздатель, переселившийся в Париж и открывший здесь собственное книготорговое дело.

Штар Адольф (1805—1876) — немецкий филолог и историк, автор воспоминаний о Гейне. Книга Штара, о которой говорит Гейне, называется «Год в Италии» (1847—1850).

Левальд Фанни (1811—1889) — немецкая писательница, в 1847 году в Италии сблизившаяся с А. Штаром (см. предыдущее примечание) и с 1854 года ставшая его женой. Автор «Воспоминаний о Генрихе Гейне» (1886).

Юнг Георг. — См. примечание к стр. 171. Речь идет о книге Юнга «История женщины» (1850), в которой автор развивает идеи женской эмансипации.

Стр. 257. ...третий столп поэтической моей славы... — Имеется в виду сборник «Романсеро».

Гаммония — богиня города Гамбурга.

153. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 258—259. ...твоей книге о германском парламенте... — См. примечание к стр. 247. В этой книге Лаубе превозносит барона Генриха-Вильгельма-Августа фон *Гагерна* (1799—1880) — предсе-

дателя Франкфуртского национального собрания, который стремился передать прусскому королю власть над объединенной Германией.

Стр. 259. *Про мой балет ты ни слова мне не написал.* — Гейне рассчитывал, что Лаубе поставит его балет «Доктор Фауст», но Лаубе не смог это сделать, так как дирекция Венской оперы решительно тому воспротивилась.

Стр. 260. *Иозеф Пахер* (1818—1871) — венский композитор и пианист из круга людей, близких к Мейерберу.

...чтобы ты прочел как-нибудь мою маленькую трагедию «*Вильям Ратклиф*»... — Эта трагедия также не была поставлена Лаубе.

Стр. 261. *Мейснер*. — См. примечание к стр. 218 (письмо 127).

Мориц Гартман (1821—1873) — австрийский поэт и журналист.

Г-н Бамберг, прославленный геббельянец... — См. примечание к стр. 248 (письмо 148).

Моего друга Бальзака я потерял и оплакал. — Бальзак умер 18 августа 1850 года.

...в отвратительном, но божественно написанном романе об-лила грязью моего бедного друга Шопена. — Гейне считает, что Жорж Санд вывела Шопена в своем романе «*Лукреция Флориани*». Жорж Санд в «*Истории моей жизни*» опровергает это мнение.

154. ГЕНРИХУ ЛАУБЕ

Стр. 263. *Ты так помолодел, что опять сделался учеником старика Яна...* — то есть можешь заниматься гимнастикой. Фридрих-Людвиг Ян (1778—1852) был основателем националистического спортивного движения в Германии. Последователи Яна называли его «отцом гимнастики».

155. ГУСТАВУ ГЕЙНЕ

Стр. 265. *Молодой автор* — Мориц Гартман (см. примечание к стр. 261).

Пражское дело — дело об акциях компании «Ирида» (см. примечание к стр. 203).

Стр. 266. *Лола Монте* (1818—1861) — известная балерина (шотландка, выдававшая себя за испанку). В течение своей полной авантюры жизни объездила почти всю Европу и Америку. Некоторое время была фавориткой баварского короля Людвига I. Ее вмешательство в политику способствовало возникновению студенческих волнений в Мюнхене в феврале 1848 года. Часть ее мемуаров, о ко-

торых говорится в письме Гейне, была опубликована в 1849 году. Считают, что они не были написаны самой Лолой Монтес.

Стр. 268. *Кальмониус*. — См. примечание к стр. 196.

Стр. 269. *История с франкфуртскими евреями*. — Речь идет о конфликте Гейне с Соломоном Штраусом и Жанеттой Воль (см. примечания к стр. 101 и 112).

Стр. 272. *Мирмидоны* — воинственное племя, которым, по древнегреческому преданию, Ахилл командовал при осаде Трои.

Стр. 275. *Папагено* — имя продавца птиц из оперы Моцарта «Волшебная флейта».

156. МИХАЭЛЮ ШЛОССУ

Стр. 275. *Михаэль Шлосс* — владелец книжного и музыкального издательства в Кельне, у которого Гейне часто брал книги для чтения.

...*послать вам прилагаемые стихи*... — К этому письму были приложены стихотворения Гейне: «Золотой телец», «Ночная поездка» и «Старинная песня» (см. т. 3 настоящ. издания, стр. 34, 48, 92).

157. ВЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМЕДЕН

Конец письма не сохранился.

Стр. 276. *Веерт* Георг (1822—1856) — немецкий революционный поэт и журналист, член Союза коммунистов. Был другом Маркса и Энгельса и их соратником по «Новой Рейнской газете». Познакомился с Гейне в феврале 1851 года по рекомендации Маркса. Веерт был восторженным поклонником поэзии Гейне и состоял с ним в переписке. Письма Веерта к Гейне, в том числе и упомянутое здесь (от 21 февраля 1851 г.), см. в двухтомнике избранных произведений Веерта (Гослитиздат, 1957).

158. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Стр. 279. *Мне нужна... подборка всех статей, которые я напечатал во «Всеобщей газете» в период министерства г-д Тьера и Гизо*... — Гейне понадобились эти статьи для работы над «Лютенцией».

Маур — персонаж оперы Моцарта «Волшебная флейта».

Папагено. — См. примечание к стр. 275 (письмо 175).

Стр. 280. *Линднер* Фридрих-Людвиг (1772—1845) — немецкий публицист, восторженный поклонник Наполеона. В 1828 году он вместе с Гейне редактировал «Новые всеобщие политические анналы»

(«Neue allgemeine politische Annalen»), издававшиеся Коттой в Мюнхене (см. относящиеся к этому периоду письма Гейне в т. 9 настоящ. издания).

Лебре Альбрехт (1778—1846) — редактор аугсбургской «Всеобщей газеты» (с 1824 г.); был поклонником Наполеона (Гейне в одном из писем называет его своим «еднouverцем по Буонапарте»). Карл-Иозеф *Штегман* (1767—1837) также был редактором этой газеты.

159. МОРИЦУ ОППЕНГЕЙМУ

Стр. 281. *Мориц Оппенгейм* (1800—1882) — немецкий художник. Он удовлетворил просьбу Гейне и изготовил гравюру с его портрета.

Доктор обоих прав — то есть доктор римского и немецкого права.

160. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 282. *Гати*. — См. примечание к стр. 104.

...занимался отделкой лучшего из моих стихотворений... — В этот период Гейне работал над «Иегудой бен Галеви» (см. т. 3 настоящ. издания, стр. 114—140).

161. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 284. *Как в первой части «Иегуды бен Галеви»*... — Место, о котором говорит Гейне, встречается во второй части названного произведения (см. т. 3 настоящ. издания, стр. 123, а также соответствующие примечания).

В двух последних строках третьей строфы... — См. стихотворение «Рампсенит» (т. 3 настоящ. издания, стр. 9).

162. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 286—287. ...я понял, что могу дать вам две книги вместо одной... — Гейне собирался издать «Романсеро» и балет «Доктор Фауст» в одной книге, но потом решил издать эти произведения двумя отдельными книгами.

Стр. 287. ...я имел в виду... издание древнейшей книги о Фаусте... — Гейне собирался выпустить отдельным изданием вариант народной книги о Фаусте (1587), обнаруженный *Шейбле* в библиотеке города Ульма и опубликованный им в сборнике «Das

Kloster» (1846) (см. об этом подробнее в комментариях к «Доктору Фаусту», т. 9 настоящ. издания).

«*Фауст*» Видмана — народная книга о Фаусте, изданная Георгом-Рудольфом Видманом (1599).

163. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 290. *Ваши слова о Христиани справедливы, но я надеюсь позаботиться обо всем сам...* — Кампе сообщал, что друг юности поэта Рудольф Христиани (1797—1860) однажды высказал пожелание стать редактором сочинений Гейне.

Шиф Давид-Герман (1801—1867) — немецкий литератор, дальний родственник Гейне.

164. ИММАНУИЛУ-ГЕРМАНУ ФИХТЕ

Стр. 291. *Иммануил-Герман Фихте* (1796—1879) — профессор философии, сын философа Иоганна-Готлиба Фихте.

Сведенборг Эммануил (1688—1772) — шведский ученый и теолог, вначале занимавшийся естественными науками, а под конец жизни впавший в мистику и теософию. Гейне использовал то, что Фихте ему говорил о Сведенборге, в послесловии к «Романсеро» (см. т. 3 настоящ. издания, стр. 164).

Гуго Густав (1764—1844) — профессор Геттингенского университета, основатель реакционной «исторической школы права», оправдывавшей крепостничество и феодальную монархию как «исторически сложившиеся» и поэтому законные формы жизни общества.

165. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 292. *Готшалъ* Рудольф (1823—1909) — немецкий драматург и литературовед. *Корне* (в прошлом директор Гамбургской оперы) сопровождал Готшала в его поездке в Париж.

Стр. 293. *Пешель* Оскар (1826—1875) — немецкий географ. В те годы работал в редакции «Всеобщей газеты».

166. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 295. *Гравюра на обложке очень пугает меня из-за голых дам.* — На обложке «Доктора Фауста» была изображена обнажен-

ная женская фигура, что послужило причиной многих упреков в безнравственности, которые пришлось выслушать Гейне. Автором гравюры был Рихард-Георг Шпиллер фон *Хауэншильд* (1825—1855), который был более известен как поэт и романист (писал под псевдонимом Макс Вальдау). Ниже идет речь о его романе «С природы» («*Nach der Natur*»), который он посвятил Гейне.

Стр. 296. *Готшаль и Корне*. — См. примечание к стр. 292.

167. СЕН-РЕНЕ ТАЙАНДЬЕ

Стр. 296. *Сен-Рене Тайандье* (1817—1879) — французский литературовед и критик, занимавшийся главным образом немецкой литературой. Перевел «Доктора Фауста» и ряд других произведений Гейне на французский язык и был автором статьи о его творчестве, помещенной во французском литературно-критическом журнале «*Revue des deux mondes*» (1 апреля 1852 г.) и включавшей в себя разбор «Романсеро», а также краткую биографию поэта.

Шаль. — См. примечание к стр. 188. Статья Шаля о Гейне должна была ознакомить Тайандье с биографией поэта.

«*Два гренадера*» — стихотворение «Гренадеры» (см. т. 1 настоящ. издания, стр. 32—33).

168. ГЕОРГУ ВЕЕРТУ

Стр. 298. *...будет казаться им темным набором слов, как Масману — латынь*. — Гейне любил утверждать, что немецкий филолог, националист Ганс-Фердинанд Масман (1797—1874), являвшийся постоянным объектом его насмешек, не знает латыни, которая в то время считалась главным элементом филологического образования.

Эккерман Иоганн-Петер (1792—1854) — немецкий писатель, личный секретарь Гете (в годы 1823—1832), автор книги «Разговоры с Гете в последние годы его жизни» (1836—1848).

Стр. 299. *Дурак-соотечественник*. — Вероятно, Гейне имеет в виду Людвига Виля (см. примечание к стр. 65), который навел на него в этот день.

Рейнхардт Рихард (1829—1898) — член Союза коммунистов, друг Маркса и Энгельса. Был секретарем Гейне.

...донос написал человек, у которого нет недостатка в образованности и который даже является литератором. — По-видимому, речь идет о Феликсе Бамберге (см. примечание к стр. 248, письмо 148).

169. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Стр. 300. *Шези* Вильгельмина (Гельмина) (1783—1856) — немецкая поэтесса романтического направления.

Стр. 301. *Пруц* Роберт (1816—1871) — немецкий поэт. Он сам написал статью о «Романсеро» для «Летописей», о которой говорит Гейне, и поэтому места для статьи Готшала не оказалось.

Хейльброннер Карл — автор книги «Страницы из путевого дневника немецкого туриста» («Cartons aus der Reiseumpe eines deutschen Touristen», Stuttgart, 1837), с которым Гейне встречался в Мюнхене и в Париже.

170. СЕН-РЕНЕ ТАЙАНДЬЕ

Стр. 302. *Де Марс* — секретарь журнала «Revue des deux mondes».

...переведенные вами произведения... — Гейне имеет в виду свои стихотворения «Принцесса Шабаш» и «Иегуда бен Галевн».

Бюлоз Франсуа (1803—1878) — редактор журнала «Revue des deux mondes».

Стр. 303. *Письмо к Шалю*. — См. т. 9 настоящ. издания, стр. 551—554.

171. БЕТТИ ГЕЙНЕ И ШАРЛОТТЕ ЭМБЕДЕН

Стр. 304. ...на улицах Парижа снова царит величайшее возбуждение, а вчера и третьего дня происходило великое кровопролитие... — Речь идет о государственном перевороте Луи-Наполеона, приведшем к установлению во Франции Второй империи.

172. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 306. *Передайте это, пожалуйста, и г-ну фон Хауэншильду... голый особы на обложке «Фауста»*. — См. примечание к стр. 295. Гейне имеет в виду письмо Веерта к нему от 17 ноября 1851 года, где дано ироническое описание виньетки на обложке «Доктора Фауста». ¹

Стр. 308. ...выдохшегося, жалкого обозрения выдохшегося, жалкого Гуцкова... — Речь идет о газете «Телеграф для Германии».

С «Путешествием по Гарцу» можете поступить как вам угодно. — Кампе собирался выпустить новое издание «Путешествия по Гарцу», но выполнил свое намерение лишь в 1853 году.

¹ Г е о р г В е е р т. Избранные произведения, т. II. М.—Л., Гослитиздат, 1957, стр. 504.

Стр. 309. *Брат мой тоже, очевидно, не справился с делами, которые я ему поручил.* — Гейне поручил своему брату Густаву урегулировать дело с акциями «Ириды» (см. примечание к стр. 203).

Замок Годви («Godwie-Castle») — некогда весьма популярный исторический роман немецкой писательницы Генриетты Паальцов (1788—1847), изданный в Бреславле в 1849 году.

...не получил статьи, которую мой брат написал обо мне и на которую мне жаловался Шиф... — Статья Густава Гейне в издаваемой им газете «Fremdenblatt» называлась: «Несколько слов о Генрихе Гейне». Там приводился неблагоприятный отзыв Гейне о Шифе. Последний был этим весьма обижен, тем более что статью перепечатали многие немецкие газеты.

173. ХРИСТИАНУ-ГЕНРИХУ ВЕРМАНУ

Стр. 309. *Христиан-Генрих Верман.* — См. примечание к стр. 140.

...послать... экземпляр моей последней книги. — Речь идет о «Романсеро».

174. ГУСТАВУ КОЛЬБУ

Стр. 310. *...вырвать у вас номера «Всеобщей газеты».* — См. примечание к стр. 279.

Стр. 311. *Сава.* — См. примечание к стр. 60 (письмо 22).

Стр. 312. *Энглендер* Зигмунд (ум. 1902) — австрийский литературовед и историк, друг Геббеля, эмигрировавший после 1848 года в Париж. Здесь он занимался журналистской деятельностью, но в дальнейшем, из-за конфликта с французским правительством, вынужден был переселиться в Лондон.

Гавас — французское информационное агентство (1835—1940), основанное Шарлем-Луи Гавасом. Снабжало французскую печать переводами иностранных статей и объявлений. С 1870 года был заключен договор Гаваса с немецким агентством Вольфа и английским агентством Рейтер по международному обмену информацией. В дальнейшем подобного рода договоренностью были охвачены крупнейшие агентства печати во всем мире.

175. АЛЬФРЕДУ МЕЙСНЕРУ

Письмо является ответом на два письма Мейснера, в одном из которых тот спрашивал Гейне, не будет ли поэт возражать, если Мейснер, пишущий книгу о Гейне, упомянет в ней о его конфликте

с Жяветтой Воль-Штраус и ее мужем Соломоном Штраусом по поводу книги Гейне «Людвиг Берне».

Стр. 313. *Обермайер* Ойген — парижский журналист, приятель Мейснера.

Вольф Оскар-Людвиг-Бернгард (1799—1851) — профессор Иенского университета, в своих трудах благоприятно отзывавшийся о Гейне, с которым он был лично знаком.

По у меня, в сущности, было две вины, и одна из них все еще продолжает влачить свое жалкое, призрачное существование. — Гейне намекает на Берне и Гуцкова.

У вас... есть нечто похуже, а именно — жирный клоп... — Намек на Феликса Бамберга (см. о нем примечание к стр. 248, письмо 148).

Стр. 314. *...не пишете в вашей новой книге о раздорах, в которых замешаны известные особы...* — Гейне возражает против упоминания в книге Мейснера о его конфликте с четой Штраус.

176. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 315. *...об объявлении в «Гамбургской газете»...* — В немецких газетах появилось сообщение о судебном процессе над «Романсеро». Такой процесс действительно имел место благодаря рапорту берлинского полицей-президента фон Гинкельдея. Книга была осуждена на уничтожение «за безнравственное содержание». Характерно, что и в Вене «Романсеро» подверглось запрету за стихотворения «Мария-Антуанетта» и «Диспут».

Стр. 316. *...я назначил друга, который будет руководить изданием вместо меня...* — В новом завещании Гейне, составленном 13 ноября 1851 года, в качестве уполномоченного по руководству изданием сочинений Гейне назван Рудольф Христиани.

Стр. 317. *Вот мои предложения относительно каждого тома собрания сочинений...* — Уточняющие сведения о некоторых приводимых далее названиях произведений Гейне см. в примечаниях к стр. 207 и 208.

Стр. 319. *Отрывок, который начинается с созерцания тела Карла Великого* — шестая часть третьей книги «Романтической школы» (см. т. 6 настоящ. издания, стр. 267—271).

Диатриба (гневная речь) *против Кузена* — «Приписка» к «Романтической школе» (см. т. 6 настоящ. издания, стр. 272—277).

Стр. 320. *«Путешествие в Польшу»* — «О Польше». Говоря о том, что в этой статье весьма много губительных, Гейне имеет в виду искажение текста по вине редактора журнала «Собеседник» («Ge-

sellschafter»), литератора и профессора Берлинской Академии художеств Фридриха-Вильгельма Губица (1785—1870).

Книга Менцеля — «Немецкая литература».

«Диана. Пантомима» — «Богиня Диана».

Статья о Рейнольде — «Томас Рейнольдс».

Критическая статья о Михале Бера — «Струэнзес» (рецензия на трагедию Бера под этим названием).

177. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 323. ...мой набросок проспекта сочинений. — См. предыдущее письмо.

Фосс Иоганн-Генрих (1751—1826) — немецкий писатель эпохи «бури и натиска», основатель «Союза рощи», объединявшего поэтов-сентименталистов, поборников немецкой национальной поэзии. Прославился своими идиллиями, поэтизировавшими будничную жизнь крестьянства: «Семидесятый год рождения» (1781), «Луиза» (1783—1784) и др., а также переводами «Иллады» (1793) и «Одиссеи» (1781) на немецкий язык. См. высказывание Гейне о Фоссе в «Романтической школе» (т. 6 настоящ. издания, стр. 165—170).

178. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 324. ...большая статья Тайанде... — См. примечание к стр. 296 (письмо 167).

Стр. 325. ...прислали мне «Сто дней» Граббе... — Драма Граббе (см. примечание к стр. 34) «Наполеон, или Сто дней» (1831) рисует борьбу социальных сил во Франции в 1815 году.

180. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 328. ...хочу исправить одно выражение. — См. т. 6 настоящ. издания, стр. 17.

Даумер. — См. примечание к стр. 79.

Бруно Бауэр (1809—1882) — немецкий философ-идеалист, один из виднейших представителей младогегельянства, буржуазный радикал; после 1866 года — национал-либерал.

Фейербах Людвиг (1804—1872) — немецкий философ, крупнейший представитель материализма домарксовского периода.

Стр. 329. *Бернгард п Лайст* — владельцы книготорговых фирм, высылавшие Гейне, по его заказу, книги для чтения. Книги эти

подлежали возврату, причем за пользование ими полагалась определенная плата.

Фезе Эдуард (1802—1870) — немецкий историк. Речь идет о его книге «История немецких дворов со времен Реформации». Первые шесть томов этой книги были посвящены Пруссии, следующие одиннадцать — Австрии.

Раунах Эрнст (1784—1852) — немецкий драматург, писавший пьесы на исторические сюжеты. См. иронические высказывания Гейне о нем в произведениях «О французской сцене» и «Девушки и женщины Шекспира» (т. 7 настоящ. издания, стр. 239—243 и 347), а также соответствующие комментарии.

...в моей душе зреет книга... — В дальнейшем Гейне излагает замысел «Лютеции».

182. МАКСИМИЛИАНУ ГЕЙНЕ

Стр. 335. *Говорят, в нее вставлены коварные строки, направленные против меня.* — Во «Всеобщей газете», в заметке, о которой идет речь (9 августа 1852 г.), Гейне писал: «Вот уже тридцать лет верой и правдой служу я богине свободы, а заработал я на этой службе только сухотку спинного мозга». Редакция здесь добавила фразу: «в чем, однако, богиня свободы совершенно не виновата».

Торговец маслом. — Так Гейне называет своего брата Густава, который в юности неудачно пробовал заняться торговлей пищевыми продуктами. Гейне ждал от него денег, в которых поэт в этот момент остро нуждался.

Стр. 336—337. *...моему кузену со стороны матери...* — Имеется в виду Адольф Бенедикт, штутгартский книготорговец.

Стр. 337. *Адольф.* — См. предыдущее примечание.

183. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 338. *Рейнхардт.* — См. примечание к стр. 299.

Стр. 339. *...возмущенный вопль о «конгрессе братьев»...* — Гейне поручил вести переговоры о «Лютеции» Максимилиану, но Густав опередил последнего и, не отличаясь тактом, обострил отношения Гейне с Кампе.

Стр. 340. *Пахер.* — См. примечание к стр. 260.

...Густав ничего не может знать и о моих мемуарах, большая часть которых действительно уничтожена... — Густав заявил Кампе, что мемуары Гейне вовсе не уничтожены, а находятся на хранении у Максимилиана. Кроме того, он намекнул, что неясный пункт в договоре дает Гейне право издать свое собрание сочинений

у другого издателя, тогда как Кампе, опираясь на договор, утверждал, что только он может быть издателем полного собрания сочинений Гейне.

Стр. 341. ...назвать в одном из своих каталогов пьесу бедного Мальтица шахматной игрой... — См. примечание к стр. 155. Кампе напечатал в 1829 году пьесу Мальтица «Пасквиль», причем в каталоге вместо «Schauspiel» (пьеса) было напечатано: «Schachspiel» (игра в шахматы).

184. АЛЬФРЕДУ МЕЙСНЕРУ

Стр. 342. ...ваша вторая пьеса принята так благосклонно. — Имеется в виду пьеса Мейснера «Жена Урии» (1858).

Солон (ок. 638 — ок. 559 до н. э.) — политический деятель древних Афин и один из первых аттических поэтов.

Стр. 343. Вирсавия — жена Урии, одного из военачальников царя Давида. Согласно Библии, Давид, полюбив Вирсавию, отправил Урию на верную смерть и женился на Вирсавии. Ее сын Соломон наследовал трон царя Давида.

185. ЮЛНУСУ КАМПЕ

Стр. 344. Штродтман Адольф (1829—1879) — немецкий поэт и публицист, впоследствии — автор фундаментальной биографии Гейне и издатель его посмертных произведений. В 1852 году Штродтман находился в Америке и собирался там «пиратским образом» осуществить издание собрания сочинений Гейне. В Европе по договору права на такое издание сохранялись за Кампе. Американские издательства не были связаны соответствующей конвенцией об авторском праве и издавали европейских авторов, не выплачивая им гонорара.

Рандюэль Эжен — французский издатель произведений Гейне,

186. АНРИ ЖЮЛИА

Стр. 345. Анри Жюлиа — юрист, чиновник французского министерства юстиции. После смерти Гейне был адвокатом жены поэта при разрешении вопросов о наследстве, имел доступ к архиву Гейне и, по-видимому, сыграл неблагоприятную роль в деле о пропаже его «Мемуаров» (см. комментарии к указанному произведению, т. 9 настоящ. издания, стр. 652). В 1884 году опубликовал воспоминания о Гейне. Упомянутую в письме брошюру «Друзья Вольтера» он послал Гейне на отзыв.

187. ХРИСТИАНУ ШАДУ

Стр. 346. *Христиан Шад* — издатель «Немецкого альманаха муз». Гейне впоследствии послал ему «Песнь песней» и «Песнь маркитантки», которые и были изданы в альманахе за 1854 год.

Стр. 347. *Ауэрсперг*. — См. примечание к стр. 40 (письмо 16).

188. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 349. *...ее изуродовали плохим переводом...* — См. об этом в комментариях к «Богам в изгнании» (т. 9 настоящ. издания, стр. 611—612).

Стр. 350—351. *...поэт Гейне... еще скажет свое веское последнее слово.* — Гейне имеет в виду подготовку к изданию своих «Стихотворений 1853 и 1854 годов» (см. т. 3 настоящ. издания, стр. 169—216).

Стр. 351. *Хауэншильд*. — См. примечание к стр. 295.

189. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 351. *«Монастырь» Шейбле*. — См. примечание к стр. 287.

Стр. 352. *«Разоблаченное иудейство»* — книга Иоганна-Андреаса *Эйзенменгера* (1654—1704), послужившая источником для позднейших антисемитских сочинений. Автор обещал франкфуртским еврейам за значительную сумму денег уничтожить книгу, но сделка не состоялась. Книга вышла в свет уже после смерти автора (1711).

190. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 353. *Тритау Альфонс* — поверенный Кампе, посетивший Гейне в Париже с целью отвезти в Гамбург готовые к печати новые произведения поэта.

Стр. 354. *...входят... лучшие статьи, напечатанные мною во «Всеобщей газете»...* — Речь идет о «Лютеции» (это название было дано позднее).

Стр. 355. *«Женщины Шекспира»* — «Девушки и женщины Шекспира».

Стр. 356. *Деллау*. — См. примечание к стр. 64 (письмо 25).

...я героически принялся за совершенно новый вариант моих «Мемуаров»... — Первый вариант мемуаров, по словам Гейне, был почти полностью уничтожен. Но Тритау сообщил Кампе, что Гейне не уничтожил, а передал этот вариант «третьему лицу» (возможно, Максимилиану Гейне).

Стр. 357. ...*проживающих в старой Гаммонии* — то есть в Гамбурге (см. примечание к стр. 257).

Рукопись о Граббе — вероятно, книга австрийского писателя Карла Циглера (1812—1877) «Жизнь и личность Граббе» (1855).

192. АЛЕКСАНДРУ ДЮМА

Стр. 359. *Александр Дюма* (Дюма-отец, 1803—1870) — французский писатель, автор широко известных авантюрно-исторических романов: «Три мушкетера» (1844), «Граф Монте-Кристо» (1844—1845) и др. Дюма, кроме того, выпускал периодические издания «Мушкетер» и «Монте-Кристо», в которых также печатались его многочисленные романы. Письмо Гейне вызвано анонсом, помещенным в «Мушкетере» от 27 марта 1854 года, «о предстоящем выходе новой поэмы Гейне «Сын Маргариты».

193. ГЕРМАНУ ПЮКЛЕР-МУСКУ

Стр. 361—362. ...*я не думаю, что он отдаст рукопись...* — Гейне отправил Кампе рукопись первого тома «Разных сочинений», куда наряду с другими произведениями вошли «Признания». Ввиду того что Кампе не отвечал в течение трех недель, Гейне решил, что тот не хочет издавать его книгу, и, опасаясь, что материал «Признаний» станет известен широкой публике до их выхода в свет в другом издательстве, хотел, чтобы Кампе вернул ему рукопись. Князь Пюклер, будучи проездом в Париже, навестил поэта и вызвался помочь ему в этом деле. 4 апреля 1854 года он отправил Кампе письмо по этому поводу. Пюклер просил в своем письме отдать его гамбургской приятельнице *сенаторше Иенши* рукопись Гейне и известить его об этом письмом в Кобленц до востребования. «Героизм, — писал Пюклер о Гейне, — с которым он переносит свои страдания, заслуживает такого же восхищения, какое вызывает немеркнущая сила его гения».

194. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 362. ...*тягостного чувства, вызванного вашим письмом...* — См. примечание к стр. 361—362. В письме от 8 апреля 1854 года Кампе обиженно писал Гейне, что подозрения поэта лишены всякого основания, что он якобы просто не смог до сих пор ознакомиться с содержанием рукописи Гейне и поэтому не дал ему ответа.

Стр. 365. ...*вместо сурового стихотворения о Гервеге я написал*

о нем новое стихотворение, смешное, и посылаю его вам; первое снимите. — Вместо «Симплициссимус I», стихотворения о провале попытки Гервега с восьмьюстами сторонниками организовать революцию в Бадене, Гейне поместил стихотворение «Аудиенция» о пресловутой встрече Гервега с прусским королем. См. в т. 3 настоящ. издания, стр. 208 и 255, оба этих стихотворения, а также комментарии к ним.

Стр. 366. ...из-за Лейпцига... — то есть из-за Лейпцигской ярмарки.

195. МИХАЭЛИЮ ШЛОССУ

Стр. 366. ...моя Мефистофела положена в основу берлинского балета... — Гейне считал, что при постановке в Берлине балета «Сатанелла» был заимствован материал из его танцевальной поэмы «Доктор Фауст». На самом деле заимствование было весьма незначительным, и доказать авторские права Гейне было невозможно.

196. ЮЛИУСУ КАММЕ

Стр. 368. Август Левальд. — См. примечание к стр. 10.

Отрывок о Ватерлоо — страницы в первоначальной редакции «Признаний», следовавшие за упоминанием битвы при Ватерлоо (см. т. 9 настоящ. издания, стр. 103), исключенные Гейне из окончательного текста и опубликованные после смерти поэта.

Стр. 369. ...снять стихотворение «Подслушанное» и сатиру на Гервега. — См. письмо 194 и примечание к стр. 365.

Маленький цикл стихов — «К Лазарю» (см. т. 3 настоящ. издания, стр. 180—187).

197. МИХАЭЛИЮ ШЛОССУ

Стр. 369. Брошюра Листа о Шопене — «Фредерик Шопен» (1852).

Брандус — музыкальный издатель.

Вагнер Рихард (1813—1883) — великий немецкий композитор. Вагнер познакомился с Гейне в Париже еще в 40-х годах при посредстве Генриха Лаубе. Он написал музыку к стихотворению Гейне «Гренадеры» и выступил в защиту поэта в «Дрезденской газете» от 4 августа 1841 года во время конфликта Гейне со Штраусом. Стихотворение Гейне о Вагнере, о котором говорится в настоящем письме, — «Поэтико-музыкальный союз молодых котов» (см. т. 3 настоящ. издания, стр. 203—205). После опубликования этого стихотворения Вагнер стал резко отрицательно отзываться о Гейне.

Стр. 370. *Бов-Диккенс*. — См. примечание к стр. 254.

Оттермюллер (der Ottermüller). — В Германии не было писателя Оттермюллера. Возможно, что Гейне каламбурил, присовокупляя существительное die Otter (гадюка) к фамилии Müller (Мюллер). Скорее всего имеется в виду романист Отто Мюллер (1816—1894), пользовавшийся в то время известной популярностью.

198. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 371. *Шиф*. — См. примечание к стр. 290.

200. БЕТТИ ГЕЙНЕ

Конец письма с подписью и, возможно, с припиской не сохранился.

Стр. 375. *Князь Рокка* — муж племянницы Гейне Мариц (см. о ней примечание к стр. 140).

201. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 376. ... как следует высек берлинского прохвоста, не называя его имени... — В 1853 году берлинский издатель Густав Гемпель, не запросив автора о согласии, выпустил произведение Гейне «Боги в изгнании» («Die Götter im Exil»), в обратном переводе с французского языка на немецкий, под заглавием: «Изгнанные боги» («Die verbannten Götter»), с подзаголовком: «С присовокуплением сообщений о большом поэте». Гейне «высек» его в предисловии к «Признаниям», не называя по имени (см. т. 9 настоящей издания, стр. 87—88), но Кампе в сноске привел полное название книги, имя и фамилию издателя.

203. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 378. В «*Mousquetaire*» на другой день было несколько замечаний об этом... — 17 сентября 1854 года Филибер Одебран опубликовал в журнале Дюма «Мушкетер» («*Mousquetaire*») статью о новой книге Гейне, вышедшей на французском языке.

Стр. 379. ...присыдтить моего гамбургского Фабия Кунктатора... — Гейне имеет в виду Кампе. Кунктатор (Медлитель) — прозвище римского государственного деятеля и полководца Фабия Максима (ум. 203 до н. э.), который в борьбе с карфагенским полководцем Ганнибалом избегал вступать в сражения и всячески затягивал войну, рассчитывая на истощение противника.

201. ИОГАННУ-ГЕРМАНУ ДЕТМОЛЬДУ

Стр. 380. ...*деланное мною дагерротипное изображение смрадного притона в-жи Лео*. — См. прощическое описание краха банкирского дома Лео в «Лютеции» (т. 8 настоящ. издания, стр. 224—226).

205. ЮЛНУСУ КАМПЕ

Стр. 382. ...*Аугсбург стакнулся с Мюнхеном*... — Гейне считал, что аугсбургская «Всеобщая газета» заключила союз с католическими кругами Мюнхена.

...*притона, который я столь откровенно изобразил*... — См. примечание к стр. 380.

206. ПОЗЕФУ ЛЕМАНУ

Стр. 383. *Иозеф Леман (1777—1841)* — немецкий писатель и издатель альманахов, один из наиболее близких друзей молодого Гейне (см. письма Гейне к нему в т. 9 настоящ. издания).

Стр. 384. ...*я отдал преимущество первым, может быть именно потому, что они из колена Левия*. — Левий, легендарный сын Иакова, согласно библии был основателем рода, к которому принадлежал Моисей. Поэтому члены «колена Левия» пользовались исключительным правом занимать должности священнослужителей — первосвященников, священников и простых левитов (низших священнослужителей).

207. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 385. ...*«Всеобщая газета» перевела статью из «Revue*. — Во «Всеобщей газете», в номерах от 21—26 сентября 1854 года, был помещен перевод «Признаний» с французского текста из «Revue des deux mondes» от 15 сентября 1854 года. 27 сентября во «Всеобщей газете» появилась в связи с этим статья Оскара Пешеля (см. о нем примечание к стр. 293), полная резких выпадов против Гейне.

Стр. 385—386. ...*Котта еще недавно написал мне любезнейшее письмо, а Кольб в течение двадцати пяти лет выказывал себя моим другом*... — Котта был издателем «Всеобщей газеты», а Кольб — ее редактором.

Стр. 386. ...*даже в той глупой истории, о которой я рассказал в «Лютеции*». — См. это произведение Гейне, т. 8 настоящ. издания, стр. 65—68 («Позднейшая заметка»).

...моей матери тоже пошлите... «Лютецию» (оба тома), но первый том «Разных сочинений» не посылайте... Вы сами поймете, почему. — В упомянутом Гейне томе слишком отчетливо обрисованы его страдания в «матрачной могиле».

208. ЮЛИУСУ КАМПЕ

Стр. 387. ...в «формате Шарпантье»... — Парижский издатель Жерве Шарпантье (1805—1871) прославился изданием библиотеки французских и иностранных классиков. Особый формат книг из этой библиотеки получил название по имени издателя.

Стр. 388. *Брань во «Всеобщей газете».* — См. примечание к стр. 385.

209. ГЕРМАНУ ШЮКЛЕР-МУСКАУ

Стр. 388. ...я выпускаю эти строки, словно голубя из ковчега... — Намек на библейский рассказ о том, как после всемирного потопы спасшийся в ковчеге Ной выпустил голубя, чтобы убедиться в близости земли.

Голгофа — холм в окрестностях Иерусалима, на котором в древней Иудее совершались казни. Согласно евангельской легенде, на Голгофе был распят Христос, со страданиями которого сравнивает свои мучения смертельно больной Гейне.

Стр. 389. *Мебольд* Карл-Август (1798—1854) — немецкий историк и переводчик с французского. В 1833 году Гейне предлагал поставить свое имя в качестве соавтора на задуманной Мебольдом книге «Немецкая история», однако этот план остался неосуществленным. Мебольд играл видную роль в редакции «Всеобщей газеты».

211. АЛЕКСАНДРУ ДЮМА

Стр. 394. ...я получил его от одного из моих соотечественников... который утверждает, что занял у меня 50 франков двадцать лет назад. — Гейне получил банковский билет в 50 франков от Якоба Венедее (см. о нем примечание к стр. 88, письмо 32).

Стр. 398. ...еще две трети «Парижских могилок»... — Третьим том романа Дюма был конфискован цензурой.

212. МИШЕЛЮ ШЕВАЛЬЕ

Стр. 398. *Мишель Шевалье* (1806—1879) — французский экономист, один из вождей сен-симонизма.

Стр. 399. *Анфантен*. — См. примечание к стр. 187. Гейне иронически сравнивает его с богом, ибо Анфантен развивал религиозную сторону учения Сен-Симона и превратил сен-симонистскую общину в религиозную секту, где самого Анфантена называли «верховным отцом».

Озирис — в древнеегипетской религии бог воды и растительности, а также властелин загробного мира.

Тифон — в древнегреческой мифологии могущественный великан, олицетворение огненных разрушительных подземных сил. Был отождествлен с древнеегипетским богом Сетом, который убил своего брата Озириса и разорвал его в клочья.

Я однажды писал ему... — Гейне посвятил Анфантену свою книгу «О Германии».

...после своего послания с берегов Нила... — Анфантен в первой половине 30-х годов находился в Египте, на строительстве Нильской плотины. Там же одно время работал инженером и Мишель Шевалье.

Равноправие плоти. — Одним из главных тезисов сен-симонизма было положение о равноправии плоти и духа.

213. МИХАЭЛЮ ШЛОССУ

Стр. 400. *...моя очаровательная норвежская приятельница...* — Речь идет о жене адресата.

...мошенничество мистре Венедее... еще не случилось, чтобы ослепленный гнев проявлялся даже в стихах. — Якоб Венедей опубликовал в «Кельнской газете» от 30 ноября 1854 года семь стихотворений, направленных против Гейне. Он сделал это в отместку за стихотворение «Кобес I», опубликованное в первом томе «Разных сочинений» Гейне (см. т. 3 настоящ. издания, стр. 211—216, а также соответствующие комментарии).

Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) — русский военный и дипломатический деятель, генерал-адъютант, адмирал, главнокомандующий русскими вооруженными силами во время Крымской войны 1853—1856 годов (до февраля 1855 года).

Стр. 401. *Дрикес* — имя кельнской карнавальной маски, ставшее насмешливым прозвищем жителей Кельна.

214. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

Стр. 401. *Камилла Зельден* — псевдоним Элизы Криниц (1828—1896), молодой поклонницы Гейне, ставшей последней любовью

умирающего поэта, который адресовал ей двадцать пять писем. Гейне увековечил ее под именем «Мушки» в шести стихотворениях (см. раздел «Разные стихотворения 1853—1856 годов» в т.3 настоящ. издания), написанных на смертном одре. В 1884—1888 годах она опубликовала свои воспоминания о поэте на французском («*Les derniers jours de Henri Heine*») и немецком («*Heinrich Heine. Aus seinem Leben*») языках.

215. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

Стр. 402. ...думать о милой Мушке. — См. примечание к стр. 401 (письмо 214).

216. ФРАНСУА БЮЛОЗУ

Стр. 402. Франсуа Бюлоз. — См. примечание к стр. 302. Гейне отослал Бюлозу свою поэму «Атта Тролль» в составе вышедшего на французском языке сборника «Поэмы и легенды» (1855).

217. ФНЛАРЕТУ ШАЛЮ

Стр. 403. Сент-Бев Шарль-Огюстен (1804—1869) — французский критик и писатель, автор многих трудов по истории литературы, в основе которых лежит «биографический метод», враждебный социальному анализу произведений художественной литературы. Христианский социалист и ревнитель буржуазной морали, Сент-Бев отрицательно относился к творчеству Гейне.

Фисски Жозеф-Мари (1790—1836) — французский анархист, осуществивший с помощью адской машины покушение на Луи-Филиппа 28 июля 1835 года.

Паганини Никколо (1782—1840) — великий итальянский скрипач и композитор. Гейне создал романтический образ Паганини в повести «Флорентинские ночи» (см. т. 6 настоящ. издания, стр. 365—374).

221. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

Стр. 406. Шарантон — предместье Парижа, где находится больница для умалишенных.

222. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

Стр. 406. ...я так же безумен, как вавилонский царь, и ем только рубленую траву... — Царь Нововавилонского (Халдейского) госу-

дарства *Павуходоносор II* в 586 году разрушил Иерусалим, был за это, согласно библейской легенде, превращен в животное и ел траву на лугах.

225. ЭМИЛЬ МОНТЕГЮ

Стр. 407. *Эмиль Монтегю* (1825—1895) — французский критик. Впоследствии написал воспоминания о Гейне.

Стр. 408. ...*эта книга появится еще не так скоро*. — «Путевые картины» на французском языке вышли 31 мая 1856 года.

228. КАМИЛЛЕ ЗЕЛЬДЕН

Стр. 410. *Павуходоносор II*. — См. примечание к стр. 406 (письмо 222).

231. МИШЕЛЮ ЛЕВИ

Стр. 412. *Прислал ли вам г-н Теофиль Готье что-нибудь для «Путевых картин»?* — Теофиль Готье для этого издания написал статью о Гейне.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМА КАРЛА МАРКСА К ГЕНРИХУ ГЕЙНЕ

1

Письмо написано накануне переезда Маркса в Брюссель, после получения распоряжения властей о высылке его из Парижа.

Стр. 415. *Леске* Карл-Вильгельм. — См. примечание к стр. 156.

Гесс. — См. примечание к стр. 148.

Гервег. — См. примечание к стр. 137.

Юнг. — См. примечание к стр. 171.

2

Стр. 415. *Пютман* Георг (1811—1894) — радикальный поэт, издатель ряда журналов и альманахов. См. также примечание к стр. 194.

Стр. 416. «*Германский флот*». — См. т. 2 настоящ. издания, стр. 148—150 (в переводе В. Левика стихотворение называется «Наш флот»).

Ежегодник — «Rheinische Jahrbücher» («Рейнские ежегодники»).
Ренуар Жюль — французский издатель.
Берштейн. — См. примечание к стр. 173.

3

Стр. 416. *Анненков* Павел Васильевич (1813—1887) — русский критик и мемуарист, автор опубликованных в «Современнике» «Писем из Парижа» о французском утопическом социализме; издатель и биограф Пушкина; автор ценных воспоминаний о Белинском, Тургеневе, Герцене и др.

...*небольшой пасквиль против Вас* — письма, оставшиеся после Берне. — Маркс имеет в виду памфлет «Суждения Берне о Г. Гейне», составленный из отрывков писем Берне и изданный Жанеттой Воль. В этом издании принял участие и Гуцков. См. об этом подробнее в комментариях к «Людвигу Берне» (т. 7 настоящ. издания).

ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ О ГЕНРИХЕ ГЕЙНЕ

Большинство публикуемых в данном приложении высказываний и воспоминаний воспроизводится по книге «Разговоры с Гейне», изданной Генрихом Хоубеном («Gespräche mit Heine», gesammelt und herausgegeben von Heinrich Houben, Potsdam, 2. Auflage, 1948).

1. В. КОПЦЕЛЬ

Стр. 417. *В. Копцель* — гамбургский горожанин, который был знаком с Гейне в молодые годы поэта. Своими воспоминаниями о нем он поделился с Густавом Карпелесом (1848—1909), издателем произведений и писем Гейне и автором ряда работ о его творчестве. «*Картуш*». — См. примечание к стр. 99.

2. БОННСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ СУД

Стр. 417. ...*что он 18 октября находился на горе Крейцберг...* — 18 октября 1819 года патриотически настроенные студенты Боннского университета, собравшись на горе Крейцберг, торжественно отпраздновали годовщину Лейпцигской битвы. В празднестве принял участие и Гейне. О характере тостов и речей во время этого тор-

жества у университетского начальства сложилось мнение по отчету в «Дюссельдорфской газете», в котором содержались явные преувеличения. К университетам в то время правительство относилось с большим недоверием. Незадолго перед этим (23 марта 1819 года) студент Карл Занд заколол кинжалом реакционного писателя Коцебу. В связи с этим были запрещены «буршеншафты» (студенческие организации). Следствие по крейцбергскому делу отражает настроение этого периода.

Стр. 418. *Блюхер* Гебхард-Леберехт (1724—1813) — известный прусский полководец, участник войн с Наполеоном.

Нойнциг Иозеф (ум. 1877) — товарищ Гейне по Дюссельдорфу и Боннскому университету, впоследствии врач. Его письмо в Дюссельдорф о событиях 18 октября 1819 года действительно пошло в «Дюссельдорфскую газету».

3. ЖАН-БАТИСТ РУССО

Стр. 419. *Жан-Батист Руссо* — друг Гейне по Боннскому университету, поэт, критик и составитель альманахов. См. письма Гейне к нему в т. 9 настоящ. издания и соответствующие комментарии.

Саллюстий Гай-Крисп (86—35 до н. э.) — римский историк, автор трудов: «О заговоре Катилины», «Югуртинская война», а также дошедшей в отрывках «Римской истории».

Вергилий (70—19 до н. э.) — римский поэт, автор «Буколики», «Георгик» и эпической поэмы «Энеида».

Си-Фрейдхольд Ризенхарф (Sy Freudhold Riesenharf) — псевдоним, под которым Гейне напечатал свои первые стихи в газете «Гамбургский страж» («Hamburgs Wächter») и который является анаграммой его имени, фамилии и названия его родного города (Harry Heine, Düsseldorf).

«*Anch' io sono pittore!*» — слова, которые, по преданию, произнес при виде картины Рафаэля «Святая Цецилия» знаменитый итальянский живописец Антонио Корреджо (1494—1534).

4. ФРИДРИХ ШТЕЙНМАН

Стр. 420. *Фридрих Штейнман*. — См. примечание к стр. 137—138.

Шлегель Август-Вильгельм (1767—1845) — немецкий писатель и критик, один из вождей иенской школы романтизма. О взаимоотношениях молодого Гейне и Шлегеля см. комментарии к «Книге песен» (т. 1 настоящ. издания, стр. 346—348).

6. ОСКАР-ЛЮДВИГ-БЕРНГАРД ВОЛЬФ

Стр. 420. *Оскар-Людовиг-Бернгард Вольф*. — См. примечание к стр. 313.

7. ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ ГУБИЦ

Стр. 421. *Фридрих-Вильгельм Губиц*. — См. примечание к стр. 320.

Стр. 422. *«Кладбище»; «Брачная ночь»*. — Эти стихотворения вошли впоследствии в «Книгу песен» без названий (см. т. 1 настоящ. издания, стр. 16 и стр. 13—15).

Стр. 423. *Губицизмы*. — См. примечание к стр. 320.

9. ФРИДЕРИКА ГОГЕНХАУЗЕН

Стр. 423. *Фридерика Гогенхаузен* — дочь писательницы Элизы Гогенхаузен (1812—1899), хозяйки одного из берлинских литературных салонов, о посетителях которого рассказывает автор этих воспоминаний.

Стр. 424. *Эдуард Ганс*. — См. примечание к стр. 155.

Мозес Мендельсон (1723—1786) — немецкий философ-просветитель, друг Лессинга.

Рахель. — См. примечание к стр. 18.

Фридерика Роберт. — См. примечание к стр. 155.

Гельмина Шеги. — См. примечание к стр. 300.

Раумер Карл-Отто (1805—1859) — прусский министр просвещения, бывший товарищ Гейне по Геттингенскому университету.

Штернберг Александр (1806—1868) — второстепенный немецкий писатель.

10. ДАВИД-ГЕРМАН ШИФ

Стр. 425. *Давид-Герман Шиф*. — См. примечание к стр. 290.

Фукс — первокурсник, новичок (на жаргоне немецких студентов).

11. КАРЛ КЕХИ

Стр. 425. *Карл Кехи* — немецкий второстепенный писатель, драматург придворного театра в Брауншвейге. Приведенный здесь отзыв Гейне о писателе Христиане-Дитрихе Граббе он сообщил Эдуарду Гризебаху, издателю произведений Граббе.

«Готтланд» — пьеса Граббе «Герцог Теодор фон Готтланд» (издана в 1827 г.).

12. ДАВИД-ГЕРМАН ШИФ

Стр. 426. *...наемщики над «поручиками и фендриками», содержащиеся в этом стихотворении.* — См. т. 1 настоящ. издания, стр. 115.

13. Г. КНИЛЛЕ

Стр. 428. *Г. Книлле* — товарищ Гейне по Геттингенскому университету, поделившийся своими воспоминаниями с биографом Гейне Адольфом Штротдтманом.

14. ЭДУАРД ВЕДЕКИНД

Стр. 429. *Эдуард Ведекинд* — товарищ поэта по Геттингенскому университету, автор воспоминаний о Гейне. Приведенные здесь воспоминания сообщены Штротдтманом на основании дневника Ведекинда.

Фосс. — См. примечание к стр. 323.

Стр. 430. *Клопшток* Фридрих-Готлиб (1724—1803) — крупнейший немецкий поэт, автор многочисленных од и эпической поэмы «Мессиада» (1751—1773).

Wohl dem, dem noch die Unschuld lacht... — первоначальная редакция стихотворения, получившего позднее заглавие «Жалоба старопемецкого юноши» и включенного Гейне в сборник «Новые стихотворения» (см. т. 2 настоящ. издания, стр. 88).

Стр. 432. *Эразм* — Эразм Роттердамский (1466—1536), гуманист эпохи Возрождения, сыгравший большую роль в подготовке Реформации в Германии. Его главное произведение «Похвала глупости» (1509; изд. 1511) — сатира на пороки феодального общества.

Стр. 433. *«Страдания молодого Вертера» Гейне еще не читал.* — См. письмо Гейне к Мозесу Мозеру от 14 декабря 1825 года (т. 9 настоящ. издания, стр. 398 и соответствующие комментарии).

Бюргер Готфрид-Август (1747—1794) — немецкий поэт, автор антифеодалных стихов и баллад. Был связан с течением «бури и натиска».

15. ЭДУАРД ВЕДЕКИНД

Здесь приведены записи из дневника Ведекинда.

Стр. 434. *Клингеман* Эрнст-Август-Фридрих (1777—1831) — немецкий драматург и театральный деятель, директор театра в Брауншвейге, автор пьесы «Фауст» (1815), пользовавшейся в то время известным успехом.

De la Motte-Fuque. — См. примечание к стр. 155.

18. ЭДУАРД ВЕДЕКИНД

Сообщено Штротдманом на основании дневника Ведекинда.

Стр. 436. ...в нем проглядывает африканец. — Герой трагедии Гейне «Альманзор» — мавр.

19. ЭДУАРД ВЕДЕКИНД

Сообщено Штротдманом на основании дневника Ведекинда.

Стр. 437. *«Песнь о Нибелунгах»* — немецкая эпическая поэма начала XIII века, возникшая в результате литературной обработки старинных германских героических сказаний.

20. КАРЛ ДЕРНЕ

Приведенный текст представляет собою статью коммивояжера из Остероде *Карла Дерне*, которая была опубликована 30 августа 1826 года в приложении к журналу «Gesellschafter» под заглавием «Путешествие из Остероде в Клаусталь (доношение к «Путешествию по Гарцу» Г. Гейне)» за подписью К. Д...с. По поводу этого и других подобных откликов на «Путешествие по Гарцу» см. комментарии к этому произведению (т. 4 настоящ. издания, стр. 445—446).

Стр. 438. *Гелерт* Христиан-Фюрхтегот (1715—1769) — немецкий поэт и моралист. Прославился своими баснями (сборник «Басни и рассказы» вышел в 1746 г.), которые читались повсюду и разучивались наизусть в школах.

Стр. 439. ...и нашел там себя изображенным... в качестве страстнолюбующего портновского подмастерья. — См. «Путешествию по Гарцу», т. 4 настоящ. издания, стр. 15—16. В дальнейшем Дерне не вполне точно цитирует текст Гейне.

21. МАКСИМИЛИАН ГЕЙНЕ

Стр. 439. *Максимилиан Гейне*. — См. примечание к стр. 21.

22. ЮЛИУС КАМНЕ

Стр. 440. *Юлиус Камне*. — См. примечание к стр. 7.

23. ЭДУАРД ШЕНК

Стр. 441. *Эдуард Шенк*. — См. примечание к стр. 155.

Бер. — См. примечание к стр. 155.

Лиднер. — См. примечание к стр. 280.

24. РОБЕРТ ШУМАН

Описание знакомства крупнейшего немецкого композитора Роберта Шумана (1810—1856) с Гейне заимствовано из письма Шумана к его приятелю Генриху Куреру от 9 июня 1828 года. Шуману принадлежит вокальный цикл «Любовь поэта» на стихи из «Лирического интермеццо» Гейне.

Стр. 441. *Глиптотека* — музей скульптуры в Мюнхене, созданный в 1816—1830 годах при Людвиге I Баварском. Содержит ценную коллекцию памятников античной и древневосточной скульптуры.

Стр. 442. *Анакреонт* (ок. 570—478 до н. э.) — древнегреческий поэт-лирик, автор песен о вине и любви. Его образ обычно связывается с представлением о чувственных наслаждениях, о легкой, беспечной веселости.

Мы много говорили о великом Наполеоне, и я нашел в Гейне такого его поклонника, какого редко где встретишь... — Шуман и сам был большим поклонником Наполеона. Одним из его шедевров была музыка к романсу «Два гренадера» на слова Гейне.

25. РАХЕЛЬ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Отзыв Рахели Фарнхаген фон Энзе (см. о ней примечание к стр. 18) взят из ее письма к мужу от 13 марта 1824 года из Берлина.

26. КАРЛ-АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Настоящий отрывок взят из письма Фарнхагена (см. о нем примечание к стр. 10) к жене, являющегося ответом на письмо, упомянутое в предыдущем примечании.

27. КАРЛ-АВГУСТ ФАРНХАГЕН ФОН ЭНЗЕ

Здесь приведена запись из дневника Фарнхагена от 8 октября 1853 года.

28. ЛУДОЛЬФ ВИНБАРГ

Стр. 443. *Лудольф Винбарг*. — См. примечание к стр. 33.

Стр. 444. *Садовника кормит лопата...* — Автором этой эпиграммы, опубликованной в «Собеседнике» в 1818 году, был Вильгельм Нойман.

Стр. 447. *...в комнату вошел глухой Лизер...* — Иоганн-Петер

Лизер (Бурмейстер; 1804—1870), немецкий художник и писатель (подражатель Э.-Т.-А. Гофмана), автор ряда сборников новелл и детских сказок, шестнадцати лет от роду утратил слух.

30. ЛУДОЛЬФ ВИНБАРГ

Стр. 449. *Минье*. — См. примечание к стр. 239.

31. ЛУДОЛЬФ ВИНБАРГ

Стр. 451. ...*заигрывания с девою Марией*. ⇐ Имеется в виду стихотворение Гейне «На богомолье в Кевлаар», в котором отразилась наивная народная легенда о могуществе девы Марии (см. т. 1 настоящего издания, стр. 134—137).

Ардт Эрнст-Мориц (1769—1860) — немецкий антифеодальный поэт и публицист, активный участник антинаполеоновских войн.

32. ЛУДОЛЬФ ВИНБАРГ

Стр. 452. *Парижские корреспонденции, публиковавшиеся в «Аугсбургской газете»* — «Лютетция».

33. АВГУСТ КЛЕМЕНС

Стр. 452. *Август Клеменс* — хирург, автор статьи о Гейне «Генрих Гейне во Франкфурте-на-Майне в мае 1831 года», напечатанной в «Morgenblatt» 29 октября 1854 года, откуда и заимствован настоящий текст.

Стр. 453. *Руссо*. — См. примечание к стр. 419.

Тидге Христоф-Август (1752—1841) — немецкий писатель, автор философской поэмы «*Урания*» (1801).

Туманно утро было... — пародия на строки из баллады Шиллера «*Рыцарь Тогенбург*» (здесь использован перевод В. Жуковского).

Сафир Мориц-Готлиб (1795—1858) — австрийский писатель, автор множества юмористических рассказов и издатель венской газеты «*Юморист*» (1837—1858).

Стр. 454. *Барнав* Антуан-Пьер (1761—1793) ← один из блестящих ораторов Великой французской революции, резко обличавший в своих выступлениях старый режим. Впоследствии, по мере обострения революционной борьбы, его позиции становились все более умеренными. В период якобинской диктатуры был казнен за контрреволюционную деятельность.

...не так расточителен по отношению к этому «совсем особому

соку»... — Намек на слова Мефистофеля в «Фаусте» Гете: «кровь — совсем особый сок» (в сцене заключения пари с Фаустом).

Антифлогоз — метод лечения лихорадки; здесь употреблено в смысле: целительное средство.

35—36. ЛЮДВИГ БЕРНЕ

Описание встреч с Гейне в Париже заимствовано из писем Берне к Жанетте Воль от 27 сентября и 3 октября 1831 года.

По поводу приведенных здесь отзывов Берне о Гейне см. комментарии к «Людвигу Берне» (т. 7 настоящ. издания, стр. 444).

Стр. 455. *Роберт*. — См. примечание к стр. 155.

Большая работа о последней художественной выставке — «Французские художники».

Валантен Нанетта — хозяйка одного из парижских литературных салонов, где часто бывали Берне и Гейне.

37. КАРЛ ГУЦКОВ

В связи с данными воспоминаниями см. комментарии к «Людвигу Берне» в т. 7 настоящ. издания, в частности стр. 439—440.

Стр. 456. «*Парижские письма*» (1830—1833) — произведение Людвигу Берне о революционных событиях во Франции.

38. ФИЛАРЕТ ШАЛЬ

Стр. 457. *Филарет Шаль*. — См. примечание к стр. 188.

39. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Стр. 459. *Бастилия* — крепость в Париже и государственная тюрьма для противников феодально-абсолютистского режима. Была разрушена 14 июля 1789 года в результате народного восстания, положившего начало Великой французской революции.

...*правда, он назывался Генрих Гейне*. — Энгельс имеет в виду прежде всего книгу Гейне «К истории религии и философии в Германии» (1834). См. комментарии к этому произведению в т. 6 настоящ. издания.

40. ЛЮДВИГ БЕХШТЕЙН

Стр. 459. *Людвиг Бехштейн* (1801—1860) — немецкий поэт и фольклорист. Встреча его с Гейне произошла во время посещения Парижа Бехштейном и была описана им в печати по возвращении

в Германию. На этот рассказ Бехштейна Гейне откликнулся в «Ду-
хах стихий» (см. т. 6 настоящ. издания, стр. 326).

...мой друг и спутник... — Имеется в виду О.-Л.-Б. Вольф (см.
примечание к стр. 313).

Стр. 460. *Тангейзер* — немецкий поэт-миннезингер XIII века,
ставший героем народной легенды. Рассказ Гейне об этой легенде
и ее поэтическую обработку см. в «Духах стихий» (т. 6 настоящ.
издания, стр. 321—332).

41. КАРОЛИНА ЖОБЕР

Стр. 460. *Каролина Жобер*. — См. примечание к стр. 174.

Бельджойозо Христина (1808—1871) — деятельница итальян-
ского национально-освободительного движения, приятельница
Гейне. См. в т. 9 настоящ. издания комментарий к «Мемуарам»
(стр. 658) и письма Гейне к Бельджойозо.

Виктор Кузен (1792—1867) — французский философ, пытав-
вшийся эклектически соединить в своей системе различные школы
немецкой идеалистической философии.

42. ФРАНЦ ГРИЛЬПАРЦЕР

Стр. 461. *Франц Грильпарцер*. — См. примечание к стр. 34.

Стр. 462. *Кюстин* Астольф (1790—1857) — французский писа-
тель, автор памфлетной в свое время книги «Россия в 1839 году»
(1843), где он дал резко неблагоприятный отзыв о николаевской
России.

43. АНОНИМ

Стр. 463. *С тех пор до сегодняшнего дня...* — Занясь сделана
в 1842 году.

45. ЛЮДВИГ ВИЛЬ

Стр. 464. *Людвиг Виль*. — См. примечание к стр. 65.

Стр. 465. *Бойрман*. — См. примечание к стр. 65.

...происходит ли посетитель от Германа и Туснельды... —
то есть немец ли оп. *Герман*, или Арминий (18 или 16 до н. э. — 19
или 21 н. э.) — предводитель германского племени херусков, раз-
бивший легионы римского полководца Вара в Тевтобургском лесу
(9 н. э.). Националистические круги в Германии создали культ
Германа, всячески преувеличивая заслуги «освободителя Германии
от римлян». Гейне зло издевается над этим в поэме «Германия» (см.
т. 2 настоящ. издания, стр. 290—292). *Туснельда* — жена Германа.

Стр. 466. *Бамбоччо* — прозвище голландского художника Питера ван Лаара (1592 или 1595—1642), прославившегося тем, что он изображал в гротескно-комическом духе жанровые сцены из народной жизни (ярмарки, крестьянские пирушки и т. п.). В Голландии до Лаара в этом же роде создавали свои произведения Брейгель-старший и другие художники, но в Италию Лаар первый завез этот род живописи, который так и называется с тех пор «бамбоччиадами».

Карло Дольчи (1616—1686) — итальянский живописец флорентинской школы. Писал главным образом небольшие изображения мадонн и католических святых, отличающиеся слащавостью и манерностью.

Галиньяни — семья парижских издателей. В Париже был книжный магазин-читальня Галиньяни, где можно было найти новинки зарубежной, главным образом английской, литературы и свежие заграничные газеты.

Бер и Эттингхаузен — владельцы частного читального зала в Париже.

46. АНОНИМ

Стр. 466. *Вильи* Альфред (1797—1863) — крупнейший французский писатель-романтик, автор сборников стихов «Поэмы» (1822), «Судьбы» (1864) и «Дневник поэта» (1867), исторического романа «Сен-Мар» (1826), драмы «Чаттертон» (1835) и др.

Бюше Филипп-Жозеф-Бенжамен (1796—1865) — французский буржуазный историк и политический деятель, сен-симонист, после Июльской революции — христианский социалист.

47. ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

Стр. 466. *Теофиль Готье*. — См. примечание к стр. 199.

Стр. 467. *Эйленшпигель* Тиль — немецкий народный шут, чьи проделки увековечены в народной книге, возникшей в конце XV века на нижненемецком языке, но дошедшей до нас в более поздних переделках на верхненемецком языке. Имя Эйленшпигеля получило особенно большую известность благодаря многочисленным литературным обработкам народной книги и особенно благодаря роману бельгийского писателя Шарля де Костера (1827—1879) «Легенда о Тиле Уленшпигеле и Ламме Гудзаке» (1868).

48. ФЕРДИНАНД ГАЛЛЬ

Стр. 467. *Фердинанд Галль* — автор книги «Париж и его салоны» (1844), откуда заимствованы настоящие воспоминания.

49. АЛЕКСАНДР ВЕЙЛЬ

Стр. 468. *Александр Вейль*. — См. примечание к стр. 118.

Иов — герой библейской легенды, праведник, которого бог испытывал, отняв у него богатство и здоровье, лишив его детей и семьи.

Жюль Жанен (1804—1874) — французский писатель, критик и журналист, автор романов «Мертвый осел и гильотинированная жепщина» (1829), «Исповедь» (1830) и «Барнав» (1831), написанных в духе «неистового романтизма», а также театральных фельетонов, составивших «Историю драматической литературы» (1853—1858). Его более поздний роман «Путь напрямик» является воплощением мещанской морали. Маркс дал убийственный отзыв о Жанене, охарактеризовав его как олицетворение буржуазного французского духа при Луи-Филиппе.¹

Стр. 469. *Анастасиус Грюн*. — См. примечание к стр. 40 (письмо 16).

Платен Август, граф фон Платен-Галлермюнде (1796—1835) — немецкий поэт и драматург, сторонник классицизма в литературе и апологет «чистого искусства». О литературной борьбе Гейне с Платеном см. комментарии к «Путевым картинам» (т. 4 настоящ. издания, стр. 484—486) и письма Гейне конца 20-х годов в т. 9 настоящ. издания.

52. ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ

Стр. 472. *Жерар де Нерваль* — псевдоним французского писателя-романтика Лабрюни (1808—1855), автора сборников стихов «Химеры» (1854), «Галантная богема» (1855) и переводчика «Фауста» Гете (1828). Жерар де Нерваль переводил также произведения Гейне.

53. КАРЛ МАРКС

Стр. 473. *...он рассказывает подробно выдумку о том, как я и другие приходили утешать его...* — Маркс имеет в виду «Ретроспективное объяснение» Гейне во второй части «Лютетии» (см. т. 8 настоящ. издания, стр. 235 и соответствующие комментарии). На самом деле Маркс и Энгельс уехали из Парижа 7 апреля 1848 года, а статья во «Всеобщей газете», о которой пишет Гейне в «Ретроспективном объяснении», была напечатана 28 апреля 1848 года. Следовательно, они не могли тогда прийти к Гейне. Однако Маркс, всегда

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIV, стр. 191.

глубоко симпатизировавший Гейне и поддерживавший его в борьбе с немецкими реакционерами, не считал нужным опровергнуть это заявление поэта.

54. ФРИДРИХ ГЕББЕЛЬ

Настоящий текст представляет собою запись из дневника Фридриха Геббеля (см. примечание к стр. 164, письмо 26).

Стр. 473. *«Юдифь»* (1841) — трагедия Геббеля.

Стр. 474. *Бамберг*. — См. примечание к стр. 248 (письмо 148).

55. ФРИДРИХ ШТЕЙНМАН

Стр. 474. *Фридрих Штейнман*. — См. примечание к стр. 137—138.

Стр. 475. *Перекрещенцы* (анабаптисты) — секта, возникшая в Германии накануне Крестьянской войны 1525 года и наиболее полно проявившая себя во время Мюнстерской коммуны (1534—1535). Анабаптисты требовали, чтобы человек крестился в сознательном возрасте, отрицали церковную иерархию, суд, военную службу, повиновение властям и пропагандировали общность имущества. Это учение выражало социальный протест плебейских масс против феодализма.

Керфенбрюк, *Похмус* и *Ранке* — немецкие историки.

56. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Стр. 475. *Том политических стихов* — «Новые стихотворения».

Стр. 476. *«Песня силезских ткачей»* — стихотворение «Силезские ткачи» (см. т. 2 настоящ. издания, стр. 148 и соответствующие комментарии). Прозаический перевод этого стихотворения на английский язык, приведенный Энгельсом в его статье, был выполнен им самим. Разночтение в первой строфе этого перевода (в ней имеется дополнительная строка), возможно, объясняется тем, что Энгельс переводил стихотворение с какого-либо рукописного варианта.

57. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Стр. 477. *Гейне послал Марксу из Гамбурга часть корректурных листов «Зимней сказки»...* — См. письмо к Марксу, которым Гейне сопровождал присланные листы поэмы «Германия. Зимняя сказка» (стр. 170—172 настоящ. тома).

58. АРНОЛЬД РУГЕ

Отрывок взят из письма А. Руге (см. примечание к стр. 149) к Э. Канпу от 18 февраля 1870 года.

59. АЛЕКСАНДР ВЕЙЛЬ

Стр. 477. *Сотери* — сорт белого виноградного вина.

«*Oh, Mathilde, idole de mon âme!*» — ария из оперы Россини «Вильгельм Телль».

60. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Стр. 478. *Лассаль*. — См. примечания к стр. 123 и 191. Во время бракоразводного процесса графини Софии фон *Гатицфельд* (1805—1881) Лассаль, который вел этот процесс в качестве адвоката, подговорил двух друзей графини выкрасть шкатулку с документами у баронессы *Мейендорф*, любовницы графа Эдмунда Гатицфельда, рассчитывая найти там какие-нибудь компрометирующие графа письма, которые можно было бы использовать при ведении процесса. Похитители были разоблачены и привлечены к суду.

Процесс со шкатулкой 1846 года — процесс над одним из прямых участников кражи шкатулки у баронессы Мейендорф.

Лассалевский процесс (1848) — суд над самим Лассалем, по обвинению его в подстрекательстве к краже шкатулки у баронессы Мейендорф, окончившийся оправданием Лассали.

61. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Стр. 478. *Эвербек* Август-Герман (1816—1860) — немецкий социалист, по профессии врач и писатель, член Союза коммунистов, парижский корреспондент «Новой Рейнской газеты».

Стр. 479. *Мойрер* Герман (1813—1882). — См. примечание к стр. 170.

62. ЭДУАРД ГРЕНЬЕ

Стр. 479. *Эдуард Гренье* (1819—1879) — французский поэт и драматург, переводчик Гейне.

63. ГЕНРИХ ВЕРИШТЕЙН

Стр. 481. *Генрих Верштейн*. — См. примечание к стр. 173.

64. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

Стр. 482. *Альфред Мейснер*. — См. примечание к стр. 218 (письмо 127).

Финке, Кампхаузен, Ханземап и Бекерат — немецкие политические деятели 1848 года, сторонники конституционной монархии.

Стр. 483. *Ориген* из Александрии (ок. 185—254) — раннехристианский богослов и философ, пользовавшийся большим авторитетом среди церковных писателей.

Августин (354—430) — епископ из Гиппона (Сев. Африка), один из первых христианских богословов, сторонник идеи религиозного предопределения, фаталистической веры в то, что судьбы людей заранее предустановлены богом.

Ронге Иоганн (1813—1887) — основатель *немецко-католической церкви*, представляющей собой попытку реформировать традиционную католическую церковь.

65. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

Стр. 483. *Леон Гозлан*. — См. примечание к стр. 199.

Стр. 484. *Зейферт* Генрих. — См. примечание к стр. 131.

66. АЛЬФРЕД МАЙСНЕР

Стр. 485. *Бальзак посвятил мне свой последний рассказ*. — Бальзак посвятил Гейне свой рассказ «Принц богемы». В посвящении он написал: «Дорогой Гейне! Вам посвящаю я этот очерк, вам, который в Париже представляет мысль и поэзию Германии, а в Германии — живую и остроумную французскую критику; вам, который лучше чем кто-либо другой поймет, что здесь от критики, от шутки, от любви и от истины».

Барон Фердинанд фон Экштейн (1790—1861) — ученый публицист. См. иронические отзывы Гейне о нем в «Признаниях» (т. 9 настоящ. издания, стр. 98—99) и в послесловии к «Романсеро» (т. 3, стр. 164).

Тримурти — в брахманистской религии триединство главных богов: Брахмы, Шивы и Вишну.

Фома Аквинский (1225—1274) — католический богослов и философ.

Мишле Жюль (1798—1874) — французский историк, полемизировавший против буржуазно-либеральных историков: Гизо, Тьерри и др. Его идеи пользовались большим влиянием в мелкобуржуазно-демократических кругах.

Стр. 486. *Териак* — средневековое лекарство, вначале употреблявшееся против змеиного укуса, а потом считавшееся универсальным средством от болезней.

68. ГЕНРИХ ЛАУБЕ

Стр. 487. *Гольбейн* Франц-Игнац (1779—1855) — немецкий драматург и театральный деятель. В описываемый период руководил венским оперным театром.

70. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

Стр. 488—490. *Фурье* Шарль (1772—1837), *Сен-Симон* Клод-Анри (1760—1825) — французские утопические социалисты.

Стр. 490. *Прудон* Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский экономист и социолог, один из основателей анархизма. В «Нищете философии» и других произведениях Маркс подверг уничтожающей критике его мелкобуржуазные философско-экономические взгляды.

71. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

Стр. 491. *Венедей*. — См. примечание к стр. 88 (письмо 32).
...*друг Буонаротти и Шарля Теста, мужей «Молодой Европы»*... — В состав «Молодой Европы», созданной в апреле 1834 года, входили тайные революционно-демократические организации «Молодая Италия», «Молодая Польша» и др. Одним из вождей этой организации был Филипп Буонаротти (1761—1837), соратник Бабефа и автор книги «Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа» (1828), участник карбонарского движения в Италии.

Стр. 492. *Лола Монтез*. — См. примечание к стр. 266.

Помпадур Жанна-Антуанетта (1721—1764) — фаворитка французского короля Людовика XV, игравшая значительную роль во всех государственных делах.

Геррес. — См. примечание к стр. 61.

Деллингер Игнац (1799—1890) — католический богослов. В период, о котором идет речь, отстаивал позиции римской церкви в ее споре с национальной государственной властью. Позднее, в 1848—1849 годах, он агитировал против Рима, за национальную немецко-католическую церковь.

72. ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

Стр. 493. *Гейнцен* Карл (1809—1880) — немецкий публицист, участник революции 1848 года.

73. ФАНИИ ЛЕВАЛЬД

Стр. 493. *Фанни Левальд*. — См. примечание к стр. 256.

...*послышались первые звуки битвы*. — Речь идет о революционных событиях марта 1848 года.

75. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

Стр. 495. *Катаплазмы* — лечебное средство в форме теплового воздействия на кожу и глубже лежащие ткани. Для катаплазм применяли овсяную крупу или льняное семя, которое заваривали кипятком до образования тестообразной массы. В настоящее время для аналогичной цели применяются парафинотерапия и другие виды физиотерапии.

Гватемосил (ок. 1495—1525) — последний правитель государства ацтеков, попавший в плен к испанцам и казненный ими. Несмотря на страшные пытки, не выдал, где хранились его сокровища.

77. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

Стр. 497. *Герцог Немурский* (1814—1896) — второй сын французского короля Луи-Филиппа.

78. АДЛЬФ ШТАР

Стр. 498. *Адольф Штар*. — См. примечание к стр. 256.

...*заключительные слова стихотворения*. — Имется в виду стихотворение 25 из цикла «Опять на родине» (см. т. 1 настоящ. издания, стр. 96).

Стр. 499. *Мендельсон* — Феликс Мендельсон-Бартольди (1809—1847) — немецкий композитор, дирижер, пианист и органист.

Трист — немецкий композитор, написавший музыку на слова Гейне.

Лебе Иоганн-Карл-Готтлиб (1796—1869) — немецкий композитор, создатель жанра музыкальной баллады.

Шуберт Франц-Петер (1797—1828) — австрийский композитор. Шуберт написал музыку к песням на слова Гейне в сборнике «*Лебединая песня*» (1828).

80. АДЛЬФ ШТАР

Стр. 500. *Великолепный Ахилл хорошо знал, почему он предпочитал быть рабом на прекрасной земле, нежели государем в царстве*

тений. — Намек на «Одиссею» Гомера, где спустившийся в царство теней Одиссей выслушивает жалобы Ахилла. Гейне вспоминает это место из «Одиссеи» и в своем стихотворении «Эпилог» (см. т. 3 настоящ. издания, стр. 216).

81. ГЕОРГ ВЕЕРТ

Рассказ о посещении Гейне заимствован из письма *Георга Веерта* (см. о нем примечание к стр. 276) к матери от 17 февраля 1851 года. За полтора года до этого посещения Веерт писал матери следующее: «Гейне высказал желание познакомиться со мной, и Маркс привел меня к нему, но мы пришли к бедняге в такой ужасный для него момент, что он не мог нас принять. Видимо, мне так и не удастся познакомиться с писателем, который интересует меня как раз больше всех остальных: вряд ли я застаю его в живых в следующий раз, — ведь конец его приближается» (письмо от 12 августа 1849 г.).

82. АЛЕКСАНДР ВЕЙЛЬ

Стр. 501. *Бюлоз*. — См. примечание к стр. 302.

Берлиоз Гектор (1803—1869) — французский композитор, создатель жанра программной романтической симфонии.

Ездра, сын Сераи (V в. до н. э.) — священник, основатель теократической иудейской общины второго храма. Ездру считали редактором, а частично и автором библейских книг.

83. ИММАНУИЛ-ГЕРМАН ФИХТЕ

Стр. 502. *Иммануил-Герман Фихте*. — См. примечание к стр. 291.

Пьер Леру (1797—1871) — французский утопический социалист, теоретик «христианского социализма», считавший, что можно прийти к социализму благодаря воспитанию людей в духе «религии человечества», основанной на всеобщей солидарности.

84. СЕН-РЕНЕ ТАЙАНДЬЕ

Стр. 503. *Сен-Рене Тайандье*. — См. примечание к стр. 296 (письмо 167).

Клеменс Брентано (1778—1842) — немецкий писатель-романтик. Вместе с Ариппом издал сборник немецких народных песни «Волшебный рог мальчика» (1806—1808)..

Фуке. — См. примечание к стр. 155.

85. ЛЮСИ ДУФФ-ГОРДОН

Стр. 504. *Люси Дуфф-Гордон* (1821—1869) — английская писательница и переводчица.

Ессе homo. — Согласно евангельской легенде, этими словами Понтий Пилат хотел растрогать мучителей Иисуса Христа. В живописи так обычно называют изображение распятого Христа.

86. АЛЕКСАНДР ВЕЙЛЬ

Стр. 505. *Иегова* (Ягве) — имя бога в древнееврейской религии.

Елиуй, сын Варакнилов — один из собеседников *Иова* (см. примечание к стр. 468), безоговорочно защищающий бога от жалоб последнего. Об арабской лошади говорит не Елиуй, а сам бог, желающий подчеркнуть беспредельность своего могущества.

87. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

Стр. 506. *Черни Карл* (1791—1857) — выдающийся чешский пианист-педагог, ученик Бетховена, учитель Франца Листа и ряда видных пианистов, основоположник пианистической школы первой половины XIX века. Его сборники этюдов и упражнений пользуются большой популярностью.

Герц Жак-Симон (1794—1880) — преподаватель фортепьянной игры в Парижской консерватории.

Юлиус Шульгоф (1825—1898) — немецкий пианист и композитор, автор ряда этюдов, вальсов, мазурок и других композиций для фортепьяно.

Стр. 507. «*Огнеокая Элиза*». — Этим именем Гейне называл приятельницу Матильды, жену парижского коммерсанта *Арно*.

Алиса — дочь Элизы Арно, девочка, которую, по словам Мейснера, очень любил Гейне.

Мадмуазель Женни — конторщица в доме Арно.

Стр. 510. *Ахерон* — в греческой мифологии одна из рек подземного царства, через которую переправлялись души умерших.

88. АЛЬФРЕД МЕЙСНЕР

Стр. 511. «*Отец ласточек*» — Людвиг Виль (см. примечания к стр. 65 и 248, письмо 148).

89. АНРИ ЖЮЛИА

Стр. 511. *Анри Жюлиа*. — См. примечание к стр. 345.

Калерги — графиня, племянница русского графа фон Пессельроде. Гейне увековечил ее в образе Бьянки из иронического стихотворения «Белый слон».

Зельден. — См. примечание к стр. 401 (письмо 214).

Мишель Шевалье. — См. примечание к стр. 398 (письмо 212).

90. КАМИЛЛА ЗЕЛЬДЕН

Стр. 512. *Веск фон Пюттлинген* Иоганн (1803—1883) — австрийский дипломат и композитор.

91. КАМИЛЛА ЗЕЛЬДЕН

Стр. 513. *Леопольд Робер* (1794—1835) — французский живописец и график, рисовавший обычно простых людей Италии. «Жнец» (1830) и «Рыбаки в лагунах» (1834), упоминаемые Зельден, — наиболее известные картины Робера.

92. КАРОЛИНА ЖОБЕР

Стр. 514. *Я подумал о том месте в «Путевых картинах»...* — См. названное произведение, т. 4 настоящ. издания, стр. 191.

Огюстен Тьерри. — См. примечание к стр. 240 (письмо 143). С 1826 года Тьерри ослеп и был парализован.

97. КАРОЛИНА ЖОБЕР

Стр. 520. *Лабрюйер* Жап (1645—1696) — французский писатель, один из лучших прозаиков эпохи классицизма, автор книги «Характеры и нравы этого века» (1688).

А. Левинтон

**БРАТСКАЯ ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ГЕНРИХА ГЕЙНЕ**

1797

13 декабря.

В городе Дюссельдорфе, на Болькерштрассе, в доме № 602(53) родился Гарри Гейне.

Отец поэта Самсон Гейне (1764—1828), один из шести сыновей ганноверского купца Хаймана Гейне, в 1796 году поселился в Дюссельдорфе, где открыл торговлю мануфактурой. В период существования великого герцогства Бергского (1806—1809) служил офицером гражданской гвардии. В 1820 году он после коммерческих неудач вместе с семьей покидает Дюссельдорф и переселяется сперва в Ольдесло (Шлезвиг), а затем в Люнебург.

Мать — Бетти Гейне (1771—1859), дочь дюссельдорфского врача Готшалка ван Гельдерна, фактически являлась главой семьи и, будучи образованной женщиной, играла значительную роль в развитии молодого Гейне.

1802—1806

Первые годы учения. Родители отдают четырехлетнего Гейне в подготовительную школу г-жи Хиндерманс, затем он посещает частное училище Риттельсона.

1807—1814

Гейне — ученик лицея, нового учебного заведения, открытого французами в период оккупации Дюссельдорфа. Здесь у Гейне пробуждается интерес к литературе. Любимые его книги — «Дон-Кихот» Сервантеса и «Путеше-

ствия Гулливера» Свифта. Двенадцати лет он пробует сочинять стихи.

Из учителей лица особенным вниманием Гейне пользуется ректор Эгидий-Якоб Шальмайер, католический священник, без стеснения разбивавший на занятиях «самые вольнодумные греческие системы» («Признания»). Лекции Шальмайера оказали существенное влияние на идейное развитие молодого Гейне. «...Я уже рано увидел, что религия и сомнение могут спокойно, несколько не лицемеря, шествовать рядом, в результате чего во мне возникло не только неверие, но и самое терпимое равнодушие», — писал он впоследствии в «Мемуарах».

2 ноября 1811 года лицейст Гейне присутствует при торжественном въезде Наполеона в Дюссельдорф.

После падения наполеоновского режима новая обстановка в Германии вынуждает родителей оставить мечты о военной или политической карьере для сына. Осенью 1814 года Гейне покидает лицей и поступает в торговую школу Варенкампа.

1815

Отец привозит Гейне во Франкфурт-на-Майне и отдает его в учение к банкиру Риндскопфу. В конторе банкира юноша проводит около трех недель, затем в течение месяца обучается в лавке торговца колошальными товарами.

1816

Гейне приезжает в Гамбург к своему дяде-банкиру Соломону Гейне и работает в его конторе. Занимается коммерческой перепиской. В свободное от работы время сочиняет стихи. «Я живу здесь, — сообщает он 27 октября своему лицейскому другу Христиану Зете, — очень замкнуто... Мой дядя живет за городом. Там царят деспотизм и жеманство, и вольнолюбивый, простосердечный поэт часто грешит против этикета. Дипломатические иттицы, миллионеры, высокоумные сенаторы, etc., etc. — не общество для меня».

В Гамбурге Гейне влюбляется в свою шестнадцатилетнюю кузину Амалию, с которой он познакомился в 1814 году во время визита семейства Соломона Гейне в Дюссельдорф. Безответная любовь поэта к Амалии — одна из первых тем его юношеской лирики.

1817

8 февраля.

Первое выступление Гейне в печати: журнал «Гамбургский страж» («Hamburgs Wächter») помещает его стихотворения «Сон» и «Посвящение», подписанные псевдонимом «Си-Фрейдхольд Ризенхарф» (Sy Freudhold Riesenharf — анаграмма, составленная из слов: Paryy Heine и Düsseldorf). Публикация стихотворений Гейне под этим псевдонимом продолжается в номерах журнала от 27 февраля и 17 марта.

1818

Соломон Гейне дает племяннику средства для основания самостоятельной торговой фирмы «Гарри Гейне и К^о».

1819

Весна.

Фирма «Гарри Гейне и К^о» ликвидируется.

Лето.

Гейне возвращается в Дюссельдорф, где вместе со своим школьным товарищем Позефом Пойнцигом готовится к поступлению в Боннский университет.

15 сентября.

Публикует в журнале «Рейнско-вестфальский вестник» («Rheinisch-westfälischer Anzeiger») перевод стихотворения Байрона «Прости».

Октябрь.

Приезжает в Бонн.
18 октября принимает участие в патристической манифестации, организованной студентами на горе Крейцберг в годовщину Лейпцигской битвы.

16 ноября.

Экзаменационная комиссия Боннского университета выдает Гейне свидетельство о сдаче экзаменов на аттестат зрелости, дающее право поступления в университет.

26 ноября.

Академический суд университета подвергает Гейне допросу в связи с его участием в октябрьской манифестации.

11 декабря.

Имя Гейне вносится в списки студентов Боннского университета.

1820

*Зима — весна —
первая половина
лета.*

Занятия в университете. Своей непосредственной специальности — правоведению Гейне не уделяет сколько-нибудь серьезного внимания; его привлекают преимущественно исторические и филологические дисциплины. С особенным увлечением слушает он лекции Августа-Вильгельма Шлегеля, посвященные истории немецкого языка и литературы. Шлегель помогает Гейне в овладении теорией стихосложения, руководит его поэтическими опытами.

18 августа.

Первое выступление Гейне на поприще литературной критики: в приложении к «Рейнско-вестфальскому вестнику» публикуется его статья «Романтика».

Конец лета.

В местечке Бейль, неподалеку от Бонна, Гейне приступает к работе над трагедией «Альманзор».

*Вторая половина
сентября.*

Покидает Бонн. Навещает родных в Дюссельдорфе, затем пешком через Вестфалию отправляется в Геттинген, чтобы продолжить там юридическое образование.

4 октября.

Зачисляется в Геттингенский университет. Посещает лекции историка Георга Сарториуса и филолога-германиста Георга-Фридриха Бенке. Продолжает работу над «Альманзором».

7 ноября.

Посылает лейпцигскому издателю Ф.-А. Брокгаузу письмо с предложением издать сборник стихотворений «Сон и песня». Брокгауз отвечает отказом, ссылаясь на загруженность издательства рукописями.

2 декабря.

Столкновение Гейне с геттингенским студентом Вильгельмом фон Вибелем. Гейне вызывает Вибеля на дуэль.

1821

23 января.

Дело о дуэли между Гейне и Вибелем выносится на рассмотрение университетского кураториума, который подвергает Гейне изгнанию из города сроком на шесть месяцев.

Конец февраля.

Гейне покидает Геттинген. Навещает больного отца в Ольдессло, оттуда отправляется в Берлин.

Апрель.

Поступает в Берлинский университет (4 апреля). Слушает Гегеля, посещает лекции выдающихся немецких филологов: языковеда Франца Боппа и знатока античной литературы Фридриха-Августа Вольфа.

В Берлине Гейне впервые попадает в атмосферу кипучей литературно-общественной жизни. Он постоянный гость литературного салона Рахели Фарихаген, где знакомится с писателями Адальбертом Шамиссо, Фридрихом де ла Мотт-Фуке и др. Рахель и муж ее Карл-Август Фарихаген фон Энзе оказывают покровительство молодому поэту. Гейне посещает «вторники» в салоне писательницы и переводчицы Элизы фон Гогенхаузен (здесь его провозглашают «немецким Байроном»), проводит вечера в артистическом кабаке Люттера и Вегенера, где встречается с прославленным актером Людвигом Девриентом, с молодыми писателями Дитрихом Граббе, Людвигом Робертом, Карлом Кехи и др.

Гейне знакомится с литератором Фридрихом-Вильгельмом Губицем, издателем берлинского журнала «Собеседник» («Gesellschafter»). «Я вам совершенно неизвестен, — говорит он Губицу, — но хочу стать известным благодаря вам». Губиц рекомендует Гейне книготорговцу Мауреру.

Май — июль.

В журнале «Собеседник» с 7 мая по 7 июля публикуется серия новых стихотворений Гейне: «Кладбище», «Миннезингеры», «Разговор в Падеборнской степи», «Сонет А.-В. Шлегелю», перевод «Песни духов» из «Манфреда» Байрона и др. С 21 июня по 19 июля Гейне печатает в журнале «Зритель» («Zuschauer») рецензию на трагедию Вильгельма Сметса «Смерть Тассо».

Август.

13 августа Гейне публикует в журнале «Собеседник» рецензию на «Рейнско-вестфальский альманах муз на 1821 год», изданный Фридрихом Рассманом.

Узнает о браке Амалии Гейне с кенигсбергским землевладельцем Ионатаном Фридлиндером.

9—21 ноября.

«Собеседник» печатает сцены из «Альманзора».

Декабрь.

Книгоиздательство Маурера выпускает в свет первую книгу Гейне «Стихотворения» (первый цикл будущей «Книги песен» — «Страдания юности»).

29 декабря.

Гейне посылает Гете экземпляр «Стихотворений».

1822

- 19 января.* «Собеседник» публикует сочувственный отзыв Фарихагена о книге Гейне.
- 29—31 января.* Гейне пишет трагедию «Вильям Ратклиф».
- 8 февраля.* Начинает печатать в «Рейнско-вестфальском вестнике» серию статей «Письма из Берлина» (последняя публикация — 19 июля).
- 31 мая.* «Рейнско-вестфальский вестник» помещает статью Карла Иммермана о первой книге Гейне. В лирике Гейне Иммерман усматривает проявление гражданского протеста, «горькую ярость против пошлой, бездушной действительности и глубокую вражду к ней».
- Конец лета — начало осени.* Гейне гостит у своего польского друга Ойгена фон Бреза. Живет в его имении Дзяльшь, неподалеку от Гнезно, посещает Познань. По возвращении в Берлин готовит к печати статью «О Польше».
- 24 декабря.* Шлет письмо Карлу Иммерману, в котором благодарит писателя за сочувствие и дружескую поддержку и приветствует Иммермана как своего идейного союзника. «Война законсервованной несправедливости, царящей глупости и всему злему! — пишет Гейне. — Если хотите взять меня в босвые товарищи в этой священной войне, то я с радостью протяну вам руку».

1823

- 17—29 января.* «Собеседник» публикует статью Гейне «О Польше», урезанную и искаженную цензурой. «Эта статья навлекла на меня ненависть баронов и графов», — сообщает Гейне 21 января Христиану Зете.
- Первая половина апреля.* Берлинское издательство Фердинанда Дюллера выпускает в свет второй сборник произведений Гейне — «Трагедии с лирическим интермеццо».
- Май.* Гейне покидает Берлин и едет в Люнебург, где с весны 1822 года обосновались его родные. Новые творческие замыслы, возникающие в эту пору у Гейне, связаны с изучением истории; он просит своего берлинского друга Мозеса Мозера прислать «Дух законов» Монтескье, исторические труды Гиббона и Ванажа, а также учебники итальянского языка.

- Начало июля.* Гейле едет в Гамбург, чтобы обсудить с дядей свои дальнейшие жизненные планы. Здесь им овладевает новая любовь — к младшей кузине Терезе Гейсе.
- 14 июля.* Публикует в журнале «Собеседник» рецензию на сборники Жапа-Батиста Руссо «Стихотворения» и «Стихи любви и дружбы».
- 22 июля.* Отправляется на морские купания в Куксхафен. Во время шестинедельного пребывания на Северном море работает над новым циклом стихотворений «Опять на родине».
- 20 августа.* Режиссер Август Клипгемап ставит в брауншвейгском Национальном театре трагедию Гейне «Альманзор». Пьеса успеха не имела; спектакль был прерван на последней сцене из-за скандала, учиненного в зрительном зале местными хулиганами.
- Начало сентября.* Гейле снова в Гамбурге. Окончательно договаривается с дядей о средствах, необходимых для завершения университетского образования в течение ближайшего года.
- 13 сентября.* Возвращается к родным в Люнебург.
- Осень — зима.* Безвыездно живет в родительском доме, занимаясь юриспруденцией; он «вынужден заглушить в себе все поэтическое ради заботы о хлебе насущном» (письмо Позефу Леману от 3 октября). 3 ноября публикует в журнале «Собеседник» статью «Альберт Метфессель».

1824

- 19 января.* Гейне покидает Люнебург.
- 23 января.* Прибывает в Геттинген.
- 30 января.* Возобновляет занятия в университете.
- 26—31 марта.* «Собеседник» помещает тридцать три стихотворения нового лирического цикла Гейне «Опять на родине».
- Начало апреля.* Гейне решает навестить своих берлинских друзей. По пути в Берлин останавливается в Магдебурге, где проводит четыре дня в обществе Иммермана. В Берлине встречается с Фарнха-

генами, Мозером, Людвигом Робертом и его женой Фридерикой.

8 мая. Возвращается в Геттинген.

24 мая. В письме к Рудольфу Христиани Гейне выражает свою глубокую скорбь по поводу безвременной смерти Байрона. «Он был единственным человеком, в родстве с которым я себя ощущал, и во многом мы, вероятно, были схожи», — пишет он месяц спустя (25 июня) Мозесу Мозеру.

Июнь — июль. Начало работы над «Бахерахским раввином». Гейне перечитывает «Историю еврейской религии» Банажа, изучает старинные хроники.

В беседе с университетским товарищем Эдуардом Ведекиндом Гейне обсуждает сюжет задуманной им драмы «Фауст».

11 августа. Публикует в кельнском журнале «Агриппина» народную солдатскую песню «Берлин, Берлин, великая юдоль плача». Песня обличает жестокий палочный режим, насаждавшийся в немецкой армии. Публикация Гейне возбуждает внимание властей: глава прусского полицейского управления Фридрих фон Шукман издает распоряжение о закрытии журнала.

Сентябрь — начало октября. Гейне совершает путешествие по Гарцу и Тюрингии. Посещает города Эйслебен, Галле, Иену, Веймар, Эрфурт, Готу, Эйзенах и Кассель. 2 октября, будучи в Веймаре, наносит визит Гете.

25 октября. В письме к Мозеру из Геттингена сообщает, что начал записывать свои путевые впечатления («Путешествие по Гарцу»).

Декабрь. Посылает рукопись «Путешествия по Гарцу» своим родным в Гамбург.

1825

Зима. Гейне усиленно занимается юриспруденцией, готовясь к предстоящему экзамену на степень доктора. «За продолжение моего бедного «Раввина» я теперь взяться не могу, — сообщает он 11 января Мозеру. — Только изредка удастся мне написать клочок моих мемуаров, и когда-нибудь я сошью все эти клочки».

Весна. Заново перерабатывает рукопись «Путешествия по Гарцу». Продолжает работать над «Ме-

муарами», которые, по его словам, должны стать чем-то вроде гетевской «Поэзии и правды».

3 мая. Держит экзамен на степень доктора прав.

28 июня. Принимает лютеранство. Обряд крещения совершается в городке Хейлигенштадте, неподалеку от Геттингена. При крещении Гейне получает имя Христиана-Иоганна-Генриха.

20 июля. Публичный диспут в Геттингенском университете. Гейне защищает на латинском языке тезисы своей докторской работы.

Начало августа. Покидает Геттинген.

Август — сентябрь. Отдыхает на острове Нордерней (Северное море).

Начало октября. Приезжает в Лüneбург. Работает над первой частью стихотворного цикла «Северное море». Просит Мозера узнать о возможности получить место доцента при Берлинском университете.

Середина ноября. Прибывает в Гамбург, рассчитывая заняться адвокатской практикой. Общается здесь с узким кругом знакомых: врачом Давидом Ассигом, его женой Розой-Марией (сестрой Фарихагена), театральным критиком, профессором Фридрихом-Готлибом Циммерманом, композитором Альбертом Метфесселем, любителями литературы — синдиком Карлом Зевекингем и Фридрихом Меркелем.

Попытки Гейне добиться места адвоката терпят неудачу. Поэту приходится спосить оскорбления со стороны гамбургских родственников, стремящихся очернить его в глазах главы семьи, дяди Соломона. Рушится надежда получить руку Терезы.

1826

Конец января. Гейне знакомится с Юлиусом Кампе и заключает с ним договор на издание «Путевых картин». Отныне Кампе становится постоянным издателем сочинений Гейне.

20 января — 11 февраля. В «Собеседнике» печатается «Путешествие по Гарцу». При публикации Губиц допускает многочисленные искажения. Гейне подвергает текст новой переработке.

- Май.* Издательство Кампе выпускает в свет первый том «Путевых картин» («Путешествие по Гарцу», цикл стихотворений «Опять на родине», первая часть стихотворного цикла «Северное море»).
- Середина июля.* Гейне уезжает на морские купания в Куксхафен, где проводит восемь-девять дней.
- Конец июля — август — первая половина сентября.* Отдыхает на острове Нордерней. Знакомится с русским дипломатом и литератором князем П. Б. Козловским, с увлечением слушает его рассказы о путешествиях по Европе. Находясь на острове, записывает свои летние впечатления, создает ряд стихотворений для второй части цикла «Северное море», возобновляет работу над «Фаустом».
- Вторая половина сентября.* Приезжает в Люнебург, где посвящает себя целиком работе над вторым томом «Путевых картин».
- Октябрь.* Завершает вторую часть цикла «Северное море», работает над основной частью новой книги (прозаический фрагмент «Северное море», «Идеи. Книга Ле Грау»). Обдумывает план издания лирических стихотворений разных лет (будущая «Книга песен»). В письме к Иммерману от 14 октября сообщает о своем намерении навсегда покинуть Германию и переселиться в Париж. Об этом же пишет 24 октября Фарнгагену. (Мысль об эмиграции появляется у Гейне еще в студенческие годы, в период пребывания в Берлине.)
- Середина ноября.* Посылает Рудольфу Христиани одну из глав второго тома «Путевых картин» — «Идеи к истории» (фрагмент раздела «Книги Ле Грау»).
- Декабрь — начало января 1827 года.* Готовит к печати второй том «Путевых картин». «...Увидишь: жив курилка! — пишет он 10 января Фридриху Меркелю. — Книга наделает шуму, и не потому, что в ней много скандального и личного, а потому, что там высказываются идеи, интересующие весь мир. Наполеон и французская революция изображены в ней во весь рост».

1827

- 15 января.* Гейне прибывает в Гамбург, чтобы наблюдать за печатанием второго тома «Путевых картин».

12 апреля.

Второй том «Путевых картин» выходит в свет. Книга пользуется необычайным спросом. Она немедленно подвергается запрещению в Рейнской области, а также в Австрии, Ганновере и Мекленбурге.

В день выхода книги Гейне на пароходе отправляется в Англию.

Вторая половина
апреля — май —
июнь — июль.

Лондон. Гейне знакомится с достопримечательностями английской столицы, следит за борьбой политических партий, присутствует на заседаниях парламента. Посещает театр, где восхищается игрой Киппа в роли Шейлока. Находясь в Лондоне, через посредство Фарихагена устанавливает связь с крупнейшим немецким издателем Иоганном-Фридрихом Коттой.

7 июня царский цензор Мартини предлагает запретить распространение немецкого издания первого тома «Путевых картин» в России.

28 июля —
9 августа.

Гейне отдыхает на курорте Рамсгет (юго-восточное побережье Англии), затем возвращается в Лондон.

Ок. 14 августа.

Покидает Англию. Через Голландию возвращается в Германию.

Вторая половина
августа —
первая половина
сентября.

Проводит две недели на Нордерссе, затем переселяется на удлинённый остров Ваггерогс.

Конец сентября.

Приезжает в Гамбург. Готовит к печати «Книгу песен».

Середина октября.

«Книга песен» выходит в свет.

19 октября.

В письме к Фарихагену Гейне сообщает, что с нового года приступает к редактированию мюнхенского журнала «Новые всеобщие политические анналы» («Neue allgemeine politische Annalen»).

27 октября.

Отправляется в Мюнхен.

Путешествие из Гамбурга в баварскую столицу длится около месяца. По пути Гейне заезжает к родным в Люнебург, затем останавливается в Геттингене, где наносит визит своему университетскому учителю, профессору Сарториусу. Неделю живет в Касселе, где встречается с Якобом и Вильгельмом Гриммами; младший брат их —

художник Людвиг Гримм — рисует портрет поэта (под портретом дата — 9 ноября 1827 г.). Три дня Гейне проводит во Франкфурте в обществе Берне; в Штутгарте встречается с Вольфгангом Менцелем; в Гейдельберге навещает своего брата Максимилиана, будущего медика.

Конец ноября.

Гейне прибывает в Мюнхен. Получает доступ в светские и литературные круги мюнхенского общества. Встречается с поэтом и королевским министром Эдуардом фон Шенком, драматургом Михаэлем Бером, филологом Фридрихом Тиршем, журналистом Густавом Кольбом.

Завязывает близкое знакомство с Ф. И. Тютчевым, служившим в то время при русском посольстве в Баварии. Дом Тютчевых является для Гейне «прекрасным оазисом», а самого Тютчева он называет «лучшим из своих здешних друзей».

Тютчев был первым русским поэтом, познакомившим свою страну с творчеством Гейне. Еще до встречи с Гейне он перевел его стихотворение «Сосна» («Лирическое интермеццо», № 33), которое опубликовал в 1827 году в петербургском альманахе «Северная лира». Тютчев продолжал переводить Гейне и в последующие годы.

В Мюнхене Гейне приступает к описанию своего английского путешествия.

1828

Январь.

Гейне редактирует совместно с Линднером «Новые всеобщие политические анналы». Начинает публиковать в этом журнале «Английские фрагменты».

Февраль — март.

У Гейне назревает конфликт с мюнхенскими католическими кругами. «Я окружен сейчас врагами и попами-интриганами», — сообщает он 15 февраля Иоганну-Герману Детмольду. Жалуеться на плохое состояние здоровья, мечтает предпринять путешествие в Италию.

Из Гамбурга приходит известие о помолвке Терезы Гейне с юристом Адольфом Галле.

В «Политических анналах» продолжается публикация «Английских фрагментов».

11—22 апреля.

«Утренняя газета» («Morgenblatt für gebildete Stände») Котты печатает рецензию Гейне на трагедию Михаэля Бера «Струэпзес».

6 мая. Гейне знакомится с композитором Робертом Шуманом.

Первая половина лета. Срок договора на редактирование «Политических анналов» истекает. Министр фон Шеник ходатайствует перед королем Людвигом I о предоставлении Гейне кафедры литературы при Мюнхенском университете.

Гейне готовится к путешествию в Италию.

Начало августа. Получает заграничный паспорт и покидает Мюнхен.

Первая половина августа. 7 августа останавливается в Инсбруке, 10-го проезжает Тренто, 12-го — Верону, откуда через Брешию направляется в Милан. 17 августа прибывает в Геную.

18 августа. В мюнхенском журнале «Эос» появляется статья теолога Игнатия Деллингера «Новые политические анналы и один из их издателей», обвиняющая автора «Путевых картин» в богохульстве, издевательстве над церковью и дворянством, в «осквернении того, что является для христианина самым священным». Выступление Деллингера служит для баварских клерикалов сигналом к развертыванию клеветнической кампании против Гейне.

Вторая половина августа — сентябрь. Гейне продолжает путешествие по Италии. Из Генуи он едет в Ливорно, 3 сентября прибывает в Лукку. На Луккских водах поэт проводит около трех недель. 6 сентября сообщает оттуда Мозеру о своем решении издать по возвращении в Германию третий том «Путевых картин». «В Мюнхене, — пишет он, — думают, что теперь я уже не стану так резко нападать на дворянство, — ведь теперь я живу в передней у знатных вельмож и влюблен в очаровательнейших аристократок, и они любят меня. Однако все это ошибка. Моя любовь к равенству людей, моя ненависть к духовенству никогда не были так сильны, как теперь...»

1 октября — 24 ноября. Гейне живет во Флоренции, тщетно ожидая известия из Мюнхена о предоставлении ему профессорской кафедры. Думает о возобновлении издания «Политических анналов». «...Я хочу, — пишет он 11 ноября Густаву Кольбу, — только одного: сохранить журнал для либерально мыслящих людей, у которых в Германии так мало отвечающих их взглядам печатных органов... Наше время — время борьбы идей, и журналы — наши крепости». В тот же день посылает Котте

часть «итальянского дневника» («Путешествие из Мюнхена в Геную»).

Ок. 29 ноября. Прибывает в Венецию, откуда, узнав о тяжелой болезни отца, спешно выезжает в Германию.

1—12 декабря. «Утренняя газета» печатает главы «Путешествия из Мюнхена в Геную».

27 декабря. Гейне добирается до Вюрцбурга. Здесь его ждет известие о смерти отца, последовавшей 2 декабря в Гамбурге.

1 8 2 9

Начало января. Гейне приезжает к осиротевшей семье в Гамбург. В дни семейного траура узнает о появлении направленной против него и Иммермана комедии-памфлета Августа фон Платена «Романтический Эдип».

Конец февраля. Гейне в Берлине, в кругу своих близких друзей: Рахели Фарнгаген, Мозеса Мозера, Людвига и Фридерики Роберт.

Ок. 17 апреля. Надеясь найти более благоприятную обстановку для творческой работы, переезжает в Потсдам, где остается до конца июля. Работает над второй частью третьего тома «Путевых картин» («Лукские воды»). В Потсдаме Гейне приходится терпеть острую нужду. «Если ты срочно не вышлешь мне сорок талеров, я буду голодать за твой счет», — пишет он в мае Мозесу Мозеру.

7 июля. Посылает Котте новые главы третьего тома «Путевых картин».

Август — сентябрь. Отдыхает на острове Гельголанд.

Ок. 22 сентября. Приезжает в Гамбург.

Начало и конец ноября. В «Утренней газете» печатаются продолжение «Путешествия из Мюнхена в Геную» и главы «Лукских вод».

Декабрь. Кампе выпускает в свет третий том «Путевых картин». Полемическую главу, направленную против Платена и мюнхенских клерикалов, Гейне заканчивает в дни, когда книга сдается в набор.

1830

Январь — февраль — март.

Жизнь в Гамбурге. Гейне знакомится с радикальным публицистом, будущим теоретиком «Молодой Германии», Лудольфом Винбаргом, с художником Петером Лизером, писателем и режиссером Августом Левальдом. Посещает концерты гастролирующего в Гамбурге Паганини.

В феврале Гейне заболевает, у него начинается кровохаркашье.

Конец марта.

По настоянию врачей покидает Гамбург и переселяется в Ваудсбек. Ведет спокойную, уединенную жизнь, читает «Историю французской революции» Тьера и библию. Встречается с семейством Тютчевых, возвращающихся через северную Германию в Россию.

Июль — август.

Гейне снова на Гельголанде. Здесь его застают известия об Июльской революции во Франции. «То были солнечные лучи, завернутые в газетную бумагу, и в моей душе они зажгли неукротимый пожар, — записывает Гейне в своем дневнике 6 августа 1830 года. — Мне казалось, что тем огнем воодушевления и дикой радости, которая пылает во мне, я могу зажечь весь океан до северного полюса». В конце августа возвращается в Гамбург.

Осень.

Доводит до конца рукопись «Английских фрагментов». Создает несколько десятков стихотворений цикла «Новая весна». Завершает подготовку к печати последнего, четвертого тома «Путевых картин».

В русском журнале «Галатея» (ч. XII, № 8, ч. XVIII, №№ 40 и 41) печатаются тютчевские переводы из «Книги песен».

«Московский вестник» (ч. 4) публикует отрывок из «Путешествия в Гарц» (переводчик — А. Плещеев).

1831

Начало января.

Выходит из печати четвертый том «Путевых картин» под названием «Добавления к Путевым картинам» («Город Лукка» и «Английские фрагменты»).

Гейне готовит к опубликованию «памфлет против знати» — брошюру «Кальдорф о дворянстве в письмах к графу М. фон Мольтке».

Предпринимает последнюю попытку устроиться на службу и тем самым добиться прочного общественного положения. В письме от 4 января спрашивает Фарнхагена о возможности получить место в Берлине или Вене. Сообщает о намерении выставить свою кандидатуру на выборах нового синдика.

26 января.

Прусское управление полиции издает приказ о конфискации четвертого тома «Путевых картин».

26 и 28 февраля.

«Утренняя газета» публикует ряд стихотворений из цикла «Новая весна».

Март.

Кампе выпускает брошюру «Кальдорф о дворянстве» с предисловием Гейне.

Апрель.

Гейне принимает решение переселиться во Францию. «...Каждую ночь мне снится, что я укладываю свой чемодан и еду в Париж глотнуть свежего воздуха и полностью отдаться священным чувствам моей новой религии, а может быть, принять последнее посвящение в ее жрецы» (письмо Фарнхагену от 1 апреля).

Начало мая.

Расстается с родными и едет во Францию. По пути останавливается на восемь дней во Франкфурте (встречи с писателем Сафиром, композитором Гиллером, художником Морицем Опенгеймом).

20 мая.

Прибывает в Париж.

22 мая.

Орган сен-симонистов «Глобус» («Le Globe») извещает публику о прибытии во Францию «знаменитого немецкого литератора, доктора Гейне». «Глобус» характеризует Гейне как писателя, который «с одушевлением и отвагой посвятил свое перо борьбе за интересы народа...»

С приездом в Париж начинается новый период в жизни Гейне. Он знакомится с вождями сен-симонистов, посещает их публичные собрания, захлебывается «в водовороте событий, в волнениях современности, в революции» (письмо Фарнхагену от 27 июня).

Гейне — активный участник литературно-общественной жизни Парижа. Постепенно устанавливает дружеские связи с виднейшими писателями, музыкантами, художниками: Альфредом де Мюссе, Теофилом Готье, Жорж Санд, Александром Дюма, Жераром де Нервалем, Листом, Берлиозом, Шопеном, Делакруа и др.

- 18 июня. Прусский министр полиции фон Бренн запрещает брошюру «Кальдорф о дворянстве».
- 2 и 4 июля. «Утренняя газета» продолжает публикацию стихотворений из цикла «Новая весна».
- Начало августа — конец сентября. Гейне отдыхает в Булони, на северном побережье Франции.
- Конец сентября — октябрь. Встречи и беседы с Берне. Между Берне и Гейне возникают разногласия, которые в дальнейшем приводят к разрыву между ними.
- 27 октября — 16 ноября. В «Утренней газете» печатаются «Французские художники», — первая работа, написанная Гейне по приезду в Париж.

1832

- 11 января. Аугсбургская «Всеобщая газета» («Allgemeine Zeitung») начинает публиковать «Французские дела», — корреспонденции Гейне о политической и общественной жизни Парижа.
- Апрель. В Париже свирепствует эпидемия холеры. Большинство друзей и знакомых Гейне переселяется в провинцию. Поэт остается в столице, где ухаживает за заболевшим кузеном Карлом, сыном Соломона Гейне.
- 21 апреля. Ближайший помощник Меттерниха Фридрих фон Генц направляет Котте послание, в котором выражает протест против публикации в издаваемой им «Всеобщей газете» статей «нечестивого авантюриста» Гейне.
- 15 июня. Парижский журнал «Обозрение Старого и Нового света» («Revue des deux mondes») публикует перевод «Путешествия по Гарцу» (переводчик — Адольф-Франсуа Леве-Веймарс).
- Август — сентябрь. Гейне в Нормандии (Гавр, Дьенп, Руан). Во время пребывания на побережье обнаруживаются первые симптомы тяжелого заболевания: у Гейне парализуется рука.
- 29 сентября. Последняя корреспонденция Гейне в аугсбургской «Всеобщей газете». Связь писателя с издательством Котты временно прекращается.

Декабрь.

Кампе выпускает «Французские дела» отдельной книгой. Цензура исключает из предисловия Гейне более половины текста, искажая смысл политических высказываний писателя и представляя его, по словам поэта, «унылым льстецом прусского короля». Гейне настаивает, чтобы Кампе выпустил полный текст предисловия отдельным изданием. «Я знаю, что появление «Предисловия» навсегда закроет для меня дорогу в Германию, — пишет он своему издателю 28 декабря, — но оно должно появиться только таким, каким оно выглядит в оригинале...»

Гейне сообщает Кампе, что почти наполовину написал новую книгу — «Историю немецкой литературы со времен падения Шлегеля».

Русские журналы печатают переводы из Гейне: «Европеец» (№ 1—2) — отрывок из «Французских художников», «Телескоп» (ч. X) — главу из «Английских фрагментов».

1833

11 января.

Гейне помещает в аугсбургской «Всеобщей газете» протест против действий немецкой цензуры, искажившей текст его предисловия к «Французским делам».

1 февраля.

Прусское министерство полиции запрещает «Французские дела».

Март.

Французский журнал «Литературная Европа» («L'Europe littéraire») приступает к публикации перевода работы Гейне «Современное состояние немецкой литературы» (первоначальный вариант «Романтической школы»).

В письме к Меркелю Гейне заявляет, что сделает все для того, чтобы познакомить французов с духовной жизнью немцев. «Это теперь — задача моей жизни; быть может, мне суждено выполнить мирную миссию сближения народов».

Конец марта.

Парижское издательство «Гейделоф и Кампе» выпускает в свет первый том книги «К истории новейшей художественной литературы в Германии».

5 июня.

Новая книга Гейне подвергается запрещению в Пруссии.

- Июнь.* В Германии появляется в виде отдельной брошюры предисловие к «Французским делам», издающее в Париже Гейделофом.
- Гейне встречается с Хансом-Кристианом Андерсеном.
- Июль.* Парижское издательство Рандюэля выпускает перевод «Французских дел» (под названием «О Франции»).
- Издательство «Гейделоф и Кампе» выпускает второй том книги «К истории новейшей художественной литературы в Германии».
- Конец августа — сентябрь — первая половина октября.* Гейне отдыхает в Булони.
- Октябрь.* Царский цензор В. Соц предлагает запретить распространение французского перевода «Французских дел» в России.
- Конец года.* Кампе выпускает в свет первый том «Салона» (предисловие, «Французские художники», стихотворения цикла «Разные», «Из мемуаров господина фон Шнабелевского»).
- 26 декабря.* Гейне заключает с Эженом Рандюэлем договор на издание книги «О Германии».
- 31 декабря.* В Пруссии запрещают первый том «Салона». Запрещению подвергается также второе издание третьего и четвертого томов «Путевых картиш».

1834

- 1 марта.* Журнал «Обозрение Старого и Нового света» публикует статью «Религиозная революция и Мартин Лютер» — первую часть работы «К истории религии и философии в Германии», печатавшейся во французском переводе под названием «О Германии со времен Лютера».)
- Начало июля — август.* Гейне живет на северном побережье Франции (Булонь, Дьепп).
- Октябрь.* Знакомится со своей будущей женой Крессенсис-Эжени Мирá (Матильдой).
- 15 ноября.* «Обозрение Старого и Нового света» публикует вторую статью Гейне: «Предшественники философской революции, Спиноза и Лессинг».

15 декабря.

«Обозрение Старого и Нового света» публикует третью статью Гейне: «Философская революция, Каут, Фихте, Шеллинг».

Русский журнал «Телескоп» (ч. XIX) печатает перевод отрывка из работы Гейне «Современное состояние немецкой литературы» под заглавием «О Гете и Шиллере».

1835

Январь.

Выходит в свет второй том «Салона» («К истории религии и философии в Германии», стихотворения цикла «Новая весна»). Текст философской работы Гейне подвергается значительным цензурным искажениям.

Март.

Журнал «Парижское обозрение» («Revue de Paris») публикует статью известного критика Филарета Шаля о творчестве Гейне.

Апрель.

Издательство Раудюэля выпускает в свет книгу «О Германии» («К истории религии и философии в Германии», «Романтическая школа», первая часть «Духов стихий», а также переводы нескольких немецких авторов, выполненные Гейне).

10 июня.

В письме к Иоганну-Георгу Котте, сыну умершего в 1832 году издателя, Гейне выдвигает план основания в Париже немецкой газеты.

Первая половина лета.

Отдыхает в Марли, в замке Жошпер, принадлежащем его приятельнице, итальянской патриотке Христине Бельджойозо.

Август.

Уезжает в Булонь, где остается до конца года.

10 декабря.

Союзный сейм принимает постановление, запрещающее сочинения Гейне и писателей «Молодой Германии»: Гупкова, Винбарга, Мундта и Лаубе. Сейм требует, чтобы сенат вольного города Гамбурга «сделал соответствующее предупреждение книготорговой фирме «Гофман и Кампе», занимающейся преимущественно изданием и продажей указанного рода сочинений».

В отношении Гейне в Пруссии издается особое постановление, запрещающее не только уже изданные, но и будущие его произведения, «где бы и на каком бы языке они ни появлялись».

Постановление Союзного сейма, по признанию самого Гейне, парализовало много литературных

начинаний, которые он проектировал и на которые уже рассчитывал, и нанесло тяжелый удар его материальному положению.

1836

Начало января.

В издательстве Кампе выходит в свет «Романтическая школа».

28 января.

Гейне направляет Союзному сейму петицию с просьбой снять запрет на распространение его сочинений в Германии.

Март.

Возобновляет связь с газетами Котты.

8 марта.

Аугсбургская «Всеобщая газета» публикует статью Гейне «Гугеноты» Мейербера».

6 апреля.

«Утренняя газета» печатает «Флорентинские почт» (публикация продолжается до 25 мая).

15 апреля и 1 мая французский перевод этой повеллы печатается в «Обзрении Старого и Нового света». Касаясь публикации «Флорентинских почт» в немецкой печати, Гейне в письме к Левальду от 3 мая замечает: «...В случае необходимости, если политика и религия будут мне воспрещены, я смог бы прожить и писанием новелл. По совести говоря, это не доставило бы мне много радости — я не нахожу в подобном занятии особого удовольствия. Но в скверные времена надо уметь делать все».

2 мая — конец июля.

Гейне вместе с Матильдой живет в деревушке Кудри, неподалеку от Парижа.

Конец августа.

Отправляется в Булонь, однако дела заставляют его спешно вернуться в Париж. По пути, остановившись в Амьене, заболевает тяжелой формой желтухи.

Осень.

Едет в Марсель с намерением совершить туда путешествие в Неаполь. В марсельском порту судно терпит аварию. Это обстоятельство, а также известие о вспыхнувшей в Неаполе эпидемии холеры побуждают Гейне, как явствует из его писем, отказаться от поездки. Поэт отдыхает в Эксе, затем через Авиньон и Лион возвращается в Париж.

В 1836 году Гейне решается приять от французского правительства ежегодную субсидию в размере 4800 франков. Субсидия была предо-

ставлена Гейне как одному из политических эмигрантов в результате ходатайства его парижских друзей: историка Франсуа Минье и княгини Бельджойозо.

Герцен в своей первой литературно-критической статье «Гофман» («Телескоп», ч. XXXIII, № 10) отзываясь о Гейне как о представителе нового, революционного направления в немецкой литературе: «Теперь, когда Германия проснулась при громе Лейпцигской битвы, явилось новое поколение, более земное, более национальное. Теперь Гейне бичует своим ядовитым пером направо и налево старое поколение, которое разбило себя с родиной, прошлую эпоху, которая так колоссально, так величественно окончилась в Веймаре 22 марта 1832 года».

Журнал «Московский наблюдатель» (№№ 6 и 7) печатает перевод «Флорентинских ночей».

1837

23 января.

Гейне посылает Кампе предисловие к третьему тому «Салона», направленное против клеветнических выступлений Менцеля. Просит издать предисловие отдельной брошюрой, с тем чтобы по возможности скорее распространить его среди читателей.

Январь — февраль.

Пишет «Введение к „Дон-Кихоту“» для штутгартской книготорговой фирмы Бродхага. В феврале при содействии Левальда ведет переговоры с этой фирмой и с штутгартским книготорговцем Иозефом Шейбле относительно издания полного собрания своих сочинений.

Март — начало апреля.

Увлеченный идеей издания собрания сочинений, Гейне вновь возвращается к работе над своими мемуарами. Он хочет, чтобы «роман о его жизни» был «первым среди произведений, которые увидит публика» (письмо к Кампе от 17 марта 1837 г.).

Материальное положение писателя в этот период резко ухудшается; ему грозит долгговая тюрьма. В конце марта Гейне приступает к переговорам с Кампе относительно продажи права на издание своих сочинений сроком на одиннадцать лет. В первых числах апреля они заключают между собой договор.

- Конец мая.* Отправляется на два месяца на морские купанья в Гранвиль.
Пишет для «Всеобщего театрального обозрения» («Allgemeine Theater-Revue») Левальда письма «О французской сцене».
- Лето.* Выходит в свет третий том «Салона» («Флорентинские ночи» и «Духи стихий»). Цензор отказывается пропустить предисловие к этому тому, и Кампе выпускает его отдельным изданием («О доносчике»).
- 18 июля.* Гейне возвращается в Париж. Болезнь его продолжает развиваться. 29 июля в письме к Дст-мольду поэт сообщает, что левая рука его становится с каждым днем тоньше и постепенно отнимается.
- Конец июля или начало августа.* Слова сдет на море. Проводит три дня в Булони, затем переселяется в Гавр. В начале сентября тяжелое заболевание глаз заставляет его спешно вернуться в Париж.
- Осень.* Гейне занят идеей издания антологии «Образцы немецкой художественной литературы со времен Гете». Надеется осуществить этот проект с помощью своего парижского издателя Гейделофа.
- Конец года.* Выходит в свет «Театральное обозрение» Левальда с письмами «О французской сцене».

1838

- Февраль — март.* Гейне возвращается к проекту основания в Париже немецкой газеты. Советуется с Фарнхагеном и Кампе, пытается заручиться поддержкой прусского министра иностранных дел Вильгельма фон Вертера, с тем чтобы получить разрешение на продажу газеты в Германии. О цели предполагаемого издания говорит в письме к Левальду от 1 марта: «С одной стороны, я хочу получить много денег для финансирования моих военных действий, а с другой... я в этой войне намереваюсь воздвигнуть устрашающий бастион, с которого мои орудиям будет удобно бить».
- Весна.* Гейне пишет «Швабское зеркало», памфлет против эпигонов консервативного романтизма Шваба, Пфицера, Майера и др., рассчитывая опубликовать его в качестве послесловия к подготовленному уже в рукописи второму тому «Книги песен».

Лето. Немецкая цензура запрещает публикацию книги. Кампе решает включить послесловие в состав проектируемого им совместно с Карлом Гуцковом «Ежегодника литературы» («Jahrbuch der Literatur»).

По заказу парижского книготорговца Деллуа Гейне пишет серию статей «Девушки и женщины Шекспира».

Болезнь глаз усиливается, врачи запрещают Гейне читать и писать.

Середина августа — середина сентября.

Гейне отдыхает на купаньях в Граувиле.

Конец года.

Выходят в свет «Девушки и женщины Шекспира», а также «Ежегодник литературы» с искаженным текстом «Швабского зеркала».

1839

8 февраля.

«Газета для любителей изящного» («Zeitung für die elegante Welt») помещает «Разъяснения» Гейне по поводу издания «Швабского зеркала» (Гейне отказывается от своего авторства).

12 апреля.

В письме к Кампе Гейне сообщает о намерении издать книгу о Людвиге Берне.

18 — 20 апреля.

Печатает в «Газете для любителей изящного» открытое письмо к Юлиусу Кампе («Злоключения писателя»), в котором рассказывает историю публикации «Швабского зеркала».

Май.

Впервые встречается с Генрихом Лаубе, с которым до этого он состоял в переписке.

Вторая половина июня.

Уезжает в Граувиль, где остается до конца сентября.

Осень — зима.

«Газета для любителей изящного» помещает ряд стихотворений будущего цикла «Романсы» (публикация в померах от 3 сентября, 2 ноября и 20 декабря).

Конец года.

Генрих Лаубе знакомит Гейне с композитором Рихардом Вагнером.

Кампе выпускает в свет третье издание «Книги песен» и четвертое издание «Путевых картин».

Публикация переводов стихотворений Гейне «Лорелея» («Опять на родиле», № 2), «Ратклиф» и др. в «Отечественных записках», «Московском наблюдателе» и «Современнике» (переводчик — М. Катков).

1840

18 февраля.

Гейне информирует Кампе о ходе работы над книгой о Берне. Сообщает, что включил в состав книги «прекрасный кусок, который рисует период воодушевления в 1830 году» («Письма с Гельголанда»).

6 марта.

После длительного перерыва возобновляет публикацию корреспонденций о политической и культурной жизни Парижа в аугсбургской «Всеобщей газете», составивших впоследствии его работу «Лютеция».

8 марта.

В письме к Кампе упоминает о работе над новой книгой под названием «Июльская революция».

Март — апрель.

Готовит к изданию четвертый том «Салона».

18 апреля.

Посылает Кампе рукопись книги о Берне.

21 — 24 июля.

Посылает ему же для опубликования в четвертом томе «Салона» главы фрагмента «Бахерахский равнин».

Конец июля.

Книга «Людвиг Берне» выходит из печати под названием «Генрих Гейне о Людвиге Берне», самовольно присвоенным ей Юлиусом Кампе. Вокруг книги разгорается скандал, против Гейне ополчаются немецкие радикалы во главе с Гудковом.

Первая половина августа.

Гейне уезжает в Гранвиль.

Начало сентября.

Предпринимает небольшое путешествие по северной Франции. Собирает старинные народные песни.

В письме к Генриху Лаубе из Сен-Ло от 9 сентября выражает свою скорбь в связи с кончиной Карла Иммермана, «старого боевого товарища», с которым он, Гейне, «одновременно, рука об руку вступил в литературу».

12 сентября.

Возвращается в Париж.

14 сентября.

В письме к Кампе сообщает, что им уже написаны четыре тома мемуаров, содержащих богатейший исторический материал.

Октябрь.

Выходит в свет четвертый том «Салона» («Бахерахский раввин», «Стихотворения», «Романсы», «О французской сцене»).

Петербургская «Литературная газета» (№ 63) печатает три стихотворения Гейне из цикла «Опять на родине» в переводе Н. П. Огарева.

Журнал «Галатей» (№ 10) публикует перевод отрывка из «Французских дел» под заглавием «Казимир Перье и Джордж Капшинг».

1841

Зима — весна.

Гейне болен и почти ничего не пишет. «Я все еще страдаю головными болями, которые отравляют мне всякую работу», — сообщает он 27 января Густаву Кольбу. В письме к Кампе от 11 марта жалуется на усиливающуюся болезнь глаз.

14 июня.

На улице Ришелье происходит столкновение между Гейне и Соломоном Штраусом, мужем Жанетты Воль, подруги Берне, которая была зло высмеяна поэтом в его книге «Людвиг Берне». Штраус распространяет слух, что он в присутствии свидетелей дал Гейне пощечину. Этот слух немедленно подхватывает печать.

26 июня.

Гейне в сопровождении Матильды приезжает в Котрэ, курорт с серными источниками в Пиренеях. Здесь он принимает лечебные ванны, совершает прогулки в горы, посещает легендарную долину Ропсеваля. Ему попадается в руки номер «Майнцской газеты» («Mainzer Zeitung») от 23 июня 1841 года, сообщающий о якобы нанесенном ему, Гейне, оскорблении.

7 июля.

Посылает в аугсбургскую «Всеобщую газету» «Предварительное разъяснение», в котором опровергает клеветнические вымыслы «Майнцской газеты».

Начало августа.

Прерывает свое лечение в Пиренях и возвращается в Париж. Через французских друзей — писателей Теофиля Готье и Альфонса Руайе — посылает Штраусу вызов на дуэль.

- 31 августа.* Заботясь о будущем Матильды, Гейне перед дуэлью вступает с ней в официальный и церковный брак. Обряд венчания совершается в Париже, в храме Сен-Сюльпис.
- 7 сентября.* В долине Сен-Жермен происходит поединок между Гейне и Соломоном Штраусом. Гейне получает легкое ранение в бедро.
- 25 сентября.* В «Бреславльской газете» («Breslauer Zeitung») появляется статья Фердинанда Лассалья в защиту Гейне. Лассаль язвительно высмеивает Штрауса и выставленных им по делу Гейне лжесвидетелей: Шустера, Гамберга и Коллофа.
- 28 и 29 ноября.* Аугсбургская «Всеобщая газета» печатает статью Гейне «Томас Рейнольдс».
- Конец осени.* Гейне приступает к работе над поэмой «Атта Тролль».
- 8 декабря.* В Пруссии принимается постановление о запрещении всей книжной продукции, выпускаемой гамбургским издательством «Гофман и Кампе». Постановление остается в силе до 6 июня 1842 года.

1842

- 27 января.* «Газета для любителей изящного» помещает три произведения нового цикла «Современные стихотворения»: «Тенденция», «Большие обща-ния» и «Ребенок».
- 26 мая.* Аугсбургская «Всеобщая газета» публикует статью «Гамбургский пожар».
- Середина августа.* Гейне уезжает на морские купанья в Булонь, где проводит около месяца.
- 17 октября.* В письме к Котте впервые упоминает о поэме «Атта Тролль».
- 20 ноября.* Посылает первую половину поэмы «Атта Тролль» Генриху Лаубе для опубликования в «Газете для любителей изящного».

Русский журнал «Отечественные записки» (т. 20, № 1) публикует в вольном переводе Лермонтова стихотворение «На севере диком...» («Лирическое интермеццо», № 33)

«Литературная газета» (№ 32) помещает перевод трагедии «Вильям Ратклиф» (под заглавием «Вильям и Мария»).

1843

- 4 января — 8 марта.* «Газета для любителей изящного» печатает поэму «Атта Тролль».
- 12 апреля.* Гейне сообщает брату Максимилиану о своей болезни, жалуется на то, что левая половина головы парализована и потеряла чувствительность. «Я мало надеюсь на улучшение и предвижу печальное будущее».
- 4 мая.* Вторая встреча с Андерсеном. Гейне пишет ему в альбом стихотворение «Жизненный путь».
- Июнь — июль.* Пишет статьи «Коммунизм, философия и духовенство» и «Тюремная реформа и уголовное законодательство», впоследствии включенные в «Люттецию».
- Конец июля.* Гейне отправляется на морские купанья в Трувилль (Нормандия), где остается до середины сентября.
- 21 октября.* Выезжает из Парижа в Гамбург, чтобы повидаться с родными и уладить издательские дела с Кампе (едет через Брюссель, Амстердам и Бремен).
- 29 октября.* Прибывает в Гамбург.
- 9 ноября.* В письме к Фарнхагену выражает желание встретиться с ним в Берлине, однако опасение репрессий со стороны «уважаемых германских правительств» удерживает его в Гамбурге.
- 5 декабря.* Заключает с Кампе договор на издание полного собрания своих сочинений. Кампе сохраняет за собой преимущественное право на издание произведений Гейне и обязуется выплачивать писателю, а в случае его смерти — жене, ежегодное пособие в размере 1200 марок.
- 8 декабря.* Гейне покидает Гамбург. Через Ганновер, Бюкебург, Кельн и Брюссель возвращается во Францию.
- 16 декабря.* Прибывает в Париж.

Конец декабря.

Знакомится с Карлом Марксом.

«Отечественные записки» (т. 31, № 12) публикуют в вольном переводе Лермонтова стихотворение «Они любили друг друга...» («Опять на родине», № 33).

1844

Общение Гейне с Марксом. Отношения между ними, по воспоминаниям дочери Маркса Элеонора Маркс-Эвелинг, были в высшей степени сердечными. «Одно время Гейне изо дня в день заходил к Марксам, чтобы почитать им свои стихи и узнать, какого мнения о них молодая чета. Какое-нибудь маленькое стихотворение в восемь строк Маркс и Гейне могли перечитывать вместе бесконечное число раз, обстоятельно обсуждая то или иное слово, отсылая и шлифуя стих до тех пор, пока не исчезали всякие следы произведенной над ним работы».

Дружба с Марксом оказывает огромное влияние на идейную эволюцию Гейне, укрепляет его революционные настроения. В 1844 году начинается самый плодотворный период творчества Гейне как политического поэта.

Январь.

Гейне работает над поэмой «Германия. Зимняя сказка».

20 февраля.

Гейне сообщает Кампе о своей поэме: «Мои новые стихи — совсем новый жанр, это путевые картины, переложенные в стихи; они будут дышать более высокой политикой, чем все это пресловутое рифмованное брюзжание на политические темы».

Конец февраля.

В «Немецко-французских ежегодниках» («Deutsch-französische Jahrbücher») публикуются сатирические стихотворения Гейне «Хвалебные песни королю Людвигу».

16 апреля.

Прусский министр внутренних дел фон Арним отдает приказ об аресте сотрудников «Немецко-французских ежегодников» Руге, Маркса, Гейне и Бернайса, «как только они перейдут прусскую границу».

17 апреля.

Гейне сообщает Кампе о завершении «Германии».

- 2 и 3 мая.* Аугсбургская «Всеобщая газета» публикует статью Гейне «Людвиг Маркус».
- 8 и 17 мая.* Та же газета печатает «Музыкальный сезон 1844 года» — две корреспонденции, впоследствии включенные в «Лютетию».
- 11 мая — 24 июля.* Орган немецкой революционной эмиграции газета «Вперед» («Vorwärts!») публикует новые политические стихотворения Гейне: «Китайский император», «К успокоению», «Новый Александр», «Силезские ткачи», «Доктрина», «Просветление» и др.
- Конец июля.* Гейне в сопровождении Матильды отправляется морем в Гамбург, чтобы наблюдать за изданием «Германии» и сборника «Новые стихотворения».
- Август.* Прусское правительство пытается оказать давление на министерство Гизо, побуждая его принять меры против газеты «Вперед» и ее сотрудников. «В Берлине, — пишет Мering, — были болсе всего взбешены против Гейне, который нанечатал в «Vorwärts!» одипнадцать самых резких своих сатир на прусскую внутреннюю политику и на короля. Но, с другой стороны, вопрос о Гейне был для Гизо самым щекотливым во всем этом щекотливом деле: Гейне был поэт с европейским именем и считался у французов почти национальным поэтом».
- 21 сентября.* В письме к Марксу Гейне сообщает о завершении печатания «Новых стихотворений». Высылает Марксу корректурные листы поэмы «Германия» для опубликования отрывков из нее в газете «Вперед».
- Конец сентября.* Кампе издаст сборник «Новые стихотворения», к которому, согласно желанию Гейне, присоединяет «Германию». Одновременно он выпускает отдельное издание поэмы, снабженное предисловием автора.
- Политическая поэзия Гейне находит горячий отклик среди немецких революционеров — сподвижников Маркса. «...Генрих Гейне, наиболее выдающийся из всех современных немецких поэтов, примкнул к нашим рядам и издал том политических стихов, куда вошли и некоторые стихотворения, проповедующие социализм, — пишет Фридрих Энгельс в статье «Быстрые успехи коммунизма в Германии». О «Силезских ткачах» Энгельс говорит, что эта песня является одним

из самых сильных известных ему поэтических произведений.

- 4 октября.* Прусское министерство внутренних дел отдает распоряжение о конфискации «Новых стихотворений». Примеру Пруссии следуют правительства Гессена, Брауншвейга и других германских государств.
- 16 октября.* Гейне возвращается из Германии в Париж.
- 23 октября.* Газета «Вперед» начинает печатать отрывки из «Германии» (публикация продолжается до 30 ноября).
- Начало ноября.* Кампе выпускает в свет второе издание «Новых стихотворений».
- 19 ноября.* Министр фон Ахсп докладывает королю о конфискации листовок с текстом «Силезских ткачей», получивших, как явствует из его донесения, широкое распространение в народе.
- 23 декабря.* В Гамбурге в возрасте семидесяти семи лет умирает Соломон Гейне.

В 1844 году Бальзак посвящает Гейне рассказ «Принц богемы». В посвящении подчеркивается значение литературной и публицистической деятельности Гейне — писателя, который «в Париже представляет мысль и поэзию Германии, а в Германии — живую и остроумную французскую критику...»

1845

- Январь.* Начинается «гамбургская война за наследство» — тяжба Гейне с кузеном Карлом, отказавшимся выплачивать поэту пенсию в размере 4800 франков, которую тот ежегодно получал от своего дяди.
- Гейне готовится к судебному процессу, призывает своих друзей Детмольда и Лаубе выступить в печати против оскорбивших его гамбургских родственников.
- 1 февраля.* Накануне отъезда из Парижа Марке посылает Гейне прощальное письмо. «Из всех людей, с которыми мне здесь приходится расставаться, — пишет он, — разлука с Гейне для меня тяжелее всего. Мне очень хотелось бы взять Вас с собой». Марке предлагает Гейне сотрудничать в дарм-

штадтском журнале «Рейнские ежегодники» («Rheinische Jahrbücher»). «...Нам ведь нужно использовать каждый случай, — говорится в письме, — чтобы обосноваться в самой Германии».

24 марта.

В письме из Брюсселя Маркс, по поручению Пютмана, просит Гейне прислать несколько стихотворений для «Рейнских ежегодников».

9 мая.

Маркс через издателя Левентала посылает Гейне экземпляр «Святого семейства».

Начало июня.

Гейне выезжает на дачу в Монморанси (северный пригород Парижа). Здесь он проводит лето в обществе своих друзей Теофиля Готье и Альфонса Руайе, изредка навещаясь в Париж для консультации с врачами. В Монморанси у Гейне начинается паралич верхней части тела.

Осень.

Волнения, вызванные потерей пепси и конфликтом с гамбургской родней, не только обостряют болезнь Гейне, но и приводят его к тяжелому творческому кризису. Переработка поэмы «Атта Тролль», предпринятая для издательства Кампе, временно откладывается. «...Несчастье этого года так омрачило мою душу, что я до сих пор напрасно жду веселого настроения, совершенно необходимого для того, чтобы должным образом написать веселые отрывки, которых недостает в поэме... пройдут года, прежде чем снова забьет светлый источник прежнего юмора», — пишет Гейне 31 октября своему издателю.

Декабрь.

Гейне знакомится с Фердинандом Лассалем.

1846

Январь.

По заказу директора лондонского Театра королевы Бенджамена Лемлея Гейне пишет балетное либретто «Богиня Диана».

Обращается за врачебной помощью к своему университетскому товарищу, знаменитому берлинскому медику Иоганну-Фридриху Диффенбаху, который выражает уверенность, что сможет восстановить его здоровье. По просьбе Гейне, переданной через Лассала, Александр Гумбольдт предпринимает попытку добиться для поэта разрешения приехать на лечение в Берлин. Ходайтайство Гумбольдта перед королем и правительством не имеет успеха, 28 января министр

внутренних дел Бодельшвинг-Вельмеде отвечает ему, что над Гейне «тяготеют многочисленные обвинения в оскорблении величества и в подстрекательстве к недовольству», вследствие чего он будет арестован, как только вступит на прусскую землю.

Февраль.

Зять Лассалья Фердинанд Фридлянд вовлекает Гейне в акционерное общество «Ирида», основанное для газового освещения Праги (через несколько лет общество терпит крах, и поэт лишается значительной части своих сбережений).

Ок. 5 апреля.

Маркс посылает Гейне через П. В. Анненкова письмо, в котором сообщает поэту о своем намерении выступить в защиту его книги о Берне. Решение Маркса было вызвано возобновлением нападок на Гейне в немецкой печати.

15 мая.

Представитель брюссельского коммунистического комитета сношений Герман Эвербек извещает Маркса о предстоящем отъезде Гейне на лечение в Пиренеи. «Несчастный безвозвратно погиб, ибо уже сейчас проявляются первые признаки размягчения мозга, — пишет Эвербек. — Умственная деятельность, в особенности его юмор, несмотря на то, что сознание часто затуманивается, все еще ему не изменили, но его уже стали донимать различными способами лечения, например ему вводят порошок под кожу, и все напрасно. Он будет умирать постепенно, по частям, в течение пяти лет. Такие случаи бывали. Он еще пишет, хотя одно веко держит всегда закрытым. Я посетил его вчера; он шутит и ведет себя как герой...»

20 июня.

После двухнедельного пребывания на курорте Баньер де Бигор Гейне прибывает в Барж. День спустя после приезда жалуется своему парижскому врачу Вертхейму, что лечение не оказывает на него никакого действия: он не в состоянии есть вследствие прогрессирующего паралича рта и горла, постоянной тошноты и головокружений.

31 июля.

«Немецкая всеобщая газета» извещает публику о скоропостижной кончине Гейне, последовавшей якобы в Швейцарии в результате апоплексического удара. Ложное сообщение было вызвано смертью однофамильца поэта, вюрцбургского профессора-ортопеда Б. Гейне.

- Август.* Гейне публикует в аугсбургской «Всобщей газете» свои корреспонденции «Из Пиренсэв» (5, 20 и 31 августа), впоследствии включенные в «Люттецию».
- 1 сентября.* Приезжает в расположенный по соседству с Барежем курортный город Тарб.
- Начало сентября.* Возвращается в Париж.
- 14 сентября.* Фридрих Энгельс посещает больного Гейне.
- 27 сентября.* Гейне составляет текст своего завещания.
- 12 ноября.* Излагает Кампе подробный план издания своих сочинений в двенадцати томах. Сообщает о завершении работы над поэмой «Атта Троллль».
- 14 декабря.* Посылает Кампе рукопись поэмы.

В Петербурге выходит в свет сборник стихотворений А. Плещеева с циклом переводов из Гейне.

1847

- Январь.* «Атта Троллль» выходит из печати.
- Февраль.* Гейне пишет для театра Бенджамена Лемлея танцевальную поэму «Доктор Фауст».
- 25 февраля.* Урегулирование конфликта с гамбургскими родственниками. Карл Гейне обязуется выплачивать пенсию на прежних основаниях при условии, что Гейне не будет публиковать никаких материалов, могущих задеть честь семейства Карла или родственников его жены Цецилии, дочери парижского банкира Фуртадо.
- 27 февраля.* Гейне посылает Лемлею рукопись «Доктора Фауста».
- 15 марта.* «Обозрение Старого и Нового света» печатает перевод поэмы «Атта Троллль».
- 2 апреля.* Гейне пишет предисловие к книге своего друга Александра Вейля «Очерки нравов из народной жизни Эльзаса».
- Середина мая — конец сентября.* Отдыхает на даче в Монморанси. Болезнь Гейне прогрессирует: паралич распространяется на нижнюю половину тела.

15 ноября. Энгельс в письме к Марксу передаст привет от Гейне.

1848

14 января. Энгельс сообщает Марксу: «Гейне при смерти. Две недели тому назад я был у него, он лежал в постели, с ним случился нервный припадок, вчера он встал, но в крайне жалком состоянии. Он с трудом может сделать три шага, опираясь о стены, пробирается от кресла к постели и vice versa». ¹

Начало февраля. Гейне помещают в больницу, которую содержит его друг Фотрие. Здесь поэт проводит около трех месяцев.

9 марта. Аугсбургская «Всеобщая газета» печатает статью Гейне «Февральская революция».

Конец апреля. Маркс поручает Фердинанду Вольфу побывать у Гейне и попросить у него материал для «Новой Рейнской газеты» («Neue Rheinische Zeitung»). Эвербек сообщает о согласии Гейне сотрудничать в газете Маркса.

Май. Гейне совершает свою последнюю прогулку по Парижу. С трудом добирается до Лувра. «...Я чуть не упал от слабости, войдя в благородный зал, где стоит на своем постаменте вечно благословенная богиня красоты, наша мать-божья из Милоса, — вспоминает он об этом впоследствии. — Я долго лежал у ее ног и плакал так горестно, что слезами моими тронулся бы даже камень. И богиня глядела на меня с высоты сочувственно, но так безнадежно, как будто хотела сказать: «Разве ты не видишь, что у меня нет рук и я не могу тебе помочь?!» (Послесловие к «Романсеро».)

Наступает последний период в жизни Гейне — период медленного и мучительного угасания в «матрачной могиле».

24 мая. Матильда увозит Гейне на дачу в Пасси (пригород Парижа в Булонском лесу).

10 июня. Гейне составляет текст нового завещания, в котором назначает своего брата Максимилиана хранителем рукописного наследия.

29 августа. В письме к издателю Жаку-Жюльену Дюбоше Гейне говорит о волнении, которое вызывают

¹ Обратню (лат.).

в нем известия о революции в Германии: «Тяжко быть прикованным к матрацу, когда все люди на ногах, когда весь мир движется вперед. Новости с родины усугубляют мои мучения. Сейчас, когда я должен бы с наибольшей активностью выполнять дело всей своей жизни, я приговорен к неподвижности, я даже не могу ответить на вопль друзей, которые просят у меня простой поддержки. В Германии взяли верх наши враги».

Конец сентября. Возвращается в Париж.

1849

Зима — весна. Подавленный тягостным недугом, Гейне пытается найти утешение в религии. В беседе с Альфредом Мейснером он раскрывает смысл своего религиозного «обращения»: «К этому приходишь, когда бываешь болен, смертельно болен и сломлен!.. Признает же пришибленный бедствиями немецкий народ короля прусского; почему же я не могу признать личного бога?.. Там, где кончается здоровье, там, где кончатся деньги, там, где кончается здравый человеческий рассудок, там повсюду начинается христианство».

Весна. Несмотря на болезнь, творческие силы не покидают Гейне. «Я сочиняю много стихов, — пишет он 30 апреля Юлиусу Кампе, — и среди них есть такие, которые, словно заклинания, смиряют мои боли, когда я бормочу их про себя».

Лето. Маркс, приехавший в Париж после закрытия «Новой Рейнской газеты», несколько раз навещает больного поэта. «Гейне как раз перестелили постель, когда вошел Маркс, — вспоминает об одном из таких посещений Франциска Кугельман, — он был так болен, что к нему едва можно было прикасаться, сиделки поэтому несли его в кровать на простыне. Гейне, которого даже в этот момент не оставил его юмор, совсем слабым голосом приветствовал Маркса: «Видите, дорогой Маркс, дамы все еще носят меня на руках».

Осень. Гейне диктует своему секретарю Карлу Гиллебранду стихотворения будущего сборника «Романсеро». 16 ноября посылает Кампе стихотворение «В октябре 1849» — отклик на поражение

революции в Венгрии, с просьбой напечатать его «листовкой или в журнале, в котором оно дойдет до публики».

В 40-х годах Гейне приобретает в России широкую известность. Его переводят Огарев, М. Михайлов, Плещеев, Фет, Ап. Григорьев, Ф. Миллер, М. Катков, М. Дмитриев и др. Стихотворения немецкого поэта публикуются в «Отечественных записках», «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Москвитянине», в «Литературной газете», а также в различных сборниках и альманахах.

1850

Зима.

Гейне продолжает работать над стихотворениями сборника «Романсеро».

Пытается склонить Лаубе (в то время директора Вейского театра) к постановке «Доктора Фауста» или «Ратклифа».

Май.

В беседе с Мейснером сообщает, что намерен с помощью Жерара де Нерваля перевести на французский язык отрывок из «Мемуаров» под названием «Признания».

15 июня.

Просит мать и сестру оказать содействие в получении книг из германских библиотек. В числе заказанных Гейне произведений — два тома немецких переводов Гоголя («Мертвые души» и повести). Позднее Гейне включает в свои списки перевод повестей Пушкина.

Сентябрь — октябрь.

Встречи и беседы с немецкими литераторами Адольфом Штаром и Фанни Левальд. В разговоре с ними Гейне бросает свою знаменитую фразу: «Между опиумом и религией существует большее родство, нежели большинство людей себе может представить».

1851

Февраль.

Гейне посещает революционный поэт Георг Веерт. До этой встречи Гейне много слышал о Веерте от их общего друга Карла Маркса.

21 апреля.

Гейне просит Густава Кольба прислать ему все статьи, напечатанные им, Гейне, в аугсбургской «Всеобщей газете» за период с 1 марта 1840 года до Февральской революции.

- Вторая половина июля.* Визит Кампе. Гейне договаривается с ним об издании «Романсеро» и «Доктора Фауста».
- Ок. 20 июля.* Маркс передает Гейне привет через едущего в Париж Весрта.
- 17—27 августа.* У Гейне гостит его брат Густав. Поэт поручает ему отвезти рукопись «Романсеро» в Гамбург.
- 10 сентября.* Гейне посылает Кампе «Объяснения к «Фаусту».
- 15 октября.* «Обозрение Старого и Нового света» помещает переводы ряда стихотворений из «Романсеро»: «Рампсент», «Белый слон», «Поле битвы при Гастингсе», «Жоффрау Рюдель и Мелисаида Триполи», «Карл I», «Виццшнуцли» (переводчик — Сен-Рене Тайандье).
- 21 октября.* Секретарь Гейне, член Союза коммунистов Рихард Рейнхардт в письме из Парижа передаст Марксу привет от Гейне.
- Конец октября — начало ноября.* Выходят в свет «Романсеро» и «Доктор Фауст». Новый лирический сборник Гейне пользуется огромным успехом: в течение двух месяцев Кампе выпускает четыре его издания, каждое тиражом в 5-6 тысяч экземпляров.
- 13 ноября.* Гейне диктует нотариусу Дюклуа новое завещание. «Великая задача моей жизни, — заявляет поэт в этом документе, — состояла в том, чтобы трудиться над достижением сердечного взаимопонимания между Германией и Францией и срывать происки врагов демократии, исповедующих в своих целях национальные предубеждения и национальную вражду...»
Поручает своему родственнику и другу юности Рудольфу Христманн наблюдение за изданием полного собрания своих сочинений.
- 19 ноября.* Брат Гейне Густав сообщает поэту о запрещении «Романсеро» в Вене.
- 20 ноября.* Глава берлинской полиции фон Хипкельдей докладывает министру внутренних дел о своем решении конфисковать «Романсеро».

1852

- 15 февраля.* «Обозрение Старого и Нового света» публикует перевод «Доктора Фауста» под заглавием

«Мефистофела и легенда о Фаусте» (переводчик — Сен-Рене Тайандье).

24 февраля.

Корреспондент аугсбургской «Всеобщей газеты» сообщает, что комиссия берлинского суда признала необходимым уничтожить «Романсеро» ввиду «безнравственности его содержания».

26 марта.

В письме к Котте Гейне обращается с просьбой к редакции «Всеобщей газеты» прислать его статьи, напечатанные в этом органе. Указывает, что статьи необходимы ему в связи с подготовкой новой работы.

1 апреля.

Сен-Рене Тайандье помещает в «Обзрении Старого и Нового света» статью: «Генрих Гейне, его жизнь и сочинения».

7 июля.

В письме к Кампе Гейне впервые упоминает о работе над «Лютецкой»: «... В моей душе зреет книга, которая явится плодом и конечным итогом моих парижских наблюдений за четверть века и которая непременно останется в немецкой литературе если не как исторический труд, то как хрестоматия хорошей публицистической прозы». В письме, написанном полтора месяца спустя, Гейне называет свою книгу «введением в революцию».

Ок. середины октября.

Маркс через Рейнхардта получает привет от Гейне.

Русский журнал «Современник» (№ 4) публикует перевод «Доктора Фауста» под заглавием «Мефистофела».

1853

Зима.

Гейне пишет «Боги в изгнании».

1 апреля.

«Боги в изгнании» публикуются на французском языке в «Обзрении Старого и Нового света». Две недели спустя в Берлине выходит отдельной книгой перевод этого произведения, осуществленный без ведома автора издательством Густава Гемпеля. Оригинальный текст Гейне был опубликован 30 апреля в журнале Брокгауза «Листки литературных бесед» («Blätter für literarische Unterhaltung»).

Конец года.

Гейне пишет «Признания».

В России, в журнале «Современник» (№ 1), публикуется некрасовский перевод стихотворения «Госпожа Забота» («Ах, были счастливые годы...»). Дата перевода — 6 декабря 1852 года.

1854

Начало года.

Завершение работы над «Признаниями».

7 марта.

В письме к Кампе Гейне излагает план издания «Разных произведений».

15 сентября.

«Обозрение Старого и Нового света» публикует «Признания» (под заглавием «Признания поэта»). Текст произведения во французской редакции подвергается значительным искажениям.

21—26 сентября.

Аугсбургская «Всеобщая газета» печатает без ведома Гейне перевод французского текста «Признаний». В номере от 27 сентября газета помещает послесловие редакции с оскорбительными выпадами в адрес писателя.

5 октября.

Гейне сообщает другу юности Иозефу Леману о предстоящем выходе в свет собрания своих сочинений на французском языке.

Октябрь.

Кампе выпускает в свет «Разные сочинения» (первый том: «Признания», «Стихотворения 1853 и 1854 гг.», «Боги в изгнании», «Богиня Диана» и «Людвиг Маркус»; второй и третий тома: «Лютетия»).

1 ноября.

«Обозрение Старого и Нового света» публикует стихотворения цикла «Лазарь» из «Романсеро» в переводе Сен-Рене Тайандье.

1855

Зима.

Гейне пишет статью «Левс-Веймарс».

Начало февраля.

Поэта навещает Пьер-Жан Берамже.

- 9 февраля.* Парижское издательство Мишеля Леви выпускает книгу «О Германии», открывая ею новое французское собрание сочинений Гейне.
- 30 марта.* Гейне пишет предисловие к французскому изданию «Лютеции», которое выходит в свет 13 апреля.
- Июнь.* Знакомится со своей молодой почитательницей Камиллой Зельден («Мушкой»). Гейне и Камилла Зельден становятся близкими друзьями; поэт посвящает ей свои последние стихотворения.
- 28 июля.* Марк в письме к Лассалю просит передать привет Гейне.
- 4 июля.* Издательство Мишеля Леви выпускает том стихотворений и поэм Гейне.

В 1854—1855 годах больного поэта навещают его парижские друзья: Жерар де Нерваль, Сен-Рене Тайандье, Мишель Шевалье, Гектор Берлиоз, Франсуа Минье, Христина Бельджойозо, Каролина Жюбер, Мария Калерги.

1856

- 11 февраля.* Последние датированные письма Гейне, адресованные Мишелю Леви и Рихарду Жихлинскому. В письме к Леви идет речь о корректуре французского перевода «Путевых картии».
- 14—16 февраля.* Состояние здоровья Гейне резко ухудшается. От лечащего врача Груби он узнает, что положение его безнадежно. За несколько часов до смерти к Гейне проникает один из его знакомых. Он спрашивает поэта об его отношениях с богом. «Будьте спокойны, — отвечает Гейне. — Бог простит меня — это его профессия».
- 17 февраля.* Около четырех часов утра Гейне умирает.
- 20 февраля.* Похороны Гейне на кладбище Монмартр. Гроб с телом поэта провожают Александр Дюма, Теофиль Готье, Франсуа Минье, Поль де Сен-Виктор, немецкие литераторы, политические эмигранты. Согласно завещанию Гейне, его хоронили без религиозных обрядов и речей на могиле не произносили.

Л. Генин.

УБАВАТЕЛИ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

к собранию сочинений Генриха Гейне

- Абарбанели — IX, 387.
 Абарбанель, Ицхак (Исаак) бен Иегуда — IV, 137; VI, 286; VII, 229 (*великий развил*).
 Абассиды — I, 242.
 Аббт, Томас — VI, 85.
 Абдерахманы — I, 243.
 Абдерахман (Абдергам) III — III, 127.
 Абельяр, Пьер — IV, 136 (*Абельярдус*); V, 465; VI, 326; IX, 192.
 Абендрот (гамбургский сенатор) — IV, 435.
 Абрайтская (герцогиня Абрайтская) — VII, 261.
 Абу-Абдалла-эль-Шакир (Боабдил) — I, 208; III, 39 (*«Маавританский князь»*), 40.
 Август (Октавий, Октавиан) — III, 259; V, 182, 274; VI, 205; VII, 142, 338, 339.
 Август (пруссский принц) — V, 60.
 Август Сильный (курфюрст) — VIII, 41.
 Августин Блаженный — VI, 68, 105; IX, 90.
 Авраам из Сарагосы — IX, 337.
 Агис Спартанский — IV, 359.
 Агриппа II (иудейский царь) — VIII, 264.
 Агриппа Неттесгеймский — VI, 183; IX, 217.
 Агриппина Младшая — IV, 211; VIII, 264 (*императрица-мать*).
 Агуадо, Александр — V, 318; VII, 114.
 Адан, Адольф — VIII, 163—164, 312.
 Аддисон, Джозеф — VII, 353.
 Аделаида (сестра короля Луи-Филиппа) — VIII, 320.
 Аделунг, Иоганн-Христоф — IV, 119; VI, 50.
 Адриан (цензор) — X, 21, 77—78.
 Айльрик (монах) — III, 17, 18, 157.
 Акерман (актер) — V, 112.
 Аккум, Фридрих — V, 60.
 Аккурзи (родственный композитора Донизетти) — VIII, 307.
 Александр I (русский царь) — V, 45; VI, 382, 397; VII, 23; IX, 186.
 Александр Македонский — II, 146; III, 89, 125, 127; IV, 146, 424; V, 407; VI, 63, 163, 274, 277; VIII, 30, 116; IX, 36, 82, 408.
 Александр (парижский кланер) — V, 355.
 Александра Федоровна (русская царица) — V, 246 (*прекрасная царица*).
 Александрина (прусская принцесса) — V, 51, 65, 70, 73, 74, 76, (*новобрачная*).
 Алексис, Вилибальд (Геринг, Вильгельм) — II, 121; IV, 92, 146, 311, 366; V, 139; VI, 182, 234 (*одни из представителей школы*), 321; IX, 435, 503, 539.
 Али-Паша Янинский — V, 85.

Аливиад — IV, 171.
Аллегри, Грегорио — V, 423.
Алоизий (житель Дюссельдорфа) —
IV, 114, 116, 126.
Алонеус, Давид — V, 60.
Алонеус, Максимилиан — V, 60.
Альба, Фернандо — VIII, 202.
Альберт Великий, граф фон Фольн-
тсхт — VI, 183.
Альбоин (король лангобардов) —
IV, 206.
Альбрехт, Даниэль-Людовиг — V, 60.
Альтеингейн, Карл — V, 60.
Альтинг, Христиан — V, 63.
Альфон-Ше (брат Каролина Жюбер) —
X, 234 (*сми брат*).
Альфьери, Витторио — V, 373.
Альфред Великий — IV, 396.
Аль-Харизи, Соломон — III, 134, 158.
Амуэль (оптик) — V, 61.
Анахарис (сифский царь) — VIII,
20.
Ангальт-Бернбургская (герцогиня
Ангальт-Бернбургская) — V, 64
(*принцесса*).
Ангальт-Дессау. — См. Леопольд I
(внучка Ангальт-Дессау).
Ангулемская (герцогиня Ангулем-
ская) — V, 403; VIII, 25.
Андерсен, Пильс — IX, 65—71.
Андерсен, Ханс-Кристиан — VI, 34;
IX, 543; X, 141.
Андреа дель Сарто. — См. Сарто,
Андреа.
Ангели (шут Людовика XIII) —
VIII, 57.
Анзари — III, 46, 47, 48.
Анна Австрийская — V, 187.
Анна Болейн — V, 61; VI, 385; VII,
365, 366—368.
Анна Стюарт — IV, 48; V, 281.
Анно II (нельский архиепископ) —
VI, 148—149.
Ансело, Франсуа-Полликарп — VIII,
37.
Ансельм Кентерберийский — VI, 16,
105; IX, 119.
Ансельми (псевдоним). — См. Леман,
Иозеф.
Ансильон, Фридрих — II, 147 (*на-
статик мой, Аристотель мой*);
V, 60.

Аптей (спартанец) — V, 360.
Апхиох IV (сирийский царь) — IV,
271; VII, 20.
Антисфен — IV, 183.
Атомарин, Франческо — IV, 88, 127.
Атонен (танцор) — V, 45.
Атовный, Марк — III, 127, V, 465;
VII, 337, 338—343, 429.
Антонин (римский император) —
VIII, 24.
Антонио дельла Скала. — См. Ска-
лигеря.
Анфантен, Преспер — VIII, 201, 265;
IX, 152, 564, 574 (*одни из моих
семи-симонистских друзей*); X, 187,
399.
Аноллоний Трапский — VI, 290.
Апулей, Луций — VI, 147; VII, 149.
Араго, Доминик-Франсуа — V, 360;
VIII, 123.
Аргу (граф) — VII, 82.
Аржансон, Мари-Рене — VIII, 175.
Арносто, Лодовико — II, 250; IV,
208, 360 (*«Неистовый Роланд»*);
V, 19; VI, 154 (*маэстро Лодовико*),
360; IX, 316; X, 176.
Аристид — V, 354.
Аристотитон — IV, 199; VII, 65.
Аристокель — II, 147; III, 126, 176;
IV, 147, 279; V, 145, 329; VI,
62—63; VII, 269, 319, 328, IX, 35,
146, 269.
Аристофан — II, 265, 328—329; IV,
108, 132, 292, 304; V, 127;
VI, 39, 196—197, 202—203; VII,
415, 416; IX, 139, 155, 391,
392.
Арленкур, Шарль-Виктор — IX, 159.
Арминий (Герман) — II, 290, 291;
IV, 169, 170, 182; V, 33, 34; VI,
155, 264; VII, 98; VIII, 247, 260;
IX, 351.
Арналь, Этьен — VII, 248; IX, 104.
Арндт, Эрнст-Морис — II, 153; IV,
51, 83, 214; V, 31, 60, 121, 240,
243, 353; VI, 263; IX, 97.
Аршип, Беттина — II, 121; V, 121;
VII, 423; IX, 94.
Аршип, Людвиг-Иоахим — V, 90; VI,
226—232, 233—241, 266; IX, 346,
438; X, 155, 255, 256.
Аршольди (издатель) — I, 314.

- Арисвальд (гапповерский поэт) — IX, 346, 347.
- Артевельде, Якоб — VII, 360.
- Арто (бельгийский скрипач) — VIII, 134.
- Артур Английский — IV, 178.
- Артур (кельтский король) — II, 156.
- Архенгольц, Иоганн-Вильгельм — IV, 76, 214, 312.
- Аспазия — IV, 167.
- Ассаф — III, 158.
- Ассемани, Посиф-Алонзий — VI, 22.
- Ассинг, Давид-Ассур — IX, 440, 496.
- Астгот (монах) — III, 17, 18, 157.
- Астхвер (напеллан) — VII, 245.
- Атилла — VIII, 300.
- Ауффенберг, Иозеф — I, 311 (*юнец, с водяной в бретном теле*); IX, 159, 344.
- Ауэрбах, Бертольд — IX, 300, 323, 323, 491; X, 212.
- Ауэрбах I и II (братья, сторонники реформы еврейского богослужения) — IX, 330.
- Ауэрсперг, Антон-Александр — X, 40.
- Ашер, Саул — IV, 29, 31; IX, 368, 387.
- Ашер (издатель) — X, 65.
- Баадер, Фридрих — IX, 470.
- Бабеф, Гранх — VIII, 31.
- Байи, Жан-Сильвен — VIII, 58.
- Байо, Пьер — V, 48.
- Байрон, Джордж-Гордон — II, 75 (*Чайльд Гарольд*); III, 83; IV, 47, 91, 92, 246—247, 313; V, 57, 85; VII, 45, 70—71, 150, 353, 414; IX, 33, 167, 288, 361, 363, 366—367; X, 319.
- Баллани, Пьер-Симон — VI, 133, 275, 392; VII, 303; VIII, 261; IX, 104.
- Бальбоа, Васко — III, 226, 312.
- Бальзан, Оноре — VIII, 36, 40; IX, 96; X, 93, 199, 261.
- Бамберг, Феликс — X, 248, 256, 261, 299 (*донос написала человек*), 313 (*жирный клоп*), 314.
- Банак (Баснак), Жак — VIII, 54—55; IX, 368, 387.
- Баратье (студент-богослов) — IX, 364 (*французский доктор Витале*).
- Барбаросса — См. Фридрих I.
- Барбару, Шарль — IV, 364.
- Барбес, Арман — VIII, 161.
- Барбье, Анри-Огюст — V, 263.
- Бардт, Христоф-Фридрих — VI, 81.
- Барониус, Цезарь — VI, 22.
- Баррас (Барра), Поль — VI, 172.
- Барро, Одилло — V, 340, 360, 405, VIII, 229; X, 239.
- Барро, Эмиль — VI, 218.
- Барт, Феликс — V, 330.
- Бартельс, Иоганн — IV, 214.
- Бартоломео делла Скала. — См. Свадигеры.
- Бартолоччи, Джулио — IX, 387.
- Бартольд, Якоб-Соломон — IV, 181.
- Барье, Стефанн — X, 147.
- Бассе, Готфрид — IV, 363; VI, 173.
- Батта, Александр — VIII, 135, 305.
- Батте, Шарль — IX, 204.
- Бауэр (актриса) — IX, 409.
- Бауэр, Антон — IV, 13 (*Рустигус*); VIII, 284.
- Бауэр, Бруно — II, 201; VI, 17; IX, 119; X, 328.
- Бах, Иоганн-Себастьян — III, 199; IV, 198; VII, 291; VIII, 172.
- Бегассе, Карл — V, 36, 60.
- Бейггем, Фридрих — I, 189, 309—310; V, 33 (*Фриц фон Б.*); IX, 265—267.
- Бейерле, Адольф — V, 112 (*Поддельная Каталания*).
- Бейерман (берлинский ресторатор) — IV, 347; V, 43.
- Бейль, Пьер — IV, 137.
- Бенендорф (журналист) — V, 60.
- Бенкариа, Чезаре — IX, 374.
- Бенкер, Карл-Фридрих — IV, 123.
- Бенкер, Никлас — II, 278, 280; VIII, 145.
- Беллинг (университетский товарищ поэта) — IX, 266, 284.
- Беллини, Винченцо — VI, 360—365; VIII, 73.
- Беллон, Вильям — IV, 91.
- Беллон, Гаэтано — VIII, 300, 303.
- Бельдюбовозо, Христина — VII, 304 (*прекрасная, благородная мачеха-мачиха*), 425; VIII, 246 (*моя царственная приятельница*);

- IX, 235, 547—550, 562, 564—565, 567 (*моя прекрасная приятельница*), 571 (*прекраснейшая, благороднейшая и талантливейшая женщина*), 593—595.
- Бельмонте, Луи — V, 261.
- Бельцони, Джанбатиста — IV, 325.
- Беме, Якоб — VI, 76, 210—212; VIII, 260.
- Бендавид, Лацарус — VII, 185; IX, 328, 368, 446.
- Бенедикт, Адольф — X, 337 (*пузен*).
- Бенке, Георг-Фридрих — IX, 271, 347.
- Бениовский, Морис-Август — IV, 137.
- Бенковитц (автор «Путешествия из Глогау в Сорренто» — IV, 214.
- Бенкхед (офицер) — VII, 172.
- Бентам, Иеремия — VI, 61 (*бентамисты*).
- Бенценберг, Иоганн-Фридрих — V, 60.
- Беньо, Жан-Клод — V, 60.
- Бер, Вильгельм — X, 56 (*Вильгельм*).
- Бер, Генрих — VII, 428; IX, 113, 114.
- Бер, Михаэль — IV, 134, 347 (*городские медуны*); V, 63, 124—137; IX, 337, 344—345, 365, 366, 368, 379, 467, 486, 492, 494, 532; X, 155, 320.
- Бер, Якоб-Мейер. — См. Мейербер, Джакомо.
- Бер (мать предыдущих) — IX, 523.
- Берашке, Пьер-Жан — V, 262, 304; VIII, 44, 207; X, 243, 397—398.
- Бергер (гравер) — VII, 153.
- Бердетт, Френсис — IV, 406, 408, 415; V, 291.
- Берингер (берлинский библиотечарь) — V, 81.
- Берио, Шарль — VIII, 134.
- Берн, Эдмонд — I, 318; IV, 415, 416; V, 160—161, 281.
- Берлюз, Гектор — III, 199, 204; VI, 30, 392; VII, 301, 302—303; VIII, 297.
- Бернайс, Исаак — IX, 330, 336.
- Бернайс, Карл-Людвиг — X, 172.
- Бернгард (епископ Гильдесгеймский) — VI, 32.
- Бернгардт (книгопродавец) — X, 323, 329.
- Бернгардт (еврейский публицист) — IX, 328.
- Берне, Людвиг — IV, 7; VII, 5—130, 160, 319; IX, 97, 166, 322, 366, 389, 410, 457—458, 459, 460, 469, 503, 522, 527, 542, 560, 597 (*ваши новый автор*); X, 7, 22, 31, 76, 87, 88, 91, 93—95, 96, 97, 98—99, 100, 101, 105, 106, 108, 109, 110, 113, 174, 319, 388.
- Бернс, Роберт — X, 243.
- Бернштейн, Генрих — X, 173, 187.
- Берос (вавилонский историк) — IX, 99.
- Беррийская (герцогиня Беррийская) — V, 401, 403, 409, 410, 413, 414 (*madame*); VII, 351 (*мелкая мадам Наролита*).
- Беррийский (герцог Беррийский). — См. Генрих V.
- Бертен, Арман — IX, 570.
- Бертран де Борн — II, 83—84.
- Бертух, Фридрих-Юстин — VII, 153.
- Бертье, Луи-Александр — IV, 94.
- Берье, Пьер-Антуан — V, 401; VIII, 29, 106, 108, 112, 140.
- Бессер (издатель) — V, 159.
- Бетмап, Симон-Мориц — IV, \ 260; V, 59.
- Бетман, Фридерика-Августа-Конрадина — IV, 102.
- Бетман (актер) — V, 79.
- Беттигер, Карл-Август — I, 314; V, 63.
- Бетховен, Людвиг — III, 199; VII, 294; VIII, 133, 134, 135, 136, 212, 215, 217, 226.
- Бехштейн, Людвиг — VI, 326.
- Бибер, Георг — II, 313.
- Биготтини (танцовщица) — VI, 399.
- Бипон (издатель) — IX, 146.
- Биркен, Ганс — V, 152.
- Бирх-Пфейфер, Шарлотта — II, 149, 290, 291; VI, 255—256, 258.
- Бистер, Иоганн-Эрих — VI, 85.
- Биффи, Антонио — V, 355.
- Блаз, Анри — X, 57.
- Блан, Луи — VIII, 103—105, 106, 123, 323—324.
- Бланки, Луи-Огюст — V, 272; VIII, 232.
- Бланш (Блацка) де Бурбон — III, 75, 143, 153, 310.

- Блез де Бюри, Анж-Анри — IX, 171.
Бленстон, Вильям — V, 629.
Бломберг, Вильгельм — V, 31, 121; IX, 324.
Блодцен (наездник) — V, 62, 80.
Блюм, Карл — IV, 347 («*Медведь и паша*»); V, 45.
Блюменбах, Иоганн-Фридрих — IV, 9 (*ученый ****); VI, 222.
Блюхер, Гебхард-Леберехт — IV, 50; V, 45, 81; VII, 52, 98; IX, 97, 262, 438—439.
Боабдил. — См. Абу-Абдалла-эль-Шакр.
Бовалле (актер) — VIII, 37.
Боден, Жан — IX, 41, 43 (*Бодинус*).
Бодич (майор) — IX, 91.
Бодмер. — См. Ботмер.
Бойзен (переводчик корана) — IX, 344.
Бойрман, Эдуард — X, 65, 70, 82, 88.
Бокан, Пьер — VII, 275—276, 282.
Бокначчо, Джованни — IV, 324; V, 311; VI, 360; IX, 184, 350.
Боксгорпиус, Марк — IV, 137.
Боливар, Симон — V, 38.
Бомарше, Пьер-Огюстен — IV, 248 («*Аксур*»); V, 397.
Бомон, Гюстав-Огюст — VIII, 281.
Бонавентура (Джованни Фиденца) — VI, 27.
Бонапарт, Летиция — VII, 23.
Бонифаций (Винфрид) — VI, 44.
Бопп, Франц — IV, 107; V, 45, 63—64, 140; VI, 192; IX, 368, 369, 370.
Боргезе, Полина — VI, 399.
Борер, Антон — V, 45.
Борер, Макс — V, 45.
Борнштедт, Адальберт — X, 49—50, 62—63, 153, 312.
Боровский (пастор) — VI, 113, 115.
Боско, Бартоломео — V, 62, 80—81; VI, 44; VIII, 105, 302, IX, 153.
Боссюэ, Жак-Венись — VI, 38; IX, 155, 204.
Ботмер (Бодмер), Клотильда — IX, 468 (*дочь графа Бодмера*).
Ботмер (Бодмер), Эмилия-Элеонора — IX, 468 (*дочь графа Бодмера и жена Ф. И. Гютчева*).
Бозен, Виктор — IX, 105—107.
Бранденбургский (маркграф Бранденбургский) — VII, 212.
Брандус (музыкальный издатель) — II, 151; X, 369.
Браун (издатель) — IX, 376.
Брауншвейгский (герцог Брауншвейгский) — См. Карл Брауншвейгский.
Бревер (преподаватель лицей) — IX, 206, 551.
Бредер, Христиан-Готлоб — VII, 79.
Бреза Ойген (Евгений) — I, 114 (*милый друг*); V, 47 (*Евгений фон Б.*), 160 (*мой лучший друг*), 208 (*мой друг*), 209 (*мой милый друг*); IX, 282 (*Поляк*), 296, 566, 570.
Бреммель, Джордж-Брайан — IX, 227.
Брентано, Клеменс — II, 251; IV, 134 («*Понсе де Леон*»); V, 121; VI, 164, 225—226, 233, 265; IX, 346.
Бриквиль (полковник) — V, 299.
Бриссо, Жан-Пьер — V, 377.
Броджи, Паоло — VIII, 306, 307.
Бродхаг (издатель) — X, 11.
Брокгауз, Фридрих-Арнольд — IV, 291; V, 45, 60—61, 85, 86, 473; VI, 265; VII, 61, 96, 241; IX, 271—272, 276, 296—297, 308, 502; X, 108, 109, 185.
Брольи (Брои), Ашиль-Шарль-Леон-Виктор — IX, 523.
Брониковский. — См. Опельн-Брониковский, Александр.
Броун, Джон — V, 426 (*броунианцы*).
Брум, Генри — IV, 408—414, 415; V, 290; VIII, 117.
Бруно, Джордано — VI, 130.
Брут, Марк Юний — II, 108, 119, 120, 141, 183; III, 82, 83, 250, 267; IV, 133, 210—211, 356; V, 188, 229, 249, 261; VII, 22, 30, 122, 335, 336, 337, 343; VIII, 11, 107, 232; IX, 164, 183, 594.
Брут Старший — VII, 105.
Брюль, Мориц — IV, 321 (*генерал-интендант королевских театров*); V, 45, 63.
Брюс, Джеймс — VII, 184.
Буало, Николэ — V, 47.
Буланже (коммерсант) — X, 203, 204.

- Булль, Оле — VIII, 207, 304—305.
 Буонаротти, Филипп — VIII, 31.
 Бурбон, Никола — IV, 136 (*Борбоние*).
 Бурбоны — IV, 73, 132, 363; V, 214, 260, 275, 317, 334, 410, 411, 417; VII, 264; VIII, 49, 124, 125, 165, 211; IX, 181.
 Бургинон, Луи-Доминик (Картуш) — V, 422; VIII, 74; IX, 330; X, 99.
 Бургмоллер, Норберт — IX, 545.
 Бурдалу, Луи — IX, 204.
 Бурдон де Луаз, Франсуа-Луи — V, 188.
 Бургарт, Иоганн-Людвиг — IX, 168.
 Бурхард де Лува (граф) — VI, 32.
 Буршер, Иоганн-Фридрих — VI, 123.
 Бурьени, Луи-Антуан — V, 375.
 Бутервек, Фридрих — IV, 23 (*гофрат Б. из Геттингена*); VIII, 322; IX, 95.
 Буффе, Мари — IX, 104.
 Бухгольц, Пауль-Фердинанд-Фридрих — IV, 49; V, 60.
 Бушарди, Жозеф — VII, 280, 281.
 Буше, Александр-Жан — V, 41, 42, 45, 48, 50, 65, 81.
 Буше, Франсуа — V, 222; VIII, 248, 275.
 Бэкон, Роджер — VI, 183.
 Бэкон, Фрэнсис — VI, 56.
 Бэри, Шарлотта — IV, 377—378 (*«Flirtation»*).
 Бюнинг, Вильгельм — IV, 18.
 Бюклер, Иоганн (Шиндеханнес) — I, 17, (*Шиндеханнес*); II, 142.
 Бюлов, Карл-Эдуард — X, 256.
 Бюлов, Фридрих-Вильгельм — V, 64, 81.
 Бюлов, Франсуа — IX, 558; X, 302, 402.
 Бюргер, Готфрид-Август — V, 184; VI, 188, 193, 194; VIII, 77; IX, 432.
 Бюргер (голландский яномист) — IX, 138.
 Бюрен, Бернгард-Готфрид — V, 31.
 Бюффон, Жорж-Луи-Леклерк — VI, 88; VIII, 277; IX, 171.
 Вагнер, Рихард — VIII, 214; IX, 75 (*Бартель*); X, 369.
 Вагнер, Христофор — IX, 27, 38.
 Вадек (журналист и издатель) — IV, 117.
 Вакенродер, Вильгельм-Георх — VI, 160.
 Ванна, Йосес — III, 220.
 Валентин (римский гностицист) — V, 41.
 Валуа — VII, 264; VIII, 54.
 Вальдек, Бенедикт-Франц-Лео — IX, 276.
 Вальмиш (индийский поэт) — IV, 107.
 Вальтер фон дер Фогельвейде — VI, 255; VII, 88.
 Вальтер (актер) — V, 46, 63, 78.
 Вальш (редактор «Нормандской газеты») — V, 413.
 Ван Апен (владелец зверинца) — IX, 150.
 Ван Амбург, Псаан — IX, 182.
 Ван Гельмонт, Иоганн-Батист — IX, 217.
 Ван Гент, Юстус — IX, 435 (702).
 Ван Дейк, Антони — V, 184, 215.
 Ванденгук (книгопродавец) — VI, 313.
 Ван дер Верфт, Адриан — V, 199.
 Ван дер Пуль (торговец невольниками) — V, 366.
 Ван дер Энде, Франц — VI, 66.
 Ван-Лоо, Карл-Андреас — V, 223 (*салоист*); VIII, 248.
 Вар, Квинтилий — II, 290, 291; IV, 51, 170; V, 33; VIII, 247, 260, 295.
 Вардесан (римский гностицист) — V, 41.
 Варсе (журналист) — X, 377.
 Варикюр (французский аристократ, казненный во время революции) — V, 158.
 Варнефрид, Павел — VII, 44, 46.
 Василлид (римский гностицист) — V, 41.
 Ватель (повар) — V, 261.
 Ватто, Жан-Антуан — V, 222; VIII, 248, 275; IX, 226.
 Вах, Карл-Вильгельм — V, 45.
 Вашингтон, Джордж — V, 101, 213.
 Вебер, Карл-Мария — V, 45, («Фрейшюц»), 48, 49 («Фрейшюц»), 52

- («Фрейнциг»), 53, 54—55, 65; VIII, 72, 73.
- Весерт, Георг — X, 276, 277, 293, 297—300, 306.
- Вейдман (издатель) — X, 346.
- Вейднер, Юлиус — VII, 9.
- Вейль, Александр — X, 101, 109, 118—119, 119, 120—121, 132, 148, 165 (*один из них*), 171, 185, 200, 219, 261, 314, 320.
- Вейль (редактор «Штутгартской газеты» и «Немецкого курьера») — VIII, 238—239 (*изв.*); X, 221.
- Веймарский (герцог Веймарский) — См. Карл-Август.
- Вейтлинг, Вильгельм — IX, 111—112; X, 170.
- Векерлин, Георг — IV, 95.
- Велизарий — IV, 176; VII, 284; VIII, 225.
- Веллингтон, Артур-Уэлсли — IV, 88, 225, 384, 392, 393, 394, 417, 421—425; V, 284, 332, 340, 341, 343, 345; VI, 381, 385, 396; VIII, 81, 117, 191; IX, 158, 180.
- Вельнер, Карл-Теодор — IX, 208.
- Венедей, Якоб — III, 211—215 («*Кобес I*»); VII, 73; IX, 165; X, 88, 116—118, 119, 219, 394 (*один из моих соотечественников*), 400—401.
- Вениамин из Туделы — IX, 364.
- Вергилий — III, 188; V, 15; VI, 150.
- Верн (повар) — V, 261.
- Верман, Христиан-Генрих — IX, 138; X, 140, 309—310.
- Верне, Эмиль-Жан-Орас — V, 179, 185—188, 217, 225, 301; VII, 88; VIII, 250—253; IX, 137.
- Вернер, Захария — VI, 159, 164, 249—251; VII, 252; IX, 97, 342; X, 34.
- Вертон, Луи-Дезире — VII, 298—301; IX, 558.
- Веронезе, Паоло — IV, 230; V, 186.
- Верре, Женин — VII, 248.
- Вертер, Вильгельм — IX, 546; X, 40, 41—42, 50, 58, 63.
- Вертгейм, Леопольд — X, 189—190, 235.
- Вестрис, Август — VI, 383.
- Вестрис, Гаэтано — VIII, 165, 166.
- Ветцель, Карл — VI, 265.
- Вефур (повар) — V, 251.
- Визардо-Гарсна, Полина — VIII, 310, 311—312.
- Видевинд (Видувинд; вождь саксов) — VI, 281.
- Видман, Георг-Рудольф — IX, 10, 27, 36, 39, 45; X, 287.
- Видок, Франсуа-Эжен — V, 355; VIII, 82.
- Визецкий, Вильгельм. — См. Вицецкий, Франц.
- Виктория Английская — IX, 7.
- Виланд, Христоф-Мартин — VI, 157, 287; VII, 320.
- Вилле, Франсуа — II, 315; X, 189.
- Виллель, Жозеф — V, 324.
- Виль, Людвиг — X, 65, 66, 70, 73, 82—83, 86, 88, 135, 248, 256, 299 (*дурак-соотечественник*), 314, 363.
- Вильгельм III Оранский — V, 444; VII, 170.
- Вильгельм IV (английский король) — V, 269, 343, 344, 345, 364.
- Вильгельм Завоеватель — III, 18, (324); VIII, 84, 88, 249.
- Вильгельмина (дочь Фридриха-Вильгельма I) — V, 64.
- Вилькс, Джон — V, 342.
- Вильманс (издатель) — V, 45, 61.
- Вильмен, Абель-Франсуа — VIII, 154, 277, 278, 279; IX, 171.
- Вильсон, Роберт — V, 291.
- Винбург, Людольф — VI, 245; IX, 503, 509, 578, 579, 598; X, 82.
- Винклер, Карл-Готтлиб-Теодор (Теодор Хель) — I, 314; IV, 61 (*один из самых известных наших писателей*); V, 65, 112—113; VII, 159; IX, 344; X, 81.
- Винтерфельд, Ганс-Карл — V, 36.
- Винфрид. — См. Бонифаций.
- Виньи, Альфред — VII, 412; IX, 556—557.
- Вир, Иоганн — IX, 28, 43 (*Вир*).
- Вирт, Иоганн-Георг-Август — V, 350, 351, 356; VI, 139; VII, 76.
- Висконти, Галеацио — IV, 219.
- Вислон, Жюль — X, 173.
- Висс, Иоганн-Рудольф — VI, 284.

- Витгенштейн, Александр — I, 47 (*принц*); V, 65; IX, 267.
- Виттмейер (служащий издательства Котты) — IX, 479.
- Витт фон Дерринг, Фердинанд-Иоганн — V, 151—152; IX, 460, 462—464, 465, 467.
- Витте (юрист) — IX, 364.
- Виттельсбахи — II, 108, 263; VII, 197.
- Вицевский, Франц (Вильгельм Вицевский) — III, 97, 157; IV, 111—112.
- Влодек (польский актер) — V, 113.
- Влодню (польская актриса) — V, 114.
- Воль-Штраус, Жанетта — VII, 11, 16—18, 63, 84—87; IX, 459; X, 101 (*духотная вдова Берне*), 108 (*возлюбленная Берне*), 112 (*мстительная баба*), 113, 115 (*коварная дама*), 189—190.
- Вольвиль, Иммануэль (Иозель Вольф) — IX, 299—304, 324 (*Монада*), 328, 330 (*Монада*), 334, 368, 398.
- Вольне, Константен — V, 376.
- Вольтер, Франсуа-Мари — II, 279; III, 23, 98 (*«Генриада»*), 134; IV, 58, 141, 222, 279 (*Кандид*); V, 155, 184, 222, 373, 379, 380, 411; VI, 21, 39, 67, 74, 80, 234, 272, 390; VII, 88, 123, 354, 428; VIII, 86, 141, 252; IX, 102, 105, 108, 132, 169, 274 (*«Заира»*); X, 345, 407.
- Вольгман, Каролина — V, 45.
- Вольф, Иозель. — См. Вольвиль, Иммануэль.
- Вольф, Оскар-Людвиг-Беригард — VI, 326; IX, 556, 573; X, 313.
- Вольф, Пюс-Александр — V, 111; VII, 325; IX, 368.
- Вольф, Фридрих-Август — V, 36 (*филолог В.*), 44; VII, 130; IX, 303.
- Вольф, Христиан — VI, 64, 74, 76—80, 89, 91, 98, 100, 107.
- Вольф, Эдуард — VIII, 212, 304 (*замечательный пианист из Варшавы*).
- Вольф, Эстер — III, 274.
- Вольф (актриса) — V, 63, 135.
- Вольфрам фон Эшенбах — VI, 150.
- Вольфрум (приверженец Берне) — VII, 67, 81—82.
- Вульпиус, Христиан-Август — I, 17, 18; V, 90.
- Вундерман (издатель) — V, 29, 33 (*В.*), 118; IX, 270, 290, 360.
- Вурм (актер) — IV, 306.
- Вурм (гамбургский профессор) — X, 27 (*жалкий червяк*).
- Высоцкий (берлинский ресторатор) — III, 265; IV, 48; VII, 347.
- Вьен, Жозеф-Мари — V, 223.
- Вьетан, Апри — VIII, 134, 135.
- Вюннеберг (лицейский товарищ поэта) — IX, 259.
- Вюрц (издатель) — IX, 443, 452, 456, 464.
- Габироль, Соломон — III, 133, 134, 139.
- Габсбурги — II, 108; V, 240.
- Гавас, Шарль-Луи — X, 312.
- Гавеман, Вильгельм — I, 120 (*Дон Эдрикес*).
- Гаген (знакомый Гейне) — IX, 397.
- Гаген, Шарлотта — V, 135.
- Гагерн, Генрих-Вильгельм-Август — X, 259.
- Гайнау (австрийский генерал) — III, 220.
- Гакстхаузен, Август — IX, 384.
- Гакстхаузен, Вернер — VI, 136.
- Галеви, Жак-Франсуа-Фроманталь — VIII, 73—74, 213, 307, 309; X, 55 (*новую оперу я слышал*), 56—57.
- Галеви. — См. Иегуда бен Галеви.
- Галиньяни, Вильям — VIII, 146.
- Галиньяни, Джованни-Антонио — IX, 566 (736).
- Галле, Адольф — IX, 396, 475; X, 181, 182, 183, 184, 185.
- Галле, Тереза. — См. Гейне, Тереза.
- Галлер, Альбрехт — IX, 164.
- Галлер, Карл-Людвиг — I, 318; V, 145.
- Гальбергер (издатель) — X, 103, 109.
- Гаман, Иоганн-Георг — IX, 389.
- Гампильтон, Антони — V, 283.
- Гаммер-Пургшталь — V, 36 (*ориенталист Г.*).
- Ган-Ган, Пда — IX, 95.

- Ганнибал — II, 205; V, 451; VII, 21; X, 201.
- Ганс, Эдуард — I, 176, 318 (*Отце-пенец*); II, 57; IV, 54, 134 (*мой друг Г.*), 252, 253, 314 (*Фидо Сао́ди*); VII, 184, 186—187; IX, 288, 289, 300, 301, 303, 323, 325, 326, 327, 328, 330—331, 333, 337, 345, 366, 367, 368, 374, 377, 381, 398, 399, 402, 406, 409, 409—410, 422, 429, 440, 446, 454, 473, 490, 494, 495, 497, 517, 520; X, 155.
- Гара, Доминик-Жозеф — V, 374.
- Гарве, Христиан — VI, 85.
- Гарденберг. — См. Новалис.
- Гармодий — IV, 199; VII, 65.
- Гарнье-Пажес, Этьен-Жозеф-Луи — V, 380, 385, 405; VII, 67, 68, 81—82.
- Гарольд II — III, 17—21, 157.
- Гаррик, Давид — VII, 324, 325.
- Гаррис, Георг — II, 280; VI, 367.
- Гартман, Морц — X, 261, 265 (*один молодой автор*), 314.
- Гартунг (книгопродавец) — VI, 115.
- Гарун-аль-Рашид — V, 71, 195; VII, 120.
- Гассельквист, Фредрик — VII, 184, 190.
- Гати, Август — IX, 533, 534, 542, (*переводчик*); X, 104, 111, 282, 290, 307, 330, 344, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 368, 381, 394, 405.
- Гаттон (майнецский епископ) — VII, 209.
- Гатцфельд, София — X, 269.
- Гатцфельд, Эдмунд — X, 270.
- Гауди, Франц — IX, 495, 507, 508.
- Гауман (скрипач) — VIII, 134.
- Гафиз. — См. Хафиз.
- Гвидо из Арещо — III, 199.
- Гебауэр, Христиан-Август — V, 31.
- Геббель, Фридрих — X, 164, 248 (*геббельнствова́ть*), 256, 261 (*геббельнец*), 379.
- Гебгардт (издатель) — I, 311.
- Гебер (генерал-прокурор) — VIII, 66.
- Гегель, Георг-Вильгельм-Фридрих — I, 101, 176; II, 105, 279, 315; IV, 104, 295, 315, 316, 317; V, 106, 140, 154, 243; VI, 17, 62, 80, 109, 131—139, 200, 212—213, 216, 276; VII, 107, 157, 182, 185; 428 (*маэстро*); VIII, 50, 144, 258, 267, 282, 283; IX, 113—117, 120, 124, 303, 422; X, 155, 241, 246, 261, 297.
- Геде, Христиан-Август-Готтлиб — IV, 312.
- Гее, Эдуард — IX, 344; X, 81.
- Гезениус, Вильгельм — IV, 322.
- Гейбель, Эммануэль — II, 141 (*«Поэлитическому поэту»*).
- Гейберг, Петер-Андреас — VI, 125; VII, 111.
- Гейвуд, Томас — VII, 411.
- Гейгель, Карл — VII, 8.
- Гейделоф (издатель) — IX, 533, 534, 538, 540, 542, 560, 561, 569, 580; X, 14, 30, 32, 35, 39.
- Гейльман (автор стихотворения «Дух любви») — V, 31.
- Гейм, Эрнст-Людвиг — V, 76.
- Гейне, Амалия (Молли; двоюродная сестра поэта) — I, 87 (*моя милая... возлюбленная*); IX, 258, 259, 261, 263 (*М...*), 264, 278 (*пуголка*), 280 (*возлюбленная*), 282 (*одна эженщина*), 453 (*мадам Фрилендер*).
- Гейне, Анна (племянница поэта) — X, 275.
- Гейне, Арман (двоюродный брат поэта) — X, 58 (*один француз*).
- Гейне, Бетти (мать поэта) — I, 48—49; II, 309—310, 319 (*старушка моя*); V, 171; IX, 134—135, 205—209, 485, 491, 515, 544—545, 551, 577, 583; X, 90, 92, 127, 140, 141—142, 143—144, 166, 180, 186, 212—214, 217—218, 220, 222—223, 226, 227, 229, 253—255, 276—277, 304—305, 374—375, 386, 411.
- Гейне, Бетти (жена Соломона Гейне) — X, 7 (*моя тетка*), 54 (*покойная тетка*).
- Гейне, Гепри (дядя поэта) — IX, 339, 358, 365, 373, 378, 475; X, 25, 127—128, 179.
- Гейне, Гепригга (Иетта; жена предыдущего) — X, 128, 166, 186.
- Гейне, Герман (двоюродный брат поэта) — IX, 475; X, 128.
- Гейне, Густав (брат поэта) — IX, 334, 337, 551; X, 140, 212—213, 222,

- 238, 248, 260, 264, 264—275, 280, 282, 293, 294, 304, 306, 309, 335 (*торговец маслом*), 339—340, 342, 348, 355, 385, 408, 409.
- Гейне, Карл (двоюродный брат поэта) — V, 311 (*лучший друг мой*); IX, 225 (*нынешний глава банкирского дома*), 475; X, 24, 29, 55, 72, 89, 147, 151, 165, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 188, 196, 197, 209, 216, 237—238, 248, 254, 257, 260, 269, 293, 308—309, 386.
- Гейне, Максимилиан (Макс; брат поэта) — III, 291 («*Моему брату Максиму*») — IV, 173; IX, 334 (*Макс-хен*), 335, 277, 422, 545, 552; X, 21, 22, 23—28, 28, 33, 34, 139—141, 142, 143, 213, 232, 235—239, 293, 309—310, 329, 330, 335, 335—337, 339, 340, 342, 348.
- Гейне, Матильда (жена поэта) — III, 88—89, 101, 103, 173, 280; IX, 117, 475 (*Тили*), 591—592; X, 10—11, 20, 20—21, 23, 31, 34, 50, 51, 55, 86, 86, 89, 119, 120, 121, 122—123, 124, 133, 139, 140, 144, 146—147, 151, 164—165, 165—166, 166—167, 172, 179, 182, 184, 186, 194, 200, 204, 213—214, 217, 218, 226, 234, 262, 264, 294, 360, 361, 381, 384, 397—398 (*некая дама*), 411.
- Гейне, Мишель (двоюродный брат поэта) — X, 58 (*один француз*).
- Гейне, Самсон (отец поэта) — IX, 222, 224—232; X, 25, 27.
- Гейне, Соломон (дядя поэта) — I, 324; II, 113 (*Прекрасный человек!*), 319—320 (*старый седой господин*); III, 179 (*старый брюзга Борей*), 274—275 («*Да не забудет он помнит!»*); IX, 224—225, 262 (*великий Гейне*) 304, 332, 333, 339, 358, 373, 378 (*мой дядя в Гамбурге*), 392—393, 423, 425, 428, 474—475, 512, 597; X, 21, 22, 24—25, 26, 27, 28, 28—30, 52—56, 89, 128, 140, 141—142, 143—144, 146, 147, 165, 166, 179—180, 180—181, 181, 188, 241—242, 267.
- Гейне, Тереза (двоюродная сестра поэта) — I, 87 (*сестричка... милотка*); III, 93 («*Старая роза*»), 105 (*Оттилия*), 106 (*Оттилия*); IX, 225 (*его сестра*); X, 89 (*е-жа Галле*), 179, 180.
- Гейне, Христиан-Готтлиб — IX, 348.
- Гейне, Цецилия (жена Карла Гейне) — X, 88—89, 129, 142, 151.
- Гейне-Эмбден, Шарлотта (Ютта, Лоттхен; сестра поэта) — I, 102 (*дитя*); II, 319; IX, 264, 298, 299, 304, 334—335, 338—339, 356—358, 406, 409, 529, 544—545, 551; X, 25, 122—123, 127, 128—129, 142, 144, 151, 179—180, 186, 212—214, 217—218, 226, 229, 231—232, 253—255, 276—277, 304—305, 375, 408, 411.
- Гейне, Эмма (жена Густава Гейне) — X, 212 (*госпожа Густав*).
- Гейнефеттер, Сабина — VIII, 111, 197.
- Гейнзе, Ноганн-Якоб-Вильгельм — IX, 466.
- Гейнзнус (певец) — V, 51.
- Гелисберг (танцовщица) — V, 379.
- Геллерт, Христиан-Фюрхтегот — III, 94; VI, 82; VII, 241.
- Гельз (Хель), Теодор (псевдоним). — См. Винклер, Карл-Готтлиб-Теодор.
- Гельберт (врач) — VI, 295.
- Гельвций, Клод-Адриан — VI, 60.
- Гельвиг, Фридрих — V, 44.
- Гельдери, Бетти. — См. Гейне, Бетти.
- Гельдери, Готшалг (дед поэта) — IV, 111; IX, 135, 551.
- Гельдери, Густав. — См. Гейне, Густав.
- Гельдери, Позеф (дядя поэта) — IV, 111; IX, 209 (*превосходный врач*).
- Гельдери, Лазарь (прадед поэта) — IX, 209.
- Гельдери, Симон (двоюродный дед поэта) — IV, 217—219.
- Гельдери, Симон (дядя поэта) — IX, 213—215, 538, 551.
- Гельти, Людвиг-Генрих-Христоф — V, 181; VI, 168.
- Гельфенгейн, Людвиг — IV, 427.

- Гельпер (издатель) — V, 10.
- Гемпель, Густав — IX, 88 (*немецкий эстим, делца*); X, 376 (*берлинский прохвост*).
- Генгстенберг, Эрист-Вильгельм — II, 222, 279, 290; VI, 17; VII, 43, 245; IX, 119, 164.
- Гендель, Георг-Фридрих — VIII, 172, 299.
- Гензель, Вильгельм — V, 64.
- Гензихен (магистр) — VI, 115.
- Генриетта-Мария (сестра Людовика XIII) — VI, 155.
- Генрих (пневссаксонский император) — I, 146, 147; IV, 60, 61, 62.
- Генрих IV (французский король) — II, 111—112; IV, 49; V, 182; VII, 351—352; IX, 123.
- Генрих V (английский король) — VII, 353—354.
- Генрих V (граф Анри де Шамбор, герцог Беррийский) — V, 214 (*чудесный отрок, юный Генрих*), 274 (*чудо-младенец*), 275, 293, 302, 303 (*чудо-отрок*), 304, 305, 329, 400—401, 404 (*чудесный отрок*), 409, 414; VIII, 92, 203; IX, 184.
- Генрих VI (английский король) — VII, 354, 356, 361.
- Генрих VII (английский король) — V, 151.
- Генрих VIII (английский король) — V, 151; VII, 364, 366.
- Генрих фон Мейссен (Фрауэнлоб) — IV, 305.
- Гент, Лей — V, 341.
- Генц, Фридрих — VII, 103.
- Георг III — IV, 396; VI, 193.
- Георг IV — IV, 414, 419—420 (*султан*); V, 283, 292.
- Георге, София — V, 31.
- Гервег, Георг — II, 113—114, 121 (*живой*), 142; III, 82—83 (*мис-живой*), 209 (*шваб*), 210 (*шваб*), 255—258 (*«Симплициссимус I»*); VIII, 301; X, 137, 163, 199, 314, 365, 369.
- Гервинус, Георг-Готфрид — IX, 164.
- Гергардт, Эдуард — IV, 214.
- Гердер, Иоганн-Готфрид — V, 100; VI, 116, 118, 156—157, 163, 186, 191; VII, 320; IX, 155, 282.
- Герен, Арнольд-Герман-Людвиг — IV, 138; VI, 193, VIII, 142.
- Герен, Пьер-Парцисс — V, 223.
- Геринг, Вильгельм. — См. Алексис, Виллбальд.
- Герилот, Карл-Александр — V, 75 (*театральный поэт*).
- Герлозон, Карл-Борромеус — IX, 509.
- Герман. — См. Арминий.
- Герман Визенбургский — VI, 32.
- Герман Тюрингенский — VI, 220.
- Гермес, Карл-Генрих — IX, 461, 480.
- Гермогенпан (римский юрист) — IV, 10.
- Геродот — III, 157; IV, 151; IX, 134, 187, 547.
- Геррес, Гвидо — III, 85 (*пролик*).
- Геррес, Якоб-Иозеф — III, 85; IV, 109; V, 45, 144, 145, 165, 353; VI, 135, 161, 164, 179, 214—215; IX, 97, 457, 465; X, 61.
- Герц, Анри — VIII, 76, 111, 211.
- Гескиссон, Вильям — V, 345.
- Геснер, Иоганн-Матис — IV, 136.
- Гесс, Мозес — X, 148, 171.
- Гесслер, Герман — IV, 177.
- Гесснер, Соломон — IV, 10.
- Гете, Иоганн-Вольфганг — I, 311, 312, 319 (*лучший поэт*), 327; II, 57, 107, 114 (*Вертер*), 222, 239 (*гетанца*); III, 13 (*Вертер*), 87, 104, 257; IV, 15, 42 (*«Фауст»*), 47, 72, 73—77, 96 (*поэт маститый*), 105, 122, 132, 136, 139, 161, 212—213, 214 (*«Ты знаешь прау?»*), 292, 294, 300, 312, 434; V, 8—9, 14, 20, 22, 48, 58, 85, 125, 126, 139, 147—150, 181, 218, 219, 350, 412; VI, 7, 82—83, 116, 117—120, 123 (*Г.*), 144, 157, 157, 163, 170—187, 198, 207, 208, 209, 230, 244, 245, 254, 266, 290, 309, 310, 363; VII, 9, 10, 14—17, 21, 37, 43, 118, 133, 147, 148, 149, 187, 252, 264, 267, 269, 271, 305; 320; VIII, 209, 222, 299, IX, 9, 10, 25—26, 38, 39, 82, 138, 158, 160, 167, 173, 221—222, 261, 275, 276, 280, 290, 291, 295, 298, 307, 309, 317, 318, 319, 322; 328, 334,

- 340, 341, 342, 344, 354, 360, 362, 369—370, 372, 376, 382—383, 384, 386, 388, 389 («Вертер»), 392, 398 («Вертер»), 410, 413, 432, 449, 450, 454, 456, 458, 460, 470, 473, 494, 499—500, 505—506, 539; X, 10, 34, 61, 67, 107, 137, 211, 241, 298, 363.
- Гешен, Иоганн-Фридрих-Людвиг — IV, 54 (*Азимус Гешенус*), 253.
- Гез, Эдуард-Генрих — V, 61.
- Гиббон, Эдуард — VI, 314.
- Гизо, Франсуа-Пьер-Гийом — V, 252, 324—325, 339, 355, 416; VII, 415; VIII, 23, 76, 82, 99, 102, 112—113, 141, 145, 147—148, 153—154, 160, 161—162, 177, 194—195, 198, 201, 202—203, 227, 228 (*господин профессор от 29 октября*), 229—232, 236—244, 258, 278, 319, 326; IX, 182; X, 279, 332, 354.
- Гиллель (еврейский богослов) — VIII, 53.
- Гиллер, Фердинанд — VIII, 138, 299.
- Гильмарс (университетский товарищ поэта) — IX, 337, 402.
- Гильотен, Жозеф-Иньяс — II, 302; IV, 430.
- Гинрихс, Герман-Фридрих-Вильгельм — VI, 277.
- Гирш, Арон — X, 237.
- Гирш-Гиацинт. — См. Рокамор, Исаак.
- Гиро, Мейер — VII, 64.
- Гисс, Карл — V, 213.
- Гитциг, Юлиус-Эдуард — III, 136, 137; VI, 250; IX, 333, 342, 374, 377, 370, 399, 400, 401, 405, 435, 446.
- Глейм, Иоганн-Вильгельм-Людвиг — IX, 270 (*Глеймовская школа*).
- Глейх, Фридрих — IX, 510.
- Глюк, Христоф-Вилибальд — III, 293; V, 52, 53, VII, 294.
- Гнезненский (архиепископ Гнезненский) — V, 110.
- Гобель, Жан-Батист-Жозеф — V, 379.
- Гогенлоэ, Александр — I, 311 (*князь*).
- Гогенхаузен, Леопольд — IX, 286 (*Окс*), 338.
- Гогенхаузен, Элиза — IV, 47; V, 32, 57; IX, 288 (*г-жа Окс*), 291, 338.
- Гогенцоллерны — II, 108, 116 (*Подкидыши*); V, 218, 240; VI, 258.
- Гогенштауфены — V, 242; VI, 49, 139 (*Конрадин Гогенштауфен*), 258; VII, 157, 197.
- Гоголь, Николай Васильевич — X, 254—255.
- Годельман (*Годельманус*), Иоганн-Георг — VI, 308; IX, 43.
- Годерих, Фредерик-Джон-Робинзон — V, 283.
- Годой, Мануэль — VIII, 237.
- Гозлан, Леон — IX, 171; X, 199.
- Гоце, Лун-Жером — VI, 172.
- Голдсмит, Оливер — V, 89; VI, 254; IX, 99.
- Головнин, Василий Михайлович — VII, 40.
- Гольбах, Поль-Анри — IV, 153 (*«Система природы»*); V, 102; VI, 60.
- Гольбейн, Гапо — IV, 434; V, 184.
- Гольбейн, Фрапп-Игнац — V, 112 (*«Альпийская розочка»*).
- Гольбек (издатель) — IX, 27.
- Гольдони, Карло — VII, 245.
- Гольдшмидт (знакомая Гейне) — IX, 414.
- Гольцбехер, Юлия — IV, 242.
- Гомер — I, 153 (*«Одиссея»*); III, 87 (*«Илиада», «Одиссея»*), 128, 216, 277 (*«Одиссея»*); IV, 77 (*«Илиада»*), 84, 86 (*«Илиада»*), 94 (*«Илиада»*), 104 (*«Илиада»*), 105 (*«Одиссея»*), 120, 127 (*«Илиада»*), 136, 298—299 (*«Илиада», «Одиссея»*), 328 (*«Илиада»*), 333; V, 12 (*«Одиссея»*), 44, 78, 117 (*«Одиссея»*), 352; VI, 54, 151, 166, 181, 236 (*«Илиада»*); VII, 42, 331, 424; VIII, 222, 300; IX, 20 (*творец «Одиссеи»*), 35, 36, 71, 96, 122, 155, 173, 181, 262, 389 (*«Одиссея»*), 408, 415 (*«Илиада»*), 418, 434; X, 259, 300.
- Гонзага (правители Мантуи) — IX, 165

- Гоогстратен, Якоб — II, 275; VI, 49; IX, 124.
 Горацій Флакк — II, 290, 291; III, 104, 258; IV, 140, 141, 182, 292; VII, 142 (*лоцелный эпискурус*); IX, 121 (*римский поэт*), 134.
 Гормайр, Иозеф — IV, 177, 181.
 Горн, Франц — II, 223; IV, 95 (*«Поэтический литератор»*); V, 90; VI, 78; VII, 273, 323—324, 369, 383; VIII, 314.
 Горст (автор «Демониагнии») — VI, 310.
 Гортензия (голландская королева) — IX, 100.
 Готфрид Бульонский — II, 97; III, 260.
 Готфрид Страсбургский — VI, 150; IX, 82.
 Готшаль, Рудольф — X, 292—293, 296, 301, 309, 326.
 Готшальк, Фридрих — IV, 15, 26, 61.
 Готшед, Иоганн-Христоф — VI, 155; VII, 320.
 Готшед, Луиза. — См. Кульмус, Луиза.
 Готье, Теофиль — VIII, 289; X, 199, 412.
 Гофер, Андреас — IV, 175, 177, 186.
 Гофман, Фридрих-Людвиг — II, 313 (*старый цензор*), 322, 327; VI, 47.
 Гофман, Эрнст-Теодор-Амадей — IV, 16; V, 30, 44, 45, 61, 62, 86, 87—88; VI, 218—219, 221, 222, 233, 234, 235, 250; VII, 302; IX, 333, 342, 446—447.
 Гофман фон Фаллерслебен, Август-Генрих — II, 141, 149, 271; IX, 162; X, 125, 162.
 Гоци, Карло — VI, 202; VII, 245, 302; VIII, 305.
 Граббе, Христиан-Дитрих — VI, 258, 310—311; VII, 252, 270, 316, 324; IX, 167, 210—212; X, 34, 155, 323, 325, 357.
 Гранх, Кай — III, 206; IV, 210, 359; V, 422.
 Гранх, Тиберий Семпроний — III, 206; IV, 210, 359; V, 422.
 Гранвиль, Томас — V, 398.
 Грассини (певец) — VI, 399.
 Гревинус, Иоганн-Георг — IV, 137.
 Грегуар, Анри — V, 337.
 Грез, Жан-Батист — II, 225; VIII, 313.
 Грей, Джен — VIII, 156.
 Грей, Чарльз — V, 284, 332, 341, 343.
 Грейтгейзен, Франц — IV, 291.
 Греч, Николай Иванович — X, 25, 142.
 Григорий V (константинопольский патриарх) — VIII, 64.
 Григорий VII (римский папа) — II, 111; IV, 81, 137.
 Гризи, Джулия — VIII, 111, 310—311, 314.
 Гризи, Карлотта — VIII, 163.
 Грильпарцер, Франц — V, 46, 124; VII, 252; IX, 268, 545—546; X, 34.
 Гримбальди (католический священник) — VI, 86.
 Гримм, Вильгельм — VI, 282, 292, 338.
 Гримм, Людвиг-Эмиль — IX, 457.
 Гримм, Фридрих-Мельхиор — IX, 90.
 Гримм, Якоб — II, 144; VI, 192, 282, 292, 338; IX, 457.
 Грис, Иоганн-Дитрих — VI, 192.
 Гро, Жан-Антуан — V, 223; VI, 399.
 Гроссе, Эрнст — V, 351.
 Груби (врач) — X, 235.
 Грунер, Юстус — V, 83.
 Группелло (скульптор) — IV, 112 (*художник, отливавший статую*).
 Грюн, Анастасиус (псевдоним). — См. Ауэрсберг, Антон-Александр.
 Грюн, Карл — X, 194.
 Гуайата, Матильда — X, 381.
 Губиц, Фридрих-Вильгельм — IV, 140; V, 45, 55, 79, 80; IX, 212, 292, 293, 294, 296, 297, 319, 344, 349, 352, 353, 354—355, 371, 379, 393—395, 396, 469; X, 320 (*губицизм*).
 Гувальд. — См. Хоувальд, Эрнст-Христоф.
 Гуго, Густав — IV, 13 (*Ицязиус*), 136, 252; IX, 348, 371, 372, 376, 385, 552; X, 291.

- Гудель (хозяйка Гамбурга) — II, 313.
- Гумблот (издатель) — V, 57.
- Гумбольдт, Александр — V, 140; VI, 192; VIII, 226; IX, 523, 528; X, 146, 192—193.
- Гумбольдт, Вильгельм — VI, 182.
- Гумпель, Христиан (*Гумпелино, толстый миллионер*) — II, 313; IV, 48, 117, 142—143, 146, 238, 239—246, 249, 250, 253—260, 263—264, 267—288, 342; X, 54, 88.
- Гунперц (хитрый Дюссельдорфа) — IV, 114, 116, 126.
- Гупиль (издатель) — VIII, 102, 149, 152, 156.
- Гурго, Гаспар — IV, 385.
- Гуровский, Адам — VIII, 146, 158.
- Гуровский, Игнатий — VIII, 146.
- Гус, Ян — VI, 91.
- Густав IV — VIII, 238 (*полковник Густавсон, экс-король*).
- Густав-Адольф (Густав II) — VIII, 313.
- Гуттен, Ульрих — II, 275; III, 85, 86; IV, 161; V, 350, VI, 49.
- Гуцков, Карл — VI, 245; VII, 322, 415; IX, 166, 579; X, 33, 38, 60, 64, 65, 66, 66—68, 70—71, 74, 79—80, 81—83, 85—86, 87—88, 92, 94, 97, 99—100, 103 (*великий интриган*), 104, 105, 106, 106—108, 125 (*наш драматург*), 131, 132, 135, 137, 148, 150, 159, 185, 206, 248, 308, 313 (*вошь*).
- Гуэн (друг композитора Д. Мейербера) — II, 151; VIII, 72—74, 138, 309.
- Гюго, Виктор — V, 270, 304; VII, 268—272, 280, 282, 410—411; VIII, 44—46, 204—205; IX, 168, 530, 550, 556.
- Гюльман, Карл-Дитрих — IV, 83.
- Гюман, Жак-Жорж — VIII, 154.
- Гюон де Бордо — IX, 219.
- Давид, Жак-Луи — V, 223; VII, 114; VIII, 149, 249, IX, 106.
- Давид, Феликсен-Сезар — VI, 131 (433).
- Дауу, Луи — IV, 94; VII, 52.
- Дандоло, Энрико — VII, 392.
- Даниэльс (боиственный студент) — IX, 267.
- Данте Алигьери — II, 330; III, 83, 188 (*ученик Вергилия*); IV, 54, 101, 333, 388; V, 220, 293; VI, 150, 220, 309, 360; VII, 102, 118, 128; VIII, 12, 222; IX, 173, 471; X, 267, 300.
- Дантон, Жорж — II, 307; V, 73, 278, 379; VI, 51; VIII, 232; IX, 521.
- Дарий — III, 89, 125; V, 41; IX, 408.
- Дарт (владелица пансиона) — X, 144, 147, 165, 167.
- Дарю, Пьер-Антуан — IV, 94.
- Даумер, Георг-Фридрих — VI, 17; IX, 119; X, 79, 328.
- Дебюро, Жан-Гаспар — V, 355; VI, 184; VII, 283; IX, 104.
- Деверна, Эжен — V, 206.
- Де-Ветт, Вильгельм-Мартин — V, 60.
- Девриент, Людвиг — V, 65; VII, 273, 325; IX, 509.
- Дегютт (французский аристократ, казненный во время революции) — V, 158.
- Денказе, Паулина-Виргиния — VII, 248; IX, 104.
- Дейерлих (владелец библиотеки в Геттингене) — VI, 222.
- Деказ, Эли — V, 324.
- Декан, Александр-Габриэль — V, 179, 192—197, 225; VII, 154; VIII, 288.
- Декарт, Рене — VI, 56—61, 64, 66, 77, 98, 105, 129, 130; IX, 217 (*Картезий*).
- Декар, Томас — VII, 411.
- Делавинь, Газимир — V, 126, 134, 301; VIII, 213.
- Делакруза, Фердинанд-Виктор-Эжен — V, 179, 188—192, 217; VIII, 311.
- Деламар (биржевик) — X, 50 (*биржевик, пользующийся дурной славой*).
- Деларош, Поль — V, 179, 201, 206—218, 224; VIII, 156.
- Делер, Теодор — VIII, 133—134, 303—304.
- Деллингер, Игнац — III, 85 (*Почлиггерий*); IX, 466 (*враги и поны-интриганы*).

- Деллау, Анри-Луи — VIII, 200; X, 64, 65.
- Дельмар, Моисей — VIII, 55.
- Дель Рио, Мартин-Антонио — VI, 324.
- Демосфен — IV, 168, 410; VII, 69; VIII, 29; IX, 472.
- Демулен, Камилл — V, 187—188, 274, 379; IX, 174.
- Денон, Доминик — IV, 325.
- Деринг, Георг-Христиан-Вильгельм-Асмус — IX, 269.
- Дерне, Карл — IV, 15 (*странствующий подмастерье*); IX, 420 (*портновский подмастерье*).
- Дессаур, Иозеф — III, 244—245 («Клоп»); VIII, 44 (*один из самых презренных, косяязычных сочинителей романсов*), 214—216.
- Дессаур (князь). — См. Леопольд I, князь Ангальт-Дессау.
- Дестют де Траси, Антуан-Луи — VIII, 174, 175.
- Детмольд, Иоганн-Герман — VII, 266, 286; IX, 446—447, 466, 554—555; X, 16 (*один мой друг*), 20—23, 31—33, 55, 145, 148, 167—168, 168—170, 180—182, 182—184, 188, 207, 293, 379—381, 386.
- Джами — IX, 347.
- Джеймсон, Анна — VII, 391.
- Джексон, Эндрю — II, 182.
- Джованни да Болонья — II, 38 (*мастер Жан*).
- Джованни да Фьезоле (Фра Беато Авджелико) — IV, 268 (*Джованни да Фесселе*).
- Джонс, Уильям — VI, 190.
- Джонсон, Сэмюел — VII, 324, 353, 364, 365.
- Джорджоне (Джорджо Барбарелли да Кастельфранко) — IV, 233, 234.
- Дибич, Иван Иванович — IV, 224, 227.
- Дилро, Дени — V, 222; VII, 319; VIII, 266.
- Дизраэли, Бендиксен — IV, 377 («Виван Грей»).
- Динкершит (патер) — IX, 223.
- Диккенс, Чарльз — X, 254, 370.
- Дингельштедт, Франц — II, 108 (*почтой сторож*), 118—119 («Почтовой сторож»); III, 82 (*Кассий*), 83 (*Кассий*), 83 («*Бывший страже почтой*»); X, 79, 124, 126, 130.
- Диоген — IV, 271; VIII, 20; IX, 212.
- Дионисий Арсепанит — VI, 78.
- Дирксен (профессор) — IX, 450, 451, 464.
- Дитрих (Теодорих) Бернский — IV, 206.
- Диффенбах, Иоганн-Фридрих — VII, 8; X, 194.
- Дич, Петер-Людвиг-Филипп — VIII, 213.
- Дмушевский, Людвиг-Адам — V, 113.
- Добенек, Фридрих-Людвиг-Фердинанд — VI, 30.
- Додслей, Роберт — VII, 321.
- Дондорф (университетский товарищ поэта) — IX, 374, 521, 522, 528, 532, 533, 536; X, 37, 46 (*корреспондент «Всеобщей газеты»*), 312.
- Довлицетти, Гаэтано — VIII, 73, 114, 212, 307, 313, 316.
- Дону, Пьер-Клод-Франсуа — VIII, 261—262.
- Донуга (аббат) — IV, 120; VII, 329 (*мой старый учитель поэтики*); IX, 204—205, 551.
- Дорваль, Мари — VIII, 37; X, 135.
- Дориа, Авдреа — IV, 230.
- Дорс (педель) — IV, 10 (*Дорс*); VI, 315, 316.
- Доу, Герард — V, 199 (*Ван-Доу*).
- Дрё-Брезе (нэр) — V, 297.
- Дрейшок, Александр — VIII, 207, 209.
- Друз, Луи — V, 48.
- Дрэйк, Френсис — IX, 174.
- Дуисберг (приятель Гейнс) — VII, 98 (*профессор Д...г*), 183; X, 108—109, 135.
- Дуллер, Эдуард — X, 77.
- Дункер (издатель) — V, 57.
- Д'Эрбуа, Колло. — См. Эрбуа, Колло.
- Д'Эсте. — См. Эсте.
- Дюбарри, Мари-Жанна — II, 301, 302; V, 222, 292.
- Дюбоше, Жак-Жюльен — VIII, 236; X, 30, 232—233.

- Дювейрье, Шарль — VIII, 201.
- Дюдеван, Аврора. — См. Санд, Жорж.
- Дюдеван, Морис — VIII, 41.
- Дюдеван (муж Жорж Санд) — VIII, 41.
- Дюдеван-Клезингер, Соланж — VIII, 41.
- Дю Дефан, Мари — VI, 67.
- Дюма, Александр — III, 98; VII, 268, 270—272, 280, 282, 411—412, 424 («Нельская башня»); X, 359—361, 394—398.
- Дюмлер, Фридрих-Георг-Георг-Фердинанд — I, 331; IV, 312; IX, 296, 297, 334, 400, 428, 429, 432, 433, 441, 443; X, 16.
- Дюмон, Луи — V, 377.
- Дюпен, Андре-Мари — V, 325, 398, 416; VIII, 105, 106.
- Дюпен (отец Жорж Санд) — VIII, 41.
- Дюпен (танцовщица) — VIII, 41.
- Дюпоншель, Эдмон — VII, 135, 298—301; VIII, 70.
- Дюпоти, Мишель-Огюст — VIII, 159.
- Дюпре, Жильбер-Луи — VII, 237; VIII, 307; IX, 193.
- Дюпоитрен, Гийом — VIII, 221.
- Дюрер, Альбрехт — IX, 469.
- Дюфор, Арман-Жюль — VIII, 147.
- Дюшен. — См. Эбер, Жак-Рене.
- Евгений Лейхтенбергский (принц) — IV, 94.
- Евгения (приятельница Ф. Лассалья) — X, 195.
- Евдокия (жена византийского императора Арнадия) — VI, 23.
- Еврипид — VI, 195, 196, 197.
- Езра — VII, 193.
- Екатерина Арагонская — VII, 365.
- Екатерина II (русская царица) — IV, 226; VII, 12; IX, 186.
- Елена Мекленбургская (герцогиня Орлеанская) — VIII, 185.
- Елизавета (английская королева) — V, 128; 151; VII, 144, 310, 367.
- Елизавета (венгерская принцесса) — VIII, 62, 64.
- Жаль (журналист) — V, 193.
- Жанен, Жюль-Габриель — V, 376; VIII, 299.
- Жанлис, Стефани-Фелисите — V, 269; VIII, 25.
- Жан-Поль (Иоганн-Пауль Рихтер) — V, 30, 62, 88, 97, 147; VI, 110, 163, 244, 245—247; VII, 9, 14, 270; IX, 284 («Озорные годы»), 351, 389.
- Жанна д'Арк — V, 409 (Орлеанская дева), 411 (la Pucelle); VII, 354; VIII, 140.
- Жасмен, Жаку — IX, 110.
- Женуд, Антуан-Эжен — V, 271.
- Жерар, Франсуа — V, 223.
- Жерико, Теодор — V, 223.
- Жирарден, Дельфина — VII, 425.
- Жирарден, Эмиль — X, 47 (*один из лучших моих друзей*).
- Жиро де л'Эн, Луи-Гаспар-Амадей — V, 331, 332.
- Жирод-Триозон, Анн-Луи — V, 223.
- Жиске, Анри — IX, 166, 546.
- Жихлинский, Рихард — X, 378 (*мой отец*).
- Жоанно, Альфред — V, 206.
- Жоанно, Тони — V, 206, 224; VII, 152—153; X, 346.
- Жюбер, Каролина — VI, 364 (*одна великосветская дама*); IX, 563—564; X, 174, 223, 226—227, 234—235.
- Жорж, Маргарита — V, 136; VII, 280, 282; IX, 104.
- Жорж Санд. — См. Санд, Жорж.
- Жуффруа, Теодор — VIII, 266.
- Жюлиа, Анри — X, 345.
- Жюльен, Станислас-Эньян — IX, 138.
- Заломон (проповедник гамбургской синагоги) — IX, 330, 399.
- Занд, Карл — VIII, 40.
- Зейбольд (приверженец Л. Берне) — VII, 67 (*капитан З.*).
- Заальфельд, Иоганн-Христиан-Фридрих — IV, 124, 127.
- Завадная (антриса) — V, 113.
- Завадский (актер) — V, 114.
- Заноский (сапожник) — VI, 211.
- Замойские (польский дворянский род) — V, 99, 107.

- Зейдлер (оперная певица) — V, 48, 52.
 Зейдлиц, Фридрих-Вильгельм — V, 36.
 Зейме, Иоганн-Готфрид — IV, 214.
 Зейферт, Генрих — X, 131—132, 135, 137, 173, 178, 198, 218, 261, 312, 314.
 Зеллгман (Земмельман), Ипполит-Проспер — VIII, 305.
 Зельден, Камилла (Элиза Криниц, Мушка) — III, 299, 300, 300 («*Вместо дел — засилье слова!..*»), 301 («*Пытай меня, избей бичами...*»); X, 401, 402, 403—404, 404, 406, 406, 407, 408—409, 410, 411, 412.
 Земмлер, Иоганн-Соломон — VI, 81.
 Зете, Христиан — I, 50 (*Христиан З.*), 189 (*Христиан З.*); IX, 257—259, 259—264, 266 (*Статский советник*), 282—284, 290, 293, 295, 295—296, 315, 444, 455, 473.
 Зибенпфейфер, Филипп-Якоб — V, 351; VII, 74.
 Зибольд, Филипп-Франц — IX, 138.
 Зивеккинг, Карл — IX, 409; X, 94, 158, 184, 194.
 Зивинген, Франц — III, 86.
 Зимрок, Карл — IX, 30, 33, 402—404, 411—412.
 Зихель (врач-окулист) — VII, 90; X, 31, 51.
 Зобернгейм (знакомая Гейне) — IX, 325.
 Зольгер, Карл-Вильгельм-Фердинанд — VI, 192.
 Зоммер (профессор) — VI, 113.
 Зонтаг, Генриетта — III, 104, 205; IV, 316; VII, 19; IX, 518.
 Зульцер, Георг — VI, 85.
 Иаков I — V, 151; VII, 310, 368.
 Ибекельхен (служанка семьи Гейне) — IX, 334, 335.
 Иллер (профессор) — V, 63.
 Иегуда бен Галеви — III, 111, 114—140, 158, 309.
 Иедутап — III, 158.
 Иениш (приятельница Г.-Ж.-Г. Пюклер-Мускау) — X, 362.
 Иероним Блаженный — VII, 143.
 Изабелла Кастильская — I, 204, 207, 208, 213, 251; V, 473; VII, 366, 393.
 Иммерман, Карл-Леберехт — IV, 93, 95, 105, 175—176, 177, 186, 235, 300 (*поэт говорит о нем...*), 305; V, 121, 139, 350; VI, 181—182, 258; VII, 238, 252; IX, 289—292, 293—295, 296, 296—298, 304—308, 315—319, 320, 324, 342, 344, 355, 360, 375, 378, 407, 423—425, 434, 443, 476, 482—484, 485—488, 490, 491—493, 498, 514, 530—533; X, 34, 102, 102, 155, 323.
 Иоанн Австрийский (эрцгерцог) — III, 205—207 («*Ганс Безземельный*»)
 Иоанн I Безземельный — III, 205.
 Иоанн Лейденский — II, 277 (*король портных*); VI, 40.
 Иоанн Люксембургский — VII, 360 (*седой божеский король*).
 Иовни, Вильгельм — X, 254, 357.
 Иоганн (Ян)-Вильгельм (пфальцский курфюрст) — IV, 112, 113; V, 35.
 Иордан (прусский дипломат) — V, 64.
 Иосиф Флавий — VII, 387.
 Иост, Исаак-Маркус — IX, 329, 368.
 Иости (берлинский кондитер) — V, 35, 81.
 Иохмус (Иохма; знакомая Гейне) — IX, 347, 352 (*султанша, повелительница Люне*), 397.
 Иошуа бен Сирах бен Елизээр — VI, 19.
 Ирвинг, Вашингтон — IX, 375.
 Ирод — II, 226; III, 25, 144, 208; VII, 387.
 Иродиада — II, 226—228, 230—231; III, 25, 303; IX, 82.
 Итцинг, Натан — IX, 328.
 Ифланд, Август-Вильгельм — IV, 306; V, 277; VI, 158; VII, 267 (*ифландизм*).
 Ихтрич. — См. Юхтрич, Петер-Фридрих.
 Кабанис, Пьер-Жан-Жорж — VIII, 175.
 Кабе, Этьен — VIII, 31.

- Кавеньян, Годфруа — V, 271, 273, 380, 405.
- Кадудаль, Жорж — VIII, 92.
- Казанова, Джованни-Джакомо — V, 85, 86; IX, 354, 396.
- Казимир Апсбахский (маркграф) — V, 371.
- Казимир III (польский король) — V, 96.
- Кай (древнеримский юрист) — IX, 351.
- Кай Марций — VII, 332.
- Каламатта, Луиджи — VIII, 102.
- Калерги, уронд. Нессельроде (графиня) — III, 13 (*Бьянка*).
- Калигула — VII, 344.
- Калидаса — IV, 107, 321 (*«Сакрیتالала»*); VII, 378; IX, 9—10 (*«Сакрیتالала»*), 160—161 (*«Сакрیتالала»*).
- Калиостро, Александр (Джузеппе Бальзамо) — VIII, 174.
- Калло, Жак — VII, 302.
- Кальдерон, Педро — V, 102; VI, 159; VII, 271.
- Кальнбреннер, Фридрих-Вильгельм-Михаэль — VIII, 209—211.
- Кальмонюс (финансист) — IX, 28, 29, 63, 196; X, 196, 268.
- Кальмонюс-Фридрих. — См. Фридрих (Фридрих), Фердинанд.
- Камюзе, Луис — VII, 118.
- Кампе, Иохим-Генрих — IX, 500.
- Кампе, Наполеон — IX, 569 (*семский Наполеон*), 580; X, 30.
- Кампе, Юлиус — I, 327; II, 267, 314, 315; IV, 249, 308; VII, 11—12, 156, 160; VIII, 7; IX, 8, 111, 412, 415, 418, 419, 420, 425, 428, 429, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 441, 442, 443, 447, 448, 453, 464, 483, 489, 491, 492, 511, 512, 533—534, 536, 538, 540, 552, 560—562, 567, 576, 576—581, 582—585, 586, 587, 596—598; X, 7—10, 12—13, 13—15, 15—17, 17—19, 26, 27, 30—31, 37—40, 51, 57—59, 64—66, 66, 68, 69, 70, 72—73, 74—85, 85—88, 90—93, 93—95, 96, 97—98, 98—99, 99, 100, 103—105, 105—106, 107, 108, 110—111, 121—122, 122, 124—126, 135, 147 (*мой издатель*), 147—150, 152—153, 154—157, 158—160, 160—163, 164, 168, 169, 170, 171, 172, 174—177, 182, 183, 187—189, 200—202, 205, 206—209, 210, 214—217, 219—221, 223—225, 230—231, 244—245, 247, 251—253, 255—258, 260, 263, 266, 281, 282—283, 283—286, 286—288, 289—290, 291—294, 294—296, 299, 305—309, 309, 315, 315—321, 322—323, 323—325, 325—328, 328—330, 331—335, 335—337, 338—342, 346, 347—351, 351—352, 353—357, 357—359, 361, 362, 362—366, 367, 367—369, 369, 370—371, 372—374, 375, 375—376, 376—377, 378—379, 379—380, 381, 382—383, 383 (*мой издатель*), 385—387, 387—388, 389, 390—394, 404—405.
- Кампи, Карл-Альберт — V, 60; VI, 220.
- Кангранде (Скалигер). — См. Скалигер.
- Канина, Фузия — IV, 11.
- Кашинг, Джордж — IV, 225, 392, 395, 408, 415, 416, 419 (*Рейс Эрфенди*), 422; V, 283, 284, 288—291, 345; VIII, 146; IX, 437, 439, 452.
- Канова, Антонио — II, 315; III, 98; IV, 257.
- Кант, Иммануил — II, 279; IV, 31, 89; V, 138, 154, 239 (*«Критика чистого разума»*); VI, 56, 65, 68, 92—93, 96—115, 117, 124, 128, 130, 132, 133, 134, 137, 138, 216, 274, 275—276; VII, 185; VIII, 145, 174, 223, 280, 282; IX, 94, 124, 158.
- Канель. — См. Лафарк, Мари.
- Капфиг, Раймон — VIII, 238, 243.
- Караваджо, Микеланджело — IV, 268 (*Карраваттио*).
- Караччи, Агостино — IV, 232, 268 (*Карраттио*).
- Караччи, Аннибал — IV, 232, 268 (*Карраттио*).
- Караччи, Лодовико — IV, 232, 268 (*Карраттио*).

- Карл I (английский король) — III, 21—22, 269; IV, 385, 431; V, 148, 151, 209, 210 (*король*), 211, 212, 213, 214, 217; VI, 76, 179; VII, 249, 311; VIII, 156, 157.
- Карл IV (испанский король) — VIII, 237 (381).
- Карл V (император) — IV, 18; VI, 41 (*молодой император*); VII, 144; VIII, 58; IX, 36.
- Карл X (французский король) — II, 222; V, 241, 255, 272, 292, 296, 300; VI, 270; VII, 47, 269; VIII, 105, 106, 183, 255, 273.
- Карл Великий — I, 44; II, 244, 272, 304, 324 (*Carolus Magnus*); IV, 206, 239; V, 164, 240, 241, 371, 426, 427; VI, 149, 267, 281, 306; VII, 47, 144, 158; VIII, 116; X, 319.
- Карл (герцог Брауншвейгский) — V, 241; VI, 42, 212, 382; VII, 212; IX, 462.
- Карл Мекленбургский — V, 45.
- Карл (прусский принц) — V, 51, 73.
- Карл Смелый — V, 61.
- Карл-Август — VI, 186 (*великий герцог Веймарский*).
- Карсен (актер) — V, 111, 112.
- Карсен (актриса) — V, 112.
- Карманьола (Франческо Буссоне) — VII, 393.
- Карно, Ипполит — VIII, 266.
- Карно, Лазар-Никола — V, 107.
- Каровэ, Фридрих-Вильгельм — VI, 164.
- Каролина (английская королева) — IV, 414, 420 (*султанша*); IX, 275.
- Каролина-Матильда (датская королева) — V, 127, 135.
- Карпелес (знакомый Гейне) — X, 261.
- Карпократ из Александрии — V, 42.
- Каррель, Арман — V, 393, 405.
- Каррем, Мари-Антуан — V, 261; VIII, 221.
- Картуш. — См. Бургиньон, Луи-Доминик.
- Карш (Каршин), Анна-Луиза — II, 301; VII, 241.
- Каспри (Лондондерри), Роберт-Стюарт — IV, 127, 395, 416, 422, 423; VII, 170; IX, 97.
- Кассни — II, 183; III, 82, 83; VII, 30, 335, 336, 337, 343.
- Кастро, Аурелия — X, 128, 144, 147, 165.
- Каталани, Анжелика — IV, 333; V, 122; VI, 198.
- Катиллина — IV, 123; V, 390; VII, 22; IX, 134.
- Катоц, Мари Порций — IV, 295; VII, 337; VIII, 166 (*усулю-катоновский вид*), 230.
- Каульфус (автор книги «О духе польского языка и польской литературы») — V, 107.
- Каэтан (кардинал) — VI, 41 (*представитель римлянина*).
- Гауфман (публицист) — X, 109.
- Квинтиллиан, Мари Фабий — IX, 204.
- Кеведо, Франсиско — VII, 145.
- Кейт, Якоб — V, 36.
- Келен, Глацинт-Луи — V, 319, 355.
- Келер (актер) — V, 112.
- Келле, Христоф-Фридрих — II, 149, 238; VII, 97.
- Келлер (Хартман), Эрнст-Христиан-Август — V, 44; IX, 285—286, 286—289.
- Кембден (маркиза) — VII, 170.
- Кембриджский (герцог Кембриджский) — IV, 21.
- Кениг, Генрих — X, 79.
- Кенигсвартер (банкир) — X, 178, 209.
- Кенигсмарк, Аврора — VIII, 41.
- Кентерберийский (архиепископ Кентерберийский) — IV, 393, 419 (*первый муфтий*).
- Кеплер, Иоганн — VII, 157.
- Кернф (гностик) — VI, 24.
- Кернер, Карл-Теодор — II, 272; V, 77, 112 (*«Розамунда»*), 165.
- Кернер, Юстинус — II, 109, 238; VI, 265, 342; VII, 158.
- Кертбени, Карл-Мари — X, 245—244.
- Керубини, Луджика-Сальваторе — V, 355; IX, 234.
- Кеснер (биржевой спекулянт) — V, 276, 277.
- Кефалидес, Август-Вильгельм — IV, 214.
- Кехи, Карл — V, 86; IX, 291.
- Килиан (портной) — IV, 113, 114.

- Кин, Эдмунд — IV, 240, 389—390; VII, 272—275, 314.
- Кинг (лорд) — IV, 419.
- Кинд, Фридрих — I, 314.
- Кине, Эдгар — VI, 341—342; VIII, 253, 256—260, 277.
- Киншот, Людовик — IV, 137.
- Кир — III, 126; VI, 204; VII, 64.
- Кирилл (архиепископ александрийский) — VI, 23.
- Кирога, Антонио — I, 244.
- Китц, Эрнст-Бенедикт — X, 325—326, 330.
- Киплер, Генрих — VI, 311—312, 313, 315, 316.
- Кларот, Юлиус-Генрих — IX, 576.
- Клаудиус, Матиае — IV, 45.
- Клаурен, Генрих (Карл-Готтлиб Хойн) — IV, 57, 74, 146, 294; V, 30, 79, 112 («Состояние стрельков»); IX, 159, 180, 344, 351, 361, 376, 381.
- Клезингер, Жан-Батист-Огюст — VIII, 41.
- Клезингер, Соланик. — См. Дюдеван-Клезингер, Соланик.
- Клей (проповедник гамбургской синагоги) — IX, 330, 336.
- Клейн, Бернгард — V, 45, 55.
- Клейн, Иозеф — V, 81; IX, 283, 284, 338.
- Клейст, Генрих — IV, 105; V, 33, 46, 61; VII, 252; IX, 158, 396, 398, 415, 419; X, 34, 256, 323.
- Кленке, Каролина-Луиза — II, 301.
- Кленце, Лео — IV, 166, 168 («Лео»), 214.
- Клеомен III (спартанский царь) — V, 360.
- Клеопатра — III, 126, 129; IV, 117; VII, 338—343, 419—420; VIII, 40; IX, 34, 82.
- Клингеман, Эрнст-Август-Фридрих — IX, 291.
- Клиндворт (дипломат) — V, 60; VIII, 238 (немецкий ученый из Геттингена, советник посольства).
- Клинзник (книгопродавец) — X, 391.
- Клоштон, Фридрих-Готтлиб — I, 303; II, 87, 318; IV, 294; V, 441; VII, 279; VIII, 295; IX, 102, 163, 205, 258.
- Клотильда (приятельница Матильды Гейне) — X, 165.
- Клотц, Христиан-Адольф — VI, 88.
- Книгге, Адольф-Фридрих-Франц-Людвиг — V, 87.
- Книппердоллинг, Бернд — IX, 315.
- Коббет, Вильям — IV, 393, 395, 401—403, 407; V, 291; VII, 353.
- Кобенцль, Иоганн — VII, 12.
- Коблер (танцоры) — V, 84.
- Кобург-Заальфельд, Фридрих — VIII, 32.
- Козловский, Петр Борисович — IX, 426.
- Кок, Шарль-Поль — V, 355; VII, 267.
- Коленкур, Арман-Огюстен-Луи — IV, 94.
- Колле, Луиза — VII, 425.
- Коломб (танцовщица) — V, 379.
- Колумб, Христофор — III, 50 (Кристоваль Колумбус), 52, 53, 54, 225, 312; V, 80; IX, 52, 193.
- Кольбе, Густав — II, 293; IV, 302; VIII, 9 (любимый мой друг), 67 (любимый друг моей юности); IX, 461, 479—480, 523, 524, 526, 535; X, 44, 100, 111—113, 129, 142—143, 153—154, 157, 172, 173—174, 177—178, 195, 217, 221—222, 242—243, 278—281, 300—301, 310—312, 331, 348, 382, 385—386, 389.
- Кольбе, Карл-Вильгельм — V, 64.
- Кон, Густав-Герзон — IX, 323, 329, 333, 336, 398, 399, 401, 405, 422 (г-н Г.-Г. Простодилля).
- Конгрив, Вильям — IV, 56.
- Конде, Луи — V, 187.
- Кондильяк, Этьен-Бонно — VI, 60; VIII, 175.
- Коврадин. — См. Гогенштауфены.
- Констан, Бенжамен — V, 337; VIII, 56, 58; IX, 180.
- Константин (римский император) — VII, 269; IX, 35, 146.
- Константин Павлович (великий князь) — IX, 186.
- Конти, Арман — V, 187.
- Конфуций — II, 117.
- Коперник, Николай — VI, 101.
- Корвизар (врач Наполеона) — V, 214.

- Корефф, Иоганн-Фердинанд — I, 312; V, 44—45, 56, 63; VIII, 210; IX, 523, 538.
- Кориолан — VII, 332—334.
- Корменен, Луи-Мари — VIII, 31, 319.
- Корне (директор театра) — X, 292, 296.
- Корнеллий Непот — IV, 151; VI, 239 (*знаменитый историк*).
- Корнелиус Амстердамский — VI, 295.
- Корнелиус, Петер — II, 143, 144, 291; III, 84; IV, 231—232.
- Корнель, Пьер — VI, 195; VII, 267.
- Корнман, Генрих — VI, 321, 322, 323, 325.
- Корнуэлский (маркиз Корнуэлский) — VII, 174.
- Корреджо (Антонио Аллегри) — IV, 268 (*Корреттино*); V, 104.
- Кортес, Фернандо — III, 52, 53, 54, 55, 56, 58, 59, 63, 219, 227, 312.
- Космели (автор книги «Безобидные заметки о путешествии по части России и Турции») — V, 43, 63.
- Кост, Жак — V, 393.
- Костюшко, Тадеуш — V, 94, 100, 101.
- Котта, Иоганн-Георг — IX, 565—567, 585—586; X, 8, 32, 35, 36—37, 73, 126, 129—131, 132—133, 135, 137, 163, 195, 221, 310, 337, 348, 349, 385, 388, 389, 390.
- Котта, Иоганн-Фридрих — IV, 282, 292, 301; VII, 11, 31, 97, 243; IX, 168, 374, 378, 440, 442, 443, 448, 457, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 468, 469, 473, 477, 479, 480, 480—481, 484, 486, 489, 499, 518, 522—523, 523—525, 526, 534—536; X, 155.
- Котта (жена предыдущего) — IX, 457, 461, 481, 486, 499, 525.
- Кохун (Кохун), Патрик — IV, 402.
- Коцебу, Август — II, 273 (*«Иоганна фон Монфоко»*); IV, 49 (*«Ненависть к людям и раскаяние»*), 96; V, 77 (*«Иоганна де Монфоко»*), 111 (*«Забота без нужды...»*), 113; VI, 158, 186; VIII, 40; X, 70.
- Кошле (французский консул в Александрии) — VIII, 79, 80.
- Коэн, Жюль — X, 13, 15—16 (*здесь — банкир*), 23, 69.
- Крамер (преподаватель лицея в Дюссельдорфе) — IX, 551.
- Крамер, Карл-Готтлиб — V, 90.
- Кранах, Лука — IV, 26.
- Крауз-Вранцикая (оперная певица) — IX, 487.
- Краузе, Карл-Христиан-Фридрих — VIII, 270.
- Кребильон, Клод-Проспер-Жолио — V, 222, 417.
- Крейзер, Иоганн-Петер — V, 82, 121.
- Крейцер, Георг-Фридрих — VIII, 260.
- Крейцер, Конрадин — VIII, 213—214.
- Крелингер. — См. Штих-Крелингер, Августа.
- Кремье, Адольф — VIII, 54, 79, 118, 221.
- Криниц, Элиза. — См. Зельден, Камилла.
- Кромвель, Оливер — IV, 379, 387; V, 209, 210, 213, 214, 215, 216, 217, 218; VI, 76; VII, 265; VIII, 157.
- Кронье (директор театра) — X, 55.
- Круг, Вильгельм-Трауготт — IV, 321.
- Крюденер, Амалия — IX, 478—479.
- Ксантиппа — III, 191 (*Ксантиппа*); IX, 188.
- Ксенофонт — V, 329.
- Ксеркс I (персидский царь) — VIII, 237 (*Агасфер*); IX, 408.
- Ктезий из Книда — VII, 85.
- Кувре, Луве — IV, 432.
- Кузен, Виктор — II, 121 (*французский попугай*); VI, 135 (*великий эклектик*), 216, 272—277; VII, 427; VIII, 26 (*министр просвещения*), 142, 144—145, 266—270, 277, 279, 280; X, 319, 320.
- Кук, Эдвард — VII, 171.
- Кульмус, Луиза — VII, 320 (*жена Готтиеда*).
- Кумберлендский (герцог Кумберлендский) — V, 71.
- Кун, Фридрих — I, 314; V, 45.
- Куниц фон дер Розен — IV, 434—436.
- Купер, Фенимор — IV, 92.
- Куранда, Игнац — X, 185, 377, 386.

- Курлепдер, Франц-Август — V, 111.
(«Объявление в любви»).
- Куровский-Эйхен, Фридрих — V, 31.
- Куртеснус из Падуи — IV, 136.
- Курций — IV, 151.
- Курье, Поль-Луи — VII, 91—92.
- Кювье, Жорж — IV, 303; V, 334.
- Кюжа, Жан — IV, 13 (*Кюжцус*).
- Кюн, Софии — VI, 220 (*полая дама, болевшая чахоткой*).
- Кюне, Густав-Фердинанд — X, 71—72, 100, 109.
- Кюстер (обер-синдик) — IX, 430.
- Кюстин, Астольф — IX, 186.
- Лабинский (часовщик) — V, 62.
- Лаблан, Луиджи — VIII, 135—136, 304 (*величайший бас Итальянской оперы*).
- Лагир (директор театра) — IX, 104.
- Лагранж, Эдуард — IX, 536—537; X, 227—229.
- Ладвока (издатель) — VII, 415.
- Лайет (книготорговец) — X, 329, 351, 386.
- Лайэл, Роберт — IX, 432.
- Лаланд (адмирал) — VIII, 99.
- Лакло. — См. Шодерло де Лакло, Пьер-Амбруаз-Франсуа.
- Ламарк, Жан-Батист-Пьер-Антуан — IX, 231 (*одни зоолог*).
- Ламарк, Максимилиан — V, 357—359, 380, 381, 386, 394.
- Ламаргини, Альфонс-Мари-Луи — V, 275, 355; VIII, 58—59, 93, 218, 282; X, 228—229.
- Ламенне, Фелисите-Робер — VII, 16, 99, 101, 303; VIII, 34 (*ужасный священник*), 113, 160, 323—324, 326; X, 88.
- Ламетри, Жюльен-Офре — VI, 60.
- Ламие (слуга Капта) — VI, 97, 105, 106.
- Ланганс, Йоганн-Готгард — V, 42.
- Ланггоф (издатель) — IV, 140.
- Ланкло, Пинно — IX, 131.
- Ланкр, Пьер — IX, 43.
- Ланье (врач и публицист) — VIII, 218.
- Ларонжаклен, Анри-Огюст — VIII, 140.
- Ларошфуко, Франсуа-Александр — VIII, 175; IX, 278.
- Лас Казес (Ласказ), Эммануэль — IV, 88, 127; IX, 429.
- Лассаль, Фердинанд — X, 123 (*автор статьи*), 191, 193—196, 196—199, 250, 270—271, 272.
- Лассаль, Хайман — X, 248—251, 272, 273, 274.
- Лассен, Христиан — VI, 192.
- Лассо, Эрнст — V, 31.
- Лаубе, Генрих — II, 181; VI, 244—245; VII, 160, 197; VIII, 44, 321—323; IX, 538—541, 573—576; X, 59—61, 63, 68, 68—71, 90, 97, 99, 99—102, 102—103, 106, 106—109, 131—134, 134—135, 135—137, 137—139, 156, 159, 184—186, 205—206, 207, 212, 216, 245—248, 256, 258—262, 262—264, 265, 280, 350, 405.
- Лаубе (жена предыдущего) — X, 71, 133, 205, 248, 262, 264.
- Лаумель (граф) — VI, 267.
- Лаун, Фридрих — IX, 344.
- Лаура (возлюбленная Петгарки) — II, 86—87; III, 122; VII, 84.
- Лаутенбахер, Игнац — IV, 290; IX, 480, 481 (*превосходный молодой человек*).
- Лафайет, Мари-Жозеф — II, 247; IV, 20; V, 156, 157, 260—268, 302, 337, 355, 357, 369, 381, 386, 394, 399—400, 425, 471; VI, 275, 277; VII, 47—48, 54, 82, 94, 104, 125; VIII, 25, 58, 116, 175, 231, 305; IX, 101, 104, 182.
- Лафарж Шарль — VIII, 95.
- Лафарж (Капель), Мари — VIII, 94—96.
- Лафитт, Жан — V, 360; VIII, 181.
- Лафонтен, Август-Генрих-Юлий — V, 211; VI, 157.
- Лафонтен, Жан — VI, 389; VIII, 93; IX, 520.
- Лебен, Отто-Генрих — V, 121.
- Лебре, Альбрехт — IX, 499; X, 280.
- Лебрен, Карл-Август — V, 78; IX, 487.
- Лев X (папа римский) — VI, 36, 37, 154.
- Лев XII (папа римский) — V, 186 (*нынешний папа*).

- Левальд, Август — VII, 235, 243, 257, 258, 267, 273, 278, 280, 285; IX, 514, 563, 585—586, 591—593, 596; X, 10—12, 19—20, 22, 39, 43, 44—50, 65, 98, 123—124, 311, 368.
- Левальд, Фанни — X, 256, 261.
- Левассер (невсц) — IX, 592.
- Левассер, Тереза — IX, 90; X, 86.
- Леве (артистка) — VIII, 135, 136.
- Леве-Веймарс, Адольф-Франсуа — VI, 219; IX, 535.
- Левенталь (книготорговец) — X, 138.
- Леви, Давид — IX, 328.
- Левин, Мишель — X, 384, 387, 391, 403, 409—410, 412.
- Левин (лицейский товарищ поэта) — IX, 258.
- Лейбниц, Готфрид-Вильгельм — V, 138; VI, 56, 61—64, 66, 74, 76, 80, 98, 129, 132; IX, 124.
- Лейен (автор книги о судебном процессе П.-А. Фонга) — V, 82.
- Лейн (генерал-лейтенант) — VII, 174.
- Лейтгольд (журналист) — V, 80.
- Лейтнер (актриса) — V, 112, 113.
- Леле, Адольф — VIII, 290.
- Леломм (балерина) — VIII, 292.
- Лемаи, Генрих — III, 259.
- Леман, Иозеф — IX, 323, 325, 325—327, 333, 337, 345, 366, 368, 369, 374, 402, 445, 473, 517; X, 383—385.
- Леметр, Фредерик — VII, 272, 275.
- Лемлей, Бендхамен — IX, 7, 8, 25, 75; X, 210—211, 215, 287.
- Лемьер (тащовица) — IV, 50, 252.
- Ленау (Нимби фон Штреленау), Николаус — VII, 160; IX, 163.
- Ленотр, Андре — V, 256, 257; VIII, 164.
- Ленц (актер) — IX, 483.
- Лео, Август — VIII, 224—226; X, 9, 13 (*мой единственный банкир*), 94, 105, 126, 129, 149, 202, 224.
- Лео (жена предыдущего) — X, 380.
- Леолардо да Вилчи — I, 312; VI, 364; IX, 471.
- Леолид (спартанский царь) — VII, 114; IX, 106.
- Леопольд I (князь Ангальт-Дессау) — IV, 122 (*Дессауский маркиз*); V, 35 (*старый Дессауер*); VIII, 214.
- Леру, Пьер — VII, 427; VIII, 43, 174, 265—271; IX, 108 (*седьмой выдающийся французский мыслитель*).
- Лесбридж, Томас — IV, 406, 408.
- Леске, Карл-Вильгельм — X, 156.
- Лесман, Даниэль — IV, 214.
- Лессинг, Готхольд-Эфраим — I, 312; II, 242 (*«Эмилиа Галотти»*); IV, 265 (*Натали Мудрый*), 294, 303; V, 22, 39, 100, 111; VI, 83, 86—92, 155—157, 158, 163, 165; VII, 91, 319—320, 341; IX, 156—157, 173, 282; X, 10.
- Лессман (знакомый Гейне) — IX, 369, 374, 422, 446, 473.
- Лессор, Эмиль-Обер — V, 179, 197.
- Лесюэр, Эстали — V, 223.
- Летбридж, Томас — V, 290.
- Летиция. — См. Бонапарт, Летиция.
- Петроп, Жан-Антуан — VIII, 221.
- Либашин из Антиохии — VI, 314.
- Линбер (знакомый Ю. Кампе) — IX, 437.
- Либшиц (студент) — V, 39.
- Ливсруль, Роберт — IV, 395, 419 (*великий вицарь*).
- Лизер, Иоганн-Петер — VI, 36—366.
- Линбург — VIII, 105, 284.
- Линд, Йенни — VIII, 314—316; IX, 7 (*шведский соловей*).
- Линднер, Фридрих-Людвиг — IV, 311; IX, 448, 452, 457, 460, 462, 465 (*известное вам лицо*), 478, 479, 480, 553; X, 280.
- Линднер (жена предыдущего) — X, 280.
- Линшей, Карл — IX, 103, 157.
- Линь Цза-сюй — VIII, 161, 162.
- Линь, Шарль — V, 86.
- Лионне, Пьер — IV, 317.
- Линше (банкир) — V, 63; IX, 322, 333.
- Липперт (спекулянт) — X, 337.
- Лист, Ференц (Франц) — II, 263, 276; III, 104, 205 (*венгерский крупнейший пианист*), 257; VI,

- 392; VII, 301, 303—304; VIII, 44, 132—133, 209, 299, 300—303; X, 157, 369.
- Лихновский, Феликс — II, 186 (*Шпанганский*), 241 (*Шпанганский*).
- Лихтенберг, Георг-Христоф — V, 286; VII, 324; IX, 409.
- Лихтенштейн, Мартиц-Генрих-Карл — IV, 49, 170.
- Лобрау (португальский посланник в Берлине) — V, 64.
- Лод, Уильям — VIII, 156 (366).
- Ложье, Иоганн-Бернгард — V, 63.
- Ложье, Вильгельм — IX, 368—369, 370.
- Лойола, Игнасио — VIII, 22, 254; IX, 134.
- Локк, Джон — VI, 60—61, 64, 66, 129.
- Локуста — V, 182.
- Лонгвиль, Анри — V, 187.
- Лонгин Кассий — VII, 42.
- Лонгмен (издатель) — VII, 168.
- Лондондерри. — См. Каслри, Роберт-Стюарт.
- Лорен (австрийский консул в Дамаске) — VIII, 78.
- Лотарингский (герцог Лотарингский) — VI, 30.
- Лотнер (лицейский товарищ поэта) — IX, 259.
- Лоу, Гудсон — IV, 127, 385, 386; V, 162, 218; VIII, 70.
- Лоц (переводчик В. Скотта) — V, 57.
- Луве де Кувре, Жап-Батист — V, 417.
- Луи, Жозеф-Доминик — V, 277, 330.
- Луи-Наполеон (Бонапарт). — См. Наполеон III.
- Луи-Филипп — II, 246; III, 162; V, 182—183, 225, 226—227 (*король*), 228—233, 253—260, 269, 272, 279, 297, 299—303, 325 (*король*), 331, 336, 338—339, 349, 355, 360, 369, 382, 386, 387, 390—393, 396, 398—405, 408, 410, 411, 414—418, 425; VII, 101 (*некий бывший якобинец*), 361—362 (*один из замечательнейших наших коронованных современников*); VIII, 16, 17, 22—25, 29, 52, 85, 100—101, 103, 105—109, 124—125, 139—140, 160, 161, 184, 185, 186, 187, 194, 198, 202—204, 221—222, 226—227, 243, 244, 255, 261, 273, 300, 319; IX, 145, 180, 182, 186; X, 279, 333.
- Луи-Филипп-Жозеф. — См. Филипп Эгалите.
- Луи-Шарль-Филипп (герцог Немурский) — V, 307.
- Луини, Бернадино — IX, 549.
- Лукиан — V, 155.
- Лукреция — III, 97.
- Лукулл — IV, 135.
- Луллий, Раймунд — IV, 136 (*Раймундус Лулус*); VI, 183.
- Льюис, Мэтью-Грегори — V, 88.
- Людовиг I Баварский — II, 142—145, 263; III, 84 (*творец Валгаллы*); IV, 177; V, 364; VI, 255, 382; VII, 65, 159, 255; IX, 165; X, 94, 149, 266.
- Людер (студент) — III, 8.
- Людовик XI — V, 148; VI, 172.
- Людовик XIII — VII, 300; VIII, 57.
- Людовик XIV — V, 207, 222, 257, 371; VI, 155, 195; VII, 245; VIII, 164, 183, 221, 222, 263, 294 (*его двоюродный дед*); IX, 102.
- Людовик XV — II, 301, 302; VIII, 183, 204.
- Людовик XVI — II, 302; III, 269 (*Луи Канет*); IV, 14, 431; V, 210—211, 212 (*«Старый Ветю»*), 213, 242, 255, 298, 300, 331, 349 (*Людовик Канет*); VI, 381, 397; VII, 77, 88, 126; VIII, 25, 183, 254, 255; IX, 185.
- Людовик XVIII — IV, 127; V, 298; VI, 270; VIII, 92, 255.
- Людовик Святой — V, 339.
- Людовик (король голландский) — IX, 100.
- Лютвиц (журналист) — V, 44.
- Лютер, Мартин — II, 142, 275; III, 164, 291; IV, 95, 303; V, 36, 59, 101, 170 (*бедный монах*), 370, 371, 426; VI, 35—38, 41—55, 56, 74, 85, 87, 91, 123, 154, 167, 220, 308; VII, 38, 53, 98; IX, 28, 124, 165, 174, 581; X, 10, 316.

- Мабильон, Жан — IV, 136.
 Мазарини, Джулио — V, 207, 208, 281.
 Майер, Август — IX, 353.
 Майер, Иозеф — IX, 161 (*трезвый прозаический переводчик романов Скотта*).
 Майер, Карл — II, 149, 237, 272; VII, 158—159.
 Майер, Николаус — V, 31.
 Майер, Фридрих-Иоганн-Лоренц — IV, 214.
 Майер (знакомая Гейне) — IX, 418.
 Маймон, Соломон — VI, 65.
 Майнцер, Иозеф — IX, 558; X, 56.
 Манельдей, Фердинанд — IX, 208, 268.
 Макпавелли, Никколо — IV, 333; VIII, 310; IX, 467, 471.
 Максимилиан-Иозеф (курфюрст и король баварский) — IV, 113 (*отец*), 114, 115, 116; IX, 100.
 Максимилиан I (римско-германский император) — IV, 177 (*император*), 178, 434—436 (521); V, 115; VII, 212.
 Малибран, Мари-Фелисия — III, 191; V, 218; VIII, 134.
 Мальтиц, Готгильф-Август — X, 155, 341.
 Мальтиц, Фридрих-Аполлониус — V, 44.
 Мальфиль, Жан — VII, 280.
 Манассе-бен-Нафтали — VII, 108—109.
 Манессе, Рюдигер — VI, 220; VII, 88.
 Манефон (египетский жрец) — IX, 99.
 Манси, Иоганн-Доминик — VI, 22.
 Мансо, Джованни-Батиста — V, 14, 18.
 Маньен, Шарль — IX, 8.
 Марат, Жан-Поль — V, 73, 223, 273; VI, 70; VII, 57; VIII, 31, 94, 232, 259.
 Маргарита Наваррская — VI, 39.
 Марианна (трактирщица) — V, 427.
 Марий — V, 451; VII, 387.
 Мариньи, Ангерран — V, 330.
 Марио, Джузеппе — III, 191; VIII, 310—311.
 Мария-Антуанетта — II, 302; III, 22—24, 269; IV, 109; V, 135, 240, 255, 264, 281; VI, 389; VII, 122; VIII, 156; X, 306.
 Мария КрОВАЯ — V, 151; VII, 366.
 Мария-Луиза (испанская королева) — VIII, 237 (*его супруга, влюбившаяся в нос Годоя*).
 Мария-Луиза (французская императрица) — V, 240; VII, 351.
 Мария Стюарт — IV, 48; VIII, 156, 157.
 Мария-Терезия (австрийская императрица) — III, 23.
 Мария-Христина — II, 189 (*Донья Муньос*).
 Марк Аврелий Антонин — VIII, 24; IX, 146.
 Марк Антоний. — См. Антоний, Марк.
 Марк (гностики) — V, 42.
 Марий (парижский кондитер) — VIII, 145.
 Марко Поло — IX, 106.
 Маркс, Адольф — VII, 290, 291.
 Маркс, Жени — X, 171.
 Маркс, Карл — VI, 17; VIII, 235; IX, 119; X, 170—172.
 Маркс, Карл-Фридрих-Генрих — IV, 9.
 Маркс (издатель) — V, 116.
 Маркус, Людвиг — VII, 181—194; IX, 301, 323, 328, 333, 367, 374; X, 154.
 Марло, Кристофер — VII, 411; IX, 9, 31.
 Мармонтель, Жан-Франсуа — V, 270.
 Марме (знакомый Гейне) — IX, 545, 560.
 Марр (гамбургский ресторатор) — IV, 141; V, 427.
 Марраст, Арман — V, 262.
 Марс (журналист) — X, 302.
 Мартен (дрессировщик) — V, 327, 404.
 Мартенс, Ганс-Михель — IV, 121.
 Мартин, Джон — III, 59 (330); VII, 297.
 Мартин, Ричард — IV, 393.
 Мартиньян, Жан-Батист-Сильвер — V, 333.
 Мартиус, Иоганн-Георг — IV, 137.

- Масман, Ганс-Фердинанд — II, 121, 143, 144, 191, 192, 291; III, 84, 98, 160, 161, 266, 267; IV, 168—170 (*фигура, представшая перед нами*); VII, 79, 328; VIII, 247, 314; IX, 165; X, 298.
- Массильон, Жан-Батист — IX, 204.
- Мастино II (Скалигер). — См. Скалигеры.
- Матильда. — См. Гейне, Матильда.
- Маттисон, Фридрих — IV, 246 (*Под покровом сумерек, в молчании...*).
- Маурер (издатель) — IX, 293, 294, 369, 428, 432; X, 26.
- Маццерат, Христиан-Иозеф — III, 83.
- Мсбольд, Карл-Август — IX, 461, 480; X, 389.
- Медичи — VI, 354; IX, 165, 476, 479.
- Мейднгер, Иоганн-Валентин — IX, 101.
- Мейер. — См. Майер.
- Мейербер, Динакомо — II, 35, 150—152 (*Беер-Меср!.. Меер-Беер!*); III, 169 (*Динакомо*), 171, 245, 246 (*Бер-Мейер*), 259 (*Мейер-Бер, Мерин-Берий*), 265, 293; IV, 218, 343, 362 (*Роберт-Дьявол*), 410; VI, 360; VII, 133—135, 237, 287—298; VIII, 69—75, 111, 135, 136—138, 211, 302, 308, 309, 310 (*Динакомо Макьяселли*), 316; IX, 113, 172, 523 (*ее сын получил орден*), 557—560, 592 (*Динакомо*); X, 50—57, 188, 190, 243, 261, 266, 366—367, 380, 382, 395.
- Мейнар, Луи — V, 221.
- Мейнер, Альфред — X, 218—219, 261, 268, 274, 313—315, 342—343, 386.
- Мейстер (геттингенский профессор) — IX, 350, 362, 363, 364, 366, 371.
- Мейтленд (капитан) — IV, 87—88, 386.
- Мемиттош, Джеймс — V, 290.
- Мекленбург, Авраам — VIII, 224.
- Мекленбург (коммерсант) — VIII, 224.
- Мекленбург-Шверинский (принц Мекленбург-Шверинский) — V, 70.
- Меланхтон, Филипп — V, 36; VI, 43; IX, 28.
- Мелис (ассессорша) — IX, 397.
- Мелисанда (графиня Триполи) — III, 41—43, 124.
- Мельвиль, Роберт-Саундере — IV, 419 (*капитан-паша*).
- Мендельсон, Авраам — II, 301.
- Мендельсон, Доротея. — См. Шлегель, Доротея.
- Мендельсон, Иозеф (наборщик) — X, 189.
- Мендельсон, Иозеф (публицист) — X, 194.
- Мендельсон, Лия — II, 301.
- Мендельсон, Моисе — II, 203, 301; V, 81; VI, 84—85, 86, 90, 91, 190; VII, 182.
- Мендельсон, Ревенка — II, 301.
- Мендельсон-Бартольди, Феликс — II, 301; IV, 78; V, 48, 81; VII, 290—291 (*некий тусый еврей*); VIII, 73, 171, 173, 298, 299, 309; IX, 113.
- Мендисабаль (Мендисабель, Хуан) — II, 258; III, 127.
- Мендоса (архиепископ толедский) — I, 208.
- Мендоса, Диего — VII, 145.
- Мендоса, Раймондо — III, 63.
- Менотти, Чиро — V, 259.
- Менутулли, Мену — V, 63.
- Менцель, Вольфганг — II, 275, 320; III, 209, 298 (*охранник правительственных высот*); V, 138—150, 194, 266; VI, 167, 179; VII, 15, 43, 93—98, 160—161, 164; IX, 97, 166, 458, 459—461, 470, 473, 480, 487, 497 (*автор ругательной статьи*), 514—515, 573, 574—575, 577, 578—579, 588 (*один писатель*); X, 9, 14, 17, 17—18, 21, 26, 31, 35—36, 37, 60, 70, 77 (*итальянский доносчик*), 303, 320.
- Меншиков, Александр Сергеевич — X, 400.
- Мерике, Эдуард — VII, 159 (*з-и ****).
- Меркель, Фридрих — IX, 414—416, 417—420, 430—438, 441—443, 448—449, 529—530, 534; X, 255.
- Мерлен Мари — VII, 425.
- Мерлен де Дуэ, Филипп-Антуан — VIII, 142.
- Меровини — III, 133; IX, 104.

- Мерсье, Луи-Себастьян — V, 156.
 Мерфи, Никлас — VII, 171—174.
 Мессалина — IX, 120.
 Меттерних, Клеменс — IV, 225; V, 162, 240, 368; VII, 13, 14; VIII, 21 (*старый Симура*); IX, 97, 194, 300; X, 8, 12, 218.
 Метфессель, Альберт-Готлиб — IV, 51; V, 122—123; IX, 338.
 Мехмет-Али — VIII, 54, 65, 78, 86, 117—119, 127.
 Меценат — III, 259; IV, 140.
 Меццофанти, Джузеппе — IV, 250.
 Мигель (португальский король) — V, 165; VII, 104.
 Миддельгауптман (оперная певица) — V, 52.
 Миддлтон, Томас — VII, 369.
 Микеланджело Буонаротти — I, 312; V, 53, 220, 225; VI, 154, 354; VIII, 152; IX, 471.
 Миллер, Адам — V, 45.
 Мильдер (оперная певица) — V, 38.
 Миллтон, Джон — V, 41; VII, 118.
 Минье, Франсуа-Огюст-Марн — VI, 107; VIII, 120, 142—143, 174, 236, 258, 261—263, 278; IX, 562, 565, 593, 594 (*один из благороднейших сынов революции*); X, 239—240.
 Мира́, Крессенсия-Эженн. — См. Гейне, Матильда.
 Мирабо, Оноре-Габриэль — II, 107; III, 269; IV, 360; V, 156, 375—379; VII, 69, 70, 106, 122; IX, 253, 529.
 Мирис, Франц — IV, 374; V, 199, 225.
 Мирон (греческий скульптор) — V, 462.
 Митридат (царь понтийский) — VII, 22.
 Михаэлис, Эдуард — II, 313 (*продает бумаги*); IX, 435.
 Мишле, Жюль — VII, 178, 358; VIII, 253, 256—259, 277; IX, 547.
 Моген, Франсуа — V, 268, 340, 405.
 Мовер, Мозес — IV, 175; VII, 185—186; IX, 300, 301, 303, 305, 313, 321—325, 328, 329—334, 335—338, 339, 340, 342, 342—345, 355, 355—356, 363—369, 370—371, 372—374, 377—379, 386—389, 397—402, 404—406, 421—423, 439, 444—446, 454—455, 472—473, 481—482, 488, 498, 517.
 Мозес, Израэль — IX, 328.
 Мойрер, Герман — X, 170.
 Моле, Матье-Луи — VI, 15; VIII, 50, 201, 203.
 Мольер, Жан-Батист — II, 265; VI, 39, 194, 200—201; VII, 245, 415, 416; VIII, 268.
 Мольтке, Магнус — V, 153—166, 365, 366, 367; VII, 124, 125.
 Монмерке, Луи-Жан-Шикола — IX, 8.
 Монсиньи, Пьер-Александр — VIII, 312—313.
 Монталамбер, Шарль — VIII, 49, 62, 64; IX, 144.
 Монтальве, Март-Камиль — V, 351, 397, 398.
 Монтангло (переводчица В. Скотта) — V, 57.
 Монтею, Эмиль — X, 407—408.
 Монтез, Лола — X, 266—267.
 Монтестье, Шарль-Луи — IV, 351; V, 155; VII, 75; VIII, 39.
 Монтезума — III, 54, 55.
 Монтион, Жан-Батист-Робер — VIII, 82; IX, 95 (*монтнионская премия*), 182 (*монтнионская премия*).
 Мор, Томас — VII, 365.
 Морган, Сидней — IV, 213; IX, 431.
 Мори, Жан-Сифрен — VI, 399.
 Мориц, Карл-Филипп — IV, 74, 214; VI, 85; IX, 203.
 Мориц (граф Саксонский) — VIII, 41.
 Моцарт, Вольфганг — III, 245, 246, 293; V, 81, 102; VI, 360; VII, 291, 294, 305; VIII, 135, 138, 212, 215, 299; IX, 113, 157, 557.
 Мошелес, Игнац — IX, 443.
 Музеус Иогани-Карл-Август — VI, 296.
 Мумме, Христиан — II, 210.
 Мундт, Теодор — VII, 160; X, 60, 68, 71, 77.
 Мунш, Соломон — VII, 192, 193.
 Мунш (издатель) — V, 116.
 Мунш (актер) — V, 112.
 Мур, Томас — VII, 170, 171; IX, 361.

- Муратори, Лодовико — V, 14.
- Мурильо, Бартоломео-Эстебан — V, 197; VII, 145.
- Мушка. — См. Зельден, Камилла.
- Мюллер, Адам-Генрих — V, 145; VI, 135, 164.
- Мюллер, Венцель — IV, 342 («Рокселана»).
- Мюллер, Вильгельм — IV, 51, 79, 214; VI, 265; IX, 310, 412—414.
- Мюллер, Иоганн — IV, 181; VI, 193; IX, 163.
- Мюллер, Отто — X, 370 (Оттер-мюллер).
- Мюллер, Софи — IV, 276; V, 135.
- Мюльнер Амандус-Готфрид-Адольф — IV, 51 («Вина»), 96 («Кончил я писать трагедию...»), 99, 292, 305; VI, 179; IX, 280—281, 291, 431; X, 34, 70.
- Мюндстер-Леденбург, Эрнст-Фридрих-Герберт — IX, 462—463.
- Мюнх (журналист) — IX, 459.
- Мюнхгаузен, Герлах-Адольф — IV, 14.
- Мюнцер, Томас — V, 370; VII, 53.
- Мюрат, Иоахим — IV, 94 (король Неаполитанский), 115 (Иоахим); VII, 158; IX, 100.
- Мюссе, Альфред — II, 279—280; VII, 414; VIII, 43, 44.
- Мюхлер, Карл — V, 68; IX, 344.
- Навуходоносор II — IV, 12, 137, 271; V, 432; VI, 16; VII, 19, 20, 120; VIII, 225; IX, 119; X, 410.
- Навешитерн. — См. Штерн.
- Наполеон I Бонапарт — I, 32—33; II, 109, 110, 280, 286, 287 (император); IV, 14 (Прометей), 73, 87—94, 115, 124—127, 177, 182, 219, 220, 224, 224 (человек в треугольной шляпе), 319, 378 (великий император), 379, 381—387, 421, 422, 423—424; V, 42, 83, 110, 154, 213, 218, 227, 233, 247, 248, 255, 263, 264—265, 266, 279 (бог войны), 285 (император), 291 (узник Святой Елены), 294, 304, 305, 312, 324 (истинный муж), 334, 353, 359, 375, 384, 391, 406 («Человек»), 407, 408, 409 (император), 410; VI, 111, 125, 161—162, 163, 186, 194, 195 (император), 198, 201, 270—271, 272, 273, 277, 381, 397, 398, 399 (император); VII, 12, 13, 23, 37, 77, 98 (хорсиканеи), 111, 158, 244, 259 (император), 260—264, 288, 425; VIII, 30, 43, 50—51, 56—59, 65, 70, 77, 79, 80, 82, 84, 98, 100, 102 (умерший полководец), 104, 115—116, 122, 125, 143, 155, 156, 174—176, 191, 254, 262, 276, 302, 325; IX, 92—93, 94, 97, 144, 158, 178, 179, 180, 181, 229, 234, 436, 438, 439, 464, 470, 487, 499; X, 242, 296.
- Наполеон II, (герцог Рейхштадтский) — IV, 94; V, 240 (любимый... внук), 264 (молодой Наполеон), 304 (молодой Наполеон), 305 (маленький Наполеон), 306—307 (герцог Рейхштадтский), 406 (молодой Наполеон), 407, 409.
- Наполеон III (Луи Бонапарт) — VIII, 87 (принц Луи); IX, 100; X, 242, 279—280.
- Наандер, Иоганн-Август-Вильгельм — II, 290; V, 41; VII, 64.
- Ней, Мишель — IV, 94.
- Нейман (актриса) — V, 46, 78, 79.
- Нейман, Вильгельм — IV, 247.
- Неккер, Жак — V, 156, 374—375 (третий министр), 377.
- Нельдене (журналист) — IX, 503.
- Немурский (герцог Немурский) — VIII, 56, 182—183, 185, 201, 293—295, 319, 320, 321.
- Нерваль, Жерар — I, 328, 329.
- Нерон — II, 291; III, 213; IV, 211, 296, 307; VII, 25, 344; VIII, 264.
- Несторий (патриарх константинопольский) — VI, 23.
- Нетшер, Каспар — III, 184; V, 199.
- Нибур, Бартольд-Георг — IV, 117; VI, 192.
- Нибур, Карстен — IX, 168.
- Нидеркирхнер (хозяин гостиницы) — IV, 175, 176, 177.
- Низами — IX, 344.
- Никита Аюмпат — VI, 283.

- Николаи, Фридрих — V, 125 (*николаиты*), 149 (*никколаит*); VI, 81—84, 90, 157, 204—205.
- Николай I (русский царь) — IV, 224, 225; V, 164, 217, 218; VII, 68, 89; VIII, 64 (*верховный глава греческих христиан*), 119 (*царь всея Руси*); IX, 185, 186, 187.
- Ниман (автор «Путеводителя по Гарцу») — IV, 61—62.
- Нимбш Фоп Штреленау, Николаус. — См. Ленау, Николаус.
- Нинно де Ланкло. — См. Ланкло, Нинно.
- Нитгаммер (кописаторский советник) — IX, 465.
- Новалис (Фридрих Гарденберг) — III, 280 (*Офтердинген*); VI, 164, 218, 219, 220—223, 233; IX, 158.
- Нодье, Шарль — VI, 178; IX, 171.
- Нойнциг, Иозеф — IX, 267 (*Еврей*).
- Ностиц, Клотильда-Септимия — I, 314.
- Нурри, Адольф — VII, 237.
- Ньютон, Исаак — IV, 129; VI, 62.
- Обер, Даниэль-Франсуа — VIII, 213, 312; X, 167 (*«Немая из Портучи»*).
- Обермайер, Ойген — X, 313.
- Овербек, Фридрих — VIII, 144, 171.
- Овидий Назон — VII, 345; IX, 82.
- Огё (танцовщик) — IV, 49, 252.
- Огинский, Михаил-Клеофас — V, 428.
- Одри, Жан-Шарль — IX, 104; X, 167.
- Окен, Лоренц — VI, 135; IX, 34, 153, 457.
- О'Коннель, Даниэль — VIII, 146.
- Октавий (Октавиан). — См. Август.
- Оленд, Родриг — VI, 44.
- Оливье, Каролина — X, 55, 57.
- Ольденбург (актер) — V, 111—112.
- Омаяды — I, 242.
- О'Мира, Варри-Эдвард — IV, 88, 127, 386.
- Овселос (переводчик Библии) — III, 115.
- Опельн-Брониковский, Александр — IV, 92.
- Оппенгейм, Мориц — X, 281, 347.
- Оппенгеймер (банкир) — X, 94.
- Оппенгеймер, Мориц — IX, 475, 507 (*один подлец самого плебейского происхождения*).
- Оппенгеймер, Эмма — X, 151 (*мадемуазель Эмма*).
- Опперт (врач) — IX, 368.
- Орфила, Матье-Жозеф — VIII, 95, 111.
- Освальд (Худтвальнер), Мартин-Иеронимус — IV, 75 (*«Дневник Бертольда»*).
- Оскар (шведский принц) — V, 64.
- Остин, Сара — VII, 61.
- Оттермоллер. — См. Мюллер, Отто.
- Оттерштедт (прусский дипломат) — V, 64.
- Отто (сын баварского короля Людвиг I) — II, 143.
- Оттон III — VI, 267, 268.
- Отфрид Вейсенбургский — VI, 149, 164.
- Оуэн, Роберт — VIII, 285.
- Охеда, Алонсо — III, 225, 226.
- Паальцов, Генриетта — X, 309 (*«Замок Годви»*).
- Павел (древнеримский юрист) — IX, 351.
- Павел I (русский царь) — VI, 123, 181; IX, 186.
- Павзаний — IV, 123.
- Паганини, Никколо — I, 325; II, 280; VI, 193, 274, 277, 365—374; VIII, 134, 208, 305; X, 403.
- Падилья, Мария — III, 77, 79, 81.
- Пайен-старшая (актриса) — V, 111.
- Пайен-младшая (актриса) — V, 111.
- Пален, Петр Петрович — VIII, 49.
- Палестрина, Джованни-Пьерлуиджи — IV, 46, 332.
- Паллагония (принц) — IV, 56.
- Пальмерстон, Генри-Джордж-Темпл — VIII, 85, 86.
- Паноффа, Генрих — VIII, 304 (*величайший скрипач, которого Брезила в Париж*); X, 56.
- Пансерон, Огюст-Матье — VIII, 211.
- Пантьевр, Мария-Аделаида — V, 294 (*дочь Пантьевра*).
- Папиниан (древнеримский юрист) — IX, 351.

- Парацельс, Теофраст — IV, 57; VI, 75—76, 134, 183, 282—283, 307; IX, 157, 217, 564 (*Ауреолус-Теофрастус - Парацельсус - Бомбастус*).
- Парижский (граф Парижский, сын герцога Орлеанского) — VIII, 185.
- Парли, Эварист — VIII, 252.
- Парр, Томас — V, 151.
- Паскаль, Блез — X, 53.
- Пасси, Инолит — VIII, 147.
- Паста, Джудитта — V, 218.
- Паторль (парижский филантроп) — VIII, 150.
- Паулина (подруга Матильды Гёйне) — III, 101.
- Паулюс, Генрих-Эберхард-Готлоб — II, 118; V, 36 (*паулюсианцы*); VI, 199.
- Паулюс, Эмилия — VI, 199 (*дочь церковного советника Паулюса*).
- Пахер, Иозеф-Адальберт — X, 260, 264, 266, 340.
- Педро I (император Бразилии) — V, 183 (*император, лишившийся престола*), 277.
- Педро I Жестокый — III, 74, 75, 78, 81, 143.
- Пелман (лицейский товарищ поэта) — IX, 258, 267.
- Перейр, Эмил — VIII, 222.
- Перре (журналист) — VIII, 163.
- Перси, Томас — VI, 193, 194.
- Персиани (актриса) — VIII, 314.
- Персваль, Спенсер — IV, 395.
- Пертес (издатель) — V, 159.
- Перуджинно (Пьетро Вануччи) — V, 204; VI, 160.
- Перье, Казимир-Пьер — V, 191, 251, 256, 261, 266, 275, 277, 285—290, 302, 314, 318, 319, 323—325, 330, 333, 334, 336—338, 380; VI, 395.
- Петерс, Адольф — IX, 371, 379, 385, 386, 396.
- Петефи, Александр — X, 243.
- Петони, Вильгельм-Жером — V, 252.
- Петр I (русский царь) — VII, 238; IX, 186.
- Петр III (русский царь) — IX, 186.
- Петрарна, Франческо — II, 86—87; IV, 292, VI, 360; VII, 68, 84—85, 148.
- Петроний, Гай — IV, 296; VI, 147; VIII, 197; X, 67.
- Пехе, Тереза — V, 135.
- Пеш (актриса) — IX, 456.
- Пешель, Оскар — X, 293, 300, 301, 311.
- Пиа, Феликс — VIII, 104.
- Пий VII (римский папа) — VI, 382; VII, 260.
- Пико да Мирандола — IV, 136 (*Пикус Мирандуланус*).
- Пикепс, Иоганн-Петер — VIII, 211.
- Пиль, Роберт — IV, 414, 415, 419 (*Квайя-бей*); VIII, 229.
- Пилье, Леон — VIII, 173, 309, 315, 316.
- Пишетти (фокусник) — V, 62.
- Пиннель (врач) — VII, 192.
- Пипер (почтальон) — VI, 222.
- Писарро, Франсиско — III, 219, 312.
- Пистор (один из деятелей немецкой политической эмиграции в Париже) — VII, 72; X, 50, 62.
- Питт, Вильям (Младший) — IV, 395, 415; V, 156; VI, 123; VIII, 32, 232.
- Пифагор — IV, 81; V, 47; VI, 99; X, 395.
- Пихлер, Каролина — IX, 94.
- Пиччини, Никколо — V, 52.
- Пишо (издатель) — IX, 536.
- Платен фон Галлермонде, Август — III, 87 (*«Платениды»*); IV, 96 (*«Восточные поэты»*), 97 (*Как владеет языком он!*), 163 (*лже-поэт*), 168 (*наш поэт*), 169 (*наш греческий лжепоэт*), 235, 282, 283—285, 288—308; VI, 192; IX, 168, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 489, 490, 492, 493, 494 (*граф*), 497, 502, 506, 515, 519 (*салонный дельмагог*).
- Платон — IV, 49, 81, 104, 139; V, 145, 329; VI, 62—63, 101, 130, 276, VIII, 268; IX, 35, 212.
- Плейель, Камилл — VIII, 210.
- Пленкетт, Вильям — IV, 415.
- Плутарх — IV, 339; V, 375, 422, 450; VII, 41, 342; IX, 473.
- Плюквер (боиский студент) — IX, 284.

- Полей (французский санскритолог) — IX, 543.
- Полен, Жан-Батист-Александр — VIII, 236; X, 30.
- Полибий — VII, 247.
- Полиньяки — IX, 504, 519.
- Полиньяк, Жюль-Арман — IV, 422; V, 157, 158.
- Полициано, Анджело — IV, 136 (*Ангелус Полицианус*); VI, 37.
- Поль де Кок. — См. Кок, Шарль-Поль.
- Помара I (королева Тавити) — III, 24, 307.
- Помараэ (танцовщица) — III, 24—27, 307.
- Помпадур, Жанетта-Антония — V, 292; IX, 226.
- Понсар, Франсуа — VIII, 218.
- Понсе де Леон, Хуан — III, 220, 224, 230, 234, 235, 236, 237, 238, 312; IV, 134; VI, 225.
- Понятовские (польский дворянский род) — V, 99.
- Порфирий Финикийский — VII, 427; IX, 152.
- Посельт, Эрнст-Людвиг — IX, 500.
- Потоцки (польский дворянский род) — V, 99.
- Потье, Жан-Пьер-Гильом — IX, 138.
- Поццо ди Борго, Шарль-Андре — VIII, 103; IX, 97, 180.
- Прадт, Доминик — V, 43.
- Преве д'Экиль, Антуан-Франсуа — VII, 341.
- Преве (знакомый Гейне) — IX, 525.
- Преториус (Иоганн Шульц) — VI, 30, 294—295, 323, 338; IX, 40.
- Прини (автор книги «Бич актеров») — VII, 265, 311.
- Пронобий из Цезареи — IV, 176.
- Прутц, Роберт — II, 149; X, 301.
- Пти-Жан (портной) — VII, 126.
- Птолемей II Филадельф — VI, 18—19.
- Пужула, Жан-Жозеф — VIII, 93.
- Пульхерия (дочь византийского императора Аркадия) — VI, 23.
- Пусткухен, Иоганн-Фридрих-Вильгельм — V, 84, 91; VI, 173—174, 181; VII, 43; IX, 290, 298, 306, 342, 458 (*пусткухеница*).
- Пфифер, Густав — II, 149, 240; VII, 97—98 (*Г. Пф.*), 163—165; X, 50, 59, 69, 130.
- Пьере (типограф) — X, 80.
- Пэн, Томас — IV, 153.
- Пюклер-Мускау, Герман-Людвиг-Генрих — III, 256; IV, 312 (*«Письма умершего»*), 313 (*«Письма умершего»*); V, 280 (*«Письма умершего»*); VII, 162 (*Семилассо*); VIII, 15—16; IX, 513 (*«Письма умершего»*), 520, 528, 548; X, 103, 194—195, 198, 361—362, 363, 381, 386, 388—390.
- Пюклер-Мускау (жена предыдущего) — X, 71.
- Пютман, Герман — X, 194, 231.
- Рабле, Франсуа — V, 270.
- Радецкий (австрийский фельдмаршал) — III, 220.
- Радзивиллы (польский дворянский род) — V, 99.
- Радзивилл, Элиза — V, 64.
- Радлов (боннский профессор) — IV, 83.
- Равиа (трактирщик) — IX, 214.
- Райан (ирландский чиновник) — VII, 171—174.
- Раймунд, Фердинанд — I, 326.
- Рамлер, Карл-Вильгельм — IV, 294; VI, 157; VII, 241.
- Рампсенит — III, 7—9, 154—157.
- Рандюэль, Эжен — VI, 384; VIII, 45, 46; IX, 592; X, 344.
- Ранке, Леопольд — V, 243—244.
- Расин, Жан — V, 257; VI, 163, 194, 195—196; VII, 267; VIII, 164; IX, 274 (*«Федра»*).
- Распайль, Франсуа-Венсан — VIII, 94.
- Рассман, Фридрих — V, 29—32.
- Ратти-Мантон (французский консул в Дамаске) — VIII, 47—50, 61, 79.
- Раумер, Карл-Отто — IX, 429, 445, 454.
- Раумер, Фридрих-Людвиг-Георг — II, 195, 290, 291; V, 242—243; VI, 258; VII, 59—61, 97, 102; IX, 164, 533.
- Рауцах, Эрнст — IV, 96 (*«За грехи»*).

- былые строго...*), 305, 306; V, 126, 219, 368; VI, 244, 255—256, 257—258; VII, 239—243, 347, 348; X, 329.
- Раух, Христиан-Даниэль — V, 45, 64, 81.
- Рафаэль — I, 312; III, 259; IV, 218, 231; V, 102, 204, 455; VI, 37, 150, 160; VII, 305, 425; VIII, 132, 152; IX, 157, 173, 235; X, 88.
- Рахель. — См. Фарнхаген фон Энзе, Рахель-Антония-Фридерика.
- Рашель (Элиза-Рашель Феликс) — VIII, 146, 173, 204; IX, 163, 253 (*величайшая трагическая актриса*); X, 135.
- Регул, Марк Атилий — IX, 594.
- Редклиф, Анна — VII, 424.
- Реймер (издатель) — V, 62.
- Рейнганум (ананомый Гейне) — IX, 367, 374.
- Рейнгольд, Карл-Леонгард — VI, 98, 109, 116, 122, 124.
- Рейно, Жан — VIII, 266.
- Рейнольдс, Томас — VII, 168—178; X, 320.
- Рейнольдс, Томас (сын предыдущего) — VII, 168, 171.
- Рейнхардт, Рихард — X, 299, 338.
- Рейхлин, Иоганн — VI, 49; IX, 124, 373.
- Рейхман (хозяин гостиницы в Милане) — IV, 215.
- Рекамье, Жюли — VIII, 261; IX, 104.
- Рекне, Элизе — IX, 301, 368.
- Рельштаб, Людвиг — IV, 198; V, 61; VIII, 70.
- Рембрандт ван Рейн — V, 215; VII, 390.
- Ремигиус, Николаус — VI, 30, 34; IX, 43.
- Ремюва, Франсуа-Мари-Шарль — VIII, 145—146, 270.
- Рене (король Сицилии) — IX, 594.
- Рениш (танцовщица) — IV, 50.
- Рёрш, Юпп — IX, 237.
- Рессел, Джон — V, 290.
- Рефусс, Филипп-Иоаеф. — IV, 214.
- Рецш, Мориц — IV, 42; VI, 367.
- Ридель (журналист) — X, 79.
- Риго, Рафаэль — I, 244.
- Рину (наполеоновский гренадер) — VII, 260—261.
- Риндскопф (баннир) — VII, 216, IX, 207.
- Рис, Фердинанд — IX, 402, 404.
- Рисер, Габриэль — X, 116—118, 119, 119, 120, 183.
- Ритнер (издатель) — VIII, 102, 149, 152, 156.
- Рихтер, Иоганн-Пауль. — См. Жан-Поль.
- Рихтер (издатель) — IX, 452.
- Ричард I Львиное Сердце — III, 35—36; V, 411; VI, 275, 277.
- Ричард II — VII, 362.
- Ричард III — IV, 240; V, 151, 208; VII, 313, 363; VIII, 156.
- Ричардсон, Самюел — VI, 254; VII, 145; VIII, 315.
- Ришелье, Арман-Жан — V, 206; VI, 282; VII, 26—27; VIII, 156.
- Робер, Луи-Леопольд — V, 179, 199—206, 215—216, 218, 224; VII, 88; VIII, 149—153.
- Роберт, Людвиг — IV, 161; V, 126; IX, 307 (*брат г-жи Фарнхаген*), 321, 337, 339—342, 366, 374—376, 378, 379, 381, 382, 390, 391, 392, 393, 401, 407, 422, 428, 440, 456, 458, 473, 481, 485, 490, 494, 495, 500, 504, 507, 516, 520, 538; X, 155.
- Роберт, Фридерика — II, 62; IX, 321 (*его жена*), 339 (*прекрасная швабка*), 366, 374—375, 376, 378—382, 390—393, 422, 428, 440 (*его жена*), 456, 458, 473, 481, 484—485, 495—496, 499, 500, 504, 507, 516, 520, 538; X, 155.
- Робеспьер, Максимилиан — IV, 359; V, 73, 154, 170, 188, 223, 261, 262, 263, 268, 271, 274, 294, 312, 348, 379; VI, 70, 95, 96, 97, 99; VII, 26—27, 83; VIII, 31, 94, 104, 232, 259, 262, 276, 323, 326; IX, 104, 174, 180, 238.
- Ровиго, Анн-Жак-Мари-Рене — VI, 399.
- Рог, Полина — X, 165, 166, 167.
- Родриг, Эжен — VI, 156.
- Розамель (адмирал) — VIII, 220.
- Розенбранц, Иоганн-Карл-Фридрих — VII, 107; VIII, 322; X, 79.

- Розенмюллер, Иоганн-Георг — VI, 123 (*розенмюллеровское просвещение*).
- Роз-Помпон (танцовщица) — III, 27.
- Ройе-Коллар, Пьер — V, 416.
- Рокамор, Исаак — IV, 242—245 (*Гиацинт*), 263—288 (*Гиацинт*); X, 54 (*Гириш*).
- Рокка (муж Марии Эмбден, племянницы Гейне) — X, 375.
- Ролан, Мария-Жанна — V, 309.
- Романо, Джулио — VI, 154, 175; VII, 129.
- Ромберг, Бернгард — V, 65.
- Ромул-Августул II — IV, 199; VII, 47.
- Россини, Джоаккино-Антонио — III, 246; IV, 11, 198, 218; V, 51 (*«Танкред»*), 123, 343, 355, 448; VI, 360, 361, 388; VII, 287—289, 290—291, 296, 325 (*Лебедь из Пезаро*); VIII, 73, 74, 138, 170—173, 212, 221, 306, 316; IX, 113, 172, 235.
- Роттер, Карл — VII, 59, 102.
- Ротшильд, Джеймс — VI, 86; VII, 25—27, 133, 134—135, 180, 393 (*г-н фон Шейлок парижский*); VIII, 53, 62, 99, 128—130, 218, 221—223, 234 (*генералиссимус всех миллионеров*), 320; IX, 176—177, 194; X, 149—150, 156, 159.
- Ротшильд, Майер-Ансельм — IV, 260; VII, 14, 23, 24.
- Ротшильд, Натан — IV, 265, 266, 271 (*Ротшильд Великий*), 275.
- Ротшильд, Соломон — IV, 165.
- Ротшильд (жена предыдущего) — III, 127, 129.
- Ротшильды — II, 324; III, 14, 257; IV, 134, 225, 245, 260, 306; V, 59, 318; VI, 46; VII, 25, 63, 120; IX, 206; X, 152, 230, 244.
- Рохау, Август-Людвиг — X, 153.
- Рошетт, Рауль — V, 276.
- Руайе, Альфонс — X, 195, 199.
- Рубенс, Петер-Пауль — II, 209; IV, 230—231, 232; VIII, 321.
- Рубини, Джованни-Баттиста — III, 191; VIII, 111, 135, 217, 303.
- Рубо (знакомый Гейне) — IX, 323.
- Руге, Арнольд — II, 182; VI, 16—17; IX, 119, 164; X, 149, 152, 156, 157, 199.
- Рудгарт, Игнац — IV, 168 (*великий оратор*).
- Рудольф Габсбургский — IV, 178.
- Рудольф Эмский — VI, 148 (*«Варлаам и Иосафат»*).
- Ружмон, Мишель — VII, 280, 281.
- Румановский (актер) — V, 114.
- Румор, Карл-Фридрих — IX, 482—483, 489, 502.
- Румфорд, Бенднамен — VII, 128.
- Рункель, Ахилл-Матиас — IX, 499, 503; X, 83, 114.
- Рурпехт (книгопродавец) — VI, 313.
- Руссо, Жан-Батист — I, 188 (*Ж.-Б. Р.*), 310; V, 31, 118—121; IX, 267 (*Поэт*), 267—271, 275 (*Поэт*), 276 (*Поэт*), 277, 324, 325, 326, 349, 362, 366, 374, 403, 411, 517.
- Руссо, Жан-Жан — III, 23; IV, 137, 360; V, 85, 89, 155, 373, 379, 380; VI, 68, 95, 124; VII, 88, 123; VIII, 86, 104; IX, 90—91, 135, 169, 180, 208, 520.
- Руст (врач) — V, 45.
- Рустан (мамелюк Наполеона) — IX, 93.
- Рюдель, Жоффруа — III, 41—43, 124.
- Рюкнерт, Фридрих — II, 144; IV, 51, 96 (*«Восточные поэты»*); V, 121; IX, 344, 413.
- Рюкснер, Георг — IV, 85.
- Рюс, Христиан-Фридрих — IX, 149, 329, 343.
- Рюстон (врач) — X, 235.
- Рютбеф — IX, 8.
- Саади — IV, 96; VIII, 311 (*персидский поэт*); IX, 275, 344.
- Савиньи, Фридрих-Карл — III, 266; IV, 252; V, 34, 46 (*большой северогерманский юрист*), 62; VII, 186; IX, 163, 477.
- Савуа, Анри-Шарль-Жозеф — V, 351; X, 60, 311.
- Саки (владелица театра в Париже) — VII, 283.
- Санкарели (историк церкви) — VI, 22.
- Саносский (сапожник) — VIII, 75.
- Санс, Ганс — III, 256; IV, 95; V, 31; VI, 52, 211.

- Саллюстий — IV, 123, 182, 333; V, 254.
 Саломея — III, 25 (*дочь Иродиады*).
 Сальванди, Ашиль — V, 412.
 Сальери, Антонио — IV, 248 («*Аксур*»).
- Самаи (еврейский богослов) — VIII, 53.
- Санд, Жорж — III, 244 (*королева*); VII, 424—425; VIII, 34—37, 40—46; IX, 550, 550—551; X, 63—64, 93, 179, 261.
- Сандо, Жюль — VIII, 41.
- Сансон, Жозеф — V, 23; VI, 21.
- Санхунатон из Берита — IX, 99.
- Сапеги (польский дворянский род) — V, 99.
- Сарпи, Паоло — V, 472 (*благородный летописец Тридентского собора*).
- Саррю, Жермен — V, 393.
- Сарто, Андреа — IV, 334.
- Сарториус, Георг — I, 188 (*Георг С.*); IV, 63, 176; IX, 347, 376, 383, 400.
- Саути, Роберт — V, 85.
- Сафир, Мориц-Готлиб — IX, 389, 464.
- Сафо — IX, 268.
- Сванн (ирландский чиновник) — VII, 171—174.
- Сведенборг, Эммануил — III, 164, 165; VIII, 174; X, 291.
- Свифт, Джонатан — IV, 386 («*Приключения Гулливера*»), 387; IX, 555; X, 182.
- Себастиани, Орас-Франсуа — V, 287—288, 302, 317, 330, 331, 334; VI, 273; VIII, 319.
- Себастьян (португальский король) — VI, 267.
- Севинье, Мари — V, 207; VII, 291; VIII, 92; X, 234 (568).
- Сегюр, Поль-Филипп — IV, 92—94; IX, 389.
- Сенека — II, 291.
- Сен-Жюст, Луи-Антуан — II, 325; IV, 359; V, 348 (*святая Юстин*); VI, 9, 72; IX, 104.
- Сен-Мар, Анри — V, 206; VIII, 156.
- Сен-Мартен, Луи-Клод — VI, 76.
- Сен-Симон, Клод-Анри — IV, 439; V, 280, 320 (*сен-симонисты*), 407; VI, 44, 73 (*сен-симонисты*); VIII, 191, 265, 271; IX, 553.
- Сент-Бев, Шарль-Огюстен — VII, 270; X, 403.
- Сент-Эльм, Ида — VIII, 140.
- Серасси, Пьетро — V, 14.
- Сервантес, Мигель — II, 265; III, 160 («*Дон-Кихот*»), 260 («*Дон-Кихот*»); IV, 50, 238, 308 («*Дон-Кихот*»), 356 («*Дон-Кихот*»), 357—359, 360—362 («*Дон-Кихот*»); V, 261 («*Дон-Кихот*»); VI, 39, 208, 209—210; VII, 118, 136—154; VIII, 222, 235; IX, 99; X, 18 («*Дон-Кихот*»), 360, 371.
- Серр, Чарлз — VII, 171—174.
- Сесиль, Вильям, лорд Берли — IV, 48.
- Сивори, Камилло — VIII, 207, 208, 209, 305.
- Сидней, Филипп — VII, 118.
- Сийес, Эммануэль-Жозеф — V, 156, 212.
- Сильвестр II (Герберт из Орильяка) — VI, 309.
- Симеон Столпник — IX, 154.
- Симонс (боннский студент) — IX, 284.
- Сина (*парижский обыватель*) — VIII, 134, 211.
- Скалигеры (династия правителей Вероны) — IV, 208, 211, 212 (*Антонио*; *Бартоломео*); IX, 165 (*Скала*).
- Снаррон, Поль — V, 237.
- Скибинская (польская актриса) — V, 113.
- Скотт, Вальтер — IV, 90—92, 108, 176, 378—379, 381—387, 427 (*дружественный им бард*); V, 57, 58, 206, 340 (*каледонский бард*); VI, 253; VII, 146, 147, 168, 353; IX, 161, 288, 350, 354, 360, 361, 376, 414, 415, 431 (*великий Неизвестный*), 448, 461, 464, 470 («*Жизнь Наполеона*»).
- Скотт, Эригена — VI, 78.
- Скриб, Огюстен-Эжен — II, 35; VII, 267; VIII, 37, 173, 212, 214, 312.
- Сметс, Вильгельм — V, 10—28, 31, 31 (*Теобальд*); 121.
- Смитсон (актриса) — VII, 302.
- Смоллет, Тобайас — V, 89.
- Собесский, Ян — III, 34.

- Сократ — II, 280; IV, 101, 163; V, 42, 50; VI, 83, 85, 134, 196; IX, 188, 212.
- Соломон (израильский царь) — II, 259, 260, 261; III, 51, 99—100, 111; IV, 150, 201; V, 71, 195, 248, 432, 454, 459; VI, 7 (*царь Востока*), 18, 326, 373; VIII, 12; IX, 563.
- Соломопе (скрипач) — VI, 193.
- Солон — VIII, 184; IX, 190; X, 342.
- Сольмс-Лих (знакомая Гейне) — IX, 409, 415, 426.
- Сомез, Клод — V, 326 (*Сальмазиус*).
- Софокл — II, 121, 147; VI, 196, 197, 202; VIII, 222.
- Спартак — V, 226, 289.
- Спенсер, Эдмунд — VI, 287.
- Спинноза, Бенедикт — V, 138; VI, 56, 64—74, 77, 118, 120, 129, 130, 131, 212—213; VIII, 277, 314; IX, 323 (*маленький амстердамский еврей*).
- Спонтини, Гаспаро — IV, 49, 54; V, 34, 42, 44, 52, 53, 54, 55, 63, 64, 65, 74, 75, 82, 123 (*словоач музыка*); VIII, 68—75, 307—309, 316.
- Сталь, Анна-Луиза-Жермена — IV, 76 (*Коринна*), 89, 137, 213—214; V, 43, 269 (*одна знаменитая дама*), 278, 377; VI, 144—145, 160, 184, 188, 190, 197, 200, 243, 290; VII, 423, 425—426; VIII, 56, 57, 58; IX, 92—99, 105, 107, 179, 180, 340, 389 (*«Дельфина»*).
- Стен, Ян — IV, 218; V, 199, 455—457.
- Стенхон, Эстер — VIII, 20.
- Стерлинг (ирландский офицер) — VII, 172.
- Стерн, Лоренс — V, 208; VI, 247, 254 (*азтор «Тристрама Шенди»*); VII, 244; X, 371.
- Стеффенс, Генрих — V, 144; VI, 135, 213—214.
- Стивенс, Джордж — VI, 234, VII, 327.
- Страффорд, Томас — VIII, 156 (366).
- Струэнзее, Иоганн-Фридрих — V, 124, 127—137.
- Стурлусон, Снорри — IX, 98.
- Стюарты — IV, 379, 404, 405; V, 214, 260.
- Суворов, Александр Васильевич — V, 45.
- Суламифь — III, 100.
- Сульт, Никола — V, 332, 340, 389; VIII, 100, 102, 154, 240, 321.
- Тане (афинская гетера) — III, 126, 129.
- Тайландье, Сеп-Рене — X, 296—297, 302—304, 324, 379, 391, 406—407.
- Такуабе (индеец) — IV, 437.
- Талейран-Перигор, Шарль-Морис — III, 255; V, 182 (*человек, который четырнадцать раз изменил царю*), 279, 335, 355, 380; VIII, 62, 210; IX, 97, 179.
- Тальберг, Сигизмунд — VIII, 132, 212, 299, 300.
- Тальма, Франсуа-Жозеф — VI, 195, 399; VII, 267.
- Тальони, Мари — V, 294; VII, 300—301; VIII, 83, 163.
- Тамбурини (итальянский певец) — III, 191.
- Тангред (норманский рыцарь) — V, 411.
- Тарни (предводитель мавров) — I, 212, 242.
- Тарвинский Гордый — IV, 137; VII, 105; IX, 183.
- Тарнов, Фанни — V, 63.
- Тароне, Сала — V, 41.
- Тассо, Торквато — V, 10—28; VII, 296; IX, 404; X, 176.
- Таулер, Ноганн — VI, 74—75.
- Тацит, Корнелий — II, 290; IV, 82, 83, 135, 210; VI, 145, 201; VII, 79, 335; IX, 547.
- Тейлор (генерал) — VII, 175.
- Тейхман (кондитер) — V, 41.
- Теллер, Вильгельм-Авраам — VI, 81, 90.
- Теннеман, Вильгельм-Готлиб — VI, 276.
- Теодорих. — См. Дитрих Бернский.
- Тенфер, Карл — V, 112 (*«Приказ герцога»*).
- Теремш, Франц — V, 36.
- Тецель (монах) — VI, 36.

- Тибо, Антон-Фридрих-Юстус — IV, 252.
- Тиверий — VII, 41.
- Тин, Людвиг — I, 327; II, 57 (*А в Дрездене видел я «старого пса»...*), 121 (*Нот в сапогах*), 264, 273; IV, 146 (*искусная кухарка*), 208, 291, 292; V, 30, 63, 84, 350; VI, 160, 164, 196, 201—210, 234, 249—250, 256, 266; VII, 97, 147, 166, 320, 322—323, 369; VIII, 298; IX, 295, 310, 350, 376, 379, 401, 507; X, 60, 136, 255.
- Тин, Христиан-Фридрих — V, 64.
- Тиззен (профессор) — VIII, 142.
- Тилли, Иоганн-Церклас — IV, 291.
- Тиртей — II, 141; V, 61, 304.
- Тирш, Фридрих-Вильгельм — IV, 170, 214; VIII, 241; IX, 525—526.
- Тит Авдроник — VII, 343—347.
- Тит Ливий — IV, 123, 151; V, 450.
- Тит Флавий Веспасиан — III, 130; IV, 271; VI, 18; VII, 19—20, 108; VIII, 24, 316; IX, 557.
- Тициан (Вечеллио Тициано) — IV, 234; V, 104, 184; VI, 154; VII, 390.
- Товвиль, Алексис — VIII, 281.
- Толбот, Джордж — IX, 339.
- Толет Шотус (Фредерик Скотус Толет) — IX, 28.
- Тома, Шарль-Луи-Амбруаз — VIII, 312.
- Томазо (монах) — VIII, 62 (*паптер Томас*).
- Тон, Тиоболд-Вольф — VII, 174, 176.
- Ториус, Рафаил — IV, 136 (*Ториус*).
- Торнвемада, Томасо — VIII, 326.
- Торрихос (генерал) — V, 259.
- Торрихос, Луиза — V, 259.
- Тортони (владелец кафе в Париже) — VI, 356; VIII, 99.
- Трастамара, Энрико — III, 77 (330), 81 (330).
- Трейтель (издатель) — IX, 443, 452, 456, 464.
- Трибеннан — IV, 10.
- Тритау, Альфонс — X, 353, 355, 356, 358.
- Тритхейм (Тритемий), Иоганн — IX, 28, 29, 217.
- Троля — VIII, 24.
- Ту, Франсуа-Огюст — V, 206; VIII, 156.
- Туре, Венсан-Феррар-Антони — V, 271.
- Турнер (ливерпульский купец) — IV, 379.
- Турнер, Эллен — IV, 379 (*дочь ливерпульского купца*).
- Туснельда — IV, 170, 182; V, 39; VI, 264.
- Тьер, Луи-Адольф — V, 260, 267, 416; VI, 107; VII, 12; VIII, 18, 23—30, 34, 48—52, 61—64, 76, 79—81, 82, 85, 93, 98, 99—100, 102, 124—126, 143, 155, 161—162 (*наш Лить*), 180, 195, 201, 202—203, 229, 236, 241—242, 246 (*историкограф французской революции и Империи*), 258, 319; IX, 501, 504, 562; X, 95—96, 279, 332, 354.
- Тьерри, Жан-Никола-Огюстен — III, 157; VIII, 238, 258; IX, 171—172; X, 240.
- Тютчев, Федор Иванович — IX, 468, 477—479, 507.
- Тютчева (жена предыдущего). — См. Ботмер, Эмилия-Элеонора.
- Уайт (цирюльник) — IV, 422—423.
- Уатт, Джеймс — VIII, 116.
- Уланд, Людвиг — III, 299 (*поэт*); IV, 51; V, 471; VI, 232, 249—250, 255, 258—267; VII, 165—166, 252; IX, 159, 309—310, 344, 413, 432.
- Ульрих (знакомый Гейне) — IX, 320, 502.
- Ульрих фон Гуттен. — См. Гуттен, Ульрих.
- Умивский, Ян — III, 34.
- Унбешейден (владелец погребка в Гамбурге) — IV, 102, 103; VII, 180.
- Унгер, Эфраим-Соломон — IX, 367.
- Унцер (лицейский товарищ поэта) — IX, 259.
- Уолпол (Вальпол), Роберт — VIII, 229.
- Уорд, Роб — IV, 377 (*«Тримэйл»*).
- Урбан (римский папа) — II, 53, 55; VI, 328, 330.

- Урсула (нinja поэта) — IV, 111, 130, 153, 154, 156.
- Уршпрух (актер) — VII, 9 (416).
- Уэкфильд (герой скандального судебного процесса) — IV, 379.
- Фабек (капитан) — V, 61.
- Фабий Кунктатор — VIII, 26.
- Фабрициус (актер) — V, 112.
- Фабрициус (актриса) — V, 112.
- Фавар, Шарль-Симон — V, 222.
- Фалес Милетский — IX, 230.
- Фальери, Марино — VII, 392.
- Фальк, Иоганн-Даниэль — V, 63; VI, 185—186; IX, 346.
- Фалькон, Мария-Корнелия — VII, 295.
- Фальцидид — IV, 54 («Falcidia»).
- Фарнхаген фон Энзе, Карл-Август — I, 324, 325; II, 250, 251; IV, 30, 69, 312, 383 (*рецензент «Ежегодника научной критики»*), 384, 385 (*берлинский рецензент*); V, 85, 139; VI, 182; VII, 9; IX, 291, 294, 295, 296, 297, 306, 307, 316, 318, 319, 319—321, 322, 333, 334, 337, 341, 342, 369, 374, 393, 406—409, 416—417, 424, 425—430, 431, 432, 438—441, 441, 451—454, 455—458, 464—465, 467—470, 472, 481, 485, 488—491, 492, 493—508, 510—514, 515—521, 527—528, 537—538, 541—543, 575; X, 10, 16, 18, 40—42, 42—44, 51, 59, 61—63, 70, 106, 136, 137, 145—146, 190—192, 194, 195, 197—198, 208, 263, 293, 386, 390.
- Фарнхаген фон Энзе, Рахель-Антония-Фридерика — I, 324, 325; V, 175 (*моя покойная приятельница*); VII, 9, 49; IX, 94, 212, 295, 307, 309, 320, 321, 340, 342, 392, 406, 408, 410, 416, 417, 426, 428, 429, 431, 438, 439, 441, 443, 451, 453, 456, 457, 458, 464, 465, 469, 470, 472, 481, 485, 490, 494, 495, 496, 498, 500, 501, 506, 507, 510, 513, 515, 516, 518, 520, 521, 527, 528; 538 (*маша подруга*); X, 18, 61, 62, 155, 198.
- Фауст, Иоганн — III, 218 (*волхв из Майнца*); V, 426; VI, 183; VII, 331; IX, 6—10, 25—47.
- Фебус (студент) — V, 39.
- Фезе, Эдуард — X, 329.
- Фейербах, Людвиг — II, 201; VI, 17; VII, 427; IX, 119; X, 328.
- Фейн, Георг — V, 351.
- Фейт, Белла — IX, 401—402.
- Фейт, Доротея. — См. Шлегель, Доротея.
- Фейт (друг М. Мозера) — IX, 498.
- Фенелон, Франсуа — V, 329.
- Фердинанд II Арагонский — I, 204, 207, 208; III, 227; VI, 286.
- Фердинанд VII (испанский король) — VI, 187; VIII, 237 (381).
- Фердинанд-Луи, герцог Орлеанский — VIII, 25, 105, 106, 180, 182, 183, 184, 188, 246 (*рыцарственный принц*), 255, 293—294, 321.
- Фердинанд-Филипп, герцог Орлеанский — V, 305—306 (*молодой герцог Орлеанский*), 318, 319 (*наследный принц*).
- Феррарио, Люччо — VIII, 47.
- Ферроньер (возлюбленная Франциска I) — IV, 102.
- Ферст, Фридрих-Христиан-Ойген — X, 63.
- Ферстер, Карл-Август — V, 54.
- Фетис, Франсуа-Жозеф — VII, 286, 287 (*Fétis*).
- Фетис, Эдуард — VII, 286, 287 (*foetus*).
- Фивег, Фридрих — X, 256, 306, 307, 326, 340, 391.
- Фидий — IV, 137; V, 220; VI, 120; IX, 71.
- Фиезоле, Джованни-Анджелино — VI, 160, 164.
- Фисес, Жозеф-Мари — X, 403.
- Филадельфия, Джекоб — VIII, 174, 302.
- Филдинг, Генри — V, 89; VI, 254.
- Филипп II — II, 114; VII, 141, 144.
- Филипп III — VII, 144.
- Филипп IV — VII, 144.
- Филипп Македонский — IV, 12; VIII, 29.
- Филипп Эгалите — V; 154, 252, 294, 416 (*бывший герцог Орлеанский*).
- Филиппон (издатель) — V, 254.

- Филон Александрийский — VII, 188.
 Филострат Афинский — VI, 290.
 Фирдоуси — III, 43—48; IX, 344.
 Фиги-Джеймс, Эдуард — V, 271.
 Фихте, Иммануил-Герман — X, 291.
 Фихте, Иоганн-Готтлиб — II, 279; V, 138, 144, 154; VI, 68, 107—123, 132, 133, 134, 137, 138, 158—159, 211; VIII, 175; IX, 94.
 Фицджеральд, Эдвард — VII, 170, 171—174.
 Фишер, Иозеф — V, 45.
 Фладер, Иозеф — IX, 237, 240—241 (*Юм*).
 Фладер (жительница Дюссельдорфа) — IX, 237, 240, 241.
 Флегель, Карл-Фридрих — X, 256.
 Флемминг (прусский посланник в Португалии) — V, 64.
 Флетчер (слуга Байрона) — VII, 150.
 Флешье, Эспри — IX, 204.
 Фойхт, Иоганнес — IX, 301.
 Фойхт, Христиан — VI, 123.
 Фокс, Гай — IV, 417.
 Фокс, Чарльз-Джеймс — IV, 395; V, 291; VIII, 26.
 Фоллен, Август-Адольф-Людвиг — IX, 270.
 Фоллен, Карл — IX, 270.
 Фома Аквинский — III, 145; VI, 27.
 Фонт, Петер-Литтон — V, 82, 83.
 Фонтенель, Бернар — VI, 95.
 Форберг (учитель) — VI, 115.
 Форегер, Георг — VI, 125; VII, 111; IX, 161.
 Фосс, Иоганн-Генрих — IV, 108, 302, 303; V, 30, 60, 146—147; VI, 165—170, 171, 179, VII, 160; IX, 391, 494; X, 323, 350.
 Фосс (издатель) — X, 134, 135, 137, 138.
 Фосс, Юлиус — V, 46.
 Фохт, Эрнст — V, 112.
 Франк (издатель) — IV, 312; V, 138; VII, 66—67 (*Ф.*); IX, 522; X, 256, 306.
 Франке, Герман — VI, 78.
 Франклин, Бенджамин — IV, 261.
 Франко-Мевдез, братья (скрипачи) — VIII, 135.
 Франкови (содержатель цирка) — VII, 259, 282, 298, 299.
 Франсуа (племянник Паллолева I) — IX, 100.
 Франц Австрийский — V, 240; VII, 23; VIII, 130.
 Франц (актриса) — V, 112.
 Франциск I — VI, 267, 359; VII, 135; VIII, 149.
 Франческа да Римини — VI, 150 (*Франческа да Полента*).
 Фрауэнлоб. — См. Генрих фон Мейсен.
 Фредрего (глава рыцарского ордена) — III, 75, 77, 79.
 Фрейлинград, Фердинанд — II, 149, 184, 187, 195, 202, 249, 256, 290, 291, 323; IX, 163 (*приказчик из Липпе-Детмольда*), 167—168; X, 73.
 Френкель (член «Общества культуры и науки евреев») — IX, 344.
 Фридрихендер, Давид — V, 94—95; IX, 300, 301, 323.
 Фридрихендер, Иозеф — IV, 65 (*черный, еще не посвященный маkler*), 141 (*величайший обскурант всей страны; господин фон Вейс*); 145 (*господин фон Вейс*); IX, 420 (*Черномазий*), 422—423 (*одни... еврей*), 431 (*Черномазий*), 435 (*Черномазий*), 436 (*Черномазий*).
 Фридрих (Фридрихендер), Фердинанд — IX, 29 (*наши пьютештиз Кальмонису*); X, 196 (*Кальмонису*), 202—205, 249—251, 267—274, 293, 315, 385.
 Фридрих (жена предыдущего) — X, 250, 269.
 Фридрих I (Барбаросса) — II, 296 (*Ротбарт*), 298, 300 (*Ротбарт*), 301 (*Ротбарт*), 302 (*кайзер*), 303 (*Ротбарт*), 304 (*Ротбарт*); III, 52, 212, 222; V, 386; VI, 258, 343—345; VII, 107; X, 171.
 Фридрих II — II, 324; III, 160, 259; IV, 164 (*Великий Фриц, философ из Сан-Суи*), 165 (*старый Фриц*), 345, 346 (*великий Федерико*); V, 39 (*великий Фриц*), 64, 77, 84, 112 (*Великий Фриц*), 184 (*Вольтеров друг*), 246; VI, 46 (*маркиз Бранденбургский*), 81—82, 274, 277, VII, 120, 241, 262; IX, 29, 82.

- Фридрих-Вильгельм III — II, 97 (добряк осел), 103 (король), 328 (отец короля); V, 38 (наш король), 50 (наш король), 82 (наш добрый король), 245, 247; VI, 46 (естественный покровитель нашей протестантской свободы мысли); VII, 23.
- Фридрих-Вильгельм IV — II, 97 («Отец твой был добряк осел...»); 108 (Гогенцоллерн), 117 («Китайский император»), 144 (О шприц!), 145—148 («Новый Александр»), 328 (король); III, 209 (король), 210 (король); V, 166 (некий королевич), 241 (его королевское высочество).
- Фридрих-Вильгельм (курфюрст бранденбургский) — V, 35 (великий курфюрст).
- Фриз, Якоб-Фридрих — V, 83; IX, 329, 343.
- Фрица — IV, 168; V, 189; VII, 86; IX, 150.
- Фрис (актриса) — V, 136.
- Фритше (фабрикант) — V, 63.
- Фруассар, Жан — IX, 249.
- Фрундсберг, Георг — IX, 53.
- Фрэнсис, Филипп — IX, 173 (Юний).
- Фуггер (граф) — IX, 506.
- Фуке, Каролина — V, 30, 45, 66.
- Фуке, Фридрих — I, 101; II, 251, 273; IV, 96 («Смолки, колкая сатира...»); V, 86, 90, 165, 413 (прославленный немецкий автор); VI, 249, 251—254, 266; VII, 146, 166; IX, 99, 306, 313—314, 318, 320, 325, 377; X, 155.
- Фукс, Фридрих-Август — II, 315.
- Фукс (кондитер) — V, 67.
- Фульвия — IV, 123.
- Фульд, Аниль — VIII, 68 (депутат Верхних Пиренеев).
- Фульд, Бенуа — VIII, 53, 63, 66; X, 94, 147, 192.
- Функе (геттингенский студент) — IX, 276.
- Фуртадо, Цецилия. — См. Гейне, Цецилия.
- Фуртадо, Элиэ — X, 72.
- Фурье, Шарль-Франсуа — VIII, 271, 285.
- Фуст, Иоганн — III, 218 (волк из Майнца); V, 426; VI, 183; IX, 29.
- Фунне, Иозеф — IV, 147; IX, 465.
- Хаджи-бей (начальник полиции в Смирне) — V, 192, 196.
- Халле (пианист) — VIII, 212, 304.
- Хан Э — IX, 300.
- Хант, Ли — IV, 407.
- Харрири — III, 134.
- Хартман (псевдоним). — См. Келлер, Эрнст-Христиан-Август.
- Хауг (знакомый Гейне) — X, 109.
- Хауде, Амброзиус — X, 240.
- Хавэншильд, Рихард-Георг — X, 295, 306, 351.
- Хафиз (Гафиз) — IV, 161, 292; IX, 344, 359.
- Хвас, Адольф-Фриц — X, 10, 11, 18.
- Хейльброннер, Карл — X, 301.
- Хейман (издатель) — IX, 495.
- Хеллер, Стефан — VIII, 212.
- Хель, Теодор (псевдоним). — См. Винклер, Карл-Готтлиб-Теодор.
- Херинг, Вильгельм. — См. Алексис, Виллбальд.
- Хименес, Франсеско — I, 211, 213, 251.
- Хлодвиг Французский — IV, 178.
- Хобхоуз, Джон-Сэм — V, 290.
- Хогарт, Уильям — V, 196.
- Ходовенций, Давиэль — VII, 153.
- Хойн, Карл-Готтлиб. — См. Клаурен, Генрих.
- Хоувальд (Гоувальд, Гувальд), Эрист-Христоф — I, 312; IV, 96 («Будь девицей Мельпомена...»); 305; V, 45; IX, 344.
- Христиан (садовник) — IV, 65.
- Христиани, Рудольф — II, 107 («Было ли геттинген?»); III, 298 (кузен); VI, 266; VII, 96 (мой кузен в Люнебурге); IX, 338, 345—354, 359—363, 382—386, 389, 390, 395—397, 420, 430, 432, 435, 448, 449—451, 529, 544; X, 290, 316 (друг).
- Христиани (отец предыдущего) — IX, 338.
- Хуан Австрийский — VII, 142.
- Хуана (дочь Фердинанда II Арагонского) — III, 227.
- Худвалькер, Мартин-Иеронимус. — См. Освальд, Мартин-Иеронимус.

- Хундсхаген, Хельфрих-Бернгард — V, 121; IX, 271, 281—282.
- Хээлит, Вильям — VII, 91—92, 319.
- Хэтчинсон (генерал-майор) — VII, 175.
- Цвиннер (геттингенский студент) — IX, 346, 353.
- Цвиннер (жена предыдущего) — IX, 346, 347, 353.
- Цебровский (актер) — V, 113.
- Цезарь. — См. Юлий Цезарь.
- Цейне, Иоганн-Август — II, 144; V, 61.
- Целлариус, Анри — VIII, 291.
- Цельтер, Карл-Фридрих — V, 40.
- Церф (театральный предприниматель) — V, 79.
- Циглер (биограф Граббе) — IX, 210.
- Циммерман, Фридрих-Готтлиб — V, 139; VI, 182; IX, 409, 415, 419, 420, 432, 435, 437, 443, 449, 459, 460, 462, 487, 492, 499.
- Цингарелли, Никколо-Антонио — VII, 325.
- Цинцендорф, Николаус-Людовиг — IX, 504—505, 506.
- Цинциннат, Люций Квинций — VIII, 225.
- Циппель (няня поэта) — II, 295, 296 (*старушка*); IX, 241—243, 246.
- Цитен, Ганс-Иоахим — V, 36.
- Цицерон, Марк Туллий — II, 291 (*Marcus Tullius*); III, 269; IV, 49, 136, 410; V, 390, 465; VII, 22, 69; VIII, 29, 62; IX, 134, 174, 362, 472.
- Ци Шань — VIII, 161.
- Цукальмально, Франц — I, 190 (*Франц ф. Ц.*); IX, 236 (*Франц*), 258.
- Цунц, Леопольд — VII, 185; IX, 300, 325, 328—329, 333, 337, 345, 364, 367, 368, 374, 377, 387, 402, 422, 446, 473.
- Цунц (жена предыдущего) — IX, 323, 328, 368, 402, 446.
- Чарторийские (польский дворянский род) — V, 99.
- Челлини, Бенвенуто — IV, 432; VII, 302; IX, 389.
- Чингисхан — IV, 81, 98.
- Чичестер (граф) — VII, 170.
- Шад, Христиан — X, 346—347.
- Шаде (пианист) — VIII, 304.
- Шаден, Август — V, 63.
- Шадов, Вильгельм — V, 64; IX, 531.
- Шадов, Иоганн-Готфрид — V, 64.
- Шадов (Цено-Ридольфо) — V, 64 (*молодой Шадов*).
- Шаль, Филарет — VI, 244; IX, 157, 551—554; X, 188—189, 296, 303, 402—403.
- Шальмайер Якоб — IV, 119, 182 (*мой старый учитель*), 183 (*мой учитель, старик*); IX, 135, 203 (*почетное духовное лицо*), 254, 259, 551.
- Шамиссо, Адальберт — I, 327; II, 251; III, 136; IV, 23—24, 94 (*Петер Шлемиль*); V, 44; VI, 265—266; VIII, 41; IX, 377, 409, 430, 440, 528; X, 155, 300.
- Шампольон, Жан-Франсуа — V, 334; VI, 192.
- Шамфор, Никола-Себастьян — V, 270, 374.
- Шапон (биржевой спекулянт) — X, 204.
- Шаретт, Франсуа-Атаназ — VIII, 92.
- Шарлотта (прусская принцесса) — V, 73.
- Шарнгорст, Бернгард-Иоганн — V, 45, 64, 81.
- Шарпантье, Жерве — X, 387.
- Шарпф, Христиан — V, 351.
- Шартрский (архиепископ Шартрский) — VIII, 267.
- Шартрский (герцог Шартрский) — VIII, 109.
- Шастель, Жан — IX, 594.
- Шатель (аббат) — V, 404.
- Шатобриан, Франсуа-Рене — V, 211, 212, 213, 261, 262, 396; VIII, 56, 57, 58, 181; IX, 99, 104, 170, 179.
- Шваб, Густав — II, 149; VI, 265; VII, 158.
- Шварц, Бертольд — III, 218; IV, 157; V, 346.
- Шварц (актер) — VII, 278.
- Швенк, Христиан-Фридрих-Готтлиб — V, 122.
- Шверн, Курт-Христоф — V, 36.

- Шевалье, Мишель — IX, 171, 523, 528, 543; X, 398—399.
- Шеве (колбасник) — V, 253.
- Шези, Вильгельмина (Гельмина) — II, 301; V, 65; X, 300.
- Шейбле, Иозеф — IX, 245, X, 18, 287, 351.
- Шекспир, Вильям — II, 163 («Венецианский кутец»), 222, 223; III, 178 (поэт Альбиона); IV, 49 (Отелло), 103 (Гамлет), 104, 117 (Гамлет), 132, 165 (Макбет), 180, 209 (Фальстаф), 230 (Гамлет), 239 (Ромео), 240 («Ричард III»), 240 («Генрих IV»), 272 («Ромео и Джульетта»), 275—276 («Ромео и Джульетта»), 283, 292 (Фальстаф), 299, 313, 353 (Фальстаф), 390 («Отелло»); V, 20, 22, 27, 45 («Ромео и Джульетта»), 75, 84, 95, 197, 425 (Макбет); VI, 73, 159, 167, 181, 192, 202, 208, 209 (Гамлет), 234, 247, 287, 302, 361; VII, 30, 42, 144, 148, 271, 273, 296, 307—420; VIII, 40, 109, 145, 222, 314; IX, 9, 31, 155, 157, 173, 211, 212, 316, 317, 360, 367, 382, 389 («Король Лир»), 392, 497; X, 67, 300, 329.
- Шеллер (берлинский студент) — IX, 552.
- Шелли, Перси-Биши — IV, 247.
- Шеллинг, Фридрих-Вильгельм-Иозеф — II, 117 (Конфуций), 118, 143, 144, 181, 261, 291; III, 84; IV, 315, 316, 317; V, 144, 154; VI, 62, 67, 68, 127—134, 158—159, 211, 212, 213, 214, 216, 217, 218, 237, 276; VII, 22, 157; VIII, 50, 270; IX, 94, 303, 465, 532.
- Шельм фон Берген — III, 15—16; V, 31.
- Шеп (капитанец) — VI, 100.
- Шенк, Эдуард — IV, 176; IX, 457, 467, 471—472, 475—477, 477, 478, 481, 486, 492, 519; X, 155.
- Шенкендорф, Макс — VI, 263.
- Шеридан, Ричард-Бринсли — IV, 398 («Школа злословия»); V, 161.
- Шефер (педель) — IV, 10.
- Шеффер, Ари — V, 179, 179—185, 224; VI, 230; VII, 88; VIII, 221; IX, 173.
- Шехпер-Вааген, Напетта — IV, 316.
- Шиканедер, Эммануэль — IX, 450.
- Шикар (парижский кашканист) — IX, 104—105.
- Шиллер, Фридрих — I, 17, 18, 312; II, 94—95 («Жалоба Цереры»), 248, 267 («Разбойники»); III, 87, 112; IV, 75, 230, 271 («И небеса очам открыты...»), 300, 322 («Орлеанская дева»); V, 58, 100, 144, 147, 181, 411; VI, 107, 123 (Ш.), 163, 171, 174, 176—180, 186, 266, 277; VII, 47, 157, 158, 252, 267, 271, 279, 321, 330, 354, 412; IX, 96, 158—159, 282, 339 (Толбот), 344, 494, 499, 500; X, 32, 34.
- Шиллинг (барон) — V, 44.
- Шимкайло (польская актриса) — V, 113.
- Шимкайло (польский актер) — V, 114.
- Шиндель (автор книги «Немецкие писательницы XIX века») — VI, 192 (449).
- Шиндерханнес. — См. Бюклер, Иоганн.
- Шиндлер, Антон-Феликс — VIII, 133 («друг Бетховена»), 217.
- Шинкель, Карл-Фридрих. — V, 64.
- Ширгес, Георг — X, 148, 189.
- Шиф, Давид-Герман — X, 290, 309, 371, 387.
- Шлегель, Август-Вильгельм — I, 48, 187, 327; II, 183 (мой учитель); IV, 77, 83, 98 (В недрах английской, испанской...), 294; V, 7, 8, 9, 30, 121, 139, 141, 262; VI, 145, 158—159, 163, 166—167, 170—173, 185, 188, 190, 192—201, 205, 206, 208, 213, 215, 219, 234, 250; VII, 166, 256, 320—322; IX, 30, 93, 97, 265, 272, 274, 280, 391, 413, 523, 534.
- Шлегель, Доротея — VI, 190 (дочь знаменитого Моисея Мендельсона); IX, 98.
- Шлегель, Фридрих — I, 318, 332; IV, 98 (Ты мне нравишься когда-то...); V, 138—139, 140, 145; VI, 119, 158, 161, 163, 164, 166, 170—173, 179, 185, 188—191, 192, 201, 205, 206, 208, 213, 215,

- 219, 234, 250; VII, 256, 361; IX, 98, 389, 432, 534.
- Шлезер, Густав — VI, 245; IX, 578.
- Шлезингер, Морис — II, 151 (*один прохвост*); III, 245; V, 57; VIII, 70, 135, 207, 215, 216; IX, 521, 539, 558; X, 56.
- Шлейермахер, Фридрих-Эрнст-Дамиэль — IV, 153; V, 59, 60, 141, 243; VI, 189.
- Шлюсс, Михаэль — X, 275—276, 366—367, 369—370, 400—401.
- Шлюсс (жена предыдущего) — X, 366, 369 (*принцесса Инга*), 400 (*моя норвежская приятельница*).
- Шлюссер, Фридрих-Христоф — VI, 193.
- Шмалы, Теодор-Антон-Генрих — IV, 123, 289.
- Шмидт (типограф) — X, 375.
- Шнейдер, Георг-Авраам — V, 45, 56.
- Шнети, Жан-Виктор — V, 179, 198—199.
- Шницлер (*сочинитель беззубо-лицеральных писем*) — IX, 536.
- Шодерло де Лакло, Пьер-Амбруаз-Франсуа — IV, 432; V, 417.
- Шови (врач) — X, 235.
- Шопен, Фредерик — VII, 304—305; VIII, 43—44, 132, 212, 300; X, 63, 111, 261, 369.
- Шопен (боинский студент) — IX, 267.
- Шорн, Людвиг — IV, 214.
- Шортал (капитан) — VII, 175.
- Шоттки, Юлиус-Максимилиан — V, 114—116; IX, 287, 310—313.
- Шофье (врач) — II, 315.
- Шнаун, Франц — VI, 179.
- Шпацер, Рихард-Отто — IX, 558; X, 21.
- Шпенер, Иоганн-Карл — VI, 78; X, 240.
- Шнехт (почтовый служащий) — IX, 555.
- Шникер (переводчик В. Скотта) — V, 57, 65.
- Шпис, Иоганн — IX, 10, 27.
- Шпис, Христиан-Герман — V, 90.
- Шпитц, Карл-Иоганн-Филипп — IV, 135; IX, 363, 385.
- Шпитглер, Людвиг-Тимотеус — IV, 176.
- Шпренгер, Яноб — IX, 245.
- Шрам (профессор) — IV, 119.
- Шредер, София — V, 135.
- Шредер, Фридрих-Людвиг — VII, 325.
- Шредтер, Адольф — VII, 154.
- Шрейбер, Алонс — VI, 302; VIII, 205.
- Шрейбер, Филипп-Вильгельм — IV, 394.
- Шрек, Иоганн-Маттиас — VI, 22; IX, 373.
- Шрек (актриса) — V, 111.
- Штар, Адольф — X, 256, 261.
- Штауб (парижский портной) — V, 355; IX, 156.
- Штегеман, Фридрих-Август — V, 243; IX, 499.
- Штегман, Карл-Иозеф — X, 280.
- Штейн, Генрих-Фридрих — VI, 163; IX, 180.
- Штейнман, Фридрих-Арнольд — I, 190 (*Фриц Шт.*); IX, 267, 267—271, 273—276; X, 138—139.
- Штенель, Франц-Давид-Христоф — V, 63.
- Штерн (Пазенитерн) — VII, 63 (*з-и **), 215; VIII, 130 (*з-и ***), 226.
- Штерриберг, Александр — X, 370.
- Штиглиц, Генрих — X, 22.
- Штилер, Карл-Иозеф — V, 135.
- Штифель (библиотекарь) — VI, 311—312.
- Штих-Крелингер, Августа — IV, 272, 273, 276; V, 41, 45, 46, 111, 135, 242; VII, 61, 351, 369; IX, 368.
- Штольберг, Фридрих — VI, 168.
- Штольберг-Верцингероде (граф) — IV, 43.
- Штольтерфот (Цвирлейн), Адельгейда — V, 31.
- Штольц (актриса) — VIII, 310.
- Шторх, Людвиг — X, 255, 370.
- Штраубе, Генрих — I, 49—50; VI, 266; IX, 276—277, 277—280, 346.
- Штраус, Герхардт-Фридрих-Абрахам — IV, 97 (*толстый настоял.*).
- Штраус, Давид-Фридрих — VII, 157, 160; IX, 152; X, 35, 239—240.
- Штраус, Иоганн (отец) — VIII, 83.
- Штраус, Соломон — VII, 85 (*молодой кулец из Франкфурта*); X, 101 (*телесный супруг той дамы*),

- 112 (субъект), 115 (Роговой Зигфрид), 117—118, 119, 120, 121—122, 124, 137, 178, 183, 189, 206, 319.
- Штрекфус, Карл — VII, 237.
- Штротман, Адольф — X, 344.
- Штрюльнер (ассессор) — IX, 450.
- Штувер (боннский студент) — IX, 284.
- Штюрмер (барон) — IV, 386.
- Шубарт, Карл-Эрнст — IV, 77; VI, 182; IX, 389.
- Шубарт, Христиан-Фридрих-Даниэль — V, 176; VII, 163.
- Шуберт, Камилл — VIII, 216.
- Шуберт, Франц — VIII, 215, 216.
- Шудрана — VI, 175 («Васантамена»).
- Шудт, Иоганн-Якоб — IX, 364, 387.
- Шульц, Генрих — V, 29, 33 (*Ваше милейшее письмо...*), 118; IX, 270, 360, 531.
- Шульд, Иоганн — VI, 98, 112, 113—114.
- Шульц (оперная певица) — V, 52.
- Шуман (цирковой артист) — V, 62.
- Шупп, Бальгазар — IV, 141.
- Шюниш, Христоф-Бернгард-Левин — X, 79.
- Шюлер, Фридрих — V, 351.
- Шюппель (издатель) — V, 63.
- Шютц, Фридрих-Карл-Юлиус — VI, 164, 179; IX, 342.
- Шютц, Христиан-Готфрид — IV, 48; V, 85; VI, 98, 179.
- Эбер (Дюшен), Жан-Рене — VIII, 326.
- Эвние, Иоганна — V, 38.
- Эдкворт, Генри-Аллен — V, 213.
- Эдит Леблякья Шей — III, 19, 20, 21, 157.
- Эдуард III — VII, 359, 360, 361.
- Эдуард IV — V, 151; VIII, 156.
- Эдуард (сын предыдущего) — V, 208 (*юный король*).
- Эдуард V — V, 151.
- Эдуард VI — V, 151.
- Эзоп — III, 213; IX, 111, 134.
- Эйзенменгер, Иоганн-Андреас — X, 352.
- Эйхгорн, Иоганн-Готфрид — VIII, 142; IX, 347, 368.
- Эйхендорф, Иозеф — VI, 265, 321.
- Энкерман, Георг — X, 169.
- Энкерман, Иоганн-Истер — II, 57; IV, 213; VI, 181; IX, 94, 342; X, 298.
- Энкштейн, Фердинанд — III, 164; VIII, 238, 243; IX, 98—99 (*некий немецкий барон*).
- Эленшлегер, Адам-Готлоб — V, 22; VII, 252; IX, 291, 358—359; X, 34, 323.
- Элиан Софист — VI, 290.
- Эллинор (жена короля Генриха II) — II, 84 (*эльвица Платинагета*).
- Элюза (возлюбленная Абелипра) — VI, 326; IX, 192.
- Эльверс, Христиан-Фридрих — IV, 55 (*Маркус Туллиус Эльверсус*).
- Эльзевир, Исаак — IV, 136 (*Эльзевирус*).
- Эльслер, Фанни — II, 263; VII, 114; VIII, 163, 301; IX, 196.
- Эльслер (помещик-снеговод) — X, 36.
- Эмбден, Адольф — IX, 435; X, 142.
- Эмбден, Анна — X, 253, 255, 275, 305.
- Эмбден, Елена — X, 151 (*Ленхен*).
- Эмбден, Луиза — X, 151 (*Лизхен*).
- Эмбден, Людвиг — IX, 544; X, 151, 214, 232, 375.
- Эмбден, Марин — IX, 544; X, 140 (*Марихен*), 147 (*э-жа фон Фосс*), 151.
- Эмбден, Мориз — IX, 298—299, 338, 358 (*Шутаник*), 404, 409, (*зять мой*); X, 127 (*мой зять*), 213, 358, 375.
- Эмбден, Шарлотта. — См. Гейне, Шарлотта.
- Эмбер (французский генерал) — VII, 174, 175.
- Эмних (знакомая Гейне) — IX, 416.
- Энгель, Иоганн-Якоб — VI, 85.
- Энгельсвий (герцог Энгельсский) — V, 213.
- Энгельсдер, Зигмунд — X, 312, 324, 378.
- Энгр, Жан-Огюст-Доминик — V, 225.
- Эразм Роттердамский — III, 51, §6; VI, 43.
- Эрар (фабрикант фортепьяно) — VIII, 76, 111, 300, 309.
- Эрбуа, Колло — V, 73.

- Эрлих (книгопродавец) — X, 274.
- Эрманс (приятельница Лассаля) — X, 195.
- Эрнст, Генрих-Вильгельм — VIII, 134, 208, 305—306.
- Эрнст-Август (король Ганновера) — II, 308.
- Эрнст Кумберлендский — IX, 227.
- Эрнст Швабский — VI, 255.
- Эрхард, Иоганн-Бенъямин — IX, 513 (*материалистический врач*).
- Эскирос, Анри-Альфонс — VIII, 324—325.
- Эскудеро (скрипач) — V, 48.
- Эснюдье, Леон — VIII, 134; X, 190, 199.
- Эснюдье, Мари — VIII, 134; X, 190, 199.
- Эслер, Фердинанд — V, 135.
- Эспартеро, Бальдомеро — II, 242.
- Эссекс (граф) — VIII, 157.
- Эсте (знатный итальянский род) — IX, 165.
- Эсте, Альфонс — V, 14, 15, 16.
- Эсте, Инполито — II, 250.
- Эсте, Леопора — V, 14, 15.
- Эсте, Матильда — II, 111.
- Эсхил — V, 220; VI, 80, 196, 197.
- Эггкс, Антуан — V, 225.
- Эшенбург, Иоганн-Иоахим — VII, 321.
- Юлиан Флавий Отступник — IX, 146.
- Юлиана-Мария (датская королева) — V, 134, 136.
- Юлий Цезарь — II, 119, 120; IV, 81, 210—211, 424; V, 375, 391, 407; VI, 163, 274, 277; VII, 22, 30, 247, 334—338, 343; VIII, 100; IX, 82.
- Юм, Давид — IV, 176.
- Юм, Дюжозеф — V, 344—345.
- Юнг, Александр — X, 79.
- Юнг, Георг — X, 171, 256.
- Юнг-Штиллинг, Иоганн-Генрих — VI, 43; VIII, 260.
- Юний (шведоним). — См. Фрэнсис, Филипп.
- Юстгя (римский историк) — VI, 204.
- Юстиннан — IV, 10, 55, 136; IX, 351.
- Юхтриц (Ихтриц), Петер-Фридрих — IV, 145—146 (*жалкий автор жалких трагедий*); V, 86; VI, 258; IX, 297, 408, 435, 458, 487.
- Ягор (берлинский ресторатор) — V, 34, 41, 62, 68, 77.
- Якоби, Фридрих-Генрих — VI, 73—74; IX, 159.
- Якобсон, Мейер — IX, 337.
- Ян Лейденский. — См. Иоанн Лейденский.
- Ян, Фридрих-Людвиг — II, 153, 291; V, 174; VI, 162; VII, 79; VIII, 57; IX, 97; X, 263.
- Янтген Амстердамский (фокусник) — VI, 257.
- Ярке, Карл-Эрнст — IV, 248; V, 249, 326; VII, 103—106.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

произведений и писем Генриха Гейне,
включенных в настоящее собрание
сочинений¹

<i>А.-В. Шлегело</i>	I, 48
« <i>А если в награду...</i> »	IX, 260
<i>Адам Первый</i>	II, 105
<i>Аэр</i>	III, 36
<i>Али-Бей</i>	II, 84
<i>Алая покая</i>	III, 169
<i>Аллилуйя</i>	III, 295
<i>Альберт Метфессель</i>	V, 122
<i>Альманзор</i>	I, 131
<i>Альманзор [трагедия]</i>	I, 203
« <i>Альянс священный прочно...</i> »	II, 16
<i>Ангелы</i>	II, 104
<i>Английские фрагменты</i>	IV, 366
<i>Анжелика</i>	II, 32—36; 127—128 (дополнения)
<i>Аппо 1829</i>	II, 78
<i>Аппо 1839</i>	II, 79
<i>Атта Тролля (Сон в летнюю ночь)</i>	II, 181
<i>Аудиенция</i>	III, 208
<i>Аутодафе</i>	III, 93
<i>Аффронтенбург</i>	III, 178; 311 (варианты)
« <i>Ах, как сад благоухает!</i> »	II, 17
« <i>Ах, опять тот взор, что прежде...</i> »	I, 119
« <i>Ах, я слез любовных жажду...</i> »	II, 12
<i>Бамберг и Вюрцбург</i>	I, 311
<i>Бахерахский раввин</i>	VII, 195

¹ Римская цифра обозначает номер тома, арабская — номер страницы. Заглавия стихотворений выделены курсивом,

<i>Гегство</i>	II, 169
<i>Бедный Петер</i>	I, 30
« <i>Бежал я от жестокой прочь...</i> »	I, 16
« <i>Вежит все дальше барка...</i> »	II, 134
« <i>Без слов, без клятв целуй меня...</i> »	I, 60
<i>Белый слон</i>	III, 9
<i>Белый цветок</i>	I, 183
<i>Берта</i>	II, 161
<i>Бертрам де Борн</i>	II, 83
« <i>Бесплодно голову ломал я...</i> »	I, 110
<i>Бимини</i>	III, 217; 312 (варианты)
<i>Бог Аполлон</i>	III, 27
<i>Боги в изгнании</i>	IX, 49
<i>Боги Греции</i>	I, 172
<i>Богиня Диана</i>	IX, 73
« <i>Боль и муку без границы...</i> »	I, 313
<i>Большие обещанья</i>	II, 116
« <i>Большой, таинственный город...</i> »	I, 93
<i>Бродячие крысы</i>	III, 267
« <i>Врость свои иносказанья...</i> »	III, 180
<i>Бурлескный сонет</i>	I, 316
<i>Буря</i>	I, 158
<i>Бышему гегтанцу</i>	II, 107
<i>Вывший страж почей</i>	III, 83
« <i>Был месяц март, когда любовь...</i> »	I, 318
« <i>Была ты из самых верных...</i> »	I, 65
<i>Былое счастье</i>	II, 133
« <i>В белый сад выходишь утром...</i> »	II, 7
<i>В гавани</i>	I, 176
« <i>В глазах твоих синих-синих...</i> »	II, 14
« <i>В глухую ночь, в блаженном сне...</i> »	I, 11
« <i>В годы юности, бывало...</i> »	I, 118
« <i>В городе Галле на рынке...</i> »	I, 121
« <i>В диком бешенстве почамы...</i> »	III, 275
« <i>В ее портрет углубившись...</i> »	I, 96
« <i>В их поцелуях крылся путь к изменам...</i> »	III, 273
« <i>В которую из двух влюбиться...</i> »	II, 46
« <i>В Куксхафене у верфи...</i> »	IX, 352
<i>В мае</i>	III, 170
« <i>В моей любезной отчизне...</i> »	II, 154
« <i>В мозгу моем пляшут, бегут и шумят...</i> »	III, 282

« В облаках лежит луна... »	I, 195
В октябре 1849	III, 104
« В разных формах возникаю... »	II, 161
« В сердце боль, устали ноги... »	I, 122
« В серый плащ укрылись боги... »	I, 195
В соборе	II, 167
« В темной почтовой карете... »	I, 116
« В час, когда любовниц милых... »	II, 34
« В часах песочных струя... »	III, 289
« В чем значение желтой розы?... »	II, 166
« В этой жизни слишком темной... »	I, 84
Вавилонские заботы	III, 173
Валтасар	I, 38
Валькирии	III, 16
Введение к «Дон-Кихоту»	VII, 136
« Вдвоем на уличном углу... »	II, 39
Ведьма	II, 175
Венок сонетов А.-В. Шлегелю	I, 187
Весеннее ликование	II, 74
« Весенней ночи прекрасный взор... »	II, 8
« Весенней ночью, в теплый час... »	II, 11
« Весеннюю ночью иней упал... »	II, 72
Весна	II, 84
« Весна идет и брачный пир дарит... »	II, 130
« Весна сурова, сневиденья... »	II, 22
« Весь день о ней я тосковал... »	I, 367
« Весь день я в утрадах небесных провел... »	II, 132
« Весь отражен простором... »	I, 60
« Вечер пришел безмолвный... »	I, 90
« Вечерет. Поздним летом... »	I, 122
« Вечность, ох, как ты долга!... »	III, 285
« Взгромоздись на Роландск... »	I, 309
« Взыскал я улыбкой бога... »	II, 32
« Взял бы черт твоих несносных... »	II, 43
Вильям Ратклиф [трагедия]	I, 265
« Висок мой вся в черном госпожа... »	III, 181
Вицципуцци	III, 50
« Вконец, вконец тобой забыто... »	I, 63
« Вместо дел — засилье слова!... »	III, 300
« Вновь с истерзанной душою... »	II, 128
« Во сне я горько плакал... »	I, 77
Вознесение	III, 189

«Волнует сердце безмерно...»	II, 136
Вопросы	I, 174
Воскресение из мертвых	III, 95
Воспоминание («Ларец одному, а другому — алмаз»)	III, 97; 157
Воспоминание («Чего ты хочешь, нежное виденье?»)	I, 319
Воспоминание о Гаммонии	III, 201
Воспоминание о днях террора в Кривинкеле	III, 207
«Вот вызвал я силою слова...»	I, 21
«Вот май опять поваял...»	II, 9
«Вот сосед мой дон Энрикес...»	I, 120
«Вошел я под свод галереи...»	I, 94
«Вражда с любовью, любовь с враждою...»	I, 316
«Все выпито. Ужин окончился наш...»	II, 47
«Все деревья зазвучали...»	II, 10
Все зависит от массы	III, 264
«Все море золотом горит...»	II, 31
Встреча	II, 91
«Всюду, где ты только ходишь...»	II, 43
«Вся кровь взметнулась во мне...»	I, 10
«Вчера блеснуло счастье мне...»	II, 133
«Вчера мне любимая спилась...»	I, 104
Вырождение	II, 110
Г. III.	I, 49
Гамбургский пожар	VII, 179
Ганс Безземельный	III, 205
Гаральд Гарфагар	II, 92
Гарантия	III, 92
Где?	II, 170
«Где девчонка эта, боже...»	I, 116
«Где, скажи мне, та, чью прелесть...»	I, 123
Генрих	II, 111
Георгу Гервегу («Гервег, жаворонок железный...»)	II, 142
Георгу Гервегу («Поверил немцам ты земельным...»)	II, 113
Германия (Зимняя сказка)	II, 265
Германия (Лето 1840 года)	II, 139
Германия (Сновидение)	I, 303
Гимн	II, 139
«Глаза весны синеют...»	II, 12
«Гляжу в глаза твои, мой друг...»	I, 57
«Голубка и роза, заря и лилея...»	I, 57
Гонец	I, 33

«Гор и замков вереницы...»	I, 26
Горная идиллия	I, 139; IV, 33
Горный голос	I, 28
Город Лукка	IV, 313
Гортензия	II, 39—42
Госпожа Забота	III, 102
Гофрату Георгу С. в Геттингене	I, 188
«Грезы старые, проснитесь!..»	I, 198
Гренадеры	I, 32
Гроза	I, 166
«Грозит беда, набат раздаётся...»	II, 12
«Громадный снился мне чертог...»	I, 79
«Грубости средневековья...»	III, 291
«Гугеноты» Мейербера	VII, 133
«Гуляю меж цветами...»	II, 15
«Да не будет он помянут!..»	III, 274
«Да, птичка певчая мертва...»	III, 313 (добавления)
«Да, ты, конечно, мой идеал...»	II, 34
«Да, ты несчастна, — как сердиться мне?..»	I, 62
«Да, ты оправдана судом...»	III, 184
«Давали советы и наставленья...»	I, 112
Два брата	I, 29
Два рыцаря	III, 32
«Двое перед разлукой...»	I, 74
[Двойник]. — См. «Тихая ночь, на улицах дрема...»	
«Девушка, стоя у моря...»	II, 29
«Девушка, чьи нежны губки...»	I, 107
Девушки и женщины Шекспира	VII, 307
«Девушку юноша любит...»	I, 70
Диана	II, 37—38
Диспут	III, 140; 309 (варианты)
«Дитя, мы были дети...»	I, 102
«Для старых, мрачных песен...»	I, 82
«Дни и ночи сочиняя...»	I, 315
Добродетельный пес	III, 250
Добрый совет («Брось смущенье, брось кривлянье...»)	III, 200
Добрый совет («Всегда их подлинную кличку...»)	III, 276
«Довольно! Пора мне забыть этот вздор!»	I, 105
Доктор Фауст	IX, 5
Доктрина	II, 105
Дон Рамиро	I, 34

<i>Донна Клара</i>	I, 128
Дополнения к «Книге песен»	I, 179—200
Дополнения к «Разным»	II, 127—136
<i>Дрезденская поэзия</i>	I, 314
«Друг, опять пришла любовь...»	I, 109
«Друг! Ты все одну стрелочешь...»	I, 105
«Друг, что слышу! Распростился...»	II, 177
Духи стихий	VI, 279
<i>Духовная</i>	III, 107
<i>Дуэль</i>	III, 248
<i>Еврейские мелодии</i>	III, 109—153
<i>Елена</i>	II, 103
<i>Enfant perdu</i>	III, 107
«Если смысла не добьешься...»	I, 309
«Если спросишь, друг мой нежный...»	I, 61
«Если только ты не спишь...»	II, 13
«Если ты связан интимно с дамой...»	II, 168
<i>Ж.-Б. Р.</i>	I, 188
<i>Жалоба старонемецкого юноши</i>	II, 88
«Желтеет древесная зелень...»	II, 134
<i>Женщина</i>	II, 74
<i>Жизненный путь</i>	II, 112
«Жил-был старый король...»	II, 18
«Жил черт, и черт из важных...»	II, 176
«Жил я верую одною...»	II, 39
<i>Жоффриу Рюдель и Мелиганда Триполи</i>	III, 41
«За алтарем укрылся поп в тревоге...»	I, 310
«За столиком чайным в гостиной...»	I, 75
«За тебя, дитя, боюсь я...»	I, 107
«Забывлась девушка дремой...»	I, 95
«Забывлись муки в тишине...»	I, 20
<i>Завещание</i>	III, 297
«Зазвенело в песенке звонкой...»	II, 166
<i>Закат солнца</i>	I, 168
<i>Заклятье</i>	II, 75
<i>Закон жизни</i>	III, 94
«Закрыв глаза ей, алый рот...»	II, 33
«Залив Бискайский был ей...»	II, 37
<i>Заметки</i>	III, 154—158

«Застыло сердце в скуке безотрадной...»	II, 23
«Звезда упала в бездну...»	I, 79
«Звезды ножками златыми...»	II, 22
«Звезды, с неба протяните...»	I, 194
«Землю губит злой недуг...»	III, 286
«Земные страсти, что горят нетлению...»	II, 178
Зима	II, 101
Зимняя сказка. — См. Германия (Зимняя сказка)	
Злочастье	II, 77
Злые сны	III, 105
«Знай зубри, юнец, упорно...»	I, 310
Золотой телец	III, 34
«И был вначале соловей...»	II, 11
«И в повседневных грезях...»	II, 40
«И мнит ся, несусь я вновь на коне...»	I, 313
«И я когда-то знал край родимый...»	II, 71
«Иерает буря танец...»	I, 90
Идеи. Книга Ле Гран	IV, 99
«Идет конец — в том нет сомненья...»	II, 177
Иегуда бен Галеви	III, 114; 158 (заметки); 309 (варианты)
«Из вод подымая головку...»	II, 13
«Из края в край твой путь лежит...»	II, 70
Из мемуаров господина фон Шнабелевского	V, 419
«Из мрака дома выступают...»	I, 116
«Из муки моей нестерпимой...»	I, 69
Из письма	II, 76
Из «Путешествия по Гарцу»	I, 138—147
«Из слез моих расцветает...»	I, 56
«Из старых сказок, мнит ся...»	I, 72
Избавитель	II, 156
«Излейся, сердце большое...»	I, 317
Изменица Луиза	II, 162
Ильза	I, 146; IV, 60
Иоганн Витт фон Дерринг	V, 151
Иоланта и Мария	II, 46—47; 131
Испанские атриды	III, 74; 307 (варианты)
Истории	III, 7—68
Ишачество	II, 97
К ангелам	III, 103
К девичику	II, 159

<i>К Дженни</i>	II, 172
<i>К дочери возлюбленной</i>	II, 174
<i>К истории религии и философии в Германии</i>	VI, 11
<i>К Лазарю</i>	III, 180—187
<i>К ней</i>	I, 192
<i>К различному пониманию истории</i>	VI, 5
<i>К сведению</i>	III, 290
<i>«К твоей груди белоснежной...»</i>	I, 117
<i>К телеологии</i>	III, 292
<i>К успокоению</i>	II, 119
<i>«К устам моим устами...»</i>	I, 193
<i>«Каждый день в саду гуляла...»</i> — См. <i>Аэр</i>	
<i>«Как из пены воссиявшая...»</i>	I, 62
<i>«Как из тучи светит месьяц...»</i>	I, 103
<i>«Как изящна соразмерность...»</i>	II, 165
<i>«Как луна дрожит на лоне...»</i>	II, 16
<i>«Как медлит время, как ползет...»</i>	III, 181
<i>«Как Мерлин в легенде чудной...»</i>	II, 65
<i>«Как можешь ты спать спокойно...»</i>	I, 95
<i>«Как молнией во мгле неверной...»</i>	III, 185
<i>«Как ни прекрасен — полон мук...»</i>	III, 288
<i>«Как призрак забытый, из гроба...»</i>	I, 70
<i>«Как серна робкая, она...»</i>	II, 27
<i>«Как страстно в розу влюблен мотылек...»</i>	II, 10
<i>«Как твой пастух, немалый срок...»</i>	III, 281
<i>«Как ты поступила со мною...»</i>	II, 30
<i>«Какое жаркое лето...»</i>	I, 74
<i>Капризы влюбленных</i>	III, 196
<i>Карл I</i>	III, 21
<i>«Карнавал любви безумной...»</i>	II, 35
<i>Картина. Трагедия барона Э. фон Гувальда</i>	I, 312
<i>Катарина</i>	I, 64—69
<i>Китайский император</i>	II, 117
<i>Китти</i>	II, 132—136
<i>«Китти вянет! Эти щеки...»</i>	II, 134
<i>Кларисса</i>	II, 43—45; 128—131 (дополнения)
<i>Клоп</i>	III, 244
<i>Книга Ле Гран.</i> — См. <i>Идеи. Книга Ле Гран.</i>	
<i>Книга песен</i>	I, 1—178
<i>Кобес I.</i>	III, 211
<i>«Когда бы цветы узнали...»</i>	I, 63
<i>«Когда в гробу, любовь моя...»</i>	I, 67

«Когда в Оттёнзене я был...»	I, 303
«Когда выхожу я утром...»	I, 91
«Когда лежу я в постели...»	I, 107
«Когда мне семью моей милой...»	I, 87
«Когда пиявка насосалась...»	III, 284
«Когда подступает волшебный миг...»	I, 303
«Когда ты раскрыла объятия — о боги!...»	I, 196
«Когда я в твоих объятиях страстных...»	II, 33
«Когда я с милою вдвоем...»	I, 308
«Колыбель моей печали...»	I, 24
Король Длинноухий I	III, 258
Король Ричард	III, 35
Коронование	I, 148
«Красавица рыбацка...»	I, 88
Красные туфли	III, 172
Крик сердца	II, 155
«Кричат, негодуя, кастраты...»	I, 119
«Кто впервые в жизни любит...»	I, 112
«Кто память у сердца отнимет...»	I, 194
Лазарь	III, 94—108
Ламентации	III, 69—108
«Лгут уста, но ложь понятна...»	I, 197
«Лежать в объятиях ты рада...»	II, 66
Лесное уединение	III, 69
«Липа их могилу тенью покрывает...»	II, 73
Лирическое интермеццо	I, 55—58
[Лорелея].— См. «Не знаю, что значит такое...»	
Лотос	III, 300
Лошадь и осел	III, 251
Луккские воды	IV, 235
«Луна плывет незримо...»	I, 89
«Лунным светом пьяны липы...»	II, 19
«Любви моей лилея...»	I, 315
«Любимая, ночью безмолвной...»	I, 71
«Люблю я цветок, но не знаю, который...»	II, 9
«Люблю я эту бледность тела...»	II, 66
Любовная жалоба	I, 181
Любовный прилет	I, 181
«Любовь моя сумрачным светом...»	I, 73
«Любовь, толкуют люди...»	I, 99
Людвиг Берне	VII, 5

Людвиг Маркус	VII, 181
Лютеция	VIII, 5—326
<i>Мавританский князь</i>	III, 39
<i>Маленький народец</i>	III, 31
<i>Мария-Антуанетта</i>	III, 22
<i>Матильде в альбом</i>	III, 88
Мемуары	IX, 199
« <i>Меня не тянет в рай небесный...</i> »	III, 186
« <i>Меня ты, крошка, не конфузъ...</i> »	I, 197
<i>Miserere</i>	III, 287
<i>Мими</i>	III, 198
<i>Миннезингеры</i>	I, 40
<i>Мир</i>	I, 162
<i>Мир навыворот</i>	II, 120
<i>Мифология</i>	III, 88
<i>Михель после марта</i>	II, 153
« <i>Мне в лес бы зеленый! Как дивно там...</i> »	I, 308
« <i>Мне весна все дни, все ночи...</i> »	II, 21
« <i>Мне вчера приснилось, будто...</i> »	II, 67
« <i>Мне мгла сомкнула очи...</i> »	I, 81
« <i>Мне снилась она, королевская дочь...</i> »	I, 71
« <i>Мне енилось: печально светила луна...</i> »	I, 97
« <i>Мне снился пыл неистовых измен...</i> »	I, 6
« <i>Мне снился сон, что я господь...</i> »	I, 113
« <i>Мне снился фантик — вылощен, наряжен...</i> »	I, 9
<i>Моей матери В. Гейне (урожденной фон Гельдерн)</i>	I, 48
<i>Моему брату Максу</i>	III, 291
« <i>Мои отравлены песней...</i> »	I, 75
« <i>Мрим бы песням нежным...</i> »	I, 314
« <i>Мой день был ясен, ночь моя светла...</i> »	III, 281
<i>Морская болезнь</i>	I, 199
<i>Морское видение</i>	I, 160
<i>Морфина</i>	III, 289
« <i>Мужчины, девы, женщины, внемлите!...</i> »	I, 311
<i>Мушке</i>	III, 299
« <i>Мы были чувства полны с тобой...</i> »	I, 65
« <i>Мы возле рыбацкой лачуги...</i> »	I, 88
« <i>Мы здесь построим на скале...</i> »	II, 28
Мысли, заметки, импровизации	IX, 141
<i>На богомолье в Кевлар</i>	I, 134
<i>На Брокене</i>	I, 145; IV, 55

«На бульварах Саламанки...»	I, 120
«На глазки возлюбленной моей...»	I, 61
«На груди цветы в три цвета...»	II, 131
«На дальнем горизонте...»	I, 93
«На крыльях песни подруга...»	I, 59
На прибытие почного сторожа в Париж	II, 103
«На пустынный берег моря...»	II, 25
«На севере диком стоит одиноко...»	I, 68
«На той на горе на высокой...»	I, 92
«На черных ветрилах летит мой корабль...»	II, 29
На чужбине	II, 70—71; 131—132 (дополнения)
«Над побережьем почь серест...»	II, 28
«Нам часто бывает и грустно...»	II, 166
Напрасное томление	II, 103
Напутствие	I, 47
Наш флот	II, 148
«Наши души остаются...»	II, 132
«Не броди по закоулку...»	II, 44
«Не верую я в небо...»	I, 193
«Не долго счастье легло мне...»	II, 41
«Не досадуйте напрасно...»	I, 105
«Не знаю, что значит такое...»	I, 84
«Не мог я петь и грустью страшной...»	II, 69
«Не отвергай! Пусть жар погас...»	II, 35
«Не повезло мне — сегодня во сне ...»	IX, 451
«Не подтрунивай над чертом...»	I, 101
«Не страшись, души отрада...»	II, 128
«Не тревожься: наше чувство...»	II, 21
«Небо, как всегда, невзрачно!..»	II, 24
Неверующий	III, 89
Невольничий корабль	III, 175
«Недвижен, как ствол древесный...»	II, 48
Незнакомка	II, 86
«Немецкая литература» Вольфганга Менцеля	V, 138
Несовершенство	III, 97
«Нет, прелестная, не верю...»	II, 33
«Нет, слишком поздно! И улыбки...»	II, 44
«Неужели не сказал ты...»	I, 100
«Ни увереньями, ни лестью...»	III, 290
Пищенство	III, 96
Новая весна	II, 7—24
Новые стихотворения	II, 5—136

<i>Новый Александр</i>	II, 145
<i>Новый госпиталь для сынов Израиля в Гамбурге</i>	II, 112
<i>Ночная поездка</i>	III, 48
<i>Ночному сторожу</i>	II, 118
<i>Ночные мысли</i>	II, 122
<i>Ночь в каюте</i>	I, 155
<i>Ночь на берегу</i>	I, 151
<i>Ночь на Драхенфельзе</i>	I, 189
<i>«О Гофман, ты — Брут немецкий!..»</i>	II, 141
<i>«О, если ты станешь моей женой...»</i>	I, 117
<i>«О, как быстро возникает...»</i>	II, 127
<i>«О муках своих я решил рассказать...»</i>	I, 100
<i>О Польше</i>	V, 91
<i>«О, пусть бы розы и кипарис...»</i>	I, 27
<i>«О сердце мое, ты печально...»</i>	I, 85
<i>О французской сцене</i>	VII, 235
<i>Обет</i>	I, 184
<i>«Образ сфинкса наделен...»</i>	III, 185
<i>Оглядка</i>	III, 94
<i>«Одна звезда вошла в моей ночи...»</i>	II, 64
<i>Окассен и Nicolette, или Любовь в доброе старое время</i> . I, 312	
<i>Ollea</i>	II, 97—104
<i>Она погасла</i>	III, 106
<i>«Они любили друг друга...»</i>	I, 100
<i>«Они меня истерзали...»</i>	I, 74
<i>«Они наплели немало...»</i>	I, 64
<i>«Опять воскрешает мне память...»</i>	II, 19
<i>Опять на родине</i>	I, 84—137
<i>«Оробев, моих признаний...»</i>	II, 43
<i>Орфеистическое</i>	III, 273
<i>«Осень. Пал туман на долины...»</i>	II, 24
<i>Ослы-избиратели</i>	III, 262
<i>«Оставь Берлин, где мгла и пыль густая...»</i>	II, 62
<i>Оставь меня!</i>	II, 88
<i>«От глупых девушек трудно мне...»</i>	II, 167
<i>«От милых губ отпрянуть, оторваться...»</i>	I, 115
<i>Ответ</i>	II, 176
<i>Отрывок («Блаженный миг — когда устами...»)</i>	I, 321
<i>Отходящий</i>	III, 277
<i>«Отчего весенние розы бледны...»</i>	I, 64
<i>Отцепенцу</i>	I, 318

<i>Охладелый</i>	III, 99
<i>«Очи, смертные состави!»</i>	II, 165
<i>Очищение</i>	I, 162
<i>Пастушок</i>	I, 145; IV, 40
<i>Певице, спевшей старинный романс</i>	I, 44
<i>Пеан</i>	III, 245
<i>«Пел соловей, и липа цвела...»</i>	I, 65
<i>Песенка о раскаянье</i>	I, 42
<i>Песни</i>	I, 23—27
<i>Песни творения</i>	II, 59—61
<i>Песнь маркитантки</i>	III, 243
<i>Песнь песней</i>	II, 170
<i>Песня о дукатах</i>	I, 45
<i>Песня океанид</i>	I, 169
<i>Песня узника</i>	I, 31
<i>Письма</i>	
Андерсену, Х.-К. 10 августа 1833 г.	IX, 543
Андерсену, Х.-К. [4 мая 1843 г.]	X, 141
Анфантену, П. 10 мая 1835 г.	IX, 564
Бальзаку, О. 27 февраля [1846 г.]	X, 199
Бейггему, Ф. 15 июня 1820 г.	IX, 265
Бельджойозо, Христине. 1 марта 1834 г.	IX, 547
Бельджойозо, Христине. 18 апреля 1834 г.	IX, 548
Бельджойозо, Христине. 30 апреля 1834 г.	IX, 549
Бельджойозо, Христине. 11 апреля 1835 г.	IX, 562
Бельджойозо, Христине. 4 июня 1835 г.	IX, 564
Бельджойозо, Христине. 30 октября 1836 г.	IX, 593
Берне, Л. [Май (?) 1826 г.]	IX, 410
Берне, Л. и Воль, Жанетте [Конец ноября 1827 г.]	IX, 459
Бертену, А. 26 сентября 1835 г.	IX, 570
Брокгаузу, Ф.-А. 7 ноября 1820 г.	IX, 271
Бюлозу, Ф. 7 июля 1855 г.	X, 402
В аугсбургскую «Всеобщую газету». 19 ноября 1833 г.	IX, 546
В аугсбургскую «Всеобщую газету». 26 апреля 1836 г.	IX, 587
В аугсбургскую «Всеобщую газету». 15 мая 1848 г.	VIII, 378
В аугсбургскую «Всеобщую газету». 15 апреля 1849 г.	X, 240
В редакции немецких газет. 7 июля 1841 г.	X, 114
В редакцию газеты «Le Constitutionnel». 7 июня 1840 г.	X, 95
В редакцию газеты «Le National de 1834». 25 декабря 1844 г.	X, 177
Весрту, Г. 5 ноября 1851 г.	X, 297

Вейлю, А. [19 августа 1841 г.]	X, 118
Вейлю, А. 19 августа 1841 г.	X, 119
Вейлю, А. 26 августа 1841 г.	X, 120
Вейлю, А. 28 июля 1846 г.	X, 200
Вепедею, Я. 2 сентября 1839 г.	X, 88
Вепедею, Я. 19 августа 1841 г.	X, 116
Верману, Х.-Г. 13 февраля 1852 г.	X, 309
Вертхейму, Л. 22 декабря 1845 г.	X, 189
Винбаргу, Л. [Июль или август 1830 г.]	IX, 509
Виньи, А. 3 апреля [1835 г.]	IX, 556
Витту фон Деррингу, Ф.-И. 23 января [1828 г.]	IX, 462
Вольвилю, П. 1 апреля 1823 г.	IX, 299
Гансу, Э. Май 1826 г.	IX, 409
Гейне, Амалии. 19 ноября 1917 г.	IX, 264
Гейне, Бетти. 18 сентября 1843 г.	X, 141
Гейне, Бетти. 18 октября 1843 г.	X, 143
Гейне, Бетти. 24 июня 1845 г.	X, 186
Гейне, Бетти. 17 июня 1848 г.	X, 227
Гейне, Бетти. 26 июня 1848 г.	X, 229
Гейне, Бетти. 31 августа 1854 г.	X, 374
Гейне, Бетти. 24 января 1856 г.	X, 411
Гейне, Бетти и Эмбден, Шарлотте. 25 октября 1833 г.	IX, 544
Гейне, Бетти и Эмбден, Шарлотте. 13 мая 1842 г.	X, 127
Гейне, Бетти и Эмбден, Шарлотте. 19 апреля 1847 г.	X, 212
Гейне, Бетти и Эмбден, Шарлотте. 30 марта 1848 г.	X, 217
Гейне, Бетти и Эмбден, Шарлотте. 27 мая 1848 г.	X, 222
Гейне, Бетти и Эмбден, Шарлотте. 15 июня 1850 г.	X, 253
Гейне, Бетти и Эмбден, Шарлотте. 12 марта 1851 г.	X, 276
Гейне, Бетти и Эмбден, Шарлотте. 5 декабря 1851 г.	X, 304
Гейне, Генри. 16 мая 1842 г.	X, 127
Гейне, Густаву. 21 января 1851 г.	X, 264
Гейне, Максимилиану. 5 (?) августа 1837 г.	X, 23
Гейне, Максимилиану. 29 августа 1837 г.	X, 25
Гейне, Максимилиану. 12 апреля 1843 г.	X, 139
Гейне, Максимилиану. 3 декабря 1848 г.	X, 235
Гейне, Максимилиану. 25 августа 1852 г.	X, 335
Гейне, Матильде. 28 октября 1843 г.	X, 144
Гейне, Матильде. 10 ноября 1843 г.	X, 146
Гейне, Матильде. 12 августа 1844 г.	X, 164
Гейне, Матильде. [16 августа 1844 г.]	X, 165
Гейне, Матильде. 27 августа 1844 г.	X, 166
Гейне, Соломону. 15 сентября 1828 г.	IX, 474

Гейне, Соломону. 1 сентября 1837 г.	X, 28
Гейне, Цецилии. [Январь (?) 1840 г.]	X, 88
Гейне, Шарлотте. 22 марта 1820 г.	IX, 264
(См. также Эмбден, Шарлотте)	
Гервегу, Г. [1 апреля 1846 г.]	X, 199
Герлосзону, К.-Б. 16 ноября 1830 г.	IX, 509
Гете, И.-В. 29 декабря 1821 г.	IX, 280
Гете, И.-В. [Май (?) 1823 г.]	IX, 309
Гете, И.-В. 1 октября 1824 г.	IX, 369
Гете, И.-В. [Май (?) 1826 г.]	IX, 410
Гитцигу, Э. [Март (?) 1825 г.]	IX, 377
Грильнарцелу, Ф. 13 ноября 1833 г.	IX, 545
Губицу, Ф.-В. 9 марта 1824 г.	IX, 354
Губицу, Ф.-В. 30 ноября 1824 г.	IX, 371
Губицу, Ф.-В. 23 ноября 1825 г.	IX, 393
Гумбольдту, А. 11 января 1846 г.	X, 192
Гуцкову, К. 23 августа 1838 г.	X, 63
Гюго, В. [Июнь (?) 1834 г.]	IX, 550
Гюго, В. 2 апреля 1835 г.	IX, 556
Детмольду, И.-Г. 28 июля 1827 г.	IX, 446
Детмольду, И.-Г. 15 февраля 1828 г.	IX, 466
Детмольду, И.-Г. 22 марта 1835 г.	IX, 554
Детмольду, И.-Г. 29 июля 1837 г.	X, 20
Детмольду, И.-Г. 17 сентября 1837 г.	X, 31
Детмольду, И.-Г. 3 октября 1837 г.	X, 34
Детмольду, И.-Г. 3 ноября 1843 г.	X, 145
Детмольду, И.-Г. 14 сентября 1844 г.	X, 167
Детмольду, И.-Г. 20 сентября 1844 г.	X, 168
Детмольду, И.-Г. 9 января 1845 г.	X, 180
Детмольду, И.-Г. 23 января 1845 г.	X, 182
Детмольду, И.-Г. 3 октября 1854 г.	X, 379
Дюбоше, Ж.-Ж. 29 августа 1848 г.	X, 232
Дюма, А. 28 марта 1854 г.	X, 359
Дюма, А. 8 февраля 1855 г.	X, 394
Жобер, Каролине. 22 апреля 1835 г.	IX, 563
Жобер, Каролине. 16 декабря 1844 г.	X, 174
Жобер, Каролине. [Май 1848 г.?].	X, 223
Жобер, Каролине. 16 июня 1848 г.	X, 226
Жобер, Каролине. 19 сентября 1848 г.	X, 234
Жюлиа, А. [Декабрь 1852 г. ?]	X, 345
Заявление в Союзный сейм. 28 января 1836 г.	IX, 581
Зельден, Камилле. 20 июня 1855 г.	X, 401

Зельден, Камилле. [Июнь (?) 1855 г.]	X, 402
Зельден, Камилле. 14 августа [1855 г.]	X, 403
Зельден, Камилле. 15 августа [1855 г.]	X, 404
Зельден, Камилле. [Август (?) 1855 г.]	X, 406
Зельден, Камилле. [Сентябрь (?) 1855 г.]	X, 406
Зельден, Камилле. 30 сентября 1855 г.	X, 407
Зельден, Камилле. [Поябрь 1855 г.]	X, 408
Зельден, Камилле. [1 января 1856 г.]	X, 410
Зельден, Камилле. 11 января [1856 г.]	X, 411
Зельден, Камилле. [14 февраля 1856 г.]	X, 412
Зете, X. 6 июля [1816 г.]	IX, 257
Зете, X. 27 октября 1816 г.	IX, 259
Зете, X. 14 апреля 1822 г.	IX, 282
Зете, X. 21 января 1823 г.	IX, 295
Зимроку, K. 30 декабря 1825 г.	IX, 402
Зимроку, K. 26 мая 1826 г.	IX, 411
Иммерману, K. 24 декабря 1822 г.	IX, 289
Иммерману, K. 14 января 1823 г.	IX, 293
Иммерману, K. 21 января 1823 г.	IX, 296
Иммерману, K. 10 апреля 1823 г.	IX, 304
Иммерману, K. 10 июня 1823 г.	IX, 315
Иммерману, K. 14 октября 1826 г.	IX, 423
Иммерману, K. [17 ноября 1829 г.]	IX, 482
Иммерману, K. [26 декабря 1829 г.]	IX, 485
Иммерману, K. 3 февраля 1830 г.	IX, 491
Иммерману, K. 19 декабря 1832 г.	IX, 530
Кампе, Ю. 28 декабря 1832 г.	IX, 533
Кампе, Ю. 7 апреля 1835 г.	IX, 560
Кампе, Ю. [2 июля 1835 г.]	IX, 567
Кампе, Ю. 4 декабря 1835 г.	IX, 576
Кампе, Ю. 12 января 1836 г.	IX, 578
Кампе, Ю. 4 февраля 1836 г.	IX, 582
Кампе, Ю. 22 марта 1836 г.	IX, 583
Кампе, Ю. 20 декабря 1836 г.	IX, 596
Кампе, Ю. 23 января 1837 г.	X, 7
Кампе, Ю. 4 февраля 1837 г.	X, 12
Кампе, Ю. 17 марта 1837 г.	X, 13
Кампе, Ю. 13 апреля 1837 г.	X, 15
Кампе, Ю. 3 мая 1837 г.	X, 17
Кампе, Ю. Сентябрь 1837 г.	X, 30
Кампе, Ю. 19 декабря 1837 г.	X, 37
Кампе, Ю. 30 марта 1838 г.	X, 57

Кампе, Ю. 18 августа 1838 г.	X, 64
Кампе, Ю. 20 февраля 1839 г.	X, 72
Кампе, Ю. 3 апреля 1839 г.	X, 74
Кампе, Ю. 12 апреля 1839 г.	X, 85
Кампе, Ю. 18 февраля 1840 г.	X, 90
Кампе, Ю. 18 апреля 1840 г.	X, 93
Кампе, Ю. 10 июня 1840 г.	X, 96
Кампе, Ю. 21 июля 1840 г.	X, 97
Кампе, Ю. 24 июля 1840 г.	X, 98
Кампе, Ю. 14 сентября 1840 г.	X, 103
Кампе, Ю. 25 сентября 1840 г.	X, 105
Кампе, Ю. 11 марта 1841 г.	X, 110
Кампе, Ю. 7 июля 1841 г.	X, 113
Кампе, Ю. 5 сентября 1841 г.	X, 121
Кампе, Ю. 9 сентября [1841 г.]	X, 122
Кампе, Ю. 28 февраля 1842 г.	X, 124
Кампе, Ю. 29 декабря 1843 г.	X, 147
Кампе, Ю. 20 февраля 1844 г.	X, 152
Кампе, Ю. 17 апреля 1844 г.	X, 154
Кампе, Ю. 3 мая 1844 г.	X, 158
Кампе, Ю. 5 июня 1844 г.	X, 160
Кампе, Ю. 11 июля 1844 г.	X, 164
Кампе, Ю. 18 октября 1844 г.	X, 172
Кампе, Ю. 19 декабря 1844 г.	X, 174
Кампе, Ю. 31 октября 1845 г.	X, 187
Кампе, Ю. 1 сентября 1846 г.	X, 200
Кампе, Ю. 12 ноября 1846 г.	X, 206
Кампе, Ю. 26 декабря 1846 г.	X, 210
Кампе, Ю. 20 июня 1847 г.	X, 214
Кампе, Ю. 26 апреля 1848 г.	X, 219
Кампе, Ю. 7 июня 1848 г.	X, 223
Кампе, Ю. 9 июля 1848 г.	X, 230
Кампе, Ю. 16 ноября 1849 г.	X, 244
Кампе, Ю. 1 июня 1850 г.	X, 251
Кампе, Ю. 28 сентября 1850 г.	X, 255
Кампе, Ю. 21 августа 1851 г.	X, 282
Кампе, Ю. 7 сентября 1851 г.	X, 283
Кампе, Ю. 20 сентября 1851 г.	X, 286
Кампе, Ю. 23 сентября 1851 г.	X, 289
Кампе, Ю. 13 октября 1851 г.	X, 291
Кампе, Ю. 21 октября 1851 г.	X, 294
Кампе, Ю. 8 декабря 1851 г.	X, 305

Кампе, Ю. 18 марта 1852 г.	X, 315
Кампе, Ю. 31 марта 1852 г.	X, 322
Кампе, Ю. 6 апреля 1852 г.	X, 323
Кампе, Ю. 14 апреля 1852 г.	X, 325
Кампе, Ю. 7 июня 1852 г.	X, 328
Кампе, Ю. 24 августа 1852 г.	X, 331
Кампе, Ю. 12 сентября 1852 г.	X, 338
Кампе, Ю. 14 декабря 1852 г.	X, 344
Кампе, Ю. 5 октября 1853 г.	X, 347
Кампе, Ю. 27 октября 1853 г.	X, 351
Кампе, Ю. 7 марта 1854 г.	X, 353
Кампе, Ю. 23 марта 1854 г.	X, 357
Кампе, Ю. [14] апреля 1854 г.	X, 362
Кампе, Ю. 20 мая 1854 г.	X, 367
Кампе, Ю. 26 июня 1854 г.	X, 370
Кампе, Ю. 18 июля 1854 г.	X, 372
Кампе, Ю. 3 сентября 1854 г.	X, 375
Кампе, Ю. 16 сентября 1854 г.	X, 376
Кампе, Ю. 21 сентября 1854 г.	X, 378
Кампе, Ю. 3 октября 1854 г.	X, 382
Кампе, Ю. 5 октября 1854 г.	X, 385
Кампе, Ю. 12 октября 1854 г.	X, 387
Кампе, Ю. 24 октября 1854 г.	X, 390
Кампе, Ю. 26 августа 1855 г.	X, 404
Келлеру, Э.-Х.-А. 27 апреля 1822 г.	IX, 285
Келлеру, Э.-Х.-А. 1 сентября 1822 г.	IX, 286
Кертбени, К.-М. [Осень 1849 г.?]	X, 243
Кольбу, Г. 11 ноября 1828 г.	IX, 479
Кольбу, Г. 3 июля 1841 г.	X, 111
Кольбу, Г. [Октябрь 1843 г.]	X, 142
Кольбу, Г. 12 апреля 1844 г.	X, 153
Кольбу, Г. [Апрель 1844 г.]	X, 157
Кольбу, Г. 12 ноября 1844 г.	X, 173
Кольбу, Г. 27 декабря 1844 г.	X, 177
Кольбу, Г. [10 марта 1848 г.]	X, 217
Кольбу, Г. 15 мая 1848 г.	X, 221
Кольбу, Г. 17 апреля 1849 г.	X, 242
Кольбу, Г. 21 апреля 1851 г.	X, 278
Кольбу, Г. 14 ноября 1851 г.	X, 300
Кольбу, Г. 13 февраля 1852 г.	X, 310
Котте, И.-Г. 10 июня 1835 г.	IX, 565
Котте, И.-Г. 29 марта 1836 г.	IX, 585

Котте, И.-Г. 8 поября 1837 г.	X, 36
Котте, И.-Г. 17 октября 1842 г.	X, 129
Котте, И.-Ф. 7 июня 1829 г.	IX, 480
Котте, И.-Ф. 20 января 1832 г.	IX, 522
Котте, И.-Ф. 1 марта 1832 г.	IX, 523
Котте, И.-Ф. 2 апреля 1832 г.	IX, 526
Котте, И.-Ф. 1 января 1833 г.	IX, 534
Кюне, Г.-Ф. 30 января 1839 г.	X, 71
Лагранжу, Э. Январь 1833 г.	IX, 536
Лагранжу, Э. 23 июня 1848 г.	X, 227
Лассалю, Ф. 10 феврала 1846 г.	X, 193
Лассалю, Ф. [Февраль] 1846 г.	X, 196
Лассалю, Х. 16 апреля 1850 г.	X, 248
Лаубе, Г. 8 апреля 1833 г.	IX, 538
Лаубе, Г. 10 июля 1833 г.	IX, 539
Лаубе, Г. 27 сентября 1835 г.	IX, 571
Лаубе, Г. 23 ноября 1835 г.	IX, 573
Лаубе, Г. 31 марта 1838 г.	X, 59
Лаубе, Г. 7 января 1839 г.	X, 68
Лаубе, Г. 8 сентября 1840 г.	X, 99
Лаубе, Г. [9 сентября 1840 г.]	X, 102
Лаубе, Г. 6 октября 1840 г.	X, 106
Лаубе, Г. 7 ноября 1842 г.	X, 131
Лаубе, Г. 20 ноября 1842 г.	X, 134
Лаубе, Г. 3 декабрия [1842 г.]	X, 135
Лаубе, Г. 24 января 1843 г.	X, 137
Лаубе, Г. 1 феврала 1845 г.	X, 184
Лаубе, Г. 19 октября 1846 г.	X, 205
Лаубе, Г. [5 апреля 1847 г. ?]	X, 212
Лаубе, Г. [Апрель 1847 г.]	X, 212
Лаубе, Г. 25 января 1850 г.	X, 245
Лаубе, Г. 12 октября 1850 г.	X, 258
Лаубе, Г. 30 ноября 1850 г.	X, 262
Левальду, А. 11 апреля 1835 г.	IX, 563
Левальду, А. 3 мая 1836 г.	IX, 591
Левальду, А. 5 ноября 1836 г.	IX, 596
Левальду, А. 25 января 1837 г.	X, 10
Левальду, А. 2 июня 1837 г.	X, 19
Левальду, А. 1 марта 1838 г.	X, 44
Левальду, А. 13 октября 1841 г.	X, 123
Леви, М. 6 декабрия 1855 г.	X, 409
Леви, М. 11 феврала [1856 г.]	X, 412

Леману, И. 26 июня 1823 г.	IX, 325
Леману, И. 5 октября 1854 г.	X, 383
Лемлю, Б. 27 февраля 1847 г.	X, 210
Листу, Ф. [25 апреля 1844 г. ?]	X, 157
Марксу, К. 21 сентября 1844 г.	X, 170
Мейерберу, Д. 6 апреля 1835 г.	IX, 557
Мейерберу, Д. 24 марта 1838 г.	X, 50
Мейерберу, Д. 24 декабря 1845 г.	X, 190
Мейснеру, А. 12 [апреля] 1848 г.	X, 218
Мейснеру, А. 1 марта 1852 г.	X, 313
Мейснеру, А. 13 октября 1852 г.	X, 342
Менцелю, В. 12 января 1828 г.	IX, 459
Менцелю, В. 9 декабря 1830 г.	IX, 514
Меркелю, Ф. 25 июля 1826 г.	IX, 414
Меркелю, Ф. 16 августа 1826 г.	IX, 417
Меркелю, Ф. 6 октября 1826 г.	IX, 419
Меркелю, Ф. 16 ноября 1826 г.	IX, 430
Меркелю, Ф. 1 января 1827 г.	IX, 433
Меркелю, Ф. 10 января 1827 г.	IX, 436
Меркелю, Ф. 23 апреля 1827 г.	IX, 436
Меркелю, Ф. 1 июня 1827 г.	IX, 441
Меркелю, Ф. 20 августа 1827 г.	IX, 448
Меркелю, Ф. 24 августа 1832 г.	IX, 529
Мишье, Ф. 17 января 1849 г.	X, 239
Мишле, Ж. 20 января 1834 г.	IX, 547
Мозеру, М. 18 июня 1823 г.	IX, 321
Мозеру, М. 23 августа 1823 г.	IX, 329
Мозеру, М. 5 [6 ?] ноября 1823 г.	IX, 335
Мозеру, М. 21 января 1824 г.	IX, 342
Мозеру, М. 4 апреля 1824 г.	IX, 355
Мозеру, М. 25 июня 1824 г.	IX, 363
Мозеру, М. 20 июля 1824 г.	IX, 367
Мозеру, М. 30 октября 1824 г.	IX, 370
Мозеру, М. 11 января 1825 г.	IX, 372
Мозеру, М. 1 апреля 1825 г.	IX, 377
Мозеру, М. 1 июля 1825 г.	IX, 386
Мозеру, М. 14 декабря 1825 г.	IX, 397
Мозеру, М. 24 февраля 1826 г.	IX, 404
Мозеру, М. 14 октября 1826 г.	IX, 421
Мозеру, М. 9 июня 1827 г.	IX, 444
Мозеру, М. 30 октября 1827 г.	IX, 454
Мозеру, М. 6 сентября 1828 г.	IX, 472

Мозеру, М. 15 июня 1829 г.	IX, 481
Монтгю, Э. 6 ноября 1855 г.	X, 407
Мюллеру, В. [май (?) 1823 г.]	IX, 310
Мюллеру, В. 7 июня 1826 г.	IX, 412
Мюльнеру, А. 30 декабря 1821 г.	IX, 280
Неизвестным издателем. [Начало ноября 1832 г.] . . .	IX, 530
Оппенгейму, М. 25 июля 1851 г.	X, 281
Пюклер-Мускау, Г. 8 апреля 1854 г.	X, 361
Пюклер-Мускау, Г. 17 октября 1854 г.	X, 388
Роберт, Фридерике. 15 мая 1825 г.	IX, 379
Роберт, Фридерике. 12 октября 1825 г.	IX, 390
Роберт, Фридерике. [Середина декабря 1829 г.]	IX, 484
Роберту, Л. 27 ноября 1823 г.	IX, 339
Роберту, Л. 4 марта 1825 г.	IX, 374
Санд, Жорж. [Июнь (?) 1834 г.]	IX, 550
Санд, Жорж. 8 января [1835 г.]	IX, 550
Санд, Жорж, 17 августа 1838 г.	X, 63
Санд, Жорж. [17 марта 1840 г.]	X, 93
Санд, Жорж. 28 декабря 1844 г.	X, 179
Тайандье, С.-Р. 3 ноября 1851 г.	X, 296
Тайандье, С.-Р. 21 ноября 1851 г.	X, 302
Тайандье, С.-Р. 8 сентября 1855 г.	X, 406
Тику, Л. [Май (?) 1823 г.]	IX, 310
Тиршу, Ф. 15 марта 1832 г.	IX, 525
Тютчеву, Ф. И. 1 октября 1828 г.	IX, 477
Уланду, Л. 4 мая 1823 г.	IX, 309
Фарнхаген фон Энзе, Рахели. 12 апреля 1823 г. . . .	IX, 309
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 17 июня 1823 г.	IX, 319
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 14 мая 1826 г.	IX, 406
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 29 июля 1826 г.	IX, 416
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 24 октября 1826 г. . . .	IX, 425
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 1 мая 1827 г.	IX, 438
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 19 октября 1827 г.	IX, 451
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 30 октября 1827 г. . . .	IX, 455
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 28 ноября 1827 г. . . .	IX, 456
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 12 февраля 1828 г. . . .	IX, 464
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 1 апреля 1828 г.	IX, 467
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 6 июня 1828 г.	IX, 469
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 3 января 1830 г.	IX, 488
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 4 [февраля] 1830 г. . . .	IX, 493
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. [27 февраля 1830 г.] . .	IX, 496
Фарнхагену фон Энзе, К.-А. 5 апреля 1830 г.	IX, 500

Фарихагену фон Энзе, К.-А. 16 июня 1830 г.	IX, 504
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 21 июня 1830 г.	IX, 507
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 19 ноября 1830 г.	IX, 510
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 4 января 1831 г.	IX, 515
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 1 апреля 1831 г.	IX, 518
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 27 июня 1831 г.	IX, 520
Фарихагену фон Энзе, К.-А. [Май (?) 1832 г.]	IX, 527
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 28 марта 1833 г.	IX, 537
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 16 июля 1833 г.	IX, 541
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 12 февраля 1838 г.	X, 40
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 13 февраля 1838 г.	X, 42
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 31 марта 1838 г.	X, 61
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 9 ноября 1843 г.	X, 145
Фарихагену фон Энзе, К.-А. 3 января 1846 г.	X, 190
Фихте, П.-Г. 6 октября 1851 г.	X, 291
Фридриху, Ф. 14 [сентября] 1846 г.	X, 202
Фуке, Ф. 10 июня 1823 г.	IX, 313
Христиани, Р. 26 января 1824 г.	IX, 345
Христиани, Р. 29 февраля 1824 г.	IX, 348
Христиани, Р. 7 марта 1824 г.	IX, 350
Христиани, Р. 24 мая 1824 г.	IX, 359
Христиани, Р. 26 мая 1825 г.	IX, 382
Христиани, Р. 10 октября [1825 г.]	IX, 389
Христиани, Р. [6 декабря] 1825 г.	IX, 395
Христиани, Р. Середина ноября 1826 г.	IX, 430
Христиани, Р. [19 сентября 1827 г.]	IX, 449
Хундсхагену, Х.-Б. 30 декабря 1821 г.	IX, 281
Цунцу, Л. 27 июня 1823 г.	IX, 328
Шаду, Х. 26 апреля 1853 г.	X, 346
Шалю, Ф. 15 января 1835 г.	IX, 551
Шалю, Ф. 21 июля 1855 г.	X, 402
Шевалье, М. [Февраль (?) 1832 г.]	IX, 523
Шевалье, М. 18 февраля 1855 г.	X, 398
Шенку, Э. [27 августа 1828 г. ?]	IX, 471
Шенку, Э. 1 октября 1828 г.	IX, 475
Шлоссу, М. 15 февраля 1851 г.	X, 275
Шлоссу, М. 4 мая 1854 г.	X, 366
Шлоссу, М. 10 июня 1854 г.	X, 369
Шлоссу, М. 19 февраля 1855 г.	X, 400
Шопену, Ф. [26 апреля 1841 г.]	X, 111
Шоттки, М. 4 мая 1823 г.	IX, 310
Штейнману, Ф. 4 февраля 1821 г.	IX, 273

Штейнману, Ф. и Руссо, Ж.-Б. 29 октября 1820 г.	IX, 267
Штраубе, Г. 5 февраля 1821 г.	IX, 276
Штраубе, Г. [Между февралем и апрелем 1821 г.]	IX, 277
Эленслегеру, А.-Г. [Май] 1824 г.	IX, 358
Эмбден, Шарлотте. [12 октября] 1823 г.	IX, 334
Эмбден, Шарлотте. [6 ноября] 1823 г.	IX, 338
Эмбден, Шарлотте. 8 мая 1824 г.	IX, 356
Эмбден, Шарлотте. 13 сентября 1841 г.	X, 122
Эмбден, Шарлотте. 21 сентября 1842 г.	X, 128
Эмбден, Шарлотте. 23 января 1844 г.	X, 151
Эмбден, Шарлотте. 29 декабря 1844 г.	X, 179
Эмбден, Шарлотте [Июнь 1848 г.]	X, 226
Эмбден, Шарлотте. [12] августа 1848 г.	X, 231
Эмбдену, М. 2 февраля 1823 г.	IX, 298
Письма из Берлина	V, 33
Письма о Германии	VII, 421
<i>Платениды</i>	III, 87
<i>«Племена уходят в могилу...»</i>	I, 96
<i>«По началу мне казался...»</i>	I, 26
<i>По эту и по ту сторону Рейна.</i>	II, 155
<i>Погибшие надежды.</i>	III, 100; 308 (варианты)
<i>Погодите!</i>	II, 122
<i>Под липами в Берлине</i>	I, 312
<i>Под окном</i>	I, 41
<i>Подземное царство</i>	II, 93—96
<i>Подкидыш</i>	II, 116
<i>Подслушанное</i>	III, 254
<i>Поездка по морю.</i>	I, 42
<i>«Позвольте, барышня, к вам на грудь.»</i>	I, 196
<i>«Поздно вечером брожу я...»</i>	II, 25
<i>Поистине</i>	I, 47
<i>«Покоя нет и нигде не найти!..»</i>	I, 23
<i>«Покуда я медлил, вадыхал и мечтал...»</i>	I, 66
<i>Поле битвы при Гастингсе</i> . . . . III, 17, 157 (заметки); 307 (варианты)	
<i>Политическому поэту</i>	II, 141
<i>«Положи мне руку на сердце, друг...»</i>	I, 24
<i>«Поля и леса зеленеют...»</i>	I, 315
<i>Помарэ</i>	III, 24; 307 (варианты)
<i>Поминки</i>	III, 101
<i>«Понимал я вас превратно..»</i>	I, 119
<i>Посейдон</i>	I, 153
<i>«Посещая часто вас.»</i>	II, 38

<i>После кораблекрушения</i>	I, 167
Послесловие к Романсеро	III, 159
<i>Похищение</i>	I, 33
<i>Похмелье</i>	III, 90
<i>«Поцелуями в потемках...»</i>	II, 18
<i>Поэт Фирдуси</i>	II, 43
<i>Поэтико-музыкальный союз молодых котов</i>	III, 203; 312 (варианты)
Предисловие к книге «Кальдорф о дворянстве в письмах к графу М. фон Мольтке»	V, 153
Предисловие к первой части «Салона»	V, 169
Предисловие к предисловию [к «Французским делам»]	V, 470
Предисловие к пятому изданию «Книги песен»	I, 327
Предисловие к третьему изданию «Вильяма Ратклифа»	I, 331
Предисловие к третьему изданию [«Книги песен»]	I, 3
Предисловие к французскому изданию [«Путевых картин»] 1834 года	IV, 437
Предисловие к французскому изданию стихотворений	I, 328
Предисловие ко второму изданию «Книги песен»	I, 323
<i>Предостережение («Остерегись холодных слов...»)</i>	III, 290
<i>Предостережение («Ты печатаешь такое!..»)</i>	II, 106
<i>«Прекрасен блеск закатного солнца...»</i>	II, 136
<i>«Прекрасна земля, как сапфир небеса...»</i>	I, 67
<i>«Прелестная девушка снилась мне...»</i>	II, 131
<i>«Прескверная погода...»</i>	I, 99
<i>«При первой же встрече по голосу, взглядам...»</i>	I, 121
<i>«Привел на этот праздник каждый...»</i>	II, 68
<i>Приветствие морю</i>	I, 164
<i>Признание</i>	I, 154
<i>Признания</i>	IX, 85
<i>«Призрак страсти, призрак света...»</i>	II, 29
<i>«Прильни щекой к моей щеке...»</i>	I, 58
<i>Принцесса Шабаш</i>	III, 109
<i>«Причудам дерзостно и смело...»</i>	II, 173
<i>Пролог («Жил рыцарь на свете, угрюм, молчалив...»)</i>	I, 55
<i>Пролог («Сюртуки, чулки из шелка...»)</i>	I, 138; IV, 7
<i>Пролог («Чуть не в каждой галерее...»)</i>	II, 7
<i>Просветление</i>	II, 121
<i>«Протянулось надо мною...»</i>	II, 23
<i>Прощай</i>	II, 169
<i>Психея</i>	II, 85
<i>«Пугливой лилии страшен...»</i>	I, 59
<i>«Пусть роза пахнет, — разве ощущает...»</i>	II, 15

«Пусть себе метель кружится...»	I, 108
Путевые картины	IV, 5—440
Путешествие от Мюнхена до Генуи	IV, 161
Путешествие по Гарцу	IV, 7
«Путь мой мгла ночная метит...»	I, 80
Пфальцграфиня Ютта	III, 38
«Пытай меня, избеи бычами...»	III, 301
«Равнодушие и вялость...»	I, 196
Разбойник и разбойница	III, 202
Разговор в Падерборнской степи	I, 45
«Разлуку я выносил с трудом...»	I, 307
«Разлучен я с милой был...»	I, 68
Разные [стихотворения]	II, 25—104
Рамсенит	III, 7; 154 (заметки)
Рамсгейт	I, 321
Раненый рыцарь	I, 41
Рано утром («Моя милая жена...»)	II, 173
Рано утром («На предместье Сен-Марсо...»)	II, 80
Ратклиф	I, 125
Рационалистическое толкование	II, 155
Ребенок	II, 115
«Рейнско-вестфальский альманах муз на 1821 год»	V, 29
Рожденные друг для друга	III, 192
«Рокочет Ганг, великий Ганг бурлит...»	II, 63
«Рокочет Ганг; сбежав со скал в долины...»	II, 62
«Рокочут трубы оркестра...»	I, 63
Романсеро	III, 5—165
Романское сказание	II, 150
Романсы [из «Книги песен»]	I, 28—47
Романсы [из «Новых стихотворений»]	II, 74—92
Романтика	V, 7
Романтическая школа	VI, 141
Русалки	II, 83
«Ручки чмокать, шаркать ловко...»	II, 176
Рыцарь Олаф	II, 80
«С каким любопытством чайки...»	II, 27
«С полным правом, ангел мой...»	II, 130
«Самоубийц хоронят...»	I, 80
«Сапфиры у тебя глаза...»	I, 109
«Сверкало зыбью золотой...»	I, 92

«Свет близорук, свет недалек...»	I, 61
Свидание	III, 102
«Свиристует буря, влится...»	I, 78
«Своим письмом напрасно...»	II, 20
«Себе я сам предстал в виденье сонном...»	I, 9
Северное море	IV, 69
Северное море. Цикл первый	I, 148—164
Северное море. Цикл второй	I, 164—178
«Сегодня к вам съедутся гости...»	I, 111
«Сегодня ты такой печальный...»	II, 70
Селимене	II, 174
Семейное счастье	III, 90; 308
	(варианты)
Серафина	II, 25—31
«Сердитый ветер надел штаны...»	I, 89
«Сердца людские рвутся...»	II, 159
«Сердце, сердце, сбрось оковы...»	I, 108
Силезские ткачи	II, 148
Символика вздора	II, 98
Симплициссимус I	III, 255
«Сияющим светлым утром...»	I, 73
«Скажи, кто открыл нам времени счет . . .»	II, 16
«Сквозит осенний месяц...»	I, 98
Смена	II, 87
«Смерть Тассо»	V, 10
Смирное предостережение	III, 98
«Снова сердце покорилось...»	II, 14
Сновидения	I, 6—22
«Сова изучала пандекты...»	II, 140
Современные стихотворения	II, 105—124
Солнечный закат	I, 149
«Солнце уже над горами, и звонок...»	I, 121
«Соловьи в лесах беспечно...»	II, 129
Соломон	III, 99
Сон и жизнь	I, 191
«Сон ли прежний я лелею...»	II, 17
Сонеты	I, 48—54
[Сосна]. — См. «На севере диком стоит одиноко...»	
Спесь	II, 100
«Спокойно море под лунной...»	II, 168
Старая роза	III, 93
Старинная песня	III, 92

«Стихотворения» Жана-Батиста Руссо. «Стихи любви и дружбы»

его же	V, 118
<i>Стихотворения 1853 и 1854</i>	III, 168—216
« <i>Стоят веками звезды...</i> »	I, 58
<i>Страдания юности</i>	I, 6—54
<i>Странствуй!</i>	II, 101
<i>Стрекова</i>	III, 187; 311 (варианты)
« <i>Строю вновь я струны цитры...</i> »	II, 41
« <i>Струэнзее</i> »	V, 124
<i>Сумерки</i>	I, 149
<i>Сумерки богов</i>	I, 123
« <i>Сутки должен ожидать я...</i> »	II, 48
« <i>Счастлив я, когда ты душу...</i> »	II, 127
« <i>Счастьем девственным томимы...</i> »	II, 8
« <i>Сырая ночь беззвездна...</i> »	I, 78
« <i>Сырая ночь и буря...</i> »	I, 86
<i>Тайна</i>	II, 108
« <i>Так бледностью не выдал я...</i> »	I, 108
« <i>Так долго стужа нас томилла...</i> »	I, 66
<i>Тамбурмажор</i>	II, 109
<i>Тангейзер</i>	II, 51—58
« <i>Твои жемчуга и алмазы...</i> »	I, 112
« <i>Твой образ кроткий, неземной...</i> »	I, 57
« <i>Те глаза, что мной забыты...</i> »	II, 135
« <i>Тебя люблю я, — неизбежна...</i> »	II, 15
« <i>Тебя я любил и люблю до сих пор...</i> »	I, 73
<i>Тело и душа</i>	III, 171
<i>Тенденция</i>	II, 114
« <i>Тенью мрачною, густою...</i> »	II, 50
<i>Теперь куда?</i>	III, 90
« <i>Тихая ночь, на улицах дрема...</i> »	I, 94
« <i>Тихо сердца глубины...</i> »	II, 9
« <i>Только платьем мимоходом...</i> »	II, 13
<i>Томас Рейнольдс</i>	VII, 168
<i>Томление</i>	I, 183
<i>Торжественная кантата</i>	II, 150
« <i>Тот, в ком сердце есть, кто в сердце...</i> »	III, 276
« <i>Тот мадонне шлет моления...</i> »	I, 108
<i>Трагедия</i>	II, 72—73
<i>Трагедии</i>	I, 201—300
« <i>Три пряжи сидят у распутья...</i> »	III, 186

«Три светлых царя из восточной страны...»	I, 101
«Трубят голубые гусары...»	I, 118
«Тщеславье молвит: «Ты любим!..»	II, 135
«Ты быстро шла, но предо мною...»	II, 32
«Ты губы, целуя, ранила мне...»	I, 196
«Ты девушкой была изящной, стройной...»	III, 183
«Ты действительно сердита?..»	I, 118
«Ты к сердцу моему прильни...»	II, 72
«Ты — как цветок весенний...»	I, 106
«Ты красива, ты богата...»	I, 197
«Ты помедли, корабельщик...»	I, 25
«Ты презрительно смеешься...»	II, 131
1649—1793 — ???	III, 269
У камина	II, 102
«У моря сажу на утесе крутом...»	II, 30
«Увы, меня не любишь ты!..»	I, 60
«Узы дружбы, пыл сердечный...»	I, 194
Умирающий	III, 96
Умные звезды	II, 103
Унылый	I, 28
«Упаси вас бог от зноя...»	II, 130
Урок	I, 191
«Утром шлю тебе фиалки...»	II, 20
«Утром я встаю, гадаю...»	I, 23
Ф еникс	I, 175
«Фиалки синих-синих глаз...»	I, 67
Филантроп	III, 193
«Филістеры бродят, — в воскресный...»	I, 69
Флорентинские ночи	VI, 347
Фортуна	II, 87
«Фрагментарность вселенной мне что-то не нравится...»	I, 110
Францу ф. Ц.	I, 190
Французские дела	V, 235
Французские художники	V, 178
Фрау Метта	II, 89
Фреско-сонет Христиану З.	I, 189
Фресковые сонеты Христиану З.	I, 50—54
Фридрика	II, 62—63
Фрицу фон Бейггему	I, 309
Фрицу Шт. в альбом	I, 190

<i>Хвалебные песни королю Людовику . . . . .</i>	II, 142
<i>«Холодной полночью глухой...» . . . . .</i>	I, 80
<i>Холодные сердца . . . . .</i>	II, 163
<i>«Хотел бы в единое слово...» . . . . .</i>	I, 111
<i>«Хотел я, чтоб вместе мы были...» . . . . .</i>	I, 109
<i>«Хотите, я вас познакомлю с нею...» . . . . .</i>	II, 64
<i>«Хоть один бы поцелуй...» . . . . .</i>	II, 49
<i>«Хочу возлюбленной мсей...» . . . . .</i>	I, 68
<i>Христовы невесты . . . . .</i>	III, 36
<i>«Худеет царь Висвамитра...» . . . . .</i>	I, 106
<i>Царь Давид . . . . .</i>	III, 35
<i>«Цветами цвел мой путь весенний...» . . . . .</i>	III, 182
<i>«Цветов подбавила весна...» . . . . .</i>	II, 67
<i>«Цветут желанья нежно...» . . . . .</i>	II, 23
<i>«Цветы к лучезарному солнцу...» . . . . .</i>	I, 307
<i>«Цветы, что Матильда в лесу нарвала...» . . . . .</i>	III, 280
<i>Церковный советник Прометей . . . . .</i>	II, 118
<i>Цитрония . . . . .</i>	III, 277
<i>Чайльд Гарольд . . . . .</i>	II, 75
<i>«Час за часом, дни и годы...» . . . . .</i>	III, 285
<i>Чаяние . . . . .</i>	I, 184
<i>«Человек от этого счастлив...» . . . . .</i>	II, 167
<i>«Через лес, при лунном свете...» . . . . .</i>	II, 20
<i>«Что ночь, я вижу тебя во сне...» . . . . .</i>	I, 77
<i>«Что ночью весенней носишься ты?...» . . . . .</i>	II, 14
<i>«Что нужно слезе одинокой?...» . . . . .</i>	I, 97
<i>«Что смерть? Прохладной ночи тень...» . . . . .</i>	I, 123
<i>«Что я люблю, я знаю...» . . . . .</i>	II, 26
<i>«Что я люблю тебя, мопсик...» . . . . .</i>	I, 316
<i>«Чудесным светлым майским днем...» . . . . .</i>	I, 56
<i>«Чуждый скорби, чая нег...» . . . . .</i>	I, 310
<i>«Чуть мы вместе — брань и спор» . . . . .</i>	II, 49
<i>Швабское зеркало . . . . .</i>	VII, 155
<i>Шельм фон Берген . . . . .</i>	III, 15
<i>Шлегелю. — См. А.-В. Шлегелю</i>	
<i>Штиль . . . . .</i>	I, 159
<i>«Шумящие волны несутся...» . . . . .</i>	II, 30
<i>Эдомиту . . . . .</i>	I, 317
<i>Эдуард . . . . .</i>	III, 247
<i>Экс-живой . . . . .</i>	III, 82

Эмма	II, 48—50
«Эмма, молви без раздумья...»	II, 49
Эпиграф («Как в поле колосья пшеницы...»)	I, 178
Эпиграф («Слава греет мертвеца?..»)	III, 216
Эпоха кос	III, 249
«Эта масса чудо-тела...»	II, 37
«Эти дамы, понимая...»	II, 46
«Этих пальцев — милый белых...»	I, 100
«Этот юноша любезный...»	I, 113
Юдоль плача	III, 246
«Юность кончена. Приходит...»	II, 47
Юным	III, 89; 308 (варианты)
«Я Атлас злополучный! Целый мир...»	I, 96
«Я белую чайку вижу. »	II, 26
«Я брел дорогой лесною...»	I, 24
«Я был рад умерить малость...»	I, 197
«Я в мире любви блаженной искал...»	I, 318
«Я в старом сказочном лесу!..» (Предисловие к третьему изданию [«Книги песен»])	I, 3
«Я в чашу милли белой...»	I, 58
«Я вас покинул в середине июля...»	I, 115
«Я видел сон: луной озарены...»	III, 301
«Я видел странный, страшный сон...»	I, 6
«Я вновь забылся прежним сном...»	I, 76
«Я вновь мучительно оторван...»	II, 22
«Я все простил: простить достало сил...»	I, 62
«Я выплатил выкуп, чего же ты ждешь?..»	I, 13
«Я жалил стихом и ночью и днем...»	III, 276
«Я знал их в радости и в горе...»	III, 183
«Я как-то грустно-беспокоен...»	I, 103
«Я много творю песнопений...»	II, 163
«Я нынче сентиментален...»	I, 76
«Я отодвинул ржавые засовы...»	I, 313
«Я плачу в лесу безнадежно...»	I, 86
«Я слышу песни звуки...»	I, 71
«Я снова дорогою старой иду...»	I, 94
«Я тихо еду лесом...»	I, 77
«Я чашу страсти осушил...»	III, 282
«Я черта позвал, он явился в мой дом...»	I, 101
«Я шутил любви речами...»	I, 110
«Яблоня стоит средь сада...»	II, 40

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Письма 1837—1856 годов. Перевод Ю. Афонькина, Л. Виндт,
Е. Закс и Н. Фарфель.¹

1. Юлиусу Кампе. 23 января 1837 г.	7
2. Августу Левальду. 25 января 1837 г.	10
3. Юлиусу Кампе. 4 февраля 1837 г.	12
4. Юлиусу Кампе. 17 марта 1837 г.	13
5. Юлиусу Кампе. 13 апреля 1837 г.	15
6. Юлиусу Кампе. 3 мая 1837 г.	17
7. Августу Левальду. 2 июня 1837 г.	19
8. Иоганну-Герману Детмольду. 29 июля 1837 г.	20
9. Максимилиану Гейне. 5 (?) августа 1837 г.	23
10. Максимилиану Гейне. 29 августа 1837 г.	25
11. Соломону Гейне. 1 сентября 1837 г.	28
12. Юлиусу Кампе. Сентябрь 1837 г.	30
13. Иоганну-Герману Детмольду. 17 сентября 1837 г.	31
14. Иоганну-Герману Детмольду. 3 октября 1837 г.	34
15. Иоганну-Георгу Котте. 8 ноября 1837 г.	36
16. Юлиусу Кампе. 19 декабря 1837 г.	37
17. Карлу-Августу Фарнхагену фон Энзе. 12 февраля 1838 г.	40
18. Карлу-Августу Фарнхагену фон Энзе. 13 февраля 1838 г.	42
19. Августу Левальду. 1 марта 1838 г.	44
20. Джакомо Мейерберу. 24 марта 1838 г.	50
21. Юлиусу Кампе. 30 марта 1838 г.	57
22. Генриху Лаубе. 31 марта 1838 г.	59

---

¹ Отбор писем произведен Б. Гейманом. Большинство писем дано в переводе Е. Закс. Письма 2, 8, 29, 32, 36, 38, 60, 61, 62, 63, 67, 69, 70, 72, 82, 94, 230 и 232 переведены Ю. Афонькиным; 35, 37, 89, 90, 103, 104, 112, 114, 151, 161, 170, 187, 189, 193, 199, 200, 225, 227 и 231 — Л. Виндт; 24, 33, 47, 95, 97, 99, 136 и 141 — Н. Фарфель.

23. Карлу-Августу Фарнхагену фон Энзе. 31 марта 1838 г.	61
24. Жорж Санд. 17 августа 1838 г.	63
25. Юлиусу Кампе. 18 августа 1838 г.	64
26. Карлу Гуцкову. 23 августа 1838 г.	66
27. Генриху Лаубе. 7 января 1839 г.	68
28. Густаву-Фердинанду Кюне. 30 января 1839 г.	71
29. Юлиусу Кампе. 20 февраля 1839 г.	72
30. Юлиусу Кампе. 3 апреля 1839 г.	74
31. Юлиусу Кампе. 12 апреля 1839 г.	85
32. Якобу Венедее. 2 сентября 1839 г.	88
33. Цецилии Гейне [Январь (?) 1840 г.]	88
34. Юлиусу Кампе. 18 февраля 1840 г.	90
35. Жорж Санд. [17 марта 1840 г.]	93
36. Юлиусу Кампе. 18 апреля 1840 г.	93
37. В редакцию газеты «Le Constitutionnel». 7 июня 1840 г.	95
38. Юлиусу Кампе. 10 июня 1840 г.	96
39. Юлиусу Кампе. 21 июля 1840 г.	97
40. Юлиусу Кампе. 24 июля 1840 г.	98
41. Генриху Лаубе. 8 сентября 1840 г.	99
42. Генриху Лаубе. [9 сентября 1840 г.]	102
43. Юлиусу Кампе. 14 сентября 1840 г.	103
44. Юлиусу Кампе. 25 сентября 1840 г.	105
45. Генриху Лаубе. 6 октября 1840 г.	106
46. Юлиусу Кампе. 11 марта 1841 г.	110
47. Фредерику Шопену. [26 апреля 1841 г.]	111
48. Густаву Кольбу. 3 июля 1841 г.	111
49. Юлиусу Кампе. 7 июля 1841 г.	113
50. В редакции немецких газет. 7 июля 1841 г.	114
51. Якобу Венедее. 19 августа 1841 г.	116
52. Александру Вейлю. 19 августа 1841 г.	118
53. Александру Вейлю [19 августа 1841 г.]	119
54. Александру Вейлю. 26 августа 1841 г.	120
55. Юлиусу Кампе. 5 сентября 1841 г.	121
56. Юлиусу Кампе. 9 сентября [1841 г.]	122
57. Шарлотте Эмбден. 13 сентября 1841 г.	122
58. Августу Левальду. 13 октября 1841 г.	123
59. Юлиусу Кампе. 28 февраля 1842 г.	124
60. Бетти Гейне и Шарлотте Эмбден. 13 мая 1842 г.	127
61. Генри Гейне. 16 мая 1842 г.	127
62. Шарлотте Эмбден. 21 сентября 1842 г.	128
63. Иоганну-Георгу Котте. 17 октября 1842 г.	129

64.	Генриху Лаубе. 7 ноября 1842 г.	131
65.	Генриху Лаубе. 20 ноября 1842 г.	134
66.	Генриху Лаубе. 3 декабря [1842 г.]	135
67.	Генриху Лаубе. 24 января 1843 г.	137
68.	Максимилиану Гейне. 12 апреля 1843 г.	139
69.	Хансу-Кристиану Андерсену. [4 мая 1843 г.]	141
70.	Бетти Гейне. 18 сентября 1843 г.	141
71.	Густаву Кольбу. [Октябрь 1843 г.]	142
72.	Бетти Гейне. 18 октября 1843 г.	143
73.	Матильде Гейне. 28 октября 1843 г.	144
74.	Иоганну-Герману Детмольду. 3 ноября 1843 г.	145
75.	Карлу-Августу Фарнхагену фон Энзе. 9 ноября 1843 г.	145
76.	Матильде Гейне. 10 ноября 1843 г.	146
77.	Юлиусу Кампе. 29 декабря 1843 г.	147
78.	Шарлотте Эмбден. 23 января 1844 г.	151
79.	Юлиусу Кампе. 20 февраля 1844 г.	152
80.	Густаву Кольбу. 12 апреля 1844 г.	153
81.	Юлиусу Кампе. 17 апреля 1844 г.	154
82.	Ференцу Листу. [25 апреля 1844 г. ?]	157
83.	Густаву Кольбу. [Апрель 1844 г.]	157
84.	Юлиусу Кампе. 3 мая 1844 г.	158
85.	Юлиусу Кампе. 5 июня 1844 г.	160
86.	Юлиусу Кампе. 11 июля 1844 г.	164
87.	Матильде Гейне. 12 августа 1844 г.	164
88.	Матильде Гейне. [16 августа 1844 г.]	165
89.	Матильде Гейне. 27 августа 1844 г.	166
90.	Иоганну-Герману Детмольду. 14 сентября 1844 г.	167
91.	Иоганну-Герману Детмольду. 20 сентября 1844 г.	168
92.	Карлу Марксу. 21 сентября 1844 г.	170
93.	Юлиусу Кампе. 18 октября 1844 г.	172
94.	Густаву Кольбу. 12 ноября 1844 г.	173
95.	Каролине Жюбер. 16 декабря 1844 г.	174
96.	Юлиусу Кампе. 19 декабря 1844 г.	174
97.	В редакцию газеты «Le National de 1834». 25 декабря 1844 г.	177
98.	Густаву Кольбу. 27 декабря 1844 г.	177
99.	Жорж Санд. 28 декабря 1844 г.	179
100.	Шарлотте Эмбден. 29 декабря 1844 г.	179
101.	Иоганну-Герману Детмольду. 9 января 1845 г.	180
102.	Иоганну-Герману Детмольду. 23 января 1845 г.	182
103.	Генриху Лаубе. 1 февраля 1845 г.	184
104.	Бетти Гейне. 24 июня 1845 г.	186

105.	Юлиусу Кампе. 31 октября 1845 г.	187
106.	Леопольду Вертхейму. 22 декабря 1845 г.	189
107.	Джакомо Мейерберу. 24 декабря 1845 г.	190
108.	Карлу-Августу Фарнхагену фон Энзе. 3 января 1846 г.	190
109.	Александрю Гумбольдту. 11 января 1846 г.	192
110.	Фердинанду Лассалю. 10 февраля 1846 г.	193
111.	Фердинанду Лассалю. [Февраль] 1846 г.	196
112.	Оноре Бальзаку. 27 февраля [1846 г.]	199
113.	Георгу Гервегу. [1 апреля 1846 г.]	199
114.	Александрю Вейлю. 28 июля 1846 г.	200
115.	Юлиусу Кампе. 1 сентября 1846 г.	200
116.	Фердинанду Фридлянду 14 [сентября] 1846 г.	202
117.	Генриху Лаубе. 19 октября 1846 г.	205
118.	Юлиусу Кампе. 12 ноября 1846 г.	206
119.	Юлиусу Кампе. 26 декабря 1846 г.	210
120.	Бенджамену Лемлею. 27 февраля 1847 г.	210
121.	Генриху Лаубе. [5 апреля 1847 г. ?]	212
122.	Генриху Лаубе. [Апрель 1847 г.]	212
123.	Бетти Гейне и Шарлотте Эмбден. 19 апреля 1847 г. . .	212
124.	Юлиусу Кампе. 20 июня 1847 г.	214
125.	Густаву Кольбу. [10 марта 1848 г.]	217
126.	Бетти Гейне и Шарлотте Эмбден. 30 марта 1848 г. . .	217
127.	Альфреду Мейснеру. 12 [апреля] 1848 г.	218
128.	Юлиусу Кампе. 26 апреля 1848 г.	219
129.	Густаву Кольбу. 15 мая 1848 г.	221
130.	Бетти Гейне и Шарлотте Эмбден. 27 мая 1848 г. . . .	222
131.	Каролине Жобер. [Май 1848 г. (?)]	223
132.	Юлиусу Кампе. 7 июня 1848 г.	223
133.	Шарлотте Эмбден. [Июнь 1848 г.]	226
134.	Каролине Жобер. 16 июня 1848 г.	226
135.	Бетти Гейне. 17 июня 1848 г.	227
136.	Эдуарду де Лагранжу. 23 июня 1848 г.	227
137.	Бетти Гейне. 26 июня 1848 г.	229
138.	Юлиусу Кампе. 9 июля 1848 г.	230
139.	Шарлотте Эмбден. [12] августа 1848 г.	231
140.	Жаку-Жюльену Дюбоше. 29 августа 1848 г.	232
141.	Каролине Жобер. 19 сентября 1848 г.	234
142.	Максимилиану Гейне. 3 декабря 1848 г.	235
143.	Франсуа Минье. 17 января 1849 г.	239
144.	В редакцию аугсбургской «Всеобщей газеты». 15 ап- реля 1849 г.	240
145.	Густаву Кольбу. 17 апреля 1849 г.	242

146.	Карлу-Марии Кертбени. [Осень 1849 г. ?]	243
147.	Юлиусу Кампе. 16 ноября 1849 г.	244
148.	Генриху Лаубе. 25 января 1850 г.	245
149.	Хайману Лассалю. 16 апреля 1850 г.	248
150.	Юлиусу Кампе. 1 июня 1850 г.	251
151.	Бетти Гейне и Шарлотте Эмбден. 15 июня 1850 г.	253
152.	Юлиусу Кампе. 28 сентября 1850 г.	255
153.	Генриху Лаубе. 12 октября 1850 г.	258
154.	Генриху Лаубе. 30 ноября 1850 г.	262
155.	Густаву Гейне. 21 января 1851 г.	264
156.	Михаэлю Шлоссу. 15 февраля 1851 г.	275
157.	Бетти Гейне и Шарлотте Эмбден. 12 марта 1851 г.	276
158.	Густаву Кольбу. 21 апреля 1851 г.	278
159.	Морицу Оппенгейму. 25 июля 1851 г.	281
160.	Юлиусу Кампе. 21 августа 1851 г.	282
161.	Юлиусу Кампе. 7 сентября 1851 г.	283
162.	Юлиусу Кампе. 20 сентября 1851 г.	286
163.	Юлиусу Кампе. 23 сентября 1851 г.	289
164.	Иммануилу-Герману Фихте. 6 октября 1851 г.	291
165.	Юлиусу Кампе. 13 октября 1851 г.	291
166.	Юлиусу Кампе. 21 октября 1851 г.	294
167.	Сен-Рене Тайандье. 3 ноября 1851 г.	296
168.	Георгу Веерту. 5 ноября 1851 г.	297
169.	Густаву Кольбу. 14 ноября 1851 г.	300
170.	Сен-Рене Тайандье. 21 ноября 1851 г.	302
171.	Бетти Гейне и Шарлотте Эмбден. 5 декабря 1851 г.	304
172.	Юлиусу Кампе. 8 декабря 1851 г.	305
173.	Христиану-Генриху Верману. 13 февраля 1852 г.	309
174.	Густаву Кольбу. 13 февраля 1852 г.	310
175.	Альфреду Мейснеру. 1 марта 1852 г.	313
176.	Юлиусу Кампе. 18 марта 1852 г.	315
177.	Юлиусу Кампе. 31 марта 1852 г.	322
178.	Юлиусу Кампе. 6 апреля 1852 г.	323
179.	Юлиусу Кампе. 14 апреля 1852 г.	325
180.	Юлиусу Кампе. 7 июня 1852 г.	328
181.	Юлиусу Кампе. 24 августа 1852 г.	331
182.	Максимилиану Гейне. 25 августа 1852 г.	335
183.	Юлиусу Кампе. 12 сентября 1852 г.	338
184.	Альфреду Мейснеру. 13 октября 1852 г.	342
185.	Юлиусу Кампе. 14 декабря 1852 г.	344
186.	Аври Жюлиа. [Декабрь 1852 г. ?]	345
187.	Христиану Шаду. 26 апреля 1853 г.	346

188.	Юлиусу Кампе. 5 октября 1853 г.	347
189.	Юлиусу Кампе. 27 октября 1853 г.	351
190.	Юлиусу Кампе. 7 марта 1854 г.	353
191.	Юлиусу Кампе. 23 марта 1854 г.	357
192.	Александрю Дюма. 28 марта 1854 г.	359
193.	Герману Пюклер-Мускау. 8 апреля 1854 г.	361
194.	Юлиусу Кампе. [14] апреля 1854 г.	362
195.	Михаэлю Шлоссу. 4 мая 1854 г.	366
196.	Юлиусу Кампе. 20 мая 1854 г.	367
197.	Михаэлю Шлоссу. 10 июня 1854 г.	369
198.	Юлиусу Кампе. 26 июня 1854 г.	370
199.	Юлиусу Кампе. 18 июля 1854 г.	372
200.	Бетти Гейне. 31 августа 1854 г.	374
201.	Юлиусу Кампе. 3 сентября 1854 г.	375
202.	Юлиусу Кампе. 16 сентября 1854 г.	376
203.	Юлиусу Кампе. 21 сентября 1854 г.	378
204.	Иоганну-Герману Детмольду. 3 октября 1854 г.	379
205.	Юлиусу Кампе. 3 октября 1854 г.	382
206.	Иозефу Леману. 5 октября 1854 г.	383
207.	Юлиусу Кампе. 5 октября 1854 г.	385
208.	Юлиусу Кампе. 12 октября 1854 г.	387
209.	Герману Пюклер-Мускау. 17 октября 1854 г.	388
210.	Юлиусу Кампе. 24 октября 1854 г.	390
211.	Александрю Дюма. 8 февраля 1855 г.	394
212.	Мишелю Шевалье. 18 февраля 1855 г.	398
213.	Михаэлю Шлоссу. 19 февраля 1855 г.	400
214.	Камилле Зельден. 20 июня 1855 г.	401
215.	Камилле Зельден. [Июнь (?) 1855 г.]	402
216.	Франсуа Бюлозу. 7 июля 1855 г.	402
217.	Филарету Шалю. 21 июля 1855 г.	402
218.	Камилле Зельден. 14 августа [1855 г.]	403
219.	Камилле Зельден. 15 августа [1855 г.]	404
220.	Юлиусу Кампе. 26 августа 1855 г.	404
221.	Камилле Зельден. [Август (?) 1855 г.]	406
222.	Камилле Зельден. [Сентябрь (?) 1855 г.]	406
223.	Сен-Рене Тайандье. 8 сентября 1855 г.	406
224.	Камилле Зельден. 30 сентября 1855 г.	407
225.	Эмилю Монтегю. 6 ноября 1855 г.	407
226.	Камилле Зельден. [Ноябрь 1855 г.]	408
227.	Мишелю Леви. 6 декабря 1855 г.	409
228.	Камилле Зельден. [1 января 1856 г.]	410
229.	Камилле Зельден. 11 января [1856 г.]	411

230. Бетти Гейне. <i>24 января 1856 г.</i>	411
231. Мишелю Леви. <i>11 февраля [1856 г.]</i>	412
232. Камилле Зельден. [<i>14 февраля 1856 г.</i>]	412
Приложения	
Письма Карла Маркса к Генриху Гейне	415
Из высказываний и воспоминаний современников о Генрихе Гейне. <i>Перевод И. Исакович</i> ¹	417
Комментарии <i>А. Левинтона</i>	523
Краткая летопись жизни и творчества Генриха Гейне. <i>Составлена Л. Гениным</i>	613
Указатели	
Алфавитный указатель имен к собранию сочинений Генриха Гейне	659
Алфавитный указатель произведений и писем Генриха Гейне, включенных в настоящее собрание сочинений	703

---

¹ Отбор текстов произведен *В. Гейманом*.

Г е н р и х Г е й н е
Собрание сочинений, т. 10

Редактор Г. Бергельсон
Художник Л. Хижинский
Художественный редактор
Л. Чалова

Технический редактор
Л. Крючкина
Корректоры
Э. Урицкая и И. Кузнецова

Подписано к печати 22/IX 1959 г.
Бумага 84 × 108^{1/2}—23,125 печ. л.—
= 37,92 усл. печ. л. 38,95 уч.-
изд. л. Тираж 80 000 экз.
Заказ № 1396. Цена 10 р. 50 к.

Гослитиздат
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление полигра-
фической промышленности. Ти-
пография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького. Ленин-
град, Гатчинская, 26,